

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2015. № 36 (2)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Журнал зарегистрирован в федеральной
службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного
наследия. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ №ФС77-47157 от
03.11.2011

Редакционный совет:

Е. П. Бажанов (г. Москва, Россия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

А. Ю. Рожков (г. Краснодар, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.06.2015 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд.л. 8. Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 40.

Редактор, корректор
Н.Ш. Сайфутдинова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
М.Б. Барклай-де-Толли, Император Николай II, полководец М.И. Кутузов
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и картина «Бородинское сражение»

BYLYE GODY (FORETIME). 2015. VOL. 36. IS. 2
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration ПИ №ФС77-47157 03 November
2011.

Founder
SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the magazine site:
www.en.bg.sutr.ru
Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

E. P. BAZHANOV (MOSCOW, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

A. U. ROZHKOVA (KRASNODAR, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

Approved for printing 1.06.2015

Format 21 × 29, 7/4.
Ych. Izd. l. 8. Ysl. pech. l. 6, 3.
Circulation 500 copies. Order № 40.

Editor, Proofreader
N. SH. SIFUTDINOVA
Editor-translator A. V. ROZHKOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Commander M. Barclay de Tolly, Emperor Nicholas II, Commander M.I. Kutuzov.
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and card "The Battle of Borodino"

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

The Legal Regulation of Artisan and Trade Corporations in the Cities of Medieval Europe Valentine G. Medvedev, Anna N. Fedorova, Pavel A. Rumjantsev	219
Medieval Burials in Coffins at the area of Tomsk Ob Region: A Local Phenomenon or a “Mongol Trace”? Evgeny V. Vodyasov, Olga V. Zaitceva	229
Metallic Masks from the River Tym Natalya V. Toroshchina, Anna I. Bobrova	238
Russia’s Territorial Size as a Concept for International Politics: Nikita Panin’s Northern System (1760–1770) Konstantin D. Bugrov	245
Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov Sergey I. Degtyarev	254
Transformation of Manor of the Nobility in Russian Culture-Historical space of 18 th –19 th Centuries (Materials of Chernozem Region) Tatjyana V. Kovaleva, Tatjyana O. Tsurik	260
The Realization of the State Policy on Expanding the Drugstore Network in the Russian Empire between the 18 th and the First Half of the 19 th Centuries Natalia N. Koroteeva, Alexey A. Soynikov	268
Ethno-Demographic Processes in the North-East Black Sea Area in the 19 th – Early 21 th Centuries (through the Example of Greater Sochi) Aleksandr A. Cherkasov, Vyacheslav I. Menkovsky, Michal Smigel, Violetta S. Molchanova	276
Liberal-Conservative Synthesis: the Experience of Creating the Concept of Evolutionary Modernization of Russia in the Second half of the 19 th Century Maxim N. Krot	282
The Contribution of Russian and Mountaineer Enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus Hope O. Bleich	289
Norm of Exploitation of Miners in Siberia in the Late 19 th – Early 20 th Centuries Vasiliy P. Zinov’ev, Igor S. Solovenko	296
New-York “Water Buses” – The <i>Intrépida</i> and <i>Mensajera</i> Gunboats Nicholas W. Mitiukov	303
Russia’s Regional Governance at the Change of Epochs: Administrative Reform Drafts in the Late 19 th -Early 20 th Centuries Sergey V. Lyubichankovskiy, Igor A. Tropov	309
The Making and Development of Economic Forms of the Industry of Turkestan Krai in the late 19 th – Early 20 th Centuries Tulebaev Turganzhan, Gulzhaukhar K. Kokebayeva	319
The Additional Professional Training in the Late Russian Empire Timur A. Magsumov	327

The Russian Government's Policy on Control over the Religious Life of Moslem Communities within Western Siberia between the Second Half of the 19 th and Early 20 th Centuries Petr K. Dashkovskiy, Elena A. Shershneva	338
Revisiting the Issue of Far-Left Political Parties in 1907–1909 (through the Example of Black Sea Governorate) Konstantin V. Taran	347
Genocide of the Rusins in Austro-Hungary during WWI. A Short Review of the Question Sergey G. Sulyak	359
Black Sea Governorate during World War I: A Historiographical Survey Lyubov G. Polyakova	366
The <i>Muqaddimah</i> of Ibn Khaldun and the Specificity of the Social Structure of a Nomad Society (through the Example of Traditional Kazakh Society) Altaiy I. Orazbayeva, Zakish T. Sadvokassova	373
Origins and Phenomenon of the Civil War in Russia: Glance Through a Hundred years Vladislav I. Goldin	382
The Everyday Activity of Rural Schools in the Early 1920s (through the Example of Schools in the Village of Aibga) Anvar M. Mamadaliev	388
A. Gorelik: Argentinean touches of Russian Revolution Portrait Lazar S. Jeifets, Anton S. Andreev	394
Policy in the Area of Wages and Its Implementation in the Far East in the 1930s as a Mechanism for the Formation of Social Hierarchy Olga I. Shestak	403
Insurgency in Xinjiang in the first half of the 1930s Dmitry V. Buyarov	413
June 22, 1941: Evaluation of Public Opinion US and UK Sergey O. Buranok, Dmitry V. Surzhik	420
On the Participation of Don Cossacks in World War II in 1941 Vladimir P. Trut, Anatoly I. Narezhny	428
«In Order to Strengthen the Protection of Rostov Mobilized Population»: the Construction of Fortifications Autumn 1941 – Summer 1942 Tatiana P. Khlynina	434
The Orthodox Believer in the USSR. The 1940–1980th (on Materials of the Penza Region) Larisa A. Koroleva, Alexey A. Korolev, Victor V. Zinchenko, Elena K. Mineeva	442
Circassian Question: Transformation of Content and Perception Veronika V. Tsibenko, Sergey N. Tsibenko	450

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

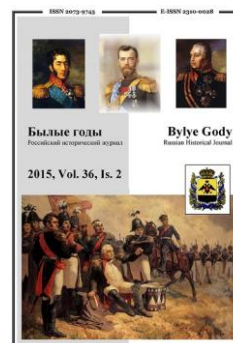
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 219-228, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 34 (340)

The Legal Regulation of Artisan and Trade Corporations in the Cities of Medieval Europe

¹Valentine G. Medvedev

²Anna N. Fedorova

³Pavel A. Rumjantsev

¹Togliatti State University, Russian Federation
14 Belarusian Avenue, Togliatti, Samara region, 445667
Dr. (Jurisprudence), PhD (History), Associate Professor
E-mail: medvedeff_vg@rambler.ru

²Tolyatti State University, Russian Federation
14 Belarusian Avenue, Togliatti, Samara region, 445667
The candidate of jurisprudence, the senior lecturer
E-mail: an_fedorova@mail.ru

³Tolyatti branch of the Russian State Social University, Russian Federation
Stepan Razin's avenue 78, Togliatti, Samara region, 445057
The teacher
E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

Abstract

This article features an analysis of the legal regulation of the formation and activity of artisan and trade corporations in the cities of medieval Europe. Based on the findings of an analysis of existing scientific theories, as well as a study of legal and regulatory acts, the author aims to explore the issue of the emergence of cities and workshop organizations in them and reveal their legal essence and content. The relevance of this paper is due to the fact that up until now a sufficiently definitive opinion is yet to be propounded in historical and historical/legal science as to the origin and development of such specific urban institutions as workshops and workshop corporations, with their special legal regulation. The author comes to the conclusion that the formation of cities and workshop organizations reflected the evolution of the economic and social development of medieval society, which was associated with social division of labor. The paper's major focus is not on the statutory regulation of the work of masters and not on the regulation of workshop craft methods, which can be explained quite logically by the economic need for adapting medieval artisan production to the limited needs and capacity of the local market, and which is the subject of study for the majority of present-day scholars, but issues related to the very organization of the workshop, its position in the system of urban establishments, as well as the legal status of its members.

Keywords: law, urban law, workshop, city hall, craft, trade, workshop charter.

Введение

Актуальность проблемы исследования заключается в том, что вопрос возникновения и развития средневековых городов и правового регулирования ремесла и торговли в них, несмотря на достаточно большое количество работ, написанных на эту тему, по-прежнему представляет значительный интерес. Это объясняется тем, что до настоящего времени по-прежнему не выработано сколько-нибудь единого подхода к разрешению данной проблемы, особенно в части определения сущности и содержания городского права. В связи с этим в исторической и историко-правовой науке существуют различные теории происхождения и развития европейских городов и таких специфических городских учреждений как цехи и цеховые корпорации с их особым правовым регулированием. Все эти теории строятся на основе социально-экономических подходов в определении сущности и содержания складывавшихся в городах общественных отношений. Целью данной работы является рассмотрение проблемы городских структур и учреждений не столько с экономической и социальной точек зрения, сколько с позиции права, выступающего универсальным социальным регулятором жизни любого общества.

Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи явились материалы цеховых уставов средневековых городов Европы, судебная практика тех лет, городские хроники и работы российских и зарубежных ученых по проблемам истории организации городских корпораций, а также становления и развития их ремесленно-торговой деятельности. Анализ перечисленных источников, а также применение диалектического, исторического, системного и формально юридического методов исследования позволили автору дополнить накопленные знания о средневековых европейских городах в части политико-правовой сущности и содержания цеховой организации, законодательном регулировании ее функций и структуры, о правовом статусе и правомочиях ее членов, а также о характере правоотношений городских цехов с муниципальными и сеньориальными властями.

Обсуждение

Отсутствие достаточного количества необходимых исторических документов дало европейским и отечественным исследователям широкий простор для гипотетических предположений о возникновении ремесленных и торговых корпораций средневековых городов и о нормативном регулировании личных и производственных отношений как внутри таких ассоциаций, так и их отношений с городскими властями. В «романистической» теории (Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф.К. Савиньи), например, построенной на анализе письменных и археологических источников романизированных территорий Европы, говорится о том, что средневековые города являются прямым продолжением поздних античных городов [1]. Из этого следует, что купеческие и цеховые корпорации должны были брать свое начало от сохранившихся в мерovingскую эпоху римских коллегий, руководствовавшихся в своей деятельности положениями римского публичного и частного права. В частности в Парижской ганзе, утвержденной указом Людовика VII в 1121 г., указанные исследователи видели древнюю коллегияу *Nautes* (от лат. - матрос), занимавшуюся, как видно, морской торговлей [2].

Ученые, опиравшиеся в исследованиях на исторические материалы Центральной и Северной Европы, где весьма слабо ощущалось влияние римской государственности и правовой культуры, главное внимание в своих трудах уделяли юридическим и институциональным составляющим собственно феодального общества. Так появилась так называемая «вотчинная» теория происхождения средневековых городов и цеховых организаций, родоначальниками которой являлись К.Ф. Эйнгорн и К.В. Нич. В этой теории утверждается, что городские институты и городское право, в том числе и нормативное регулирование ремесла и торговли, выросли из формировавшихся институтов административного управления феодальной сеньории и складывавшихся в ней правовых установлений, основанных, как правило, на нормах обычного права [3]. Это утверждение они выводили из анализа лингвистической эволюции слова «*ministerium*» (от лат.- служачий), которое, по их мнению, в период раннего средневековья постепенно превратилось в «*métier*», которое и стало обозначать цеховую корпорацию.

Так, К.В. Нич, например, в своей книге «*Ministerialität und Bürgerthum im XI und XII Jahrhundert*» высказывал суждение о том, что в каролингскую эпоху города принадлежали сеньорам – королям, вельможам, церковным иерархам. В силу этого ремесленники являлись зависимыми от сеньора людьми и были либо их рабами, либо держателями и вынуждены были работать на своих господ. В целях оптимизации управления они, как правило, делились на группы по профессиональному принципу, которые назывались «*ministerium*». Это слово обозначало организационно-правовую связь господина и его слуги, заключающуюся в обязанности последнего служить своему сеньору и за это пользоваться его судебной защитой. С течением времени личная зависимость ремесленника от сеньора ослабевала, и в конечном итоге он тем или иным путем получал личную свободу и возможность работать на себя, однако сеньор, согласно феодальному праву, мог традиционно взимать с их прибыли определенную дань. Само же слово «*ministerium*» в народном наречии изменилось на «*métier*» и стало обозначать собственно ремесленную или торговую корпорацию.

С данным суждением можно вполне согласиться, поскольку аналогичный по своему правовому содержанию процесс в более позднее время можно было наблюдать и в сельской местности. С развитием товарно-денежных отношений крестьяне, как и городские ремесленники, также получали личную свободу и превращались в поземельно зависимых цензитариев, обязанных, платить дань своему господину из вырученной при продаже своей продукции прибыли.

Относительно проблемы возникновения городов и городского права в странах Европы существует множество и других теорий. Так, например, благодаря исследованиям Г. Ганзена, Г. Маурера (Германия), Олуфсена (Дания) в 1870-90-х гг. наибольшее распространение в науке этого столетия получила «марковая» или «общинная» теория. Развитая О. Гирке, А. Мейценом (Германия), Г. Мэнном, Э. Фрименом (Англия), Э. Глассоном, П. Виолле (Франция), Э. Левеле (Бельгия), она проникла и в русскую мидеевистику, прочно заняв в ней господствующее положение.

Основанная на анализе исторических документов германских земель, данная теория строилась на утверждении того, что городские институты и городское право своими истоками уходят в общественный строй свободной сельской общины-марки [4]. Основные выводы этой теории были впоследствии унифицированы М.М. Ковалевским, Г. Мэнном и другими исследователями и распространены на историю происхождения городского права и городских учреждений всех европейских стран [5].

Ряд западных ученых, как представляется, вполне обоснованно связывали проблему становления и развития правового регулирования городских ремесла и торговли с возникновением крепостей-бургов и «бургового права» – так называемая «бурговая» теория. Ее основоположниками являлись Ф. Кейтген и Ф. Мэтланд [6]. Исследователи римского, городского и канонического права, такие как Р. Зом, И.Ф. Шульте и др. видели истоки цехового строя и соответствующих ему правоотношений в «рыночном» праве, которое формировалось на основе обычая делового оборота в местах активной торговли. К этой теории близка «торговая» теория бельгийского историка А. Перенна, который считал, что города с их специфическим правом возникли в результате межрегиональной и даже межконтинентальной торговли, и их основателями и законодателями являлись купцы, основывавшие свои купеческие фактории на торговых путях [7].

Как нетрудно заметить, все перечисленные теории страдают односторонностью, поскольку рассматривают какой-либо отдельный фактор возникновения городских корпораций и городского права. В связи с этим для более полного и объективного понимания основ правового регулирования цеховых отношений некоторыми учеными предпринимались попытки объединить вместе несколько факторов с целью найти «золотую середину» в поиске истины. Так еще в конце XIX в. немецким исследователем Ритшелем была предпринята попытка соединить вместе «рыночную» и «бурговую» теории [8]. Однако, как представляется, и такой подход также является несколько односторонним и не дает всеобъемлющего представления о цеховом устройстве городов и правовом регулировании ремесла и торговли. Очевидно, целесообразно рассматривать все факторы в их взаимосвязи и взаимообусловленности. При этом в методологическом плане не следует замыкаться только на формально-логическом методе исследования, для получения наиболее полной картины становления и развития городского права необходимо анализировать также социально-экономическую, культурную и другие составляющие общественных отношений средневековых городов. Это позволяет более глубоко понять основные направления их развития и законодательного закрепления возникавших отношений в сфере ремесла и торговли.

Результаты

Разность подходов в исследовании вопросов правового регулирования торговой и ремесленной деятельности средневековых городов, как представляется, во многом вызвана недостаточностью исторических документов нормативного характера, а также письменных источников правоприменительной практики, которые в необходимой мере могли бы пролить свет на данную проблему. Вследствие этого в исторической и историко-правовой науке к началу XX столетия прочно утвердилось мнение лишь о том, что в средние века различные городские корпорации и ассоциации были широко распространенным социальным институтом. При этом следует учитывать, что сословно-профессиональный плюрализм средневекового городского общества в полной мере стал прослеживаться лишь в XIII столетии, что подтверждается содержанием проповедей нищенствующих монахов того времени, в частности Бертольда Регенбургского [9]. Ранее церковные авторы XI–XII вв. упоминали лишь о «молящихся», «сражающихся» и «пахарях», т.е. о священнослужителях, рыцарях и крестьянах. Очевидно, в условиях господствующего в то время натурального хозяйства и отсутствия развитых товарно-денежных отношений города с их ремесленными и торговыми корпорациями еще не получили должного развития.

Становление и развитие городских торговых и производственных структур в средние века, как, впрочем, и в другие периоды развития человеческой цивилизации, по мнению профессора А.А. Сванидзе, можно объяснить тем, что во все времена между человеком и обществом стояла некая, в той или иной мере малая или хотя бы ограниченная в масштабах группа. Именно через членство в такой группе каждая отдельная личность и интегрировалась в общество. Это могли быть семья, род, клан или какая-либо другая общность в виде объединения добровольно организовавших ее людей.

В средние века такие объединения были особенно распространены и представлены во множестве разнообразных форм, в том числе и в виде ремесленных и торговых корпораций [10].

Изначально они, очевидно, составляли единые гильдии, о чем повествуют ранние уставы датских, так называемых, кнудовских гильдий (название от имени канонизированного короля Кнуда IV), получивших свое развитие в XII в. Главной функцией этих торгово-ремесленных гильдий была защита своих членов и оказание помощи в сложных жизненных ситуациях. Объединяющим началом таких гильдий служили совместные застолья, положения о которых встречаются в сводах правил ремесленных цехов более поздних веков. По мнению Б. Йордана (Копенгаген) такие «заступнические» гильдии разделились впоследствии на две ветви и развились в купеческие гильдии и цехи ремесленников, организовавшихся по отраслевому признаку [11].

Членство в таких корпорациях открывало возможность их представителям не только к достижению относительного благополучия, но и нередко позволяло добиться более высокого социального и правового статуса. Это наглядно отражено в средневековом анекдоте, рассказанном одним французским проповедником XIII в., в котором автор повествует о бедном, покрытом паршой мальчике-побирушке по имени Мартин, который, придя в город, сначала получил презрительную кличку «запаршивевший». Постепенно в ходе учебы и своего труда он стал подмастерьем, затем мастером и, в конце концов, превратился в преуспевающего торговца и ростовщика. Соответственно менялись его социальный и правовой статусы. «Сперва его звали *Martinus scabiosus* (Мартин чесоточный), затем *domnus Martinus* (мастер Мартин), когда же он сделался одним из первых богатеев города – *dominus Martinus* (господин Мартин), а потом даже – *meus dominus Martinus* (высокочитимый сеньор Мартин)», что соответствовало французским титулам – *maitre, seigneur, monseigneur*» [12].

О том, что городские цеховые корпорации и складывавшееся внутри них и между ними нормативно-правовое регулирование обеспечивали их членам, в первую очередь мастерам, достаточно безбедное существование, говорит средневековая статистика. Так, например, согласно «Земельной книге» Копенгагена 1377 г., все мастера принадлежали к среднему классу, наиболее высокооплачиваемые из них имущественно приближались к свободным сословиям — рыцарству и духовенству. В книге среди прочих четырехсот городских домовладельцев перечисляются имена цеховых мастеров, некоторые из которых владели одним или несколькими дворами, включая дом, лавки, мастерские (всего перечислено около 70 лавок и мастерских) [13].

По мнению Э. Лависа и А. Рамбо, возникновение и развитие ремесленных и торговых корпораций в средневековом обществе как объединений добровольно организовавших их людей объясняется тем, что любая обособленность в период существования «кулачного» феодального права, была просто опасна для индивида, желавшего заняться того или иного рода деятельностью. Как считают данные авторы, это вполне логично объясняет тот факт, что форму корпорации, как правило, принимали всякие профессии, даже, казалось бы, такие свободные, как профессии врачей, преподавателей, студентов университетов, менестрелей и даже нищих и развратников [14].

Как известно, формирование городов и цеховой организации отразило эволюцию экономического и социального развития средневекового общества, связанного с общественным разделением труда, что выразилось в отделении ремесла от сельского хозяйства и как следствие – в росте городов. С началом высвобождения городов из-под власти сеньоров ремесленные корпорации стали называться собственно «цехами» (от немецкого «*Zeche*» - пир, пирушка). К этому понятию нельзя относиться поверхностно, поскольку в нем заложен большой социально-правовой смысл. По мнению Д.Э. Харитоновича, «в средневековом смысле слова «пир» надо понимать не как частное развлечение, а как особую форму межличностного общения, акт социальной коммуникации и даже разновидность элемента системы управления и самоуправления», которые и получили свое правовое закрепление в цеховых уставах [15].

Вместе с тем, современные исследователи при изучении этих уставов в основном сосредотачивают свое внимание на нормативном регулировании работы мастеров и на регламентации техники цехового ремесла, что вполне логично объясняется экономической необходимостью приспособления средневекового, особенно раннего, ремесленного производства к довольно ограниченным требованиям и возможностям местного рынка. При этом вопрос самой организации цеха, его положения в системе городских структур, а также правового статуса его членов исследуется достаточно поверхностно.

Многие исследователи отмечают автономность цеховых корпораций, нередко представляя их в виде своеобразного «государства в государстве». Однако, как представляется, это далеко не так. Цехи в состоянии были добиться полной автономии в администрировании и правовом регулировании лишь в сфере внутрицеховой жизни, не связанной непосредственно с торговой деятельностью и городским рынком, находившемся под юрисдикцией городских властей, представленных, как правило, купеческой верхушкой. При этом, как свидетельствуют многие источники, городские власти путем издания своих нормативных установлений нередко вмешивались и во внутрицеховые отношения. Так, например, по свидетельству А.А. Сванидзе, в Швеции в г. Мальмё вступительные взносы новых членов цеха целиком шли городу, в Юстаде — пополам городу и цеху. Город получал часть штрафа за нарушение цеховой монополии канатного цеха, а возможно, и

других цехов Мальмё. Должностные лица цехов из числа цеховых мастеров в этом городе назначались городским магистратом [16].

Кроме того, городские власти вмешивались и в вопросы оплаты труда ремесленников. По свидетельству Ф.Я. Полянского, в Швеции в 1365 г. на законодательном уровне были утверждены расценки для каменщиков и других строителей г. Нючёпинга, в 1456 и 1546 гг. законодатель распространил их на другие виды труда, а также ввел регламентацию цен на целый ряд ремесленных изделий. Городские власти устанавливали также административный надзор за отдельными ремеслами, особенно в продовольственной отрасли (пекарями, пивоварами и т. п.) с целью контроля не только качества, но также размера и цены готового товара. Зачастую специальной нормой определялся и район города, где дозволялось то или иное ремесленное производство [17]. К нарушителям, как к отдельным лицам, так и к цеху в целом, как правило, применялись меры юридической ответственности.

Приведенные данные говорят о том, что, с одной стороны, городские власти, были заинтересованы в развитии цехов и их продуктивности, а с другой, всячески опасались их полной экономической самостоятельности, которая способствовала превращению цеховых объединений в политическую силу, способную бороться за власть. Поэтому многие нормы цеховых уставов носят характер компромисса между требованиями городских магистратов и интересами самих ремесленных организаций. В связи с этим, неполнота правового регулирования, которая наблюдается в цеховых уставах, обусловлена, очевидно, тем, что многие вопросы цеховой жизни и производственных отношений члены той или иной ремесленной организации стремились разрешить на своих собраниях, не ограничивая свободу собственного выбора действий компромиссными письменными нормами уставов.

С большой долей вероятности можно предположить, что аналогичная картина наблюдалась и в других городах Европы, потому что каждый цех, так или иначе, был подчинен своему сеньору, в роли которого могли выступать монастыри, светские феодалы, церковные капитулы, городские коммуны. Об этом наглядно свидетельствует, например, кельнский 1469 г. устав мастериц шелковых изделий, в котором говорилось: «Наши предки – бургомистры и совет города Кельна... учредили женский шелкоткацкий цех, утвердили его на прочих законах и предписаниях и дали означенным ткачихам устав, приложив к нему городскую печать». При этом городской совет, выступая в роли сеньора цеха, оставлял за собой право «во всякое время по мере надобности расширить или сократить его (устав)» [18].

Данный документ, кроме всего прочего, дает представление о том, что наряду с мужскими цехами в европейских городах существовали и женские цеховые организации. Мало того, женщины могли входить в качестве полноправных членов в мужские ремесленные ассоциации.

Как правило, зависимость цехов от сеньоров была довольно значительной и выражалась в виде определенного суверенитета сеньора, выразившегося в его правомочии налагать на цех определенные повинности и взимать судебные пошлины при разбирательстве дел, не входивших в юрисдикцию цеха. При этом сеньоры нередко передавали свои права приближенным к ним лицам. Так, например, в Париже, который представлял собой административный и политический центр королевского домена, большинство цехов находилось в зависимости от королевского прево, которому король своим указом дал привилегию быть почетным президентом многих цехов с правом суда над ремесленниками. В Реймсе такими же привилегиями обладал викарий архиепископа. Королевский шталмейстер (конюший) получил привилегию продажи дипломов на звание мастера во всех цехах, занимающихся обработкой железа, а также взимания с каждого кузнеца налога в шесть парижских денье [19].

Иногда суверены уступали право низшего суда над ремесленниками кому-либо из городских мастеров того или иного цеха, в результате чего последние в ходе повседневной практики в силу обычая приобретали и определенные административные права. Например, главный королевский поставщик хлеба, изначально, будучи членом цеха парижских булочников, осуществлял в соответствии с королевским указом судебные функции. Так как в средние века суд не был отделен от администрации, это лицо автоматически приобрело полномочия заниматься и некоторыми вопросами управления, в результате чего стало важным руководящим членом корпорации.

Организация цеховых ассоциаций и вся их повседневная жизнь были подчинены цеховым уставам или статутам, которые составлялись и изменялись самими членами цеха, принимались на собраниях общины и выступали в качестве локальных нормативных актов по отношению к общему городскому праву. Правом окончательного утверждения уставных документов обладали сеньоры, которые нередко вносили свои коррективы в эти цеховые конституции, о чем повествует приведенная выше выдержка из кельнского устава ткачих. Таким образом, право городских властей вносить свои коррективы в цеховые уставы, говорит о сеньориальной власти города над цехом, при этом сам город, в свою очередь, мог находиться в вассальной зависимости от своего сеньора – короля, герцога, архиепископа, графа и т.д., на землях которого он находился.

Организация и правовое регулирование ремесленного производства, закрепленное в цеховых уставах, основывалось на обычаях профессионального и локального характера. При этом все уставные нормы были подчинены главному организационному принципу, присущему всему феодальному обществу – принципу принуждения. Применительно к цеховой корпорации это был принцип

Zunftzwang (нем. – принуждение цеха), который требовал от каждого субъекта, желавшего заниматься той или иной деятельностью, осуществлять эту деятельность только в рамках определенного цеха. В европейских городах данный принцип, по словам Ф.Я. Полянского, был доведен до своего логического конца [20]. Кроме этого, как и все феодальное право, этот принцип выступал императивом запрещения всего того, что прямо не было разрешено законом, в данном случае – нормами цехового устава. Формирование цехового законодательства на основе принципа Zunftzwang позволяло цеху вести успешную борьбу за консолидацию его членов и, как следствие – за выживание всей корпорации в условиях жесткой конкурентной борьбы с нецеховыми ремесленниками, а зачастую и со своими непокорными мастерами и рабочими.

Кроме того, нормативно закрепленный принцип принуждения был необходим для борьбы с иными цехами, поскольку между различными корпорациями существовало значительное неравенство. Оно заключалось в том, что одни цехи, такие, например, как ювелиры, были богаче и могущественнее, а следовательно, обладали и большим объемом прав и привилегий чем, скажем, цех сапожников. Немаловажную роль в определении социального и правового статуса цеха играла также его «почетность», которая зависела от рода его деятельности, поскольку от тех же ювелиров требовалось больше умения, чем, например, от каменщиков. Кроме того, цех медиков, например, призванных спасать жизнь людей, занимал в структуре городского общества более высокое положение, чем цех мясников, представители которого занимались убоим скота.

Наиболее наглядно об этом повествует документ, составленный 17 февраля 1525 г. старшинами 14 копенгагенских цехов с целью нормативного закрепления социального и правового статуса имевшихся в то время городских объединений. Почетное первое место, дававшее преимущественное право быть избранными в городской магистрат, занимали купцы. Затем, по мере убывания общественной значимости и, как правило, политической и, очевидно, гражданской правоспособности, шли лавочники, пивовары, ювелиры, пекари, кузнецы, сапожники, портные, ремесники и кошельники, мясники, цирюльники, скорняки и кожевники, возчики, носильщики.

Среди ремесленников самое привилегированное положение, по словам Б. Йордана, занимали ювелиры, профессия которых предполагала одновременное занятие ремеслом и торговлей и которые, вопреки городскому праву, но согласно сложившейся практике, могли участвовать в городских советах, не порывая с делом [21].

В цеховых нормах достаточно четко прослеживается правовой статус цеха как юридического лица, несмотря на то, что средневековое право не знало такого понятия. Цехи, помимо устава-статута, обладали, как правило, печатью и даже своим знаменем, они могли приобретать и отчуждать имущество и направлять в суды своих уполномоченных [22]. Это говорит о том, что наряду с зависимостью ремесленных корпораций от городских властей, они обладали и значительной долей самостоятельности внутренней жизни, подчиненной собственным цеховым нормативным регуляторам.

Эта самостоятельность в первую очередь проявлялась в организации цеховой администрации. Данный вопрос в отечественной и зарубежной историографии изучен недостаточно хорошо ввиду безуспешности попыток исследователей свести европейскую цеховую организацию к какой-либо стандартной схеме. Этому мешает значительный партикуляризм ремесленных корпораций с большим количеством присущих каждому цеху особенностей.

Вместе с тем, в рамках формально-юридического подхода цеховые статуты в определенной мере позволяют выявить некоторые общие черты цеховой организации, несмотря на то, что некоторые средневековые исследователи призывают с осторожностью подходить к анализу данных нормативных документов, поскольку многие вопросы цеховой жизни, по их мнению, решались помимо уставов. Тем не менее, если все же формально основываться на этих нормативных документах, то можно с уверенностью констатировать, что управление любым цехом находилось в руках различных магистратов, главную роль среди которых играли старшины, которые носили различные титулы – мастера, присяжные, бальи, консулы, судьи и т.д.

Все должностные лица назначались волеизъявлением ремесленной общины по результатам выборов. Однако собрание корпорации не являлось последней инстанцией, и после выборов окончательное утверждение представляемых кандидатов в цеховые магистраты принадлежало сеньору, в роли которого в позднее средневековье выступала городская коммуна, равно как и право отрешения их от занимаемой должности. Эта норма, очевидно, была вызвана необходимостью соблюдения общественного блага для всего города, поэтому деятельность ремесленных корпораций, которые и создавали это благо, а также то, что они представляли часть городского ополчения и выполняли судебные и полицейские функции по отношению к своим членам, нуждалась во внешнем надзоре и законодательном регулировании городских властей [23].

Согласно уставам, количество магистратов в различных цехах колебалось от одного до двенадцати, но административная и судебная практика свидетельствует о том, что их, как правило, было не более 4–6 человек. Они могли делиться на коллегии собственно магистратов, обладавших всей полнотой цеховой власти, и их помощников, осуществлявших функции надзора над деятельностью ремесленников. Зачастую собственно магистратов избирали из состава полноправных

мастеров, а смотрителей и экспертов – из числа рабочих подмастерьев, как это было, например, в парижских цехах валяльщиков шерсти и шляпочниц [24].

В обязанность всех магистратов входило посещение мастерских для контроля над работой ремесленников и качеством их изделий. Такие посещения могли осуществляться в любое время, даже ночью, а в целях предотвращения насилия со стороны разгневанных мастеров и их рабочих надсмотрщики брали с собой милицейских сержантов или помощников из числа подмастерьев. В случае обнаружения недоброкачественных товаров они обязаны были конфисковать их и составить соответствующий протокол с последующим представлением недоброкачественного изделия в суд. Осуществлять судебное разбирательство и выносить приговор должен был либо сам надсмотрщик, либо другое должностное лицо, во втором случае надсмотрщик выступал в качестве присяжного заседателя [25].

Такие цеховые трибуналы разбирали также и различные споры и ссоры между ремесленниками. Конфликты в трудовых отношениях между различными по статусу членами цеха, отражали, как представляется, не столько антагонизм мастеров и работников, как считают многие исследователи, сколько их возрастные особенности или карьерные интересы. Так, например, в 1470-е годы трибунал лондонского цеха золотых дел мастеров осудил на временное заточение молодых рабочих, недовольных тем, что из-за их молодости (менее 30-ти лет) они не могут пройти испытание на звание мастера. Позднее половина из них все же получила не только это звание, но и должности в цехе [26].

Вообще, как считают многие исследователи, судебная функция цеха являлась самой древней и возникла одновременно с цехом. В период зарождения ремесленных корпораций она, очевидно, была единственной функцией цеховых старшин, о чем говорит, например, их начальное германское название – *judices* и *consules*. Это не удивительно, потому что средневековое сословное право традиционно было построено на принципе судебной защиты интересов членов той или иной сословной корпорации в пределах корпоративной профессиональной юрисдикции. В цехе эта юрисдикция распространялась в основном на гражданско-правовые споры по производственным делам, когда возникало несогласие между членами цеха, грозившее нарушить его единство и монополию на городском рынке.

Судебные полномочия цеховых магистратов распространялись также и на мелкие правонарушения, как правило, в сфере незначительных имущественных преступлений и преступлений против личности. Более тяжкие деяния подлежали рассмотрению в городских судах, которые зачастую выступали в качестве апелляционной инстанции не только по делам такого рода, но и по производственным тяжбам. Во всех случаях городской суд выступал в роли высшего суда, а иногда, когда цех лишался права юрисдикции в силу кардинально усиления городской власти, он предстал в роли единственной инстанции, в которую должны были обращаться члены цеха по всем своим тяжбам. Тем не менее, следует признать, что цеховые суды, в лице старшин, призваны были играть значительную роль в урегулировании корпоративных конфликтов и укреплении партнерских связей.

Кроме того, согласно уставам, старшины цехов обязаны были руководить администрацией цеха, организовывать теоретические и практические испытания для учеников на получение звания мастера или рабочего, созывать цеховые собрания и готовить повестку дня для них, представлять свою корпорацию при заключении сделок и разрешении споров с другими ассоциациями. Они обладали полномочиями по заведению имуществом цеха и сбору ее доходов, которые поступали от штрафов, принятия в ученики или посвящению в мастера, а также в виде подарков и завещаний и т.д. Часть доходов, как правило, от штрафов по решению общего собрания старшины имели право использовать на благотворительные цели, например, раздачу милостыни беднякам или на поддержку впавших в нужду мастеров, или на организацию больниц и сиротских приютов и т.д.

Не до конца проясненным остается вопрос о месте и роли цеховых корпораций в структуре городских институтов власти и управления, представленных торгово-финансовой элитой бюргерства. Как представляется, с развитием ремесленного производства влияние цехов на городское управление должно было значительно вырасти, что и подтверждается нормативными документами и историческими хрониками того времени. Так называемые «цеховые революции», политико-правовым содержанием которых являлась борьба за власть, зачастую принимавшие вооруженный характер, прокатились практически по всем городам средневековой Европы. В результате этой борьбы представители цеховых корпораций получали места в городских советах для своих представителей, формируя, таким образом, городское правительство вместе с купеческой верхушкой. Об этом, например, свидетельствует «Кельгофская хроника» 1499 г., в которой повествуется о борьбе цеха ткачей за места в городских институтах власти: «Ткачи... очень хотели попасть в совет, хотя это не подобало им ни по происхождению, ни по положению. Устранив из совета лучших и мудрейших, они задумали создать в Кельне новый совет... . Этот совет был выбран в 1370 г. ...и просуществовал год и три месяца» [27].

Как видно из приведенного документа, кельнским ткачам не удалось удержать власть в своих руках, но в других городах, например, в Аугсбурге в результате борьбы цехов с патрициатом власть переходила к цехам. Об этом наглядно свидетельствует «Аугсбургская хроника» 1368 г. [28]

Весьма интересной для исследователя предстает организационно-правовая сущность цеховых праздников, сопровождавшихся шумными попойками в специальном, предназначенном для этого «цеховом доме». Как уже было упомянуто выше, само название цеховых корпораций было тесно связано с терминами «пир», «пирушка», которым, по словам Б. Йордана, в цеховых уставах уделено непропорционально большое место. Так, например, в уставе цеха ювелиров, ремесленников (шорников) и сабельщиков г. Свенборга, утвержденном между 1450 и 1500 гг., насчитывается 32 параграфа, из которых 10 посвящено торжествам и попойкам по поводу религиозных и собственно цеховых праздников. По уставу кожевников Копенгагена 1495 г. 9 из 16 статей касаются встреч и угощений. В уставе кузнецов г. Слагельсе 1469 г. 14 из 33 статей посвящаются пирушкам [29].

Статьи уставов жестко регулировали порядок проведения цеховых праздников – от распределения мест за столом и соблюдении тишины во время произнесения речей до очередности тостов и требования снимать шляпу при входе в цеховой дом. Согласно уставам, во время пирушек запрещались сквернословие, ссоры, драки, излишнее пьянство, пение непристойных песен, битье посуды и все, что наносило вред доброму имени цеха. Нормативно закреплялся и набор блюд и напитков, приличествующих каждому конкретному празднику [30]. Такие совместные пиры, носившие отпечаток обычаев родового строя, предназначались для консолидации всех членов корпорации в единую общность, которая призвана была оказывать своим членам юридическую и физическую защиту, а также обеспечивать наиболее полное проведение в жизнь принципа взаимопомощи в нужде.

Заключение

Таким образом, несмотря на разность научных подходов в вопросах правового регулирования ремесла и торговли в средневековых европейских городах, можно констатировать, что торговые и ремесленные корпорации, как основные носители городского права, сыграли решающую роль в становлении и развитии социально-экономической и политической жизни городов. Они обеспечивали организационную и правовую связь между индивидом, обществом и властью, что привело к формированию в конечном итоге общественных отношений, основанных на принципах свободы и демократии.

Примечания:

1. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб, 1891.
2. Савиньи Ф.К. О римском праве в средние века. СПб, 1838.
3. Nitzsch K. W. Ministerialität und Bürgerthum im XI und XII Jahrhundert, Lpz., 1859.
4. См. подробнее: Данилов А. И., Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. М., 1958.
5. Мэн Генри. Деревенские общины на Востоке и Западе. М., 1874; Древнейшая история учреждений. М., 1876.
6. Кейтген Ф. Происхождение немецкого городского устройства. Лейпциг, 1895.
7. История средних веков. В 2 т. Т. 1. Под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М.: Высш. шк., 1990. С. 190.
8. Там же.
9. Berthold von Regensburg. Vollständige Ausgabe seiner Predigten / Von Fr. Pfeiffer. Wien, 1862–1880. Bd. 1-2.
10. Сванидзе А.А. Средневековые корпорации //Неприкосновенный запас. 2006, №4-5 (48-49). С. 45.
11. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / Б. Йордан (Копенгаген) «Когда братья пьют вместе...». Положения о цеховых праздниках в средневековых уставах датских ремесленников (дата обращения: 15.10.2014).
12. Гуревич А.Я. Средневековый купец. В кн.: Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 98.
13. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / Б. Йордан (Копенгаген) «Когда братья пьют вместе...» (дата обращения: 15.10.2014).
14. Эпоха крестовых походов/под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; пер. М. Гершензона. Изд. исп. и доп. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005. С. 587.
15. Харитонович Д.Э. Ремесло. Цехи и миф // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М.: Наука, 1999. С. 119.
16. Сванидзе А.А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV–XV вв.). М: Наука, 1967. С. 97.
17. Полянский Ф.Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954. С. 25.
18. Цеховой устав ткачих шёлковых изделий // Средневековое городское право XII–XIII вв. /Под ред. С. М. Стама. Саратов, 1989. С. 113-114.
19. Эпоха крестовых походов/под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; пер. М. Гершензона. С. 605.
20. Полянский Ф.Я. Экономическая история зарубежных стран / Эпоха феодализма. М., 1954. С. 28.

21. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / Б. Йордан (Копенгаген) «Когда братья пьют вместе...» (дата обращения: 15.10.2014).
22. Полянский Ф.Я. Экономическая история зарубежных стран. С. 607.
23. Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма / Отв. ред. А.Н. Чистозвонов. М., 1969. С. 107.
24. Грацианский Н. П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV вв. Казань, 1911. С. 25.
25. Эпоха крестовых походов/под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; пер. М. Гершензона. С. 609.
26. Россер Дж. Ремесленные гильдии и организация труда // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.2. Жизнь города и деятельность горожан. М., 1999. С. 146.
27. Кёльгофская хроника// Средневековое городское право XII–XIII вв. /Под ред. С. М. Стама. Саратов, 1989. С. 123–124.
28. Аугсбургская хроника// Средневековое городское право XII–XIII вв. /Под ред. С. М. Стама. Саратов, 1989. С. 125–126.
29. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / Б. Йордан (Копенгаген) «Когда братья пьют вместе...» (дата обращения: 15.10.2014).
30. Там же.

References:

1. Guizot F. History of civilization in Europe. SPb, 1891.
2. Savigny F.C. About the Roman right in the Middle Ages.
3. Nitzsch K.W. Ministerialität und Bürgerthum im XI und XII Jahrhundert, Lpz., 1859.
4. See more in detail: Danilov A. I. Problems of agrarian history of the early Middle Ages in a German historiography of the end XIX - the beginnings of XX century. М, 1958.
5. Maine Henry. Rural communities in the east and the West. М, 1874.
6. Keutgen. F. Origin of the German city device. Leipzig, 1895.
7. History of the Middle Ages. In 2 т. Т. 1. Under the editorship of Z.V.Udaltsovoj and S.P.Karpova. М., 1990. P. 190.
8. In the same place.
9. Berthold von Regensburg. Vollständige Ausgabe seiner Predigten / Von Fr. Pfeiffer. Wien, 1862-1880. Bd. 1-2.
10. Svanidze A.A. Medieval of corporation//Inviolable zapas. - 2006, № 4-5. P. 45.
11. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / B.Jordan (Copenhagen) «When brothers drink together ...». Positions about shop holidays in medieval charters of the Danish handicraftsmen (data obraschenija: 15.10.2014).
12. Gurevich A.J A medieval merchant. In the book: Odysseus. The person in History. М., 1990. P. 98.
13. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / B.Jordan (Copenhagen) «When brothers drink together ...» (data obraschenija: 15.10.2014).
14. Epoch of crusades. E.Lavissa and A.Rambo's campaigns/Under the editorship of M.Gershenzon's lane. - Izd. correct. and add. М.: AST; SPb.: Range, 2005. P. 587.
15. Haritonovich D.E. Craft. Shops and a myth // The City in a medieval civilisation of the Western Europe. - Т. 2. Life of a city and activity of townspeople. М.: Science, 1999. P. 119.
16. Svanidze A.A. Craft and handicraftsmen of medieval Sweden (XIV-XV centuries). М.: Science, 1967. P. 97.
17. Polanski F.J. A economic history of foreign countries. A feudalism epoch. - М, 1954. - P. 25.
18. The shop charter of weavers of silk products//The Medieval city right XII - XIII centuries / Under the editorship of S. M.Stam. Saratov, 1989. P. 113-114.
19. Epoch of crusades. E.Lavissa and A.Rambo's campaigns/Under the editorship of M.Gershenzon's lane. P. 605.
20. Polanski F.J A economic history of foreign countries / A feudalism epoch. М, 1954. P. 28.
21. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / B.Jordan (Copenhagen) «When brothers drink together ...» (data obraschenija: 15.10.2014).
22. Polanski F.J A economic history of foreign countries. P. 607.
23. Theoretical and historiographic problems of genesis of capitalism / The edit.-in-chief A.N.Chistozvonov. М, 1969. P. 107.
24. Gratsiansky N.P. Parisian craft shops in XIII XIV centuries. Kazan, 1911. P. 25.
25. Epoch of crusades. E.Lavissa and A.Rambo's campaigns/Under the editorship of M.Gershenzon's lane. - P. 609.
26. Rosser J. Craft guilds and the work organization // The City in a medieval civilisation of the Western Europe. Т.2. Life of a city and activity of townspeople. М., 1999. P. 146.
27. The Kyolgofsky chronicle//The Medieval city right XII–XIII centuries / Under the editorship of S.M. Stam. Saratov, 1989. P. 123 - 124.
28. The Augsburgsky chronicle//The Medieval city right XII–XIII centuries / Under the editorship of S. M.Stam. Saratov, 1989. P. 125-126.

29. URL: <http://norse.ulver.com/articles/whenbrothers.html> / B.Jordan (Copenhagen) «When brothers drink together ...» (data obraschenija: 15.10.2014).

30. In the same place.

УДК 34 (340)

Правовое регулирование ремесленных и торговых корпораций в городах средневековой Европы

¹ Валентин Григорьевич Медведев

² Анна Николаевна Федорова

³ Павел Александрович Румянцев

¹ Тольяттинский государственный университет, Российская Федерация
445667, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент
E-mail: medvedeff_vg@ Rambler.ru

² Тольяттинский государственный университет, Российская Федерация
445667, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: an_fedorova@mail.ru

³ Тольяттинский филиал Российского государственного социального университета, Российская Федерация
445057, г. Тольятти, пр-т Степана Разина, 78
E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования формирования и деятельности ремесленных и торговых корпораций в городах средневековой Европы. Автор на основе анализа существующих научных теорий, а также изучения нормативно-правовых актов ставит целью исследовать проблему возникновения городов и цеховых организаций в них, выявить их правовую сущность и содержание. Актуальность работы заключается в том, что до настоящего времени в исторической и историко-правовой науке не сложилось достаточно определенного мнения о происхождении и развитии таких специфических городских учреждений как цехи и цеховые корпорации с их особым правовым регулированием. В работе автор приходит к выводу о том, что формирование городов и цеховой организации отразило эволюцию экономического и социального развития средневекового общества, связанного с общественным разделением труда. Основное внимание в работе обращено не на нормативное регулирование работы мастеров и не на регламентацию техники цехового ремесла, что вполне логично объясняется экономической необходимостью приспособления средневекового ремесленного производства к ограниченным требованиям и возможностям местного рынка, и что является предметом исследования большинства современных ученых, а на вопросы самой организации цеха, его положения в системе городских структур, а также правового статуса его членов.

Ключевые слова: закон, городское право, цех, магистрат, ремесло, торговля, цеховой устав.

Copyright © 2015 by Sochi State University

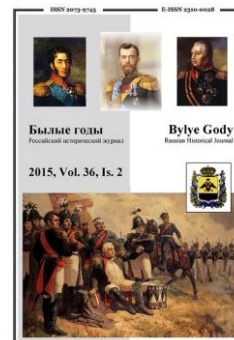
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 229-237, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

Medieval Burials in Coffins at the area of Tomsk Ob Region: A Local Phenomenon or a “Mongol Trace”?

¹ Evgeny V. Vodyasov² Olga V. Zaitceva

¹ Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
PhD (History), senior researcher
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

² Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
PhD (History), associated professor
E-mail: snori76@mail.ru

Abstract

The article tells about medieval burials in wooden coffins at the area of Tomsk Ob region. These graves exclusively date to the 13th-15th centuries and there is no trace of them found in either an earlier or a later time period. This may mean that the ritual of burying the dead in a coffin had been practiced in the region for a relatively short period of time. All in all, there have been identified and described 17 medieval coffin burials. All of them stand out markedly against other graves. They come with a rich and diverse burial inventory (weapons, adornments, rare articles of art, etc.). In half of the cases, they are also accompanied by the burial of horsehide and horse tack. All this leads the author to put forth a hypothesis that the dead buried in the wooden coffins were representatives of the military elite. Such “elite” graves are known to have existed in the 13th-14th centuries across the Altai, Transbaikal, and South Urals regions, where they appeared during the period when the Mongols came into to the area. Coffin graves turning up in other regions are linked to Mongol traditions, which spread wide during the Mongol conquests in the 13th-14th centuries. So it appears that the medieval interments in coffins aren't local phenomenon in the Tomsk Ob region but the sign of “the Mongolian trail” in the history of the Region.

Keywords: Tomsk Ob Region, Middle Ages, burials in coffins, Mongolian burial ceremony.

Введение

В ходе великих монгольских завоеваний XIII века под властью ханов оказалось более половины пространств суши Евразии. Несмотря на такой размах новой империи, о монгольском периоде мы знаем почти исключительно из письменных источников. Е.Н. Черных пишет: «Если бы у нас в руках не находилась бесконечная масса письменных документов, с их стенаниями и воплями об ужасе монгольских нашествий, – то что в таком случае мы могли бы ведать об этих сотрясавших почти всю Евразию катастрофах? Полагаю, что ничего, и вот по какой причине. Монголы после покорения большей части континента почти ничего после себя не оставили – в смысле археологических источников, разумеется» [1, с. 144]. В археологической литературе возник даже особый термин «монгольский синдром» – описывающий особые трудности в отнесении тех или иных материальных свидетельств именно к монгольскому наследию [1, с. 143-145]. Все это делает поиски археологически уловимого «монгольского следа» в различных областях Евразии очень актуальными. Одним из таких регионов, испытавших на себе волны монгольских нашествий, являлась и южно-таежная зона Западной Сибири.

Исторические источники касательно захвата монголами этих земель практически ничего не сообщают. В этой ситуации единственными свидетельствами монгольского времени на территории

Западной Сибири выступают археологические источники. Несмотря на «монгольский синдром», авторы настоящей статьи убеждены, что археология далеко не всегда, но все же позволяет найти «монгольский след». Особенно это касается материалов погребальных комплексов, оставленных на территории Томского Приобья – особой переходной зоны между тайгой и степью. В этой статье мы хотели бы коснуться некоторых элементов погребального обряда, которые, на наш взгляд, являлись следствием монгольского влияния и существовали исключительно в монгольское время.

Некрополи Томского Приобья монгольского времени выделяются разнообразием внутримогильных конструкций, как на фоне предшествующей эпохи раннего средневековья, так и последующего периода (XVI–XVII вв.) [2, с. 73]. Вместителями тела покойного служили берестяные коробки, чехлы, а также деревянные рамы-обкладки, срубы, колоды и гробы.

Данная статья посвящена неисследованному ранее вопросу о времени появления и особенностях средневековых захоронений в гробах на территории Томского Приобья. Гроб является достаточно сложной конструкцией, требующей значительных трудозатрат не только по времени его сооружения, но и по изготовлению *особой категорий изделий* в виде железных крепежных деталей гроба (скобы, гвозди, накладки).

Необходимо отметить, что сами деревянные гробы сохраняются очень редко. В большинстве случаев от них остаются только металлические крепежные детали. Они не всегда могут диагностировать именно дощатый гроб, поскольку, например, скобами могли скреплять деревянные рамы-обкладки, надмогильные перекрытия и другие конструкции. В этой связи при работе с археологическими источниками мы учитывали лишь те случаи, когда ученые фиксировали остатки именно гробов на основе сохранившихся деревянных деталей либо определенного расположения множества скоб вокруг костяка по периметру погребения. Под термином «гроб» мы понимаем прямоугольную деревянную конструкцию из не менее чем шести деталей: четыре боковые стенки, дно и крышка (деревянная или берестяная). Часто при описании погребальных конструкций в литературе встречаются термины «гробовище из досок», «ящик с крышкой», «ящик-гроб», «дощатый гроб», «гроб». На наш взгляд, все эти термины для ясности понимания и унификации дальнейших описаний можно и нужно объединить в один – «гроб».

Материалы и методы

Материалами для нашего исследования стали все известные на сегодняшний день археологические источники по погребальному обряду средневекового населения Томского Приобья. За почти полтора тысячелетнюю историю изучения могильников на рассматриваемой территории исследовано более тысячи средневековых захоронений. Погребальный обряд анализировался с помощью статистических методов. В итоге остатки гробов (17 ед.) выявлены в трех могильниках: Астраханцевском, Басандайском и Усть-Малокиргизском.

В **Астраханцевском курганном могильнике** (Шегарский район Томской области, правобережье Оби) остатки гробов найдены в четырех могилах.

В погребении 2 кургана 3 умерший был положен в гроб, который снизу и сверху имел тонкие доски. Боковые и поперечные стенки сделаны из колотых бревен шириной, равной высоте гроба, и толщиной 6–10 см. Доски скреплялись железными гвоздями. К сожалению, их количество в отчете и монографии Л.М. Плетневой не указано. Размер гроба – 235 x 36 см. В нем захоронен мужчина 25 лет, головой на восток. Погребение выделяется обилием разнообразного инвентаря [2, с. 12-13, рис. 16-20], а также захоронением «шкуры» лошади (череп, передние и задние конечности).

В погребении 4 кургана 5 от гроба сохранился древесный тлен. Размер могилы 220 x 67–85 см. Умерший сориентирован головой на юго-восток. Этот комплекс особенно интересен крепежными деталями гроба в виде трех фигурно вырезанных железных накладок с крюковым сцеплением и железными заклепками для крепления к доскам [2, с. 14, рис. 25]. Накладки предназначались для крепления крышки гроба к боковым стенкам таким образом, чтобы она была подвижной.

В погребении 1 кургана 93 умерший положен в гроб головой на восток. От гроба сохранились железные скобы (их точное количество ни в монографии, ни в отчете не указано) и остатки дерева. В могиле обнаружено множество железных предметов, наконечники стрел, кресало с кремнем, тесло, сосуд [2, с. 29].

В погребении 1 кургана 127 о наличии гроба можно судить по множеству железных скоб (их точное количество в монографии, ни в отчете не указано), найденных вокруг костяка. Захоронен взрослый, вытянуто на спине, головой на северо-запад. В могиле помимо прочего инвентаря обнаружено бронзовое китайское зеркало с изображением божества Большой Медведицы [2, с. 33].

По характерному набору вещей (наконечники стрел, удила, стремяна, серьги) и их встречаемости четыре захоронения в гробах Астраханцевского курганного могильника датируются XIII–XIV вв. [2, 1997, с. 115-116].

В **Усть-Малокиргизском курганном могильнике** (территория г. Северска, правобережье Томи) остатки гробов выявлены в шести могилах.

В погребении 1 кургана 25 толщина стенок гроба составляла до 5 см. Умерший лежал головой на северо-запад. Несмотря на ограбление могилы, в ней найдены украшения, конская сбруя

(стремена и седло), а также бронзовое зеркало с изображением на обороте мифического животного [2, с. 49, рис. 119, 1].

В погребении 1 кургана 59 умерший был положен в гроб из досок головой на юго-восток. Крепежные детали представлены тремя железными скобами [2, рис. 150, 2-4], скреплявшие боковые доски с крышкой гроба. По расположению скоб примерно реконструируется размер гроба – 230–45 см. В могиле обнаружены кресало, кремь, нож, тесло, пряжка, удила, множество украшений, в том числе бронзовое зеркало с изображением павлина, вокруг которого располагаются птицы и цветы [2, рис. 152]. В ногах умершего положены череп и конечности жеребенка, что, наряду с находкам бронзовых зеркал является крайне редким случаем в Томском Приобье. Данное погребение относится к разряду «элитных» и, по мнению автора раскопок Л.М. Плетневой, принадлежит воину-всаднику [2, с. 61].

На Усть-Малокиргизском курганном могильнике особенно выделяется курган 62 как по «богатству» инвентаря, так и наибольшим количеством железных скоб в средневековых памятниках всего Приобья.

В погребении 1 гроб не сохранился, но найдено 11 железных скоб, его скреплявших [2, рис. 155, 2, 5-8]. В могиле захоронен взрослый человек, головой ориентирован на восток. Умершего сопровождал многочисленный инвентарь (орудия труда, стремяна, оружие, украшение, посуда). В ногах находились череп и конечности коня, направленного на запад.

В погребении 2 этого же кургана гроб скрепляли 12 железных скоб [2, рис. 158, 8-11]. От костяка сохранился только тлен. В могиле найдено множество вещей (палаш, 15 железных наконечников стрел, поясная гарнитура, кресало, украшения). В ногах были положены кости коня (череп с конечностями) и предметы конского убранства (удила, бронзовый султан, 2 стремени, железное кольцо, железная пряжка). Все это позволило отнести погребения кургана 62 к разряду «неординарных» и определить их как захоронения воинов-всадников [2, с. 60-61].

В погребении 1 кургана 76 остатки от гроба представлены 9 железными скобами, расположенными по продольным сторонам могилы [2, рис. 171]. Здесь похоронена женщина 20–30 лет, головой ориентирована на северо-северо-запад. Покойную сопровождали украшения, 17 железных наконечников стрел разных форм, топор-тесло, кремь [2, рис. 172-173].

В погребении 1 кургана 81 от гроба также сохранились только железные скобы [2, с. 66, рис. 180, 3]. Умершего сопровождал различный инвентарь, в том числе «шкура» лошади с предметами конского снаряжения (удила, 2 стремени, седло). Под «шкурой» подразумеваются некомплектные останки лошади (конечности и голова), которые символически заменяют целое животное, сопровождавшего умершего в загробный мир.

Все захоронения в гробах (6 ед.) на данном некрополе выделяются на фоне других богатством и разнообразием погребального инвентаря, а также наличием «шкур» лошади в ногах в пяти случаях. Датировка рассмотренных комплексов хорошо укладывается в XIII–XIV вв. [2, с. 111].

На Басандайском курганном могильнике (Томский район Томской области, правобережье Томи) сохранились остатки от 7 гробов.

В погребении 1 кургана 7 длина гроба судя по некоторым сохранившимся деревянным деталям составляла 215 x 35–42 см. Умерший ориентирован головой на север. В могиле найдены бронзовые серьги, железный крюк, тройник, кресало, кремь и сосуд. С левой стороны погребенного был положен череп и конечности лошади с удилами [2, с. 35-36].

В погребении 2 кургана 25 зафиксирован деревянный гроб из досок толщиной 1,5 см. Гроб имел дно и крышку. Умершего, лежащего головой на юг, сопровождало огромное количество предметов (более 50 различных украшений) [3, с. 101-103]. Рядом с этим богатым погребением в отдельной яме положена «шкура» лошади с удилами и стремянами.

В погребении 3 кургана 54 гроб был поставлен в могилу на камни. По мнению автора раскопок А.П. Дульзона, на наличие гроба указывают продольные доски толщиной 0,5 см вдоль стенок могилы, а также остатки днища гроба на камне и остатки крышки на левой части груди и плечевой кости [3, с. 71-72]. Умерший лежал головой на юг. В могиле помимо кресала, оселка, ножа и наконечника стелы найдено множество украшений (в том числе золотые бляшки, височные кольца, серебряные серьги, бронзовая бляха с изображением двух птиц, сердоликовые бусы и др.).

В кургане 77 обнаружено 3 захоронения в гробах.

В погребении 5 в деревянном гробу в форме ящика был похоронен ребенок, головой на юг. Вместе с умершим найдено большое количество украшений (бусы из цветного стекла, подвески из лазурита, серебра и раковин, серебряные серьги, бронзовое изображение медведя) [3, с. 43].

В погребении 6 покойник был также погребен в деревянном гробу, головой на юг. Гроб представлял собой ящик с крышкой, обернутый берестой. Когда крышка сгнила, береста продавилась и получила форму корыта [3, с. 43-44]. Инвентарь немногочислен: железный нож и кресало.

В погребении 7 зафиксирован гроб из досок толщиной около 1 см. Умерший лежал внутри гроба в берестяном чехле, головой на юг. С ним найдены бронзовые украшения, бусы, железное кресало, нож и небольшой сосуд [3, с. 44].

В погребении 1 кургана 87 зафиксирована интересная погребальная конструкция в виде берестяного сшитого чехла [3, с. 44]. Этот чехол был положен в гроб из досок, дополнительно

обернутых берестой. Затем для скрепления досок и бересты по краю гроба были проделано множество отверстий диаметром 1,5 см и на таком же расстоянии друг от друга. В эти отверстия были вставлены березовые палочки (20 штук в северной части погребения и 15 штук в южной части). В гробу похоронен мужчина, головой на юго-восток. Умершего сопровождал многочисленный инвентарь: кривая сабля, наконечники стрел, дротики, стремяна и удила, орудия труда, поясные украшения. К северо-востоку от могилы лежал череп коня, а к юго-западу – следы гризны в виде каменной выкладки и разбитым сосудом. По мнению автора раскопок, данное погребение принадлежало воину [3, с. 44]. От себя добавим, что это единственный в Томском Приобье случай сохранности органических крепежных деталей гроба.

Л.М. Плетневой представлены выше погребения Басандайского курганного могильника датированы XIII–XIV вв. [2, с. 112].

Таким образом, по представленным выше материалам мы располагаем 17 захоронениями в деревянных гробах. Остатки гроба вместе с железными крепежными деталями встречены всего в трех погребениях. Еще в одном случае вместе с гробом найдены органические крепежные элементы (березовые палочки). В шести погребениях от гроба сохранились только крепежные детали (железные гвозди, накладки, железные скобы в количестве от 3 до 12) и тлен. Еще в 7 случаях зафиксированы гробы без сохранившихся крепежных деталей.

Половозрастные определения умерших, похороненных в гробах, имеется только для 10 костяков (из-за плохой сохранности костного материала): мужчины от 25 до 50 лет – 4 случая; женщины от 20 до 40 лет – 3 случая; дети от 1 года до 7 лет – 3 случая. Таким образом, рассмотренный обряд не имеет половозрастной дифференциации.

Размеры гробов в разных могильниках, в целом, одинаковы – 220-240 см в длину и 30-50 см в ширину. Количество используемых железных скоб зависело от самой конструкции. Чаще всего доски скреплялись по всему периметру гроба (от 5 до 12 скоб), хотя иногда скобами фиксировалась только крышка гроба (от 2 до 3 скоб), а сами доски, по-видимому, скреплялись с помощью других органических материалов (деревянные скобы или гвозди, ремни, веревки и др.).

Важно, что скобы в погребальном обряде средневекового населения Томского Приобья использовались не только для строительства гробов, но и для скрепления других погребальных конструкций. Приведем здесь кратко все известные случаи.

Железные скобы в количестве от 2 до 7 ед. найдены на Астраханцевском могильнике в курганах 2, 31, 40, которые предназначались для надмогильных конструкций.

В кургане 2 могильное перекрытие из плашек, скрепленных 7 железными скобами [2, рис. 12], располагалось над тройным погребением, где обнаружен различный сопроводительный инвентарь.

Над погребением кургана 31 зафиксирована деревянная обкладка (настил), где найдены две скобы, скреплявших конструкцию с двух противоположных сторон [2, рис. 37]. В могиле захоронен ребенок 7 лет, головой на восток. С ним найдена серьга, серебряное украшение, железный и костяной наконечники стрел [2, с. 18-19].

В кургане 40 могила была перекрыта плахами. В ней найдено пять железных скоб [2, рис. 39, 2, 4-5, 7-8]. Погребенный положен головой на юго-восток-восток. С ним найдены железные и костяные наконечники стрел, железные предметы, нож, кресало и кремь [2, с. 20].

На могильнике *Шайтан-II* (Кожевниковский район Томской области, правобережье Оби) железные скобы встречены в двух погребениях. Их описания приводятся в этой работе впервые. В погребении кургана 9 зафиксирована рама-обкладка размером 240 x 56 см. От нее сохранились продольные и поперечные бревна, среди которых обнаружено 5 железных скоб (Рис. 1, 1, 3-6).

В могиле захоронен мужчина 45-60 лет, головой ориентирован на восток. Инвентарь представлен железным ножом, серебряной пустотелой пуговицей с растительным узором, бронзовым украшением в виде двух спаянных конусов и железным теслом.

В кургане 10 раму-обкладку размером 227 x 116 м скрепляли 6 железных скоб (Рис. 1, 2, 7-11). Внутри рамы обнаружен железоплавильный горн вместе с деревянной колодой, где погребен младенец. Данный сложный комплекс требует отдельного исследования.

Курганы 9, 10 датируются на основе радиоуглеродного анализа с учетом калибровки серединой XIV–XV в.

Железные скобы Томского Приобья по виду делятся на «п-образные» и «с-образные» (Рис. 1). Размер и тех, и других составляет от 3 до 7 см. По всей видимости, размер и форма скобы напрямую зависели от толщины и размера досок, которые она скрепляла.

Таким образом, железные скобы являлись универсальными крепежными деталями не только гробов, но и других различных погребальных конструкций Томского Приобья в эпоху развитого средневековья.

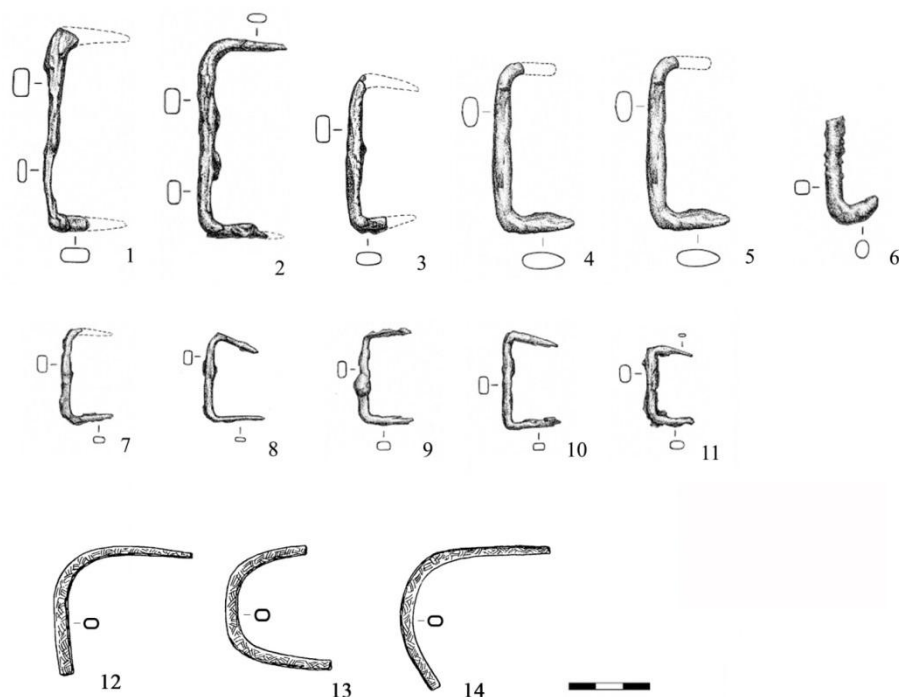

Рис. 1. Виды железных скоб Томского Приобья. 1-11 – «п-образные», 12-14 – «с-образные». (1, 3-6 – Могильник Шайтан-II. Курган 9, погребение; 2, 7-11 – Могильник Шайтан-II. Курган 10, погребение; 12-14 – по: Плетнева Л.М., 1997, рис. 158, 8-9)

Анализ археологических источников позволил сделать ряд важных выводов и выдвинуть новые гипотезы касательно времени появления, специфических черт и происхождения обряда захоронений в гробах.

Во-первых, все погребальные комплексы Томского Приобья, где обнаружены остатки гробов и/или железные скобы, появляются в монгольское время (XIII–XIV вв.). Примечательно, что в раннесредневековых погребальных памятниках I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Приобье ни гробы со скобами, ни отдельные железные скобы не встречены [4; 5; 6]. Нет их и в могильниках X–XIII вв. Верхнего и Среднего Приобья, Таежного Причудымья, Лесостепного и Горного Алтая [7; 8, с. 282-289; 9; 10; 11; 12]. Более того, в более поздних могильниках Томского Приобья XVI–XII вв. железные скобы также отсутствуют. *Все это позволяет выделить скобы в определенную категорию изделий, используемых в погребальной обрядности в пределах XIII–XV вв.*

При этом гробы, но уже без железных скоб, использовались в погребальном обряде в XIX–XX вв. у обских татар, чулымских тюрок, алтайцев, ханты, селькупов и многих других народов Сибири [8, с. 345, 358, 367; 13, с. 113; 14, с. 427]. Хотя нельзя исключать, что во многих традиционных культурах Сибири гробы являлись следствием христианизации, а не сохранением древних традиций, как это зафиксировано, например, у селькупов, эвенков и шорцев [8, с. 361; 14, с. 298; 15].

Касательно отсутствия железных крепежных деталей при сооружении гроба известно, что таежное население Сибири использовало в этих целях органические материалы. Например, эвены делали гроб без единого гвоздя, а доски скрепляли либо ремешками через отверстия, либо иногда заменяли железные гвозди на деревянные [16, с. 19]. Ханты р. Казым когда-то делали гроб из грубых досок, скрепленных оленьими сухожилиями [8, с. 367]. Возможно, похожими приемами в изготовлении гробов пользовались и в Томском Приобье в монгольское время, особенно учитывая, что в 7 могилах из 17 при гробах железные крепежные детали не найдены.

Во-вторых, для захороненных в гробах характерен высокий социальный статус. Большинство погребений, где фиксируются остатки гробов, содержало многочисленный инвентарь (оружия ближнего и дистанционного боя, орудия труда, поясная гарнитура, украшения, в том числе китайские бронзовые зеркала, культовые предметы и т.д.). Отметим здесь, что в 9 случаях в могилу или рядом с ней была положена «шкура» лошади вместе с предметами конского снаряжения (удила, стремяна, султаны, пряжки, седла и др.). На наш взгляд, это также свидетельствует об особом статусе умерших, поскольку захоронения со «шкурой» лошади в Томском Приобье являются значительной редкостью: известно всего 20 таких погребальных комплексов из около 500 изученных [2, с. 72; 17, с. 157].

Закономерно возникает вопрос о том, является ли эта особенность погребального обряда («элитные» захоронения в гробах) местной традицией, самостоятельно возникшей и просуществовавшей столь не долгий период, или же мы имеем дело с привнесенной традицией.

В-третьих, появление в XIII–XIV вв. дощатых гробов, скрепленных железными скобами, авторы предварительно связывают с новыми погребальными традициями, пришедшими со стороны Степи в ходе монгольских завоеваний. В рассматриваемую эпоху (XIII–XIV вв.) гроб активно использовался в погребальном обряде тюркских и монгольских племен Саяно-Алтая, Забайкалья, Монголии [18, с. 119]. Гробы, скрепленные железными скобами, известны в Горном Алтае по материалам могильника Кудыргэ. Все они относятся к монгольскому времени и датируются XIII–XIV вв. [19, с. 73]. В лесостепном Алтае, судя по материалам памятника Телеутский Взвоз-1, погребения в дощатых гробах-ящиках также относятся к монгольскому времени и наряду с другими захоронениями на этом некрополе связываются авторами с представителями монгольских племен, появившихся в Приобье в результате завоевательных операций [20, с. 102-103, 127]. По всей видимости, подобная картина прослеживается и на Южном Урале, где захоронения в гробах, сколоченных железными гвоздями, выделяются исследователем в особую группу [21, с. 114-115, рис. 16, 1]. При этом указанные захоронения в гробах (как и в Томском Приобье) чрезвычайно богаты и, по мнению Н.А. Мажитова, принадлежали привилегированному населению [21, с. 114-115], а появление такого обряда в бассейне р. Урал в XIII–XIV вв. объясняется Н.А. Мажитовым приходом сюда монгольских войск [22, с. 223].

Отметим также, что захоронения в гробах из досок, скрепленных железными скобами, встречаются на многих территориях Золотой Орды [23].

Упоминания гробов в похоронных церемониях монголов содержатся в некоторых средневековых письменных источниках. Например, в трактате Сяо Дахэна «Обычаи северных рабов» (1594 г.) указано: «Их погребальные церемонии еще более любопытны. Прежде, когда правитель рабов или тайджи умирал, у них было нечто похожее на гроб. Они клали туда вещи, такие как одежда, доспехи, шлем, которые умерший использовал при жизни, и они зарывали все это в далекой, покрытой травой степи. В день смерти они убивали всех рабов и его любимых наложниц, а также его лучшую лошадь» [24, с. 259-260].

Обнаружение следов монгольских традиций в Томском Приобье актуализирует одну из актуальных проблем исторической географии Золотой Орды – определение ее северо-восточных границ. Проблема вызвана отсутствием письменных свидетельств, четко указывающих на восточные пределы улуса Джучи. Известно лишь, что его северо-восточные земли включали так называемые «области Сибирь и Ибирь» [25, с. 236; 26, с. 73], при этом более детального описания источники не содержат. Некоторые исследователи в качестве северо-восточного рубежа улуса Джучи называют Барабинскую лесостепь [27; 28]. Однако ее площадь составляет более 100 тыс. кв. км, а протяженность с запада на восток – более 1000 км, поэтому обозначенные таким образом границы государства выглядят крайне расплывчатыми.

Касательно региона Томского Приобья, граничащего на западе с Барабинской степью, необходимо указать работу А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова [29], в которой на основании письменных и археологических источников Томское Приобье названо восточной границей Сибирского ханства, являвшегося, по сути, «наследником» сибирских владений Золотой Орды после ее распада. А.А. Тишкин считает, что Верхнее Приобье в XIII в. вошло в состав улуса Джучи, но его присоединение, в отличие от Алтае-Саянского нагорья, проходило мирным путем, в результате чего произошло объединение всех кочевых племен, проживавших в степях от Волги до Оби [30, с. 5-6]. Ю.С. Худяков полагает, что отряды Джучи покорили «лесные» народы Верхнего Приобья в результате северного похода в 1218 г. [31, с. 92].

Отдельным перспективным направлением в попытках установить границы улуса Джучи является выявление мусульманских захоронений, которые отражают распространение ислама на обширных пространствах империи. Ранее авторы настоящей статьи выявили в правобережье Оби около 50 мусульманских погребений XIII–XV вв., что стало основой гипотезы о мощном политическом и культурном влиянии Золотой Орды на территорию Верхнего Приобья [32]. Примечательно, что время проникновения ислама в Томское Приобье совпало с появлением обряда «элитных» захоронений в гробах. Это совпадение может служить дополнительным весомым аргументом в пользу версии о том, что на определенном историческом этапе регион Томского Приобья мог входить в состав сибирских владений Дешт-и-Кыпчака.

Заключение

Анализ погребальных комплексов Томского Приобья и сопредельных территорий позволяет выдвинуть ряд гипотез. Железные скобы, обнаруженные в могилах, следует выделить в особую категорию изделий, используемых при сооружении гробов. Датировка железных скоб не выходит за рамки XIII–XV вв. Этим же временем датируется появление и относительно недолгое существование в Томском Приобье погребальной традиции укладывать умерших в гроб, скрепленный скобами. На наш взгляд, данный погребальный обряд связан с монгольскими традициями, распространившимися на территории Дешт-и-Кыпчака в ходе непосредственного продвижения монгольских войск. Наличие в большинстве рассматриваемых погребений различного «элитного» инвентаря и «шкуры» лошади дают все основания отнести их к захоронениям людей, имевших высокий социальный статус, вероятнее всего, представителей военной знати. Таким образом,

средневековые захоронения в гробах являются не локальным феноменом для Томского Приобья и не имеют местных истоков, а указывают на «монгольский след» в истории этого региона.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015 г.

Примечания:

1. Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
2. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
3. Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области / К. Гриневич, А. Дульзон, Г. Трухин и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1948. 220 с.
4. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.
5. Беликова О.Б. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. / О.Б. Беликова, Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.
6. Троицкая Т.Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
7. Матющенко В.И. Еловский курганный могильник-1 эпохи железа / В.И. Матющенко, Л.М. Старцева // Труды ТГУ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. Т. 206. С. 152-174.
8. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т 2. Мир реальный и потусторонний / В. Матющенко, Т. Троицкая, В. Кулемзин и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 475 с.
9. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
10. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
11. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
12. Савинов Д.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / Д.Г. Савинов, А.В. Новиков, С.Г. Росляков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 424 с.
13. Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 216 с.
14. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с.
15. Боброва А.И. Влияние христианства на погребальную обрядность коренного населения Среднего Приобья // Смена культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 116-118.
16. Варавина Г.Н. Традиционные обряды в современных обрядах эвенков Якутии (на примере погребального обряда) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 18-21.
17. Плетнева Л.М. Захоронение коня и конского снаряжения в могильниках басандайской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С. 156-160.
18. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.
19. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л.: Наука, 1965. 110 с.
20. Тишкин А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.А. Казаков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.
21. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
22. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. Т. 18. 304 с.
23. Васильев Д.В. Мавзолей Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2003. С. 110-119.
24. Рыкин П.О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки: Сборник статей / Отв. ред. Ю.Е. Березкин, Л.Р. Павлинская. СПб., 2010. С. 239-301.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. 563 с.
26. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
27. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010. 248 с.
28. Бустанов А.К. Западная Сибирь под властью ордынских правителей (династический аспект) [Электронный ресурс]. – URL: <http://archeologia.narod.ru/bustanov.htm> (дата обращения: 22.05.15).

29. Матвеев А.В. К вопросу о восточных границах сибирского ханства / А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 78-82.
30. Тишкин А.А. Алтай в Монгольское время (по материалам археологических источников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
31. Худяков Ю.С. Контакты тюркских и монгольских кочевников с народами таежных районов Сибири в эпоху развитого средневековья // Уральск. ист. вестн. 2011. № 2. С. 88-94.
32. Olga V. Zaitceva, Evgeny V. Vodyasov. Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light // Rossiysky Istorichesky Zhurnal (Russian Historical Journal) Bylye Gody. 2014. № 34 (4). P. 504-509.

References:

1. Chernyh E.N. Steppe zone of Eurasia: The phenomenon of nomadic cultures. M.: Manuscripts of ancient Russia, 2009. 624 p.
2. Pletneva L.M. Tomsk Ob Region at the beginning of the II millennium AD (on the archaeological data). Tomsk: Publishing House of the TSU, 1997. 350 p.
3. Basandayka: Collection of materials and research in the archeology of the Tomsk Oblast / K. Grinevich, A. Dul'zon, G. Truhin i dr. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1948. 220 p.
4. Chindina L.A. The burial ground Relka on the Middle Ob. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1977. 193 p.
5. Belikova O.B. Archaeological sites in Tomsk Ob Region in V-VIII centuries BC / O.B. Belikova, L.M. Pletneva. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1983. 245 p.
6. Troickaja T.N. Verhneobskaja culture in Novosibirsk Ob Region / T.N. Troickaja, A.V. Novikov. Novosibirsk: IAJeT SO RAN, 1998. 152 p.
7. Matjushhenko V.I. Elovskij burial ground-1 of Iron Age / V.I. Matjushhenko, L.M. Starceva // Proceedings of the Tomsk State University. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1970. T. 206. P. 152-174.
8. Essays on cultural genesis of the peoples of Western Siberia. Volume 2. The real world and otherworldly / V. Matjushhenko, T. Troickaja, V. Kulemzin et al. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1994. 475 p.
9. Belikova O.B. Middle Chulym River Region in X-XIII cc. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1996. 272 p.
10. Adamov A.A. Novosibirsk Ob Region in X-XIV cc. Tobol'sk; Omsk: OmGPU, 2000. 256 p.
11. Mogil'nikov V.A. Nomads in northwestern foothills of the Altai in IX-XI cc. M., 2002. 362 p.
12. Savinov D.G. Upper Ob Region at the turn of epochs (basandajskaja culture) / D.G. Savinov, A.V. Novikov, S.G. Rosljakov. Novosibirsk: IAJeT SO RAN, 2006. 424 p.
13. Tomilov N.A. The ethnographic essays of the Turkic people of Tomsk Ob Region. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1983. 216 p.
14. Turkic people of Siberia / Editor. Ed. D.A. Funk, N.A. Tomilov. M.: Science, 2006. 678 p.
15. Bobrova A.I. The influence of Christianity on the funeral rites of native population of the Middle Ob // Change of cultures and migration in Western Siberia / Editor. Ed. L.M. Pletneva. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1987. P. 116-118.
16. Varavina G.N. Traditional rituals in modern rites Evens of Yakutia (case study of funeral ceremony) // Ancient and medieval nomads of the Central Asia: a collection of scientific papers / Editor. Ed. A.A. Tishkin. Barnaul: ABCs, 2008. P. 18-21.
17. Pletneva L.M. Burial horse and horse equipment in the cemeteries of basandayskaya culture // The integration of archaeological and ethnographic research: collection of scientific papers. Part 1: Kazan Institute of History them Sh. Mardzhani Tajik Academy of Sciences, 2010. P. 156-160.
18. Nikolaev V.S. Funerary nomad complexes of south of Central Siberia in the XII-XIV cc.: Ust-talkinskaya culture. Vladivostok; Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 2004. 306 p.
19. Gavrilova A.A. The burial ground Kudyrge as a source on the history of Altaic tribes. M., L.: Science, 1965. 110 p.
20. Tishkin A.A. Burial mound Teleut vzvoz-I and culture of the Altai Forest-Steppe population in the Mongolian time / A.A. Tishkin, V.V. Gorbunov, A.A. Kazakov. Barnaul: Publishing House of the Alt. University Press, 2002. 276 p.
21. Mazhitov N.A. Southern Urals in VII-XIV cc. M.: Science, 1977. 240 p.
22. Eurasian steppes in the Middle Ages. M.: Science, 1981. Volume 18. 304 p.
23. Vasiliev D.V. Mausoleums of the Golden Horde: geographical survey and experience typology // Scientific notes of Astrakhan State University. Astrakhan: ID "Astrakhan University", 2003. P. 110-119.
24. Rykin P.O. The concept of death and burial rites of the medieval Mongols (on the written sources) // From being to otherness: Folklore and funerary ritual in traditional cultures of Siberia and America: Collection of Articles / Editor. Ed. Y.E. Berezkin, L.R. Pavlinskaya. SPb., 2010. P. 239-301.
25. Tizengauzen V.G. The collection of materials relating to the history of the Golden Horde. SPb., 1884. T. 1. 563 p.

26. Rashid ad-Din. Collection of Histories. 1. T. KH. 1. M, L. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. 316 p.
27. Egorov V.L. Historical Geography of the Golden Horde in XIII-XIV centuries. M. : KRASAND, 2010. 248 p.
28. Bustanov A.K. Western Siberia under the authority of the rulers of the Horde (dynastic aspect) [electronic resource]. - URL: <http://archeologia.narod.ru/bustanov.htm> (date of treatment: 22.05.15).
29. Matveev A.V. To a question on the eastern borders of the Siberian Khanate / A.V. Matveev, S.F. Tataurov // Bulletin of Tomsk State University. History. 2013. № 4 (24). S. 78-82.
30. Tishkin A.A. Altai in Mongolian time (based on archaeological sources). Barnaul, 2009. 208 p.
31. Khudyakov Y.S. Contact of Turkic and Mongolian nomads with the peoples of the taiga regions of Siberia in the Middle Ages // Uralsk. East. Vestnik. 2011. № 2. pp 88-94.
32. Olga V. Zaitceva, Evgeny V. Vodyasov. Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light // Rossiyskiy Istoricheskiy Zhurnal (Russian Historical Journal) Bylye Gody. 2014. № 34 (4). P. 504-509.

УДК 904

**Средневековые захоронения в гробах на территории Томского Приобья:
локальный феномен или «монгольский след»?**

¹ Евгений Вячеславович Водясов

² Ольга Викторовна Зайцева

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: snori76@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен средневековых захоронений в деревянных гробах на территории Томского Приобья. Эти захоронения датируются исключительно XIII–XV вв., и не известны ни в более раннее, ни в более позднее время. Таким образом, обряд укладывать умерших в гроб существовал здесь относительно недолгое время. Всего выявлено и описано 17 средневековых погребений в гробах. Все они резко выделяются на фоне остальных захоронений. Им сопутствует богатый и разнообразный погребальный инвентарь (оружие, украшения, редкие предметы искусства и др.). В половине случаев они также сопровождаются захоронением «шкур лошади» и конским снаряжением. Всё это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что умершие, захороненные в деревянных гробах, являлись представителями воинской знати. Подобные «элитные» захоронения в гробах известны в XIII–XIV вв. на Алтае, Забайкалье, Южном Урале, где они появились во время прихода туда монгольских войск. Появления захоронений в гробах в других регионах связываются с монгольскими традициями, которые широко распространились в ходе монгольских завоеваний XIII–XIV вв. Скорее всего, средневековые захоронения в гробах являются не локальным феноменом для Томского Приобья и не имеют местных истоков, а указывают на «монгольский след» в истории этого региона.

Ключевые слова: Томское Приобье, Средневековье, захоронения в гробах, монгольский погребальный обряд.

Copyright © 2015 by Sochi State University

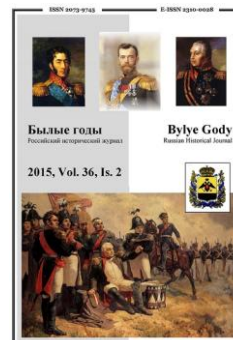
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 238-244, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 902–904+39 (571.1)

Metallic Masks from the River Tym

¹ Natalya V. Toroshchina² Anna I. Bobrova¹ National Research Tomsk State University, Russian Federation

634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: natator@mail.ru

² M.B. Shatilov Tomsk Regional Local History Museum, Russian Federation

PhD (History)

634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 75

E-mail: a_bobrova@bk.ru

Abstract

Anthropomorphic masks and “dolls” found in the archaeological monuments of Western Siberia is a phenomenon that is rare but well-known. Mapping them allows us to identify Surgut and Narym Priobyas as the places of their concentration, starting from the early Middle Ages. In Narym Priobyas, in the territory once inhabited by the ancestors of Southern Selkups, the tradition of making dolls and metallic masks has found reflection in two repositories of the period between the late Middle Ages and the Modern Age, Tiskinsky and Bederevsky Bor II, and survives into ethnographic modernity. A “doll” from Grave No. 43 attests to the existence of a custom of making effigies of the dead – the itterma. Tin masks from Grave No. 19 belong to the category of family or shaman guardian spirits.

Keywords: West Siberia; Tym; Bederevsky Bor; Selkups; metal masks; protecting spirit; itterma.

Введение

В археологических памятниках Западной Сибири находки «кукол» и металлических антропоморфных личин явление довольно редкое. В указанном регионе первые бронзовые отливки антропоморфов появляются в эпоху раннего железного века. Есть они и в памятниках средневековья, причем, эти изображения исследователями рассматриваются в качестве кукол мертвых и иттерма [1, 2; 3]. На территории Томской области антропоморфные куклы и маскоиды обнаружены в погребениях XV–XVIII вв. в могильниках – Тискинском на р. Оби и Бедеревском Бору II на р. Тым [4]. Особый интерес представляют находки с Тыма, где, в отличие от изображений предшествующего времени, личины выполнены из других материалов и в иной технике. Их описанию и интерпретации авторы уделяли внимание [5], однако, феномен обнаружения личин, уникальных для позднего средневековья, позволяет вернуться к данной теме с целью осмысления их использования в ритуале погребения.

Значение таких предметов в архаичной традиции, вычленение локальных особенностей и универсалий в практике их изготовления, хранения и отношения к ним, представляют особый интерес. «Необычные» и культовые предметы из погребений, часто атрибутируются как «шаманские», несмотря на то, что вещный мир ритуальной сферы бытия чрезвычайно разнообразен. Поэтому изучение ритуальных предметов предполагает определенную последовательность процедуры исследования, в которой должны найти отражение: условия нахождения, типологический (иконографический) анализ, предполагаемое функциональное назначение предметов, их семантика. После проведения этих процедур возможно построение «архетипической» модели и ее соотнесение с этнографическими материалами [6, с. 328, 334].

Материалы и методы

В соответствии с поставленными задачами был проведен анализ металлических антропоморфных личин из могильника Бедеревский Бор II, который находится на берегу р. Могильной, правом притоке р. Тым, в Каргасокском районе, Томской области. Большая часть исследованных объектов (51 могила из 60), судя по инвентарю и присутствию предметов массового «русского привоза», возникла в XVII в., последние захоронения были произведены в первой половине XVIII в. Могильник расположен на территории бывшего расселения нарымских селькупов «чумьлькуп», которых относят к тымскому диалекту центрального ареала [7, с. 50–52]. Специфическими чертами их погребального обряда в это время был грунтовый способ захоронений и обряд повторных похорон.

Металлические личины (маскоиды) обнаружены в двух могилах – № 19 и № 43 (рис. 1). Различное их положение по отношению к останкам, иконография и состав металлов потребовали дополнительного обращения к контексту погребальных комплексов.

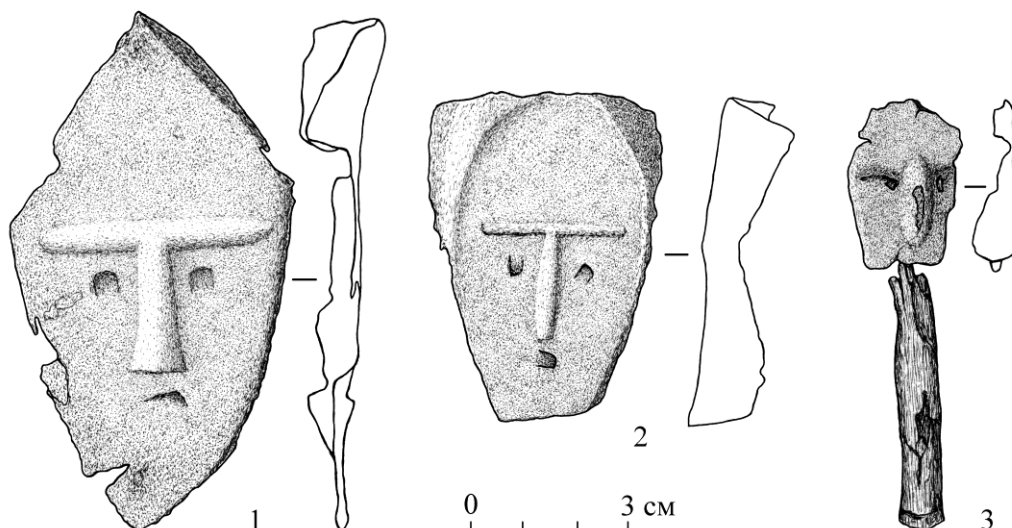

Рис. 1. Металлические личины. Могильник Бедеревский Бор II: могила № 19: 1 – верхняя личина, 2 – нижняя личина; могила № 43: 3 – кукла (1–2 – жечь, 3 – свинец, дерево)

Личины обнаружены в могилах мужчин 40–50 лет (определения специалистов кабинета антропологии Томского государственного университета). Оба захоронения выполнены по обряду вторичных похорон, который предполагает сохранение тела покойного и последующее предание его земле.

Могила № 19 (3,3×1,3 м) занимала центральное положение в первом ряду, сверху она была перекрыта жердями. На глубине 0,5 м зафиксированы остатки древесного тлена, череп и часть грудного отдела (*in situ*) в северо-западном конце могилы. В юго-восточном ее конце концентрировались остальные кости скелета, и была выявлена прикомлевая часть ствола дерева, рядом с которым при снятии дерна и были обнаружены два маскоида, вложенные один в другой. Условия их обнаружения позволяют сделать вывод о том, что они были оставлены на могиле, спустя какое-то время.

Могила № 43 (2,2×0,7 м) располагалась в третьем ряду, и, следовательно, возникла позднее могилы № 19. На ее дне сохранились две поперечины и остатки дощатого ящика, в юго-восточном конце могилы *in situ* найдены кости черепа и верхнего отдела позвоночника. Там же в пятне органики лежали личина и деревянная палочка. В другой половине могилы на глубине 0,4–0,8 м зафиксированы остальные кости.

Инвентарный комплекс могил беден: в одной найден нож; в другой – металлическая личина, гладко оструганная палочка, серьга, медные накладки, нож. Однако количественный и качественный состав находок нельзя с уверенностью считать полным, так как при обряде повторных похорон при перезахоронении останков часть предметов могла быть утрачена, целостность и сохранность других (и самих останков) могла быть нарушена.

Личины различаются по материалу изготовления и иконографии. Маскоиды с могилы № 19 (рис. 1, 1, 2) сделаны из листовой жести. Способом холодного тиснения на пластины нанесены Т-образные брови, близко посаженные глаза, прямой и длинный нос, рот. Брови и нос выдавлены изнутри, глаза и рот выбиты с лицевой стороны. Верхний имеет подтреугольный овал лица, вытянутый подбородок, остроугольное оформление головы (рис. 1, 1). У нижнего контуры лица

овальные, рот слегка приоткрыт, подбородок, и верхняя часть головы срезаны по горизонтали (рис. 1, 2). Различия подчеркивает отсутствие у нижнего маскоида остроугольного завершения головы (убора или волос). Края обеих пластин загнуты внутрь, что свидетельствует о наличии деревянной основы, на которую они крепились. Соподчиненность образов, выбитых на пластинах, и порядок их наложения друг на друга, судя по всему, изначально учитывались при изготовлении.

В могиле № 43 взаиморасположение личины и круглой палочки среди органических остатков позволяет идентифицировать их с куклой, захороненной вместе с покойным. Лицо куклы сделано из свинцовой пластины (рис. 1, 3), наложенной на деревянную основу в нагретом состоянии. Хорошо читаются выступающий лоб, длинный мясистый нос, выпуклые щеки. Подбородок, возможно, был обрезан, как и у нижнего маскоида с могилы № 19. Нос выдавлен изнутри, глаза и рот выбиты с лицевой стороны, и выполнены в той же манере и технике, что и на пластинах из жести. Правый край загнут, левый обломан.

Включение личин в предметный комплекс могил могло быть продиктовано личностными особенностями или профессиональными качествами покойных, их социальным статусом, обстоятельствами или характером смерти. Несомненно одно: их присутствие отражает особое прижизненное положение данных мужчин в социуме, что повлекло за собой проведение разных действий при погребении и после похорон.

Обсуждение

В целом, для иконографии личин с Бедеревского Бора II характерны архаичность облика, упрощенная трактовка лица, стилизация. Суровым и строгим выражением лица они сближаются с культовыми скульптурами богов и духов самодийских и обско-угорских народов, у которых оформление мужского лица выполнялось по традиционным канонам: Т-образная линия надбровных дуг, плоские щеки, прямой нос, остроугольное завершение головы. Лица женщин имели более мягкие, плавные контуры, прямое или овальное завершение головы. Эти приемы использовали тымские селькупы при изготовлении духов-покровителей. Большинство скульптур из Лымбельского культового амбарчика, хранящихся в Колпашевском музее, имеет остроугольное завершение головы, деревянные духи с Ыйского культового места были круглоголовыми [8, с. 97–109; 9, с. 145–146]. Ближайшие соседи селькупов, васюганские ханты, аналогичным образом вытесывали своих домашних духов. «Женские» приемы использовали манси при оформлении деревянной скульптуры «работников», «караульных», «слуг» основных духов-предков. Таким образом, принцип оформления верхней части головы антропоморфов, вплоть до новейшего времени, оставался важнейшим символом, зрительно связанным с образом и рангом божества [10, с. 144–145]. Остроголовость бронзовых антропоморфных личин раннего средневековья исследователи считают символом боевого сфероконического шлема воинов-богатырей. Есть и иное объяснение, связанное с практикой деформации черепов в начале I тыс. н.э. у привилегированной части западносибирского общества [11, с. 84–87].

Традиция изготовления антропоморфных личин в Западной Сибири имеет глубокие корни. Ее появление в Томско-Нарымском Приобье связано с носителями кулайской культуры [1, с. 41–44, 74–76], в раннем средневековье эту традицию продолжило население релкинской культуры, антропоморфное литье которого отражало их представления о мифических героях и героях-богатырях. Л.А. Чиндина отмечает, что в могильнике Рёлка практиковался и обычай погребения кукол: антропоморфные личины исследователь связывает с масками для кукол, выполнявших роль вместилищ души [3, с. 41–48, 98].

Деревянные антропоморфные куклы с личинами того же времени обнаружены на поселенческих и могильных комплексах Сургутского Приобья [2, с. 26–52]. Сайгатинских кукол с остроголовыми личинами Н.В. Черкасова интерпретирует, как посмертные изображения почитаемых предков-воинов [12, с. 24]. К.Г. Карачаров считает, что изготовление куклы и помещение ее в могилу могли означать, как «смерть» самого изображения, так и олицетворяемой им души (духа) или человека, поэтому он выделяет изображения умерших, живых людей и божков [2, с. 45–49].

А.И. Боброва считает позднесредневековые тискинские куклы, с лицами из свинцовых пластин, вместилищами душ особо почитаемых предков и шаманов [4]. Куклы, с лицами из оловянных решеточек, и личины из жести из хантыйско-ненецкого кладбища Халас-Путор, по мнению О.А. Мурашко и Н.А. Кренке, отражают существование обрядовой нормы помещения изображений умерших в могилы [13, с. 64]. В источниках о северных остяках XIX в. сохранились сведения о домашних «болванах», которым «рожи приделывают, высеченные на тонком железе». Такие изображения сохранились до наших дней [14, с. 91].

Возможности интерпретации антропоморфов, кукол и личин в архаичной традиции аборигенного населения и особого отношения к ним значительно возрастают с использованием этнографических параллелей. В связи с этим, особо следует отметить, что обычай изготовления антропоморфных изображений сохранялся у селькупов р. Тым и в советское время. В семейных и родовых культовых амбарчиках хранились их духи – изображения предков и бывших шаманов. Им служили и находились вместе с ними духи-помощники антропо- и зооморфного облика. Действия духов-покровителей охватывали район влияния семьи и рода. От их благосклонности и

расположения зависели здоровье и жизнь селькупов. Кроме того, каждая семья имела и своих семейных кукол-двойников. По представлениям селькупов одна из душ, после некоторого пребывания в теле человека-хозяина, переселялась в куклу – деревянное антропоморфное изображение, которое сопровождало человека на протяжении его жизни. После смерти хозяев их уничтожали – сжигали или бросали в воду [15, с. 58–60].

Помимо кукол-двойников, антропоморфными изображались семейные (домашние) духи-идолы «кава-лозы», призванные охранять своего хозяина, заключая в себя злых духов, беды и болезни. Среди этой категории различались «кава-лозы» обычных людей и шаманов. Изображения старейших и уважаемых мужчин становились предками-покровителями и их хранили в переднем углу дома. У южных селькупов для хранения кукол покойных шаманов существовали специальные места: на р. Тым в окрестностях пос. Компас, на р. Кети около юрт Лукьяновских, на р. Оби около юрт Ласкиных и на р. Васюган около юрт Старо-Югиных [15, с. 66].

Практика изготовления после смерти человека куклы умершего известна многим сибирским этносам. Изображение воспринимается ими, как вместилище одной из душ покойного. У обских угров это душа-тень – итэрма (иттарма), у селькупов – кэдо, у ненцев – сидрянг, у кетов – дангольс. Материал, размеры, технологические приемы, время изготовления и хранения куклы различались. Их делали из дерева, ткани, камня, отливали из свинца, вырубали из жести. Размеры кукол варьируют от длины ладони до 30–40 см. В отличие от безликих родильных кукол, кукол-игрушек иттерма всегда делали с «лицом», обозначая его бляшкой, пуговицей или монетой из светлого металла [16, с. 195]. Главным ее свойством, как считает Т.А. Исаева, была материальная связь с умершим. Она проявлялась в использовании одежды и волос покойного при изготовлении куклы [16, с. 188, 195].

О судьбе изображений существуют противоречивые сведения. Есть сведения о том, что их зарывали на кладбище, помещали в «гробницу» покойного, иногда для них делали амбарчики. Манси и северные ханты после погребения человека в течение 2–2,5 лет хранили куклу в коробке или сундучке в доме покойного. Ее одевали, «кормили», переносили на ночь на спальное место умершего. По истечении этого срока, душа, находящаяся в иттерма, возрождалась, и тогда судьба ее решалась окончательно. По материалам З.П. Соколовой, иттерма детей, девушек и молодых женщин хоронили в могиле или в лесу [17]. У сосвинских манси кукла наследовала и хранила старейшая женщина. После ее смерти их хоронили вместе с ней.

Иттерма шаманов и уважаемых стариков становились духами-покровителями семьи, поэтому их хранили в священном сундуке или же оставляли под деревом на святилище. По мнению А.В. Бауло, большинство изображений умерших переходило в состав духов-предков, охраняющих семью, а иттерма шамана «поклонялись, как божеству» [14, с. 98]. Церемония перехода иттерма в домашнего духа-охранителя у сынских хантов подробно описана Н.М. Талигиной [18]. Судьба души покойного определялась шаманом: если она соглашалась стать духом-покровителем, то устраивали жертвоприношение с участием духов и иттерма. В момент принесения в жертву животного происходил переход вместилища души иттерма в домашнего духа-охранителя, после чего ее помещали к домашним духам [18, с. 96].

У ненцев представления об иттырма (иттерма) и способах ее изготовления разнятся по этнотерриториальным группам, но, практически во всех, после смерти человека изготавливали куклу и хранили ее вечно. В память об умершем шамане делали его скульптурное изображение и включали в число семейных духов-предков, но не хоронили. У ненецких родов хантыйского происхождения после смерти человека вытесывали изображение «сидрянг», которому вместо лица вставляли металлическую пластину. Спустя три года изображение хоронили отдельно от покойного в особом ящичке вблизи его гроба [19, с. 220–221].

Результаты и заключение

С учетом сказанного, можно сделать вывод о том, что в Приобье обычай изготовления антропоморфов имеет глубокие корни, и существовал уже в эпоху раннего железного века. Истоки специфического отношения к предметам, связанным с телом покойного и его душой, возможно, следует искать в культурах Южной Сибири. Изготовление куклы, как вместилища души умершего, и различные манипуляции с ней, особенно ярко проявились в погребальной практике носителей таштыкской культуры. В I–IV вв. они, наряду с кремацией отдельных лиц, практиковали изготовление погребальных кукол, которые являлись заменителем тела покойного и, вполне вероятно, конкретным вместилищем его души [20, с. 21–31].

Многообразие антропоморфных изображений, позволяющее по-разному их интерпретировать, а также разветвленная, иерархическая система многочисленных духов и различия в трактовке их качественных характеристик, не способствуют однозначности определения среди них места личин с Бедеревского Бора II. Однако сам факт их присутствия в могильнике свидетельствует об отношении к ним, как к изображениям душ умерших. Так, кукла из могилы № 43, по аналогиям с этнографическими материалами, вероятно, является вместилищем души умершего обычного человека – иттерма, похороненной вместе с покойным. Маскоиды с могилы № 19, возможно, были связаны с категорией шаманских духов-покровителей или духов-предков. Не исключено, что они

принадлежали изображению духа – помощника шамана. Данному предположению не противоречит присутствие в одном ряду с этой могилой захоронения шамана, после смерти которого изображение его духа-помощника могло быть оставлено под деревом на родовом кладбище. По иконографии и оформлению головы маскоиды обнаруживают значительную близость антропоморфным деревянным скульптурам и металлическим изображениям семейных и родовых духов тымских селькупов, большинство из которых было остроголовыми.

Различия в иконографии маскоидов и присутствие разнополюх (?) изображений в едином комплексе, найденном *in situ*, могли быть связаны и с изображениями легендарных богатырей-предков, отличительной чертой которых была «остроголовость». Хорошо известно, что лица таких идолов часто покрывали металлом, своего рода маской.

Аналогий способу одноактного изготовления металлических личин и наложения их друг на друга в культовой практике сибирских народов не выявлено. Специфика в их иконографии может объясняться гендерными различиями существ, которым предназначались маскоиды. В связи с распространенным явлением травестиизма в сибирском шаманстве [15, с 33], после смерти шамана это свойство мог сохранять его дух-помощник. В таком случае наличие разнополюх личин, вложенных одна в другую, отражает представления о двуедином образе духа – помощника шамана.

По иконографии тымским маскоидам особенно близки изображения «богов» и «болванов» с Нижней Оби, с высеченными на тонком железе «рожами», и деревянные фигуры духов с лицами, закрытыми железными масками [14, с. 91–93]. Поэтому интерпретация их в качестве семейных или родовых духов-предков, на наш взгляд, обоснована.

Находки маскоидов и куклы с личиной из могильника Бедеревский Бор II свидетельствуют о том, что в погребальной практике предков тымских селькупов сформировались представления о душе умершего и духах-помощниках. Эти представления настолько близки представителям обско-угорского мира, что позволяют предполагать наличие общего мировоззренческого пласта в культуре таежных обитателей Среднего Приобья.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект № 2059: Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект).

Примечания:

1. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 254 с.
2. Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. Сб. науч. тр. / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 26–52.
3. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.
4. Боброва А.И. Берестяные свертки с куклами из Тискинского могильника // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории / Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 9–10.
5. Боброва А.И., Торощина Н.В. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор II // Вестн. Том. гос. ун-та (История) / Изд-во Том. ун-та. 2013. № 2 (22). С. 18–21.
6. Савинов Д.Г. Ритуальный предмет/изображение (о дифференцированном подходе к интерпретации) // II Северный Археологический Конгресс. Доклады. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: Изд-во Чароид, 2006. С. 322–337.
7. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 318 с.
8. Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: Каталог. Томск: Изд-во Ветер, 2007. 280 с.
9. Ким А.А. Духи и души тымских селькупов (по заметкам этнографа Р.А. Ураева) // Земля каргасокская. Сб. научно-популярных очерков. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1986. С. 140–147.
10. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народов манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 190 с.
11. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989. 176 с.
12. Черкасова Н.В. Средневековые тонгхи Западной Сибири // Духовная культура Урала: Тез. докл. науч. конф. Свердловск, 1987. С. 22–25.
13. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М.: Наука, 2001. 155 с.
14. Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов. Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. № 1 (17). С. 89–101.

15. Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
16. Исаева Т.А. Кукла в игре и сакральном пространстве (по материалам исследований традиционной культуры ханты) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург–Сургут: Изд-во Магеллан, 2007. С. 186–196.
17. Соколова З.П. Иттерма. Мифология манси // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 2. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 59–60.
18. Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла // Сынские ханты. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 82–98.
19. Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. С.-Пб.: Русский двор, 1995. 335 с.
20. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. С.-Пб.: Изд-во Центра Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.

References:

1. Chindina L.A. The Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age. Tomsk. Gos. Un-ta Publ., 1984, 254 p. (In Russian).
2. Karacharov K.G. Anthropomorphic Dolls with Masks of VIII–IX Centuries from the Suburbs of Surgut // Proceedings and Studies on the History of Northwestern Siberia. Collection of Scientific Papers / Yekaterinburg: Publishing House of the Urals University, 2002, pp. 26–52. (In Russian).
3. Chindina L.A. Relka Burial Mound in the Middle Ob Region. Tomsk. Gos. Un-ta Publ., 1977, 193 p. (In Russian).
4. Bobrova A.I. Birch Bark Bundles with Dolls from the Tiskinsky Burial Mound // The Cultural Space in the Archeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories / Proceedings of XII Western Siberian Archeological and Ethnographic Conference. Tomsk. Gos. Un-ta Publ., 2001, pp. 9–10. (In Russian).
5. Bobrova A.I., Toroshchina N.V. Anthropomorphic masks from burial ground Bederevsky Bor II // Tomsk state University journal of History // Tomsk. Gos. Un-ta Publ. 2013, vol. 2 (22), pp. 18–21. (In Russian).
6. Savinov D.G. Ritual Object / Image (Differentiated Approach to Interpretation) // II Northern Archeological Congress. Reports. Khanty-Mansiysk Yekaterinburg: Publishing House Charoid, 2006, pp. 322–337. (In Russian).
7. Tuchkova N.A., Glushkov S.V., Kosheleva E.Yu., Golovnev A.V., Baydak A.V., Maksimova N.P. The Selkups. Essays on the Traditional Culture and the Selkup Language. Tomsk. Polytechnic Un-ta Publ., 2011, 318 p. (In Russian).
8. The Selkup Ethnographic Collection of the Kolpashevo Local Museum: Catalogue. Tomsk: Publishing House Veter. 2007, 280 p. (In Russian).
9. Kim A.A. Spirits and Souls of the Tymusk Selkups (based on Proceedings of Ethnographer R.A. Uraev) // Kargasok Land. Collection of Popular Science Essays. Tomsk. Gos. Un-ta Publ., 1986. pp. 140–147. (In Russian).
10. Gemuev I.N., Sagalaev A.M. The Religion of the Mansi People. Sacred Sites (XIX – early XX). Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 190 p. (In Russian).
11. Gemuev I.N., Sagalaev A.M., Solovyev A.I. Legends and True Stories of the Taiga Land. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 176 p. (In Russian).
12. Cherkasova N.V. Medieval Tongkhas of Western Siberia // Spiritual Culture of the Urals: Abstract of the Paper for the Scientific Conference Sverdlovsk, 1987, p. 22–25. (In Russian).
13. Murashko O.A., Krenke N.A. The Culture of Indigenous People in the Obdorsk North of XIX Century. Moscow, Nauka Publ., 2001, 155 p. (In Russian).
14. Baulo A.V. Home (Family) Sanctuaries of Northern Khanty People. Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Novosibirsk: Publishing House of the Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004, vol. 1 (17), pp. 89–101. (In Russian).
15. Pelikh G.I. Proceedings for the Selkup Shamanism // Ethnography of the Northern Asia. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, p. 5–70. (In Russian).
16. Isaeva T.A. The Doll in the Culture and SacredSpace (Based on the Studies of the Traditional Culture of the Khanty // Myths, Rites and Ritual Objects in the Antiquity. Yekaterinburg–Surgut: Publishing House Magellan, 2007, p. 186–196. (In Russian).
17. Sokolova Z.P. Itterma. Mythology of the Mansi // Encyclopedia of the Urals Mythology. Vol. 2. Novosibirsk: Publishing House of the Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001, pp. 59–60. (In Russian).
18. Taligina N.M. Rites of the Life Cycle // The Synsk Khanty. Novosibirsk: Publishing House of the Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005, pp. 82–98. (In Russian).
19. Homich L.V. Nenets. Essays on the Traditional Culture. Saint-Petersburg: Russky Dvor, 1995, 335 p. (In Russian).

20. Vadetskaya E.B. Tashtyk Age in the Ancient History of Siberia. Saint-Petersburg: Publishing House of the Saint-Petersburg Center of Oriental Studies, 1999, 440 p. (In Russian).

УДК 902–904+39 (571.1)

Металлические личины с реки Тым

¹ Наталья Витальевна Торощина

² Анна Ивановна Боброва

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томск

Инженер-исследователь

E-mail: natator@mail.ru

² Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 75

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: a_bobrova@bk.ru

Аннотация. Находки антропоморфных личин и «кукол» в археологических памятниках Западной Сибири – явление довольно редкое, но известное. Их картографирование позволяет выделять Сургутское и Нарымское Приобья в качестве места их концентрации, начиная с эпохи раннего средневековья. В Нарымском Приобье, на территории расселения предков южных селькупов, традиция изготовления кукол и металлических личин нашла отражение в могильниках позднего Средневековья – Нового времени Тискинском и Бедеревский Бор II и доживает до этнографической современности. «Кукла» из могилы № 43 свидетельствует о существовании обычая изготовления изображений умерших-иттерма. Личины из жести с могилы № 19 относятся к категории семейных или шаманских духов-покровителей.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Тым; Бедеревский Бор; селькупы; металлические личины; духи-покровители; иттерма.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

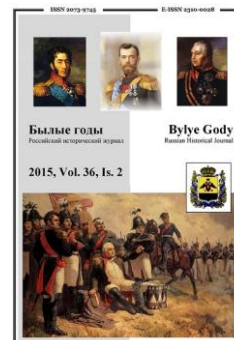
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 245-253, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Russia's Territorial Size as a Concept for International Politics: Nikita Panin's Northern System (1760–1770)

Konstantin D. Bugrov

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russian Federation
Prospekt Lenina 51, Ekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620002
Dr. (History), Researcher
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Abstract

The actual paper deals with the issue of conceptual grounds of Russian political thought in its international aspect. The author argues that Russian politicians of the 18th century were paying special attention to the fact of Russia's unique territorial size, which was used as a conceptual basis for building a distinctive model of international policy for the Empire. The 'Northern System', installed by Nikita Panin, a prominent statesman at the court of Catherine the Great Russian who masterminded Russian foreign policy from 1764 to 1779. The author demonstrates that Panin understood Russian Empire as a territorial giant which doesn't need expansion of its borders anymore and therefore could propose a diplomatic system based on stability, peace and commerce. That system was putting emphasis upon the concision of Russian diplomatic domination and the 'natural interests' of the states of Northern and Eastern Europe. The similar understanding of Russia's uniqueness in terms of territorial size would become a basis for proposing similar models for international regulations, in which Russia's vast size was to be seen as a precondition for a role of a peacemaker rather than expansionist.

Keywords: Northern System; international regulation; Russian diplomacy; Nikita Panin; Catherine II; partition of Poland; expansion; geopolitics; territorial space.

Введение

Известный американский специалист по российской истории Дж. Ле Донн в работе «The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831» (2004) характеризовал стремительный рост территории России в XVII–XVIII вв. как тягу к «доминированию в Хартленде¹», вдохновленную одновременно римскими и монгольскими примерами. Безапелляционный тон таких замечаний, впрочем, был смягчен жалобами Ле Донна на то, что документы XVII–XVIII в. «содержат очень мало того, что могло бы быть полезным при конструировании парадигмы большой стратегии... интегрированного военного, геополитического, экономического и культурного взгляда» [1]. Это не помешало американскому исследователю декларировать наличие у России собственной «гранд-стратегии», скроенной на римско-монгольский манер – так, словно мысль о перманентной экспансии была для российских элит естественной. Но даже если характеристика Российской империи как «военно-фискального государства» [2] является верной, это не позволяет считать внешнюю политику России детерминированной.

Методы и материалы

В связи с обозначенной проблемой, уместно обратиться к анализу поведенческих моделей, мотиваций, а также социальных и политических представлений, на которых основывались действия конкретных исторических акторов, влиявших на российскую международную политику в XVIII–

¹ Геополитический термин, обозначающий центральное пространство Евразии.

XIX вв. Перспективными в данном отношении являются методы интеллектуальной истории и «истории понятий», нацеленные на детальную реконструкцию значений понятий и речевых единиц, присутствующих в источнике. Такая реконструкция опирается на тщательное изучение контекста тех или иных высказываний, а также интертекстуальных связей. В настоящей статье эти методы применяются для изучения обширного комплекса текстов, вышедших из российского дипломатического ведомства (письма и инструкции российским послам, отчеты и «мнения», письма к государям сопредельных держав) и отразивших представления российской элиты 1760–1780-х гг. о территориальной протяженности государства.

Вестернизация России на рубеже XVII–XVIII вв. сформировала секулярное пространство российской культуры, открывая компаративную перспективу и вытесняя былые представления об уникальности России как единственного царства истинного христианства. В свою очередь, сравнение предполагает формирование новой идентичности, осознание специфики в единых категориях, делающих сравнение обоснованным и весомым. Одним из ярчайших отличий России от других европейских держав была ее территориальная обширность. Особенно важным этот фактор представляется в силу того, что одна из наиболее влиятельных традиций европейской социально-политической мысли (восходящая к Аристотелю и Цицерону и проходящая красной нитью через последующую историю Европы) придавала ключевое значение связи между социально-политическими, экономическими и географическими характеристиками, среди которых территориальная протяженность занимает одно из важнейших мест.

Каким же было представление руководителей Российской империи о территориальной протяженности государства? Ниже этот вопрос будет рассмотрен на примере политических воззрений одного из наиболее ярких государственных деятелей России этой эпохи, Н.И. Панина – руководителя коллегии иностранных дел в 1760–1770-х гг. и создателя знаменитой Северной системы российской внешней политики.

Обсуждение

Северная система часто удостаивалась нелестных характеристик от исследователей – например В.О. Ключевский описывал ее так: «Северные не католические государства, впрочем со включением и католической Польши, соединялись для взаимной поддержки, для защиты слабых сильными. Боевое назначение, прямое противодействие южному союзу лежало на главах северного союза, “активных” его членах, на России, Пруссии и Англии; от государств второстепенных, от “пассивных” членов, каковы Швеция, Дания, Польша, Саксония и другие мелкие государства, имевшие присоединиться к союзу, требовалось только, чтобы они при столкновениях обоих союзов не приставали к южному, оставались нейтральными. Это и была напумевшая в свое время северная система». Самого Панина Ключевский в той же лекции охарактеризовал следующим образом: «Это был дипломат-белоручка, и так как его широкие планы строились на призраке мира и любви между европейскими державами, то при своем дипломатическом сибаритстве он был еще и дипломат-идиллик, чувствительный и мечтательный до маниловщины» [3].

Такая характеристика не может вызывать удивления: указание на наличие какой-то системы воспринималось историками-позитивистами рубежа XIX–XX вв. как проявление кабинетного догматизма [4]. Тем не менее и сегодня оценки Северной системы разнятся от критических [5] до позитивных [6], и даже позитивные оценки, в свою очередь, четко отделяют «доктринальные» элементы системы от полученных с ее помощью практических выгод.

Представляется, что более перспективным является именно анализ представлений Панина о международной политике и месте России в мире на основании тщательного изучения понятийной структуры его текстов в соответствующем историческом контексте. «Доктринальные» элементы системы Панина, а вовсе не проставление оценок в категориях «исторического успеха» *post factum*, являются, по моему мнению, наиболее интересным предметом исследования, позволяющим лучше понять те принципы и соображения, вокруг которых была организована российская международная политика России в 60-е – 70-е гг. XVIII в.

Прежде всего, Панин считал Северную систему не искусственной системой союзов, а совокупностью международных отношений на севере Европы, опирающейся на «натуральный интерес» государств – вне зависимости от того, заключены соответствующие союзы или нет. Так, Панин сурово критиковал советников польского короля Станислава Понятовского, которые «по одной только привычке к предубеждениям и к своей персональной преданности хотят насильствовать все политические правила и резоны настоящего положения своего короля с общим сопряжением всей северной системы и влекут его в узы мнимой дружбы с такими державами, которые как никогда ни истинного желания, ни достаточной возможности иметь не могут его действительно подкреплять, так напротив того всегда готовы будут возбуждать всякия замешательства между им и его соседними державами, в чем кажется уже не без большого успеха действуют» [7]. Конечной целью российской политики в рамках Северной системы, на взгляд Панина, было «приближение к совершенству единомыслия всех тех дворов, которые пекутся о северном покое и о всенародной тишине» (*repos du nord et la tranquillite generale*) [8].

Если существует «натуральная» система международных отношений, служащая почвой для объединения государств на основании взаимной пользы, то существуют и «извращенные», ложные представления правителей о собственных интересах, навязываемые извне. На этом концептуальном противопоставлении – «натуральный интерес» против манипуляции извне – и были основаны представления Панина о международной политике. Рассмотрим его на двух следующих ниже примерах отношения Панина к Великобритании и Франции.

Ключевым пунктом Северной системы оставалась симпатия к Великобритании, которую Панин считал «натуральнейшею России союзницею». Так, сожалея о провале переговоров с Великобританией относительно торгового трактата в 1766 г., Панин замечал: «Обоюдные наши нужды завсегда настоя, установят взаимственное различие, которое мы учиним между собою и другими нациями, и сохраняют в своей силе те политическия сопряжения, которыя нас соединяют <...> Никакое препятствие не может отделить российскую политическую систему от великобританской» [9]. Вместе с тем Панин не питал иллюзий в отношении британской политики, регулярно упрекая лондонских политиков в цинизме и близорукости, отвергая ссылки на волю парламента как пустые «претексты». В самом конце своей карьеры, в докладе коллегии иностранных дел «Положение настоящее дел Английских и воображаемое Бурбонских домов возвышение», Панин подвергнет британскую политику язвительной критике.

В «постскрипте» Панина от 27 октября 1768 г. И.Г. Чернышеву, направленному послом в Лондон, шеф российской внешней политики разъяснял «начальные наши политические правила»: «Локальное положение земли, ея народа, на форме правления основанный образ мыслей и существительныя из земли произрастаемыя силы и ресурсы, определяют несумненно то самое существо, которым каждая земля себя почитать должна». Следовательно «как Англии невозможно никогда себя главнейше счесть сухопутною державою, так и мы напротив того не потеряв всех наших авантажей, составляющих настоящую нашу в Европе знатность, равно не можем облечься в одни виды морской державы». От союза России и Великобритании зависит европейский баланс сил: «В конекции европейской политической системы Англии надобны и нужны наши превосходныя сухопутныя силы» [10]. Такое признание, впрочем, не помешало российской дипломатии позднее, когда Великобритания попыталась на деле прибегнуть к российским «сухопутным силам» во время войны в Америке, отказать «натуральнейшей союзнице» в этой просьбе. В докладе коллегии иностранных «Положение настоящее дел Английских и воображаемое Бурбонских домов возвышение, должныя обращать Внимание наше на все события, от того последовать могуция» от 31 июля 1779 г.¹ – одном из последних обширных текстов, созданных Паниным – подробно рассматривался ход войны между Великобританией и коалицией Франции, Испании и США. Характерно, что Панин, признавая, что победить Великобританию у Франции не получится, одновременно беспощадно критиковал политику британского правительства – близорукую, беспорядочную и основанную на вере в то, что «к случаю и ко времени гиней достанут ему всегда союзников». Такая политика, пригодная – по ядовитому замечанию Панина – для мелких германских княжеств, но не для великой державы, разрушает британскую «инфлюэнцию» на континенте, озлобляет нейтральные государства и не может объясняться ничем иным, кроме «внутренняго и надменнаго его удостоверения, что собственныя силы Великобритании во всяком разуме достаточныя равновесить силам неприятелей ея». Но здесь Панин переходит к типичному для себя обобщению: «Подлинно чрезвычайныя пособия, которые она извлекая из себя самой, повсегодно вновь открывает и умножает без порвания струн, должныя убедить свет, что таковое удостоверение не несправедливо. С которой стороны ни взять, везде встречается достаточная сила или к обороне, или к наступлению» [11]. Несмотря на все просчеты британских политиков, у Великобритании хватит сил справиться с враждебной коалицией собственными силами – таков ее потенциал, подкрепленный геополитическим положением: «Само положение Британских островов «необходимо уже навсегда сотворяет их и первую морскою и первую коммерческою державою». «Натуральные» факторы в международной политике перевешивают любые сиюминутные политические комбинации, и даже близорукая политика Лондона не способна разрушить величие Британии, устойчиво покоящееся на объективных социальных, экономических и географических основаниях.

Антиподом Великобритании в Северной системе выступала Франция, о которой в упомянутом выше «постскрипте» Чернышеву сообщалось: «Хочет она еще пламя военное и не разлучныя с оным народныя бедствия распространить далее на том намерении, чтоб напоследок завести генеральную войну на всей твердой земле Европы, а, по крайней мере, в здешнем ея краю, яко заключающем в себе главную часть всех сухопутных военных сил, дабы истощевая одну державу против другой, а сама с Гишпаниею оставаясь в покое, доставить себе на общем их изнеможении большую, нежели бы инако быть могло, свободу и способность ударить потом на Англию с превосходными силами» [12].

¹ Полагаем, что именно Панин был основным автором этого текста; на его авторство указывают пространные рассуждения о Великобритании, ее внутреннем положении и ее естественной связи с российской политикой, характерные для рассмотренных выше представлений Панина о месте России в мире, а также тот факт, что завершающая часть доклада посвящена Северной системе и написана в довольно-таки менторском тоне.

Таким образом, система Панина основывалась на том соображении, что «натуральные» интересы России позволяют оставаться в мире, тогда как иностранное (прежде всего – французское) влияние втягивает европейские государства в войну за навязанные им ложные цели. Задача российской дипломатии – противодействовать французской «инфлюэнции». Удержание соседних с Россией государств в «натуральном» положении, при котором они остаются недоступными для попыток Бурбонов втянуть их в войну. В конце 60-х гг. XVIII в., во время усиления прусского давления на польские границы, Екатерина II старалась удержать польского короля Станислава Понятовского от необдуманных шагов с помощью аргументов, почерпнутых из концептуального арсенала Панина: Речи Посполитой следует опасаться Пруссии, но именно поэтому поддерживать с Пруссией мирные отношения жизненно важно, так как прусский король все равно сильнее польского [13]. Эти откровенные аргументы означают, что для российских политиков мирное сосуществование соседей в известной степени вытекало из самого факта неравенства их сил.

Именно в таком контексте обретают смысл часто исходившие из Санкт-Петербурга заявления о том, что российская политика имеет теперь принципиально новый, самостоятельный, характер и о том, что «мы ни за кем хвостом не тащимся». Выход из Семилетней войны означал не просто смену союзников (условно говоря, замену Австрии на Пруссию), но решительное обновление курса, который отныне исключал для России возможность быть втянутой в войну помимо явной необходимости обороняться, и отказ предоставлять иностранным державам возможность использовать мощные российский военный ресурс для достижения их целей территориального расширения.

В императорском рескрипте послу в Лондоне Гроссу от 5 ноября 1764 г. характер Северной системы разъяснялся следующим образом: «Сию систему полагаем мы в том, чтоб сколько возможно соединиться северным державам непосредственными между собою союзами и тем мимо бурбонскаго и австрийскаго домов составить твердое в европейских делах равновесие, а тишину северную и совсем освободить от их инфлюэнции, которая толь часто производила в оной бедственные следствия» [14]. В рескрипте послу в Варшаве Репнину от 11 ноября 1764 г. отмечалось, что именно с помощью этой системы «генеральный покой, равновесие и независимость целой Европы сохраняемы быть должны противу столь важнаго и знатнаго соединения Бурбонскаго дома» [15].

Это соображение, в свою очередь, опиралось на уверенность: территориальное расширение России не интересует, а «натуральный интерес» сопредельных государств диктует им оставаться в мирном положении, развивая торговлю с соседом, превосходящим их в военной силе. Напротив, европейские государства, опутанные сетями взаимных территориальных претензий, династических прав и застарелых конфликтов (тлеющих как в Европе, так и в колониях), стремятся к войне для решения своих территориальных проблем. Особый циркулярный рескрипт от 9 ноября 1763 г. был посвящен рассеиванию слухов о том, что Россия намеревается вместе с Пруссией отторгнуть от Речи Посполитой приграничные провинции: «Такия рассеиваемыя лжи не заслуживают нашего уважения, потому что свет уже удостоверен, коим образом мы, вступя на всероссийский имп. престол, главным предметом положили стараться не токмо о соблюдении с соседними с нами державами доброй дружбы, но и о восстановлении общей тишины, которою теперь весь человеческий род и наслаждается; намерения же нашего никогда не было, да и нет в том нужды, чтоб стараться о расширении границ империи нашей, – она и без того составляет нарочитую часть всего земнаго круга; а только старание наше простирается к тому, чтоб многия в империи нашей лежащия, к человеческому обитанию весьма удобныя, но к сожалению еще необитаемыя земли населить и привести в цветущее состояние» [16].

Об этой позиции из Санкт-Петербурга регулярно напоминали российским послам за рубежом. Например, в инструкции российскому послу в Саксонии А.М. Белосельскому от 2 мая 1768 г. отмечалось: «Россия таких раздробленных и разнообразных интересов, как в самой Германии, так и во всей христианской части в Европе, не имеет, каковы суть интересы других держав» [17]. Под «другими державами» подразумевались Франция и Австрия; саксонцам предлагалось «натурально желая мирными выгодами пользоваться, нежели отваживать себя в новыя дальности, не без помышления находится обнадежить себе твердость онаго и защиту теснейшим согласием с Россиею». Аналогичная формулировка в несколько усеченном виде (опущены были инвективы по адресу Франции и Австрии) была включена в инструкции направленному в Мадрид послом О. Штакельбергу, а также уже упомянутому послу в Лондоне И.Г. Чернышеву (1768) [18].

Война с Османской империей 1768–1774 гг. расценивалась Паниным как политическая ошибка Константинополя, втянутого в войну французской интригой. Еще в рескрипте от 26 апреля 1764 г. посланнику в Константинополе А.М. Обрескову Панин называл «кровавопролитной войной по чужестранным интересам, которая только в пагубу человечеству обратилась» войну 1737–1739 гг. между Австрией и Россией, с одной стороны, и Турцией – с другой [19].

И в инструкции назначенному уже после войны послом в Константинополе Н. П. Репнину от 24 апреля 1775 г. отмечалось: «Окончив толь славно и толь счастливо войну тягостную, положили мы отныне впредь непоколебимым правилом государственной нашей политики упреждать и отвращать по крайней возможности все поводы и причины к повреждению мира и добраго согласия со всеми окрестными державами». Политика в отношении Турции заключалась в том, что «Россия отнюдь и ни в чем не желает ущерба ея интересам, ея знатности и ея владениям, ибо система политическаго

нашего поведения не имеет сама по себе нужды в подчинении ей инфлюэнции других дворов, в чем напротив того Франция, всегда безпрестанно работая, сделала себе не искореняемую уже ничем привычку сорить между собою разныя державы, дабы чрез то на все стороны быть нужною и искомою» [20].

Например, в ходе политического кризиса в Швеции 1766 г. Панин предлагал послу в Стокгольме Остерману (в депеше от 19 мая 1766 г.) поддержать пророссийскую партию «колпаков» в шведском риксдаге с помощью декларации примерно такого содержания: «Ея имп. в-ство всероссийская... всему свету довольно показала, сколь совершенно она тем довольна, что имеет из руки Господней для благополучия многих народов; что потому ея в-ство отнюдь никаких видов не изволит иметь к распространению своей воли и власти, будучи паче главное и единственное положение всех ея политических правил основано на попечении сохранять и утверждать тишину и благоденствие не только внутри пределов империи своей, но сколько можно и в пользу всего рода человеческого, а особливо окрестных народов; что как она таким образом блаженство рода человеческого поставляет выше всего, то для поспешествования оному, не будет конечно никогда жалеть и оставлять втуне всех к сему великому предмету удобных способов» [21].

Итак, Северная система нацелена на мир и поддерживается двумя державами, которые не заинтересованы в конфликтах на континенте – Россией и Великобританией. Россия, в свою очередь, является миролюбивой не от слабости, а потому, что ее интересы не связаны с конфликтами в Европе. Панин отмечал две специфические черты российской международной политики – географическую и историческую. В географическом смысле Россия – крупнейшая держава Европы – не нуждалась в новых провинциях и, следовательно, не имела интереса в расширении территории за счет других государств. Кроме того, исторически у России не было сложной сети интересов, территориальных анклавов, династических претензий, которая постоянно провоцировала конфликты между старыми европейскими державами. Эти параметры определяли отсутствие заинтересованности России в конфликтах, о чем и рекомендовалось помнить послам, направляемым в иностранные государства.

Ключом к мирному сосуществованию держав Панину представлялась взаимная торговля. В той части инструкции послу во Франции И. С. Бярятинскому, которая касалась российско-испанских отношений, было указано, что возможностей рассчитывать на улучшение отношений между держава пока не имеется, «когда взаимная их коммерция в самом еще младенчестве» [22].

Итак, Северная система, в значительной степени определявшая конкретные действия российской внешней политики в 60–70-е гг. XVIII в., была основана на нескольких концептуальных допущениях Н.И. Панина: осознании исключительной территориальной протяженности Российского государства и вытекавшим отсюда отказом от экспансии; понятии «натурального» интереса, обеспечивающего мирное сосуществование между Россией и ее соседями; разделением держав на «активные» и «пассивные», в зависимости от их формы правления; признанием ключевой роли торговли в мирном сосуществовании держав.

Секретарь и сподвижник Панина по коллегии иностранных дел, Д.И. Фонвизин, приводил в апологетическом «Житии графа Никиты Ивановича Панина» (1784) мнение своего патрона о российской дипломатии: «Толь обширная империя, какова есть Россия, не имеет причины употреблять притворства и... единая только искренность должна быть душою ее министерии» [23]. В своем историческом контексте эта характеристика весьма красноречива: пресловутая «искренность» российской дипломатии была связана с представлениями Панина о том, что российская внешняя политика в силу экстраординарной территориальной протяженности Империи связана только с «натуральными» интересами соседних государств. «Притворство» же оставалось орудием дипломаты Бурбонов, заинтересованных в захватах, войнах и общей нестабильности в Европе и, в частности, на российских границах. Следование «натуральному интересу» предполагало особую «искренность» российской дипломатии, тогда как дипломаты Бурбонов обречены все время внушать своим конфидентам ложные представления. (Это, впрочем, не мешало Панину и другим российским дипломатам виртуозно манипулировать мнением иностранных политиков с целью добиться наиболее выгодных для России результатов).

Первый раздел Речи Посполитой стал, по-видимому, ударом по системе, которую Панин тщательно выстраивал; шеф российской коллегии иностранных дел первоначально был противником раздела, инициатором которого оказался, по-видимому, король Пруссии Фридрих II, воспользовавшийся войной между Россией и Турцией [24]. Не вдаваясь в пресловутые поиски «виновника» раздела Речи Посполитой, отметим: вопрос о территориальном расширении воспринимался в Берлине и в Санкт-Петербурге по-разному.

Вопреки броской характеристике Ключевского, стиль мышления Панина, опиравшийся на рассмотренные выше концептуальные основания, был достаточно гибким. В конечном счете, даже раздел Речи Посполитой, против которого Панин первоначально выступал, оказался вписан в Северную систему. После того, как в Санкт-Петербурге возобладала точка зрения, отличавшаяся от воззрений Панина, шеф российской коллегии иностранных дел переключился на организацию раздела на тех условиях, которые в той или иной степени соответствовали бы его представлениям о российской международной политике; в процесс была вовлечена Австрия и раздел стал инструментом поддержания баланса между тремя державами. Например, в инструкции российскому

послу в Париже И. С. Барятинскому от 25 июля 1773 г. отмечалось: «Как свойство легкомысленных польских голов не позволило нам произвести и утвердить первый Ея Императорского Величества план в разсуждении республики, то есть, чтобы при национальных, следовательно же посторонними интересами не занятых королях, дать ей в Северной системе, следовательно же и во всех делах Европы, некоторый российским интересам содействующий активитет, в качестве державы второго ранга: то по сей неудаче, единственно от короля и нации Польских воспричинствованной, принужден был здешний двор... избрать другой план», заключающийся в совместном с Пруссией и Австрией округлении границ и превращении Польши в буферную зону между этими державами [25]. Мы наблюдаем здесь характерные черты представлений Панина о российской политике. Усилия Панина были направлены на то, чтобы раздел владений Речи Посполитой состоялся на условиях баланса: доли территории, присоединенные к Пруссии, Австрии и России, были насколько возможно равными, а жизненно важный для Речи Посполитой Данциг, несмотря на требования Фридриха II, остался под польским контролем [26].

Более того: Панин продолжал считать Северную систему успешно функционирующей даже в самом конце своей служебной карьеры, в уже упомянутом «Мнении»: «В сей Системе и Король Прусский, и Дания довольствуются из удостоверения внутренняго о превосходном интересе здешней Империи, занимать второе и третье место, являясь везде в сопутниках Ея Императорского Величества»; их «доверенность» «чрез толикое время ни единожды еще изменена не была». В докладе отмечалось, что прусский король «несколько лет сряду держал себя со всеми своими силами на готовой ноге к извлечению меча, сколь бы скоро Австрийцы противу нас тронулись», а «Дания равным образом оказывает себя при всяком случае усердным союзником России». Именно «сохранение таковых союзников, из которых один может справедливо почитаем быть в пользу России стражем с сухаго пути, а другой с моря, долженствует конечно быть и всегда оставаться первым правилом нашей политики, а когда сие так, то и нужно во всяком случае... благовременно и откровенно с ними сноситься и советовать об общих мерах, по крайней мере относительно до мира и тишины в Севере» [27].

Как отмечает Д. Гриффитс, «взгляд Никиты Панина на международные дела был характерен для неэкспансионистски настроенной части российского дворянства <...> Длительный мир, не требующее больших расходов расширение территории – вот средства Панина для возвращения внутреннего порядка и экономического процветания» [28]. Гриффитс – а вместе с ним и большинство исследователей – справедливо считает, что система Панина была оставлена Екатериной II, когда она сочла нужным перейти к более активной, более экспансионистской политике на южном направлении, стремясь в союзе с Австрией противостоять Турции. Северную систему сменил «Греческий проект», однако говорить необходимо не просто о смене внешнеполитических ориентиров или выбора союзников, но об изменении самого стиля мышления, концептуальных основ, вокруг которых строилась политика Империи. Этот вопрос был недавно с блеском проанализирован А.В. Мальгиным на примере южного направления российской политики при Екатерине II [29].

Заключение

Вопреки мнению Дж. Ле Донна, которое было приведено в начале настоящей статьи, правительственная документация России XVIII в. содержит достаточно данных, чтобы утверждать: российские элиты были способны выработать цельные системы взглядов на задачи российской политики, роль и место Империи в мире. Одной из таких систем была Северная система Н.И. Панина, которая заложила основы более широкой интеллектуальной традиции, просуществовавшей – с определенными вариациями – до самого падения монархии Романовых. Детальный анализ стилей мышления российских государственных деятелей, формировавшего эту и другие политические системы, позволит избежать одномерных выводов о мифической «гранд-стратегии» России, заключавшейся в безудержном экспансионизме по всем направлениям.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ.

Примечания:

1. Le Donne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. NY: Oxford University Press, 2004. P. 1–9.
2. Dunning Ch. Were Muscovy and Castile the first military-fiscal states // Quaestio Rossica, 2014, № 1. P. 191–197.
3. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. // Ключевский В. О. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 5. Лекция LXXVI.
4. Мальгин А. В. Присоединение Крыма к России в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 45–68.
5. Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2000.

6. Виноградов В. Н. Дипломатия Екатерины Великой. «Мы ни за кем хвостом не тащимся...» // Новая и новейшая история, № 3, 2011. С. 131-150.
7. Письмо Н. И. Панина к кн. Репнину // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 447.
8. Письмо Н. И. Панина к кн. Репнину // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 451.
9. Перевод с письма его в-пр-ства Никиты Ивановича Панина к английскому посланнику кавалеру Макартнею, от 7-го февраля 1766 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 460
10. Постскрипт письма гр. Панина к послу графу Чернышеву // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1893. Т. 87. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть V. 1768–1769 г. С. 180.
11. Мнение Н. И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. Копия. // РГАДА. Ф. 1274 «Панины – Блудовы». Д. 131. Л. 17-18.
12. Письмо графа Н. И. Панина к полномочному министру графу Остерману в Стокгольм // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1893. Т. 87. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть V. 1768–1769 г. С. 257.
13. Письмо Екатерины II к королю Станиславу Августу. По поводу несогласий его с Фридрихом II касательно таможен // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 257-263.
14. Рескрипт № 17 полномочному министру Гроссу в Лондон // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 63-64.
15. Рескрипт № 4 послу кн. Репнину в Варшаву // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 84.
16. Циркулярный рескрипт // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1886. Т. 51. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть II. 1763 и 1764 г. С. 102.
17. Инструкция из государственной коллегии иностранных дел отправляющемуся в Дрезден к курфюрстско-саксонскому двору чрезвычайным посланником, господину камер-юнкеру, князю Андрею Белосельскому // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 532.
18. Рескрипт графу Ивану Чернышеву // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1893. Т. 87. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть V. 1768–1769 г. С. 115.
19. Рескрипт № 14 резиденту Обрескову в Константинополь // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1886. Т. 51. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть II. 1763 и 1764 г. С. 320-321
20. Инструкция чрезвычайному и полномочному послу при Порте Оттоманской князю Н.В. Репнину // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1911. Т. 135. С. 362-363.
21. Деша Н.И. Панина к гр. Остерману // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 539.
22. Инструкция назначенному в Париж полномочным министром генерал-майору князю И.С. Барятинскому // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1904. Т. 118. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть VII. 1772–1773 г. С. 452.
23. Фонвизин Д. И. Жизнь графа Никиты Ивановича Панина // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 2. С. 279-289.
24. Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002. С. 131-133.
25. Инструкция назначенному в Париж полномочным министром генерал-майору князю И.С. Барятинскому // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1904. Т. 118. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть VII. 1772–1773 г. С. 450.

26. Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002. С.143-150.
27. Мнение Н.И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. Копия. // РГАДА. Ф. 1274 «Панины – Блудовы». Д. 131. Л.31-33
28. Гриффитс Д. Никита Панин, русская дипломатия и Американская революция // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: НЛЮ, 2013. С. 447
29. Мальгин А.В. Присоединение Крыма к России в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 67-68.

References:

1. Le Donne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650 – 1831. NY: Oxford University Press, 2004. P. 1-9.
2. Dunning Ch. Were Muscovy and Castile the first military-fiscal states // Quaestio Rossica, 2014, № 1. P. 191-197.
3. Klyuchevsky V. O. The Course of Russian History. Part V. // Klyuchevsky V. O. The Works. M.: Mysl, 1989. Vol. 5. Lecture LXXVI.
4. Mal'gin A. V. The Inclusion of Crimea into Russia in the light of motives of Imperial expansion // History and Modernity, 2013, № 1 (17). P. 45-68.
5. Eliseeva O. I. The Geo-Political Projects of G. A. Potemkin. M.: Institute of Russian History RAS, 2000.
6. Vinogradov V. N. The Diplomacy of Catherine the Great. «We're not following anyone like one's tail...» // Modern History, № 3, 2011. P. 131-150.
7. N. I. Panin's letter to Prince Repnin // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political Correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764 – 1766). P. 447.
8. N. I. Panin's letter to Prince Repnin // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political Correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764–1766). P. 451.
9. A Translation of His Excellence Nikita Ivanovich Panin's Letter to English ambassador chevalier McCartney, from February 7, 1766 // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Political Correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764–1766). P. 460
10. A Postscript of count Panin's letter to ambassador count Chernyshev // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1893. Vol. 87. Political correspondence of Empress Catherine II. Part V. 1768–1769. P. 180.
11. The Opinion of N. I. Panin, vice-chancellor Osterman and all members of the Secret Expedition of the Collegium of Foreign Affairs regarding the foreign policy of Russia, with the characteristic of the diplomatic relations of England towards the states of the Northern Union. A copy. // Russian Archive of Ancient Acts. F. 1274. Unit 131. P. 17-18.
12. Count N. I. Panin's letter to the plenipotentiary minister count Osterman to Stockholm // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1893. Vol. 87. Political correspondence of Empress Catherine II. Part V. 1768 – 1769. P. 257.
13. A letter of Catherine II to the king Stanislaus Augustus. Regarding his disagreement with Frederic II on custom houses // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764 – 1766). P. 257-263.
14. Rescript № 17 to plenipotentiary minister Gross to London // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764 – 1766). P. 63-64.
15. Rescript № 4 to ambassador prince Repnin to Warsaw // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764 – 1766). P. 84.
16. Circular Rescript // // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1886. Vol. 51. Political correspondence of Empress Catherine II. Part II. 1763 and 1764. P. 102.
17. An Instruction of the State Collegium of Foreign Affairs to plenipotentiary ambassador in Dresden, prince Andrey Beloselsky // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764–1766). P. 532.
18. Rescript to count Chernyshev // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1893. Vol. 87. Political correspondence of Empress Catherine II. part V. 1768–1769. P. 115.
19. Rescript № 14 to resident Obreskov to Constantinople // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1886. Vol. 51. Political correspondence of Empress Catherine II. Part II. 1763 and 1764. P. 320-321
20. Instruction to plenipotentiary ambassador at the High Ottoman Porte prince N.V. Repnin // СИРИО. Т.135. С. 362-363.

21. Depeche of N.I. Panin to count Osterman // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764–1766). P. 539.
22. An Instruction to plenipotentiary ambassador in Paris Major General prince I. S. Baryatinsky // The Collection of Russian Historical Society. SPb.: Typography of V. Kirschbaum, 1904. Vol. 118. Political correspondence of Empress Catherine II. Part VII. 1772–1773. P. 452.
23. Fonvizin D. I. The Life of Count Nikita Ivanovich Panin // Fonvizin D. I. Collection of Works in 2 volumes. M.; L.: Gos. Izd-vo Hud. Lit-ry, 1959. Vol. 2. P. 279–289.
24. Stegnyy P. V. The partitions of Poland and the diplomacy of Catherine II: 1772, 1793, 1795. M.: International Relations, 2002. P. 131–133.
25. An Instruction to plenipotentiary ambassador in Paris Major General prince I. S. Baryatinsky // The Collection of Russian Historical Society. SPb.: Typography of V. Kirschbaum, 1904. Vol. 118. Political correspondence of Empress Catherine II. Part VII. 1772–1773. P. 450.
26. Stegnyy P. V. The partitions of Poland and the diplomacy of Catherine II: 1772, 1793, 1795. M.: International Relations, 2002. P. 143–150.
27. The Opinion of N. I. Panin, vice-chancellor Osterman and all members of the Secret Expedition of the Collegium of Foreign Affairs regarding the foreign policy of Russia, with the characteristic of the diplomatic relations of England towards the states of the Northern Union. A copy. // Russian Archive of Ancient Acts. F. 1274. Unit 131. P. 31–33
28. Griffiths D. Nikita Panin, Russian diplomacy and American revolution // Griffiths D. Catherine II and her world: the articles of different years. M.: NLO, 2013. P. 447
29. Mal'gin A. V. The Inclusion of Crimea into Russia in the light of motives of Imperial expansion // History and Modernity, 2013, № 1 (17). P. 67–68.

УДК 94

**Территориальная протяженность России
как концепт международной политики:
северная система Никиты Панина (1760–1770-е гг.)**

Константин Дмитриевич Бугров

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

Пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Свердловская область, 620002

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросу о концептуальных основаниях российской политической мысли в ее международном аспекте. Автор доказывает, что российские политики XVIII в. уделяли особое внимание уникальному факту российской территориальной протяженности, который использовался в качестве концептуальной основы для построения особенной модели международной политики для Империи. Примером выступает «Северная система», выстроенная Никитой Паниным, выдающимся сановником при дворе Екатерины II и руководителем российской международной политики с 1764 по 1779 гг. Автор демонстрирует, что Панин считал Российскую империю территориальным гигантом, который не нуждался в дальнейшем расширении границ и поэтому был способен предложить дипломатическую систему, основанную на стабильности, мире и торговле. В этой системе акцент был сделан на совпадении российского дипломатического доминирования и «натуральных интересов» государств Северной и Восточной Европы. Сходные представления об уникальности России в терминах территориальной протяженности позднее станут основой для выдвижения подобных моделей международного регулирования, в которых огромный территориальный размер России рассматривался как предпосылка для роли миротворца, а не экспансиониста.

Ключевые слова: Северная система; международное регулирование; российская дипломатия; Никита Панин; Екатерина II; раздел Польши; экспансия; геополитика; территориальная протяженность.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

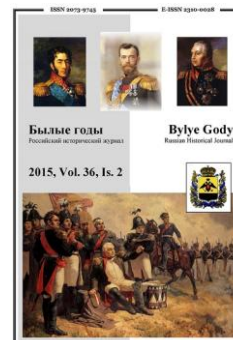
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 254-259, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(478)«18»

Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeyevich Aksakov

Sergey I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
17 Kominterna St., Sumy, 40009
Dr. (History), Assistant Professor

Abstract

This paper explores the attitude of the famous Russian poet and political writer Ivan Sergeyevich Aksakov towards various representatives of the bureaucratic apparatus of the Russian Empire. The major sources used in this study are Aksakov's letters to his loved ones written on the cusp of 1848-1849. At the time he was in Bessarabia Oblast and was taking care of a secret government assignment – he was studying the state of the schism in the region. While there, Aksakov often met with local functionaries, many of whom he formed a personal opinion of. As a result, a conclusion was made that in socializing with representatives of the bodies of authority and governance he would, most often, limit himself to just assessing the personal qualities of the functionaries. The imperial bureaucratic system per se was rarely the object of I.S. Aksakov's criticism. The reason behind this was that himself Aksakov was a functionary, so he felt he belonged to the state governance mechanism. Therefore, he could not allow himself to direct sharp criticism at the Russian Empire's bureaucratic system.

Keywords: Bessarabia, Bessarabia region (oblast), the Russian Empire, I.S. Aksakov, officialdom, XIX century.

Введение

Со второй половины XVIII в. чиновнический аппарат Российской империи постоянно увеличивался, усложнялись функции служащих государственных учреждений всех уровней [10, с. 161]. Все сферы жизни, так же, как и местные органы власти и управления контролировались правительством. Делалось это с помощью чиновников для особых поручений, которые проверяли по распоряжениям губернаторов, генерал-губернаторов или министров состояние различных сфер жизни в уездах, губерниях. К числу основных задач этих чиновников относились: наблюдение за действиями городской и земской полиции, а также других чиновников, определение настроений населения, надзор за порядком по церковному управлению, торговле и т. п. [4]. В целом же круг вопросов, на которые должны были обращать внимание чиновники для особых поручений, не ограничивался указанными выше. В их путевых журналах фиксировались отзывы людей о правительстве, данные об урожаях хлеба, болезнях в регионе, состоянии дорог и строений, отношениях между помещиками и другими категориями населения, политических настроениях и др. [8]. Таким образом, информация, собранная чиновниками для особых поручений и сохранившаяся до наших дней имеет большую историческую ценность. Она может использоваться как источник для изучения социально-экономических, общественно-политических вопросов истории, а также проблем, связанных с историей религиозных течений, этносов различных регионов Российской империи. Записи, сделанные этими чиновниками, часто содержат уникальный этнографический материал, где описываются быт, обычаи, антропологические черты представителей различных национальностей, которые проживали на территории Российской империи. Такие записи имеют много общего с материалами путешественников или этнографических экспедиций [См. напр.: 11].

Материалы и методы

В представленной работе речь пойдет о наблюдениях чиновника для особых поручений И.С. Аксакова, связанными с представителями бюрократического аппарата Бессарабской области, которая в описываемое время входила в состав Российской империи. Основным источником для данного исследования стали письма, написанные Иваном Сергеевичем родным и знакомым во время его служебных поездок в Бессарабскую область. Поскольку центральным ориентиром в предлагаемой работе является человек (точнее общность людей, объединенных по профессиональному признаку), то нами активно был использован принцип исторического антропологизма (антропоцентризма). Нами также использовались такие методы исследования, как историко-сравнительный, историко-генетический, личностно-психологический и ряд других.

Обсуждение

Чиновники для особых поручений относились к числу наиболее высокообразованных государственных служащих по гражданскому ведомству. Многие из них фактически стали представителями еще зарождающейся интеллигенции XIX в., писали мемуары, занимались литературной деятельностью, поддерживали отношения с известными общественными, литературными, научными деятелями своего времени. К наиболее известным представителям этой категории чиновничества, бесспорно, относятся И.С. Аксаков, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.А. Бобринский, С.В. Капнист, С.Н. Щеголев, П.И. Мельников и многие другие. Биографии многих из них стали предметом изучения литературоведов, историков еще в конце XIX в. Не исчезает интерес к этим личностям и ныне [6].

Иван Сергеевич Аксаков – русский публицист, поэт, писатель. Родился он 26 сентября 1823 г. В 1842 г. окончил императорское Училище правоведения, получив чин IX класса. Служил по ведомству Министерства юстиции, позже – внутренних дел чиновником для особых поручений. В 25 лет уже имел чин коллежского асессора (VIII класс по Табели о рангах).

В этот период довольно распространено было назначение чиновники для особых поручений молодых, начинавших службу людей из аристократических семейств, поскольку служба считалась почетной, близкой к начальству и не слишком обременительной. Нередко чиновники для особых поручений были причислены к учреждениям, т.е. сверхштатными, не получали жалованья, но награждались из особых сумм и получали чины за выслугу лет. Вероятно, именно к таким служащим относился и Иван Сергеевич, который упоминал в одном из писем к Ю.Ф. Самарину (от 5 марта 1851 г.), что служит не ради выгод и «не имеет ни жалованья, ни места» [5, с. 404].

В службе Иван Сергеевич разочаровался довольно быстро, учитывая непродолжительность его карьеры. Он жаловался на многие нарушения в чиновнической среде. В его письмах можно найти неоднократные примеры этого [5, с. 404]. Описывал он таких чиновников и в поэзии, в частности в раскритикованном властями «Бродяге» [1, с. 46]. Рисуя в одной из своих пьес атмосферу присутственного места, наполненного чиновниками, И.С. Аксаков описывал отношение последних к службе:

«Здесь нашему брату
Раздольный приют,
И добрую плату
Берем мы за труд!
Богач-ли спесивый,
Бедняк-ли зайдет,
От всех нам пожива
И дань и почет!» [2, с. 5].

Еще в 1843 г., когда И.С. Аксакову было всего 19 лет, он выражал свое «юношеское разочарование в службе» в послании к князю Оболенскому, с которым они вместе учились в Училище правоведения. Аксаков отмечал формализм судебного делопроизводства. Позже на допросе в III Отделении, уже будучи опытным чиновником, он отрекался от такой точки зрения, но скорее всего это было сделано под давлением обстоятельств.

В то же время, он все же верил, что этих явлений можно избежать. И.С. Аксаков был убежден, что недостатки административного формализма можно восполнить «личностью самого чиновника». Он считал, что честный человек на государственной службе «заменяя собою... взяточника, или бездушного чиновника, ... в состоянии сделать частного добра в тысячу раз более, нежели вне службы» [5, с. 408]. Желание «иметь в службе возможность сохранить под чиновническим мундиром человека честного» проходит «красной линией» сквозь многие его письма, публицистические и литературные произведения, поэзию. Он также боялся «сделаться чиновником, который думает только об очистке бумаг, о получении за это наград, смотрит на людей отвлеченно, не понимая ничего, кроме своих дел» [3, с. 507].

В его работах можно встретить упоминания не только о бесчестных чиновниках, относящихся к службе формально и постоянно пытающихся удовлетворить лишь свои личные потребности, но и добросовестных и скромных служащих.

Столь критическое и неоднозначное отношение к государственной службе (и некоторым другим сферам государственной жизни) вызывало у некоторых коллег и знакомых Ивана Сергеевича, а также у его высшего начальства некоторое негодование. Так, во время переписки И.С. Аксакова с министром внутренних дел графом Л.А. Перовским, поводом для которой послужило «скандальное» сочинение Ивана Сергеевича «Бродяга», он получил серьезное замечание (переписка состоялась в 1851 г. и именно после нее Аксаков подал прошение об отставке). Министр писал, что такая литературная деятельность может принести ущерб службе [5, с. 395].

Еще в октябре 1848 г. по распоряжению министра внутренних дел И.С. Аксаков был командирован в Бессарабскую область с «секретным поручением» исследовать раскол, хотя предлогом для поездки была ревизия хлебных магазинов и еврейских училищ. Возвратился из этой командировки 21 января 1849 г. [3, с. 498].

Во время пребывания в Бессарабии Иван Сергеевич вел активную переписку с близкими ему людьми (в основном со своими родителями). В этих письмах он описал свой путь по бессарабским землям. Письма Аксакова содержат большой массив данных об обычаях и быте местного населения, представителей других национальностей (немцев, евреев, цыган, поляков, болгар и др.). Естественным является и большое количество рассказов и упоминаний о представителях различных религиозных течений, сект – молоканах, липованах, некрасовцах, поповщинах. Отдельно И.С. Аксаков обращал внимание на представителей народности руснаков (нынче известных как русины) – местное население, известное еще со времен Древней Руси [7, с. 16]. О них автор писем отзывался с большой теплотой. Но в данной работе мы остановимся на наблюдениях И.С. Аксакова, посвященных местным чиновникам (о чем было упомянуто выше).

Говоря о Бессарабии в целом, Аксаков указывал, что «нигде правительство так не настряпало много, как здесь... Оно настроило городов с греческими именами, снабдило их казенными зданиями и казенными учреждениями, устроило почтовые станции, дорогу и почтовую гоньбу, пригнало стаи чиновников...» [3, с. 41].

Вообще Аксаков оставил не много сведений о бессарабских чиновниках, которые встречались ему во время этой командировки. В своих письмах он либо отмечал сам факт встречи с ними, либо давал им очень лаконичную характеристику (за редкими исключениями). Вероятно это объясняется целью, с которой Иван Сергеевич приехал в Бессарабию.

И.С. Аксаков несколько раз встречался представителями высшего чиновничества в Бессарабии, в частности с новороссийским и бессарабским генерал-губернатором П.И. Федоровым, сменившим на этом посту М.С. Воронцова в 1844 г. Федоров владел даже бессарабским городом Кагул, который он приобрел примерно в конце 1830-х годов. Иван Сергеевич отзывался о губернаторе довольно сдержанно, упоминая лишь, что тот принял его «очень любезно» (первая встреча в Одессе в ноябре 1848 г.) [3, с. 409-410, 447]. В Кишиневе он встречался с бессарабским областным предводителем дворянства Стурдзой [3, с. 416]. Немного позже, в середине декабря того же года Аксаков снова встречался и со Стурдзой, и с губернатором Федоровым, и некоторыми другими высокопоставленными местными чиновниками. Но в своих письмах он оставил довольно сухие сведения о них, из которых тяжело судить об истинном его отношении к этим людям. Лишь в одном из последних писем из Бессарабии Иван Сергеевич коротко написал о генерал-губернаторе: «Федоров трусит Петербурга» [3, с. 453]. По всей видимости, это обозначало отсутствие инициативы и полное следование правительственным распоряжениям. Хотя, находясь в Бессарабии, Федоров наверняка мог многое предложить из того, что могло сделать политику Петербурга в крае более эффективной.

Немного больше информации из писем И.С. Аксакова можно почерпнуть о представителях мелкого и среднего чиновничества. Во время пребывания в различных поселениях Аксаков часто сопровождали такие чиновники, как поселянские стряпчие, земские начальники (исправники) [3, с. 414]. С некоторыми из них он встречался во время проверок хлебных магазинов или посещая различные присутственные места. Этим людям Иван Сергеевич давал более четкую (хотя и довольно лаконичную) характеристику.

Основную массу местных чиновников он называл «сбродный народ и почти все говорят по-молдавански». О некоторых местных дворянах, которые редко занимали какие-либо должности в местном управлении, Иван Сергеевич отзывался так: «говорят между собою по-французски и редко по-русски, - франты... народ довольно пустой». Это относилось к Кантакузену, Спири и еще одному дворянину, которых автор писем однажды встретил в кишиневском ресторане. А прибыв в местечко Ганчешты, Аксаков выяснил, что оно принадлежало некоему Манук-бею – армянину, который в одну из русско-турецких войн украл у султана казну и бежал в Россию, за что и получил чин статского советника, «купил имение и жил хлебосолом» [3, с. 419-420, 423].

13 ноября 1848 г. И.С. Аксаков прибыл в Бендеры. Население этого города, по его словам, составляли «русские чиновники, евреи и старообрядцы», а также сектанты (молоканы). Здесь он сразу же встретился с городничим, а чуть позже состоялась и встреча с местными чиновниками думы и земским начальством [3, с. 412-413]. Целый ряд местных служащих упоминались как порядочные и добросовестные работники. Некого земского начальника Ламбровича И.С. Аксаков характеризовал как умного и доброго человека. Также хорошо он отзывался о другом земском начальнике (из местечка Бельцы) Егунове – «очень добрый человек, который несмотря на свои скудные средства, дал

всем своим детям хорошее воспитание». У этого чиновника даже обедали предводитель дворянства и некоторые помещики (тоже, по словам Аксакова, «все порядочные люди»). Еще больше восхищался Иван Сергеевич измаильским полицмейстером подполковником фон Чуди, который был родом из Швейцарии и раньше воевал в армии «Жерома Бонапарта против русских, а в 1819 г. перешел в русскую службу. Он умный и честный человек и пользуется большим уважением даже у раскольников... Это честный наемник...». Управляющего таможней (возле Новоселицы) Кишкина Аксаков называл «славным человеком» [3, с. 432, 439-440, 449].

При проверке хлебного магазина в Телицах в волостном правлении Аксаковым был отмечен писарь (из задунайских казаков), который «ведет письмоводство в отличном порядке». Положительный отзыв заслужил также ратман ратуши в Вилкове из старообрядцев, который исполнял обязанности главы этого учреждения (главу уволили со службы еще до приезда Аксакова) [3, с. 415, 452].

Но некоторые чиновники заслужили не столь благоприятные отзывы со стороны Ивана Сергеевича. Так, в селении Волчинец попечителем хлебного магазина был местный дворянин грек Сербинос, о котором Аксаков писал «льстивый плут». А после разговора с кишиневским окружным предводителем дворянства Доницем, который утверждал, что, «отнимая землю у крестьян, мы делаем им величайшее благодеяние», И.С. Аксаков написал о таких, как он: «Какие, однако же, скоты эти помещики». Вообще И.С. Аксаков неоднократно отмечал плохое отношение местных помещиков и чиновников к простому населению.

В принципе отзывы, которые оставил о тех или иных чиновниках Иван Сергеевич в своих письмах, мало чем отличаются от характеристик, даваемых чиновниками для особых поручений и фиксируемых в путевых журналах во время проверок состояния дел в различных государственных учреждениях [9]. Хотя некоторые фразы в письмах к родным и содержат по этому предмету некоторую эмоциональную окраску. Так, Вилковский земский начальник Кобзарев грубо вел себя с местными жителями. Говоря о нем, Аксаков использовал даже такие фразы, как «его шутки неприличны», «скотина», «обнаружил невежество» и т.п. [3, с. 428, 432, 454].

Очень скептическим было и его отношение к судебной системе. Это видно из ситуации, когда, пытаясь защитить одного крестьянина, у которого для нужд местного помещика (поляка) были изъяты две лошади и загнаны, а сам помещик отказывался их вернуть, Аксаков пытался убедить последнего удовлетворить просьбу крестьянина. Но помещик захотел решить эту проблему в судебном порядке, по словам Аксакова, «зная, что оно [судебное разбирательство] протянется 10 лет и что в мире грамотности он [помещик] останется прав» [3, с. 436].

Критиковал И.С. Аксаков и полицейских служащих. Так, в записке «О бессарабских раскольниках» он писал, что невежество полицейских чиновников в вопросах веры делает их совершенно неспособными к надзору за действиями старообрядцев. Он даже считал, что губернаторам следовало заставить таких чиновников «соблюдать должное приличие и не оскорблять их [старообрядцев] бесполезными и даже опасными насмешками» [3, с. 670].

Жалуясь на то, что многие из местных жителей занимаются контрабандой и другими противозаконными действиями, Аксаков отмечал, что иногда это происходило по сговору с чиновниками. Так, письмоводитель Хотинской градской думы в 1848 г. обокрал думскую казну и убежал к липованам (одна из сект) в Белую Криницу (за территорию Бессарабии) [3, с. 435]. Об этом случае он, вероятно, узнал именно в процессе выполнения своей основной миссии в этой поездке, собирая информацию о местных сектах и их связях с населением.

В письме от 7 декабря 1848 г. И.С. Аксаков описал ситуацию, которая произошла с ним в Хотине, когда он поручил поселянскому стряпчему коллежскому ассесору Харжевскому решить дело одного царана. После этого стряпчий предложил ему взятку «на путевые издержки». Сам Аксаков был очень зол на него за этот поступок, при этом он писал: «Я прощаю этому мужику», делая вывод, что «чиновник, решившийся предложить взятку мне, сам дерет немилосердно». Далее, правда, автор письма пообещал настоять на отставке стряпчего (не известно, сделал ли он это). В этом же письме приводится пример неповиновения другого чиновника – исправника, который отказался явиться к Аксакову. «Аргументом» при этом было то, что исправник был «полковник по армии», а Иван Сергеевич – коллежский ассесор [3, с. 442]. Здесь фактически проиллюстрирована ситуация, когда некоторые служащие считали военные чины более престижными и считали гражданских чиновников незаслуженно получающими служебные привилегии. Такие ситуации не были редкостью в российском имперском бюрократическом аппарате. К тому же сам Аксаков был еще и молод по возрасту.

Накануне Нового года, проезжая по Кишиневу, Аксаков писал: «... беспрестанно встречал я чиновников в мундирах, скакавших с поздравлениями» [3, с. 456]. Вероятно многие из этих людей хотели выразить свое уважение высшему начальству, что было характерным явлением бюрократического аппарата Российской империи. Часто такие поздравления сопровождалось различными подношениями в виде подарков или денег, что позволяло некоторым чиновникам более уверенно удерживаться на своих должностях, а также получать повышения или награды.

Заключение

Таким образом, в письмах Ивана Сергеевича Аксакова так называемого бессарабского цикла помещено достаточно много различного рода высказываний, которые связаны с представителями бюрократии Бессарабской области – от чиновников губернского уровня до служащих низшего звена. При этом автор писем отмечал, что представителей местных элит на государственной службе в крае было очень мало (правда, и сами эти элиты не были здесь многочисленными). Общаюсь с представителями органов власти и управления, он ограничивался чаще всего оценкой личных качеств чиновников. Сама имперская бюрократическая система редко становилась объектом критики И.С. Аксакова (в качестве исключения можно назвать лишь критический отзыв о судебной системе, приведенный выше). Такое его отношение к управленческому государственному механизму было абсолютно логичным, так как будучи сам государственным служащим, имея довольно высокий чин и выполняя секретные правительственные поручения, И.С. Аксаков не мог не ассоциировать себя с государственной властью и не иметь к ней достаточной доли лояльности. Даже критиковал он саму атмосферу государственной службы (а не систему), которая часто заставляла чиновника забывать свои человеческие качества, превращаясь, говоря современным языком, в «робота», бездушную машину. Правда, даже такого отношения к себе государственная власть николаевской эпохи позволить не могла, что и стало одной из основных причин последовавшей со временем отставки И.С. Аксакова.

Благодарности

Работа выполнена в рамках фундаментального исследования 0115U000677 «Историческое развитие пограничья Северо-Восточной Украины как способ конструирования общенациональной модели исторической памяти».

Примечания:

1. Аксаков И.С. Бродяга // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Том второй. Письма 1848-1851 годов. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1888. С. 3-49 (прил.).
2. Аксаков И.С. Жизнь чиновника // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Том первый. Письма 1839-1848 годов. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1888. С. 1-21 (прил.).
3. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. М.: «Наука», 1988. 704 с.
4. Дегтярьов С.І. Звіти чиновників з особливих доручень як джерело до вивчення бюрократії Правобережної України другої чверті XIX ст. // Матеріали VI Волинської всеукраїнської історико-краєзнавчої конференції (м. Житомир, 15-16 листопада 2013 р.): Збірник наукових праць. Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2013. С. 217-219.
5. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Том второй. Письма 1848-1851 годов. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1888. 409 с. + 56 с. (прил.).
6. Пашков А.М. С.А. Приклонский: от царского чиновника до народнического публициста // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 105-115.
7. Суляк С. Этнодемографические процессы в Бессарабии XIX – начале XX в. // Русин. Международный исторический журнал. 2012. № 1 (27). С. 6-26.
8. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев (ЦГИАУК), ф. 442, оп. 789а, д. 177. О секретных поручениях, делаемым чиновником, командируемым по делам службы в разные места. 1839-1840 гг., 109 л.
9. ЦГИАУК, ф.442, оп.797, д.61. Дело о поручении чиновникам особых поручений отправляться в Киевскую, Подольскую и Вольнскую губернии для разузнания по разным предметам. 1847-1848 гг. 345 л.
10. Шевчук Б.Л. Повноваження чиновників та кадровий склад Волинської казенної палати у кінці XVIII ст. – 1860-х роках // Сумський історико-архівний журнал. № XIV-XV. 2011. С. 161-170.
11. Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. Hillmen of the Black Sea Province (Early XIX Century): Geography, Demography, Antropology // Bylye Gody. 2014. № 32 (2). P. 150-154.

References:

1. Aksakov I.S. Brodyaga // Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh. Chast' pervaya. Uchebnye i sluzhebnye gody. Tom vtoroy. Pis'ma 1848-1851 godov. M.: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1888. S. 3-49 (pril.).
2. Aksakov I.S. Zhizn' chinovnika // Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh. Chast' pervaya. Uchebnye i sluzhebnye gody. Tom pervyy. Pis'ma 1839-1848 godov. M.: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1888. S. 1-21 (pril.).
3. Aksakov I.S. Pis'ma k rodnym. 1844-1849. M.: «Nauka», 1988. 704 s.
4. Dehtyar'ov S.I. Zvity chynovnykiv z osoblyvykh doruchen' yak dzherelo do vyvchennya byurokratiyi Pravoberezhnoyi Ukrayiny druhoi chverti XIX st. // Materialy VI Volyns'koyi vseukrayins'koyi istoryko-

krayeznavchoyi konferentsiyi (m. Zhytomyr, 15-16 lystopada 2013 r.): Zbirnyk naukovykh prats'. Zhytomyr: Vyd-vo ZhDU im. I.Franka, 2013. S. 217-219.

5. Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh. Chast' pervaya. Uchebnye i sluzhebnye gody. Tom vtoroy. Pis'ma 1848-1851 godov. M.: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1888. 409 s. + 56 s. (pril.).

6. Pashkov A.M. S.A. Priklonskiy: ot tsarskogo chinovnika do narodnicheskogo publitsista // Novyy istoricheskiy vestnik. 2009. № 2 (20). S. 105-115.

7. Sulyak S. Etnodemograficheskie protsessy v Bessarabii XIX – nachale XX v. // Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal. 2012. № 1 (27). S. 6-26.

8. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiev (TsGIAUK), f. 442, op. 789a, d. 177. O sekretnykh porucheniyakh, delaemym chinovnikom, komandiruemym po delam sluzhby v raznye mesta. 1839-1840 gg., 109 l.

9. TsGIAUK, f.442, op.797, d.61. Delo o poruchenii chinovnikam osobykh porucheniy otpravlyat'sya v Kievskuyu, Podol'skuyu i Volynskuyu gubernii dlya razuznaniya po raznym predmetam. 1847-1848 gg. 345 l.

10. Shevchuk B.L. Povnovazhennyya chynovnykiv ta kadrovyy sklad Volyns'koyi kazennoyi palaty u kintsi XVIII st. – 1860-kh rokakh // Sums'kyi istoryko-arkhivnyy zhurnal. # XIV-XV. 2011. S. 161-170.

11. Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. Hillmen of the Black Sea Province (Early XIX Century): Geography, Demography, Antropology // Bylye Gody. 2014. № 32 (2). P. 150-154.

УДК 94(478)«18»

Бессарабские чиновники в эпистолярном наследии Ивана Сергеевича Аксакова

Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина
40009, г. Сумы, ул. Коминтерна, 17
Доктор исторических наук, доцент

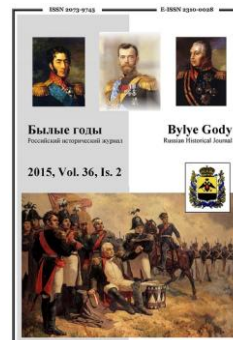
Аннотация. В данной работе изучено отношение известного русского поэта и публициста Ивана Сергеевича Аксакова к разным представителям бюрократического аппарата Российской империи. Основным источником этого исследования стали письма Аксакова его близким, написанные на рубеже 1848–1849 годов. В это время он находился в Бессарабской области и выполнял секретное правительственное поручение – изучал состояние раскола в этом регионе. При этом Аксаков часто встречался с местными чиновниками, о многих из которых составил свое мнение. В результате был сделан вывод, что общаясь с представителями органов власти и управления, он ограничивался чаще всего оценкой личных качеств чиновников. Сама имперская бюрократическая система редко становилась объектом критики И.С. Аксакова. Причиной этого было то, что сам Аксаков был чиновником и чувствовал свою принадлежность к государственному управленческому механизму. Поэтому он не мог позволить себе выступать с резкой критикой бюрократической системы Российской империи.

Ключевые слова: Бессарабия, Бессарабская область, Российская империя, И.С. Аксаков, чиновничество, XIX век.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 36, Is. 2, pp. 260-267, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Transformation of Manor of the Nobility in Russian Culture-Historical space of 18th –19th Centuries (Materials of Chernozem Region)

¹Tatjyana V. Kovaleva

²Tatjyana O. Tsurik

Southwest State University, Russian Federation

305040, Kursk October 50, 94

¹ PhD (History), Assistant Professor

E-mail: t_kovaleva@mail.ru

² PhD (Culturology), Assistant Professor

E-mail: TsurikTO@yandex.ru

Abstract

This paper deals with a manor of the nobility phenomenon as part of the Chernozem region cultural space in XVIII–XIX centuries, its forming and development factors and the country estate landscape components. The household, economic and cultural characteristics of the manors in the Central Black Soil region are examined as well as their importance for the region development. The manor landscape is described as the wholeness of natural and cultural origins. The paper generalizes it as the best achievements of Russian and Western European cultures and a synthesis of urban and rural lifestyles.

Keywords: cultural landscape; manor of the nobility; country estate; province.

Введение

Дворянская усадьба как уникальный культурный феномен занимала особое место в отечественной истории, воплощая в сознании русских людей неповторимый образ России. Усадьба синтезировала в себе достижения европейской и российской культур, дворянской и крестьянской субкультур, а природные и культурные компоненты, взаимодействуя друг с другом, формировали исключительный по своим характеристикам усадебный ландшафт. Появление усадьбы как неповторимого и своеобразного явления в российской истории было обусловлено целым рядом социально-экономических и культурно-исторических факторов.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является совокупность принципов и методов исторического исследования, а именно: хронологического, при котором каждый элемент исследования рассматривается с точки зрения движения и изменения в соответствии с течением исторического времени; сравнительного, позволяющего выявить особенности изменений в усадебном ландшафте в изучаемом регионе; метода системного анализа, способствующего рассмотрению данной проблемы как комплексного процесса, вычленению наиболее важных объектов и предметов исследования.

Основными источниками, позволяющимися реализовать цели исследования, служат законодательные акты, неопубликованные архивные документы, статистические материалы и мемуары.

Обсуждение

Целью данного исследования является изучение процесса формирования и трансформации усадебного ландшафта в культурно-историческом пространстве России, его своеобразия в Черноземном регионе.

Расцвет дворянской усадьбы в России охватывает столетие и пришелся на период между 1762 и 1861 годами, связанный с укреплением роли дворянства в экономической, социальной и политической жизни России. Принятие целого ряда законов закрепило привилегированное положение этого сословия. Первым из них был Манифест Петра III от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», согласно которому дворяне были освобождены от обязательной службы, что предоставляло им отличную возможность выйти в отставку и проживать в своих имениях [1, с. 912-915]. Изданные во второй половине XVIII века законы способствовали усилению административно-судебной власти помещиков, а сам факт принадлежности к дворянскому сословию давал право на владение душами и землей, что было закреплено в «Грамоте на право вольности и преимущества благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 года [2, с. 28-32]. Согласно законодательству этого периода, дворянам гарантировалась неприкосновенность чести, жизни и имения, подтверждалось право собственности на землю и ее недра, леса, растущие в их дачах, разрешалось иметь фабрики и заводы, а помещичий дом в сельской местности освобождался от постоя [2, с. 14-32]. Государство оказывало значительную финансовую поддержку дворянству: по указу Екатерины II в 1784 г. Государственный банк для дворян и городов мог принимать от дворян под залог деревни, «полагая 40 рублей за душу» [3]. Дворянам разрешалось закладывать имения на 20 лет с ежегодной выплатой 5 % за заем и 3 % на уплату капитала, всего под 8 % годовых.

Проведенное в 1770-1780-х гг. генеральное межевание способствовало укреплению правовой основы помещичьего землевладения, закрепив земли за владельцами имений и сделав легальными даже незаконные приобретения дворян за счет казенных земель или земель государственных крестьян. Указы второй половины XVIII века позволили дворянству занять привилегированное положение в обществе, что, в свою очередь, благоприятствовало строительству усадеб. Полученные дворянином права открывали для него широкие возможности в реализации хозяйственных, бытовых и духовных начинаний.

На территории земледельческих губерний – Воронежской, Курской, Тамбовской – бурному строительству усадеб способствовали огромные денежные и земельные пожалования, начавшиеся в правление Петра I и продолжавшиеся в царствование Екатерины II и Павла I. Так, в Курской губернии в 1732 г. графу Н.Ф. Головину были дарованы бывшие владения И.С. Мазепы, перешедшие позднее роду князей Барятинских [4]; императрицей Анной Иоанновной пожаловано несколько тысяч десятин земли в Дмитриевском уезде фавориту Бирону; в 1797 году Павлом I были выделены земли принцессе Бирон (дочери Э.-И. Бирона) [5], ее наследникам [6] и графу Миниху (внуку Б.-К. Миниха) [7, с. 167]; в 1796 году А.И. Нелидову [8] пожалованы 1000 душ крестьян; графы Рибопьер и Ребиндер также получили несколько тысяч десятин земли. В Воронежской губернии в период царствования Павла I 30 тысяч десятин земли получили во владение граф А. А. Безбородко [9, с. 788] и генерал-лейтенант В.В. Нащокин, последнему были подарены дворцовые крестьяне Старой Тойды в количестве 500 душ вместе с обширными землями в округе [10]. Ф.В. Ростопчин стал владельцем земли и крестьян в Анне, Верхней Тойде и Мосоловке [11]. В 1804 году камер-фрейлине А.С. Протасовой были подарены дворцовые крестьяне села Садового, где на тот момент насчитывалось 145 дворов [12, с. 279]. В Тамбовской губернии в царствование Екатерины II получили земли и крестьян Архаровы, Гагарины, Разумовские. Братьям Архаровым в 1795 году были подарены крестьяне села Рассказово Тамбовской губернии в количестве 2800 душ [13, с. 219]. Помимо этого дворянство скупало или самовольно захватывало пустующие земли. Так в черноземной провинции образовывались крупные дворянские поместья с весьма значительным количеством крепостных крестьян. Отличительной особенностью помещичьих владений в черноземных губерниях являлась то, что они создавались в своем большинстве как экономические: относительно благоприятный климат и богатые плодородные земли способствовали получению значительной прибыли.

В настоящее время подсчитать точное количество усадеб не представляется возможным. Ссылаясь на данные «Топографических описаний российских губерний», Ю.А. Тихонов определил примерное их число в губерниях Черноземного региона: в Курской губернии (1782 г.) – 1549, в Тамбовской (1784 г.) – 1190, в Воронежской (по данным 1785 года) – 841. Количество владений превышало число усадеб, поскольку не в каждом имении имелась усадьба [14, с.182-183].

Сельская усадьба возникла, прежде всего, как жилой и хозяйственный комплекс, в котором сосредоточивалось управление помещьем. Располагаясь в отдалении от крестьянских дворов и резко отличаясь от них жилыми постройками и богатым убранством, она стала представлять особый тип поселения со своими типологическими чертами.

Усадебный ландшафт включал природные, жилые, духовные, хозяйственные и производственные объекты: дом, флигель, церковь, парк, сад, цветники, оранжереи, овощные огороды, пруды, конюшенный, скотный, житный, птичий дворы, псарню, винокурню, солодовню, ткацкую избу, житницу, погреб, ледник, амбары, гумно, овин, ригу, мельницу, крупорушку, сахарный, маслобойный, текстильный и другие заводы.

Это был экономический и социальный организм, в котором соединялись хозяйственные, административные, бытовые и культурные функции, имевшие отличия на различных этапах исторического развития России. Кроме того, уникальность каждой усадьбы была обусловлена личностью

владельца, его положением в обществе, богатством, духовными запросами и вкусами. Ландшафт каждой усадьбы был также неповторим, как и личность ее владельца. Усадебное пространство насыщалось особой духовной атмосферой, наполнялось глубинными смыслами. Являясь знаком принадлежности к привилегированному сословию, роду, символизируя преемственность поколений, дворянские усадьбы сохраняли семейные традиции и имели во многом сакральный характер: они передавались по наследству, а усыпальницы служили местом упокоения членов дворянского рода.

Аристократические фамилии создавали парадные резиденции, которые имели ярко выраженный представительский характер, демонстрировали знатность и богатство владельцев и являлись в губернии местом пышных приемов и увеселений. Усадьбы богатой и родовой знати создавались как дворцово-парковые ансамбли, где важную роль играла эстетическая составляющая. Их проектирование осуществляли известные архитекторы, но окончательное утверждение планировки усадьбы всегда оставалось за владельцем.

В архитектуре дворцово-парковых комплексов имелись определенные тенденции и особенности, которые были продиктованы эстетическими вкусами эпохи, модой и финансовыми возможностями самих владельцев.

Несмотря на уникальность каждой усадьбы, которая выражалась как в архитектонике пространства, так и в ее внутренней жизни, дворянские усадьбы имели типологические особенности. Так, строения в усадьбах среднепоместного дворянства были основательные и прочные, дома зачастую деревянные на каменном фундаменте, а мраморные статуи в парках, как правило, считались непозволительным излишеством в среде провинциального дворянства.

Непрерывной составляющей усадебного пространства были парк и сад, создание которых приобрело особенно широкий размах и изменило природный ландшафт территории. Владельцы усадеб внимательно следили за тенденциями в садово-парковом искусстве, устраивая сады в соответствии с последними веяниями моды. В XVIII веке появились так называемые регулярные, или французские, сады с тенистыми прямолинейными аллеями лесных насаждений и геометрически правильными прямоугольными и квадратными участками фруктовых деревьев. В начале XIX века на смену регулярным паркам пришли пейзажные, или английские, парки, с разнообразными лесными насаждениями, которые перемежались с полянами. Сад в данный период рассматривался как эстетическое целое с домом, и к устройству садов предъявлялись такие же требования, как и к архитектуре самого здания. Постепенно садами стали называть только фруктовые сады. Большое число плодовых садов было в ряде уездов Тамбовской, Курской и Воронежской губерний. Их содержание не требовало большого числа людей, и штат обеспечивался за счет дворовых или откомандированных из барщинных хозяйств садовников. Однако в целом садоводство в этот период имело потребительский характер. В оранжереях, кроме цветов, выращивали даже весьма экзотические для центральной части России фрукты – персики и ананасы. Так, в Курской губернии, оранжереи имелись во всех помещичьих садах, за исключением Корочанского и Фатежского уездов. В первой трети XIX века во всей Курской губернии были широко известны сады князей Барятинских в с. Ивановском Львовского уезда, княгини Мещерской в с. Капустино Дмитриевского уезда [15, с. 91].

В произведениях А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, А.И. Эртеля имеется немало ярких страниц, посвященных описанию усадебного ландшафта, в которых воспевались липовые аллеи, березовые рощи, плакучие ивы и вековые дубравы. В отдалении от главного усадебного дома находились фруктовые сады, где в изобилии росли яблоневые, вишневые, грушевые и сливовые деревья, а также кусты малины, черной и красной смородины, крыжовника, барбариса и другой ягоды, из которой для среднепоместных дворян готовились различные наливки и другие напитки.

Дворянская усадьба, оказывая влияние на природный и культурный ландшафт провинции, синтезировала в себе русскую и западноевропейскую, столичную и провинциальную, городскую и сельскую, дворянскую и крестьянскую культуры и выступала в качестве культурного гнезда. Такими центрами в Черноземном регионе были усадьбы Баратынских, Барятинских, Бутурлиных, Веневитиновых, Воейковых, Кривцовых, Нащокиных, Нелидовых, Хорватов, Чертковых, Чичериных, Потаповых, Ростопчиных, Станкевичей и др. Вклад усадьбы как «культурного гнезда» в социокультурное развитие провинции, ее «жизненные циклы» напрямую определялись личностью владельца, его интересами и способностями. И хотя значительную часть времени провинциальный дворянин уделял хозяйственной деятельности, его повседневная жизнь в усадьбе была посвящена множеству других занятий: образованию, благотворительности, коллекционированию и т.д. Так, именно в усадьбах сосредоточивались коллекции русской и европейской живописи, скульптуры и других произведений искусства. В частности, замечательная коллекция имела в курской усадьбе Барятинских Марьино, гордость которой составляли произведения западноевропейских мастеров: Тициана, Гвидо Рени, Гольбейна, Рембрандта, Э. Виже-Лебрен, а также выдающихся русских художников: В.Л. Боровиковского, В.А. Тропинина, П.П. Соколова, И.К. Айвазовского, Е.Д. Поленова. Успехи в реализации хозяйственных планов владельцы часто сочетали с творческими начинаниями: сочинением поэтических и музыкальных произведений, постановкой спектаклей, созданием хоров и оркестров. Владельцы усадьбы с разной долей успеха пытались гармонизировать окружающее

пространство. Синтез природного ландшафта и различных видов искусств воплощал в себе эстетику усадебной жизни.

Одна из наиболее значительных усадеб Курской губернии, Марьино в селе Ивановском, строилась и развивалась князем И.И. Бярятинским в первом десятилетии XIX века как усадебный комплекс, включающий прекрасный дворец, выстроенный в стиле классицизм, парк с системой прудов, окруженный служебными постройками, сельскими поселениями и пахотными землями. Усадьба располагалась в живописном месте – селе Ивановском Рыльского уезда на берегу речки Избицы, притока Сейма. Плодородие рыльской земли, грамотное хозяйствование и использование передовых технологий дали превосходный результат. В.А. Инсарский, главноуправляющий имениями Бярятинских, отмечая существенные изменения природного ландшафта, писал: «Я сам видел прекрасные поля там, где были болота, и леса – там, где лесов прежде не было. Я сам видел медали, полученные им от разных агрономических обществ за разные сельскохозяйственные улучшения, в которых осушение болот и вообще обращение мест бесплодных в плодородные занимали первое место» [16, с. 303].

Природные условия местности гармонично сочетались с планировочными и архитектурно-строительными принципами, создавая неповторимый образ русской усадьбы. Комплексный, продуманный подход к обустройству ландшафта – общая черта усадебных ансамблей в России в период их создания и расцвета. Марьинский комплекс представляет собой один из ярких образцов усадебного ландшафта (Рис. 1). Создавая этот уникальный дворцово-парковый комплекс в 1811–1820 гг., архитектор К. Гофман и владелец усадьбы И.И. Бярятинский (1767–1825) взяли за основу классицизм как доминирующий архитектурный стиль эпохи, их замыслы были воплощены в жизнь талантливыми крепостными мастерами, имена большинства из которых неизвестны. Впоследствии в 1869–1873 гг. дворец перестраивался курским архитектором К. Штольцем по проекту петербургского архитектора И. Монигетти. В начале XX века дворец был оборудован водопроводом, канализацией, центральным отоплением, электрическим освещением и лифтом.

Рис. 1. Парковый фасад Марьинского дворца (фото Т.В. Ковалевой)

Усадьба замечательна не только архитектурой дворца, но и парком, сочетающим пейзажный и регулярный приемы, прямые аллеи с подстриженными деревьями со свободной планировкой холмов и лужаек, спускающихся к пруду. В формировании усадебного пространства большую роль играла парковая скульптура, призванная наполнить пейзаж реалиями античной эпохи. Отделенное от остального мира, пространство усадьбы символизировало идеальное устройство и гармонию с природой. Особо тщательно И.И. Бярятинский выбирал скульптуру для украшения парка. В Италии он приобрел много мраморных, бронзовых и гипсовых статуй и бюстов, которые невозможно было купить в России даже за большие деньги [17]. Среди них следует упомянуть бронзовую «Венеру с яблоком» и парную ей статую Аполлона, не сохранившуюся до настоящего времени. На одном из

островков в центре пруда возвышалась белокаменная ротонда, в центре которой стояла мраморная статуя работы К. Финелли «Рождение Венеры». Архитектура и скульптура парка в сочетании с живописной природой создавала особую атмосферу, оживляемую в дни торжеств музыкой, танцами и фейерверками.

Художественный облик усадьбы отражал пересечение мировых культур и исторических эпох, и мифологические персонажи соседствовали с героями недавних событий. Свидетельством связи прошлого и настоящего в усадебном ландшафте Марьино было сооружение монумента «Орел» (1902–1903 гг.) (Рис. 2). Воздвигнутый в честь победоносного окончания Кавказской войны и в память о военных заслугах генерал-фельмаршала А.И. Барятинского (1815–1879), монумент являлся композиционным центром парка и просматривается из паркового фасада дворца. Гранитный постамент, сложенный из высокой груды камней, венчает огромный чугунный орел с распростертыми крыльями. Бронзовый орел как символ славы русского оружия неоднократно использовался в памятниках России.

Рис. 2. Монумент «Орел» (фото Т.В. Ковалевой)

Население усадьбы составляли сами владельцы с семьями и приезжающими погостить родственниками, друзьями, соседями; кроме того, в усадьбе проживали управляющие, приказчики, дворовые люди. В усадьбах черноземной провинции из крестьянской среды формировалась крепостная интеллигенция, внесшая огромный вклад в развитие отечественной культуры: выдающийся русский актер М.С. Щепкин, музыканты Г.Я. Ломакин, С.А. Дегтярев и другие, чьи имена неизвестны. Дворянская усадьба формировала культурную среду российской провинции. Детские годы великого русского актера М.С. Щепкина прошли в усадьбе в селе Красном Курской губернии, где у владельца был крепостной театр. По воспоминаниям М.С. Щепкина, граф Волькенштейн считал, что, создавая усадебный театр, «доставит детям забаву, музыкантам занятие, а дворовым людям ... случай провести время полезнее, нежели за картами или в питейном доме» [18, с. 72]. Сам актер не раз убеждался в огромной роли театра, который благотворно воздействовал на культурную среду не только провинции, но и России в целом.

Достигшая своего расцвета в период крепостничества, усадьба воплотила в себе целый комплекс противоречивых социальных явлений: европейская образованность, просвещенность, утонченный вкус ее владельцев сочетались с деспотизмом и безграничной властью, с одной стороны, и бесправием, зависимостью и униженным положением крестьян – с другой.

Социально-экономические преобразования, вызванные реформой 1861 года, повлекли за собой изменения усадебного пространства. Его эстетика с великолепными парками и садами постепенно уходит в прошлое и перестает доминировать в архитектонике усадеб. Разорение владельцев, переход дворянских усадеб в руки торгово-промышленного сословия привели к существенной трансформации помещичьих имений. Купцы, как правило, преследуя экономическую выгоду, вырубали сады, парки и леса, строили заводы, сдавали пахотные земли мелким арендаторам. В большинстве помещичьих имений вследствие отсутствия необходимого количества работников сады и парки пришли в запустение, площади садов и огородов сократились, оранжереи были заброшены. В новых условиях, вызванных отменой крепостного права, содержание огромного дома и наличие обсаживающего его

персонала считалось непозволительной роскошью, и поэтому владельцы поместий стали предпочитать более скромное жилье. Происходила десакрализация усадебного пространства, которое для дворянина было связано с памятью предков. Для новых владельцев усадьба стала иметь не столько духовную, сколько материальную ценность. На этом фоне происходила модернизация усадебного пространства с преимущественным развитием промышленного ландшафта, возводились производственные комплексы: винокуренные, пивоваренные, сахарные, консервные, кирпичные, кожевенные заводы, кондитерские фабрики, мельницы, мастерские и т.д. В новых социально-экономических условиях владельцы изменили само назначение усадьбы, она стала сельским промышленным центром. Одним из крупнейших в Курской губернии вплоть до революционных событий 1917 года был промышленный комплекс А.А. Ребиндера в слободе Шебекино Белгородского уезда [19, с. 79–81], который во многом определял темпы экономического развития не только уезда, но и всей губернии в целом. Именно здесь рубеж XIX–XX веков был ознаменован появлением электростанции, многоэтажного дома с паровым отоплением, канализацией и электричеством. Подобного рода промышленные комплексы в дальнейшем дали толчок к развитию городов, что до неузнаваемости изменило бывшее усадебное пространство. Помимо промышленных зданий, в усадебном ландшафте появились и другие строения: общеобразовательные и специальные школы, библиотеки, больницы, жилье для рабочих и даже метеостанции. Так, в Курской губернии появились усадьбы нового типа (А.С. Балабанова в с. Казачьем, Ф.П. Вангенгейма в с. Уютном, И.А. Пульмана в с. Богородском), в которых проводилась научно-исследовательская работа. Здесь были построены лаборатории, жилье для научных работников, метеовышки, метеостанции, дождемерные метеоплощадки и метеопавильоны.

Несмотря на существенные экономические и социокультурные изменения, в конце XIX – начале XX века усадьбы продолжали играть роль просветительских центров, сохраняя при этом культурную преемственность и оказывая влияние на развитие провинции. Например, в Курской губернии были широко известны в этот период усадьбы академика живописи К.А. Трутовского в деревне Яковлевке Обоянского уезда и скульптора-анималиста Е.А. Лансере в селе Нескучном Белгородского уезда. В селе Воробьевка Курской губернии поэт А.А. Фет вновь после творческого кризиса занялся переводами, стал писать стихи, которые затем были опубликованы в сборнике «Вечерние огни». В усадьбе Сатиных в деревне Ивановке Тамбовской губернии в течение нескольких лет весьма плодотворно работал выдающийся русский композитор С.В. Рахманинов. В селе Караул той же губернии С.С. Чичерина создала любительский хор. В этот период владельцы усадеб – представители дворянского и купеческого сословий, творческой интеллигенции – были активными деятелями различных земских и общественных организаций, занимались благотворительностью и многое сделали для создания школ и больниц, оказывали крестьянам материальную помощь, помогали им во время голода и эпидемий.

Усадебная культура претерпела глубокую трансформацию, которая к началу XX века была ознаменована переходом от внешнего и внутреннего «аристократизма» к демократизации многих сторон жизни, что в свою очередь повлекло за собой значительные изменения усадебного ландшафта.

В советский период усадьбы были национализированы, и в сохранившихся помещичьих домах стали размещаться интернаты, школы, больницы, санатории административные учреждения. Усадебные церкви зачастую разрушались, а парки и сады вырубались. Примером коренных изменений ландшафта служит судьба усадьбы помещиков Анненковых в селе Жеребцово Курской губернии. В старом парке, как отмечали чиновники советской власти, в течение нескольких лет шла активная заготовка дров, были вырублены вековые деревья, флигели были разобраны для частных хозяйств [20]. Такова была типичная судьба большинства дворянских усадеб. Однако в этот период происходило разрушение не только эстетики усадебного ландшафта. В условиях новых ценностных представлений усадебное пространство, в особенности культового характера, окончательно утратило свою сакральную составляющую. Так, в 1936 году была разрушена Покровская церковь в селе Ивановском Курской губернии, а вместе с ней были уничтожены девятнадцать княжеских захоронений, в которых были погребены представители рода Барятинских, в их числе основатель усадьбы Марьино И.И. Барятинский, его сын генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский и другие известные представители этой фамилии. Однако, несмотря на сложные и противоречивые события советской эпохи, усадьба Марьино как памятник культурного наследия была сохранена в годы революции и гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны усадьба вновь была спасена от полного разрушения, когда в 1943 году десантники Красной Армии сорвали план гитлеровских оккупантов взорвать этот выдающийся памятник русской истории и культуры. Усадьба, понесшая много потерь, была восстановлена в послевоенные годы. Сегодня на ее территории находится санаторий Управления делами Президента Российской Федерации.

В наши дни в Черноземье сохранилась лишь малая толика памятников усадебной культуры и в первую очередь благодаря непосредственной защите со стороны государства и тем энтузиастам, которые смогли сохранить уникальные памятники исторического наследия. Сегодня произведения изобразительного искусства из дворянских усадеб этого региона находятся в крупнейших музеях Москвы и Санкт-Петербурга, и лишь небольшая их часть представлена в местных музеях.

Заключение

В российской истории дворянская усадьба была сложным явлением, вписанным в культурный ландшафт России в целом и провинций в частности. Она создавалась в определенных пространственных координатах и включала в себя ряд обязательных компонентов: господский дом, флигели, хозяйственные постройки, церковь, парк с садом, оранжереи, пруды, сельскохозяйственные и лесохозяйственные угодья, мельницы, заводы, сельские поселения. Доминирующую роль в усадьбе играла личность владельца, которая во многом определяла векторы ее хозяйственного и духовного развития. Многие усадебные ландшафты, в том числе и Черноземного региона, отличались выдающимися художественными характеристиками, обусловленными наличием архитектурных сооружений, парков, живописных и скульптурных произведений. Культурная среда, созданная в усадьбе, переносилась на пространство всего региона, внося в него существенные эстетические и социокультурные преобразования.

Данный опыт создания культурного ландшафта российской провинции представляет сегодня большой интерес с точки зрения сохранения исторического наследия региона, его национальной и региональной самобытности, а также может служить основой для разработки программ рекреации и туризма, способствовать развитию позитивного имиджа территории.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-13-46003).

Примечания:

1. Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. Т. XV.
2. Российское законодательство X-XX веков: В 9-и т. / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 5. (In Russian)
3. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 59. Оп. 1. Д. 126. Л.64-63.
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 59. Оп. 1. Д. 1247. Л. 1-3; Д. 1363. Л. 1-20; Д. 1394. Л. 3; Д. 1405. Л. 1-4; Д. 1439. Л. 1-4. Д.1451. Л. 2, 3; Д. 6654. Л.1-6.
5. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 19. Л. 25.
6. ГАКО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 5828. Л. 1-3; Д. 7642. Л.1-22; Д. 8199. Л. 2-3; 8200. Л.2-5; Д. 8205. Л. 1-4; Д. 8217. Л. 2-4.
7. Указ Павла I Сенату о пожаловании земель в Курской губернии гр. Миниху // Из истории Курского края: Сборник документов и материалов. – Воронеж, 1965.
8. ГАКО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 7501. Л. 2-5; Д. 7786. Л. 1-4; Д. 7899. Л. 2-5; Д. 8336. Л. 2,3; Д. 8339. Л. 2-4; 18669. Л. 1-4.
9. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Переизд. М., 1991. Т.1. С. 788-789.
10. ГАВО. Ф. 167. Оп.1. Д. 13634. Л. 10б.
11. ГАВО. Ф. 29. Оп. 138. Д. 69. Л. 9-10.
12. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля / В.А. Прохоров. Воронеж: Центр. Чернозем. кн. изд-во, 1973. 367 с.
13. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890-1907. Т. II.
14. Истомина Э.Г., Водарский Я.Е., Иванова Л.В. Дворянская и купеческая усадьба в России XVI-XX вв. Исторические очерки / Л.В. Иванова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 784 с.
15. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч.3. Курская губерния. СПб.: Тип Департамента Ген. Штаба, 1850. 214 с.
16. Инсарский В.А. Записки // Русская старина. Кн.2. 1874. Т. IX. С. 23-48.
17. Федоров С.И. Марьино / С.И.Федоров. Воронеж: Центр. Чернозем. кн. изд-во, 1988. 143 с.
18. Щепкин М.С. Записки актера Щепкина // М.С. Щепкин: жизнь и творчество: В 2-х т./ М.С. Щепкин; Общ. ред. и вступит. статья О.М. Фельдман М.: Искусство, 1984. Т.1. С. 51-236.
19. Описания отдельных русских хозяйств. Вып. III. Курская губерния. СПб.: Тип. С-Петербургского градоначальства, 1897.
20. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 4. Д.69. Л. 5.

References:

1. Manifesto "On the granting of liberty and freedom throughout the Russian nobility" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Saint Petersburg, 1830. vol. XV. (In Russian)
2. The Russian legislation of X-XX centuries: in 9 volumes / Ed. By O.I. Chistyakov. Moscow, Legal Literature, 1987. vol. 5. (In Russian)
3. The State Archive of the Voronezh region. The fund 59, the list 1, the file 26, l. 63-64.
4. The State Archive of the Kursk region. The fund 59, the list 1, the file 1247. l. 1-3; the file 1363, l. 1-20; the file 1394, l. 3; the file 1405, l. 1-4; the file 1439, l. 1-4., the file 1451. l. 2, 3; the file 6654. l.1-6.
5. The State Archive of the Kursk region. The fund 33, the list 2, the file 19, l. 25.

6. The State Archive of the Kursk region. The fund 59, the list 1, the file 5828, l. 1-3; the file 7642, l. 1-22; the file 8199, l. 2-3; the file 8200, l. 2-5; the file 8205, l. 1-4; the file 8217, l. 2-4.
7. The decree of Paul I to the Senate on granting lands in the Kursk province to Minikh // From the history of the Kursk region. The collection of documents and materials. Voronezh, 1965. (In Russian)
8. The State Archive of the Kursk region. The fund 59, the list 1, the file 7501, l. 2-5; the file, 7786, l. 1-4; the file 7899, l. 2-5; the file 8336, l. 2,3; the file 8339, l. 2-4; the file 18669, l. 1-4.
9. Brockhaus and Efron. Encyclopedic Dictionary. Biography, Reprint, Moscow, 1991. Vol.1, 788 p. (In Russian)
10. The State Archive of the Voronezh region. The fund 167, the list 1, the file 13634, l. 10b.
11. The State Archive of the Voronezh region. The fund 29, the list 138, the file 69, l. 9-10.
12. V.A. Prokhorov. The Voronezh region / V.A. Prokhorov. The Voronezh Center. The Black Earth publishing house, 1973, 367 p. (In Russian)
13. Brockhaus and Efron. Encyclopedic Dictionary. Saint Petersburg, 1890-1907, Vol. II. (In Russian)
14. E.G. Istomina, Y.E. Vodarsky, L.V. Ivanova Nobility and the merchant's manor in Russia XVI-XX centuries Historical Sketches / L.V. Ivanova. Moscow, Editorial URSS, 2001, 784 p. (In Russian)
15. The Military Statistical Review of the Russian Empire. Vol. XIII, Part.3, the Kursk province, Saint Petersburg. A type of General Staff Department, 1850, 214 p. (In Russian)
16. V.A. Insarsky. Notes // Russian antiquities. Book 2, Vol. IX, 1874, pp. 23-48. (In Russian)
17. S.I. Fedorov. Marino / S.I. Fedorov. The Voronezh Center. The Black Earth publishing house, 1988, 143 p. (In Russian)
18. M.S. Shepkin. The actor Schepkin's notes // M.S. Shepkin: life and work: in 2 vols. / M.S. Shepkin; Ed. and the introductory article by O.M. Feldman. Moscow, Art, 1984. Vol.1, pp 51-236. (In Russian)
19. Descriptions of separate Russian farms. Release III. Kursk province. SPb., 1897. 95 p. (In Russian)
20. The State Archive of the Kursk region. The fund. P-3322, the list 4, the file 69, l. 5.

УДК 94 (470.32) "18/19"

Трансформация усадебного ландшафта в культурно-историческом пространстве России XVIII–XIX веков (по материалам Черноземного региона)

¹Татьяна Викторовна Ковалева

²Татьяна Олеговна Цурик

¹ Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, доцент

305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94

E-mail: t_kovaleva@mail.ru

² Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Кандидат культурологии, доцент

305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94

E-mail: TsurikTO@yandex.ru

Аннотация. В статье изучается усадьба как составляющая культурного пространства Черноземного региона в XVIII–XIX веках, факторы ее формирования и развития, компоненты усадебного ландшафта. Рассматриваются хозяйственные, экономические и культурные особенности дворянских усадеб центрального Черноземья, их значение для развития региона. Охарактеризован усадебный ландшафт как единство природного и культурного начал, как обобщение лучших достижений русской и западноевропейской культур, как синтез городского и сельского образа жизни.

Ключевые слова: культурный ландшафт, усадьба, дворянство, провинция.

Copyright © 2015 by Sochi State University

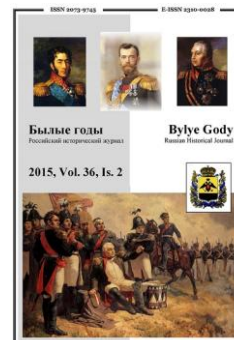
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 268-275, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/99

The Realization of the State Policy on Expanding the Drugstore Network in the Russian Empire between the 18th and the First Half of the 19th Centuries

¹ Natalia N. Koroteeva² Alexey A. Soynikov¹ South West State University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

E-mail: koronna.nat@mail.ru

² Kursk State University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

E-mail: profsoin@mail.ru

Abstract

This article seeks to analyze the historical experience of organizing drugstores across the Russian Empire between the 18th and the first half of the 19th centuries. To this end, the author examines the legal and regulatory framework of the organization and activity of drugstores, the origin of which is traced to 1701, when a decree by Peter the Great instituted the so-called “drugstore monopoly”. This time period marks the beginning of the process of systematic expansion of the Russian drugstore network under the control of the state. The aim of the state policy to expand the number of drugstore institutions was founded on the need to root out potion-mongering and quackery and, accordingly, making medication help better available to the Empire’s residents. The author’s analysis reveals that there was trouble with realizing the state policy, namely the lack of qualified specialists, the lack of capital for opening a drugstore, and the need to get permission from the owners of other drugstores already in operation.

Keywords: tsar’s decree, drugstore monopoly, state policy, druggists, drugstores, drugstore network.

Введение

Развитие аптечного дела в России с момента открытия первой аптеки английским аптекарем Джеймсом Френчемом, прибывшим в Москву в 1581 г. [1; 123], происходило медленными темпами. Отсутствие квалифицированных специалистов-аптекарей не давало возможности для организации новых аптек в стране. К началу XVIII в. существовало всего шесть аптек [2; 505]. По инициативе Петра I в 1700 г. открылась частная аптека Даниилом Гурчиным [3]. Располагалась она на Мясницкой улице у Никольских ворот. В этом же году повелением Петра I учреждаются военные аптеки при военных и морских госпиталях, при крупных воинских соединениях. А в 1701 г. вышел царский указ «Озаведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо; о введении оных Посольскому приказу и об уничтожении зелейных лавок» [4; 177]. Этот указ положил начало правовой базы аптечного дела [5; 125; 6; 8]. Им разрешалось открыть в Москве не более восьми аптек, и все они передавались в ведение Посольского приказа. Указ преследовал цель – создать благоприятные условия для будущих владельцев аптек: устранение конкурентной торговли лекарствами за пределами аптек и введение аптечной монополии на количество аптек, что гарантировало их владельцам высокий доход. Петровская монополия призвана была служить стимулом роста городской аптечной сети. Но к концу XVIII в. в Российской империи действовало всего 30 аптек [2; 506]. Данная тема не нашла широкого отражения в отечественной историографии.

Материалы и методы

Основным источником для написания статьи явилось Полное собрание законов Российской империи, в котором нашли отражение указы, регламентирующие аптечное дело в России в XVIII – первой половине XIX вв.

Обширный пласт информации отложился в документах Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива и региональных архивов: Центрального исторического архива г. Москвы, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Курской области, Государственного архива Орловской области, Государственного архива Тамбовской области.

Значимым подспорьем в изучении темы послужили опубликованные труды историков.

Объективное исследование организации аптечного дела в XVIII – первой половине XIX вв. базируется на использовании ряда методов. В частности, историко-системный метод позволил раскрыть внутренние механизмы инициирования, разработки и реализации государственной политики государства по развитию аптечного дела. Он также дал возможность проанализировать теоретические основы, факторы, объективные и субъективные условия формирования государственных решений в данной сфере. Применение историко-системного метода в сочетании с диалектическим позволило на примере развития аптечного дела показать последствия доминирующей роли государства.

Метод единства исторического и логического позволил осуществить сочетание описания хронологии событий в истории аптечного дела с теоретическим анализом внутренних взаимосвязей. Применение данного метода позволило выявить определенные тенденции в развитии аптечного дела, направленные на усиление централизации его управления.

Историко-сравнительный метод позволил исследовать цели, задачи, сущностные особенности политики государства в сфере аптечного дела, а также проанализировать эффективность внедрения в практическую деятельность нормативных актов для его развития.

Использование в научном исследовании рассмотренных методов позволило переосмыслить и обобщить опыт государственной политики по развитию аптечного дела в XVIII – первой половине XIX вв.

Обсуждение

В исследуемый период государственная политика в сфере аптечного дела была направлена на планомерное расширение аптечной сети.

В первую очередь, необходимо отметить Петровскую аптечную монополию, которая в этот период способствовала материальной заинтересованности владельцев аптек в получении большей прибыли. Аптечная монополия, наложившая ограничение на число аптек в Москве, гарантировала будущим владельцам аптек высокий доход и должна была служить определенным стимулом развития городской аптечной сети.

Среди первых претендентов на право открытия аптеки в Москве было трое русских. 29 ноября 1701 г. в Посольский приказ была передана челобитная от торговых людей зеленого ряда Евсея Андреева и Якова Власова с просьбой выдать им разрешение на открытие ими аптек в Китай-городе. Так как в непосредственной близости от этой части города, но на территории Белого города уже функционировала аптека Даниила Гурчина, им предложили выбрать под аптеку участок в другом районе Москвы и потребовали представить поручителей. Неизвестно, какое из этих условий оказалось неприемлемым, но аптека российскими торговыми людьми так и не была открыта. Безрезультатным оказалось также прошение российского купца Игнатия Петрова от 13 декабря 1701 г.

В этом же 1701 г. прошение на право открытия аптеки поступило от аптекаря Аптекарского приказа Ягана Готфрида Григория, получившего фармацевтическое образование и звание аптекаря за рубежом, куда он был отправлен из России по рекомендации лейб-медика Л. Блюментроста в 1693 г. Я.Г. Григорий испрашивал разрешение на открытие аптеки в Новонемецкой слободе. Ссылаясь на пример зарубежных городов, он просил предоставить ему особую привилегию, запрещавшую бы другим лицам открывать аптеки на территории слободы. Такое же право он предлагал предоставить владельцам аптек и в других районах города, ссылаясь на то обстоятельство, что при увеличении числа аптек в Москве конкуренция может привести к разорению последних. В случае смерти владельца аптека, по предложению Я.Г. Григория, должна была переходить к его наследникам, которые, при желании, могли ее продать. Предложения аптекаря как раз и отражались в указе от 22 ноября 1701 г., введившего ограничения числа аптек в Москве, а также в именных грамотах, выдававшихся владельцам аптек, где оговаривалось право на передачу аптек наследникам или продажу.

22 ноября 1701 г. Я.Г. Григорию была выдана первая грамота на право открытия аптеки в Москве [7; 180]. В 1702 г. Яган Готфрид открыл свою аптеку в Новонемецкой слободе. Улица, на которой стояла эта аптека, до сих пор носит название Аптекарский переулок. С какими трудностями было связано создание и содержание аптек в то время, можно судить по следующим фактам. Яган Готфрид Григорий попросил Петра I дать ему 22 казенные подводы для доставки купленных за границей аптекарских товаров от Архангельска до Москвы. Подводы эти пробыли в дороге 6 месяцев [8]. За это время порошкообразные лекарственные вещества должны были испортиться (отсыреть, склеиться), так как в условиях перевозки не было возможности обеспечить им надлежащее хранение.

Вторая грамота была выдана Даниилу Гурчину [9; 6]. Аптека была выстроена на выделенной ему земле «за Никольскими воротами в Белом городе, на большой мостовой Мясницкой улице» [9; 6-7] на собственные средства. Третья привилегия была выдана голландскому аптекарю Гавриилу Саулсу

в 1702 г. Свою аптеку Саулс открыл у Покровских ворот. Четвертая аптека была открыта датчанином М.И. Арнкиелем в 1707 г. у Варварских ворот. В 1709 г. эта аптека была перенесена на Тверскую улицу. Пятую аптеку открыл в 1709 г. Алексей Меркулов в Белом городе на Пречистенской улице. Как считают историки, Алексей Меркулов также был иностранцем, изменившим свою настоящую фамилию на русскую.

В 1712 г. аптекарем А. Ругом была открыта шестая частная аптека за старым Каменным мостом между Арбатскими и Никитскими воротами, а выходец из Польши Гавриил Бецевский на Варварке в 1713 г. открыл седьмую аптеку. Восьмая аптека была открыта в том же году провизором А.Г. Зандером на Сретенке.

Таким образом, потребовалось 13 лет на открытие восьми частных аптек, предусмотренных указом Петра I. Для того времени это было достаточное количество организованных аптечных учреждений.

Петровская аптечная монополия в первое время стимулировала рост частной аптечной сети, а необходимость регулярного обеспечения армии и госпиталей медикаментами способствовала развитию сети полевых и госпитальных аптек.

В Петербурге первая аптека была основана почти одновременно с основанием города, а именно в 1704 г. Размещалась она в Петропавловской крепости, а в 1734 г. была переведена в специально построенное здание Медицинской канцелярии [10; 39]. Аптека эта называлась Главной. Из Санкт-петербургской Главной аптеки отпускались медикаменты в полки: «Кецгольмский пехотный», «Янбургский драгунный», в «Вологодской пехотный», «Нижегородский пехотный» и др. [11].

В 1704 г. учреждается аптека в крепости Кроншлот (Кронштадт). Аптека снабжала медикаментами гарнизон крепости и гражданское население. Через несколько лет она была переведена в Петербург и стала называться «верхней» аптекой [12; 35]. Затем были открыты еще две аптеки – Нижняя (на территории современного Гостиного двора) и Адмиралтейская (в Адмиралтействе). В 1707 г. была учреждена полевая аптека в Лубнах [13]. В 1715 г. – открылась полевая аптека в Киеве [14], в 1716 г. – в Сибири при войсках Сибирского корпуса [15; 59].

В 1721 г. в Петербурге открылась первая вольная аптека [16, 10; 40]. В 1725 г. была учреждена полевая аптека в Астрахани [17; 499]. В 1727 г. учреждается аптека в Риге [18; 82-83]. В 1736 г. – Смоленская полевая аптека [19; 771]. В Сибири в 1736 г. была открыта аптека в Барнауле при военной крепости. В последующие годы открылись аптеки при крупных сибирских рудниках и заводах: в 1741 г. при Барнаульском, в 1748 г. при Кольванском и Змеевском, в 1782 г. – при Салаирском [20; 39-41], которые обеспечивали медикаментами рабочих и служащих заводов и рудников, солдат и офицеров гарнизонов. Остальное население могло получать лекарства из этих аптек за плату. В 1738 г. была учреждена Воронежская полевая аптека [21; 491].

Указом императрицы Анны Иоанновны от 5 декабря 1739 г. разрешено было открывать аптеки в провинциальных городах: «повелено будет в прочих нужнейших провинциях или городах там, которые пожелают на своем коште аптеки заводить .., то по разсуждению Медицинской Канцелярии, народу от того, особливо при случающихся поветривающихся болезней, немалая польза происходит может...» [22; 963]. Таким образом было положено начало расширению аптечной сети по всей России.

Особое место в становлении и развитии провинциальной аптечной сети занимает доклад Медицинской канцелярии Кабинету министров по поводу открытия первой частной аптеки в Ярославле. Открытию ее предшествовали следующие обстоятельства.

Поселившийся в Ярославле аптекарь Гильдебрант Гиндерсон Дуруп обратился 16 января 1739 г. в Медицинскую канцелярию с прошением о предоставлении ему права на открытие аптеки в городе. В своем обращении Дуруп просил предоставить ему ряд привилегий, без которых аптека не смогла бы окупить затраченные на ее устройство средства. И, прежде всего, Дуруп испрашивал право на аптечную монополию, «чтоб, кроме его аптеки, никому другой аптеки в городе не заводить и в будущем в том городе докторам и лекарям мимо его аптеки брать медикаменты не позволено» [22; 964]. Дуруп также просил бесплатное помещение под аптеку и хорошее содержание. Основываясь на прошении аптекаря, Медицинская канцелярия обратилась в Кабинет министров с просьбой о предоставлении ему монопольного права на содержание аптеки, квартиры и месячного жалования в размере 12 руб. в месяц в продолжении трех лет. Медицинская канцелярия обратила внимание на то обстоятельство, что если указанные льготы будут рассмотрены и на другие провинциальные аптеки, то «больше охотников для учреждения аптек сыщется» [22; 965]. Кроме того, по мнению Медицинской канцелярии, учреждение частных аптек в провинциальных городах снимет часть нагрузки с казенных аптек, которые во время эпидемических заболеваний должны снабжать население пострадавших районов медикаментами. Частные аптеки, в случае необходимости, могли поставлять лекарства и в армейские полки, расположенные поблизости. Кабинет министров одобрил меры, предложенные Медицинской канцелярией и 30 апреля 1740 г. был издан указ, разрешивший Г.Г. Дуропу открыть аптеку в Ярославле. Эта аптека стала первой частной аптекой в провинциальной России.

В свете открывающихся перед государством преимуществ от учреждения в городах частных аптек Медицинская канцелярия предложила предоставить владельцам аптек ряд дополнительных привилегий: освобождение аптек от постоев и других гражданских служб, снабдить их аптекарской таксой и «заморскими материалами» на тех же условиях, что и казенные аптеки. Таким образом,

государство рассматривало аптеки как инструмент решения определенных задач, а не как фактор социального прогресса общества. Предоставление дополнительных льгот владельцам частных аптек не сразу возымело благотворное влияние на рост аптечной сети в провинции. Результативность государственной политики в области аптечного дела на данном этапе оказалась достаточно низкой. Это было вызвано отсутствием специалистов, готовых взять ответственность за создание аптеки и организацию аптечного дела. Традиционное лечение народа у «зелейников», неуверенность в получении быстрой прибыли, отсутствие сети аптечных учреждений, могущих стать примером для других аптекарей стали факторами, сдерживающими развитие аптечной сети.

Только через 20 лет в 1760 г. была открыта частная аптека в Петербурге аптекарем Мартином Берендтом на Мещанской улице, до этого население города приобретало лекарства в казенных аптеках [23].

В 1745 г. открылась частная аптека в слободском городе Рыбна гезелем Матвеем Николаевым, как указывалось в прошении, поданном в Медицинскую канцелярию «для народной пользы» [24]. С 1761 г. на Нерчинских заводах в Сибири утверждена должность аптекаря. «Жалованья производить в разсуждении толь весьма отдаленнаго отсюда места ... по 500 руб. в год» [25; 867]. В 1763 г. открылась казенная аптека в Тобольске, в 1765 г. – в Селенгинске (Сибирь) [26], в 1769 г. – первая городская частная аптека в Барнауле [27; 98].

Ко второй половине XVIII в. частные аптеки имелись практически во всех крупных губернских городах: Москве, Петербурге, Ярославле, Киеве, Минске, Вологде, Пскове, Костроме, Нижнем Новгороде, Нежине, Перми, Симбирске, Пензе и др. Известно, что в 1776 г. в России функционировало 24 частные аптеки [28]. А казенных аптек, по штату Медицинской коллегии, числилось шесть – в Оренбурге, Риге, Лубнах, Смоленске, Гродно, в Георгиевской крепости на Кавказе. Кроме них были еще сверхштатные в крепости св. Дмитрия, Карасубазарская (на Каспийском море), полонская, карантинная [29].

В 1778 г. открылись аптеки в Воронеже [30; 78] и в Симбирске [31]. В 1780 г. открылась вольная аптека в Нижнем Новгороде [32]. В 1781 г. открылась первая аптека во Владимире [33; 54]. В Курске первая аптека была открыта немцем Виллешем в этом же году при приказе общественного призрения [34; 148]. В Орле при приказе общественного призрения аптека была открыта в 1782 г. [35].

Предоставленная владельцам первых московских аптек монополия, ограничившая число аптек в городе – восьмью, действовала на протяжении всего XVIII в. и уже к середине столетия из стимула развития аптечной сети превратилась в его мощный тормоз. Несмотря на быстрый рост населения Москвы, владельцы аптек, ссылаясь на указ Петра I, по которому для открытия второй аптеки в данном районе требовалось согласие владельца первой аптеки, такого согласия не давали, и после открытия восьмой московской аптеки на протяжении 70 лет в городе не было открыто ни одной аптеки. И только указом Сената от 13 августа 1784 г. «О дозволении Медицинской Коллегии заводить в Москве вольные аптеки» было разрешено учреждать новые частные аптеки помимо восьми, открытых по указу Петра I: «Медицинской Коллегии предписать, чтоб она не только ныне, но и впредь желающим и знающим людям заводить в Москве вольные аптеки давала дозволения» [36; 196]. Таким образом, Петровская аптечная монополия была частично ограничена.

20 сентября 1789 г. в России был издан первый Аптекарский устав и аптекарская такса, обобщившие все ранее изданные постановления правительства по аптечному делу [37; 99].

В 1787 г. была открыта еще одна аптека в Москве [38]. В 1791 г. – в Оренбурге [39], в 1794 г. – в Варшаве [40], в 1797 г. – аптека в Курляндии в Болдоне [41], в 1798 г. – в Иркутске [42], в 1799 г. – две аптеки в Санкт-Петербурге [43], в 1803 – в Херсоне [44], в 1804 г. – в Тифлисе [45], в 1807 – в Томске [46], в 1813 г. – в Херсоне «полевая аптека Стикегуса» [47] и четыре аптеки в Москве [48]. В 1814 г. – три аптеки в Москве и аптека при Голицынской больнице [49]. В 1815 г. была открыта аптека в Коломне и аптека в Москве Яковом Шиллингом [50]. В 1818 г. – в с. Семеновском Серпуховского уезда [51]. В 1820 г. была открыта аптека в Нижнем Новгороде [52]. В 1825 г. – открылась аптека при Московском университете [53]. В Санкт-Петербурге с 1802 по 1825 гг. было открыто 28 аптек [54].

С 1812 по 1823 гг. в Пятигорске действовал филиал Кавказской полевой аптеки «в летнее время на время курортного сезона», а в 1823 г. была открыта казенная рецептурная аптека [55].

В начале XIX в. ежегодно, в среднем, по стране, открывалось около 15 новых аптек. Так, в 1804 г. открылось 16 аптек, в 1810 г. – 14, в 1827 г. – 18 частных аптек [56; 14]. На основании документов Министерства внутренних дел России подсчитано, что в 1837 г. было открыто 27 аптек, в 1838 г. – 25, в 1840 г. – 25 [56; 39].

В связи с таким положением, новый Аптекарский устав 1836 г. разрешил владеть аптекой любому, кто пожелает, но при условии управления ей дипломированным специалистом. Вследствие чего, аптеки стали приобретать лица, не имевшие отношения к медицине. Многие содержатели аптек сдавали их в аренду, а арендаторы в свою очередь сдавали их управляющим. Таким образом, одна только аптека могла приносить двойной и тройной доход: и владельцу, и арендатору, и управляющему. В Москве 42,8 % существовавших аптек сдавались в аренду и управление [57].

В 1828 г. в России функционировало 423 вольные аптеки, в 1838 г. – 572, в 1840 г. – 660 аптек, в том числе 31 аптека приказов общественного призрения, 7 аптек при карантинных заставах,

596 частных аптек, остальные – казенные, а в 1848 г. в России функционировало уже 689 аптек [58]. В Петербурге в 1838 г. – 59 аптек, из них 11 казенных и 48 вольных [59].

В губерниях, отдаленных от центра России, аптек было особенно мало, и врачи вынуждены были держать у себя запас медикаментов. В 1845 г. в 165 городах Российской империи аптек не было совсем [60; 734]. По документам Тамбовского государственного архива в 1822 г. аптекарей не было [61]. Но функционировало 6 аптек [62; 42], следовательно, управлялись они не специалистами, возможно фельдшерами, лекарями, врачами. В 1838 г. в самом городе существовали две аптеки Андрея Вернера. Помимо двух аптек в губернском городе были открыты аптеки в уездных городах Козлове, Липецке, Моршанске, Кирсанове, Шацке [63].

В 1827 г. открылась аптека в г. Старый Оскол Курской губернии провизором Петром Ульрихом [64]. В 1830 г. была открыта первая аптека в Армении князем И.Ф. Паскевичем в Эривани, затем только через 36 лет была открыта другая аптека русским провизором Белин [65]. В 1841 г. – первая частная аптека в Пятигорске [66].

К 1845 г. еще в 165 городах России аптеки не были организованы. Например, на Камчатке: «Больниц нет, средств нет, аптек тоже, поездки врачей по округу стеснены...» [67; 109]. Первая аптека была открыта только в 1854 г. в Петропавловске, который являлся административным, военным и медицинским центром Камчатки [68; 262]. В Благовещенске первая аптека была открыта одновременно с основанием города в 1857 г. [69].

В Москве за 30 с лишним лет с 1825 по 1861 гг. открылось всего лишь 6 аптек [70]. В Курской губернии – 6 аптек [71]. В Нижегородской губернии также 6 аптек [72]. В Орловской губернии – 2 [73]. В Тамбовской губернии с 1822 по 1866 гг. было открыто 17 аптек [62; 42; 74; 64]. В 1830–1840 гг. в Симбирской губернии было 4 вольные аптеки. К 1851 г. открылось еще 3 [75]. В 1847 г. по стране открывается только 4 аптеки, в 1848 г. – 2, в 1850 г. – 5, в 1851 г. – 8. В 1851 г. в России функционировало 743 частных аптеки [76; 651].

В этот период открытие аптек осуществлялось также за счет приказов общественного призрения, провизоры которых состояли на государственной службе.

Незначительный рост аптечной сети явился следствием аптечной монополии, введенной Петром I и восстановленной Аптечным уставом. Владельцы аптек, пользуясь предоставленным им правом на аптечную монополию, опасались «излишней конкуренции, могущей привести к упадку аптек и несостоятельности аптечного содержателя» [77].

Заключение

Материалы исследования показали, что на протяжении XVIII в. происходило становление государственной политики в области аптечного дела, цель которого состояла в приближении лекарственной помощи населению. Это касается, в первую очередь, Петровской аптечной монополии, которая стала отправной точкой для расширения аптечной сети.

В последующие годы XIX в. государственная политика также была направлена на планомерное расширение аптечной сети, особенно в местах, отдаленных от центра России.

Реализация данной государственной политики была сопряжена с определенными трудностями. Это недостаток квалифицированных специалистов-фармацевтов, наличие определенного капитала для открытия аптеки и необходимость получения согласия владельцев уже имевшихся аптек, которые, боясь конкуренции, часто не давали такого согласия.

Но, несмотря на все трудности, российская аптечная сеть в исследуемый период, продолжала расширяться, охватывая и губернские, и уездные города, что, несомненно, приближало лекарственную помощь населению и способствовало постепенному искоренению «знахарства».

Примечания:

1. Рихтер В.М. История медицины в России. Ч. 1. – М., 1814.
2. Коротева Н.Н. Становление и развитие аптечной службы в России в XVI – начале XX вв. ... Дис. ... док. ист. наук. Курск, 2011.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 143. Оп. 3. Д. 394, 464.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) с 1649 г. Т. IV. 1700-1712. Ст. 1879.
5. Коротева Н.Н. Аптечное дело в России в XVIII – начале XX вв. // Вопросы истории. 2008. №2.
6. Левченко В.Е., Максименко А.В., Коротева Н.Н., Новиков О.О., Жиликова Е.Т. Аптечная торговля в России: историческая ретроспектива и государственно-правовое регулирование на современном этапе Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. Выпуск 20/1. № 22(141).
7. ПСЗРИ с 1649 г. Т. IV. 1700-1712. Ст. 1881. СПб, 1830.
8. РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 518.
9. Грамота императора Петра Великого об учреждении в Москве восьми вольных аптек. М., 1901.
10. Грекова Т.И., Голиков Ю.П. Медицинский Петербург. СПб, 2001.
11. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 52. Д. 263, 264, 270, 328.
12. Леонтьев Д.А. Краткий исторический очерк аптечного дела в России. СПб, 1910.
13. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 1. Д. 145.

14. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 1. Д. 672.
15. Чистович Я. И. История первых медицинских учреждений в XVIII веке. СПб, 1868.
16. РГАДА. Ф. 346. Оп. 3. Д. 54.
17. ПСЗРИ с 1649 г. Т. VII. 1723-1727. Ст. 4728. СПб, 1830.
18. Вискна А.А. 250 лет Рижской аптеке // Фармация. 1977. № 6.
19. ПСЗРИ с 1649 г. Т. VII. 1723-1727. Ст. 6912. СПб, 1830.
20. Тыжнов И. Из истории горнозаводского населения. Алтайский сборник. Кн. 6. Барнаул, 1907.
21. ПСЗРИ с 1649 г. Т. X. 1737-1739. Ст. 7577. СПб, 1830.
22. ПСЗРИ с 1649 г. Т. X. 1737-1739. Ст. 7963. СПб, 1830.
23. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 3. Д. 112.
24. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 423. Д. 12.
25. ПСЗРИ с 1649 г. Т. X. 1737-1739. Ст. 11383. СПб, 1830.
26. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 3. Д. 129. Л. 12; Ф. 344. Оп. 1. Ч. 3. Д. 25.
27. Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. – Томск, 1975.
28. РГАДА. Ф. 248. Оп. 65. Д. 431.
29. РГАДА. Ф. 344. Оп. 3. Д. 712.
30. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний П.Е. Болховитиновым. Воронеж, 1800.
31. РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Ч. 3. Д. 231.
32. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 4. Д. 11.
33. Медицинское общество в г. Владимире в 1901 г. Владимир, 1902.
34. Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1965.
35. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 826. Оп. 1. Д. 213.
36. ПСЗРИ с 1649 г. Т. XXII. 1784-1788. Ст. 16043. – СПб, 1830.
37. ПСЗРИ с 1649 г. Т. XXIII. 1789 по 5 ноября 1796. Ст. 16631. – СПб, 1830.
38. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 4. Д. 11.
39. РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Кн. 110. Д. 14.
40. РГАДА. Ф. 248. Оп. 66. Кн. 412. Д. 7.
41. РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 14. Д. 5.
42. РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 20. Д. 269.
43. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 185. Оп. 1. Д. 30, 32, 678.
44. РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Ч. 3. Д. 602.
45. РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 25. Д. 111.
46. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1297. Оп. 170. Д. 137.
47. РГИА. Ф. 1297. Оп. 171. Д. 23.
48. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 55, 79, 122, 129.
49. ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10, 12, 255, 359.
50. ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 472.
51. ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 481.
52. ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 809.
53. ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2458.
54. ЦГИА СПб. Ф. 185. Оп. 1. Д. 62, 63, 116, 139, 165, 168, 214, 221, 246, 264, 265, 267, 288, 297, 319, 382, 403, 451, 487, 552, 553, 556, 565, 566, 569, 681, 725, 1113.
55. РГИА. Ф. 1297. Оп. 120. Д. 103.
56. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел в 3-х частях. Ч. 1. СПб, 1862.
57. РГИА. Ф. 1297. Оп. 149. Д. 211.
58. РГИА. Ф. 1297. Оп. 31. Д. 113; Оп. 54. Д. 87; Оп. 67. Д. 45; Оп. 76. Д. 103.
59. РГИА. Ф. 1297. Оп. 170. Д. 178.
60. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел в 3-х частях. Ч. 2. Кн. 2. СПб, 1862.
61. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 30. Оп.11. Д. 2.
62. Долгушин И. Страницы истории медицины Тамбовского края и работа Тамбовской 3-й городской больницы до второй половины XX в. Тамбов, 2009.
63. ГАТО. Ф. 30. Оп. 17. Д. 24.
64. РГИА. Ф. 1299. Оп. 14. Д. 95.
65. РГИА. Ф. 1268. Оп. 17. Д. 36.
66. РГИА. Ф. 1297. Оп. 140. Д. 34.
67. Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели. Хабаровск, 1899.
68. Отчет медицинского департамента Морского министерства за 1854 г. // Морской сборник. № 8. Ч. офф. 1855.
69. РГИА. Ф. 1268. Оп. 17. Д. 36.
70. ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 549.
71. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 306; Д. 1217.

72. РГИА. Ф. 1297. Оп. 169. Д. 34.
73. ГАОО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 498. Л. 176; Д. 1079.
74. Обзор Тамбовской губернии за 1866 г. Тамбов, 1867.
75. РГИА. Ф. 1297. Оп. 170. Д. 987.
76. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Ч. 3. Кн. 3. СПб, 1862.
77. РГИА. Ф. 1297. Оп. 149. Д. 211.

References:

- 1 Richter, C. M. History of medicine in Russia. H. 1. - M, 1814.
2. Korotyeyeva N. N. The formation and development of pharmacy services in Russia in XVI - early XX centuries ... Dis. ... Doc. East. Sciences. Kursk, 2011.
3. Russian state archive of ancient acts (RGADA). F. 143. Op. 3. D. 394, 464.
4. Complete collection of laws of the Russian Empire (PSSRI) 1649 T. IV. 1700-1712. Article 1879.
5. Korotyeyeva N. N. Pharmacy business in Russia in the XVIII - early XX centuries // Questions of history. No. 2. 2008.
6. Levchenko С.Е., А. Maksimenko Century, Korotyeyeva N.N., Novikov O.O., Zilakova E.T. Pharmacy retail in Russia: historical retrospective and state-legal regulation at the present stage of Scientific statements of the Belgorod state University. - 2012. - Edition 20/1. No. 22(141).
7. PSSRI with 1649 T. IV. 1700-1712. Article 1881. - SPb, 1830.
8. RGADA. F. 143. Op. 3. D. 518.
9. Diploma of the Emperor Peter the Great on the establishment in Moscow of eight free pharmacies. М., 1901.
10. Grekov T. I. Golikov, S. P. Medical Petersburg. - SPb, 2001.
11. RGADA. F. 346. Op. 1. H 2. KN. 52. D. 263, 264, 270, 328.
12. Leontiev A. D. Brief historical sketch of the pharmacy business in Russia. St. Petersburg, 1910.
13. RGADA. F. 346. Op. 1. H. 1. D. 145.
14. RGADA. F. 346. Op. 1. H. 1. D. 672.
15. Chistovich J. I. History of the first medical institutions in the EIGHTEENTH century. St. Petersburg, 1868.
16. RGADA. F. 346. Op. 3. D. 54.
17. PSSRI with 1649 I. VII. 1723-1727. Article 4728. SPb, 1830.
18. Viksna A. A. 250 years Riga pharmacy // pharmacy. 1977. No. 6.
19. PSSRI with 1649 I. VII. 1723-1727. Article 6912. SPb, 1830.
20. Tiznow I. From the history of mining population. Altay collection. KN. 6. - Barnaul, 1907.
21. PSSRI with So 1649 H. 1737-1739. Article 7577. SPb, 1830.
22. PSSRI with 1649 T. H. 1737-1739. Article 7963. SPb, 1830.
23. RGADA. F. 346. Op. 1. O'clock 3. D. 112.
24. RGADA. F. 248. Op. 7. KN. 423. D. 12.
25. PSSRI with 1649 T. H. 1737-1739. Article 11383. - SPb, 1830.
26. RGADA. F. 346. Op. 1. O'clock 3. D. 129. HP 12; £ 344. Op. 1. O'clock 3. D. 25.
27. Fedotov, N. P., Mendrin, I. essays on the history of medicine and public health of Siberia. Tomsk, 1975.
28. RGADA. F. 248. Op. 65. D. 431.
29. RGADA. F. 344. Op. 3. D. 712.
30. Historical, geographical, and economic description of the Voronezh province, collected from stories, arhivski notes and legends P. E. Bolkhovitinov. - Voronezh, 1800.
31. RGADA. F. 344. Op. 1. O'clock 3. D. 231.
32. RGADA. F. 346. Op. 1. PM 4. D. 11.
33. Medical society, Vladimir in 1901 - Vladimir, 1902.
34. From the history of Kursk region. Collection of documents and materials. - Voronezh, 1965.
35. State archive of the Orel region (GAO). F. 826. Op. 1. D. 213.
36. PSSRI with 1649 T. XXII. 1784-1788. Article 16043. - SPb, 1830.
37. PSSRI with 1649 I. XXIII. 1789 on November 5, 1796. Article 16631. - SPb, 1830.
38. RGADA. F. 346. Op. 1. PM 4. D. 11.
39. RGADA. F. 248. Op. 64. KN. 110. D. 14.
40. RGADA. F. 248. Op. 66. KN. 412. D. 7.
41. RGADA. F. 344. Op. 2. KN. 14. D. 5.
42. RGADA. F. 344. Op. 2. KN. 20. D. 269.
43. Central state historical archive of St. Petersburg (tsgia SPb). £ 185. Op. 1. D. 30, 32, 678.
44. RGADA. F. 344. Op. 1. O'clock 3. D. 602.
45. RGADA. F. 344. Op. 2. KN. 25. D. 111.
46. The Russian state historical archive (RGIA). F. 1297. Op. 170. D. 137.
47. RGIA. F. 1297. Op. 171. D. 23.
48. The Central historical archive of Moscow (CIAM). F. 1. Op. 1. D. 55, 79, 122, 129.
49. CIAM. F. 1. Op. 1. D. 10, 12, 255, 359.

50. CIAM. F. 1. Op. 1. D. 472.
51. CIAM. F. 1. Op. 1. D. 481.
52. CIAM. F. 1. Op. 1. D. 809.
53. CIAM. F. 1. Op. 1. D. 2458.
54. Tsgia SPb. £ 185. Op. 1. D. 62, 63, 116, 139, 165, 168, 214, 221, 246, 264, 265, 267, 288, 297, 319, 382, 403, 451, 487, 552. 553, 556, 565, 566, 569, 681, 725, 1113.
55. RGIA. F. 1297. Op. 120. D. 103.
56. Varadinov N. History of the Ministry of internal Affairs in 3 parts. H. 1. - St. Petersburg, 1862.
57. RGIA. F. 1297. Op. 149. D. 211.
58. RGIA. F. 1297. Op. 31. D. 113; Op. 54. D. 87; Op. 67. D. 45; Op. 76. D. 103.
59. RGIA. F. 1297. Op. 170. D. 178.
60. Varadinov N. History of the Ministry of internal Affairs in 3 parts. H 2. KN. 2 - St. Petersburg, 1862.
61. State archive of the Tambov region (GATO). F. 30. Op.11. D. 2.
62. Dolgushin And. pages of history of medicine of the Tambov region and the work of the Tambov 3 city hospital until the second half of the twentieth century - Tambov, 2009.
63. GATO. F. 30. Op. 17. D. 24.
64. RGIA. £ 1299. Op. 14. D. 95.
65. RGIA. F. 1268. Op. 17. D. 36.
66. RGIA. F. 1297. Op. 140. D. 34.
67. Margaritov Century Kamchatka and its inhabitants. - Khabarovsk, 1899.
68. The report of the medical Department of the Marine Department for 1854 // Sea collection. No. 8. - Hours off. - 1855.
69. RGIA. F. 1268. Op. 17. D. 36.
70. CIAM. F. 1. Op. 5. D. 549.
71. State archive of the Kursk region (GAKO). F. 1. Op. 1. D. 306; D. 1217.
72. RGIA. F. 1297. Op. 169. D. 34.
73. Goo. F. 4. Op. 2. D. 498. L. 176; D. 1079.
74. Overview of Tambov province for 1866 - Tambov, 1867.
75. RGIA. F. 1297. Op. 170. D. 987.
76. Varadinov N. History of the Ministry of internal Affairs. O'clock 3. KN. 3. - St. Petersburg, 1862.
77. RGIA. F. 1297. Op. 149. D. 211.

УДК 93/99

Реализация государственной политики по расширению аптечной сети в Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв.

¹ Наталья Николаевна Коротеева

² Алексей Анатольевич Сойников

¹ Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: koronna.nat@mail.ru

² Курский государственный университет, Российская Федерация

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: profsoin@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирован исторический опыт организации аптек на территории Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв. С этой целью проанализирована нормативно-правовая база организации и деятельности аптек, начало которой относится к 1701 г., когда Петр I своим указом утвердил так называемую «аптечную монополию». С этого времени начинается процесс планомерного расширения российской аптечной сети под контролем государства. Цель государственной политики по увеличению количества аптечных учреждений заключалась в необходимости искоренения зелейничества и знахарства и, соответственно, в приближении лекарственной помощи населению империи.

Проведенное исследование показало, что реализация государственной политики была сопряжена с определенными трудностями, к которым можно отнести недостаток квалифицированных специалистов, наличие определенного капитала для открытия аптеки и необходимость получения согласия владельцев уже имевшихся аптек.

Ключевые слова: царский указ, аптечная монополия, государственная политика, аптекари, аптеки, аптечная сеть.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

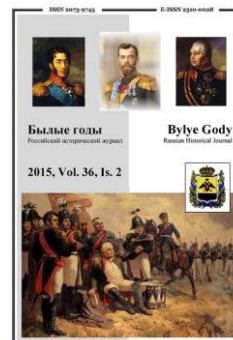
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 276-281, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Ethno-Demographic Processes in the North-East Black Sea Area in the 19th – Early 21st Centuries (through the Example of Greater Sochi)

¹ Aleksandr A. Cherkasov

² Vyacheslav I. Menkovsky

³ Michal Smigel

⁴ Violetta S. Molchanova

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Doctor of Historical Sciences, Professor

E-mail: sochio03@rambler.ru

² Belarus State University, Belarus

Doctor of Historical Sciences, Professor

E-mail: menkovski@bsu.by

³ Matej Bel University, Slovak Republic

Doctor of Historical Sciences, Professor

⁴ Sochi State University, Russian Federation

Abstract

This article examines ethno-demographic processes in the north-east Black Sea area, more specifically the territory of Greater Sochi, in the 19th – early 21st centuries.

In writing the article, the authors have relied on archive materials from the archives department of the administration of the city of Novorossiysk and the archives department of the administration of the city of Sochi. The authors have consulted reference pre-revolution literature, Soviet-era and present-day population censuses, as well as the findings of present-day research studies.

The methodological basis of this study are the principles of historicism, objectivity, and systemicity, which helps to get an insight into the general patterns and regional peculiarities in the demographic development of the major ethnicities in the north-east Black Sea area in the 19th-20th centuries.

The authors touch upon the process of colonization of the territory and its ethnic composition. In the end, the authors come to the conclusion that the ethno-demographic picture of Greater Sochi had been forming in a complicated fashion. As a consequence, in the second half of the 19th century, following the Caucasian War, the territory had to be repopulated. Resettlement flows from different locations in the Russian Empire and overseas had formed by 1917 an ethno-picture that featured Russians and Armenians as two principal ethnicities. The authors note that this picture has not changed in a major way to this day.

Keywords: ethno-demographic processes; Greater Sochi; Black Sea area mountaineers; colonization.

Introduction

The territory of present-day Greater Sochi stretches 109 km along the coast of the Black Sea. The area is currently inhabited by 400 thousand people, who represent 100 ethnicities. In the early 19th century, the area was inhabited by mountaineer tribes: Shapsugs and Abazins in some parts of and Ubykhs throughout the region. For a long time, this territory had been a zone virtually isolated from external influence, and only in the early 19th century interest in the lands was renewed, due to their annexation to the Russian Empire. After the close of the Caucasian War and the resettlement of mountaineer tribes to Turkey, there began Russian colonization. On the whole, by 1917 the colonization of the region had been completed; however, the Civil War in Russia, political repressions, World War II, and the international situation at the time had been transforming the ethno-demographic situation in the region.

Materials and methods

In writing this article, the authors have employed archive sources from the archives department of the administration of the city of Novorossiysk and that of the city of Sochi. The authors have made use of reference pre-revolutionary literature, as well as data from pre-revolutionary, Soviet, and present-day population censuses. An important source for the study of ethno-demographic processes in the Black Sea area in the first half of the 19th century are first-hand accounts and personal testimonies, namely diary entries and memoirs by numerous envoys, emissaries, and travelers.

In working on the article, the authors have employed the principles of historicism, objectivity, and systemicity, which has helped to get an insight into the general patterns and regional peculiarities in the demographic development of the major ethnicities in the north-east Black Sea area in the 19th-20th centuries. The historicism principle has helped to bring to light historical trends in ethno-demographic processes and examine them in their actual development, the association between the general and the particular, the past and the present. The methodological principle of objectivity realized in this work presupposed exploring all the links in totality, inclusive of the correlation between subjective and objective factors which determined the dynamics of ethno-demographic processes in the region. The principle of systemicity has helped to get a comprehensive insight into the historical process via methods of analysis and synthesis.

Discussion

The earliest materials on the composition and size of the population of the present-day territory of Greater Sochi were gathered back in the period of the Caucasian War (the first half of the 19th century). Those were accounts by travelers, emissaries, and envoys from various countries – F.D. de Montperreux, J.S. Bell, J.A. Longworth, F.F. Tornau, to name a few [13, 14].

The most detailed information on the region's ethno-demographic composition during the pre-revolutionary period is contained in the materials of the 1897 First All-Russian Census. These data were later published in "The Great Encyclopedia" in 1902-1904 [18]. Similar censuses have been conducted during the Soviet and present-day periods.

In characterizing the degree to which the issues has been investigated, we should note that different periods in the region's development have attracted researchers interested in those periods specifically. Thus, for instance, the history of Ubykh society has been studied by V.I. Voroshilov and A.A. Cherkasov [8, 17], the region's pre-revolutionary history by I.A. Tveritinov [12], and the history of the north-east Black Sea area in the New Age by O.V. Natolochnaya, A.M. Mamadaliev, and others [10, 16].

Yet, despite these efforts, the integral ethno-demographical picture of the region is yet to be presented.

Results

There is no credible information on the origins of the population inhabiting Greater Sochi. The mountaineers themselves, however, believed they "were composed of Abazins, Circassians, and Europeans who, according to a legend, had been cast up on a Circassian shore back during the First Crusade" [13, pp: 164]. The First Crusade lasted from 1096 to 1099 and had a definite impact on the region, for Crusader troops did gather around the Constantinople area. Another interesting fact is that by the beginning of the 19th century all the tribal units in the region, despite the attempts at Islamizing the region, had continued to profess Old Testament Christianity [9; 10; 11; 16]. The presence of the above tribes in the area's inhabited localities was mixed. Thus, for instance, the Ubykhs' principal rural locality, Sochipsy (translation: "Sochi" – place, "psy" – river), numbered, according to F.F. Tornau, as many as 450 Abazin and Ubykh and some Turkish families [7, f. 19, s. 8, 9, 13]. Also mixed was the population of inhabited localities in Greater Sochi's Lazarev district, where Ubykhs were close neighbors with Shapsugs. Besides, there also lived 6 thousand Armenians throughout the territory of the mountaineers of the Black Sea area, from Anapa to Gagra. There is no credible information on the size of the mountaineer population, as, based on the mountaineers' belief, counting people was not only useless but sinful [13, pp: 57]. As a consequence, all the information available at this point is of quite an approximate nature and at times highly discrepant. Thus, for instance, Frédéric Dubois de Montperreux estimated the population of Shapsugs (who inhabited the area from Anapa to the River Shakhe) at 200 thousand and that of Ubykhs at 19 thousand people [14, pp: 34]. F.F. Tornau believed that there were as many as 150,000 Shapsugs living in the area and a combined 12,000 Ubykh and Sadz (the Abazin tribe which inhabited the area from Sochi to Gagra) males, with Ubykhs numbering 5-6 thousand [13, pp: 327; 17].

Modern researcher V.I. Voroshilov estimated the Ubykh population at about 50,000, while he agreed with the other assessments as well [8, pp: 47]. Thus, we observe considerable variation in the numbers of residents from the tribe of Ubykhs. Nevertheless, using the above data we can infer an approximate size of the population in the territory of Greater Sochi. If we suppose that by 1830 the Shapsug population was 175 thousand people, who were evenly settled all the way to Anapa, we may estimate the Shapsug population in the territory of the Lazarev district at 50 thousand. The averaged number of Ubykhs would be about 30 thousand and that of Abazins about 15 thousand people. Thus, the population of Greater Sochi at the time would be 95-100 thousand (including up to 1.5 thousand Armenians). After the close of the Caucasian War in 1864, the predominant part of the population presented in this paper resolved to resettle in Turkey, where it

was later assimilated. Only a part of the Shapsugs declined to resettle, who later stayed in the Lazarev district of Greater Sochi.

The systematic reclamation of the coast, and consequently the territory of Greater Sochi, begins following the release of “The Enactment on the Settlement of the Black Area District and the Government Thereof” of March 10, 1866. This helped initiate a large-scale resettlement to this territory (the first wave of resettlement) both from the internal regions of the Russian Empire and Turkey. As a consequence, apart from Russians, there appeared in the territory of present-day Sochi Greeks, Georgians, and Armenians.

The 1897 Census put the population of the Sochi district at 13,153 people – 7,604 males and 5,549 females [18]. Table 1 provides figures on the population of the Sochi district broken down by ethnicities [19].

As of January 1, 1904, the district’s population was 24,084 people [20].

The time of the Stolypin agrarian reform saw the second colonization wave of settlers rushing to the territory of Sochi, which deformed the ethno-demographic image of the population of pre-revolutionary Sochi.

In 1917, the population of the Sochi district was over 70 thousand people, out of whom 62% were Russians (Russians, Ukrainians, and Belarusians) [6, f. 7, s. 7]. Over the Civil War years, the district’s population decreased by 2 times.

The changes in the dynamics of the size of the Sochi district population are illustrated in Figure 1. As a result of migrations and military confrontation, the district’s population decreased from 70 thousand in 1917 to 33 thousand people in 1922 [1, f. 166, s. 250].

While the June 1919 census put Sochi’s population at 9,054 people, one year later, in June 1920, the figure was 8,405 people, and already 7,752 in September the same year [3, f. 1, s. 2, 3, 12].

That was the effect of population migration.

After the Civil War, the Sochi district was administratively dismantled and there emerged the Sochi region, which included the territories of Sochi, Khosta, Adler, and Pilenkovo (now a part of Abkhazia). The lifting of the martial law in the Black Sea area in 1922, as well as the annexation of the Transcaucasian republics, stabilized the demographic situation in the region.

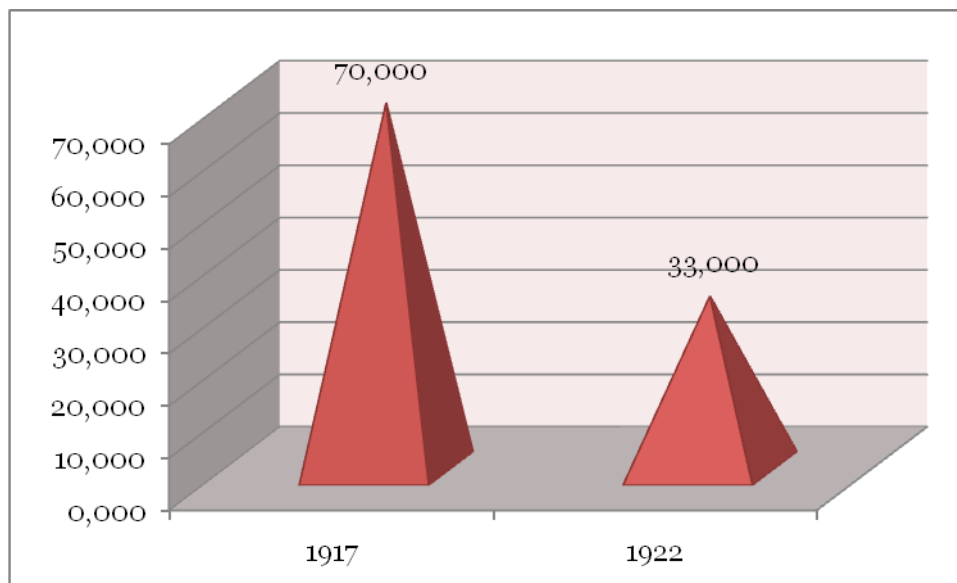

Figure 1. The dynamics of the size of Sochi’s population, people

As a result, by 1927 the region’s population exceeded 54 thousand people [2, f. 153, s. 184-198]. 1934 saw, following Sochi’s getting declared a top-priority construction venue, a sharp increase in the size of the population, which was also facilitated by a flow of migration to the city from the rural areas.

As of January 1, 1940, the region’s total population was 78 thousand people, out of which 53 thousand resided in the city, with the number of inhabited localities in the region (inclusive of the city) totaling 33 [4, f. 36, s. 1-3]. In 1939, the Sochi district had the following ethnic composition: Russians – 66 %, Ukrainians – 14.8 %, Armenians – 5.9 %, Greeks and Georgians – 1.9 % each [5, f. 31, s. 14]. There were major changes in Sochi’s ethnic picture as a result of the policy of collectivization (Figure 2).

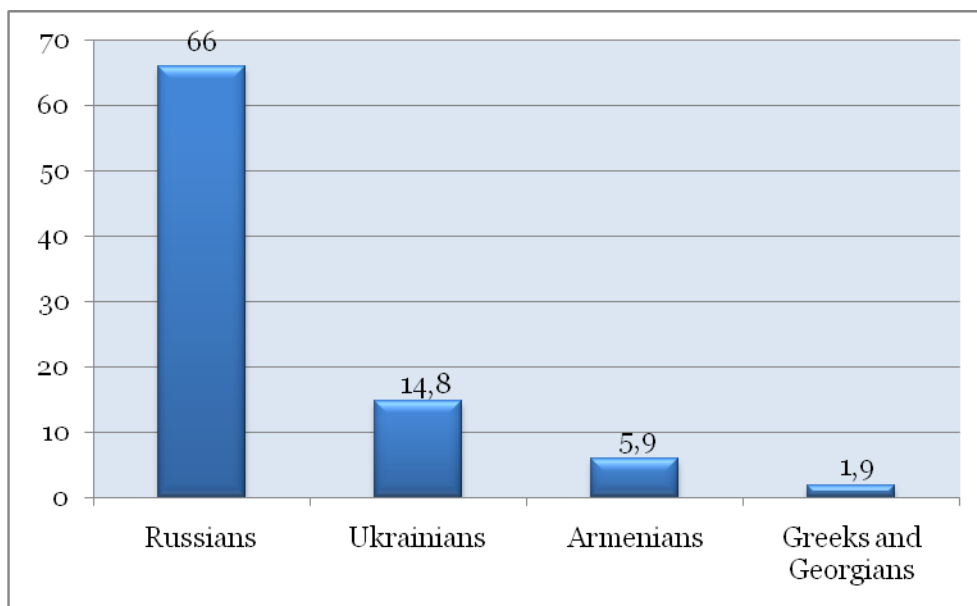

Figure 2. Sochi's ethnic composition as of January 1, 1940, %

As we can see from Figure 2, the region's largest ethnic group is represented by Russians – 66 %. Changes in the dynamics of the size of the Russian portion of the region's population over the period from 1927 to 2010 are illustrated in Figure 3 below.

During the period, an especially heavy toll was taken on the Greeks, whose numbers declined, despite the natural population increase, by more than 3 times (Table 1).

In 1961, Greater Sochi settled administratively into its present-borders. However, the ethno-demographic picture of Greater Sochi remained, nonetheless, virtually unchanged. According to data from the All-Union Census, as of January, 1989, Sochi had a fixed population of 361,2 thousand people (as opposed to 292,3 in January, 1979), with 314,8 thousand (87.2 %) residing in the city and 46,4 thousand people (12.8 %) in the countryside [15].

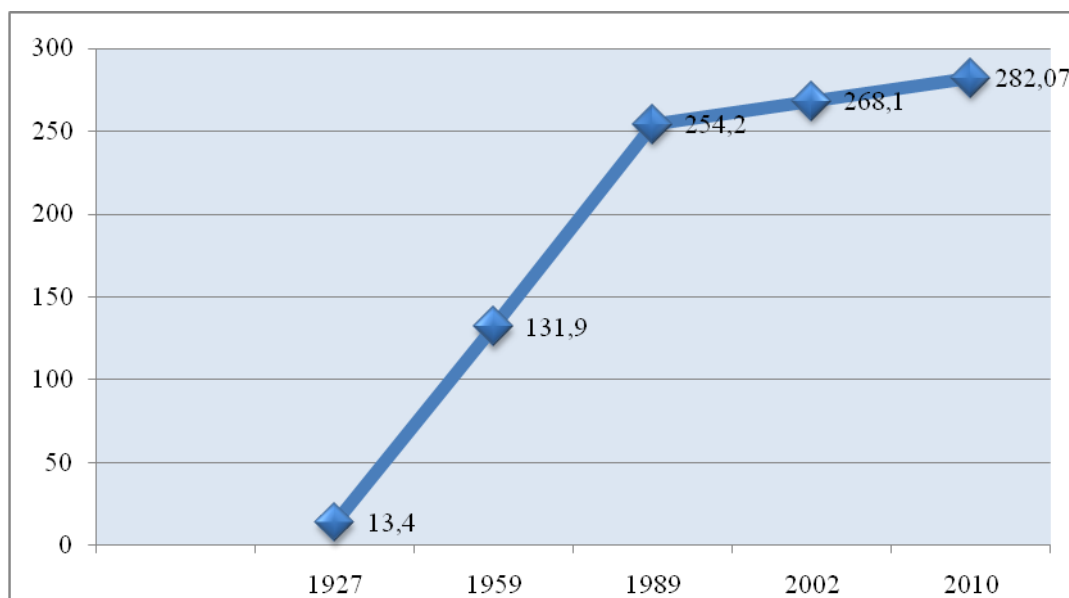

Figure 3. The size of the Russian portion of Greater Sochi's population during the period from 1927 to 2010, thousand people

As of 1992, Sochi's population was 373,5 thousand people and was composed of about 100 nationalities and ethnic groups. The population's ethnic composition was subject to constant changes. We observe constant growth in the population of Greater Sochi on the cusp of the 20th-21st centuries, an average increase of 4 thousand people per year, migration being the main reason behind the population increase. The next snapshot of the ethno-demographic situation in the territory of Greater Sochi was the 2002 All-Russian Census, which put Sochi's fixed population at 397,103.

An analysis of the above data reveals that the absolute size of virtually all ethnic groups residing in Sochi (except for just the Greeks) had grown over the above period.

However, there were major changes in the share of specific ethnic groups in the total population, percentage-wise.

Unfavorable disproportions in migration processes in the territory of Greater Sochi are attested by a special study into migration flows conducted at the laboratory for sociological research at the Sochi Scientific-Research Center of the Russian Academy of Sciences in June-July, 1992. The study explored statistical data on the special aspects of the migration processes.

Using a special methodology, the researchers examined, on a sampling basis, 1,416 city resident arrival and departure cards for the period between 1951 and 1992 [12].

An analysis of the results revealed that it was the proximity of the republics of the North Caucasus, within the Russian Federation, and the Transcaucasia states to Sochi that governed the increased yearly migration flows into Sochi, their size constantly rising. In the first instance, this pertains to Georgia (Abkhazia), Armenia, and a number of regions in the North Caucasus.

The last detailed ethno-demographic snapshot was made during the 2010 All-Russian Census [21]. The census revealed a sharp decline in the number of Ukrainians – from 14,5 thousand people in 2002 to 9,2 thousand in 2010. There was a decrease in the number of Greeks, Georgians, and Belarusians. At the same time, we observe a major increase in the number of the Adyghe – from 0.5% (2002) to 1.2% (2010).

According to statistical data, as of January, 2014, the population of Greater Sochi was 455 thousand people.

Below are presented data which describe the ethno-demographic composition of the population of Greater Sochi for the period from 1897 to 2010 (Table 1).

Table 1: The ethno-demographic situation in the territory of Greater Sochi over the period 1897–2010

Years	1897	1917	1927	1959	1989	2002	2010
Size of population, thousand	13,153	70	54,7	187,9	361,2	397,1	420,6
Out of them:							
Russians	2,561 (18.9%)	45 (62%) (lumped together with Ukrainians and Belarusians)	13,4 (24.5%)	131,9 (70%)	254,2 (70%)	268,1 (67%)	282,072 (69.92%)
Armenians	3,857 (28.5%)	21 (~ 30%)	18,3 (33.5%)	23,8 (12.7%)	52,6 (14.6%)	80 (20%)	81,045 (20.09%)
Ukrainians	1,240 (9.2%)	(lumped together with Russians and Belarusians)	8 (14.6%)	15,6 (8.3%)	21,9 (6.1%)	14,5 (3.7%)	9,240 (2.29%)
Georgians	1,001 (7.4%)	N/A	2,7 (5%)	3,0 (1.6%)	5,6 (1.6%)	9,3 (2.4%)	8,190 (2.03%)
Greeks	2,092 (15.5%)	N/A	6,8 (12.5%)	2,1 (1.1%)	4,5 (1.2%)	3,7 (0.9%)	3,292 (0.82%)
Adyghe	746 (5.5%)	N/A	(less than 1%)	2,3 (1.2%)	4,4 (1.2%)	2,1 (0.5%)	4,778 (1.20%)
Belarusians	53 (0.4%)	(lumped together with Russians and Ukrainians)	1,1 (2.1%)	1,9 (1.0%)	4,0 (1.1%)	2,5 (0.6%)	1,765 (0.44%)
Other ethnicities	1,914 (14.6%)	N/A	3 (4.3%)	7,3 (3.9%)	14,0 (3.8%)	3%	13,019 (3.21%)

Conclusion

In conclusion, we would like to note that the ethno-demographic picture of Greater Sochi had been forming in a complicated fashion. As a consequence, in the second half of the 19th century the territory had virtually to be settled “from scratch”. Resettlement flows from different locations in the Russian Empire and overseas had formed by 1917 an ethno-picture that featured Russians and Armenians as two principal ethnicities. This picture has not changed in a major way to this day.

References:

1. Archives department of the administration of the city of Novorossiysk. F. R-9. Op. 1.
2. Archives department of the administration of the city of Sochi. F. R-25. Op. 1.
3. Archives department of the administration of the city of Sochi. F. R-95. Op. 1.
4. Archives department of the administration of the city of Sochi. F. R-148. Op. 1.
5. Archives department of the administration of the city of Sochi. F. R-256. Op. 1.
6. Archives department of the administration of the city of Sochi. F. R-282. Op. 1.
7. Archives department of the administration of the city of Sochi. F. R-348. Op. 1.
8. Voroshilov, V.I., 2008. A History of the Ubykhs. Maykop: OAO Poligraf-Yug.
9. Galishcheva, Ye.V., 2011. Archeological Monuments in the Sochi-2014 Olympic Construction Area. *Bylye Gody*, 1: 81-84.
10. Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Ivantsov, V.G., Ryabtsev, A.A., Molchanova, V.S., Natolochnaya, O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.
11. Ryabtsev, A.A. and A.A. Cherkasov, 2011. Christianity as the Principal Religion of the Mountaineers of the Black Sea Area: The First Half of the 19th Century. *Vestnik SGUTiKD*, 1: 154-161.
12. Tveritinov, I.A., 2008. Greater Sochi in the Early 1990s: The Demographic Situation. *Bylye Gody*, 1: 26-29.
13. Tornau, F.F., 2008. Reminiscences of a Caucasian Officer, pts 1-2. Maykop: OAO Poligrafizdat Adygeya.
14. De Montperreux, F.D., 2010. A Journey around the Caucasus. Volume 1 (Visiting the Circassians and the Abkhaz). Maykop.
15. State Statistics Committee of the USSR, 1990. The Population of the USSR: Based on Data from the 1989 All-Union Census. Moscow: Finansy i Statistika, pp: 25.
16. Guseva, A.V., A.M. Mamadaliev, O.V. Natolochnaya, and A.A. Cherkasov, 2010. The Zone of Sochi-2014 Olympic Sites and Its Historical and Cultural Heritage. *European Researcher*, 1: 17-22.
17. Cherkasov, A.A., M. Šmigel', V.G. Ivantsov, A.A. Ryabtsev, and V.S. Molchanova, 2014. Hillmen of the Black Sea Province (the Early XIX Century): Geography, Demography, Anthropology. *Bylye Gody*, 32(2): 150-154.
18. Yuzhakov, S.N., 1902. The Great Encyclopedia (22 Volumes). Volume 17. Saint Petersburg, pp: 707.
19. The 1897 First Nationwide Census of the Russian Empire. Fascicle 2. pp: 34-39.
20. Directory and Guidebook to the Black Sea Governorate, 1907. Novorossiysk, pp: 233-234.
21. Russian Federal State Statistics Service, 2011. Early Results of the 2010 All-Russian Census: A Statistical Collection. Moscow: IITs “Statistika Rossii”, pp: 52.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

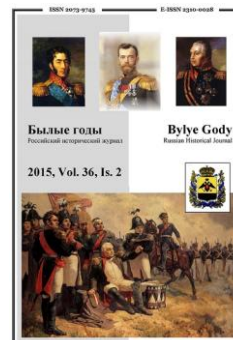
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 282-288, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 305.0(09)

Liberal-Conservative Synthesis: the Experience of Creating the Concept of Evolutionary Modernization of Russia in the Second half of the 19th Century

Maxim N. Krot

Southern Federal University, Institute of History and International Relations, Russian Federation
33, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don
PhD (History), Associate Professor
E-mail: makkrot2010@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to consideration of the liberal-conservative conception of Russia formed in the second half of the 19th century by a number of Russian public figures and statesmen, the most prominent of which were B.N. Chicherin, K.D. Cavelin and A.D. Gradovsky. The author reveals the main stages of modernization of the social and political system in Russia suggested by the liberals. The author deals with the concrete projects of changes and reforms, characterizes the methods of achieving these aims. The article reveals the essence of the liberal-conservative "anticonstitutionalism" of the 60s and the first half of the 70s of the 19th century, identifies the main arguments, used by the representatives of this social thought trend for proving their opinion. One issue is considered separately: the draft of the administrative reform by K.D. Kavelin, having offered a wide reorganization of the supreme bodies of state administration and the nature of their formation in order to prepare the basis for establishing of representative government in Russia in the future. The article characterizes the situation in Russia at the turn of 1870 - 1880s, under the circumstances of which there is a gradual transition of liberal conservatives to the idea of immediate creation of representative bodies in Russia. The author analyzes in detail the following: the main arguments and motivations, having induced them to introducing the requirements as well as the projects themselves, devoted to the establishment of elected representative bodies that were supposed to be integrated into the existing government management, complementing and improving it.

In the article special attention is drawn to the harmonious combination of liberal - reformational and conservative-preserving principles that, according to its authors, on the one hand, must have promoted the evolution of social and political relations in the country, have avoided their stagnation and degradation, and on the other - to prevent development of destructive, radical tendencies having threatened chaos and lawlessness.

Keywords: Russian Empire; the second half of the 19th century; liberal conservatism; social thought; modernization; B.N. Chicherin; K.D. Cavelin; A.D. Gradovsky; liberalism; constitutionalism.

Введение

Либеральный консерватизм сформировался в условиях модернизации как направление общественной мысли, стремящееся к эволюционному развитию государства на основе традиционных элементов, определяющих особый цивилизационный тип России. Это течение, важнейшими представителями которого в России второй половины XIX века были Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин и А.Д. Градовский, являлось своеобразной пограничной зоной между «чистым» либерализмом и консерватизмом, синтезируя их важнейшие положения в своей концепции. Главной проблемой, стоящей в центре либерально-консервативной идеологии, был вопрос соотношения традиций и инноваций. Разумное их совмещение, по мнению представителей данного направления, даёт возможность бесконфликтного разрешения многих актуальных вопросов и проблем, поставленных ходом развития истории. Консервативные и либеральные элементы, взаимно дополняющие и подкрепляющие друг друга, способны удовлетворить наиболее значимые потребности общественного

развития, такие как обновление и капитализация. В своих программных установках либеральные консерваторы стремились исходить из эмпирической реальности, политической практики и реального уровня духовного развития общества, что, по их мнению, позволит избежать множества конфликтных ситуаций, порождаемых модернизационным процессом.

Исследование концепции либерального консерватизма, сформированной во второй половине XIX века, представляется весьма актуальным, поскольку позволяет лучше понять реформационные процессы, происходившие в России в начале XX века, значительная часть которых имела в своей основе именно принципы либерально-консервативного синтеза.

Материалы и методы

Методологической основой статьи является комплекс основных общеисторических методов. Для раскрытия основных признаков и положений либерально-консервативной концепции развития русского общества используется историко-генетический метод. Сопоставление либерально-консервативной доктрины с иными направлениями русской общественной мысли, позволяющее составить полное и точное представление об основных принципах исследуемого объекта, осуществляется при помощи историко-сравнительного метода. Помимо этого в статье использовался конкретно-исторический метод, который позволяет соотнести становление тех или иных положений либерально-консервативной доктрины с конкретными историческими условиями. Для подведения итогов исследования использовались методы концептуального моделирования и теоретического обобщения.

В качестве источниковой базы работы использовались три группы источников: теоретические труды и публицистика крупнейших представителей русского либерального консерватизма – Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского; источники личного характера – мемуары, дневники, письма; материалы периодической печати.

Обсуждение

Несмотря на то, что термин «либеральный консерватизм» одним из первых в отечественной науке употребил П.А. Вяземский в 1870-е годы при характеристике политических воззрений А.С. Пушкина, а также широко использовался такими мыслителями начала XX века, как П.Б. Струве и Н.А. Бердяев, в научный оборот в России это определение вошло только в 1990-е годы. Отечественные исследователи долгое время исходили из наличия в российской общественной мысли жесткой дихотомии – консерватизм-либерализм. Это вело к игнорированию того факта, что воззрения целого ряда мыслителей второй половины XIX века, крупнейшими из которых были Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, П.Д. Градовский, не вписываются в прокрустово ложе жесткого разделения русской общественной мысли на три классических направления – консервативное, либеральное и революционное. Неоднозначность позиций названных деятелей по различным вопросам, тесное переплетение либеральных и консервативных принципов в их воззрениях вело к тому, что отечественной историографии воззрениям этих мыслителей давались самые разные, подчас диаметрально противоположные оценки. Ряд исследователей (В.А. Китаев, П.А. Зайончковский, Н.Г. Кизельштейн) указывают на то, что воззрения рассматриваемых общественных деятелей в пореформенный период претерпели эволюцию от либерализма западнического толка к охранительству. Более распространенным является характеристика их как «наиболее ярких и последовательных проводников либерального мышления в России во второй половине XIX века» (В.Д. Зорькин, С.С. Секиринский, В.В. Шелохаев, Р.А. Арсланов). Лишь в последние десятилетия ряд авторов (В.Ф. Пустарнаков, М.М. Федорова А.И. Нарезный) выдвинули тезис о существовании в России либерально-консервативного направления общественной мысли, представляющего собой синтез положений классической либеральной доктрины, адаптированных к российским реалиям и охранительных идей.

Результаты

Либеральные консерваторы полагали, что модернизация общественных отношений в России должна была проходить в несколько последовательных этапов, задача первого из которых заключалась в установлении и развитии гражданско-правовых отношений в обществе. «Невозможно низкая степень культуры» русского народа, «глубокое невежество, гражданское и политическое растление» господствующих и просвещённых классов, полное отсутствие в русском обществе «элементарных понятий о правильных гражданских отношений» - всё это, по их мнению, является основным препятствием для политической модернизации страны [1, С. 153]. Исходя из необходимости разделения по времени гражданских и политических реформ, на данном этапе они выступали против введения конституционных порядков. Б.Н. Чичерин подчёркивал, прежде всего, практическую несвоевременность и нецелесообразность данного шага, поскольку в условиях переходного периода, когда отношения в обществе обострены, никакое, даже самое благонамеренное правительство не найдет поддержки у представительного собрания. Введение этого учреждения, таким образом, лишь затруднит процесс модернизации, а самому обществу не принесет ничего, кроме «смут и анархии» [2, С. 57]. На данном этапе развития вместо «игры в конституцию» либеральные

консерваторы предлагали сосредоточиться на закреплении и углублении уже проведённых преобразований, развитии общественной самодеятельности и соотнесении новых учреждений с реалиями русской жизни. Насущные задачи, стоящие перед обществом, К.Д. Кавелин сводил к следующему: «Крепко и здорово устроенный суд, да свобода печати, да передача всего, что прямо не интересует единства государства, в управление местным жителям – вот на очереди три вопроса. Ими бы следовало заниматься вместо игры в конституцию» [3, С. 48]. В деле всестороннего гражданского и правового воспитания общества либеральные консерваторы большие надежды возлагали на органы местного управления – земства, которые были, по выражению К.Д. Кавелина, «любимой мечтой всего просвещенного и либерального в России». Именно в них виделась возможность развития общественной активности и инициативы, первоначально хотя бы на местном уровне. Б.Н. Чичерин считал, что по мере совершенствования умения граждан устраивать свои частные и общественные дела на местном уровне органам местного самоуправления могут предоставляться все более широкие полномочия. А до этого, без выработки многолетнего навыка самоорганизации и совместной конструктивной деятельности разных сословий, «местное самоуправление может заниматься с действительной пользой только хозяйственной деятельностью» [4, С. 99].

Помимо реформ, направленных на развитие гражданско-правовых отношений в российском обществе, либеральные консерваторы считали необходимым реорганизовать и центральные административные учреждения. С проектом широких административных реформ в 1870-е годы выступил К.Д. Кавелин. Конкретное содержание реформы сводилось к следующему. На месте существующих правительственных органов предлагалось создать три новых учреждения – законодательный, судебный и административный сенаты, которые находились бы под полным контролем монарха. Формирование их состава должно было осуществляться по смешанному принципу: одна его треть должна была назначаться царем, другая – назначаться из представителей земств и последняя – избираться самим сенатом. Наибольшее значение отводилось административному сенату, под контроль которого должна была перейти «вся политическая полиция, цензура, земство, города и губернаторы» [5, Стб. 965-966]. Предполагалось, что важнейшая его функция будет заключаться в доведении до сведения монарха «своих соображений о ходе различных отраслей государственного управления и о необходимости общих законодательных и административных мер», что позволило бы самодержцу правильнее разбираться в ставящемся вопросе и принимать адекватные меры [6, Стб. 902-903]. Это учреждение, наделенное правом контроля исполнения решений верховной власти, по мысли К.Д. Кавелина, должно было заменить собой всю министерскую систему и стать высшим органом государственной власти. Одновременно мыслитель предлагал проведение аналогичных преобразований и на местном уровне. В губерниях планировалось создание Советов, подобных административному Сенату и подотчетных ему учреждений. Состав данных органов также должен был формироваться по смешанному принципу.

Мыслитель неоднократно подчеркивал, что предлагаемая реформа ни в коем случае не носила конституционного характера и была направлена исключительно на укрепление самодержавной власти. Однако, оценивая данный проект, необходимо подчеркнуть, что независимо от заявлений его автора, он представлял собой важный шаг на пути становления правовых, конституционных отношений в сфере государственного управления. Необходимо согласиться с утверждением исследователя А.И. Нарезного, считающего неправомерным характеристику данного проекта исключительно как проекта «административной реформы». По его мнению, данное преобразование правомерно рассматривать как «механизм» реализации более широких замыслов К.Д. Кавелина, по созданию в России органов народного представительства [7, С. 109–110]. Проведение в жизнь этой реформы создало бы все необходимые условия для дальнейшей реорганизации государственного строя России, для реализации более глубоких конституционных преобразований.

Вторым этапом предлагаемой либеральными консерваторами модернизации российского общества должно было стать внедрение отдельных элементов представительства в систему государственного управления. Выдвижение этого тезиса во второй половине 70-х годов во многом было обусловлено сложной общественно-политической ситуацией в России в этот период, ухудшением экономической ситуации, ростом радикализма. Конституционные тенденции, ослабевшие на время, после русско-турецкой войны 1877–1878 годов вновь начинают набирать силу. В 1878–1879 годах происходит резкая активизация земского движения, которое начинает носить всё более выраженный политический характер. Петиции ряда губернских земств указывали на абсурдность ситуации, при которой русский народ силой оружия способствовал созданию независимого болгарского государства и учреждению в нём конституционного строя, но при этом сам освободитель был лишён конституционных гарантий и свобод [8, С. 319]. В земских адресах, несмотря на внешне верноподданническую форму, выдвигались серьезные политические требования, центральными из которых были – дарование обществу «истинного самоуправления», неприкосновенности прав личности, полной независимости суда, свободы устного и печатного слова.

После войны, потребовавшей от России большего напряжения и жертв, правительство столкнулось с серьезнейшими финансовыми затруднениями, курс рубля значительно упал, а государственный долг вырос более чем в полтора раза. Помимо этого, во второй половине 1870-х

годов разразился мировой экономический кризис, который затронул Россию даже в большей степени, чем передовые капиталистические державы, поскольку довольно слабая российская экономика, ориентированная в основном на экспорт сырья и продовольствия, оказалась очень восприимчивой к колебаниям мировой экономической конъюнктуры [9, С. 324].

Однако главной проблемой стал невиданный всплеск нигилизма и политического терроризма, к которому ни общество, ни власть оказались совершенно не готовы.

В этих условиях либеральные консерваторы заявляют о том, что единственным действенным средством решения политических и экономических проблем является «участие народа в решении государственных вопросов». В своем крупном политическом сочинении «Конституционный вопрос в России», нелегально вышедшем в 1878 году Б.Н. Чичерин заявляет, что это «участие должно строиться на основе создания народного представительства, облеченного действительными, а не мнимыми правами» [10, С. 53-54]. Единственную силу способную поднять авторитет самодержавной власти, укрепить ее в борьбе против организованных деструктивно-радикальных сил, а также внести в нее новый модернизаторский импульс, либеральные консерваторы видели в народном представительстве. Стремясь защитить либерально консервативные предложения от критики сторонников сохранения самодержавия, К.Д. Кавелин называл ошибочной точку зрения, согласно которой считается, что народное представительство неизбежно ведет к ослаблению и ограничению верховной власти [11, Стб. 921-922]. Напротив, при постепенном и плавном встраивании его в систему существующих учреждений, оно способно укрепить существующий политический строй, воспрепятствовать его отмиранию или насильственному слому.

Необходимость введения представительства в государственную жизнь России стала главной идеей известной записки Б.Н. Чичерина «Задачи нового царствования», написанной непосредственно после убийства Александра II народолюбцами. Стремясь понять причины произошедшей катастрофы, мыслитель дает глубокую характеристику российского общества и власти в пореформенный период. Он отмечал, что упадок дееспособности власти, ставший наиболее заметным в конце 70-х годов, был вызван утратой правительством своей прежней традиционной опоры в лице высшей аристократии и бюрократии. Вследствие неуклонного эволюционного развития страны на протяжении всего XIX века, эти два слоя совершенно «износились и измельчали», полностью утратив свой авторитет и влияние. Единственной опорой самодержавия в борьбе против разрушительных элементов могло стать только общество, к которому власть должна непременно обратиться, встроив в систему правительственных органов представительный элемент.

Помимо этого, введение представителей «земли» в высшие правительственные органы, по мысли Б.Н. Чичерина, удовлетворит «наущную потребность... в установлении живой связи между правительством и обществом». Это позволит русскому монарху узнавать обо всех общественных потребностях и нуждах непосредственно от их носителей и своевременно принимать адекватные меры. Б.Н. Чичерин считал, что создание народного представительства сможет удовлетворить и либералов и консерваторов, поскольку, с одной стороны, оно даст возможность открытого и прямого выражения общественных интересов, а с другой – будет способствовать единению охранительных сил русского общества, усилению их влияния [12, С. 118]. Сам тот факт, что записка, содержащая данный проект, была составлена через несколько дней после цареубийства и адресовалась К.П. Победоносцеву – принципиальному противнику каких-либо конституционных преобразований, говорит о том, что это предложение рассматривалось автором не как способ углубления реформ или ограничения самодержавия, а как сугубо консервативная мера, направленная на укрепление государственного строя и преодоление кризисной ситуации.

Таким образом, либерально-консервативные аргументы в пользу немедленного введения представительного учреждения носили преимущественно консервативный характер и сводились к следующим положениям. Во-первых, народное представительство не противоречит самодержавному принципу и может быть встроено в него, что существенно усилит реформаторский потенциал самодержавия. Во-вторых, этой мерой будет создана среда, в которой станет возможно действенное политическое и гражданское воспитание общества. В-третьих, представительство могло обеспечить живую и действенную связь народа и власти, что способствовало бы проведению более адекватной правительственной политики. Ну и, наконец, в-четвертых, привлечение на свою сторону «здоровых» общественных сил дало бы власти неоспоримое преимущество в борьбе против деструктивных радикальных сил и помогло бы предотвратить возможные социальные конфликты.

В какой форме либеральным консерваторам виделось практическое воплощение идеи представительства? Еще в 1860-е годы Б.Н. Чичерин анализировал различные формы представительства – от разового вызова экспертов по частным вопросам до учреждения самостоятельного представительного учреждения. Уже тогда он приходит к выводу о том, что наиболее рациональной и приемлемой формой из них является создание «особенного совещательного собрания из представителей сословий» [13, С. 105-107]. Однако мыслитель отмечал, что ни в 60-е, ни в начале 80-х годов условий для создания такого учреждения еще не было. Оно могло быть создано только в ходе нескольких последовательных этапов. В качестве первого шага на пути создания в России самостоятельного представительного органа Б.Н. Чичерин предлагал приобщение выборных от дворянства и губернских земских собраний к Государственному совету и

обеспечение публичности его заседаний. Для того чтобы придать выборным представителям определенное влияние в Государственном совете, избавить их от роли безмолвных статистов Б.Н. Чичерин полагал, что не следует ограничивать их «слишком ничтожным числом». Оптимальным вариантом он считал приглашение по одному депутату от дворянства и по два от земского собрания каждой губернии [14, С. 119]. Именно такое широкое по своему составу представительство Б.Н. Чичерин находил вполне отвечающим тем задачам, которые ставились перед ним.

К.Д. Кавелин, также не выступал за немедленное создание самостоятельного представительного органа. Он настаивал на том, что на данном этапе общественного развития народное представительство может принести пользу России только в том случае, если оно будет «установлено государственной властью не в виде особого органа, а в виде элемента пополняющего состав государственных установлений». Как и Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин сразу же после убийства Александра II в качестве первоочередной меры предлагал ввести в состав Государственного совета «на правах членов и в равном с ними числе выборных от губернских земств» [15, Стб. 1073]. Однако и он считал, что в отдаленной перспективе представительство может выступать в качестве отдельного учреждения. В своей известной полемической работе «Разговор с социалистом революционером», написанной в 1880 году, К.Д. Кавелин говорит о самостоятельном в институциональном плане учреждении, которое он называет Земским Собором [16, Стб. 1012]. Этот орган, действующий под непосредственным председательством царя, должен был стать вершиной целой системы уездных, губернских и областных органов местного самоуправления.

С наиболее скромным проектом внедрения представительного принципа в систему государственных органов выступил и А.Д. Градовский, видевший суть истинного прогресса не в создании новых учреждений, а в «возрождении духовных сил народа, в его самосознании и обновлении его идеалов», что можно достигнуть только путем всестороннего просвещения народных масс [17, С. 5-6]. Однако под влиянием ситуации, сложившейся в стране в конце 1870-х годов, на страницах газеты «Голос» он выдвинул проект, суть которого заключалась в создании при Государственном совете особого комитета для рассмотрения ходатайств земских и городских учреждений по законодательным вопросам. В некоторых случаях на заседания данного комитета могли приглашаться и делегаты от этих учреждений [18, С. 198].

Выдвигая проекты представительных учреждений, все либеральные консерваторы единодушно подчеркивали, что они будут носить исключительно совещательный характер, и не будут иметь никакого решительного голоса, тем самым никоим образом не ограничивая самодержавную власть. Однако общая логика предлагаемых преобразований, а также цели, ставившиеся ими перед представительными учреждениями, дают ясное представление о дальнейших перспективах либерально-консервативной модернизации, направленной на построение в России конституционного строя.

Заключение

Либеральные консерваторы считали, что модернизация общественно-политических отношений в России должна проводиться в ходе нескольких последовательных этапов. Основной задачей первого этапа должно стать установление и всестороннее развитие гражданско-правовых отношений в обществе, его просвещение и подготовка к рациональному использованию тех прав, которые могут быть предоставлены ему в будущем. Причем эта подготовка должна проводиться не только «снизу», но и «сверху», затрагивая высшие правительственные учреждения. На этом этапе либеральные консерваторы выступали против введения конституционных порядков и отвергали различные проекты представительных органов, исходя из необходимости разделения по времени гражданских и политических реформ.

Вторым этапом либерально-консервативной модернизации должно было стать введение пока еще элемента представительства в систему государственного управления. Несмотря на то, что либеральные консерваторы подчеркивали исключительно совещательный характер представительного учреждения в рамках самодержавной монархии, эта мера должна была являться первым шагом по преобразованию системы государственного устройства России. Конечной целью либерально-консервативной модернизации должно было быть установление в России конституционных отношений, что стало бы отражением «взросления» русского общества и знаменовало бы собой начало совершенно нового этапа в развитии государства.

Примечания:

1. Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории. // Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 656 с.
2. Нарезный А.И. Проблема конституционализма в русской консервативно-либеральной мысли второй половины XIX века. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского госуниверситета, 1999. 128 с.
3. Письма К.Дм. Кавелина и Ив.С. Тургенева к Ал.Ив. Герцену. Женева. 1892. 255 с.
4. Чичерин Б.Н. Русское дворянство // Несколько современных вопросов. М. Изд-во государственной публичной исторической библиотеки, 2002. 212 с.

5. Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1904, 663 с.
6. Кавелин К.Д. Собрание сочинений Т. II. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1904, 663 с.
7. Нарезный А.И. Российский конституционализм в XIX – начале XX вв.: идеи, проекты. Ростов н/Д.: Изд-во Южного фед-го унив-та, 2013, 192 с.
8. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М: Русский путь. Полиграфресурсы, 1995. 550 с.
9. Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М: Ультра.Культура, 2003, 528 с.
10. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон +, 1997, 480 с.
11. Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1904, 663 с.
12. Чичерин Б.Н. Задачи нового царствования. // Победоносцев К.П. и его корреспонденты. Т. I. П-т. 1. М: Издательство Время., 1925, 325 с.
13. Чичерин Б.Н. Русское дворянство // Несколько современных вопросов. М. Изд-во государственной публичной исторической библиотеки, 2002. 212 с.
14. Чичерин Б.Н. Задачи нового царствования...
15. Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1904, 663 с.
16. Кавелин К.Д. Собрание сочинений...
17. Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. VI. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1898, 586 с.
18. Луночкин А.В. А.Д. Градовский как публицист газеты «Голос». // Деятели русской науки XIX-XX вв. Вып. 1. СПб: Изд-во Дмитрия Буланина, 2000, 832 с.

References:

1. Cavelin, K.D. (1989), «Ideas and notes about Russian history» [«Mysli I zametki o russkoi istorii»], Nash umstvennyi stroi: stat`i po filosofii russkoi istorii I kul`tury, Pravda, Moscow, 656 p.
2. Narezny, A.I. (1999), The problem of constitutionalism in the Russian conservative-liberal thought in the second half of the XIX century [Problema konstituzionalizma v russkoi konservativno-liberal`noi mysli vtoroi poloviny XIX veka], Rostov State University, Rostov-on-Don, 128 p.
3. The letters of K.Dm. Kavelin and Iv.S. Turgenev to Al.Iv. Herzen [Pis`ma K.Dm. Kavelina I Iv.S. Turgeneva k Al.Iv. Gerzenu], Geneva. 1892, 255 p.
4. Chicherin, B.N. (2002), «Russian nobility» [«Russkoe dvorjanstvo»], Several contemporary issues, State Public Historical Library, Moscow, 2002. 212 p.
5. Cavelin, K.D. (1904), Works [Sobranie sochinenii], V. II., M.M. Stasyulevich, printing, St. Petersburg, 663 p.
6. Cavelin, K.D. (1904), Works [Sobranie sochinenii], V. II., M.M. Stasyulevich, printing, St. Petersburg, 663 p.
7. Narezny, A.I. (2013), Russian constitutionalism in the XIX – early XX cent.: ideas and projects [Rossijskii konstituzionalizm v XIX – nachale XX veka: idei, proekty], Southern Federal University, Rostov n / D, 192 p.
8. Leontovich, V.V. (1995), The history of liberalism in Russia.1762-1914[Istorija liberalizma v Rossii. 1762-1914], Russkii put`, Poligrafresursy, Moscow, 550 p.
9. Kagarlitskiy, B. (2003), Peripheral Empire. Russia and the world system. M: Ultra.Kultura [Pereferijnaja imperija. Rossija I mirosistema], Ultra, Kultura, Moscow, 528 p
10. Chicherin, B.N. (1997), «The Constitutional Problem in Russia» [«Konstituzionnyj vopros v Rossii»], Opyt russkogo liberalizma, Anthologia, Kanon +, Moscow, 480 p.
11. Cavelin, K.D. (1904), Works [Sobranie sochinenii], V. II., M.M. Stasyulevich, printing, St. Petersburg, 663 p.
12. Chicherin, B.N. (1925), Aims of the new reign [Zadachi novogo zarstvovaniya] // Pobedonostsev K.P. I jego korrespondenty, V. I, Vremja, Moscow, 325 p.
13. Chicherin, B.N. (2002), «Russian nobility» [«Russkoe dvorjanstvo»], Several contemporary issues, State Public Historical Library, Moscow, 2002. 212 p.
14. Chicherin, B.N. (1925), Aims of the new reign [Zadachi novogo zarstvovaniya]...
15. Cavelin, K.D. (1904), Works [Sobranie sochinenii], V. II., M.M. Stasyulevich, printing, St. Petersburg, 663 p.
16. Cavelin, K.D. (1904), Works [Sobranie sochinenii], V. II...
17. Gradovsky, A.D. (1898), Works [Sobranie sichinenij], V. VI., M.M. Stasyulevich Printing, St. Petersburg, 586 p.
18. Lunochkin, A.V. (2000) A.D. «Gradovsky as a journalist of the newspaper «Golos» [«Gradovsky kak publizist gazety «Golos»], Dejateli russkoi nauki XIX-XX vv., Vol. 1, Dmitry Bulanin Printing, St. Petersburg, 832 p.

УДК 305.0(09)

Либерально-консервативный синтез: опыт создания концепции эволюционной модернизации России во второй половине XIX века

Максим Николаевич Крот

Южный федеральный университет, Российская Федерация
г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: makkrrot2010@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению либерально-консервативной концепции развития России, сформированной во второй половине XIX века рядом русских общественных и государственных деятелей, наиболее видными из которых были Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин и А.Д. Градовский. Автором выявляются основные этапы предлагаемой либеральными консерваторами модернизации социального и политического строя России, рассматриваются конкретные проекты преобразований и реформ, характеризуются методы достижения поставленных целей. В статье раскрывается суть либерально-консервативного «антиконституционализма» 60 – первой половины 70-х годов XIX века, указываются основные аргументы, которыми представители данного направления общественной мысли обосновывали свою позицию. Отдельно рассматривается проект административной реформы К.Д. Кавелина, предлагавшего широкое переустройство высших органов управления государством и характера их формирования с целью подготовки почвы для создания в будущем в России представительного правления. В статье характеризуется обстановка, сложившаяся в России на рубеже 1870–1880-х годов, в условиях которой происходит постепенный переход либеральных консерваторов к идее немедленного создания в России представительных органов власти. Автор подробно анализирует основные аргументы и мотивы, побуждавшие их к выдвиганию данных требований, а также сами проекты учреждения выборных представительных органов, которые должны были встраиваться в существующую систему государственного управления, дополняя и совершенствуя её.

Особое внимание в статье обращается на гармоничное сочетание в данной концепции либерально-реформационных и консервативно-охранительных принципов, что, по мысли её авторов, должно было, с одной стороны – способствовать эволюции социально-политических отношений в стране, избегать их застоя и деградации, а с другой – не допускать развития разрушительных, радикальных тенденций, грозивших хаосом и беззаконием.

Ключевые слова: Российская империя; вторая половина XIX века; либеральный консерватизм; общественная мысль; модернизация; Б.Н. Чичерин; К.Д. Кавелин; А.Д. Градовский; либерализм; конституционализм.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

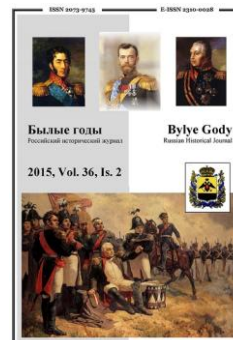
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 289-295, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 74.03

The Contribution of Russian and Mountaineer Enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus

Hope O. Bleich

North Ossetian State University of name K.L. Khetagurova, Russian Federation

Dr. (History), Professor

E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Abstract

Based on new archive and documentary materials, the article investigates the role of Russian and mountaineer enlighteners in the development of the writing culture of the North Caucasus. The author talks about the way Russian scholars would study, during the course of their fecund historical/linguistic activity in the Caucasus, the multiple languages and dialects of the mountaineers and, based on Russian graphics, create alphabets for the mountaineer peoples. The author goes on to prove that the above facilitated education among the Caucasians and, as a consequence, the emergence of a pleiad of mountaineer thinkers, who would embark on a path of enlightening their people.

Keywords: mountaineer peoples, North Caucasus Krai, enlighteners, breakthrough science, Russian scientists, writing.

Введение

Как известно из архивных и документальных источников, все этносы, проживающие на Северном Кавказе, до воссоединения с Российской империей (середина XIX в.) не имели своей письменности. Они пользовались для внешних контактов с остальными народами другими письменными знаками. Так, национальности адыгской группы с XVI века в дипломатии использовали арабскую письменность (через местных и приезжих переводчиков), чеченцы и ингуши пользовались турецким алфавитом, а осетины – грузинским. Также во всем Северокавказском регионе широко была распространена персидская письменная культура. Эта чуждая кавказскому духу письменность была весьма неудобной в применении, к тому же прививалась искусственно, и потому у горцев назрела насущная необходимость в создании своего письма.

Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали материалы, извлеченные из архивных фондов Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А (НА СОИГСИ); Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД); Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР); из работ известных российских ученых, публицистов и просветителей второй половины XVIII – начала XX вв. (П. Буткова, Ю. Клапрота, В. Миллера, А. Шегрена, П. Услара и др.); публикации кавказских мыслителей (К. Атажукина, Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея и др.).

Методологическая база исследования была сформирована за счет историко-сравнительного, структурного, статистического, абстрактно-логического методов исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, историко-сравнительный метод позволил проанализировать сопоставимые факты и на этой основе выявить как закономерности, так и особенности протекания региональных процессов в социокультурной сфере. Метод структурного анализа был необходим ввиду того, что изучать сложные структуры, не расчлняя их на отдельные

составляющие элементы, невозможно. Поэтому он также широко использовался в работе. Динамика процессов в сфере образования изучалась при помощи *статистического метода* исследования. Этот метод помогал выявлять основные тенденции культурно-исторического развития Северного Кавказа в исследуемый период. *Абстрактно-логический метод* дал возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме исследования в целом.

Обсуждение

Раньше всех приступили к созданию своего письменного языка осетины. Об этом свидетельствуют многочисленные источники иностранных купцов, миссионеров, путешественников (Андроник, Г. Рубрук и др.), побывавших в кавказских горах [1]. На основании этих и других документов, Г.Ф. Турчанинов делает вывод, что «осетины дали своим письмом толчок к этому виду культуры» (имеется в виду письменность – Н.Б.) – ряду народов Восточной Европы и Северного Кавказа» [2].

Данный исторический факт подтверждает проявление в Осетии надписи, начертанной грузинскими буквами на стене Нузальской часовни, относящейся к XIII столетию. Значение этой надписи или «Слова о девяти братьях» трудно переоценить. Она является историческим документом, повествующим со всей эпической торжественностью и лирической тональностью осетинских причитаний и песен о героических поступках девяти братьев. «Слово о девяти братьях» насквозь пронизано гордостью за героическое прошлое Осетии и скорбью за гибель лучших её сынов. Известный осетиновед З.М. Салагаева делает вывод, что именно от Нузальской надписи берет начало осетинский историко-литературный процесс, в частности, его историко-героическая линия. Нузальская надпись «даёт основание отнести начало осетинской художественной литературы не к XIX веку, как это сейчас принято, а к середине XVII в.» [3].

В это же время предпринимались попытки создать свой письменный язык и в Дагестане: серединой XVII века датируется первый документ, дошедший до нас – «Свод заповедных законов Кайтага Дарго», написанный на даргинском диалекте; примерно к этому же времени относится и сохранившаяся по сей день в Кумухе эпитафия на лакском языке. В конце XVII столетия появляются знаменитые рукописи муфтия Дамадана Мугинского и «Дербент-наме» на лакском языке [4].

Также делались попытки создания письменности и на аварском языке Т. Омаровым и Дибиркади из Хунзаха. Причём последний изобрёл алфавит из 38 букв и перевел арабский трактат «Калила и Димна». Благодаря этим предпринятым попыткам в Дагестане к началу XVIII века была окончательно завершена аджамская система письма, основанная на арабской графике.

Первые дагестанские ученые на основании составленных алфавитов стали создавать весьма самобытные по оригинальности произведения в области истории, этнографии и просвещения своих этносов. К ним относятся «Тамарин фи-р-риядийат» (упражнения по математике) и «Дамадан» (учебник по медицине) и др. В итоге к началу XIX столетия дагестанское духовное наследие вошло в сокровищницу арабской культуры. «Дагестанцы», - отмечает проф. Игорь Крачковский, - и за пределами своей родины, всюду, куда их закидывала судьба, оказывались общепризнанными авторитетами для представителей всего мусульманского мира в целом» [5].

К концу XVIII столетия создается подобная письменность на арабской графической основе и в Кабарде. Свидетельством тому является надпись, сделанная арабским шрифтом на верхнебалкарском диалекте карачаево-балкарского языка. Она повествует о праве черкесского князя Измаила Урусбиева на своё феодальное владение [6].

Однако следует сказать, что некоторые ученые-историки и сегодня не видят прогрессивной роли арабского языка той поры в истории письменной культуры мусульманских народов. В тех условиях он играл позитивную объединяющую роль в приобщении горцев к мировой культуре. «Арабский язык и документы арабской письменности, - отмечает арабист А.Н. Генко, - могли стимулировать организацию их (кавказских народов – Н.Б.) сопротивления, играя роль междуплеменного и международного орудия взаимообогащения» [7]. «Дагестанские и кабардинские ученые той поры, - пишет другой востоковед И. Крачковский, - владели уже всей полнотой общеарабского наследия своих веков. В равной степени их интересовали и науки грамматические, и трактаты по математике, и по астрономии» [8].

Но было бы несправедливо думать, что горские народы только культивировали культуру арабоязычных народов. Как справедливо отмечает ориенталист И. Крачковский, арабская культура, бытовавшая на Северном Кавказе «культивировалась уже местными силами и развивала даже самостоятельные черты. Горцы создавали оригинальные произведения, органически связанные с краем, вносили свою специфику в арабо-язычную культуру» [9].

После добровольного вхождения всего Северного Кавказа в Российскую империю происходят прогрессивные в своей основе изменения в экономике и культуре. Появляются первые очаги просвещения, которые испытывают настоятельную потребность в создании учебников на основе своей письменности, составленной уже на русской графической основе, ибо русский язык являлся именно тем цементом, который наиболее полно объединил бы все нации Северного Кавказа в единую семью российских народов.

Наиболее раннее применение русской графики мы наблюдаем у осетин. Это было связано с тем, что первыми сеятелями книжных знаний среди них были русские священники, бежавшие из плена еще во времена русско-крымских походов и грузинские миссионеры, проповедовавшие христианство в Осетии и потому самые первые осетинские печатные издания являлись переводами грузинских православных книг. Так, исследователь М. Джанашвили в своей монографии «Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России» отмечает, что «только в царствование грузинского царя Ираклия (1744–1798 гг.) стали появляться церковные книги, написанные на осетинском языке грузинским алфавитом с добавлением лишь нескольких букв, свойственных осетинскому наречию» [10]. Одной из таких книг стала «История грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство осетин и других горских народов». Она явилась первенцем осетинской печати с использованием грузинских иероглифов. Затем стали появляться и другие богослужебные книги на осетино-грузинском языке.

Тут вполне уместен вопрос: почему же первые книжные издания печатались грузинским, а не славянским шрифтом, если известно, что российское правительство являлось ярким вдохновителем миссионерства на Кавказе. Нам думается, что этому факту имелось несколько причин: а) славянские начертания букв горцам были еще не известны, а грузинский алфавит использовался еще с XVI века; б) территориально просвещенная Грузия была рядом, а социально-экономические связи с Россией только налаживались; в) издание книг на основе славянского алфавита было политически нецелесообразно для России той поры и только после заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) русское правительство начало постепенную замену грузинских священнослужителей на русских. Поэтому только к концу XVIII в. создались предпосылки для появления первого осетинского печатного издания на основе славянской графики. Называлось оно «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания». Примечательно, что отпечатана она была уже в Московской Синодальной типографии в мае 1798 года осетинским священником Гаем (Гайозом) Такаовым (1748–1821 гг.).

Появление данной книги стало большим событием в культурной истории осетинского этноса. Профессор М.С. Тотоев так определил значение этого издания, первенца осетинской книжной литературы: «...оно положило начало развитию осетинской письменности» [11]. Интересна история этой книги. Долгое время она считалась утерянной и только в 1920-х гг. обнаружилась в архиве Моздокской церкви.

Большой вклад в развитие осетинской письменности внёс преподаватель Тифлисской духовной семинарии Иван Ялгузидзе (1770–1830 гг.). Он в 1820 году на основе грузинского алфавита доработал осетинскую азбуку и на основе этого составил первый осетинский букварь, который был издан в Тифлисе в 1821 году. По нему причетники стали обучать осетинских детей грамоте в православных церквях и монастырях на понятном им материнском языке. Профессор М.С. Тотоев, анализируя просветительскую деятельность И. Ялгузидзе, писал: «Оригинальные и некоторые переводные книги Ялгузидзе объективно не лишены известной культурно-исторической ценности, ибо они способствовали с одной стороны, дальнейшему росту осетинской письменной культуры, увеличивали фонд печатной осетинской книжной литературы, и с другой стороны, дальше развивали грамотность в Осетии. Эти книги были известны в Северной Осетии еще и во второй половине XIX века» [12].

Большой вклад в дальнейшее развитие осетинской письменности внёс российский академик Андрей Михайлович Шегрен (1794–1855 гг.). Когда весной 1836 года он прибыл во Владикавказ, то сразу приступил к изучению осетинского языка. Большую помощь ученому оказали прапорщик Петр Жускаев и тогдашний протоиерей Шюо Двалишвили.

Передовой представитель русской науки мечтал, чтобы его труд принёс пользу учителям вновь созданных в крае учебных заведений, в которых «осетинский язык сделался бы особенным предметом изучения» [13]. Для этого учёный приступил к составлению «Осетинской грамматики с кратким словарем осетино-русским и российско-осетинским», увидевшей свет в 1844 году.

В предисловии к своей «Грамматике» автор писал: «Соображая как будущую самих осетин, так и предпочтительную склонность тех из них к русскому письму..., я решил в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание русский алфавит» [14].

Составленные А. Шегреном алфавит и грамматика оставили огромный след в развитии письменности осетинского народа. Его вклад высоко оценил академик Вс. Миллер, считая грамматику А. Шегрена «отличной для своего времени подробной грамматикой». Большое значение грамматики академика В. Шегрена для культуры Осетии подчеркнул поэт и публицист Г. Цаголов. Он писал, что по справедливости В. Шегрен «должен считаться отцом современного осетинского алфавита» [15]. Этим алфавитом пользовался народный поэт К.Л. Хетагуров, значительно усовершенствовал его.

Алфавит А. Шегрена стал превосходным оружием распространения грамотности и культуры в среде осетинского народа. Академик В.И. Абаев констатировал, что «создание алфавита и грамматики дало мощный толчок культурному развитию в Осетии, оно разбудило дремавшие силы одаренного народа» [16]. Грамматика А. Шегрена положила начало научному изучению осетинского языка.

Следующим исследователем осетинского языка, издателем и переводчиком книг был арх. Иосиф Чепиговский (украинец по национальности). После того, как в 1857 году его назначили

управлять осетинскими приходами и учебным ведомством, Иосиф развернул научно-просветительскую деятельность: стремился обратить народ Осетии в православную веру при помощи просвещения и обучения детей на родном языке.

Для этого он несколько упростил шегреновский алфавит и в 1861 году представил новый осетинский букварь, который выдержал 5 изданий, а затем был заменен значительно улучшенным учебным пособием осетинского просветителя А. Канукова.

Иосиф также занимался составлением первого русско-осетинского словаря, который увидел свет в 1880-е годы.

Для более успешного распространения грамотности он предложил «приобрести из типографии императорской Академии наук осетинской литературы и формы для отлития литер осетинского алфавита, составить комитет для рецензирования сочинения и переводов на осетинском языке из следующих лиц: А. Колиева, М. Сухиева, А. Аладжикова, С. Жускаева, Е. Караева, Г. Кантемирова, «...дабы каждое сочинение или перевод в моём присутствии не менее как тремя из них, а по возможности и всеми вместе, чтобы переводы были точны и безошибочны» [17].

Всего И. Чепиговским было издано 15 книг церковного и учебного характера. Таким образом, в историю развития северокавказского образования Иосиф Чепиговский вошел как неустанный радетель за распространение просвещения среди горцев, за развитие осетинской письменной культуры.

В этот же период проходило интенсивное развитие письменности и у других северокавказских народностей.

Первым, составившим адыгский (черкесский) алфавит (1821 г.), был Эфенди Магомет Шапсугов, шапсуг по национальности. Однако, по сведениям адыгского просветителя С. Хан-Гирея, «из-за противодействия мусульманского духовенства, азбука эта не получила применения» [18].

Сам С. Хан-Гирей предпринял попытку составить черкесский алфавит, с помощью которого он записывал кабардино-черкесский народный фольклор. Будучи убежденным сторонником того, что без введения письменности на материнском языке «кабардинцы никогда не достигнут благодетельной степени», просветитель обратился к помощи российского правительства в «этом благородном, спасительном для черкесов деле» [19].

Честь составления черкесского алфавита принадлежит и русскому ученому И. Грацилевскому в конце 30-х годов XIX столетия. По нему он осуществлял обучение русскому и черкесскому языкам детей военнотружущих-черкесов отдельно взятого горского эскадрона.

Свою лепту в разработку кабардинской письменности внёс адыгский просветитель Ш.Б. Ногмов (1794–1844 годы жизни). Его решение о составлении грамматики адыгского языка возникло под влиянием двух известных академиков – востоковеда Ф. Шармуа и упомянутого нами А. Шегрена, ставшего впоследствии его руководителем и наставником. В качестве рецензента выступил его соотечественник Д.С. Кодзоков.

Свою мечту Ш. Ногмов осуществил в 1840 году, когда представил на суд ученых свой большой научный труд «Начальные правила кабардинской грамматики». В предисловии к своей «Грамматике» автор писал: «Я сделал, сколько мог, и старался сделать сколь можно лучше. Молю Проведение и единого Бога, чтобы явился мне последователь в любви к народному языку..., но последователь более искусный и сведущий...» [20].

Таковой вскоре нашелся. Им стал российский академик Петр Карлович Услар (1816–1876 гг.), который по прибытии на Кавказ поставил цель – создать азбуку для тех горских народов, которые раньше не имели своей письменности, и тем самым «содействовать распространению среди них грамотности и знаний» [21].

Однако справедливости ради заметим, что и до П. Услара предпринимались попытки изучить дагестанские языки. Так, в 1787–1791 годах была издана работа И.А. Гульденштедта «Путешествие через Россию и по кавказским горам», в которой обследованию подверглись аварский и даргинский языки Дагестана. Затем появились работы акад. А. Шифнера «Опыт изучения аварского языка» (в 1862 г.) и Р. Эккерта «Языки кавказского корня» (в 1896 г.) и др. [22]. Однако только Услару удалось рассмотреть во всей широте и глубине проблемы, связанные с фонетикой горских языков. Отмечая его труды в этом направлении, известный кавказовед А.П. Загурский писал, что «главную заслугу Услара составляют его капитальные образцовые труды, открывшие для науки новый лингвистический мир, этими трудами по справедливости может гордиться Россия» [23]. Действительно, научные работы П. Услара имели громадное значение для культурного развития Кавказа, так как с них начинался новый период этнологического и этнографического исследования края.

Ценность научных изысканий П. Услара в том, что при исследовании кавказских языков, он отбирал себе в помощники одаренных горцев, привлекая их к фонетическому анализу горских наречий. В своей Записке «Кавказскому Отделу Русского Географического общества» ученый указывал, что только горцы «единственно могут быть компетентными судьями при изображении звуков, свойственных их языкам» [24].

Так, в Сухуми при помощи сванета Гульбани он усвоил себе сванетскую письменность, в 60-х годах XIX века он совместно с кабардинцами У. Берсеем (1807–1887 гг.) и К.Атажукиным (1841–

1899 г.) создал кабардинский алфавит. Кази Атажукин впоследствии отозвался об этой письменности как «о безукоризненной и удобной для практического её применения» [25]. Не случайно после создания этой азбуки на Кавказе стали издавать учебные книги.

Пользуясь алфавитом, созданным П.К. Усларом для кабардинского языка в 1862–1863 гг., К. Атажукин сам впоследствии усовершенствовал кабардинскую азбуку. Чтобы на практике закрепить достигнутое, в одном из кабардинских аулов просветитель сам вёл преподавание по созданному им букварю.

Не останавливаясь на достигнутом, П. Услар перешел к изучению дагестанских языков. Так, при создании письменности аварского языка он пользовался услугами аварцев: гимназиста Геттинау и преподавателя Тифлисской гимназии Умыкова. Когда он в 1864 году приехал в Темир-Хан-Шуру, то окончательно завершил свой труд по аварскому языку, прибегнув к помощи аварца Айдемира Чиркеевского, ставшего впоследствии известным просветителем.

В 1862 году просветитель на основе начертания русских букв и при деятельном участии чеченцев Янгулбая Хасанова, Тугана Алхазова создает чеченскую письменность, а потом – капитальный труд о чеченском языке. Эти две работы впоследствии были взяты за основу Кеди Досовым и Таштемиром Эльдерхановым при составлении чеченских букварей.

Самостоятельно П.К. Услар в 1861 г. осуществляет лишь исследование абхазского языка и составляет абхазский алфавит, просуществовавший до самого конца XIX века.

В результате своей плодотворной лингвистической деятельности просветитель изучил ряд восточно-горских языков: чеченский, аварский, лакский, хюркилинский, лезгинский, абхазский, кабардинский и на их основе создал алфавиты, которыми долгое время пользовались горцы, что способствовало утверждению среди последних начал светского образования,

Но дело, начатое академиком, не пропало. Ученик П.К. Услара и его последователь, Умар Хапхоевич Берсей (1807–1887 гг.) издаёт черкесский букварь, который увидел свет в Тифлисе в 1855 году. Этот букварь был представлен на рецензирование в Российскую Академию Наук и получил одобрение со стороны академиков-кавказоведов Броссе, Дорна, Шифнера. Хотя азбука У. Берсея была составлена на основе арабской графики, она, по словам, просветителя К. Атажукина, была приспособлена к адыгским наречиям. Однако ученый не останавливается на достигнутом, и в 1861 году он снова составляет азбуку, но на этот раз уже более совершенную. Таким образом, У. Берсей создаёт для своего народа два букваря и грамматику адыгского языка, однако, к сожалению, они не получили у адыгов практического применения. Но как бы то ни было, в итоге своей многогранной просветительской деятельности У. Берсей внёс весомый вклад в письменность адыгских народов.

Заключение

Духовное наследие российских ученых в творческом содружестве с кавказскими просветителями по созданию письменности для северокавказских этносов было огромно. До воссоединения с Российской империей (середина XIX в.) горские народы не имели своей письменной культуры, а пользовались грузинской, арабской, турецкой письменностью, неудобной в применении. Потому у них назрела насущная необходимость в создании своего письма. И в этом деле неоценимую услугу кавказцам оказали представители русской науки. В ходе своей плодотворной историко-лингвистической деятельности они стали изучать многочисленные языки и наречия горцев и на основе русской графики создавать для них алфавиты. Это способствовало утверждению среди кавказцев начал образования, и как следствие этого, появления плеяды кавказских мыслителей, ставших на путь просвещения своих народов.

Примечание:

1. НА СОИГСИ. (Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А). Ф. 17. (Сведения о путешественниках, побывавших на Кавказе). Д. 2. Лл. 1-43.

2. Турчанинов Г.Ф. Появление письменности у кавказских народов // Российская этнография, 2000. № 5. С. 113-117.

3. Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману. Орджоникидзе, 1984. С. 14.

4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РФ). Ф. 493. (Общество восстановления православного христианства на Кавказе 1860–1917 гг.). Лл. 17-56.

5. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. М.-Л., 1960. Т. VI. С. 234.

6. ЦГА КБР (Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики). Ф. 2 (Управление Кабардинским округом). Оп. 1. Д. 322. Л. 9-11.

7. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. М.-Л., 1941. С. 45.

8. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. М.-Л., 1960. Т. VI. С. 231-233.

9. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. М.-Л., 1960. Т. VI. С. 231-233.

10. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Тбилиси, 1997. С. 18-23.

11. Тотоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977. С. 232.

12. Тотоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. Ордзоникидзе, 1977. С. 234.
13. Леонидова И. Из биографии А.Шегрена // Российская культура. 2004. № 7. С. 14-18.
14. Шегрен А. Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-русским и российско-осетинским. Тифлис, 1844. 154 с.
15. Цаголов Г.М. Одна из задач горской интеллигенции // Казбек. 1903. № 1637. С. 3.
16. Абаев В.И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. С. 27.
17. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф. 229 (Канцелярия начальника Терской области). Л. 56.
18. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 281-284.
19. Ногмов Ш.Б. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 16.
20. Ногмов Ш.Б. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 16.
21. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Этнография Кавказа. Тифлис, 1887. Т.2. С.15
22. Бокарев Е.А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала, 1949. С. 7-8.
23. Загурский А.П. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // ЗКОИРГО. Тифлис, 1881. С. 1, 2.
24. Услар П.К. Этнография Кавказа. Тифлис, 1887. С. 20.
25. Атажукин К. Избранные труды. Нальчик, 1969. С. 131-137.

References:

1. NA SOIGSI. (Scientific archive of the north Osetian institute of humanitarian and social studies im. V.I.Abaeva VNTS RAN Russian Academy of Science of governments RSO-A). F. 17. (Information about the travellers, who visited the Caucasus) d. 2. Ll. 1-43.
2. Turchaninov G.F. Appearance of written language in Caucasian peoples // Russian ethnography, 2000. № 5. S. 113-117.
3. Salagaeva Z.M. From The nuzalskoy inscription to the novel. Ordzhonikidze, 1984. S. 14.
4. Central Public Archive of the republic of Daghestan (TSGA RF). F. 493. (Society of the restoration of orthodox Christianity in Caucasus 1860 - 1917 yr.). Ll. 17-56.
5. Krachkovskiy I.YU. Arab literature in the North Caucasus. M. - L., 1960. T. VI. S. 234.
6. TSGA KBR (central Public Archive Of kabardino-Balkarskoy republic). F. 2 (control of Kabardian region). Pub. 1. D. 322. L. 9-11.
7. Genka A.N. The Arabic language and study of the Caucasus. M. - L., 1941. S. 45.
8. Krachkovskiy I.YU. Arab literature in the North Caucasus. M. - L., 1960. T. VI. S. 231-233.
9. Krachkovskiy I.YU. Arab literature in the North Caucasus. M. - L., 1960. T. VI. S. 231-233.
10. Dzhanashvili M. Proceedings of Georgian chronicles and historians about the North Caucasus and Russia. Tbilisi, 1997. S. 18-23.
11. Totoev M.S. History of Russian- ossetic cultural connections. Ordzhonikidze, 1977. S. 232.
12. Totoev M.S. History of Russian- ossetic cultural connections. Ordzhonikidze, 1977. S. 234.
13. Leonidov I. From the biography Of a.Shegreina // Russian culture. 2004. № 7. S. 14-18.
14. Sjogren A. Ossetic grammar with the brief dictionary ossetino-Russian and Russian-ossetic. Tiflis, 1844. 154 s.
15. Tsagolov G.M. One of the tasks of mountain intelligentsia // Kazbek. 1903. № 1637. S. 3.
16. Abaev V.I. Selected transactions: religion, folklore, literature. Vladikavkaz, 1990. S. 27.
17. Central Public Archive of republic North Osetia-Alaniya. F. 229 (office of the chief of Ter region). L. 56.
18. By Khan-weight S. Notes about Cherkesii. Nal'chik, 1978. S. 281-284.
19. Nogmov SH.B. Philological transactions. Nal'chik, 1956. Т. 1. S. 16.
20. Nogmov SH.B. Philological transactions. Nal'chik, 1956. Т. 1. S. 16.
21. Uslar P.K. On the propagation of literacy between the mountaineers // the ethnography of the Caucasus. Tiflis, 1887. Т.2. S.15
22. Bokarev E.A. Brief information about the languages of Daghestan. Makhachkala, 1949. S. 7-8.
23. Zagurskiy A.P. Peter Karlowicz Uslar and his activity in the Caucasus // ZKOIRGO. Tiflis, 1881. S. 1, 2.
24. Uslar P.K. Ethnography of the Caucasus. Tiflis, 1887. S. 20.
25. Atazhukin k. Selected transactions. Nal'chik, 1969. S. 131-137.

УДК 74.03

**Вклад российских и горских просветителей в становление
письменной культуры на Северном Кавказе**

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Российская Федерация
362043, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация. На основе новых архивных и документальных материалов в статье анализируется роль российских и горских просветителей в развитии северокавказской письменной культуры. В ней говорится о том, как в ходе своей плодотворной историко-лингвистической деятельности на Кавказе российские ученые стали изучать многочисленные языки и наречия горцев и на основе русской графики создавать для горских народов алфавиты. Доказывается, что это способствовало утверждению среди кавказцев начал образования, и как следствие – появления плеяды горских мыслителей, ставших на путь просвещения своих народов.

Ключевые слова: горские народы, Северокавказский край, просветители, передовая наука, российские ученые, письменность.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

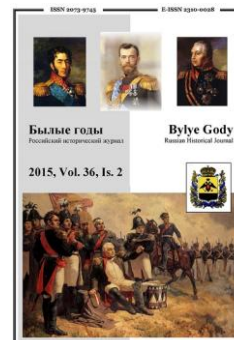
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 296-302, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(571.1/5)

Norm of Exploitation of Miners in Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries

¹ Vasilii P. Zinov'ev

² Igor S. Solovenko

¹ Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin avenue, 36
Doctor of Science (History), Professor
E-mail: vpz@tsu.ru

² Tomsk Polytechnic University, Russian Federation
PhD (History)
E-mail: igs-71@rambler.ru

Abstract

The article focuses on the question of the distribution of added value in the mining industry in Siberia in the late 19th – early 20th centuries. Relying on the analysis of financial reports from Siberian goldmines and coalmines, the author reveals the correlation between the means spent on workforce and the means spent on income and the companies' non-production expenses. The calculated norm of added value – the most precise reflection of the measure of wage labour exploitation – turned out to be higher for Siberian mine workers in the late 19th – early 20th centuries than for workers in the European Russia and demonstrated the tendency to further growth. The author believes it to be a consequence of the modernization of production and the exploitation of the richest and most easily accessible Siberian deposits.

Keywords: miners of Siberia, norm of execution, profit, expenditure.

Введение

Интегративным показателем экономического положения наемных рабочих, как известно, является норма прибавочной стоимости, получаемая путем деления стоимости рабочей силы на сумму прибавочной стоимости, включающую чистую прибыль и расходы на непроизводственные издержки предприятия (расходы на управление, налоги, арендные платежи, представительские расходы и т.д.). К. Маркс, введший этот термин в экономическую науку, писал, что «норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом или рабочего капиталистом» [1. С. 229]. Более обобщенный показатель – распределение долей труда и капитала в национальном доходе является важнейшим показателем состояния современных индустриальных сообществ, их социальной зрелости и создания основы для формирования среднего класса [2. С. 244-451]. Российскими историками этот вопрос затрагивался редко, так как ими традиционно анализируются внешние показатели экономического положения рабочих – продолжительность рабочего дня, величина заработка, условия труда и быта, реже – размер реальной заработной платы и ее динамика. Современных специалистов по экономической истории, которых слово «эксплуатация» пугает, этот сюжет совсем не интересует. Есть экономисты, которые не согласны с позицией К. Маркса [3]. Норма прибавочной стоимости как важнейший макроэкономический показатель положения рабочих широко использовалась российскими публицистами и экономистами первой половины XX в. [4. С. 22; 5. С. 344; 6. С. 162]. Применительно к Сибири к анализу нормы прибавочной стоимости на промышленных предприятиях обращались Д.М. Зольников и Г.Х. Рабинович, В.П. Зиновьев [7. С. 94; 8. С. 112-114; 9. С. 137]. Целью настоящей статьи является определение нормы прибавочной стоимости (нормы эксплуатации), ее динамика на горных предприятиях Сибири в конце XIX – начале XX в.

Материалы и методы

Расчет нормы прибавочной стоимости возможен только путем анализа расходных и доходных статей финансового баланса промышленных предприятий. В статье использованы отчеты об основной деятельности золотопромышленных акционерных обществ: Верхне-Амурского – фонд 57, Мариинских золотых приисков – ф. 69, Ольховского рудника – ф. 77, Российского золотопромышленного – ф. 79, Федоровского – ф. 88, Ленского золотопромышленного товарищества – ф. 1418 Российского государственного исторического архива, Александровского – ф. 532, Спасской К^о – ф. 534, Енисейской казенной палата – ф. 160 Государственного архива Красноярского края, отчеты Иркутского и Усть-Кутского солевых заводов – ф. 135 (Иркутского горного управления) Государственного архива Иркутской области, сведения о доходах и расходах горных предприятий из опубликованных отчетов по исследованию золотопромышленности горных округов Сибири и некоторые другие материалы. С методической точки зрения наибольшую трудность составил отбор статей расходной части финансовых балансов компаний для включения их в прибавочную стоимость или в заработок рабочих. В прибавочную стоимость мною включены, кроме чистой прибыли, тантъемы, натуральные и денежные расходы на содержание служащих и охраны, экстраординарные и представительские расходы, налоги. В заработную плату рабочих включены, кроме денежных выплат, переводы денег семьям, волостным правлениям и городским управам в зачет податей, стоимость продуктов, товаров из лавок, содержание школ, больниц, культурных учреждений. В этом перечне спорным является включение расходов на служащих в прибавочную стоимость, их можно отнести к необходимым производственным расходам, а можно и включить в заработную плату работников. Решающего значения это не будет иметь, так как даст колебания в ту или иную сторону на 10–15 %.

Обсуждение

Тенденцию в изменении степени эксплуатации можно обнаружить при сопоставлении динамики производительности труда, норм эксплуатации и заработной платы. Средством повышения степени эксплуатации являлись интенсификация труда и возрастание производительности его путем внедрения новых механизмов, усиления механизации работ. Различить в действительности, за счет какого фактора производительность труда возросла в конкретном случае сложно, поскольку на поверхности интенсификация труда проявляется через рост его производительности.

Автор корреспонденции из Ленской тайги в «Восточное обозрение» в 1895 г. писал «Стремление золотопромышленников к увеличению интенсивности труда и, между прочим, уроков, назначаемых рабочим, несомненно, существует» [10].

Сокращение рабочего времени горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX вв. сопровождалось усилением интенсивности труда, поэтому норма эксплуатации горняков не только не снижалась, но и росла. Это можно проследить на примере Лензото – крупнейшей золотопромышленной компании России в конце XIX – начале XX вв.

Таблица 1: Рост эксплуатации горняков Лензото в 1895–1916 гг.*

Годы	Производительность труда		Продолжительность рабочего дня В часах	Норма эксплуатации		Заработная плата (в %)	
	Фунтов золота на годового рабочего	В % к 1895 - 1899 гг.		Прибавочная стоимость / заработная плата	в % к 1895 - 1899 гг.	Номинальная	Реальная
1895/6-1898/9	2,42	100	12-13,5	50	100	100	100
1899/1900-1903/1904	3,02	124,8	11-11,5	35	70	102,2	101,9
1904/5-1908/9	5,01	207,0	10	160	320	115,9	114,2
1909/10-1913/14	5,00	207,0	10	150	300	122,6	109,7
1914/15	4,72	195,0	10	205	410	132,7	92,7

Расчет динамики заработной платы проведен на основе данных: Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895-1914 гг.) // Из истории Сибири. Вып. 8. Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1973. С. 149-159.

Данные о продолжительности рабочего дня: Зиновьев В.П. Рабочий день на горных промыслах Сибири в конце XIX– начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6 (26). С. 9-15.

Расчет производительности труда и норм эксплуатации произведен на основе отчетов Лензото - Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1418. Оп. 1. Д. 273. Л. 2-6; Д. 274. Л. 1-2; Д. 275. Л. 1-2; Д. 276. Л. 1-2; Д. 278. Л. 1-2; Д. 280, Л. 1-3; Д. 282. Л. 1-2, 30; Д. 283. Л. 4-10, 27; Д. 286.

Л. 2-8, 28; Д. 287. Л. 4-10, 30; Д. 288. Л. 4-10, 31; Д. 289. Л. 3-9, 31; Д. 290. Л. 1-8, 30; Д. 291. Л. 2-8, 32; Д. 292. Л. 1-8, 45; Д. 294. Л. 2-3; Д. 295. Л. 2-12; Д. 296. Л. 2-14; Л. 298. Л. 2-13; Д. 299. Л. 1-15; Д. 795, Л. 1-29; Д. 798. Л. 11; Д. 809. Л. 4, 10; Кваша Г.И. Статистико-сравнительные сведения о материальном положении рабочих на приисках «Ленского Золотопромышленного Товарищества» // Доклады правления Ленского Золотопромышленного Товарищества о забастовке. СПб., 1912. С. 3, 41; Доклад директора распорядителя барона А.Г. Гинцбурга и кандидата в члены правления П.М. Саладиллова о командировании их на прииски // Доклады правления Ленского золотопромышленного товарищества о забастовке. СПб., 1912. С. 54-55, 62; Коренев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1903. С. 160-161.

Отметим, что рабочее время на приисках Лензото за 21 год сократилось с 12,0–13,5 часов до 10 часов, сократилось и число рабочих дней в году. В конце XIX века рабочие Лензото трудились в среднем 325 дней в году, в 1901/2-1905/6 гг. – 306,3 дня, в 1906/7-1910/11 гг. – 313,1, 1913–1916 гг. – 300–308 дней. Тем не менее, производительность труда годового рабочего компании выросла почти в два раза. Принятый здесь метод исчисления производительности труда в золотопромышленности (в граммах золота на человека) широко используется экономистами [11]. Норма эксплуатации выросла с конца XIX в. по предвоенные годы в 4 раза: с 50 % до 150 %. В годы войны номинальная заработная плата выросла лишь на треть, а реальная – менее чем на 10 % к 1914 г., а в 1915–1916 гг. снизилась до 92,7 %.

Еще более показательный пример Мариинских приисков. Здесь производительность труда выросла с 1895 по 1916 гг. в 4 раза, норма эксплуатации в 3,3 раза, номинальная заработная плата – в 1,9 раза, реальная же снизилась до 83 % от уровня конца XIX в. [12. С. 89, 97].

Соотношение производительности труда, рабочего времени, норм эксплуатации и заработной платы в целом по золотопромышленности Сибири показано в табл. 2.

Таблица 2: Норма эксплуатации рабочих в золотопромышленности Сибири в 1895–1917 гг.*

Годы	Производительность труда		Рабочий день (в часах)	Норма эксплуатации		Зарботная плата в %	
	В фунтах золота на годового рабочего	В % к 1895-1899 гг.		Прибавочная стоимость / зарплата	В % к 1895-1899 гг.	Номинальная	Реальная
1895-1899	1,63	100	10,1	90	100	100	100
1900-1904	1,48	90,8	9,8	105	116,7	129,66	110,72
1905-1909	1,89	116,0	9,3	115	127,8	140,05	116,84
1910-1914	1,70	104,3	9,7	130	144,4	165,98	113,49
1915-1917	1,64	100,6	9,7	200	222,2	218,44	92,46

* Источники подсчета заработной платы и продолжительности рабочего дня горнорабочих указаны: Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895-1914 гг.) // Из истории Сибири. Вып. 8. Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1973. С. 149-159; Зиновьев В.П. Рабочий день на горных промыслах Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6 (26). С. 9-15.

Источники подсчета производительности труда указаны в книге: Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. Томск, 2009. Раздел 1.1. Горная промышленность Сибири в конце XIX – начале XX в. (1895-1917 гг.). С. 58-59. Таблица №12.

Источники расчета прибавочной стоимости и заработной платы: РГИА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 53. Л. 3-13; Д. 68. Л. 1-14; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-8; Ф. 88. Оп. 1. Д. 11. Л. 5-11; Д. 13. Л. 5-15; Д. 14. Л. 7-15; Д. 150. Л. 19; Ф. 1418. Оп. 1. Д. 273. Л. 2-6; Д. 274. Л. 1-2; Д. 275. Л. 1-2; Д. 276 Л. 1-2; Д. 278. Л. 1-2; Д. 280. Л. 1-3; Д. 282. Л. 1-2; Д. 283. Л. 4-10; Д. 286. Л. 2-8; Д. 287. Л. 4-10; Д. 288. Л. 4-10; Д. 289. Л. 3-9; Д. 290. Л. 1-8; Д. 291. Л. 2-8; Д. 292. Л. 1-8; Д. 294. Л. 2-3; Д. 295. Л. 2-12; Д. 296. Л. 2-14; Д. 298. Л. 2-13; Д. 299. Л. 1-15; Д. 795. Л. 1-29; Д. 798. Л. 11; ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2818. Л. 4-30; Д. 1558. Л. 7-9; Д. 2793. Л. 19-43; Д. 2614. Л. 18-23; Д. 1784. Л. 8, 34, 35; Д. 1557. Л. 12-33; Д. 1783. Л. 12-33; Д. 2462. Л. 8-17; Д. 2711. Л. 8-18; Д. 2794. Л. 10-20; Д. 2852. Л. 10-17; Д. 2889. Л. 7-16; Ф. 532. Оп. 1. Д. 26. Л. 12-15; Д. 12. Л. 20-26; Ф. 534. Оп. 1. Д. 11. Л. 31-32; Д. 60. Л. 22-25; ГАТО. Ф. 426. Оп. 1. Д. 132. Л. 107; Д. 120. Л. 84; Ф. 423. Оп. 1. Д. 479. Л. 94; Ф. 433. Оп. 1. Д. 561. Л. 43; Вестник золотопромышленности и горного дела вообще, 1904. № 20. С. 458; № 23. С. 542; № 24. С. 556-590; Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского округа. СПб., 1903. Т. 1. С. 190, 218; Внуковский В.М. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Северной части Енисейского округа. СПб., 1905. Т. 2. Приложения. С. 238, 244, 255; Реутовский В. Золотоносный район Томского горного округа. Томск, 1896. С. 277;

Рабинович Г.Х. О методах капиталистической эксплуатации промышленных рабочих Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 8. С. 114.

При подсчете производительности труда исключены отрядные прииски Нерчинского округа Кабинета, поскольку число рабочих на них за ряд лет учету не поддается. Следует отметить, что подсчеты производительности труда, приведенные в табл. 2, имеют только номинальное значение. Они учитывают природную производительность золотоносных месторождений вместе с производительностью труда рабочих, которую на самом деле надо измерять в тоннах обработанной породы. Реальную производительность по золотодобыче края точно подсчитать невозможно, поскольку статистика добычи золота не учитывала до половины всего золота.

Утайка золота и последующий контрабандный вывоз его из страны отмечались как обычное явление в XIX веке. С введением же свободного обращения золота (1902 г.) учет его стал совершенно нереальным. Современники отмечали, что треть золота, добываемого в России, не регистрируется в шнуровых приисковых книгах [13. С. 64]. В 1911–1915 гг. из всего золота, поступающего в золотосплавочные казенные лаборатории в крае, 30 % было вольноприносительского, не учтенного официальной статистикой [14. С. 55]. Частные банки в свои лаборатории кроме того принимали в основном утаенное от регистрации золото. В годы Первой мировой войны золотопромышленники задерживали сдачу золота, дожидались повышения курса или сдавали его в частные банки, где приёмная цена была выше казённой. Так, золотопромышленник Енисейского округа Авенир Власов утаил в 1916 г. 24 п. 8 ф. золота, сдал же 9 п. 25 ф. 34 зол. [15. Л. 65; 16. Л. 30–31].

По этой же причине подсчет нормы эксплуатации также условен. Автор учёл максимальные цифры прибавочной стоимости и её отношение к заработной плате по ряду ведущих предприятий. Естественно они выше, чем в целом по золотодобыче края. Если учесть утайку золота, они не будут выглядеть преувеличенными для всей отрасли.

Рост нормы эксплуатации в значительной мере зависел также от повышения приёмных цен на золото. Последние с 1895 по 1917 гг. выросли более чем в два раза. По этой причине возможен был рост эксплуатации труда при незначительной его производительности. Учтем, что рабочий день и число рабочих дней в году в золотопромышленности Сибири снизились, а производительность труда несколько повысилась.

Реальная заработная плата горняков отставала от роста норм эксплуатации. Последние выросли к 1915–1917 гг. больше чем в два раза, реальная же заработная плата составляла в годы Первой мировой войны около 93 % уровня 1895–1899 гг. Если же учесть сокращение рабочего времени, то реальные заработные платы рабочих отставали и от производительности труда.

В углепромышленности, где подсчет производительности труда можно произвести более точно, не только реальная, но и номинальная заработная плата отставала от роста производительности труда.

Таблица 3: Производительность труда и заработная плата на каменноугольных коях Сибири в 1900–1917 гг.*

Годы	Производительность труда		Номинальная заработная плата (в %)	Реальная зар. плата (в %)
	В пудах угля на чел. в год	%		
1900–1904	8,516	100	100	100
1905–1909	9,622	112,9	109,68	93,07
1910–1914	11,339	133,2	132,44	115,27
1915–1917	10,060	118,1	158,00	82,29

* Подсчет динамики заработной платы произведен автором на основе данных диссертации Зиновьев В.П. Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1896–1917 гг.). С. 221–222

Подсчет производительности труда произведен на основе введений статистических изданий Горного департамента «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России» за 1895–1910 гг. и издания Джаксон М.Н. и Флеров А.Н. Сборник статистических сведений о горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 128–155.

На каменноугольных коях Сибири только в годы Первой мировой войны номинальная заработная плата опередила по темпам роста производительность труда. Однако реальная заработная плата снизилась к 1917 г. до 70 % от уровня пятилетия 1900–1904 гг.

Норму эксплуатации шахтеров на каменноугольных коях Сибири в динамике автор смог определить только по коям Л.А. Михельсона, благодаря подсчетам прибылей этого капиталиста, проведенным Г.Х. Рабиновичем. [8. С. 113]. Г.Х. Рабинович определил норму эксплуатации рабочих на коях в 1912 г. в 110 % и привел сведения о чистой прибыли в 1907, 1910, 1912–1915 гг. [8. С. 112–113]. Данные эти заслуживают безусловного доверия, поскольку взяты из личного фонда владельца копей. Чистая прибыль, как известно, не составляет всей прибавочной стоимости, к ней необходимо добавить другие формы распределения прибавочной стоимости – расходы на аренду, взятки и т.д.

Эти расходы по подсчетам Г.Х. Рабиновича составляли в 1912 г. 01,82 коп. на пуд угля или 7 % к чистой прибыли [8. С. 112]. Исходя из этого, можно приблизительно определить прибавочную стоимость, полученную на коях Л.А. Михельсона в 1907, 1910, 1913–1915 гг. Располагая данными о среднегодовой заработной плате рабочих и их числе, автор выявил размер всей заработной платы выплачиваемой рабочим в указанные годы. К этому следует прибавить 22,7 % других расходов Л.А. Михельсона на покупку рабочей силы – квартиры, школу, церковь, медицинское обслуживание, социальное обеспечение. Делением прибавочной стоимости на заработную плату получаем нормы эксплуатации в перечисленные годы. В 1912 г. подсчет по этому методу дал 113 %, т.е. почти столько же, сколько дали подсчеты Г.Х. Рабиновича. Следовательно, он вполне применим, хотя и приближен (+/- 10 %).

Таким путем удалось определить, что в 1907 г. норма эксплуатации судженских шахтеров равнялась 134,8 %, в 1910 г. – 154,4 %, в 1912 г. – 110 %, в 1913 г. – 113,3 %, в 1914 г. – 71,5 %, в 1915 г. – 113,4 %.

В 1916–1917 гг. норма эксплуатации, вероятно, повысилась, поскольку цены на уголь росли стремительно. Л.А. Михельсон за годы войны поднял цены, по подсчетам Г.Х. Рабиновича, в 6–7 раз [17. С. 47; 22]. Он же был немногим среди сибирских углепромышленников, которые получали в годы войны значительные прибыли.

Так копи братьев Замятиных в Забайкалье в 1916 г. продавали уголь по 9–11 коп. за пуд при себестоимости в 5 коп. пуд. Норма прибыли равнялась 100 %, а норма прибавочной стоимости была меньше 275 % (11 млн пуд × 5 коп. = 550 тыс. руб. прибыли) [18. С. 49]. Среднегодовая оплата одного рабочего равнялась 576 руб., рабочих на коях было в среднем 338, значит, общая сумма заработной платы равнялась приблизительно 200 тыс. руб. [19. Л. 4].

Арбагарские копи в 1916 г. продали 2.015 тыс. пудов угля по 27 коп. пуд при себестоимости 9 коп. за пуд. Таким образом, вложенный в день рубль обращался 2 рублями чистой прибыли [18. С. 50]. Среднегодовая оплата труда шахтера составила 456 руб., что при 200 шахтерах дает 91,2 тыс. руб. [20. С. 7]. Следовательно, степень эксплуатации на этих была не менее 420 %.

Прочие копи Забайкалья в 1916–1917 гг. получали прибыли также вдвое превышающие затраты на добычу угля [18. С. 49–50]. Следовательно, и на них нормы эксплуатации колебались в пределах 300–400 %.

По горным заводам норму эксплуатации рабочих за ряд лет удалось определить только по Иркутскому солеваренному заводу, благодаря сохранившимся в Государственном архиве Иркутской области отчетам предприятия [7. С. 94; 21. Д. 241. Л. 81–83; Д. 242. Л. 166–167; Д. 327. Л. 55–57; Д. 1785. Л. 19–20; Д. 1897. Л. 4–5]. Норма эксплуатации здесь сильно колебалась от года к году в зависимости от конъюнктуры на рынке. В 1899 г. она равнялась 144%, в 1900 г. – 175%, в 1903 г. – 53%, в 1911 г. – 167%, в 1913 г. – 166%, в 1914 г. – 110%, в 1915 г. – 73%.

Заключение

Таким образом, на предприятиях горной промышленности Сибири норма эксплуатации труда была более высокая, нежели в промышленности Европейской России. Она была в целом выше 100 % и достигала перед Первой мировой войной 130–150 %. По подсчетам В.И. Ленина в 1908 г. рабочий фабрично-заводской промышленности России получал 246 руб. в год, приносил капиталисту – 252 руб. в год [4. С. 24–25], т.е. норма эксплуатации труда равнялась приблизительно 100 % (102,4 %). По подсчетам С.Г. Стумилина на 1913 г. норма эксплуатации рабочих цензовой промышленности России составляла 100 % [5. С. 344]. Норма эксплуатации рабочих обрабатывающей промышленности США в 1899 г. равнялась 128 % [6. С. 162]. Следовательно, нормы эксплуатации рабочих в горной промышленности Сибири были выше, чем в обрабатывающей промышленности России и были сопоставимы с таковыми в промышленности США. Причина этого лежала не только в модернизации технологии, но и в эксплуатации наиболее богатых и легкодоступных месторождений полезных ископаемых Сибири.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009 (проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»).

Примечания:

1. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1963. 904 с.
2. Вебер А.Б. Классовая борьба и капитализм. Рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития XIX–XX вв. М., 1986. 304 с.
3. Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Совместное издание "Дело" и "Вита-Пресс", 1996. 544 с.
4. Ленин В.И. Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России // Полное собрание сочинений. Изд. 5. М., 1961. Т. 22. С. 24–25.
5. Струмилин С.Г. Избранные произведения в пяти томах. М.: Наука, 1962. Т. 1. 488 с.

6. Варга К. Основные вопросы экономики и политики империализма. М.: Госполитиздат, 1957. 552 с.
7. Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 1969. 336 с.
8. Рабинович Г.Х. О методах капиталистической эксплуатации промышленных рабочих Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Из истории Сибири. Вып. 8. Томск: Издательство Томского университета, 1973. С. 106-116.
9. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 2007. 257 с.
10. Восточное обозрение, 1895, № 28.
11. Афанасьев А.А. Золотодобывающая промышленность капиталистических стран. М., 1963.
12. Зиновьев В.П. К расчету реальной заработной платы приисковых рабочих Сибири (на материалах приисков Томского горного округа) // Из истории Сибири. Вып. 14. Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1974. С. 86-99.
13. Митинский А.Н. Промышленность Приамурья // Горный журнал. 1912. Т. 1.
14. Золото и платина. 1916. № 3-4. С. 55.
15. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 160. Оп. 1. Д. 2869.
16. ГАКК. Ф. 543. Оп. 1. Д. 192.
17. Рабинович Г.Х. Из истории буржуазии в Сибири (Л.А. Михельсон) // Вопросы Истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 8.
18. Медведев П. Каменноугольная промышленность Забайкалья // Горная промышленность ДВР. Чита, 1992.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 67. Д. 600.
20. РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 650.
21. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 135. Оп. 1.
22. Shaidurov, V.N. (2014) The jews and their place in the economic life of western siberia in the second half of the 19th century *Novyj Istoriceskij Vestnik*. (1), 39: 21-35.

References:

1. Marx K. The Capital. Vol. 1. М.: Politizdat, 1963. 904 p.
2. Veber A.B. Class Struggle and Capitalism. Labour and Trade-Union Movement as a Factor of Social and Economic Development in the 19th – 20th Centuries. М.: Nauka, 1986. 304 p.
3. Maiburd E.M. Introduction into the History of Economic Thought. From Prophets to Professors. М.: “Delo” and “Vita-Press”, 1996. 544 p.
4. Lenin V.I. Workers’ Wages and Capitalists’ Profit in Russia // Complete Works. Ed. 5. М., 1961. Vol. 22. P. 24-25.
5. Strumilin S.G. Selected Works in Five Volumes. М.: Nauka, 1962. Vol. 1. 488 p.
6. Varga E.S. Major Questions of the Economy and Politics of Imperialism. М.: Gospolitizdat, 1957. 552 p.
7. Zolnikov D.M. Labour Movement in Siberia in 1917. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1969. 336 p.
8. Rabinovich G.Kh. On the Methods of Capitalist Exploitation of Siberian Industrial Workers in the Late 19th – Early 20th Centuries // From Siberian History. Issue 8. Tomsk: Tomsk State University Press, 1973. P. 106-116.
9. Zinovyev V.P. Industrial Cadre of Old Siberia. Tomsk: Tomsk State University Press, 2007. 257 p.
10. Vostochnoe obozrenie, 1895, # 28.
11. Afanasiev A.A. Gold-Mining Industry of Capitalist Countries. М., 1963.
12. Zinovyev V.P. On the Calculation of Real Wages of Siberian Miners (on the materials of Tomsk Mining District Mines) // From Siberian History. Issue 14. Siberian Workers in the Period of Imperialism. Tomsk, 1974. P. 86-99.
13. Mitinskiy A.N. The Industry of the Amieur Region // Mining Journal. 1912. Vol. 1.
14. Gold and Platinum. 1916. № 3-4. P. 55.
15. State Archive of Krasnoyarsk Region (SAKR). Fund 160. List 1. File 2869.
16. SAKR. Fund 543. List 1. File 192.
17. Rabinovich G. Kh. From the History of Bourgeoisie in Siberia (I.A. Mikhelson) // Questions of Siberian History. Tomsk, 1974. Issue 8.
18. Medvedev P. Coal Mining of the Baikal Region // Mining Industry in the Far Eastern Republic. Chita, 1992.
19. Russian State Historical Archive (RSHA). Fund 37. List 67. File 600.
20. RSHA. Fund 37. List 75. File 650.
21. State Archive of the Irkutsk Region (SAIR). Fund 135. List 1.
22. Shaidurov, V.N. (2014) The jews and their place in the economic life of western siberia in the second half of the 19th century *Novyj Istoriceskij Vestnik*. (1), 39: 21-35.

УДК 94(571.1/5)

Нормы эксплуатации горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в.

¹ Василий Павлович Зиновьев

² Игорь Сергеевич Соловенко

¹ Томский государственный университет, Российская Федерация

634050, Томская область, Томск, проспект Ленина, 36

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: vpz@tsu.ru

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: igs-71@ Rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о распределении прибавочной стоимости в горной промышленности Сибири в конце XIX – начале XX вв. Автор на основе анализа финансовой отчетности акционерных предприятий золотопромышленности и углепромышленности края выявил соотношение средств, затраченных на рабочую силу, и средств, распределенных на прибыль и на непроизводственные издержки предприятий. Полученная норма прибавочной стоимости, наиболее точно отражающая степень эксплуатации наемных работников, у горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. оказалась выше, чем в фабрично-заводской промышленности России и обнаружила тенденцию к росту. По мнению автора статьи это было следствием модернизации производства и эксплуатации наиболее богатых и легкодоступных месторождений полезных ископаемых Сибири.

Ключевые слова: горнорабочие Сибири, норма эксплуатации, прибыль, расходы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

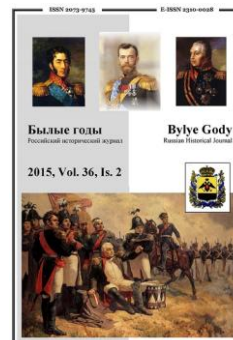
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 303-308, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(460).085

New-York “Water Buses” – The *Intrépida* and *Mensajera* Gunboats

Nicholas W. Mitiukov

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Dr. (Technical)

Abstract

In 1895, with the beginning of Cuban insurgence, the Spanish acquired a series of civil vessels and powerboats in the US. Unfortunately, in the Spanish literature there has been relatively little mention of the fate of these numerous units before the purchase and after the end of the Spanish-American War of 1898. Based on the findings of the author's analysis of data from Spanish and American print media, the author puts forth a supposition that the New-York “water buses” *Shrewsbury* and *Navesink* sold by the US in 1895 would turn into the Spanish gunboats *Intrépida* and *Mensajera*. It is likely that during the deal process they could have temporary names, *General Laborde* and *General Tacón*. Both powerboats were actively used in blockade operations against the insurgents in 1896–97, and after the Spanish-American War they were dropped from the Spanish fleet. That said, *Intrépida* became one of the first ships within the naval fleet of the young Cuban republic led by Antonio Maceo. Based on the findings of an analysis of data from naval handbooks, the author puts forth a supposition that this ship might have been not *Intrépida* but the one-class ship *Mensajera*.

Keywords: Spain, history, naval policy, Cuba, insurgence, Spanish-American War.

Введение

История боевых действий на Кубе в 1895–1898 гг. до сих пор изобилует белыми пятнами. С одной стороны, доступны все архивы этого периода, но с другой – из-за многочисленных передач архивных дел, первичные документы могут находиться в самых непредсказуемых фондах. Кроме того, документы фондов нередко представлены эклектичными материалами, не дающим возможность создать целостную картину. Одним из серьезных “провалов” этого периода является судьба небольших испанских канонерок и катеров, привлекавшихся к боевым действиям. Официальные испанские документы весьма неплохо освещают боевые действия с участием этих кораблей, но обходят совершенным молчанием их карьеру после 1898 г. – в лучшем случае давая дату исключения из списков флота [1]. Причины подобного молчания вполне понятны: после продажи с аукциона бывшие испанские корабли разошлись по небольшим флотам частников, которые нередко не вели никакой документации.

Но если для канонерских лодок 3 ранга известна хоть дата постройки, то по мобилизованным и вооруженным судам зачастую не известна и она. В данной работе делается попытка провести параллели между канонерскими лодками “*Intrépida*” и “*Mensajera*” и знаменитыми нью-йоркскими “речными трамвайчиками” “*Shrewsbury*” и “*Navesink*”.

Материалы и методы

Наиболее распространенным и простым методом в подобного рода исследованиях является сопоставление данных о переименованиях судов. Установление соответствия между старыми и новыми наименованиями является вполне очевидным и весьма продуктивным методом при реконструкции биографии судов по сведениями периодического характера (например, по официальным регистрам). Однако в этой области информация об испанских канонерских лодках пока абсолютно не систематизирована. В качестве примера можно привести следующую фразу одной

из работ, посвященной покупке в США в 1895 г. партии гражданских судов: "Благодаря собранным 25 тыс. песо удалось профинансировать покупку бывших американских судов "General Tacón", "Santocildes", "General Beranger", "Relámpago", "Dardo", "Esperanza", "Intrépide" и "Mensajera" [2, С. 457]. Как видно, автор смешивает наименования катеров испанского флота (последние пять) и оригинальные наименования, якобы американские, под которыми они были переданы флоту (первые три). Но даже по первым трем возникают вопросы. Дело в том, что это имена известных испанских военачальников первой половины XIX в. и вряд ли они могли быть оригинальными американскими наименованиями.

Вторым продуктивным методом реконструкции карьеры по обрывочной информации может служить метод сопоставления характеристик. Но и здесь следует отметить, что даты постройки и характеристики большинства мобилизованных канонерок в испанских работах даются весьма произвольно, нередко без всякого рода указаний выдавая за них информацию, являющуюся наиболее вероятной с точки зрения данного автора. Пятнадцать лет назад автор этих строк пытался путем сопоставления ТТХ такого уважаемого издания как справочник Джейна определить наименования испанских канонерских лодок, оказавшихся в кубинском флоте, фактически угадав лишь один из трех кораблей, за что справедливо критикуется кубинскими историками [3]. Поэтому реконструкция биографии кораблей по дате их постройки и характеристикам, в данном случае занятие неблагодарное и малопродуктивное, которое можно использовать лишь для уточнения информации уже реконструированной другими методами. В этой связи в качестве опорной точки можно использовать работу А. Анки [1], в которой сообщаются данные, лишь подтвержденные архивной документацией, по всем остальным, даже "широко известным" характеристикам он просто ставит прочерк.

Учитывая вышесказанное, автор попытался применить метод поиска первичного документа с его последующим анализом. Кроме того, в исследовании применены методы логики и историзма.

Обсуждение

Из-за отсутствия преемственности архивных документов, произведем анализ периодики за август-сентябрь 1895 г., всего, что касается приобретения судов в США.

Газета "La Iberia" за 1 сентября 1895 г. "Гавана, 20 Августа... Паровые катера, приобретенные в Соединенных Штатах для службы у побережья Кубы, несли имена: "Edith", "Conde de la Mortera", "Shreusbury", "Navesink", "General Tacón", "General Laborde", "León Abott" и "Almirante Chacón" [4].

Газета "El Correo Militar" за 2 сентября 1895 г. "Вооруженные катера. Для специальных новостей мы можем дать следующую информацию. Из суммы в 4600 [песо – Н.М.], подаренной графом де ла Мортера и 20,4 тыс. пожертвованных Биржей виноделов (Lonja de vineros), были приобретены шесть паровых катеров, имеющих три или четыре фута осадки и скорость от 11 до 12 узлов. Эти лодки имеют от 16 до 20 метров длины и три ширины, сделаны из дерева покрытой медью. Они могут стать ценным приобретением для действий у рифов и на мелководье. Из этих лодок четыре уже на арсенале. Генерал Дельгадо Парехо приказал установить на них скорострельные пушки и пулеметы, снятые с больших кораблей. Экипажи лодок будут вооружены винтовками маузера. Генерал Дельгадо Парехо также решил вооружить собственными средствами, не обременяя бюджет, три буксира, которые служат под его командованием в этой военно-морской базе. Также приобретена канонерка для реки Кауто. Первые три приобретенных катера носят имена "Navesink", "Schreusburg" и "León Abfertt", которые, как мы предполагаем, будут заменены на испанские. Остальные катера, приобретенные в США для службы у побережья Кубы, называются "Edith", "Conde de la Mortera", "General Tacón", "General Laborde" и "Almirante Chacón" [5].

Газета "La Epoca" за 1 сентября 1895 г. "Вооруженные катера. Вечером 12-го текущего месяца в порт Гаваны из Нью-Йорка вошел английский пароход "Ardanrose", везший на борту три паровых катера, приобретенных для военного флота на средства от патриотической подписки, проведенной Биржей виноделов, торговли и промышленности (Lonja de Viveres, Comercio e Industria) этой столицы. Катера имеют средние размеры, небольшую осадку, превосходные машины и хороший ход. Их названия: "Navesink", "Schreusburg" и "León Abfertt". Другие катера, приобретенные в США для службы у побережья Кубы, называются "Edith", "Conde de la Mortera", "General Tacón", "General Laborde" и "Almirante Chacón"." [6].

Сообщение газеты "La Iberia" [5] вряд ли может быть интересным, поскольку все катера в ней даются вперемешку. Однако она дает отличные от остальных сообщений написания американских имен у двух катеров, которые судя по всему более корректные. Газета "El Correo Militar" [6] относительно покупки дает наиболее обширную информацию с указанием некоторых технических характеристик. Наконец, газета "La Epoca" [7] дает интересные подробности относительно самой сделки. Из приведенных сообщений видно, что первые три катера, пришедшие в Гавану на английском пароходе 12 августа, называются "Navesink", "Schreusburg" (или "Shreusbury") и "León Abfertt" (или "León Abott"). А это уже реальная "зецепка" для поиска по американским данным.

Газета "The New York Times" за 7 августа 1895 г. "Паровые катера для Кубы. Были проданы три судна для реки Стросбери (**Shreusbury**). Все трио – красивые прогулочные катера, которые

ранее плавали в водах Стросбери, а теперь от мирной жизни они призваны к военной службе... Это суда "Navesink", "Leon Abbett" и "Shrewsbury", принадлежавшие E.G. Roberts и J.M. Hoffmire, Jr., приписанные Ред Банк (Red Bank), которые использовали их на экскурсионной линии между Ред Банк и Лонг Бич... Каждый катер может нести достаточно топлива для хода в течение трех дней на максимальном давлении пара, при более экономном ходе это путешествие может длиться одну неделю. Вчера под своими парами все три катера перешли из Ред Банк в Нью-Йорк. Пароход "Ardenrose" компании Munson Line, отшвартованный у пирса № 6 Норд Ривер подготовлен для подъема их на борт, после швартовки катеров к его борту..." [8].

Газета "Red bank register" за 7 сентября 1895 г. "Проданы речные трамвайчики. Паровые катера "Shrewsbury" и "Navesink", ходившие между Ред Банк и Хайланд Бич (Highland Beach), а также "Leon Abbett", принадлежащий B.S. Paine, были проданы испанскому правительству, для использования в качестве транспортов. Сделка осуществлена через испанского консула в Нью-Йорке. Цена за "Shrewsbury" и "Navesink", как сообщается, составила 10 тыс. долларов, а за "Leon Abbett" – 4800. Вчера утром катера были доставлены в Нью-Йорк, где они будут погружены на пароход, следующий на Кубу" [9].

Как видно из приведенных заметок, американские газеты, во-первых, корректируют правильность написания американских наименований судов ("Navesink", "Shrewsbury" и "Leon Abbett"), а во-вторых, дают дополнительную информацию, что это бывшие "речные трамвайчики". Что существенно сужает круг поиска американских источников.

Работа Дж. Кинга дает важное дополнение в судьбе американо-испанских кораблей. Становится понятным, почему американцы относительно недорого продали свои не очень старые "речные трамвайчики": "Место было очень популярным [место отдыха ньюйоркцев – Н.М.]... целые толпы стремились на пляжи и курорты... каждый из небольших паровых катеров перевозил каждый день до 125 туристов в один конец. "Jersey Lily", "Our Mary", "Leon Abbett", "Highland Beach", "Shrewsbury" и "Navesink" – назывались катера этого прибыльного бизнеса. За год в летнее время все шесть делало по семь рейсов ежедневно (250 пассажиров туда и обратно), перевоза в итоге ежедневно до 3000 человек!" [9, P. 83]. Действительно, 125 человек для катера 16–20 метровой длины явный перебор. Очевидно, что для развития бизнеса требовались более вместительные суда.

Другое исследование по истории речного транспорта графства Монмут [9] дает неожиданную дополнительную информацию: "В 1895 г., незадолго до испано-американской войны, паровые катера графства Монмут "Leon Abbett", "Navesink" и "Shrewsbury" были проданы испанскому правительству. Эти катера отправлены на Кубу в трюмах парохода "Ardenrose". По прибытии их переименовали в "Almirante Chacon", "General Laborde" и "General Tacon". Их судьба, как и судьба многих других пароходов, проданных за рубеж, неизвестна." [10].

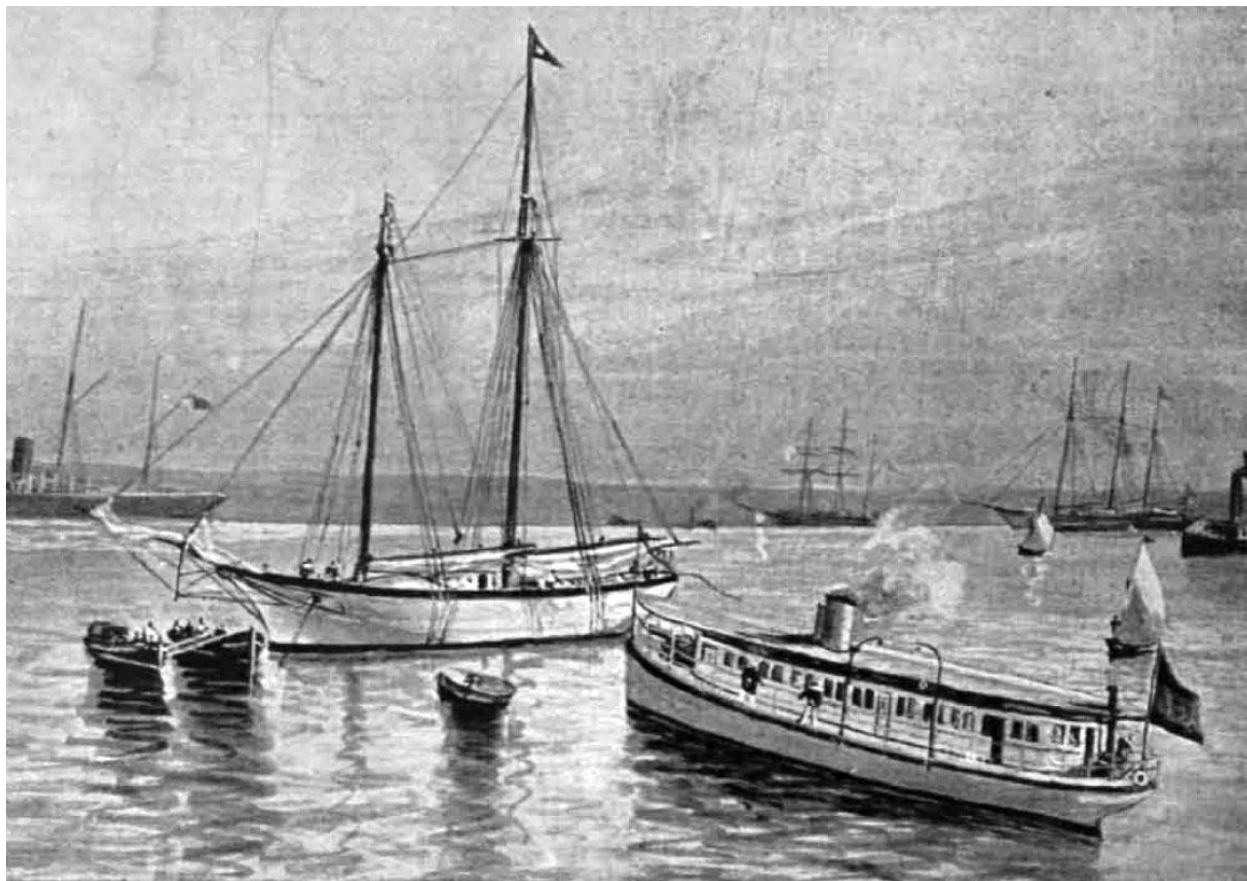
Указанная публикация проливает свет на отсутствие однозначной связи между американской частью биографии и испанской, а также на странный подбор наименований якобы американских наименований у испанских кораблей. Поскольку суда закупались в США не непосредственно министерством обороны Испании, а имели промежуточную инстанцию в виде "Биржи виноделов, торговли и промышленности", весьма вероятно ситуация, что приобретаемые ей суда могли переименовываться новым хозяином, каковым номинально и выступала Биржа. В этой связи выглядит вполне логичным подбор наименований в честь испанских военных деятелей: генералов Такона, Лаборде, Беранхера, маршала Сантосильдеса, адмирала Чакона и одного из главных спонсоров данной покупки графа де ла Мортеры. Однако с точки зрения флота данный набор названий стал совершенно неоправданным, поскольку наименования подобного уровня носили либо крейсера, либо канонерские лодки первого ранга. Единственное исключение было дано канонерской лодке, названной в честь погибшего в 1895 г. во время катастрофы с крейсером "Санчес-Баркастеки" командира гаванской военно-морской базы адмирала Дельгадо Парехо, в честь которого назвали самую крупную из приобретенных канонерских лодок, бывшую яхту "Dard" (кстати, единственную яхту, с идентификацией которой никаких трудностей не возникает) [11, 12].

В результате последовало вполне логичное изменение наименований: молния (relámpago), дротик (dardo), надежда (esperanza), бесстрашная (intrépida), связная (mensajera) и т.д. Становится понятным и отсутствие сквозных работ по испано-американской биографии катеров: поиск с испанской стороны якобы американского наименования (например, "General Tacon") не давал возможности выйти на конкретные американские суда, а поиск с американской стороны якобы испанского наименования ("General Tacon") не находил таких кораблей, действовавших у кубинского побережья в 1895–1898 гг.

Таким образом, остается лишь найти соответствия между названиями "Almirante Chacon", "General Laborde", "General Tacon" и их наименованиями в испанском флоте. В этом серьезно помогает работа Дж. Хоусона [13]. В таблице 7 указанной работы даются годы нахождения в навигации нью-йоркских судов линии "Ред Банк – Хайланд Бич". Катера "Jersey Lily" и "Our Mary" находились в навигации с 1888 по 1894 гг. Очевидно им на смену пришли в 1895 г. сразу три катера: "Highland Beach", "Shrewsbury" и "Navesink". Первое судно находилось в эксплуатации до 1900 г., а остальные – лишь в кампании 1895 г., по окончании которой, как известно, их продали Испании.

Третье судно, указанное как проданное Испании "Leon Abbett", находилось в навигации с 1891 по 1905 г.

Относительно "Leon Abbett" возможны два объяснения: или судно Испании так и не продали, например, из-за отбраковки по причине более преклонного возраста (в навигации с 1891 г.), или в 1896 г. начало навигацию второе судно с таким именем. Обе версии нуждаются в дальнейшей проверке, а пока наибольший интерес представляют начавшие навигацию в 1895 г. "Shrewsbury" и "Navesink", судя по установленному выше соответствию, переименованные дарителями в "General Laborde" и "General Tacón".

"Mensajera" и "Competidor" на рейде Гаваны (фрагмент гравюры П. Каулы) [16]

В этой связи интересно выяснить, а были ли среди испанских мобилизованных канонерок однотипные? Данное предположение вполне подтверждается. Работа А. Анки [1] указывает только на одну пару – "Intrépida" и "Mensajera", имевшую водоизмещение по 17 т. Справочник "Estado General de Armada" за 1898 г. [14] дополняет эту информацию. "Intrépida" (номер 106, международный идентификатор GRLS) спущена на воду 1895, материал корпуса – дерево, длина 20 м, ширина 3,8 м, высота борта 1,3 м, осадка 1 м, 1 винт, скорость 9,7 уз, запас угля 3,5 т., экипаж 16 человек, вооружение 1 14-мм митральеза Норденфельда. "Mensajera" (номер 179, международный идентификатор GRTJ) спущена на воду 1895, материал корпуса – дерево, длина 20 м, ширина 3,8 м, высота борта 1,25 м, осадка 1 м, 1 винт, скорость 10 уз, запас угля 3,5 т., экипаж 15 человек, вооружение 1 25-мм револьверная пушка. В табели комплектации обоих катеров числятся по командиру в звании мичмана, старпому – механику, помощнику механика, боцману. Сверх того в экипаже "Intrépida" числится комендор. Данные у обоих катеров практически идентичные, за исключением высоты борта, скорости и экипажа. Впрочем, это не является кардинальным отличием. Кубинский историк М. Галвес Агилера, описывая карьеру "Intrépida", прямо называет, что "Mensajera" по отношению к ней "homóloga" – двойник, близнец [15].

А поскольку "Mensajera" во время войны с инсургентами отличилась захватом шхуны "Competidor", в литературе широко распространена гравюра "Mensajera" с "Competidor" в Гаване, вероятно впервые воспроизведенная в журнале "La Ilustracion Española y Americana" [16]. Судя по внешнему виду (см. рисунок), "Mensajera" действительно представляет собой "речной трамвайчик".

Завершая исследование о канонерских лодках "Intrépida" и "Mensajera" есть смысл вкратце упомянуть их дальнейшую судьбу. "Mensajera" вошла в состав сил Батабано. Во время испано-американской войны перешла в Гавану, где разоружена и продана частным лицам. В соответствии с информацией А. Анки [1], "Mensajera" исключена из списков флота 21 июня 1898 г. Вероятно, что в

дальнейшем ее использовали по прямому назначению для перевозки пассажиров в окрестностях Гаваны.

"Intrépida" вошла в состав сил Сагуа. Во время испано-американской войны находилась в Кайбарьене, где, по-видимому, оставлена личным составом. Использовалась для нужд американской администрации, а в 1902 г. передана в состав береговой службы Кубы. Переименована в "Antonio Maseo", находилась в составе флота Кубы до конца Первой мировой войны. Так, справочник Джейна за 1919 г. [17] указывает следующие данные относительно "Antonio Maseo": год постройки 1896 г., корпус деревянный, водоизмещение 35 т., длина 22,87 м (75 футов), ширина 3,05 м (10 футов), осадка 1,68 м (5,5 футов), вооружение 1 1-фунтовое орудие, скорость 10 уз., запас угля 8 т.

Вопрос о водоизмещении канонерской лодки требует комментариев. Действительно, 35 т. по Джейну [17], или 17 т. по Анке [1] – разница в два раза. В справочнике "El buque en la armada española" [18] называется третья цифра – водоизмещение "Intrépida" 25 т., а "Mensajera" 30 т.

Вообще, для 20-метрового судна 17-тонное водоизмещение явно маловато. Но поскольку А. Анка, как было сказано выше, довольно скрупулезно всю информацию сверял с архивными источниками, можно предположить, что это может быть водоизмещением пустого корпуса. Цифра в 17 т. вполне могла попасть в архивные фонды, например при выборе мощности портового крана во время разгрузки парохода "Argandrose" в Гаване, или погрузке в Нью-Йорке. Если добавить к этой цифре 3,5-тонный запас угля, расходные материалы массу экипажа и т.д., то водоизмещение как раз и приблизится к цифре 25 т., как упоминает справочник "El buque en la armada española" [18].

Причины большего водоизмещения "Mensajera" при тех же размерах корпуса не понятны. Однако, поскольку информация в справочниках подобного рода обычно синтетическая, т.е. взята из разных источников, вполне вероятно, что цифры в 25 и 30 т. получены с разными весовыми нагрузками, например, в одном случае стандартное водоизмещение, в другом – полное. Также подобное расхождение может быть связано, например, с различной архитектурой надстроек, разной пассажироместимостью и т.д. даже, например, с разными запасами угля (поскольку "Mensajera" оперировала в более удаленных районах от Гаваны, чем "Intrépida"). В связи с этим возникает еще одна гипотеза. Как пишет справочник Джейна [17], запасы угля у "Antonio Maseo" увеличены до 8 т. (дополнительные 4,5 т. угля видятся вполне логичными для увеличения автономности катера). Однако если брать за основу данные "El buque en la armada española" [18], водоизмещение "Intrépida" увеличивается до 30 т., а "Mensajera" до 35 т. Поэтому возникает законный вопрос, а не перепутали ли кубинские источники "Intrépida" с "Mensajera"? Дополнительный довод за эту гипотезу видится в составе вооружения – 25-мм револьверная пушка "Mensajera" намного более напоминает 1-фунтовую пушку по Джейну, нежели 14-мм митральезу у "Intrépida". Как известно, испанцы испытывали дефицит артиллерии, скорее всего орудийные запасы независимой Кубы даже с учетом американской помощи не намного их превосходили. А поскольку кубинцы с 1898 по 1918 гг. толком не воевали, "антикварная" 25-мм револьверная пушка вполне могла эксплуатироваться столь долгий срок.

Заключение

На основе проведенного анализа данных испанской и американской периодической печати, сделано предположение, что проданные США в 1895 г. нью-йоркские "речные трамвайчики" "Shrewsbury" и "Navesink" стали испанскими канонерскими лодками "Intrépida" и "Mensajera". Вероятно, во время сделки они могли временно иметь наименования "General Laborde" и "General Tascón". "Intrépida" стала одним из первых кораблей молодого флота Кубинской республики "Antonio Maseo". На основе анализа данных военно-морских справочников сделано предположение, что вероятно этим кораблем была не "Intrépida", а однотипная "Mensajera".

References:

1. Anca A. Buques de la Armada Española del siglo XIX. La marina del sexenio y de la restauración (1868–1900). Madrid: Ministerio de Defensa, Museo Naval, 2009. 156 p.
2. Anca A. "Urania", "Encarnita", "Javier Quiroga" y "Giralda", cuarto generosas donaciones de buques a la armada // Revista General de Marina. 1998. T. 234. № 4 (mayo). P. 455–462.
3. Figueredo A.E. Antiguos cañoneros españoles al servicio de Cuba // Marina de Cuba. URL: <http://www.histarmar.com.ar/ArmadasExtranjeras/Cuba>.
4. La Iberia. 1895. 1 de septiembre. P. 2.
5. El Correo Militar. 1895. 2 de septiembre. P. 2.
6. La Epoca. 1895. 1 de septiembre. P. 2.
7. The New York Times. 1895. August, 7.
8. Red bank register. 1895. August 7.
9. King J.P. Highlands: New Jersey. Charleston: Arcadia Publishing, 2001. 160 p.
10. Springate M.E. Steamboats of Monmouth County. Lecture Presented at the Atlantic Highlands Historical Association, Atlantic Highlands, NJ. November 19, 2003. URL: http://www.academia.edu/1657746/Steamboats_of_Monmouth_County_New_Jersey.
11. Anca Alamillo A., Mitiukov N.W. The Gunboat 'Delgado Pareho': Creation and Battle Path // Bylye gody. 2014. № 3. P. 392–398.

12. Mitiukov N.W., Anca Alamillo A. El historial de la lancha canonera Delgado Parejo // Revista general de marina. 2014. Vol. 266. № 1 (Enero-Febrero). P. 11–18.
13. Howson J. An Illustrated History of Travel & Transportation at Highlands and Highland Beach. New Jersey: RBA Group, 2010. 162 p.
14. Estado General de Armada para el año de 1898. Madrid: Impresa del Ministerio de Madrid, 1898. Tomo 1. 426 p.
15. Gálvez Aguilera M. La Marina de Guerra en Cuba (1909–1958). Primera Parte. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2007. 333 p.
16. Apresamiento de la goleta pirata "Competitor" // La Ilustracion Española y Americana. 1896. № XX. 30 de Mayo. P. 315, 325.
17. Jane's Fighting Ships, 1919. (Reprinted). New York: Arco Publishing Company Inc., 1969. 634 p.
18. Manera Regueyra E. y otr. El buque en la armada española. Madrid: Silex ediciones, 1981. 504 p.

УДК 94(460).085

Нью-Йоркские "речные трамвайчики" – канонерские лодки "Intrépida" и "Mensajera"

Николай Витальевич Митюков

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Доктор технических наук

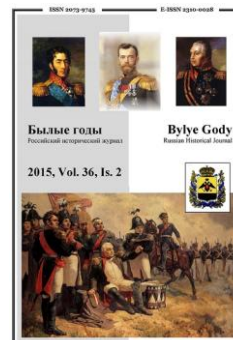
Аннотация. В 1895 г. с началом инсургенции на Кубе, испанцы приобрели в США серию гражданских судов и катеров. К сожалению, судьба этих многочисленных единиц до момента покупки и после окончания испано-американской войны 1898 г. в испанской литературе практически не рассматривается. На основе проведенного анализа данных испанской и американской периодической печати, сделано предположение, что проданные США в 1895 г. нью-йоркские "речные трамвайчики" "Shrewsbury" и "Navesink" стали испанскими канонерскими лодками "Intrépida" и "Mensajera". Вероятно, во время сделки они могли иметь временные наименования "General Laborde" и "General Tascón". Оба катера активно использовались в блокадных действиях против инсургентов в 1896–97 гг. и после испано-американской войны выведены из состава испанского флота. При этом "Intrépida" стала одним из первых кораблей молодого флота Кубинской республики "Antonio Maseo". На основе анализа данных военно-морских справочников сделано предположение, что вероятно этим кораблем была не "Intrépida", а однотипная "Mensajera".

Ключевые слова: Испания, история, военно-морская политика, Куба, инсургенция, испано-американская война.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 36, Is. 2, pp. 309-318, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Russia's Regional Governance at the Change of Epochs: Administrative Reform Drafts in the Late 19th-Early 20th Centuries

¹Sergey V. Lyubichankovskiy
²Igor A. Tropov

¹Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation
460014, Orenburg, Sovetskaya st, 19
Dr (History), Professor, Head of the Department of Russian History
E-mail: svlubich@yandex.ru

²Pushkin Leningrad State University, Russian Federation
196605, Saint-Petersburg, Pushkin, Peterburgskoye Highway, 10
Dr (History), Professor, the Department of History
E-mail: itropov@yandex.ru

Abstract

This article addresses the long and complex process of Russia's government working out draft reforms aimed at transforming the country's regional governance system in the late 19th-early 20th centuries. Aware of the unsatisfactory state of affairs in the area of the organization and operation of the governorate administration, the supreme state authorities initiated the development of relevant reform, looking to not only engage representatives of the local bureaucratic elite in the process but take account of public opinion in respect of the principles of the set-up and activity of the regional administration. This article demonstrates that drafts developed during the late imperial period, which persistently sought to promote the idea of strengthening the governor's authority and uniting the major governorate collegia into a single institution, fell short of being realized. This circumstance had a negative effect on the operation of the governor's authority, which was clearly manifested in the extremely hard conditions of the February Revolution of 1917. The weakness of governorate rulers in combination with widespread "anti-governor" sentiment locally, expressed in the form of mass arrests of functionaries by the uprisen people, forced the Provisional Government to fully renounce the existing regional governance system by revoking the governor posts and handing authority over to the chairmen of the county councils.

Keywords: regional government; administrative power; projects of reforms; governors.

Введение

Конец XIX – начало XX вв. стали временем тяжелейших испытаний для всей системы государственного управления Российской империи, переживавшей глубокий кризис, который носил системный характер. Одной из его составляющих был кризис регионального государственного управления, прежде всего, и в наибольшей степени, коснувшийся губернской администрации.

Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена, прежде всего, той ролью, которую играли органы регионального управления в обеспечении устойчивого и эффективного функционирования всей политической системы Российской империи конца XIX – начала XX вв., в решении тех насущных задач в хозяйственной, социокультурной, бытовой и иных сферах жизни общества, от состояния которых во многом зависел уровень общественных настроений, являющийся, как показано в новейших исторических публикациях, важнейшим «нематериальным» фактором политической стабильности в обществе [1]. Исследование проблем функционирования губернской административной системы, а также дискуссий в высших правительственных кругах и среди региональной бюрократии по вопросу о путях реформирования данной системы, раскрывает перед научным сообществом новые возможности для углубленного и объективного анализа основных

тенденций и характерных черт развития российской государственности в позднеимперский период ее существования, позволяет охарактеризовать внутренний потенциал системы государственного управления, ее способность к самообновлению и к преодолению дискретности в процессе ее функционирования.

Кроме того, актуальность исследования обусловлена теми реалиями, в которых функционируют региональные органы государственной власти в современной России. Возложенный на них значительный объем административных задач при наличии серьезной напряженности в ресурсном обеспечении их исполнения, побуждает к самому внимательному отношению к историческому опыту, к учету особенностей функционирования административной системы, а также путей и способов ее реформирования.

Материалы и методы

Специфика исследуемой проблемы, сердцевиной которой является исследование опыта правительственного реформизма в сфере регионального административного управления в позднеимперской России, потребовала обращения к широкому кругу источников. Прежде всего, это законодательные акты, закреплявшие структуру и функции региональной власти в Российской империи. В исследуемый нами период положение и деятельность регионального аппарата государственной власти России определялись нормами, зафиксированными в «Своде законов Российской империи» [2]. Кроме того, анализ процесса обновления действовавшего законодательства, происходившего на протяжении исследуемого периода, позволяет доказательно говорить о том, какова была результативность усилий правящих верхов по реформированию «правительственной губернии», то есть позволяет выявить, что и в какой мере из разрабатываемых проектов было воплощено (хотя бы на формально-правовом уровне) в жизнь.

Ценным источником для характеристики внутренней политики царского правительства по реформированию системы регионального управления являются делопроизводственные документы. Значительная часть этих материалов сохранилась в фондах центральных и местных учреждений, хранящихся в различных архивохранилищах страны (Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном историческом архиве, Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Государственном архиве Кировской области и пр.), и до сих пор в большинстве своем не опубликована. Обращение к таким делопроизводственным материалам, как циркуляры Министерства внутренних дел (МВД), журналы заседаний разного рода совещаний и комиссий, переписка между государственными учреждениями и пр., – позволили выявить и охарактеризовать различные подходы представителей высших, центральных и местных органов власти к решению проблемы реформирования системы регионального управления в России.

И, наконец, большое значение для исследования реформаторских инициатив правительства сыграли источники личного происхождения (например, воспоминания товарища министра внутренних дел, затем государственного секретаря С.Е. Крыжановского, товарища министра внутренних дел С.Д. Урусова, управляющего делами Временного правительства В.Д. Набокова и др.). В этих материалах содержатся субъективные, а потому совершенно уникальные, оценки состояния региональной власти и тех перипетий, которые были связаны с попытками ее реформирования. В комплексе с другими материалами, воспоминания выступают как весьма ценный источник, не только характеризующий механизмы разработки и принятия решений по различным вопросам государственной политики в сфере регионального управления, но и позволяющий оценить роль отдельной личности в истории российского реформаторства.

Методология исследования базируется на принципах развития, взаимной связи, историзма, объективности, системности. Поставленные задачи продиктовали выбор основного метода исследования – структурно-функционального анализа. Метод признает за системой не только функции, но и дисфункции, что позволяет сосредоточиться на том накоплении деформаций и напряженности, которое и обуславливает движение системы в поисках нового равновесного состояния. В исследовании данный метод применен для решения двух крупных взаимосвязанных научных проблем: выяснения особенностей организации местного уровня власти в досоветской России и характерных черт правительственной политики по реформированию регионального управления в конце XIX – начале XX вв.

Структурно-функциональный анализ создал предпосылки для использования историко-генетического метода. Он реализован путем последовательного раскрытия изменений в содержании проектов губернской реформы. Являясь по сути аналитически-индуктивным, по форме выражения метод является описательным.

Широко использован историко-сравнительный метод. Основные параметры проектов реформ губернских администраций систематически подвергались сопоставлению: по периодам до и после Первой русской революции, до и после свержения самодержавия.

Историко-типологический метод использован для выявления общего в пространственно-единичном (объединяющих параметров всех рассмотренных проектов реформ) и стадийно-

однородного в непрерывно-временном (основных этапов в развитии процесса проектирования новой губернской реформы).

Обсуждение

За многие десятилетия в отечественной историографии был накоплен немалый опыт в осмыслении истории региональной власти в Российской империи конца XIX – начала XX вв. [подробнее см: 3]. В 1960-х – 1980-х гг. отечественными учеными плодотворно разрабатывались вопросы, связанные с определением места губернаторов и некоторых других представителей региональной администрации в системе российской самодержавной власти, их компетенции и принципов ротации, особенностей взаимодействия губернской администрации с органами земского самоуправления и др. [4; 5; 6; 7].

В современной историографии проблемы устройства и деятельности региональной администрации по-прежнему обращают на себя пристальное внимание историков. Уточняется принятый в науке терминологический аппарат, в частности, содержание понятия «губернаторская власть» [8, с. 51; 9]. В значительно большей степени, чем раньше, изучается «личная история» губернаторов и других представителей бюрократической элиты [10; 11], раскрываются особенности функционирования административной системы России на разных исторических этапах [12], предпринимаются попытки оценить эффективность деятельности региональных властей [13], состояние которых оценивается чаще всего как «кризисное» [14; 15] или «архаичное», не приспособленное «к новым требованиям, выдвигаемым процессом модернизации» [16].

Вместе с тем, история реформирования региональной системы как самостоятельная научная проблема до сих пор не была в центре внимания ученых. Ее отдельные аспекты рассматривались в общих трудах по истории поздней имперской России [17, с. 406–409, 423–432] и в монографиях, посвященных взаимоотношениям центральной власти и «начальников» одной или нескольких определенных губерний [18].

Обсуждение достигнутых научным сообществом результатов показывает, что в настоящее время время происходит интенсивный процесс накопления фактического материала, позволяющего охарактеризовать различные стороны функционирования российской региональной власти, в том числе, с учетом специфики ее взаимодействия с правительственным «центром» в конце XIX – начале XX вв. Настоящая статья заполняет имеющуюся в историографии лакуну и одновременно расширяет научные возможности дальнейшего исследования эффективности функционирования региональной системы управления в поздней имперской России.

Результаты

Необходимость преобразования системы регионального управления с целью придания ей, по словам министра внутренних дел Н.П. Игнатьева, надлежащих «крепости и влияния» [19, с. 489], была осознана столичными властями еще в первые пореформенные десятилетия. Гибель императора Александра II 1 марта 1881 г. не только не приостановила, а, напротив, ускорила оформление «Кахановской комиссии», цель которой заключалась в составлении проектов преобразования местного управления. Впрочем, подготовленный ею проект создания особого, подчиненного Сенату, «присутствия губернского управления», объединявшего под началом губернатора «правительственные» и «общественные» (земские) органы [20, с. 240], равно как и предложения по реформированию других элементов системы местного управления не нашли поддержки у губернаторов и министра внутренних дел Д.А. Толстого. В результате, весной 1885 г. комиссия во главе с М.С. Кахановым была распущена, а ее делопроизводство было сдано в архив [21, с. 101].

Впрочем, и в последующие годы правительство отдавало себе отчет в неудовлетворительном состоянии дел в сфере регионального управления [22], свидетельством чему явилась серия проектов губернской реформы, разработанных в поздней имперский период в правительствах Николая II.

Своеобразной площадкой для проведения эксперимента по совершенствованию системы регионального управления и поиску оптимальных форм ее взаимоотношений с центральной властью, стал обширный Сибирский край [23]. В 1895 г. Государственный совет одобрил предложение МВД об объединении на территории Сибири основных коллегиальных органов губернского уровня «в одно высшее в губернии присутственное место, под председательством Губернатора», которое получило название «Губернское Управление» [24]. Соответствующее мнение Государственного совета было утверждено императором 1 июня 1895 г. и получило силу закона. В этом документе, кроме перечисления конкретных мероприятий в сфере переустройства административного управления четырьмя сибирскими губерниями, указывалось также на то, что данная реформа «обещает получить значение не только местное для Сибирского края, но и общее для центральной России». Этот вопрос характеризовался как «обширный и важный», имевший «первостепенное значение в смысле упорядочения администрации во внутренних губерниях России» [25, ст. 815].

Такая установка побудила к действиям министра внутренних дел И.Л. Горемыкина. Возглавляемое им ведомство на протяжении двух с половиной лет изучало опыт восточной части страны, а 12 февраля 1898 г. в специальном циркуляре губернаторам объявило о разработке аналогичной губернской реформы применительно к территории центральной России [26]. Министр

запрашивал у начальников губерний их «личные... соображения» по проблеме, специально оговорив при этом, что губернаторы не должны быть «стеснены проектируемым (в циркуляре – С.Л., И.Т.) планом... реформы, имеющим значение только программы для облегчения рассмотрения дела на местах» [27]. Эти заключения предполагалось использовать при создании первоначального проекта переустройства местного управления в департаменте общих дел. Затем проект должен был поступить в особую комиссию при МВД. Итоговый вариант планировалось направить на заключение иных ведомств, а уже потом внести в Государственный совет в законодательном порядке [28].

Механизм выработки губернской реформы предусматривал последовательное прохождение нескольких стадий. В течение 1898–1900 гг. была реализована первая из них – сбор мнений губернаторов. Вторая стадия, связанная с деятельностью департамента общих дел МВД, была пройдена к 1903 г. 30 января 1903 г. последовало императорское распоряжение о переносе обсуждения проекта реформы в Комиссию по преобразованию губернского управления под председательством министра внутренних дел В.К. Плеве [29]. На этой третьей стадии МВД циркулярным письмом от 15 июля 1903 г. вновь запросило у губернаторов отзывы на «журнал занятий» комиссии. И опять подчеркивалось, что присланные материалы «должны служить только программой при обсуждении вопроса о губернской реформе, и затем от Вашего Превосходительства будет зависеть дополнить их теми соображениями, которые Вы признали бы, согласно условиям местной жизни и указаниям Вашего опыта, необходимыми для успешного выполнения поставленной задачи» [30]. Сбор соответствующих заключений с мест продолжался до 1 октября 1903 г. Уже к 1904 г. итоговый проект в недрах МВД был создан, стал известен общественности и вызвал массу критических замечаний [31], в том числе, в связи с неточностью «определений губернской должности», являющейся следствием «неопределенности ее функций» [32, с. 41]. Понятно, что такой проект был, в конечном итоге, положен «под сукно».

Итак, период с 1895 по 1904 гг. следует рассматривать как целостный этап в развитии российской государственности, характеризующийся активной проработкой вопроса о реформе местного административного управления центральной России.

Дальнейшее развитие событий показало, что этот процесс не прервала, не отодвинула на задний план и последовавшая Первая русская революция. Уже в 1905 г. в Санкт-Петербурге было возобновлено обсуждение данного вопроса. В МВД была учреждена соответствующая комиссия под председательством товарища министра С.Д. Урусова. На сегодняшний день она представляет собой своего рода «белое пятно» в истории России начала XX века. Поэтому остановимся на ней подробнее.

Пожалуй, одним из немногих источников, позволяющим реконструировать ее деятельность, являются воспоминания самого князя С.Д. Урусова, точнее говоря, их неопубликованная часть, хранящаяся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Мемуарист свидетельствовал, что, вступая в конце октября 1905 г. в должность товарища министра, он «имел основание полагать, что... придется... заняться проектом реформы нашего местного управления» [33]. Не дождавшись соответствующего распоряжения со стороны своего непосредственного начальника, в ноябре 1905 г. он сам представил свои соображения по данной проблеме министру П.Н. Дурново. Последний согласился на образование соответствующей комиссии под председательством С.Д. Урусова, но, как свидетельствовал товарищ министра, «тон его... указывал как будто на то, что он считает уместным провести предлагаемую демонстрацию, но мало интересуется существом дела и не придает ему практического значения» [34].

В состав комиссии вошли, кроме С.Д. Урусова (председатель), бывший директор департамента полиции А.А. Лопухин, начальник главного управления по делам местного хозяйства С.Н. Гербель, заведующий земским отделом В.И. Гурко и его помощник И.М. Страховский, а также бывший профессор Демидовского юридического лицея и доверенное лицо Б.В. Штюмерера И.Я. Гурлянд. Несмотря на различия в убеждениях, члены комиссии, «приняв за отправной пункт Манифест 17 Октября, ...почти автоматически подвигались по пути расширения круга деятельности местного самоуправления, ограничения произвола административной власти, создания гарантий, обеспечивающих правовой порядок, уничтожения сословных преимуществ и т.п.» [35].

По свидетельству председательствующего, комиссия работала достаточно оперативно. Итоговый документ планировалось создать к 15 марта 1906 г. Однако уже в декабре 1905 г. П.Н. Дурново распорядился представить ему промежуточный отчет, после рассмотрения которого он распорядился «работу Комиссии прекратить» [36]. Сам С.Д. Урусов, выражая сожаление по этому поводу, объяснял позицию начальства так: «Я слышал впоследствии, что министр нашел наш проект слишком демократическим и похожим более на резолюцию земского съезда, нежели на работу, вышедшую из недр министерства» [37].

В 1907–1911 гг. по инициативе П.А. Столыпина произошел возврат к обсуждению данной проблемы [38, с. 734–735]. Оно проходило на этот раз на базе Совета по делам местного хозяйства при МВД [39]. Ряд положений нового законопроекта, согласно которым губернатор определялся не как представитель верховной власти в лице монарха, а в качестве главного в губернии представителя «высшего правительства», вызвали резкое неприятие многих участников заседаний упомянутого выше Совета [40]. В этой новой – министерской – формулировке губернаторы усматривали не столько влияние принятых в 1906 г. Основных государственных законов, трансформировавших

власть короны, сколько унижительную для себя попытку подчинить «начальников губерний» Совету министров, а фактически – главе МВД. Кроме того, проект преобразования губернского управления не был согласован с другими заинтересованными лицами, помимо губернаторов, а также с ведомствами и с общественными организациями (например, он вызвал пристальное и, в ряде случаев, резко отрицательное отношение Совета объединенного дворянства [41; 42, с. 274–302]). Очевидно, что в таких условиях проект не мог быть реализован. Н. Вейсман оценил провал столыпинского варианта местной реформы как критическую для Российского государства ситуацию, закрывшую возможность объединить различные социальные группы и правительственные органы через сотрудничество в решении местных дел, и существенно способствующую наступлению кризиса 1917 г. [43, с. 228]. Работа над проектом губернского положения так и не была завершена.

Следующие шаги в том же направлении были предприняты уже в годы Первой мировой войны, когда осенью 1916 г. новый председатель Совета министров Б.В. Штюрмер провел соответствующее совещание с губернаторами [44]. На нем начальниками губерний было высказано убеждение в необходимости реформирования собственной должности и всей местной административной машины, приведены аргументы в пользу такого шага, однако этим все и закончилось [45].

Новый этап в реформировании системы регионального управления в России наступил в 1917 г., после падения самодержавия. Революционное движение в столице и в провинции в конце февраля – начале марта 1917 г. не только выявило недостатки так и не подвергшейся качественным преобразованиям губернской власти, но и фактически привело к ее разрушению. Бессистемные попытки задерживать почтовые отправления, препятствовать проникновению на места воззваний новых столичных органов (Временного комитета Государственной думы, Петроградского совета и Временного правительства) [46, с 17–18], а в ряде случаев – и открытое противодействие местным революционным силам [47], были довольно быстро свернуты по инициативе самих же губернаторов. Приняв отречения императора Николая II, а вслед за ним и Михаила, как свершившиеся факты, губернская администрация стала пытаться найти свое место в «новой» России. Одни, подобно курскому вице-губернатору Г.Б. Штюрмеру, уже 3 марта заявили о намерении «исполнять свои обязанности по управлению губерний» совместно с местными временными революционными комитетами [48], другие же, как, например, вятский губернатор Н.А. Руднев апеллировали непосредственно к Временному правительству, уточняя, «оставаться ли на посту или сдать должность» [49].

Обстановка на местах, сложившаяся в конце февраля – в первых числах марта 1917 г., заставила Временное правительство в самом срочном порядке определиться с направлением дальнейших преобразований в сфере регионального управления. 5 марта 1917 г., без какой-либо предварительной проработки и согласований, Временное правительство приняло решение о повсеместном смещении губернаторов и вице-губернаторов и о введении должностей правительственных комиссаров. В губерниях ими становились, согласно подписанной министром-председателем Г.Е. Львовым телеграмме, председатели губернских земских управ [50, с. 185]. За комиссарами, как отмечалось в телеграмме Львова, сохранялось «руководительство» работой губернских земских управ, им же подчинялось и губернское правление [51]. Из этого общего правила были и свои исключения: в некоторых случаях комиссарские должности получили либеральные депутаты Государственной думы и Государственного совета [52].

Данную реформу многие современники оценивали резко негативно, называя ее «необдуманной и легкомысленной импровизацией» или даже «одним из самых неудачных ... актов» правительства [53, с. 43–44]. В основе такой оценки лежало убеждение в том, что Временному правительству было бы выгоднее сохранить в целом лояльных новому режиму профессионалов, нежели заменять их консерваторами-цензовиками, избранными на основе недемократического по своей сути земского положения 1890 г.

Анализ общественно-политических настроений и действий населения в губернских городах убеждает в том, что в действительности никакого выбора в этом отношении у правительства Г.Е. Львова не существовало. «Власть... сметена по всей стране» [54, с. 91], «власти нет» [55, с. 8], – это был, пожалуй, главный рефрен в описаниях политической ситуации в регионах современниками. В нем нет совершенно никакого публицистического преувеличения – значительная часть губернаторов и вице-губернаторов в самом начале марта 1917 г. была арестована по инициативе местных революционных организаций [56, с. 77–79]. Резкое неприятие «рядовым» населением представителей дореволюционной политической элиты заблокировало все потенциально возможные пути сохранения губернаторов в обновленной административной системе страны.

Заключение

Таким образом, в позднеимперский период реформирование губернской администрации не было проведено, однако на протяжении большей части рассматриваемого периода шла активная, с участием местной управленческой элиты, работа по проектированию губернской реформы. Несмотря на разный состав разработчиков губернской реформы (от консерватора В.К. Плеве до либерала С.Д. Урусова), а также отличающийся исторический контекст работы соответствующих комиссий, обусловленный спецификой общественно-политической обстановки в стране, тем не менее, можно

говорить о принципиальном сходстве выработанных проектов. Все они основывались на признании полезности объединения основных губернских коллегий в единое учреждение и исходили из необходимости усиления личной власти губернатора. Вопрос о создании на губернском уровне какого-либо представительного органа с целью более адекватного восприятия администрацией общественных нужд не ставился. Можно предположить, что именно из-за неизменности основного подхода к предполагаемому реформированию ни один из разработанных проектов не дошел до этапа исполнения, встречая конструктивную критику со стороны общественности, сводившуюся к указанию на недостаточность предлагаемых мер для решения коренных проблем губернского устройства.

Не подвергаясь модернизации система региональной власти в России, не выдержала революционных испытаний, что отчетливо проявилось в неспособности губернской администрации «сохранить порядок» на вверенных территориях в решающие дни конца февраля – начала марта 1917 г. и в сравнительно быстром переходе большинства губернаторов и вице-губернаторов к полному признанию Временного правительства и местных революционных организаций. Если на рубеже столетий инициатива в реформировании регионального управления, едва проявляясь, выпадала из рук правительственной власти, затухала, не оставляя практических результатов, то весной 1917 г. Временное правительство было, напротив, поставлено в условия, когда промедление с данной реформой грозило ростом анархии на местах и крушением всех завоеваний Февраля. Политическая активизация студентов, солдат, рабочих и других демократических групп при резком неприятии ими представителей «старого режима» привело Временное правительство к осуществлению, пожалуй, одной из самых радикальных реформ за весь предшествовавший период – к полной ликвидации института губернской власти в России.

Примечания:

1. Веремченко В.А. На перекрестке повседневности и общественного сознания (о нематериальных факторах социальных движений XIX–XX вв.) // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. С. 17–22.
2. Свод законов Российской империи. Т. II. Свод губернских учреждений. СПб.: Гос. тип., 1913.
3. Тропов И.А. Проблемы функционирования губернаторской власти в России конца XIX – начала XX в. в современной отечественной историографии // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди. Сборник статей / отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб.: Лики России, 2013. С. 194–209.
4. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
5. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.
6. Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 г. // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 119–140.
7. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / авт.: Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов, В.С. Дякин, С.И. Потолов; отв. ред. В.С. Дякин. Л.: Наука, 1984. 664 с.
8. Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. 275 с.
9. Любичанковский С.В. Кризис системы местного управления в последнее десятилетие существования Российской империи // Отечественная история. 2003. № 1. С. 197–201.
10. Туманова А.С. Консерватор во власти: Губернатор Н.П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103–113.
11. Минаков А.С. Орловский губернатор П.В. Неклюдов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 1. С. 59–62.
12. Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. проф. Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2006. 645 с.
13. Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всероссийской научной конференции (г. Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 г.) / Под науч. ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2012. 520 с.
14. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара–Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.
15. Тропов И.А. Кризис местной правительственной власти в России весной – осенью 1917 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. 2. С. 178–181.
16. Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 453, [3] с.

17. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. 2-е изд. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. 733, [1] с.
18. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел: Издательский дом «Орлик», Издатель Александр Воробьев, 2011. 487 с.
19. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия в России на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
20. Христофоров И.А. «Камень преткновения»: проблема административных реформ последней четверти XIX – начала XX вв. // Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 220–258.
21. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Прометей, 2001. 357 с.
22. Любичанковский С.В. Ремонтируемая вертикаль // Родина. 2008. № 7. С. 76–80.
23. Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917): структура, компетенция, администрация. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 188 с.
24. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 43а. Д. 90. Л. 10б.
25. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1895 г. СПб., 1895.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 43а. Д. 90. Л. 1–1в.
27. ГАКО. Ф. 582. Оп. 43а. Д. 90. Л. 1б)об.–1в.
28. ГАКО. Ф. 582. Оп. 43а. Д. 90. Л. 1б)об.
29. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-9. Оп. 1. Д. 655. Л. 22.
30. ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 655. Л. 1.
31. Усиление губернаторской власти. Проект фон Плеве. С предисловием П. Струве и с приложением дела Орловского губернатора Неклюдова. Париж: «Освобождение», 1904. 138 с.
32. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1904. [2], 235, [4] с.
33. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 550. Карт. 2. Д. 4. Л. 16.
34. Там же. Л. 17–18.
35. Там же. Л. 18–19.
36. Хайлова Н.[Б]. От «образцового губернатора» до «образца советского работника»: судьба князя С.Д. Урусова // Историк и художник. 2004. № 1. С. 88–98.
37. НИОР РГБ. Ф. 550. Карт. 2. Д. 4. Л. 19.
38. П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. В 2-х томах. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2002. 764 с.
39. Доклад Совета [по делам местного хозяйства] по вопросу об изменении положения губернаторов согласно проекта Правительства о преобразовании общего учреждения губернского. СПб.: без изд., 1909. 28 с.
40. Куликов С.В. Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 64–81.
41. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 434. Оп. 1. Д. 145. Л. 107–107об.; Д. 147. Л. 42–42об., 289; Д. 149. Л. 34; Д. 150. Л. 1.
42. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3-х т. Т. 2. 1909–1912 гг. Кн. 1. 1909–1910 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 679 с.
43. Weissman N.B. Reform in Tsarist Russia. The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914. – Rutgers University Press. New Brunswick, New Jersey. 1981. 243 p.
44. ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.
45. Совецание губернаторов в 1916 году // Красный архив. Исторический журнал. Т. 33. М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 145–169.
46. Вопросы самоуправления. 1917. № 4.
47. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 145. Л. 3.
48. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 152. Оп. 4. Д. 168. Л. 41.
49. ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 4. Д. 168. Л. 18.
50. Драма российской истории: большевики и революция / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 448, [1] с.
51. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 8309. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.
52. Отъезд комиссаров // Биржевые новости. 1917. 14 марта. С. 3.
53. Набоков В.Д. Временное правительство: (Воспоминания). М.: Мир, 1924. 132 с.
54. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. Берлин: И.П. Ладыжников, 1920. 356 с.
55. Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1991. 255 с.

56. Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2011. 250 с.

References:

1. Veremenko V.A. At the intersection of daily occurrence and public consciousness (about non-material factors of social movements of the XIX-XX centuries)//Everyday life and public consciousness in Russia the XIX-XX centuries: materials of the international scientific conference on March 14-16, 2012 SPb.: LIE of A.S. Pushkin, 2012. P. 17–22.
2. Code of laws of the Russian Empire. T. II. Arch of provincial establishments. SPb.: State printing house, 1913.
3. Tropov I.A. Problems of functioning of the governor's power in Russia of the end XIX – the beginning of the XX century in a modern domestic historiography // The Russian history of the XIX–XX centuries: State and society. Events and people. Collection of articles. SPb.: Faces of Russia, 2013. P. 194–209.
4. Eroshkin N.P. Istoriya of public institutions of pre-revolutionary Russia. M.: The higher school, 1968. 368 p.
5. Zayonchkovsky P.A. The Russian autocracy at the end of the XIX century (Political reaction of the 80th – the beginning of the 90th years). M.: Thought, 1970. 444 p.
6. Zakharova L.G. Crisis of autocracy on the eve of revolution of 1905//history Questions. 1972. No. 8. P. 119-140.
7. Crisis of autocracy in Russia. 1895–1917. L.: Science, 1984. 664 p.
8. Lyubichankovsky S.V. Provincial board in system of the governor's power in the last decade of existence of the Russian Empire (on materials of the Urals). Yekaterinburg: Izdatelstovo of the Ural university, 2003. 275 p.
9. Lyubichankovsky S.V. Crisis of system of local management in the last decade of existence of the Russian Empire // National history. 2003. No. 1. P. 197-201.
10. Tumanova A.S. Konservator in power: Governor N. P. Muratov//National history. 2003. No. 3. P. 103–113.
11. Minakov A.S. Orlovsky governor P. V. Neklyudov//Scientific notes of the Oryol state university. 2011. "Humanitarian and Social Sciences" series. No. 1. P. 59–62.
12. Administrative reforms in Russia: history and present. M.: ROSSPEN, 2006. 645 p.
13. Regional government and a problem of efficiency of the power in Russia (XVIII – the beginning of the XXI centuries): the collection of articles of the All-Russian scientific conference (Orenburg, on October 30 – on November 2, 2012). Orenburg: JSC IPK Universitet, 2012. 520 p.
14. Lyubichankovsky S. V. Gubernskaya administration and a problem of crisis of the power in late imperial Russia (on materials of the Urals, 1892–1914). Samara-Orenburg: IPK Regional Public Institution Public Educational Institution, 2007. 750 p.
15. Tropov I.A. Crisis of the local government government in Russia in the spring – fall of 1917 // Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice. Tambov: Diploma, 2011. No. 4 (10). Part 2. P. 178–181.
16. Bogatyreva O. N. Evolution of system of local management in Vyatka and Perm provinces (1861 – February, 1917). Yekaterinburg: Publishing house Urals. un-that, 2004. 453, [3] p.
17. Power and reforms. From autocratic to the Soviet Russia. M.: OLMA-PRESS Ex-libris, 2006. 733, [1] p.
18. Minakov A.S. Gubernatorsky case and central power: a problem of relationship (on materials of provinces of the Chernozem center of the second half of XIX – the beginnings of the XX centuries). Eagle: Orlik publishing house, Publisher Alexander Vorobyov, 2011. 487 p.
19. Zayonchkovsky P. A. Crisis of autocracy in Russia at a boundary 1870 – the 1880th years. M.: Publishing house of the Moscow university, 1964. 511 p.
20. Hristoforov I.A. "Stumbling block": a problem of administrative reforms of the last quarter of XIX – the beginning of the XX centuries//Administrative reforms in Russia: history and present. M.: ROSSPEN, 2006. P. 220–258.
21. Lysenko L.M. Governors and governor generals of the Russian Empire (XVIII – the beginning of the XX century). M.: Prometheus, 2001. 357 p.
22. Lyubichankovsky S. V. The repaired vertical//the Homeland. 2008. No. 7. P. 76–80.
23. Palin A.V. Tomsk provincial management (1895-1917): structure, competence, administration. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. 188 p.
24. State Archive of the Kirov Region (SAKR). T. 582. Оп. 43а. 90. L. 10b.
25. Meeting of legalizations and orders of the government. 1895 of SPb., 1895.
26. GAKO. T. 582. Оп. 43а. 90. L. 1-1v.
27. GAKO. T. 582. Оп. 43а. 90. L. 1b) about. – 1v.
28. GAKO. T. 582. Оп. 43а. 90. L. 1b) about.
29. Central state historical archive of the Republic of Bashkortostan (TsGIA RB). T. I-9. Оп. 1. 655. L. 22.

30. TsGIA RB. T. I-9. Оп. 1. 655. L. 1.
31. Strengthening of the governor's power. Project Plehve's background. With the preface to P. Struva and with the appendix of business of the Oryol governor Neklyudov. Paris: "Release", 1904. 138 p.
32. Hesse V. M. Questions of local management. SPb.: Yurid. book skl. "Right", 1904. [2], 235, [4] p.
33. Research department of manuscripts of the Russian state library (NIOR RGB). T. 550. Cardboard 2. 4. L. 16.
34. In the same place. L. 17–18.
35. In the same place. L. 18–19.
36. Haylova N.[B]. From "the exemplary governor" to "a sample of the Soviet worker": destiny of the prince S. D. Urusov//Historian and artist. 2004. No. 1. P. 88–98.
37. NIOR RGB. T. 550. Cards. 2. 4. L. 19.
38. P. A. Stolypin. Program of reforms. Documents and materials. In 2 volumes. T. 1. M.: ROSSPEN, 2002. 764 p.
39. The report of Council [for local economy] on the issue of change of position of governors according to the project of the Government about transformation of the general establishment provincial. SPb.: without publishing house, 1909. 28 p.
40. S. V sandpipers. Alexey Hvostov's appointment as the managing director of the Ministry of Internal Affairs: background and mechanism//Petersburg historical magazine. 2014. No. 2. P. 64–81.
41. State Archive of the Russian Federation (SARF). T. 434. Оп. 1. 145. L. 107-107ob.; 147. L. 42-42ob., 289; 149. L. 34; 150. L. 1.
42. Integrated nobility. Congresses of authorized provincial noble societies. 1906-1916. T. 2. 1909-1912. Book 1. 1909-1910 M.: ROSSPEN, 2001. 679 p.
43. Weissman N.B. Reform in Tsarist Russia. The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914. Rutgers University Press. New Brunswick, New Jersey. 1981. 243 p.
44. GARF. T. 627. Оп. 1. 76. L. 2.
45. Meeting of governors in 1916 // Red archive. Historical magazine. T. 33. M.-L.: State. publishing house, 1929. P. 145-169.
46. Questions of self-government. 1917. No. 4.
47. GARF. T. 1788. Оп. 2. 145. L. 3.
48. Department of manuscripts of National Library of Russia (RNB SHOUTING). T. 152. Оп. 4. 168. L. 41.
49. RNB SHOUTING. T. 152. Оп. 4. 168. L. 18.
50. Drama of the Russian history: Bolsheviks and revolution. M.: New chronograph, 2002. 448, [1] p.
51. Central state archive of St. Petersburg (TsGA SPb.). T. 8309. Оп. 1. 23. L. 4.
52. Departure of commissioners//Exchange news. 1917. March 14. P. 3.
53. Nabokov V.D. Provisional government: (Memoirs). M.: World, 1924. 132 p.
54. Stankievich V. B. Memoirs. 1914–1919. Berlin: I.P. Ladyzhnikov, 1920. 356 p.
55. Kurlov P. G. Gibel of imperial Russia. M.: Contemporary, 1991. 255 p.
56. Tropov I.A. Revolution and province: Local government in Russia (February – October, 1917). SPb.: Publishing house "European House", 2011. 250 p.

УДК 94(47)

**Региональное управление России на изломе эпох:
проекты административных реформ конца XIX – начала XX вв.**

¹Сергей Валентинович Любичанковский

²Игорь Анатольевич Тропов

¹Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация
460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории
E-mail: svlubich@yandex.ru

²Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Российская Федерация
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории
E-mail: itropov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается длительный и сложный процесс выработки правительственной властью России проектов реформ, нацеленных на преобразование системы регионального управления в стране в конце XIX – начале XX вв. Осознавая неудовлетворительность состояния дел в сфере организации и функционирования губернской администрации, высшая государственная власть инициировала разработку соответствующей реформы, стремясь не только

привлечь к этому процессу представителей местной бюрократической элиты, но и учесть общественное мнение в отношении принципов устройства и деятельности региональной администрации. В данной статье показано, что выработываемые в позднеимперский период проекты, настойчиво проводившие мысль об усилении власти губернатора и об объединении основных губернских коллегий в единое учреждение, остались не реализованными. Данное обстоятельство негативно отразилось на функционировании губернаторской власти, что со всей очевидностью проявилось в сложнейших условиях Февральской революции 1917 г. Слабость правителей губерний в сочетании с широкими «антигубернаторскими» настроениями на местах, выразившимися в массовых арестах чиновников восставшим народом, заставили Временное правительство полностью отказаться от существовавшей системы регионального управления, упразднив должности губернаторов и передав власть в руки председателей земских управ.

Ключевые слова: региональное управление, административная власть, проекты реформ, губернаторы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

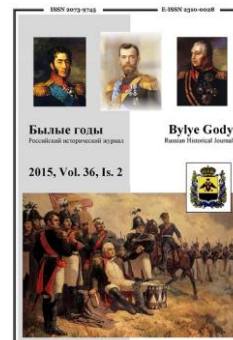
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 319-326, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94 100-87

The Making and Development of Economic Forms of the Industry of Turkestan Krai in the late 19th – Early 20th Centuries

¹Tulebaev Turganzhan

²Gulzhaukhar K. Kokebayeva

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

71, al-Farabi avenue, Almaty 050038

Dr. (History), Professor

E-mail: tur-07@mail.ru

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

71, al-Farabi avenue, Almaty 050038

Dr. (History), Professor

E-mail: kokebayeva@mail.ru

Abstract

The period of the late 20th and the early 21st centuries is characterized for many post-socialist countries by profound social/economic transformations. They are going through a tough transition from the implementation of market reform to the formation of a market economy oriented towards innovation development. The historical past of these countries attests that, in a sense, they have already been going through a similar process – back in the late 19th-early 20th centuries. The history of the industry of Turkestan Krai during that period is a vivid example of the process of the making and development of capitalist relations. This proves once again the relevance and timeliness of the study of the characteristics of the evolution of the region's industry and determination of its prevalent forms.

The author examines the initial forms of the region's industry. Only the penetration of commodity production on the capitalist basis and the resettlement of peasants, the settling down of Kazakhs on the land, the development of old and emergence of new towns and villages, and the construction of railroads would lay the foundation for social division of labor. This spurred the development of old and emergence of new sectors in the industry of Turkestan Krai. During the period under examination, the prevalent form of industry was petty commodity capitalist production. But the transition from craft production and its workshop form to capitalist petty commodity production in Turkestan Krai was a long and not always straightforward process.

The author investigates the issue of the making of the factory/plant form of industry. The emergence of particular factories and plants was a consequence of the wide development of Russian capitalism, a result of adopting Central Russia's accumulated experience in the way of applying production techniques and technology in Turkestan Krai. Based on the author's study of facts relating to industrial production in Turkestan Krai, the author comes to the conclusion that the region's development is characterized by a top-bottom line, which stands for capitalist, and a bottom-top line, which denotes ante-capitalist relations.

Keywords: Turkestan Krai; craft; workshops; petty commodity production; factories; plants; forms of industry.

Введение

Изучение истории развития промышленности Туркестанского края конца XIX – начала XX века – важная составная часть экономической истории стран Центральной Азии. Промышленность дореволюционного Туркестанского края появилась и развивалась в тесной связи с теми процессами, которые происходили в период капитализма в России. В экономическом развитии Туркестанского края наряду с общими, существовали и специфические, своеобразные черты, изучение которых расширяет представление о закономерностях проникновения и развития капитализма в условиях

сохранившихся патриархально-феодальных и феодальных пережитков и помогает глубже раскрыть роль окраин в формировании внутреннего рынка. Исследование и выявление экономических форм промышленности Туркестанского края играет особенно важную роль в изучении и определения соотношения зрелых и незрелых форм капитализма, уровень его развития и особенностей. Они также дают возможность проследить важнейшие экономические явления и процессы, составляющие генезис капитализма, с момента их возникновения и развития до перехода в более высокие формы. Результаты такого изучения – надежная база для последующих теоретических обобщений и успешного решения проблемы генезиса капитализма в целом. Изучение данного вопроса актуально еще и тем, что проливает свет на решение проблем, связанных со становлением и развитием рыночной экономики на современном этапе в республиках Средней Азии и Казахстана. Вышесказанное определило основную цель исследования – рассмотреть процесс возникновения и развития промышленности, определить ее преобладающую, широкораспространенную форму в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX века.

Материалы и методы

При изучении проблемы истории промышленности Туркестанского края мы, на основе традиционных и современных направлений методологии науки, руководствовались следующими теоретическими и методологическими положениями:

- а) о трех стадиях капитализма в промышленности, о закономерностях зарождения мелкотоварного производства от ремесла, превращения его в капиталистическую кооперацию или мануфактуру, а последней – в фабрику;
- б) о переходных формах производства, о диалектическом взаимопроникновении элементов, близких друг другу, в экономические формы стадии промышленного развития;
- в) о разнообразии формы соединения промышленности и земледелия;
- г) о неразрывной связи между товарным производством и капиталистическим сбытом, основных формах торгового капитала и ее превращении в промышленный;
- д) об экономической колонии, двух сторонах процесса образования рынка для капитализма и место в ней колониальной окраины;
- е) о запутанности форм эксплуатации и форм классовой борьбы в общественном строе капиталистической России, что обусловлено в значительной степени широко распространенными первичными стадиями капиталистической организации производства.

Основными источниками для написания работы являлись архивные документы, опубликованные статистические данные, а также материалы дореволюционной периодической печати.

Обсуждение

Вопросы истории промышленности Туркестана впервые поднимались на научной основе в монографиях историков-исследователей П.Г. Галузо, А.П. Демидова и В. Лаврентьева [1-3]. В работах Г. Есенгалиевой, Н.А. Ерофеева, П.М. Алампиева, Г. Чуланова, Е.Д. Дильмухамедова, М.Х. Асылбекова дается характеристика развития основных отраслей обрабатывающей промышленности [4-9].

В теоретическом плане большое значение имеют материалы дискуссии о генезисе капитализма и сборник статей об особенностях империализма в России [10]. Постановкой проблем и методикой исследования для нас важны работы В.К. Яцунского, П.Г. Рынзюнского, С.М. Макаровой, Г.А. Бочановой, Д.И. Копылова, Е.И. Соловьевой и др. [11-16] Появление в свет этих работ вызвало интерес к этой проблеме некоторых казахстанских историков. В начале 80-х годов были опубликованы статьи Ж.К. Касымбаева, С.К. Жакупбекова, С.К. Игибаева, М.У. Шалекенова [17-20]. Характерными для всех вышеназванных работ и их основным недостатком являлось то, что в них формы промышленности не выделялись.

Итог изучения истории промышленности подведен в фундаментальном историографическом труде Дулатовой Д.И., где автор пришел к верному убеждению о том, что "многие проблемы истории обрабатывающей промышленности еще предстоит изучить"[21]. Анализ историографии по теме исследования говорит о недостаточности изучения форм и стадии промышленности, технической и технологической базы отдельных отраслей и предприятий, влияния переселения, истории промышленного переворота. Актуальными также являются проблемы о генезисе капитализма в промышленности Туркестанского края, об особенностях его развития, об уровне развития фабрично-заводского производства, о преобладающей форме промышленности в дореволюционном Туркестане.

Первоначальные формы промышленности Туркестанского края. Социально-экономическое развитие и политическое положение Туркестанского края середины XIX века не дало возможность развитию форм промышленности далее чем цеховые организации ремесленного производства.

Завершение промышленного переворота в начале 80-х годов XIX века, сравнительно высокий темп развития капитализма, острота аграрного вопроса в центральной России, переселение крестьян, купцов, промышленников и др. в Туркестанский край, постепенное превращение скотоводства и земледелия из натурального в товарное хозяйство – вот основные причины, обусловившие появление

и дальнейшее развитие обрабатывающей промышленности. Особенности прохождения этого процесса в Туркестанском крае объясняется: во-первых, особенностями развития средневековых, существовавших только в этом регионе городов; во-вторых, совпадением во времени, завоевания региона с развитием капитализма в центре России, что было в тот период для империи сравнительно прогрессивным этапом социально-экономического развития.

Проникновение товарного производства на капиталистической основе и переселение крестьян, оседание казахов на землю, развитие старых и появление новых городов и селений, строительство железных дорог создавали основы общественного разделения труда. В силу чего появились и развивались новые отрасли ремесленного производства, как арканый, токарный, стекольный, лудильный, мыловаренный, шерстемойный, свечосальный, скотобойный, маслособойный, коновалов, кровельщиков, малярный, овчинношубный, бондарный, бочарный и др. Возникновение и развитие извозного промысла тоже связано с моментом усиленного заселения края, что в свою очередь повлияло на появление новых отраслей ремесла, как арбяной, тележный, колесных ободьев, дуг, оглобель.

Ремесленное производство местного населения во второй половине XIX – начале XX века получило свое дальнейшее развитие в их поселениях, образованных в результате процесса оседания кочевников. Социальный состав ремесленников не был однородным. Как и другие производители казахского аула, они делились на бедных, середняков и зажиточных.

В отличие от других районов Казахстана, в городах и селениях Сырдарьинской области сохранялись те формы экономической организации ремесленного производства, которые были присущи некоторым средневековым восточным странам, как Иран, среднеазиатские ханства [22-23]. Мастерские ремесленников – казахов сосредотачивались на городских и сельских базарах, где производили одновременно две операции – производство и торговли.

Для нас важное значение имеют источники о ремесленных цехах у оседлого местного населения Сырдарьинской области, что пока еще специально не изучалось на материалах Туркестана. Письменные, архивные источники не сообщают о наличии цехов и в других регионах Казахстана. Это объясняется, по нашему мнению, следующим: во-первых, присырдарьинские города (как Туркестан) сохраняли свои некоторые средневековые социально-экономические традиции; во-вторых, данный регион был близок к Средней Азии, где ремесленные центры располагали цеховыми организациями вплоть до победы Октябрьской революции [24, с.36]. В статье "Гончарные штампы с надписями XIX в. из Туркестана" Е.А. Смагулов и В.Н. Настич на примере двух хумов с оттисками штампа и концентрации гончарных печей, найденных во время археологических раскопок в г. Туркестане, попытались доказать существование гончарных цехов. По их мнению "в XIX в. г. Туркестан... располагал, как и все прочие ремесленные центры Средней Азии, цеховыми организациями» [25, с. 47]. Интересен факт в официальном документе, где говорится: "В последнее время туземцы-ремесленники обособили из среды своей плотничный и столярный цехи для исполнения работ, требуемых европейским населением города" [26, с. 42]. Но к концу XIX в. в Туркестанском крае развивались товарно-денежные отношения, торговля привозными и местными промышленными товарами. Это нарушило патриархальное благополучие мелкого промышленника, и они стали бояться конкуренции. Ремесленники – казахи были заинтересованы в сохранении своего монопольного положения. Чтобы остаться вне конкуренции, они примирились с ограниченными потребностями местных жителей, продавая им свои товары за невысокую плату. Из вышеизложенного вытекает следующий вывод: так называемые в «Обзорах Сырдарьинской области» "цехи" конца XIX века больше подходили к мелкому товаропроизводству, сохранившему в себе традиции цеховых организаций для укрепления своего обеспеченного положения. Это была скрытая, завуалированная, свойственная Туркестанскому краю, форма товарного производства; существовавшая в период расширения рынка, проникновения капиталистических отношений. Переход от домашней промышленности и ремесла к мелкотоварному производству в Туркестанском крае был длительным, противоречивым процессом, охватывающим вторую половину XIX – начало XX вв. Наряду с мелкотоварным производством существовали и другие формы промышленности, типа капиталистической кооперации и мануфактуры.

Вопросы возникновения фабрично-заводской промышленности. В предыдущей главе мы, рассматривая дофабричные формы обрабатывающей промышленности, убедились, что здесь преобладали мелкотоварные формы, а мануфактурного и фабрично-заводского периода в развитии промышленности Туркестанского края не было. Существовали отдельные предприятия, которые к этому приближались, но все еще не приобретали законченной, полной характеристики названных форм промышленности. К числу фабрик и заводов можно отнести только сантонинный, вино-водочные заводы и суконную фабрику.

В Туркестанском крае в начале XX века начался промышленный переворот в отдельных отраслях производства, прежде всего в силу перенесения готовых форм технического перевооружения из центральных районов России, где уже завершилась индустриальная революция. Возникновение и развитие фабрично-заводской промышленности в Туркестанском крае сдерживалось дальними расстояниями и плохими путями сообщения, высокой стоимостью оборудования, недостатком кредита, отсутствием собственного машиностроения, низкой конкурентоспособностью местных

изделий и узким рынком сбыта, ограниченностью топливной базы, гидроэнергетических ресурсов, не достатком капитала у местных предпринимателей, нехваткой кадров, специалистов и квалифицированных рабочих и др. Безусловно, многие из этих причин были связаны со своеобразием края: с сохранением патриархально – феодальных отношений, отсутствием мануфактурного периода, подготавливающего непосредственную техническую основу крупной промышленности, а так же колониальной политикой царского правительства, превращавшего край в аграрно-сырьевой придаток метрополии.

До конца XIX века в Туркестанском крае действовали только отдельные предприятия с паровой машиной и паровыми котлами: сантонинный и винокуренные заводы. Завершение промышленного переворота, господство крупных предприятий в конце XIX века в подавляющем большинстве отраслей Российской промышленности, складывание системы сбытовых монополитических объединений и финансового капитала, распространение новейших организационных форм капиталистического предпринимательства, установление более тесных деловых связей между зарубежными и российскими банками, а также втягивание последних в финансирование промышленности России в начале XX века существенно отразилось на промышленной эксплуатации (колонизация) национальных окраин. Предприятия с применением паровых машин на Юге Казахстана увеличились и относились теперь уже к разным отраслям производства.

Например, в 1909 году по сравнению с 1888 годом количество паровых двигателей увеличилось в 6 раз, мощность паровых двигателей – в 3 раза, сумма производства – в II раз, а число рабочих – в 5,4 раза [27, с.143].

В начале XX века фабрично-заводские предприятия появились и в других отраслях, как, например, линейная мастерская по ремонту подвижного состава Министерства путей сообщения на ст.Черняево, водочный завод в г. Аулиеате, лесопильный завод, основанный в 1908 году в урочище Большой Кебен Пишпекского уезда, паровая мельница на ст. Чийли и др. В книге Е. Варзара двигатели двух винокуренных и одного водочного заводов указаны как паровой и конный. А в книге Редакционного Комитета, состоящего из членов Совета съездов представителей промышленности и торговли, эти предприятия уже указаны как чисто паровые заводы и даже на Лепсинском винокуренном мощность двигателя увеличилась еще на 4 л.с.

Все это доказывает, что становление более крупной промышленности в Туркестанском крае не являлось результатом обыкновенного перенесения готовых форм из центра, а имело свой путь внедрения и эволюции. Особенностью процесса становления крупного производств является: во-первых, создание фабрично-заводских предприятий вне генетической связи с мануфактурой, в силу быстрой эволюции экономических форм промышленности в центре; во-вторых, перенесение на казахстанскую почву технических достижений и организационных форм фабрично-заводского производства, что значительно ускорило появление крупной промышленности, хотя осуществлялось очень медленно; в-третьих, уровень социально-экономического развития края еще не обеспечивал существование фабрик и заводов, задерживал их развитие.

В 1909 году на Юге Казахстана в вино-водочном производстве преобладала продукция заводов с применением парового двигателя и с числом рабочих более 55 человек, что означало завершение технического переворота и начало массовой перестройки предприятий в этой отрасли. Началось создание крупного производства с паровым двигателем и в других отраслях промышленности. В начале XX века на фабрично-заводских предприятиях были применены двигатели, работающие на керосине, нефти. Объем производства и количество рабочих на таких предприятиях было несколько больше, чем в заведениях двигателями с водяными и конными приводами.

Например, несмотря на то, что из действовавших в 1909 году в казахстанской части Сырдарьинской области 6 хлопкоочистительных заводов, только один работал с нефтяным двигателем, а из 11 мельниц (не считая паровых) тоже одна работала на керосине, этот хлопкоочистительный завод выпускал 37 % продукции всех предприятий отрасли, 9 мукомольная мельница 58 % продукции II мельниц. Если на простых хлопкоочистительных предприятиях в среднем работало по 12, а мельницах – по 3 человеке, то количество рабочих на хлопкоочистительном заводе с нефтяным двигателем было 22, на мельнице с керосиновым двигателем – 10 [28, с. 117].

Предприятия фабрично-заводского типа были размещены в основном в городах и на железнодорожных станциях Туркестанском крае.

Например, сантонинный – в г. Чимкенте, вино-водочные – в городах Верный, Лепсинск, Аулиеате, станице Софийская, на ст. Чийли и линейная мастерская по ремонту подвижного состава на ст.Черняева [29, с. 239]. Владельцами таких предприятие были в основном русские купцы и предприниматели. Из числа местных народов представителей крупной промышленности, буржуазии было очень мало. Относительно крупные промышленные предприятия положительно повлияли на развитие торгово-экономических отношений не только с соседними регионами, но и с Китаем, Центральной Россией, Западной Сибирью, Германией и др., а также на увеличение количества рабочих разных национальностей. Используя местные сырьевые ресурсы, вино-водочные, мукомольные производства дали толчок и к развитию земледелия.

Ввоз из центральной губернии, в основном, лесоматериалов, нефти, черных металлов, угля во Оренбургско-Ташкентской железной дороге способствовал появлению в Туркестанском крае более крупных предприятий и использованию нефтяных и паровых двигателей.

В начале XX века в Туркестанском крае в отдельных отраслях производства наблюдались монополистические тенденции. Например, объединения мукомольных заведений товарищества "Труд", "Первое Семиреченское», шерстомойных - "Наследники Лутманова", "Торговый дом братьев Асеевых", пивоваренных, вино-водочных "Наследники Иванова" и "Акционерное общества предохранения дерева" передвижные деревопропиточные заводы и др. [29, с. 234-239] Многие из них в основном объединились в целях сбыта продукции своих предприятий и были бессильными перед более развитыми капиталистическими отношениями центра. Основателями такого типа монополистических объединений были в основном торгово-ростовщический слой промышленной буржуазии, которые стремились к быстрейшему обогащению.

Мукомольной мельницей товарищества "Труд", находящейся в г. Перовске, в год было выпущено продукции на 25000 рублей. Шерстомойный завод торгового дома "Братья Асеевы" в станции Больше Алматинской производил продукцию в год на 313000 рублей [29, с. 892].

Монополистические объединения нуждались во все большем количестве сырья и были заинтересованы, чтобы колониальные окраины, в том числе и Туркестанский край, оставались, прежде всего, сырьевой базой, а уровень промышленного развития не поднимался более, чем на ступень первичной обработки сырья. Это показывают материалы протоколов Сырдарьинского и Семиреченского областных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (от 21 декабря 1902 г. по 27 января 1903 года), а также справка торгово-промышленного отдела "Совета съездов о положении и нуждах промышленности и торговли в Среднеазиатских владениях России" за 1911 год, где говорится о путях и способах развития только мелкой обрабатывающей, а не фабрично-заводской промышленности [30, л. 11-41]. Члены этих организаций, безусловно, знали о возможностях развития промышленности в этом регионе и, казалось бы, были заинтересованы в этом. Но они остались в плену колонизаторских планов и мыслей.

На очень низком уровне было обеспечение промышленных заведений Туркестана электроэнергией, что является одним из важных показателей качественного состояния промышленности и отражением общего уровня капиталистического развития.

Заключение

В середине XIX века в Туркестанском крае высшей формой промышленности были ремесленные цеха, существовавшие в отдельных отраслях. Период, охватываемый нашим исследованием, это время дальнейшего развития социально-экономических, политических отношений Туркестанского края в положении колонии, что сказывалось на исторических судьбах ее промышленности. Одна из особенностей процесса становления и развития промышленности Туркестанского края – развитие ее на капиталистической основе. Это было связано с тем, что экономическое освоение региона совпадало с периодом быстрого развития капиталистических отношений в России. Но процесс становления и развития экономических форм промышленности был сложным, противоречивым и длительным. Многоукладность хозяйства дореволюционной России сказалась на промышленном освоении Туркестанского края, где существовали не только ремесленное, мелкотоварное, типа кооперации, мануфактурные и фабрично-заводские формы обрабатывающей промышленности, но и промежуточные, незрелые типы этих форм производства. В Туркестанский край перенесли и отрицательные и прогрессивные стороны капитализма. Они существовали наряду с патриархальными и феодальными отношениями, постепенно проникая в них и разрушая их. Но так как экономическое завоевание Россией Туркестанского края не закончилось до 1917 года, капитализм не успел стать здесь господствующей социально-экономической структурой. Факты относящиеся к промышленному производству Туркестанского края, дают право утвердительно сказать, что его развитие характеризуется восходящей линией – капиталистических, нисходящей – докапиталистических отношений.

В исследуемый период доминирующей формой промышленности было мелкотоварное капиталистическое производство, которое существовало почти во всех отраслях промышленности. Но переход от ремесла и его цеховой формы к капиталистическому мелкотоварному производству Туркестанском крае был длительным, не всегда прямолинейным процессом.

Мануфактурная и фабрично-заводская формы промышленности Туркестанского края не успели выделиться как самостоятельные периоды экономического развития производства.

Примечания:

1. Галузо П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929. С. 162.
2. Демидов А.И. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М., 1926. С. 248.
3. Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). Л., Изд-во коммунистической академии, 1930. С.160.

4. Есенгалиева Г. Мелкие промыслы Семипалатинской области в конце XIX века и начале XX века // Известия АН Каз ССР. Серия истории. Вып. 3 (8). С. 27-29.
5. Ерофеев Н.А. Легкая промышленность Казахстана до Октябрьской революции и в первые годы Советской власти. // Уч. записки Каз ГУ, Серия экономич. 1958. Т.36. Вып.3; С. 207-209.
6. Алампиев П.М. Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности (Исторический опыт Казахской ССР). М., Наука, 1958. С. 297.
7. Чуланов Г. Промышленность дореволюционного Казахстана. А., «Наука», 1960. С. 147.
8. Дильмухамедов Е.Д. Обработывающая и горная промышленность в начале XX века. // Казахстан в канун Октября. Сб. статей. А., 1968. С. 97-117.
9. Асылбеков М.Х. К вопросу о влиянии железных дорог на экономику дореволюционного Казахстана. // Изв. АН КазССР. Серия обществ., 1964, № 1. С. 7-9.
10. Переход от феодализма к капитализму в России // Материалы Всесоюзной дискуссии. М., Мысль, 1969. С. 257.
11. Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. М., Наука, 1973. С.217.
12. Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. М., Наука, 1966. С. 200.
13. Макарова С.М. Бирма: развитие капитализма в промышленности. М., Наука, 1968. С. 287.
14. Бочанова Г.А. Обработывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, «Наука», 1978. С. 261.
15. Копылов Д.И. Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Свердловск, 1973. С. 277.
16. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, «Наука», 1981. С. 279.
17. Касымбаев Ж.К. Зарождение и развитие промышленности в городах Восточного Казахстана в XIX веке. // Известия АН Каз ССР. Серия общ. наук, 1981. № 6. С. 7-11.
18. Жакупбеков С. К. История легкой индустрии Казахстана. А., «Наука», 1984. С. 297.
19. Игибаев С.К. Из истории обрабатывающей промышленности в городах Казахстана. // Известия АН Каз ССР. Серия общ. наук, 1985, № 5. С. 9-11.
20. Шалекенов М.У. Развитие промышленности в городах Южного Казахстана после присоединения к России. // В кн.: Социально-экономические отношения в городе и деревне Казахстана. А., «Наука», 1988. С. 121-127.
21. Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). А., «Наука», 1984. С.175.
22. О генезисе капитализма в странах Востока (IV–XIX вв.). М., Наука, 1963. С.341.
23. Файзиева З. Кустарно-ремесленное производство в Туркестане во второй половине XIX – начале XX вв. // Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1978. С.12.
24. Пещерова Е.М. Из истории цеховых организаций в Средней Азии. // Краткие сообщения института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. М. Л., 1919. Вып. 11. С. 34-37.
25. Смагулов Е.А., Настич В.Н. Гончарные штампы с надписями XIX в. из Туркестана. // Известия АН Каз ССР. Серия обществ. наук. 1983. № 2. С.45-49.
26. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1893 г. Ташкент, Типо-литография Т.Д и Г бр. Каменские, 1897. С.42,
27. Свод данных о фабрично-заводской промышленности России за 1888 г. СПб., Изд. деп. торг. и мануф., 1891. С.142-143;
28. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Под. Ф.А. Шобер. Пг., Л.П. Кандаурова и сын, 1914. № 700, 2240-2243, 101-118, 99,
29. Список фабрик и заводов Российской империи. Под ред. В.З. Варзара. - СПб., Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. Ч.1. С.254; Ч.II. С.107, 234, 239.
30. РГВИА, ф.400, оп.1, Д.4993, лл.11-41.

References:

1. Galuzo P.G. Turkestan - colony (Essay on the history of the conquest of Turkestan by Russian before the 1917 revolution). М., 1929. P. 162.
2. Demidov A.I. Economic Essays on cotton, cotton trade and industry of Turkestan. М., Central Control. Publish-USSR Supreme Economic Council, 1926. P. 248.
3. Lavrentiev V. Capitalism in Turkestan (Bourgeois colonization of Central Asia). Leningrad, Publishing House of the Communist Academy, 1930. P. 160.
4. Esengalieva G. Small industries of Semipalatinsk region in the late nineteenth century and early twentieth century // Izvestiya, Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Historical Series. Vol., 3 (8). P. 27-29.
5. Erofeev N.A. Light industry of Kazakhstan before the October Revolution and in the first years of Soviet power. // Educ. Notes, KazSU, Economic Series. 1958. Vol., 36. vol.3; P. 207-209.

6. Alampiev P.M. Liquidation of economic inequality of the Soviet East peoples and the socialist distribution of industry (The historical experience of the Kazakh SSR). Moscow: Nauka, 1958. P. 297.
7. Chulanov G. The industry of pre-revolutionary Kazakhstan. A., "Nauka", 1960. P. 147.
8. Dilmuhamedov E.D. Manufacturing and mining at the beginning of the XX century. // Kazakhstan on the eve of the October Revolution. Coll. Article. A., "Nauka», 1968. P. 97-117.
9. Asylbekov M.H. On the effect of railways on the economy of pre-revolutionary Kazakhstan. // Izvestiya, Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Public Series., 1964, N 1. P. 7-9.
10. Transference from feudalism to capitalism in Russia // Materials of All Union discussion. M., Mysl, 1969. P. 257.
11. Yatsunsky V.K. Socio-economic history of Russia in the XVIII–XIX centuries. Moscow: Nauka, 1973. P. 217.
12. Ryndzyunsky P.G. Peasant industry in the post-reform Russia. Moscow: Nauka, 1966. P. 200.
13. Makarova S.M. Burma: Development of capitalism in industry. Moscow: Nauka, 1968. P. 287.
14. Bochanova G.A., Processing industry in Western Siberia in the end of the XIX - beginning of the XX centuries. Novosibirsk, "Nauka", 1978. P.261.
15. Kopylov D.I. Manufacturing industry in West Siberia in the XVIII and the half of the XIX centuries. Sverdlovsk, Mid-Urals Book Publishing House, 1973. P. 277.
16. Solovyov E.I. Crafts of Siberian peasants in the post-reform period. Novosibirsk, "Nauka", 1981. P.279.
17. Kasymbaev J.K. Origin and development of industry in the East Kazakhstan cities gorodah in XIX century. // Izvestiya, Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Public Series, 1981. № 6. P. 7-11.
18. Zhakupbekov S.K. History of light industry in Kazakhstan. A., "Nauka", 1984, P. 297.
19. Igibaev S.K. From the history of manufacturing industry in the cities of Kazakhstan. // Izvestiya, Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Public Series. 1985, № 5. P. 9-11.
20. Shalekenov M.U. The development of industry in the cities of South Kazakhstan after joining to Russia. // Socioeconomic relations in towns and villages of Kazakhstan. A., "Nauka", 1988. P.121-127.
21. Dulatova D.I. Pre-revolutionary historiography of Kazakhstan (1861-1917). A., "Nauka", 1984. P.175.
22. About the genesis of capitalism in the East (XIV-XIX centuries.). Nauka, 1963. P.341.
23. Faizieva Z. Handicraft production in Turkestan in the second half XIX-the beginning of XX cc. // Abstract of diss. Candidate of historical sciences. Tashkent, 1978. P.12.
24. Pescherova E.M. From the history of the craft organizations in Central Asia. // Brief Reports of N.N. Miklukho Maclay Institute of Ethnography USSR. Moscow-Leningrad, 1919. Series 11. P.34-37.
25. Smagulov E.A., Nastich V.N., Pottery stamps with inscriptions of the XIX century from Turkestan. // Izvestiya, Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Public Series. 1983. № 2. P.45-49.
26. Review of the Syr-Darya region of 1893. Tashkent, Tipolithography T.D. and G. Br. Kamensky, 1897.- P.42.
27. Code data about factory-plant industry of Russia of 1888. Spb., Publishing dep, trade and manufacture, 1891. P.142-143;
28. Factories and Plants of Russian Empire. Under. FA Schober. Pg., L.P Kandaurov and son., 1914. № 700, 2240-2243, 101-118, 99,
29. The list of mills and factories of the Russian Empire. Under edit.V.Z. Varzari. Spb., Typography of V.F. Kirshbaum, 1912. CH.I. p.254; CH.II. P.107, 234, 239.
30. RGVIA, f.400, op.1, D.4993, ll.11-41.

УДК 93/94 100-87

Становление и развитие экономических форм промышленности Туркестанского края в конце XIX – начале XX века

¹ Турганжан Тулебаев

² Гульжаухар Кокебаева

¹ Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан
050038 Алматы, пр.аль-Фараби, 71
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: tur-07@mail.ru

² Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан
050038 Алматы, пр.аль-Фараби, 71
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: kokebayeva@mail.ru

Аннотация. Конец XX и начало XXI века для всех постсоциалистических стран, характеризуется глубокими социально-экономическими трансформациями. Они проходят сложный путь перехода от рыночных реформ к формированию рыночной экономики, ориентированной на инновационное развитие. Историческое прошлое этих стран показывает, что они в определенной форме проходили похожий процесс еще в конце XIX – начале XX века. История промышленности Туркестанского края этого периода является ярким примером процесса становления и развития капиталистических отношений. Это доказывает еще раз актуальность и своевременность изучения особенности эволюции промышленности Туркестанского края, определения ее преобладающую форму.

Рассмотрены первоначальные формы промышленности региона. Только проникновение товарного производства на капиталистической основе и переселение крестьян, оседание казахов на землю, развитие старых и появление новых городов и селений, строительство железных дорог создавали основы общественного разделения труда. В силу чего развивались старые и появились новые отрасли промышленности Туркестанского края. В исследуемый период доминирующей формой промышленности было мелкотоварное капиталистическое производство. Но переход от ремесла и его цеховой формы к капиталистическому мелкотоварному производству Туркестанском крае был длительным, не всегда прямолинейным процессом.

Взучен вопрос о становлении фабрично-заводской формы промышленности. Появление отдельных фабрик и заводов было следствием развития российского капитализма вширь, результатом внедрения накопленного опыта центральной России, по применению техники и технологии производства в Туркестанском крае. На основе изученных фактов относящиеся к промышленному производству Туркестанского края, сделан вывод о том, что его развитие характеризуется исходящей линией – капиталистических, нисходящей – докапиталистических отношений.

Ключевые слова: Туркестанский край; ремесло; цехи; мелкотоварное производство; фабрики; заводы; формы промышленности.

Copyright © 2015 by Sochi State University

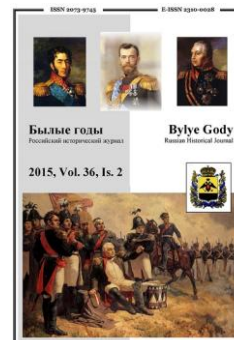
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 327-337, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 374.72"1861-1917"(470)

The Additional Professional Training in the Late Russian Empire

Timur A. Magsumov

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

423815, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, Moscow St., 134-31

PhD (History), Assistant Professor

E-mail: nabonid1@yandex.ru

Abstract

The article reveals the experience of intensive organization and functioning of the system of additional professional training in the late imperial period of the Russian history, generated by the need of unfolded modernization in the country. The article is written on the basis of mass sources, including the regional archives of record keeping documentation and working in the mainstream of the study of basic organizational forms of additional training - agricultural courses, shopping classes and courses of technical drawing, also the author produces a macro shot of trends and directions, successes and challenges in its development. The additional professional training as a specific element of the education system of 20th century focusing on the real sector of economy has implemented the free practice-training based on the principles of interdisciplinarity, variability and the high role of self-education.

Keywords: education, Russian Empire, modernization, agricultural courses, shopping classes, courses of technical drawing, E.N. Medynskiy.

Введение

Реформирование системы дополнительного профессионального образования в нашей стране в сторону упрощения его организации во многом расширило возможности роста человеческого капитала. Однако требования работодателей о получении персоналом этого вида образования, в особенности – профессиональной переподготовки, на базе государственных образовательных организаций или же имеющих аккредитацию по аналогичным направлениям высшего или среднего профессионального образования, является очень распространенным. Такое положение обусловлено опасением легкости получения документа об образовании во вновь возникшем множестве непонятных «контор». Подчеркнем, что аналогичная ситуация существовала и в начале XX столетия. Так, Министерством народного просвещения было установлено, что «некоторые содержатели курсов дозволили себе в деле организации и ведения курсов серьезные отступления от существующих законов, а в многочисленных и большей частью рекламного характера извещениях также дозволили вводить в заблуждение лиц, для которых эти извещения предназначались» [1]. Суть этих нарушений сводилась к тому, что организаторы в объявлениях повышали статус курсов, обещали выдачу дипломов и аттестатов, присвоение званий, гарантировали трудоустройство, допускали заочную форму обучения, не согласовывали кандидатуры преподавателей и программы с учебным начальством и т.п.

Автор делает попытку раскрыть первые шаги в организации дополнительного профессионального образования, реализовывавшегося на базе средних профессиональных учебных заведений. Становление его пришлось на позднеимперский период российской истории, когда в эпоху уже развернувшейся модернизации остро чувствовалась потребность в повышении профессиональных знаний как факторе экономического роста и социальной стабилизации.

Материалы и методы

Широта темы, обусловленная географией работы и количеством курсов, потребовала применения массовых источников и статистических материалов, в наибольшей степени отраженных в отчетах по деятельности различных курсов. Единый формуляр таких отчетов позволил провести сравнительные исследования, выявив общие и специфические черты в функционировании курсов. Становление системы дополнительного профессионального образования обусловило привлечение нормативно-правовых актов, институционализирующих ее деятельность. Потребность в изучении специфики постановки образовательного процесса на курсах для взрослых вызвала использование историко-педагогических источников – работ отдельных педагогов и материалов съездов.

Проблематика исследования, порожденное ею источниковое поле, определили основной методологический подход к рассмотрению темы – системный анализ образовательной макроструктуры, построенный на выявлении предпосылок, динамики развития и распространения, системных характеристик дополнительного профессионального образования.

Обсуждение проблемы

Становление реальной практики дополнительного профессионального образования в Российской империи лишь во второй половине XIX столетия и превращение ее в систему в начале XX века обусловили небольшое количество литературы по этой теме. Следует отметить работы дореволюционного и советского историка и педагога Е.Н. Медынского, разработки которого были использованы и в практике массовой подготовки кадров низшего звена в советской школе первой половины XX века. Советская система подготовки кадров посредством заочного и вечернего обучения надолго сняла эту проблему, активизировавшуюся вновь лишь в начале XXI столетия в силу попыток модернизации российской экономики.

Результаты

Специальные курсы при профессиональных учебных заведениях были одними из пяти основных форм внешкольного образования для взрослых в позднеимперский период. Реализуемые на базе учебных заведений, они, тем не менее, относились к внешкольному типу образования, и вовсе не по причине возраста учащихся или осуществления в периоды, свободные от основной деятельности – в выходные дни или каникулярное время. Главное отличие курсов от школы, по мнению Е.Н. Медынского, состоит в том, что они «преследуют прежде всего не накопление той или другой суммы знаний, а расширение умственного кругозора, общее культурное развитие; все они строятся на широкой самостоятельности учащихся, на стремлении, лишь приоткрыв завесу, отделяющую тьму от света, пробудить их любознательность и направить по пути самообразования» [2].

Дополнительное профессиональное образование можно было получить и при различных общеобразовательных школах посредством обучения в специальных классах и отделениях при них. Самыми, пожалуй, распространенными типами таковых были педагогические классы при женских гимназиях и ремесленные отделения и классы при начальных и средних общеобразовательных школах. Профессиональные навыки можно было развивать и на различных курсах и классах при промышленных учреждениях, а также в школах и на курсах Русского технического общества.

Направления подготовки, которые реализовывались на курсах в средней профессиональной школе, соответствовали «приоритетным» отраслям модернизирующейся экономики, затронув сферы сельского хозяйства, промышленности и коммерции. По маловостребованным специальностям, на которые существовал недобор учащихся на полные сроки обучения, также наблюдалась и отсутствие набора слушателей. Несмотря на удобное время проведения (в период отсутствия навигации по воскресным дням), бесплатность обучения, предварительную рекламу и актуальную тематику курсы для командиров судов при Казанском речном училище в 1910 г. собрали лишь трех желающих и были отменены [3].

Внешкольное образование, как и столетие назад, получило в России широкое и повсеместное распространение. Динамика его развития в дореволюционные годы позволила одному из ведущих специалистов в этой сфере Е.Н. Медынскому констатировать, что оно «в ближайшем будущем, очевидно, завоюет себе такое же, а может быть даже большее место в общей системе народного образования, какое занимает сейчас школа» [4]. Число только сельскохозяйственных курсов и чтений выросло с 11 в 1901 г., на которых присутствовало 1 232 слушателя до 868 в 1912 г. (57 900 слушателей) [5]. Здесь нельзя не отметить, что колоссальный рост курсов и числа обучающихся на них был обусловлен и отсутствием заочной формы обучения в учреждениях профессионального образования.

Россия в рассматриваемый период оставалась аграрной страной, где большая часть крестьян была агрономически малограмотной, а потребности модернизации страны, усиленные необходимостью сохранения социальной стабильности, явно и настойчиво требовали повышения эффективности аграрного производства [6]. Эти причины накладывались на изменяющуюся ментальность крестьянского населения, становившегося серьезно озабоченным ростом личного благосостояния. Успехи в сфере образования, наглядная картина его социально-экономических плодов в форме количественного и качественного роста результатов сельскохозяйственной

деятельности на научно-организованной базе вкупе с ощущением роли знаний в социальной мобильности некоторых односельчан вызвали «в земледельческих слоях населения необыкновенный интерес к всевозможным курсам и лекциям» [7]. Осознанное стремление крестьян «слилось» и еще более стимулировалось общегосударственными потребностями, которые воплотились в правительственно-земскую деятельность по организации для крестьян бесед и чтений на сельскохозяйственные темы, выставок новой техники, показов технологических приемов и других форм агропропаганды. К концу XIX столетия все эти формы сложились в свой оптимум – сельскохозяйственные курсы, дававшие более глубокие и систематические знания.

В числе промышленных курсов при средних профшколах в качестве «более дешевых и удобоисполнимых, для распространения профессиональных знаний ... ученикам школ ... и лицам, уже получившим общее образование и посвятившим себя практической деятельности» министерство просвещения считало наиболее целесообразным организацию, на примере английского опыта, «специальных курсов по различным отраслям специальных знаний, выдвинув на первое место рисование и черчение, как общее, так и в приложениях к различным ремеслам и отраслям промышленности» [8]. Подобные курсы проводились, например, в течение пяти лет (1906–1911 гг.) в Вятском среднем сельскохозяйственно-техническом училище. Губернское земство ежегодно ассигновало 680 руб. на оборудование курсов пособиями и оплату труда преподавателей. Курсы закрылись после прекращения земского финансирования. Общее количество курсистов составило 926 человек за пять лет. Однако, регулярно посещавших занятия было до 50 человек в год. Причины этого администрация училища объясняла трудностью освоения материала в связи с низким образовательным цензом некоторых курсистов (хотя процент нигде не учившихся составлял всего 7,8) и отсутствием преподавания других предметов – геометрии, алгебры и т.д. [9] Однако в число причин следует внести и отсутствие платы за обучение, которая играла бы роль стимула для «более исправного посещения курсов и серьезного к ним отношения со стороны учащихся» [10]. На посещаемости не могло не сказаться и рассредоточенное проведение занятий по праздникам и в воскресные дни – во время отдыха рабочих – в течение как минимум года, нужного для освоения программы. Такая ситуация породила и индивидуализацию обучения. Так, в классах технического рисования при Казанском отделении Русского технического общества каждый учащийся осваивал программу самостоятельно [11]. Несмотря на все положительные моменты индивидуального обучения, в отличие от концентрированных сельскохозяйственных курсов, возможности работы преподавателя с каждым обучающимся при такой системе были ограничены во времени, что сужало теоретические знания и формирование профессиональных навыков, кроме этого, скорее всего, слабо была выражена коллективная работа, отсутствовал элемент соревновательности. В противовес курсам, публичные научно-популярные беседы для ремесленников пользовались неизменным ажиотажем, собирая аудитории и свыше 500 человек [12]. Ненавязчивые, соединяющие в доступном наглядном изложении теорию с практикой, эти беседы раскрывали перед слушателями основные теории и современные практические достижения естественных и технических наук.

Дополнительное образование взрослых в коммерческой сфере реализовывалось на коммерческих курсах и в торговых классах, открытие которых стало возможным по «Положению о коммерческих учебных заведениях» 1896 г. Благодаря ведомственной подчиненности Министерству торговли и промышленности, а, следовательно, получению значительной автономии в организации образовательного процесса, за короткие сроки резко вырастает их численность. В 1910–1911 учебном году в 23 торговых школах обучалось уже 4 610 чел. (3740 мужчин и 870 женщин) [13].

Торговые классы, хотя юридически были самостоятельными учебными заведениями, создавались, как правило, на базе коммерческих училищ и торговых школ, что резко удешевляло их содержание; иногда классы проводили занятия в помещениях коммерческих школ [14]. Так, в 1903–1904 учебном году из общих расходов всех торговых классов империи на содержание педагогического персонала пришлось 73 % средств, расход на весь персонал – 77,8 %, а на наем и ремонт помещений ушло лишь 2,8 % [15]. Эта мера позволяла также устанавливать низкую плату за обучение, которая составляла в том же году 37,8 % от общих доходов торговых классов и была в 4–8 раз меньше платы за обучение в торговых школах и в 20–25 раз меньше, чем в коммерческих училищах [16].

Торговые классы, учрежденные Симбирским обществом распространения коммерческих знаний [17], начали функционировать с 1909 г. на базе Симбирского коммерческого училища. Курсы давали возможность пополнить знания по общеобразовательным дисциплинам и получить знания по специальным предметам. Преподавались Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, арифметика с коммерческими вычислениями, бухгалтерия с торговой корреспонденцией, каллиграфия и курс письма на пишущей машинке. Несмотря на право обучения не по всем преподаваемым дисциплинам, а лишь по собственному выбору, многие ученики заканчивали полный курс классов. Это было обусловлено возможностью, после сдачи экзаменов по Закону Божию, русскому языку и арифметике с коммерческими исчислениями, получить свидетельство и льготы по отбыванию воинской повинности с правами окончивших курс учебных заведений четвертого разряда (срок службы сокращался с шести до четырех лет) [18]. Однако торговые классы во многом насыщали и общеобразовательный голод населения – был высок спрос на общеобразовательные предметы [19].

Будучи учреждениями дополнительного образования, да еще и функционирующими на базе средних профессиональных коммерческих учебных заведений, торговые классы проводили учебные занятия в вечернее время и/или в выходные и праздничные дни. Так, в торговых классах в Симбирске обучение в будни производилось с 19.30, а в выходные с 09.30 и прерывалось лишь в Рождество и на Пасху, а также во время Соборной ярмарки, «так как часть слушателей в это время усиленно была занята торговлей» [20]. Практически весь объем материала изучался аудиторно. Причиной тому было то, что «учащиеся являются на занятия большей частью после тяжелой дневной работы ... и домашние условия их для занятий зачастую весьма неблагоприятны» [21]. Вследствие этого учебный материал, по надобности, проходил медленно, с частыми повторениями; на это дополнительно влияла разнородность образовательного уровня слушателей [22; 23].

Как было указано выше, наибольшее число курсов и слушателей приходилось на сельскохозяйственную проблематику. Поэтому остановимся на сельскохозяйственных курсах более подробно.

В 1887 г. министр земледелия и государственных имуществ обратил внимание на возможность распространения в народе сельскохозяйственных знаний с помощью начальных школ и народных учителей. В виду резкой нехватки агрономических кадров на селе именно учителя, в силу многочисленности и распространенности, стали тем слоем, на плечи которого была возложена массовая аграрно-просветительская работа. Была предложена организация курсов двух типов: летних, сроком от одного до трех месяцев, и более продолжительных – для молодых людей, окончивших курс в учительских семинариях и готовящихся к учительскому званию от одного года до двух лет. По окончании курсов предусматривалась выдача удостоверений.

15 апреля 1890 г. были утверждены «Временные правила об устройстве бесплатных курсов при подведомственных Департаменту земледелия и сельской промышленности сельскохозяйственных и садовых заведений», а 25 апреля вышло постановление «Об устройстве при некоторых сельскохозяйственных учреждениях специальных курсов для народных учителей» [24]. Согласно этим документам на курсы принимались народные учителя и окончившие курс учительских семинарий, прием же других лиц допускался лишь с особого разрешения Департамента земледелия. На практические занятия отводилось не менее 6 часов в день, а на теоретическую подготовку – от 3 до 12 часов в неделю.

Казанскому земледельческому училищу было разрешено открыть курсы плодоводства и огородничества, что и было сделано летом 1891 г. Слушатели курсов обязаны были беспрекословно выполнять все требования начальства училища и руководителей курсов, имели право пользоваться библиотекой училища. В том году обучение на курсах прошли 26 человек, в основном из Казанской губернии. В 1892 г. курсы окончили уже 90 человек. Они приехали в Казань не только из населенных пунктов Казанской, но и Симбирской, Нижегородской, Вятской и Пермской губерний. Департаментом земледелия было выделено по 25 экземпляров книг Пономарева «Начальная сельскохозяйственная книга для чтения» и Мецкерского «Как устраивать сады при народных школах» для бесплатной раздачи слушателям, а также 25 наборов инструментов, но только тем из них, «которые во время курсов докажут свое усердие и склонность к садоводству» и успешно выдержат экзамены. Подобные курсы в последующие годы стали традиционными, несколько увеличилась и их тематика. В 1909 г., например, при училище для учителей и учительниц народных школ были устроены курсы по плодоводству, огородничеству и пчеловодству, а также «сделано было несколько чтений по отдельным вопросам земледелия» [25].

Наблюдался постоянный рост числа курсов для народных учителей: в 1891 г. курсы были организованы в 13 местностях; в 1892 г. – в 23; в 1894 г. – в 31; в 1895 г. – в 36. К 1905 г. организовывалось уже примерно 45-50 курсов ежегодно [26]. Активизация сельскохозяйственных курсов для учителей преследовала, на наш взгляд, и откровенно политическую цель. Искусственно понизив возможность проведения всероссийских учительских съездов и корректируя деятельность педагогических курсов, государство концентрировало учительский интерес на активизации трудового воспитания учащихся и, соответственно, большей загруженности педагогов и учеников сельхозработами, а также координировало общение педагогов в узкорегиональных рамках «своей» губернии.

Позднее было решено открыть курсы не только для народных учителей. Опыт организации курсов показал, что, наряду с последними, активными и массовыми слушателями курсов при сельскохозяйственных школах были и наиболее прогрессивные крестьяне – «более культурные элементы деревни». Правительство стремилось увеличить среднюю прослойку деревни как опору властей и источник модернизации.

10 января 1897 г. были утверждены временные правила для устройства сельскохозяйственных чтений и курсов при учебных заведениях аграрного профиля. Курсы для крестьян были открыты и при Казанском земледельческом училище. Целью курсов ставилось «сообщить необходимые для крестьян сведения по разным отраслям сельского хозяйства, которые могут иметь ближайшее применение в условиях хуторских хозяйств» [27]. Они проводились ежегодно в январе-апреле. На курсы принимались грамотные крестьяне от 18 лет, как по собственной инициативе, так и по направлению земств, инспекторов сельского хозяйства и т.д. В соответствии с целью программа

курсов включала теоретические и практические занятия по земледелию, садоводству, огородничеству, животноводству, пчеловодству, сельскохозяйственной экономике, по определению доходности главных культур и организации хуторских хозяйств и кооперативов. Желавшие могли принять участие и в летних работах. Содержались слушатели за свой счет или на средства направивших учреждений. Прослушавшие курс после проверки их знаний получали соответствующее удостоверение и бесплатно книги по разным отраслям сельского хозяйства.

В отчете о зимних курсах 1909 г. директор Казанского земледельческого училища Н.П. Ильинский писал: «Ознакомившись лично с уровнем знаний и развития курсистов, выяснив по возможности, какие отрасли сельского хозяйства наиболее их интересуют, я пришел только к одному заключению, что прибывшие в большинстве обладают богатыми способностями и имеют страстное желание учиться, не страшась никаких трудностей. ... Внеклассные беседы с курсистами, просмотр их заметок из лекций и, наконец, экзамен убедили меня, что зимние курсы достигли главной своей цели – пробудили у слушателей жажду научных знаний и веру в них и научили понимать общепотребительные книги по сельскому хозяйству. Об этом же свидетельствует и выписка в марте курсистами 5 экземпляров журнала «Земледелец» для личного пользования... Один крестьянин приобрел сепаратор, другой рядовую сеялку и большинство твердо решило в ближайшее время обзавестись сельскохозяйственными орудиями и машинами на кооперативных началах. Одному крестьянину по его просьбе вычертили план его хутора и разбили на шесть полей для ведения шестипольного оборота» [28].

Обучение на курсах, избегая формализации, посредством наиболее адекватных для усвоения практических форм делало преподавание доступным без ущерба для сообщаемых знаний и обременения памяти. Доступность и разнообразие по содержанию и изложению, вкупе с практической пользой для слушателей стали одной из причин расширения курсов. Если в 1909 г. курсы закончили 17 человек, то в следующем году на курсах обучалось уже 45 слушателей, из них 27 – на свои средства. Динамика роста слушателей показывает не только рост потребности в курсах среди населения, но и свидетельствует о многократном усилении информационно-коммуникационных потоков в среде сельского населения, когда сведения о проводившихся курсах распространялись быстро и широко. После окончания курсов слушателям бесплатно было роздано более 120 экземпляров книг по разным отраслям сельского хозяйства. Средства на их приобретение специально выделялись Департаментом Земледелия.

В 1911 г., учитывая необходимость улучшить практическое преподавание, курсы проводились не только зимой, но и летом. Причем в теоретическую часть курсов было добавлено изучение основ химии, необходимой успешному земледельцу.

Основные каналы и способы информирования о курсах, выбираемые учебными заведениями, в целом соответствовали законам рекламы и маркетинга. Узость информационных потоков была обусловлена запланированным контингентом слушателей. Так, о сельскохозяйственных курсах для народных учителей оповещали, в первую очередь, губернские земские управы и директоров народных училищ соответствующих губерний. Земледельческие училища распространяли эти сведения в соседних губерниях, не имевших собственных средних сельскохозяйственных школ. Такая практика была оправданной. Например, в 1911 г. в Казанском земледельческом училище на этих курсах обучалось 58,3 % слушателей не из Казанской губернии, а в Саратовском земледельческом училище – 65,4 % слушателей не из Саратовской губернии [29; 30]. Информация рассылалась за два месяца до начала занятий.

Руководителям образовательных учреждений разрешалось самостоятельно определять сроки курсов, порядок занятий, назначать руководителей и определять преподавателей. Однако демократичность организации курсов и автономность школ в этом вопросе все равно купировались административным контролем. Сохранялась обязанность извещать местного губернатора о времени, месте проведения курсов и составе педагогов, равно как и его право на устранение от преподавания любых лиц и закрытие курсов вообще [31].

Организовывались курсы круглогодично. Время их проведения было обусловлено тематической спецификой самих курсов и характером практических занятий на них. Зимой устраивались и сельскохозяйственные курсы, содержание которых либо не предусматривало практических занятий, либо допускало возможность проведения их зимой, например, курсы по скотоводству или молочному хозяйству.

Тематика курсов была ориентирована на развитие тех отраслей сельского хозяйства, которые уже развивались или же развитие коих было возможно в природно-климатических условиях этой местности и могли поднять производительность труда и доходность сельскохозяйственного производства.

В силу специфики дополнительного образования на курсах обучались самые разные группы населения, отличавшиеся по возрастному, образовательному, социальному, национально-религиозному, профессиональному и половому признакам. Более-менее сходный состав слушателей был характерен для курсов одинаковой тематики в рамках определенной отраслевой направленности экономики. Основная масса слушателей сельскохозяйственных курсов представлена учителями и крестьянами мужского пола. Однако разнородность такого состава приводила к сложностям в подаче

части материала и затратам времени [32]. Возрастной состав курсистов, как и ныне, в большинстве своем был представлен молодежью: свыше 90 % слушателей курсов всех направлений составляли молодые люди до 35 лет [33; 34; 35]. Будучи легче обучаемыми, более мобильными, имеющими хоть какое-то образование, молодые люди новой эпохи, осознающие возросшее значение человеческого капитала, становились двигателями социально-экономического развития. Понимание роли профессиональных компетенций и трудовых навыков для возможностей социальной мобильности шло уже с подросткового возраста. Свидетельство тому – ограничение наплыва на курсы подростков посредством установления возрастного ценза «курсов для взрослых» минимумом в 17 лет [36] (на практике он не всегда соблюдался [37]). При этом власти стимулировали обучение несовершеннолетних обоого пола, не достигших 17 лет, служащих «в торговых заведениях, складах, конторах, а также заведениях трактирного промысла», посредством обязательства хозяев учреждений, в которых они служили, предоставлять им, при более, чем восьмичасовом рабочем дне, три часа ежедневно в будни для посещения школы. В их же интересах практически полностью запрещалась работа в праздничные дни. Непредоставление этой возможности наказывалось штрафом до ста рублей [38]. Облегчение условий труда косвенно способствовало тому, что выпускники курсов оставались работать на своих должностях «в качестве приказчика или счетовода в огромном большинстве торговых фирм», принося «огромную пользу торговле и промышленности» [39], а не массово уходили на предприятия с лучшими условиями труда, например, в банки и на железные дороги.

Благодаря размещению в приспособленных для обучения помещениях профессиональных школ, оборудованных необходимым комплексом материально-технических средств обучения, курсы не требовали серьезных затрат. При этом департаментом земледелия они были определены как самые дорогие среди всех форм внешкольного распространения сельскохозяйственных знаний [40]. Департамент соглашался участвовать лишь в расходах на оплату работы преподавателей и покупку пособий для них и курсистов [41]. Во многом по этим причинам курсы проводились при сельскохозяйственных школах, могущих, помимо прочего, предоставить жилье для курсистов, да еще и снабжавших слушателей частью продуктов [42]. Подчеркнем, что обучение и проживание в стенах сельхозучилищ, располагавшихся, как правило, не в самих губернских столицах, а в их округе, снижало «дурное влияние города» на умы курсистов и больше концентрировало их на процессе обучения.

Работа на курсах оплачивалась довольно высоко и являла собой один из редких официальных удачных случаев для педагогов в получении дополнительного заработка, поскольку иные возможности преподавания по совместительству жестко регламентировались и были практически невозможны для преподавателей государственных школ. Оплата лекторам была установлена в 5 руб. за час теоретических занятий и 2,5 руб. за час практических занятий [43].

Менее формализовано, в сравнении с обычной школой, было построено все обучение. Не существовало официального приема, за исключением личного заявления, не было возрастного, образовательного и полового ценза, наблюдалось постоянное превышение установленных заранее квот на обучение. Возможные негативные последствия снижения качества образования в виду отсутствия официального контроля посещаемости и успеваемости во многом купировались личной потребностью курсистов в получении знаний. Кроме того, обучавшиеся на курсах учителя и лица, направляемые организациями, были заинтересованы в получении свидетельства, которое выдавалось постоянным слушателям по окончании не менее, чем двухнедельного обучения, на основании экзаменов, с указанием сроков обучения и пройденных предметов [44].

Отсутствие четких организационных форм и методов, общих программ со строгой планомерностью, с одной стороны, вызывало путаницу в организации курсов в профшколах, однако, наряду с соответствием запросам рынка, создавало условия для свободной реализации педагогических исканий и экспериментов, невозможных в рамках основной работы с базовым контингентом школ.

Формы обучения на курсах отличались особой гибкостью. Практиковались лекции, беседы, уроки. Во многом благодаря материально-технической базе основной чертой курсов при училищах, выгодно отличавших их от курсов, устраиваемых земствами, была наглядность обучения. Все сообщаемое демонстрировалось на практике, широко применялись опыты, наглядные учебные пособия, экскурсии. При этом сами курсисты ответственно относились к занятиям, с жадностью впитывая новое: «слушатели тщательно вели записи лекций, возобновляя их содержание во внеклассное время. На дом же им выдавались книги и журналы по сельскому хозяйству, и иногда здесь же устраивались беседы на научные темы по агрономии при участии преподавателя» [45].

В силу небольшой нагрузки отдельного преподавателя по «своему» учебному блоку и по причине текучести слушателей каждое занятие на курсах носило законченный характер. Считаясь с запросами курсистов, в ходе обучения или же с учетом итогов предшествующего анкетирования слушателей изменялся предусмотренный изначально программный материал.

Одними из главных особенностей курсов для взрослых при средних профессиональных школах, отличающих их от учебных мастерских при заводах, помимо сроков обучения, были системность и планомерность в преподавании, постоянная связь теории с практикой, примерно равное

распределение учебных часов на теоретические и практические занятия. Так, в 1911 г. в Казанском земледельческом училище на теорию и практику было потрачено по 112 часов, в Саратовском – 115 и 122,5 часа соответственно [46; 47]. То, что теория в отчетах прописывалась по максимуму, могло быть обусловлено более высокой платой за такие занятия в сравнении с практическими. Постоянная неразрывная связь теории с практикой в реалиях дополнительного профессионального образования не дает возможности жестко разделить эти занятия по часам (урокам), что фактически делает неосуществимым точный подсчет реально выполненной учебной нагрузки по формам учебных занятий. Большое количество учебных часов, реализуемых в короткие сроки, приводило к высокой ежедневной нагрузке на слушателей и преподавателей. Так, на курсах при Новгородской губернской земской сельхозшколе ежедневные занятия длились 10 часов – с пяти утра до восьми вечера [48]. Нагрузка реализовывалась достаточно эффективно – посредством включения двух перерывов объемом в один и четыре часа и смены видов деятельности, включая чередование теоретических и практических занятий.

Не неся напрямую провозглашенных воспитательных целей, курсы, тем не менее, реализовывали их. В условиях отсутствия отдельных организационных форм воспитательного процесса и невозможности, часто – в силу отсутствия времени, применения ряда методов воспитания, априорной невозможности наказаний, курсы способствовали налаживанию навыков делового общения, умственному, нравственному, гражданскому воспитанию и самовоспитанию.

Заключение

Резкое отставание системы образования от темпов модернизации экономики стало сокращаться к началу XX столетия. Уже более-менее развитая система образования почти моментально смогла отреагировать на усилившиеся темпы модернизации, в особенности – разделение и глубокую специализацию труда в экономике. В числе прочих форм и методов – появления профессиональных школ, готовивших кадры по более узким специальностям, введения в учебные планы ряда дисциплин, изучение которых было востребовано уровнем развития производительных сил, – массово распространяются курсы и другие формы дополнительного образования и повышения квалификации кадров на базе средних профшкол.

Среди всех форм внешкольного образования взрослых лишь изучаемые нами курсы, открытые при профессиональных училищах, стали, во многом, частью государственно-общественной системы образования вследствие соответствия направлений профессиональной подготовки в них приоритетным отраслям развивающейся экономики. Сплетение интересов государства и бизнеса, местного самоуправления и личной заинтересованности населения, в том числе их софинансирование дополнительного образования, способствовали быстрому росту курсов и числа учащихся в них. Значительное число форм дополнительного образования и внешкольной профессиональной подготовки, в особенности – в сфере обслуживания, осталось на откуп нуждающимся в его получении и благотворителям.

Сформировавшись в начале XX века в гибкую многофункциональную открытую динамическую систему, ориентированную на результат, различные курсы в образовательной своей составляющей резко и выгодно отличались от традиционной школы. Их характерными чертами стали тесная взаимосвязь обучения с профессиональным опытом слушателей, высокая роль самообразования, сложная междисциплинарность учебного материала, варьирование содержания образования в зависимости от познавательных потребностей и профессиональных интересов курсистов. Все это усиливало возможность личности специалиста адекватно ориентироваться в новых реалиях жизни, а также формировало опережающую профессиональную готовность к работе с объектами профессиональной деятельности в условиях технологических изменений и ускорявшихся социально-экономических трансформаций.

Функционирование курсов стало первым опытом интеграции образования, науки и производства как фактора модернизации экономики страны. Курсы, приобщая к профессиональной школе формы дополнительного образования и расширяя их, превращали учреждения профессионального образования в своеобразный инновационные центры регионов. Полученный опыт подобной интеграции, еще не несистемный и потухший к началу войны и революционной смуты, был использован на дальнейших этапах уже советской истории.

Примечания:

1. Чарнолуский В.И. Настольная книга по внешкольному образованию / Изд. сост. по первоисточникам В.И. Чарнолуским. 2-е, соверш. перераб. изд. справ. «Внешкольное образование». Т. 1. СПб., 1913. С. 455.
2. Медынский Е.Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 4-е изд., доп. М., 1918. С. 210.
3. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1770. Оп. 549. Д. 28. Л. 197–198, 221.
4. Медынский Е.Н. ... Методы внешкольной просветительной работы: Опыт методики для г. г. библиотечарей, лекторов, лиц, ведущих занятия со взрослыми, заведующих народными домами и пр.: С прил. ст.: П.П. Гайдебуров. Внешкольное образование и театр. Петроград, 1915. С. V.

5. Сельскохозяйственный промысел в России. Петроград, 1914. С. 4.
6. Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894-1917): developmental milestones // *Social Evolution & History*. 2011. Т. 10. № 2. С. 139.
7. Ф.П. Сельскохозяйственные курсы // *Техническое и коммерческое образование*. 1910. № 1. С. 64.
8. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 487.
9. Вятское среднее сельскохозяйственно-техническое училище имени императора Александра II и низшая при нем ремесленная школа: Крат. ист. очерк за 1 десятилетие. 1901–1911 гг. / Директор уч-ща С. Косарев. Вятка, 1911. С. 91–93.
10. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 488.
11. Отчет о деятельности I-го Отдела по техническо-ремесленному образованию Казанского отделения Императорского Русского технического общества за 1897 г. Казань, 1898. С. 14.
12. Там же. С. 17–20.
13. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о» / Под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского [и др.]. 7-е изд., совершенно перераб. Т. 24. Кауфман – Кондаков. М., 1912. Прил. к ст. 613, ст. 3.
14. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 218. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.
15. Материалы по коммерческому образованию: Вып. Отчет о состоянии коммерческого образования в России за 1903–4 учебный год в учебных заведениях ведомства Министерства финансов. СПб., 1905. С. 87.
16. Там же. С. 85–86.
17. Устав Торговых классов Симбирского общества распространения коммерческих знаний: [Утв. 13 августа 1903 г.]. Симбирск, 1909. С. 1.
18. Сборник узаконений об учебных заведениях, не состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения: Вып. II. Средние учебные заведения. СПб., 1907. С. 32.
19. Материалы по коммерческому образованию: Вып. V. Сведения о состоянии коммерческих учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности в 1904–5 учебном году. СПб., 1906. С. 153.
20. Отчет Торговых классов Симбирского общества распространения коммерческих знаний за 1915–1916 учебный год (8-й год существования). Симбирск, 1916. С. 9.
21. Материалы по коммерческому образованию: Вып. V. Сведения о состоянии коммерческих учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности в 1904–5 учебном году. СПб., 1906. С. 156.
22. Материалы по коммерческому образованию: Вып. Отчет о состоянии коммерческого образования в России за 1903–4 учебный год в учебных заведениях ведомства Министерства финансов. СПб., 1905. С. 44–45.
23. Материалы по коммерческому образованию: Вып. V. Сведения о состоянии коммерческих учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности в 1904–5 учебном году. СПб., 1906. С. 153.
24. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. III. Постановления по сельскохозяйственным учебным заведениям за время 1836–1899. СПб., 1900. С. 308–309.
25. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 345. Оп. 1. Д. 1226. Л. 19.
26. Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1908. Год второй. СПб., 1909. С. 235.
27. НАРТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1227. Л. 59.
28. Там же. Л. 4 об–6.
29. Отчет о курсах по плодоводству, огородничеству и пчеловодству, устроенных летом 1911 г. при Казанском земледельческом училище для народных учителей. СПб., 1911. С. 1.
30. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 2–3.
31. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 481.
32. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 18.
33. Вятское среднее сельскохозяйственно-техническое училище имени императора Александра II и низшая при нем ремесленная школа: Крат. ист. очерк за 1 десятилетие. 1901–1911 гг. / Директор уч-ща С. Косарев. Вятка, 1911. С. 93.
34. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 20–34.
35. Отчет Торговых классов Симбирского общества распространения коммерческих знаний за 1915–1916 учебный год (8-й год существования). Симбирск, 1916. С. 8. Подсчет автора.
36. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 455.
37. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и

пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 20, 34.

38. Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах [Высочайше утв. положение Совета министров 15 ноября 1906 г.] // П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы : в 2 т. 2-е изд., стер. Т. 1. М., 2011. С. 478–480, 482.

39. Материалы по коммерческому образованию: Вып. III. Торговые школы: Совещ. г. г. представителей попечит. советов, учредителей, учредительниц и инспекторов в янв. месяце 1905 г. в г. С.-Петербурге. СПб., 1905. С. 163–165.

40. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 482–483.

41. Там же. С. 483.

42. НАРТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1227. Л. 4.

43. Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 483–485.

44. Там же. С. 482.

45. НАРТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1227. Л. 4 об–6.

46. Отчет о курсах по плодоводству, огородничеству и пчеловодству, устроенных летом 1911 г. при Казанском земледельческом училище для народных учителей. СПб., 1911. С. 3.

47. Отчет о Курсах по садоводству, огородничеству, борьбе с вредителями плодовых деревьев и пчеловодству, устроенных летом 1911 года при Мариинском земледельческом училище для народных учителей и садоводов Поволжья. СПб., 1911. С. 4.

48. Отчет о курсах плодоводства, устроенных Новгородской губернской земской управой для народных учителей сельских школ, Новгородского уезда в сельце Яковлев при губернской земской сельскохозяйственной школе. Новгород, 1913. С. 2.

References:

1. Charnoluskii V.I. Nastol'naya kniga po vneshkol'nomu obrazovaniyu / Izd. sost. po pervoistochnikam V.I. Charnoluskim. 2-e, soversh. pererab. izd. sprav. «Vneshkol'noe obrazovanie». Т. 1. СПб., 1913. S. 455.

2. Medynskii E.N. Vneshkol'noe obrazovanie, ego znachenie, organizatsiya i tekhnika. 4-e izd., dop. M., 1918. S. 210.

3. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F. 1770. Op. 549. D. 28. L. 197–198, 221.

4. Medynskii E.N. ... Metody vneshkol'noi prosvetitel'noi raboty: Opyt metodiki dlya g. g. bibliotekarei, lektorov, lits, vedushchikh zanyatiya so vzroslymi, zaveduyushchikh narodnymi domami i pr.: S pril. st.: P.P. Gaideburov. Vneshkol'noe obrazovanie i teatr. Petrograd, 1915. S. V.

5. Sel'skokhozyaistvennyi promysel v Rossii. Petrograd, 1914. S. 4.

6. Cherkasov, A.A. (2011) All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones *Social Evolution and History*. (2), 10: 138-149.

7. F.P. Sel'skokhozyaistvennye kursy // Tekhnicheskoe i kommercheskoe obrazovanie. 1910. № 1. S. 64.

8. Charnoluskii V.I. Uказ. соч. S. 487.

9. Vyatskoe srednee sel'skokhozyaistvenno-tekhnicheskoe uchilishche imeni imperatora Aleksandra II i nizshaya pri nem remeslennaya shkola: Krat. ist. ocherk za 1 desyatiletie. 1901–1911 gg. / Direktor uchshcha S. Kosarev. Vyatka, 1911. S. 91–93.

10. Charnoluskii V.I. Uказ. соч. S. 488.

11. Otchet o deyatel'nosti I-go Otdela po tekhnicheskoremeslennomu obrazovaniyu Kazanskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva za 1897 g. Kazan', 1898. S. 14.

12. Tam zhe. S. 17–20.

13. Entsiklopedicheskii slovar' t-va «Br. A. i I. Granat i K^o» / Pod red. prof. Yu.S. Gambarova, prof. V.Ya. Zheleznova, prof. M.M. Kovalevskogo [i dr.]. 7-e izd., sovershenno pererab. T. 24. Kaufman – Kondakov. M., 1912. Pril. k st. 613, st. 3.

14. Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti (GAKO). F. 218. Op. 1. D. 55. L. 2.

15. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. Otchet o sostoyanii kommercheskogo obrazovaniya v Rossii za 1903–4 uchebnyi god v uchebnykh zavedeniyakh vedomstva Ministerstva finansov. СПб., 1905. S. 87.

16. Tam zhe. S. 85–86.

17. Ustav Torgovykh klassov Simbirskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskikh znaniy: [Utv. 13 avgusta 1903 g.]. Simbirsk, 1909. S. 1.

18. Sbornik uzakonenii ob uchebnykh zavedeniyakh, ne sostoyashchikh v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya: Vyp. II. Srednie uchebnye zavedeniya. СПб., 1907. S. 32.

19. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. V. Svedeniya o sostoyanii kommercheskikh uchebnykh zavedenii vedomstva Ministerstva torgovli i promyshlennosti v 1904–5 uchebnom godu. СПб., 1906. S. 153.

20. Otchet Torgovykh klassov Simbirskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskikh znaniy za 1915–1916 uchebnyi god (8-i god sushchestvovaniya). Simbirsk, 1916. S. 9.

21. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. V. Svedeniya o sostoyanii kommercheskikh uchebnykh zavedenii vedomstva Ministerstva torgovli i promyshlennosti v 1904–5 uchebnom godu. СПб.,

1906. S. 156.

22. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. Otchet o sostoyanii kommercheskogo obrazovaniya v Rossii za 1903–4 uchebnyi god v uchebnykh zavedeniyakh vedomstva Ministerstva finansov. SPb., 1905. S. 44–45.

23. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. V. Svedeniya o sostoyanii kommercheskikh uchebnykh zavedenii vedomstva Ministerstva torgovli i promyshlennosti v 1904–5 uchebnom godu. SPb., 1906. S. 153.

24. Sbornik svedenii po sel'skokhozyaistvennomu obrazovaniyu. Vyp. III. Postanovleniya po sel'skokhozyaistvennym uchebnym zavedeniyam za vremya 1836–1899. SPb., 1900. S. 308–309.

25. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan (NART). F. 345. Op. 1. D. 1226. L. 19.

26. Ezhegodnik Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya po Departamentu zemledeliya. 1908. God vtoroi. SPb., 1909. S. 235.

27. NART. F. 345. Op. 1. D. 1227. L. 59.

28. Tam zhe. L. 4 ob–6.

29. Otchet o kursakh po plodovodstvu, ogorodnichestvu i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 g. pri Kazanskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei. SPb., 1911. S. 1.

30. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 2–3.

31. Charnoluskii V.I. Ukaz. soch. S. 481.

32. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 18.

33. Vyatskoe srednee sel'skokhozyaistvenno-tekhnicheskoe uchilishche imeni imperatora Aleksandra II i nizshaya pri nem remeslennaya shkola: Krat. ist. ocherk za 1 desyatiletie. 1901–1911 gg. / Direktor uchshcha S. Kosarev. Vyatka, 1911. S. 93.

34. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 20–34.

35. Otchet Torgovykh klassov Simbirskogo obshchestva rasprostraneniya kommercheskikh znaniy za 1915–1916 uchebnyi god (8-i god sushchestvovaniya). Simbirsk, 1916. S. 8. Podschet avtora.

36. Charnoluskii V.I. Ukaz. soch. S. 455.

37. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 20, 34.

38. Ob obespechenii normal'nogo otdykha sluzhashchikh v torgovykh zavedeniyakh, skladakh i kontorakh [Vysochaishe utv. polozhenie Soveta ministrov 15 noyabrya 1906 g.] // P.A. Stolypin: Programma reform. Dokumenty i materialy : v 2 t. 2-e izd., ster. T. 1. M., 2011. S. 478–480, 482.

39. Materialy po kommercheskomu obrazovaniyu: Vyp. III. Torgovye shkoly: Soveshch. g. g. predstavitelei popechit. sovetov, uchreditel'ei, uchreditel'nits i inspektorov v yanv. mesyatse 1905 g. v g. S.-Peterburge. SPb., 1905. S. 163–165.

40. Charnoluskii V.I. Ukaz. soch. S. 482–483.

41. Tam zhe. S. 483.

42. NART. F. 345. Op. 1. D. 1227. L. 4.

43. Charnoluskii V.I. Ukaz. soch. S. 483–485.

44. Tam zhe. S. 482.

45. NART. F. 345. Op. 1. D. 1227. L. 4 ob–6.

46. Otchet o kursakh po plodovodstvu, ogorodnichestvu i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 g. pri Kazanskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei. SPb., 1911. S. 3.

47. Otchet o Kursakh po sadovodstvu, ogorodnichestvu, bor'be s vreditelyami plodovykh derev'ev i pchelovodstvu, ustroennykh letom 1911 goda pri Mariinskom zemledel'cheskom uchilishche dlya narodnykh uchitelei i sadovodov Povolzh'ya. SPb., 1911. S. 4.

48. Otchet o kursakh plodovodstva, ustroennykh Novgorodskoi gubernskoi zemskoi upravoi dlya narodnykh uchitelei sel'skikh shkol, Novgorodskogo uezda v sel'tse Yakovlev pri gubernskoi zemskoi sel'skokhozyaistvennoi shkole. Novgorod, 1913. S. 2.

УДК 374.72"1861-1917"(470)

**Дополнительное профессиональное образование
в позднеимперской России**

Тимур Альбертович Магсумов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
423815, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Московский, 134-31
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: nabonid1@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается опыт интенсивного создания и функционирования системы дополнительного профессионального образования в позднеимперский период российской истории, порожденного потребностями развернувшейся в стране модернизации. Построив статью на основе массовых источников, в том числе извлеченной из региональных архивов делопроизводственной документации, автор, в русле исследования основных организационных форм дополнительного образования – сельскохозяйственных курсов, торговых классов и курсов технического рисования, производит макросъемку тенденций и направлений, успехов и проблем в его развитии. Став к началу XX столетия специфическим элементом системы образования, дополнительное профессиональное образование, ориентированное на реальный сектор экономики, реализовывало свободное практикоориентированное обучение на основе принципов междисциплинарности, вариативности и высокой роли самообразования.

Ключевые слова: образование, Российская империя, модернизация, сельскохозяйственные курсы, торговые классы, курсы технического рисования, Е.Н. Медынский.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

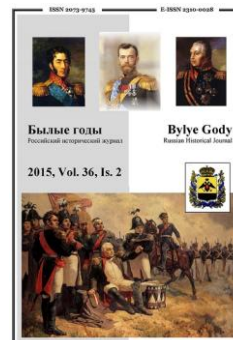
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 338-346, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 930

The Russian Government's Policy on Control over the Religious Life of Moslem Communities within Western Siberia between the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries

¹ Petr K. Dashkovskiy

² Elena A. Shershneva

¹ Altay State University, Russian Federation
656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61
Dr. (History), Professor

E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

² Altay State University, Russian Federation

656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61

PhD (History) Associate Professor

E-mail: D2703@yandex.ru

Abstract

This article examines the role of the Russian government in the set-up of the spiritual life of Moslem communities. Between the second half of the 19th and early 20th centuries, the Russian government saw its major objective in control over communities practicing faiths other than Orthodox Christianity – most importantly, the activity of Moslem communities. Such policy, in large part, was about control over the construction of cult buildings, as well as the set-up of confessional schools. Based on archive materials, the author provides an insight into the issue of the set-up of the spiritual life of the Moslem community of Western Siberia during the period under examination, as well as the major aspects of record management in the area. Special attention is devoted to the complexity of getting permits for the erection of Moslem facilities, which sometimes led to unauthorized construction. There was a similar trend in respect of opening academic institutions, since the government mostly supported the creation of new-type schools with Russian-based classes and their major objective was teaching Russian and familiarizing Moslems with Russian culture.

Keywords: state-confessional relations, Muslim communities, Western Siberia, educational institutions.

Введение

Ислам, являющийся второй по численности конфессией в Российской империи, привлекал к себе особое внимание со стороны государства. Начиная еще с XVIII века, в России наметилась тенденция на изменения в государственно-конфессиональной политике. Принятый в 1773 г. Екатериной II Указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов предоставляя все сие светским начальникам» провозглашал некоторые свободы в отношении представителей не православных вероисповеданий [1, С. 775–776]. Согласно данному закону ислам получил статус «терпимой» конфессии. На ряду с этим мусульманам разрешалось открытие мечетей, а при них медресе и мектабе. Однако, несмотря на принятые послабления к представителям мусульманского вероисповедания, контроль за религиозной жизнью общин оставался одним из важнейших пунктов в государственной политике России на всем протяжении имперского периода, в т.ч. и в отношении мусульман Западной Сибири [2]. Правительство по-прежнему придерживалось ряда ограничительных норм в отношении представителей мусульманского вероисповедания, которые были заложены еще до принятия Указа Екатериной II. В первую очередь данные ограничения

касались постройки культовых зданий и открытия при них учебных заведений конфессионального характера.

Материалы и методы

Понимание роли культовых сооружений в жизни мусульманской общины обеспечивает целостное восприятие религиозной жизни представителей инородческого вероисповедания в Российской империи, а так же роли государства в её регулировании. Наиболее объективно оценить роль государства в культовой жизни мусульманских общин позволяют архивные материалы, представленные прошениями от мусульманских общин, о сооружении культовых зданий и открытие учебных заведений, а так же законодательные акты принимаемые государством в этот период по устройству духовной жизни мусульман. Не маловажную роль в оценки устройства культовой жизни мусульманских общин играют статистические сведения о количестве мусульманского населения и культовых зданий, а так же рапорты губернских властей об устройстве религиозной жизни общин.

Обсуждение

Следует отметить, что именно мечеть с момента формирования ислама играла важнейшую роль в жизни мусульманской уммы. Российское законодательство определяло её главным символом устройства традиционной махали, разрешая проводить все молитвенные собрания только при утвержденных сооружениях. К тому же правовые отношения с мусульманской общиной во второй половине XIX – начале XX в. устанавливались на основании правового признания мечети. Согласно своему значению, отраженном в правовом поле, мечеть имела в жизни мусульман несколько аспектов: духовно-нравственный, общественно-политический, эстетический, социальный и образовательный [3. С. 3]. Таким образом, она становилась не просто культовым зданием, а центром единения всей общины, в которой была сосредоточена как её культурная, так и политическая жизнь.

В поликонфессиональном пространстве Российской империи мечеть выполняла еще задачу объединения мусульманских общин и сохранение их религиозного единства. Получение разрешения на строительство мечети, расценивалось, как официальное признание общины и ее регистрация [4. С. 213]. Именно с этого момента, мусульманская община могла заявить о себе, как о полноправном члене российского общества, вступающего в правовые отношения с государством.

В российском законодательстве отсутствовало нормативное требование по постройке мечети, поскольку не существовало строгих правил сооружения культового здания, что ставило представителей мусульманского вероисповедания в затруднительное положение в процессе постройки. Например, в законодательстве в отношении православных культовых зданий оговаривалось на каком расстоянии они должны были быть выстроены от соседних сооружений. Относительно требований к мечетям и молитвенным домам мусульман подобного рода указания отсутствовали [4. С. 218]. Единственным требованием государства, которое необходимо было соблюдать при постройке мечети, было то, что она не должна чрезмерно к себе привлекать внимание, и соответственно, вызывать интерес в не мусульманской среде.

Регулирование жизни мусульман российскими властями было в большей степени ориентировано на сельскую общину. Согласно действующему законодательству, непременным условием регистрации махали было наличие мечети, что давало возможность обзавестись духовным лицом [5]. Однако данное требование было крайне затруднительным для мусульманских общин Российской империи. В этой связи мусульмане не однократно жаловались на введённые требования. Согласно Строительному уставу (1900 г.) постройка мечети допускалось только при наличии 200 душ мужского населения [6].

Необходимо подчеркнуть, что данные требования можно было соблюдать сельским общинам с большим трудом. Что касается отхожих мусульман, работающих на предприятиях в городах как в Сибири, так и в европейской части России, то нормы, предъявляемые российским законодательством, были практически не исполнимы. О подобной проблеме, стоящей перед мусульманами, свидетельствуют, например, данные общины Саткинского чугунно-литейного заводе (Златоустовский уезд Уфимской губернии) в 1904 г. [5] Численность мусульман, прибывающих в города на заработки постоянно менялась, что затрудняло их объединение в общину, а в свою очередь и осложняло инициативу воздвигнуть собственное культовое здание. Подобного рода затруднения приводили к нарушению религиозных прав верующих мусульманского исповедания. Следует так же отметить, что поселки, состоящие из отхожих мусульман, и заводы не значились в «Уставах духовных дел иностранных исповеданий» (1896 г.) как поселения, в которых могли быть возводимы мечети. Они не попадали под категорию ни селения, ни города [5].

Строительство мечетей в мусульманской среде считалось делом особенно богоугодным, поэтому в нем старалось принять участия вся община. Подтверждения этому факту мы видим в начале строительства каменной мечети в г. Томске в 1901 г. Обоснование в строительстве каменного культового здания было обозначено численностью прихода, который в 1917 г. насчитывал уже 1500 человек [7].

Согласно сведениям К.Б. Кабдулвахитова, во второй половине XIX – начале XX вв. г. Томск становится центром духовной жизни мусульман Западной Сибири. Именно в этот период в городе

было сосредоточено большое количество мечетей и учебных заведений, принадлежавших мусульманской общине. В этой связи данный период можно вполне закономерно назвать расцветом мусульманской духовности Западной Сибири [8].

Обращаясь к архивным данным, можно увидеть, что мечети располагались не во всех населенных пунктах, где проживало мусульманское население Западной Сибири. При этом учитывалось требование законодательства о количестве душ мужского пола на одну мечеть. В целом, на начало XX в. в Томской губернии насчитывалось 8539 душ мужского пола, на которых приходилось 48 мечетей [9]. Если сравнивать эти данные со статистическими сведениями на 1869 г., то мужского населения, исповедующего мусульманскую религию, насчитывалось 5178 человек, а мечетей было всего 36 [10]. Обращаясь к таким данным, легко заметить, что на протяжении второй половины XIX в. в Томской губернии наблюдается равномерное возрастание мусульманского населения, а вместе с ним и пропорционального увеличения числа мечетей.

Необходимо обратить внимание на то, что строительство мечетей во второй половине XIX – начале XX вв. полностью осуществлялось за счет общины, по принципу благотворительных пожертвований. В некоторых случаях сбор, необходимой суммы для строительства, осуществлялся с помощью сдачи земельных наделов в наём [3. С. 37]. Мечети имели так же свои вакфы (недвижимое и движимое имущество, полученное от мусульман, как пожертвования и дарения), которые шли на нужды мусульманской общины. В Российской империи законодательство по регулированию государственно-конфессиональных отношений распространялось и на вакфные владения, которые согласно мусульманской традиции, должны контролироваться строго только самой общиной.

В некоторых случаях, когда община не имела достаточных средств на строительство культового здания или на постройку учебного заведения, она обращалась с просьбой к своим единоверцам из соседних губерний с целью оказания им поддержки. Например, в 1865 г. уполномоченный на сбор пожертвований от Оренбургского магометанского духовного собрания обратился к муфтию с предложением напечатать просьбу оказать содействие в постройке ярмарочной мечети в центральных изданиях и в губернских газетах (Тобольской, Томской, Казанской, Оренбургской и др.), где компактно проживают мусульмане) [11. С. 72].

Нужно обратить внимание, что пожертвованиям уделялось особое внимание в мусульманской среде. Так, все средства, поступающие от мусульман, должны были быть учтены и не смешиваться по назначению, делясь по принципу в пользу мечети, на школу и на благотворительные учреждения. Были случаи финансовой поддержки и со стороны представителей иных вероисповеданий, особенно в европейской части России. В частности, в начале XX в. для постройки кирпичного фундамента мечети в одном из уездов Самарской губернии русскими купцами были пожертвованы кирпичи для удовлетворения нужд мусульман [3. С. 38].

Неоднократно мусульмане обращались в губернские органы с ходатайствами о содействии им в устройстве религиозной жизни общины. В 1914 г. Заведующему Землеустройством и переселением в Тобольской губернии было направлено ходатайству переселенцев поселка Казанского, Такмыкской волости, о выдаче им ссуды или безвозвратного пособия на сооружение школьного здания [12. Л. 1а]. При этом община гарантировала осуществлять содержание данного учреждения за свой счет. Конкретного решения по данному делу, так и не было принято, хотя сведения о том, что в общине не имелось ранее мечети и не было человека, исполняющего требы, подтвердилось. Подтвердилось также и то, что ближайшее старожильческое поселение, находится на расстоянии 30 верст [12. Л. 22–22 об.].

Расстояние между существующими мечетями было одной из основных проблем мусульманской общины, которая и приводила представителей данного вероисповедания к необходимости подавать прошение в государственные органы на разрешение строительства культового здания. В 1856 г. в штаб Отдельного Сибирского корпуса было отправлено прошение от мусульман Сибирского линейного казачьего войска с просьбой о разрешении строительства мечети в 1 полку. В результате данного прошения на имя наказного атамана был отправлен запрос, который обозначал следующие вопросы: во сколько обойдется строительство такого культового сооружения; сколько средств уже собрано верующими; как мечеть будет содержаться и кому будет поручена ее постройка; какое количество мусульман будет ее посещать. В связи с тем, что средства на постройку не были собраны в полном объеме в 1857 г. Штабом было запрещено начинать строительство культового здания, до тех пор, пока необходимая сумма будет накоплена [13].

Как видно из приведенных архивных данных, несмотря на то, что количество прихожан составляло 365 душ, что значительно превышало установленные законодательством нормы на разрешение строительства, тем не менее, государство всячески стремилось к введению ограничительных мер для устройства культового здания. При этом поддержка со стороны правительства, как правило, не оказывалась. Государство, отказывало в содействии строительству культовых зданий инославных исповеданий, аргументируя это отсутствием средств. Примечательно, что отказ от правительства на постройку мечети, получил даже оренбургский муфтий в 1827 г., ожидавший поддержку со стороны государства в отношении органа, контролирующего деятельность мусульман России [11. С. 71].

Однако основной проблемой в отказе на строительство мечети, а тем более официального признания махали, было отсутствие необходимой численности представителей мусульманского вероисповедания регулярно проживающих на той территории, где постройка мечети считалась необходимой. В 1886 г. Указом Александра III от 15 декабря были внесены изменения в ранее действующий Строительный устав, в результате которого, было разрешено открытие мечети при наличии не менее 200 прихожан мужского пола и возможности общины содержать духовенство при ней и саму мечеть в хорошем состоянии [14]. Несмотря на все затруднения в устройстве духовной жизни мусульман, следует отметить, что до 1868 г. «молитвенные дома» во вновь учрежденном внешнем округе Западно-Сибирского генерал-губернаторства зачастую возводились за счет казны [3. С. 127].

Российское правительство стремилось максимально контролировать устройство духовной жизни своих подданных. Так, на строительство новой или на ремонт и расширение старой мечети, требовалось разрешение губернских властей. Данные требования были закреплены еще 31 мая 1829 г. в Указе о строительстве мечети, который, в свою очередь, ставил общину в полностью подконтрольное положение государственным органам. В этом Указе еще раз оговаривалось конкретное количество членов мусульманской общины, при которых возможно строительство мечетей. В 1844 г. был разработан типовой проект мечети, которым следовало руководствоваться при ее постройке [15; 16].

Для того, чтобы получить разрешение на постройку или ремонт культового здания, общиной выбирался доверенный, который отправлял прошение и вел всю переписку с государственными органами. Примером ведения делопроизводства по вопросу строительства мечети может служить прошение в Тобольское Губернское управление по Строительному отделению доверенного Нафетдина Шагабетдинова от проживающих в г. Кургане мусульман. В 1910 г. им было отправлено прошение с просьбой разрешить его доверителям построить мечеть в городе Кургане. В своем прошение он указывает, что высылает проект культового здания, а также подчеркивает, что ее строительство будет осуществлено за счет пожертвований собранных в общине. Постройка культового здания будет осуществляться так же за счет полученного двухэтажного дома, на первом этаже которого будет устроена школа с прихожей и кухней при квартире муллы. В верхнем этаже будет мечеть с местом для михраба, а рядом с ней комната для муллы. Крыша сооружения, согласно предложенному проекту, будет разобрана, и таким образом, будет выстроен минарет [17]. Предложенный проект перестройки дома под культовое здание был рассмотрен, и в результате установлено, что он не подлежит использованию. Сам проект, по мнению Строительного отделения, следует не доработать, а полностью переделать. При этом сумма в 125 рублей за новый проект должна быть внесена полностью.

Нужно отметить, что на получение разрешения на постройку мечети часто уходило несколько лет. Так, на прошение киргизов Инель-Тунгатаровской волости Акмолинского округа, отправленного в 1859 г., ответ с разрешением был получен только в 1862 г. Ответ пришел спустя три года только после того, как мусульманская община подтвердила количество прихожан и, что содержание мечети и училища при ней, берет на себя представитель мусульман Байбеков [18].

С проблемой устройства религиозной жизни общины столкнулись мусульмане г. Петропавловска. В частности, ими в 1860 г. было отправлено прошение на имя Генерал-Губернатора Западной Сибири. Доверенным лицом данного общества было указано, что согласно плану застройки г. Петропавловска следует устроить на месте закрытого в 1849 г. мусульманского кладбища городской сад. Татарская община, в свою очередь, просит передать данное кладбище в её владение с целью дальнейшего там открытия мусульманского сада, поскольку верующие обеспокоены надругательством над могилами своих предков. Более того жены и дочери мусульман не имели возможности появляться в общественных местах, а создание такого сада в городе позволило бы им, по мнению общины, беспрепятственно гулять, а также совершать поминальные службы по усопшим. Что бы облагородить данное место, татарская община просила разрешения огородить сад решеткой и заняться посадкой деревьев. На данный запрос главное Управление Западной Сибири ответило, что т.к. данный сад включен в план городской застройки, то передача его в собственность мусульманской общине представляется затруднительной. Относительно кладбища, было особо замечено, что его закрытие осуществлено согласно распоряжению Министерства Внутренних дел, в котором говорилось о прекращении всех внутренних кладбищ в связи с расширением города. На данный отказ, община еще раз отправила зарос, объясняя, что согласно приведенному распоряжению в отказе, не шла речь об огороженных участках. К тому же община будет считать за милость, если ей будет передан данный сад, который станет украшением местности. В прошение было замечено, что два русских кладбища уже переделаны под городские сады, а мусульманское кладбище будет уже финансово не под силу городской казне оборудовать под сад. В связи с этими обстоятельствами община просит ходатайствовать перед министром Внутренних дел о дозволении начала устройство сада, чтобы кладбище не пустовало. Либо пусть органы власти разрешат выстроить мечеть, тем более, что среди русского населения подобный прецедент уже был. Не противоречила такая инициатива и законодательству, в т.ч. ст. 912 т. 13 Свода законов Российской империи, изданного в. 1857 г. В конечном итоге в ходе переписки Тобольскому Губернатору в 1861 г. было отправлен ответ на

запрос татарской общины, который позволял устроить мусульманский сад в г. Петропавловске, т.к. в городе проживает большое количество мусульман [19].

Следует обратить внимание на то, что подобного рода затруднения в постройке мечетей приводили к тому, что к началу XX в. они часто приобретали не законный характер. Правительство всячески стремилось бороться с подобными рода постройками, в результате чего виновный в построении мечети без разрешения или в ненадлежащем месте подвергается согласно законодательству Российской империи наказанию [6. С. 228].

Неотъемлемой частью религиозной жизни мусульманской общины являлась конфессиональная школа. Именно учебным заведениям отводилась ведущая роль по воспитанию подрастающего поколения [20. С. 225]. Согласно имеющимся сведениям, например, в г. Томске, при мечети имелась женская мусульманская школа, а также проводились вечерние курсы.

Большая часть школ во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи открывалась за счет общин. Строительство зданий так же велось на общественные средства, в результате чего, данные учебные заведения получили названия общественных. Содержание учебных заведений полностью накладывалось на членов общины, и за некоторым исключением, содержались на средства жертвователей [20. С. 227].

Важно подчеркнуть, что образование считалось одним из важнейших инструментов воздействия на инородческое население Российской империи. В этой связи, уже в первой половине XIX в. инициатива устройства начального образования переходит в руки государства. Одной из важнейших целей, которую преследовало правительство, устраивая образование в инородческой среде, было распространение между ними начал «некоторой гражданственности». В 1852 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселев предписал генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорту собрать сведения о мерах, необходимых для того, чтобы «положить начало введения между инородцами образования». Генерал-губернатор, в свою очередь, определяя задачу тобольскому губернатору Т.Ф. Прокофьеву, обращал внимание на то, что «меры к образованию инородцев не могут быть для всех одинаковы», т.к. местное население различалось по языку, вере, образу жизни и обычаям. Таким образом, в государственной политике необходимо было учитывать этнические особенности. При этом генерал-губернатор подчеркивал, что важнейшим условием развития гражданственности у всех инородцев является знание русского языка [21].

Таким образом, в начале XX в. неоднократно членами мусульманской общины России поднимался вопрос перед министерством народного просвещения о содействии в устройении и содержании школ. Однако в данных прошениях было отказано, т.к. правительство видело своей целью поддержание только тех учебных заведений, которые имели русские классы.

Мусульманские учебные заведения в Российской империи были представлены двумя типами, это мектабе – начальная школа, и медресе – школы более высшего типа, имеющие усложненную образовательную программу [22]. Мектабе содержались на средства населения. Они представляли собой обычные деревенские дома из одной или нескольких комнат, которые были классами и общежитиями для многих учащихся. При этом данные дома были лишены всех бытовых удобств проживания. Материальное положение этих училищ было крайне невысоким [23].

В процессе изучения положения русско-татарских школ в Tobольской губернии, а так же отношения в них к русским учителям, было установлено, что тюменские татары относятся к школе с доверием и ждут от нее для себя помощи в знании русского языка. Такая позиция инородцев объясняется тем, что большинство из них являлись служащими в промышленных учреждениях, где знание русского языка крайне необходимо. Было так же замечено, что к учителю русского происхождения татары относились бы недоверчиво. Ходатайствуя об открытии школы, татары убедительно просили назначать им учителя также из татар, в противном случае число учащихся было бы сравнительно небольшим. Кроме того было отмечено, что община считает содержание школы наиболее благонадежным за счет средств государства. Инспектор, при проведении данной проверки, также подчеркнул, что тюменские татары имеют большое стремление в устройстве подобного рода школ, которые весьма способствуют сближению инородцев с русским населением. Однако деревенские татары опасались школы, которая может затронуть их религию. В этой связи инспектор разъяснял татарам, что обучение не предусматривает изучение не мусульманской веры, что вызвало положительную реакцию и стремление подготовить ходатайство об открытии таких школ.

В определенной степени свободные в своих суждениях городские татары очень упорно добивались открытия Тюменской русско-татарской школы. Однако, как это часто и бывало, они не представляли собой организованного общества. К тому же содержание данной школы за средства общины было весьма затруднительным. Вследствие проверки, было установлено, что Городская Управа не считала своей обязанностью давать средства на содержание татарской школы. Кроме того, выяснилось, что Тюменская школа открыта Городским управлением в порядке осуществления школьной сети, но с тем условием, что город, будет давать только жалование учащим, а содержание же должны осуществлять местные татары. Вследствие этого, по просьбе татар, помещение для школы на время предоставил бесплатно тюменский купец А.И. Текутьев. Отопление помещения и прислуга финансировались за счет благотворителей. В тоже время комиссия, которая занималась изучением

системы народного образования в Тобольской губернии, отметила, что данная система управления школьным образованием является крайне не прочной, и сама община может привести учебное заведение только к упадку [24].

В 1904 г. под руководством тайного советника профессора А.С. Будиловича была организована проверка начальных учебных заведений Российской империи, целью которой было определить, необходимость следить за духовными учебными заведениями мусульман, и насколько активно должно быть участие государства в деятельности мектабе и медресе [25]. В результате, при проверках мусульманских учебных заведений было обнаружено, что часть из них находится в крайне плачевном состоянии.

По итогам проверок в 1906 г. были приняты правила об устройстве инородческого образования, которые поднимали вопрос об организации и устройстве инородческих школ в Российской империи. Согласно данным правилам, целью организации училищ являлось «нравственное и умственное развитие инородцев путем распространения знания русского языка» [26]. Анализируя данные правила, муфтий М. Султанов обратился к министру народного просвещения, с просьбой передать мектабе и медресе в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания. Тем более, что в школах все мугалимы, за исключением школ Вагайских и Казанских, где учат сами указные муллы, никем не назначены, а обучают детей учителя, приглашенные общиной зачастую из-за границы, под наблюдением мулл [27].

Наличие мусульманских школ, крайне беспокоило Российское правительство во второй половине XIX – начале XX в., о чем свидетельствуют архивные материалы. Так, в 1913 г. Тобольским полицмейстером под грифом секретно был направлен рапорт на имя Тобольского Губернатора, в котором сообщалось, что в предоставленном списке мусульманских школ имеется учебное заведение, открытое мусульманским обществом 26 марта 1886 г. и относящееся к начальным школам. Существовало данное учебное заведение, без разрешения и содержалось на средства общины, которая и контролировала его деятельность. Полицмейстером отмечалось, что преподавание в школе ведется на арабском языке, хотя есть среди предметов и русский язык [28. Л. 40].

Вопрос о разрешении на открытие учебных заведений мусульманского вероисповедания, был одним из важнейших, так как в начале XX в., в результате переписи всех школ в Тобольской губернии, было установлено, что только одна школа в Ишимском уезде, а именно в д. Мавлютке, открыта с разрешения государственных органов. Все же остальные школы открыты с давнего времени без разрешения. Следует заметить, что мусульманские школы в указанной губернии можно отнести к начальным одноклассным школам, состоящих в большинстве случаев при мечетях и содержащихся на средства местных мусульманских сельских общин. Заведовали школами и преподавали в них, при чем на татарском языке, имамы и муллы. Только в одной мусульманской школе в г. Тобольске введено преподавание русского языка [28. Л. 50–50 об.].

Необходимо подчеркнуть, что правительство было крайне озабочено устройством мусульманских школ, особенно их благонадежностью, тем более, что часть школ, как было уже замечено, открыта мусульманами самовольно без разрешений от губернских властей. Так, в 1878 г. Тобольскому губернатору, под грифом секретно были донесены сведения о вредном влиянии духовных лиц на саму мусульманскую общину и возбуждении в ней религиозного фанатизма. В результате данного донесения окружным исправникам было дано распоряжение собрать сведения о том, каким образом при татарских мечетях открываются школы, а так же кто за школами имеет наблюдение [29. Л. 1–1 об.]. Из приведенных ниже данных, можно сделать вывод о том, что правительство не в состоянии было полностью контролировать устройство духовной жизни общины. Так, согласно сведениям, полученным от исправников в г. Таре, имеется одно училище, открытое без разрешения и содержащееся купцом Айтылкиным на завещанные отцом средства. Учителем в этом училище состоял окружной мулла Сайтыков, определенный на должность Оренбургским магометанским духовным собранием. Кроме того, было отмечено, что школы при мусульманских мечетях открываются довольно часто, и при этом разрешения на их открытие мусульмане не получают [29. Л. 17–18]. Тюменский окружной исправник рапортовал, что все школы открытые в его округе при мечетях еще с незапамятных времен, и никаких бумаг, подтверждающих их открытие нет [29. Л. 31–31 об.]. По запросу о наблюдении за данными школами все исправники отмечали, что никакого особого надзора за этими учебными заведениями так же не ведется.

Государственные органы различного уровня неоднократно запрашивали у местных властей сведения о наличии мусульманских учебных заведений, а так же каким образом они открывались и за чей счет содержались. Так, в 1855 г. министром Внутренних дел было направлено предписание начальнику Тобольской губернии с запросом о наличии мусульманских школ. На данный запрос было дан ответ, что основная масса школ открывалась без ведения властей, а содержание их ведется полностью на средства самой общины. Было так же отмечено, что данные учебные заведения никакому ведомству не принадлежат [30].

Заключение

Таким образом на основе проведенного исследования, можно заключить, что государство основной своей задачей в отношении мусульман Российской империи видело тотальный контроль за

духовной жизнью уммы. Наиболее полно этот контроль проявлялся в устройстве духовной жизни общины, а именно постройке мечетей и устройства при них учебных заведений. Начиная еще со времен Екатерины II мусульмане получили некоторые послабления в отношении устройства духовной жизни общины. Однако, по-прежнему, сохранялись ограничительные меры в Строительном уставе, а так же даже в выборе архитектурного решения при построении мечети. К тому же, процесс получения разрешений на устройство мечети или школы занимал достаточно длительный период времени, что приводило к не законному построению мечетей и открытию учебных заведений. Следует отметить, что, несмотря на контроль за строительством культовых зданий, правительство отказывалось от такой меры, как помощь в финансировании культовых сооружений. Содержание школ и мечетей целиком являлось обязанностью самой общины. В вопросе содержания учебных заведений для мусульман, правительство видело своей обязанностью устройство и содержание только школ нового типа, которые имели русские классы, а их главной задачей являлось обучение русскому языку и знакомство мусульман с русской культурой.

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб.: Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XIX. 1081 с.
2. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Основные направления конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульманских народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Азбука, 2014. Т. I: Поздняя древность – начало XX в. С. 94–109.
3. Загидуллин И.К. Особенности структурирования мусульманского молитвенного дома в общеимперское правовое пространство // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 124–150.
4. Гибадуллина Э.М. Механизмы финансирования строительства и содержания сельских мечетей в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 37–43.
5. Загидуллин И.К. Особенности организации религиозно-обрядовой жизни рабочих татар-мусульман в Европейской части России и Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) [Электронный ресурс] // Мир ислама. 2008. № 1. – URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17-12008#> (дата обращения: 12.01.2015)
6. Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 12. 549 с.
7. Маркова М.Ф. Татары-мусульмане г. Томска в конце XIX – начале XX в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Томск, 2009. С. 151–158.
8. Кабдулвахитов К.Б. Роль поволжской татарской миграции в развитии ислама в Томской губернии в начале XX в. [Электронный ресурс] // Файзрахмановские чтения. 2011. № 8. – URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5116> (дата обращения: 18.12.2014)
9. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оп. 2. Д. 8. Л. 835 об.–884
10. Памятная книга Томской губернии на 1871 г. Томск: Томская губернская типография, 1871. 260 с.
11. Загидуллин И.К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах Европейской части России и Сибири (XIX – начало XX вв.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 70–104.
12. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 580. Оп.1. Д.815.
13. Государственный архив Омской области. Ф.67. Оп.1. Д.729.
14. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.
15. Бакиева Г.Т. Российское государство и сибирские татары в XVII – начале XX в.: конфессиональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. 2008. №4. С. 7–15.
16. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. IV. 968 с.
17. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Фи. 353. Оп.1. Д.783.
18. Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4320.
19. Государственный архив Омской области. Ф.3. Оп.3. Д. 4512.
20. Кобзев А.В. Мусульманская община как центр организации обучения и воспитания (по материалам Симбирской губернии XIX – начала XX века) // Мечети в духовной культуре татарского

народа (XVIII в. – 1917 г.). Материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. С. 225–239.

21. Конев А.Ю., Бакиева Г.Т., Ключева В.П. Социально-правовые аспекты конфессиональной политики Российского государства в Западной Сибири XVII–XIX вв. [Электронный ресурс] // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. 2005. Выпуск 6. – URL: <http://bva.wmsite.ru/problemy-vzaimodejstviya/vypusk6/konev> (дата обращения: 25.06.2012)

22. Дашковский П.К., Шершнёва Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 68–71.

23. Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2009. 219 с.

24. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф.5. Оп.1. Д. 77.

25. Бурдина Е.Л. Позиция русского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 278–287.

26. Гатин А. «Бюрократия нас уничтожит, сотрет нашу религию и нацию...» (Проблема образования татар в дискуссиях в начале XX в.) [Электронный ресурс] // Эхо веков: научно-документальный журнал. 2005. № 1. – URL: <http://www.archive.gov.tatarstan.ru> (дата обращения: 25.10.2014).

27. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 2. Оп.1. Д.182.

28. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 417. Оп.1. Д.589.

29. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 152. Оп. 33. Д. 135.

30. Государственное бюджетное архивное учреждение Тобольской области. Ф. 152. Оп. 31. Д. 1146).

References:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1969 g. SPb: Tipografiiy II Otdeleniy E.I.V. Kanjcel'jarii. Sobranie I. T. XIX. 1081 s.

2. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Osnovnye napravleniya politiki Rossiyskoy imperii v otnoshenii musul'manskikh narodov Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Religioznyy landshavt Zapadnoy Sibiri i sopedel'nykh. Barnaul: Azbuka, 2014. T. I: Pozdnyaya drevnost' – nachalo XX v. S. 94–109.

3. Zagidulin I.K. Osobennosti strukturirovaniya musul'manskogo molitvennogo doma v obszeimperskoe pravovoe prostranstvo // Mecheti v duhovnoy kul'ture tatarskogo naroda (XVIII v. – 1917 g.). Materiale vserossiyskoy nauchno-practicheskoy konferentsii. Kazan': Institut istorii iv. Sh. Mardschani AN RT, 2006. S. 124-150.

4. Gibadullina A.M. Mezhanizmy finansirovaniy stroitel'stva sel'skihz mechetey v Samarskoi gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Istochniki suchxestvovaniy islamskix institutov v Rossiyskoy imperii Kazan': Institut istorii iv. Sh. Mardschani AN RT, 2009. S. 37–43.

5. Zagidulin I.K. Osobennosti organizacii religiozno-obraydovoy schizni rabochich tatar-musul'man d Evropeyskoy chasti Rossii i Sibiri (vtoray polovina XIX – nachale XX v [Aelektronny resurs] // Mir islama. 2008. № 1. – URL: <http://www.paxislamika.ru/arkhiv/17-12008#> (data obrascheniy: 12.01.2015)

6. Svod zakonov Rossiyskoy imperii. SP,: Russkoe kniczhnoe tovarizchestvo «Deaytel'», 1912. T. 12. 549 s.

7. Markova M.F. Tatary-musul'mane g. Tomsk v konzce XIX – nachale XX v // Istoricheskie issledovaniy v Sibiri: problemy i perspektivy Tomsk, 2009. S. 151–158.

8. Kabdulvaschitov K.B. Rol' povolschskoy tatarskoy migratsii v razvitii islama v Tomskoy gubernii v nachale XX v. [Aelektronny resurs] // Fayzraxhmanovskie chteniay. 2011. № 8. – URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5116> (data obrascheniy: 18.12.2014)

9. Zcentral'naey gosudarstvenniy istoricheskij archive Respublici Bashkortostan. F. 295. Op. 2. D. 8. L. 835 ob.–884.

10. Pamaytnay kniga Tomskoy gubernii na 1871 g. Tomsk: Tomskay gubernskay tipografiiy, 1871. 260 s.

11. Zagidulin I.K. Publichnye sbory pozhcetvovaniy dly stroitel'stva mechetey v gorodax Evropeyskoy Rossii i Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) // Istochniki suchxestvovaniy islamskix institutov v Rossiyskoy imperii Sbornik statey. Kazan': Institut istorii iv. Sh. Mardschani AN RT, 2009. S. 70–104.

12. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arxivnoe ucherehchenie Tobol'skoy oblasti. F. 580. Op.1. D.815.

13. Gosudarstvenne arxiv Omskoy oblasti. F.67. Op.1. D.729.

14. Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniy, statistika) / sost. D.U. Arapov. M.: Akademkniga, 2001. 367 s.

15. Bakieva G.T. Rossiyskoe gosudarstvo i sibirskie tatary v XVII – nachale XX v.: konvessional'nay aspect // Izvestiy Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriy Istotiy. 2008. №4. S. 7–15.

16. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. SPb.: Tipografiiy II Otdeleniy E.I.V. Kanjcel'jarii. Sobranie II. T. IV. 968 s.

17. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arxivnoe ucherehchenie Tobol'skoy oblasti. F. 353. Op.1. D.783.

18. Gosudarstvenne arxiv Omskoy oblasti. F. 3. Op. 3. D. 4320.

19. Gosudarstvenne arxiv Omskoy oblasti. F.3. Op.3. D. 4512.

20. Kobzev A.F. Musul'manskay obzhina kak centr organizacii obucheniy i vospitaniy (po materialam Simbirskoy gubernii XIX – nachala XX v.) // Mecheti v ducshovnoy cul'ture tatarskogo naroda (XVIII v. – 1917 g.). Materiale vserossiyskoy nauchno-practicheskoy konferenczii. Kazan': Institut istorii iv. Sh. Mardschani AN RT,, 2006. S. 225–239.
21. Konev A.U., Bakieva G.T. Sozcial'na-pravovye aspekty confessional politiki Rossiyskogo gosudarstva v Sabagnoy Sibiry XVII – XIX v. [Aelektronny resurs] // Problemy vzaimodeystviy cheloveka i prirodny sreda. 2005. V. 6. URL: <http://bva.wmsite.ru/problemy-vzaimodejstvija/vypusk6/konev> (data obrascheniy: 25.06.2012).
22. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Musul'manskoe obrazovanie v Zapadnoy Sibiri v XIX – nachale XX v. // Izvestiy Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4-1. S. 68–71.
23. Bobkova T.I. Tatarskie obzhiny Irkutskoy gubernii (konezc XIX – nachalo XX v.). Irkutsk, 2009. 219 c.
24. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arxivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti.. F.5. Op.1. D. 77.
25. Burdina E.L. Pozitsiy russkogo pravitel'stva po voprosu «inorodcheskogo» obrazovaniy v nachale XX v. // Voprosae obrazovaniy. 2007. № 3. S. 278–287.
26. Gatin A. «Burokriatyi nas unichtozhcit, sotret nashu religiu i nazciu...» (Problema obrazovaniy tatar v diskussiix v nachale XX v.) [Aelektronny resurs] // Aexo vecov: nauchno-documental'nay zchurnal. 2005. № 1. – URL: <http://www.archive.gov.tatarstan.ru> (data obrascheniy: 25.10.2014)
27. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arxivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti. F. 2. Op.1. D.182.
28. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arxivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti. F. 417. Op.1. D.589.
29. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arxivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti. F.152. Op.33. D. 135.
30. Gosudarstvennoe budxhcetnoe arxivnoe ucherehchdenie Tobol'skoy oblasti. F.152. Op.31. D.1146.

УДК 930

Политика российского государства по контролю за религиозной жизнью мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

¹ Петр Константинович Дашковский

² Елена Александровна Шершнёва

¹ Алтайский государственный университет, Российская Федерация
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

² Алтайский государственный университет, Российская Федерация
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: D2703@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль российского государства в устройстве духовной жизни мусульманских общин. Во второй половине XIX – начале XX в. Российское правительство видело главной своей задачей контроль за инославными и иноверными вероисповеданиями и, особенно, за мусульманскими общинами. Такая политика во многом выражалась в контроле за строительством культовых зданий, а так же устройством конфессиональных школ. На основании архивных материалов раскрывается проблема устройства духовной жизни мусульманской общины Западной Сибири в рассматриваемый период, а так же основные аспекты делопроизводства в данной сфере. Особое внимание уделяется сложности получения разрешений для сооружения мусульманских объектов, что приводило иногда к несанкционированному строительству. Аналогичная тенденция отмечалась и в отношении открытия учебных заведений, поскольку правительство поддерживало преимущественно создание школ нового типа, которые имели русские классы, а их главной задачей являлось обучение русскому языку и знакомство мусульман с русской культурой.

Ключевые слова: мусульманские общины; государственно-конфессиональная политика; Западная Сибирь; образовательные учреждения.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

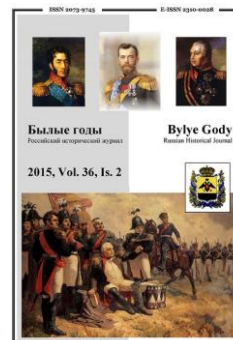
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 347-358, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Revisiting the Issue of Far-Left Political Parties in 1907–1909 (through the Example of Black Sea Governorate)

Konstantin V. Taran

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

PhD (History)

E-mail: taran.constantin@yandex.ru

Abstract

This article discusses the activity of far-left organizations across Black Sea Governorate in 1907–1909. During this period, the bodies of internal affairs detected in the region a subversive activity of SR Maximalists, Communist Anarchists, and other terrorist groups. The activity of these destructive forces would come down to the physical liquidation of government officials, representatives of right parties, as well as extortion of money from merchants. The author comes to the conclusion that in Novorossiysk the two-year period following the end of the First Russian Revolution saw the party organizations of Social Democrats, Socialist Revolutionaries, Maximalists, Anarchists, etc., to virtually degrade and take on forms of organized criminal groups.

Keywords: First Russian Revolution, SRs, Anarchists, Black Sea Governorate.

Введение

Согласно сложившейся исторической хронологии событий 3 июня 1907 г. завершилась Первая российская революция, которая всколыхнула все слои российского общества. Итогами революционного процесса стало развитие в России конституционно-парламентской монархии, при этом представители социалистов-революционеров и социал-демократов, принимавших активное участие в революционной деятельности, в период наведения порядка властями меняли формы своей деятельности, в виду изменения сложившейся ситуации. Не исключением стала и Черноморская губерния, где в конце 1905 г. и в начале 1906 г. имперская администрация при помощи вооруженных сил смогла восстановить утраченные позиции. Социал-демократы потеряли влияние среди населения из-за участия в их рядах грузинского населения губернии, которые вынашивали сепаратистские планы. Авторитет социалистов-революционеров среди крестьян губернии оставался на высоком уровне, но после дела Азефа политическое влияние эсеров пошло на спад.

Материалы и методы

Материалами для написания данной статьи стали документы государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и государственного архива Краснодарского края (ГАКК). В данных документах, основная часть которых впервые вводится в научный оборот, представлены следственные материалы министерства внутренних дел о деятельности леворадикалов.

Методологической основой исследования стали общенаучные методы: анализа и синтеза, конкретизации, обобщения, важное значение в работе имеют описательный, хронологический и историко-сравнительный методы. Описательный и хронологический методы позволяют рассмотреть все проявления деятельности леворадикальных организаций в послереволюционное время.

Обсуждение

Историография по теме исследования довольно многочисленна. В связи с этим мы бы хотели разделить ее на три хронологических периода и выделить дореволюционную, советскую и постсоветскую историографию:

1. Период дореволюционной историографии (конец XIX в. – октябрь 1917 г.);
2. Советский период (с ноября 1917 г. – август 1991 г.);
3. Постсоветский период (с 1991 г. – по настоящее время).

Дореволюционная историография. Из авторов дореволюционного периода следует выделить работу С.Ю. Витте, который дал свою оценку социальной напряженности: *«вести политику средних веков; когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые это не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют свой престол и силу»* [1].

Кроме этого также нужно отметить работы современников революции 1905–1907 гг. П.Н. Милокова [2], И.В. Сталина [3], Л.Д. Троцкого [4], которые отобразили взгляд свой и политические течения, которым они себя причисляли.

Определенный интерес вызывает мнение историка Ф. Гершельмана, который считал причинами революционного движения на Кавказе историческое прошлое этого региона, географическое положение, нравы местного населения, а также общее неустройство края [5].

Не меньший интерес представляют публикации дореволюционных авторов В. Каландадзе и В. Мхеидзе [6], а также монография Г. Затерянного [7], рассматривавших революционные события в Грузии, которые прямым или косвенным образом отразились на развитии общественно-политического движения в Черноморской губернии.

Советская историография. В Советском Союзе изучение причин, событий и результатов Первой российской революции было одним из приоритетных направлений отечественной историографии. Каждый юбилей сопровождался очередными публикациями научных и научно-популярных изданий, сопровождался агитационно-пропагандистскими мероприятиями в средствах массовой информации. В соответствии с ленинскими оценками, события 1905–1907 гг. характеризовались как «генеральная репетиция» Октябрьской революции 1917 г., гегемоном которой был рабочий класс, выступавший под руководством партии и большевиков [8].

Однако развитие советской историографии было отмечено глубокими внутренними противоречиями, т.к. принцип коммунистической партийности, которым руководствовались советские историки, неизбежно приводил к появлению в исторических исследованиях «фигуры умолчания» в отношении событий, явлений и отдельных лиц, не вписывающихся в ленинскую концепцию революции.

Оформилось и еще одно направление в исследовании революционных событий – участие казачества в этом процессе. Изучением революционного движения в частях Кубанского казачьего войска в 1940–1950-х гг. занимался исследователь П. Перепенченко [9], который придавал большое значение агитации социал-демократов в казачьих воинских частях.

Главной темой работ краснодарского историка В.А. Скибицкого [10] являлась деятельность членов организаций РСДРП на Кубани и Черноморье, также имеется его публикация совместно с другими советскими исследователями [11]. Советские исследователи А.О. Тулумджян [12], В.Д. Сокольский [13] и И.С. Чулок [14] рассмотрели в отдельности события Первой российской революции, происходившие в Сочи и Новороссийске.

Начиная с 1970-х годов, отечественные историки стали проявлять интерес к изучению деятельности и других партий, как правило, рассматривая их историю сквозь призму «контрреволюционности», борьбы большевиков против их идеологических установок и, в конечном счете – крушения как политических организаций помещиков и буржуазии [15]. Однако даже в таком ключе региональные отделения этих партий не подвергались исследованию. На местах по-прежнему приоритетным оставалось изучение партии большевиков.

Постсоветский период. Благодаря ослаблению цензуры, появились работы авторов, в которых в общероссийском масштабе исследуется деятельность практически всех политических движений в России [16], центробежные стремления этнических окраин империи [17], а также истоки и проявления революционного терроризма [18]. Так, в конце XX – начале XXI вв. были опубликованы коллективные монографии краснодарских исследователей по истории Кубани [19], в которых также освещались события Первой российской революции на территории Черноморской губернии. Впервые на события революции обратили внимание с позиции царской местной администрации, а не революционного подполья.

В исследовании Д.А. Аманжоловой «Межэтнические конфликты в Российской империи (1905–1916 гг.): в поисках решений» [20] представлен анализ и дана характеристика межнациональных эксцессов, произошедших в начале XX в. на имперских окраинах.

Заметный вклад в изучение истоков многопартийности на Северном Кавказе внес Л.А. Карапетян [21], который в своих монографиях всесторонне отобразил наличие политических и национальных объединений в Черноморской губернии и их деятельность в период Первой российской революции.

Тему революционного движения в годы Первой российской революции затронули в своих исследованиях и местные региональные историки, которые изучали историю городов, входящих в состав Черноморской губернии. К таким авторам можно отнести К.В. Тарана [22], И. Тверитинова [23]

и В. Молчанову [24]. Кроме этого, дополнительный статистический материал о революционных событиях имеется в статьях, опубликованных новороссийскими и сочинскими краеведами [25].

В постсоветских работах исследователь С.В. Тютюкин [26] ставит под сомнение выводы советских идеологов относительно утверждения ведущей роли рабочего класса и марксистской социал-демократической партии в революционном движении 1905–1907 гг., полагая, что политическая стачка 1905 г. имела демократические, а не социалистические лозунги. Кроме этого, С.В. Тютюкин провел подробный обзор отечественной историографии 1990-х гг., касающийся темы Первой российской революции.

Помимо этого, нужно отметить труды современных зарубежных авторов А. Асчера [27], Т. Шанина [28], А. Гейфман [29] и Р. Пайпса [30], М. Конфино [31], которые без излишней ангажированности изложили свой взгляд на тему Первой российской революции 1905–1907 гг. и уделили внимание деятельности и роли представителей общественно-политических движений в указанный период.

Подводя итог историографическому обзору, следует отметить политико-идеологическую направленность советских историков, обусловленную давлением партийной цензуры. Обращает на себя внимание второстепенная значимость региональной истории на фоне советской истории Первой российской революции. Предвзятость интерпретаций советских историков подтверждается не только подбором документов, но и стилистикой исторических работ 1920–1980 гг., воспроизводящей язык коммунистической публицистики того времени, пестрящей идеологическими штампами и стереотипами.

Результаты

В завершающей стадии Первой российской революции в политической жизни Российской империи происходили кардинальные изменения. Так, например, серьезные изменения произошли среди членов партии социалистов-революционеров Черноморского комитета, на заседании которого, состоявшегося в ноябре 1906 г. было решено запретить частные экспроприации. Денежные средства, добытые путем частных экспроприаций, в партийную казну не принимались, а участники этих акций исключались из организации [32].

В итоге сторонники экспроприаций реорганизовались в партию социалистов-революционеров максималистов. Официально Союз социалистов-революционеров максималистов был создан в октябре 1906 г. на первой учредительной конференции, состоявшейся в Финляндии. В задачи максималистов входил социальный переворот в городе и деревне, с последующим установлением «Трудовой республики». Они призывали к проведению экспроприаций казенных и общественных капиталов по постановлениям местных организаций, а изъятие капиталов частных лиц производить с согласия Центрального исполнительного бюро [33].

Первые теракты максималистов приходятся на январь 1907 г. В ночь с 7 на 8 января был убит лидер местного отдела Союза русского народа Л. Безотесный, 15 января у К. Выводцева экспропрированы 2 тысячи рублей, а 17 и 24 января во время перестрелок были убиты помощники приставов Гунькевич и Буржиновский [34].

Организация партии социалистов-революционеров понесла значительный урон, когда утром 30 июля 1907 г. в Новороссийске в квартире, занимаемой крестьянином Тамбовской губернии Редкозубовым, произошел взрыв бомбы. Находившийся там крестьянин Казанской губернии Иван Леонтьев, сильно раненый и обожженный, помещен в городскую больницу. Обнаружено: 2 пятизарядных револьвера, несколько бутылок с неизвестной жидкостью, эмалированная кастрюля с запахом серной кислоты, обрезки свинца, жести, красной меди и какой-то белый порошок. Разная нелегальная литература, отчет Черноморского комитета РСДРП, а также 2 паспорта на Леонтьева и на крестьянина Гродненской губернии Горбачика, который раненый после взрыва скрылся, как и Редкозубов с женою [35].

Ранее агентурные сведения указывали на нахождение в Нахаловке (часть города, где произошел взрыв) наличие конспиративной квартиры, которую посещал член Новороссийской группы партии социалистов-революционеров по конспиративной кличке *Борис*. По сведениям агентуры эта квартира служила местом проживания «товарищей», находящихся в Новороссийск с каким-либо партийным поручением. Филерским наблюдением за *Борисом*, сразу квартиру выявить не удалось. Взорвавшийся снаряд был приготовлен для экспроприации, которая после взрыва, за недостатком средств осуществлена не была. Леонтьев в больнице скончался, вышеупомянутый *Борис* также пострадал при взрыве, но успел скрыться до прибытия полиции. Также, по агентурным сведениям известно, что он умер от ран и похоронен в лесу товарищами. Новороссийская организация эсеров располагает второй лабораторией взрывчатых веществ, которая властями не установлена [36].

Расшифровка записок, найденных на квартире Редкозубова, дала следующие результаты: 1. казначей – Пахом, 2. секретарь – *Борис*, 3. заведующий кружком пропагандистов – Михаил Иванович, 4. библиотекарь – Гераутов, 5. техник – Оазин, 6. боевая и патрульная группа – Грозный [37].

Кроме этого необходимо отметить, что *Борис* был известен властям под фамилией Сокольский, который в 1905 г. входил в состав группы социал-демократов и в этом же году по заключению врача он был болен туберкулезом правого легкого [38].

Через два года 12 июля 1909 г. полицейские задержали Дмитрия Горбачика (он же Дмитрий Кочанов), который после взрыва у Редкозубова бежал и лечился у врача Ипполитова, акушерок Тесля и Калининской.

Кроме максималистов в Новороссийске стали появляться новые политические объединения анархического толка. Нужно отметить, что в анархические организации вступали представители социалистов-революционеров и социал-демократов не по политическим мотивам, а в большей степени из-за желания заниматься экспроприациями, т.е. шантажом и вымогательством денежных средств с имущего населения города. Этому способствовали события декабря 1905 г., когда вымогательство было организовано совместно с городской управой, и был введен незаконный прогрессивно-подоходный налог с предпринимателей. Так, например, 9 сентября 1907 г. был убит анархист-шантажист, Александр Кутепов, который ранее состоял в социал-демократической партии [39].

Во второй половине 1907 г. в губернском центре Новороссийске образовалась новая политическая организация – Новороссийская группа анархистов-коммунистов, члены которой Андрей Семенович Петрышкин и Потап Иванович Облагин 15 октября 1907 г. в 7 часов утра пришли в квартиру помощника управляющего нефтеперегонным заводом «Русский Стандарт» Чернова, и направив на него револьвер, потребовали денег. Чернов одного вытолкнул из квартиры, другой 2 раза выстрелил и легко контузил Чернова, который позвонил в полицию. Начались повальные обыски.

В ходе оперативных мероприятий в погребке дома Михаила Яковлевича Краснюченко сотрудники полиции обнаружили следующее: револьверы Браунинг и Наган, старинный пистолет, ружье системы Крынка, несколько патронов к этому ружью и отдельно несколько пистонов, около пяти фунтов пороха, вытравленный паспортный бланк, одно воззвание Новороссийской группы анархистов-коммунистов и все принадлежности тайной типографии, видимо неработающей в последнее время. Полицейские арестовали М.Я. Краснюченко, его сына Георгия с женой Евдокией Михайловной, а также А.С. Петрышкина и П.И. Облагина [40].

Черноморская группа социалистов-революционеров максималистов за отказ в выплате денег в декабре 1907 г. совершила убийство купца Черномордика [41]. После этого, максималисты 28 декабря 1907 г. выпустили прокламацию, в которой предупредили население Новороссийска и представителей иных политических течений, что если кто-то кроме них будет отнимать или вымогать деньги на их территории, при этом использовать аббревиатуру Партии социалистов-революционеров максималистов, то они ликвидируют самозванцев. Несмотря на это в городе проявлял активность «Боевой отряд партии анархистов-коммунистов», который присылал имущему населению письма с угрозами о выдаче им денежных сумм, заверяемые печатью, в середине которой находилось слово «Анархия». Максималисты в прокламации предупреждали население, что такой партии не существует и требовали: *«им денег не давать, мы поступим с ними как с врагами революции, они пропивают деньги»*. Как только максималисты узнали личность руководителя анархистов, которым оказался некий *Сандро*, они произвели его ликвидацию в ночь на 7 января 1908 г. [42] Кроме этого, 3 января 1908 г. максималистами был ранен из огнестрельного оружия крестьянин Демьян Рымаренко [43].

14 января 1908 г. появились первые выпуски Черноморской группы партии социалистов-революционеров максималистов – листовки с лозунгом: «Борьба за право на полный продукт труда». Максималисты указывали, что требуемые у имущего населения денежные средства используются на: 1. приобретение оружия для поддержки революции; 2. для помощи семьям, заключенных в тюрьмы товарищей; 3. для покупки литературы для просвещения темной массы. Листовка заканчивалась призывами: «Да здравствует партия социалистов-революционеров максималистов!», «Да здравствует террор!» и «Долой правительственных подручных шантажистов!» [44].

Власти губернского города были озабочены такой активностью, в связи с чем, выявили 3000 экземпляров листовок максималистов, которые были напечатаны в легальной типографии «Труд», арестовав наборщика текста. Кроме этого, были ликвидированы и арестованы несколько человек из группы максималистов, арестован также и секретарь этой организации [45].

Кроме этого, в Новороссийске образовалась группа анархистов-шантажистов, которые с угрожающими письмами требовали у населения денег. Максималисты и анархисты-коммунисты вступили в блок для взаимодействия против анархистов-шантажистов. На заседании представителей двух комитетов было решено: *подкарауливать и убивать коммунистов-анархистов-шантажистов, как подрывающих доверие к политическим организациям*. Двух шантажистов поймали максималисты, но они избежали смерти и озлобленные отправились к приставу, которому сообщили интересующую власти информацию и указали на главного деятеля максималистов – *Берегового* [46].

Руководители охранного отделения предпринимали действия для добычи информации в отношении партийных организаций, действующих в Новороссийске. В январе 1908 г. сотрудники полиции, располагали следующими агентурным сведениям: председатель комитета Черноморской

группы партии социалистов-революционеров максималистов является Попандопуло Алексей (*Лев*), товарищем председателя Захар Матушевич (*Захар*), секретарем неизвестный по кличке *Ревизор*, членами комитета Зинченко Иван (*Ваня*) и Василий Душанин (*Василий* – беглый матрос Черноморского флота, принимал участие в убийстве купца Черномордика в декабре 1907 г.) [47].

Беглый солдат Тифлисского саперного батальона Иван Зинченко – видный член группы максималистов. В январе 1908 г. известен также под кличкой *МалиновЫй*, 25 января 1908 г. сумел избежать ареста. 28 февраля 1908 г. убил агента Российского общества пароходства и торговли Шестерикова, от которого требовали 1000 рублей, за что приговорен Военно-окружным судом к смертной казни [48].

В подкомитет группы входили: члены Григорий Григорьев (*Плечистый*) – участник в последнем ограблении винной казенной лавки в Новороссийске, Александр Яковлевич Караулов (*Москвич*, он же *Баклан*) бежавший из Москвы, где якобы наказан за политическую деятельность, Качалов Дмитрий (*Митя*, он же *Великий*). Известный под кличкой *Сергей* скрылся, как и неизвестный Леонид [49].

Кроме этого, по данным агентуры 17, 18 и 21 января 1908 г. состоялось три собрания максималистов, на которых обсуждалась борьба против *анархистов-коммунистов-шантажистов*. На третьей сходке обсуждался вопрос о складе оружия, оставленном после вооруженного восстания 1905 г. и находящемся в распоряжении социал-демократов, о необходимости получить этот склад, прекратить пьянства и неосторожные знакомства, похитить сына содержателя лесного склада Чувалджи с целью выкупа, объединиться с анархистами-коммунистами [50].

Также полицейским чинам был известен максималист Павел Грянник, обвиняемый в убийствах в Анапе. Его брат - Николай, распоряжением Черноморского губернатора освобожден от должности почтового чиновника в Хосте (Сочинский округ) за укрывательство брата Павла [51].

В группе максималистов состояло 16 человек, включая двух турецко-подданных [52], а группа анархистов-коммунистов насчитывала 13 человек [53].

Хранителем взрывчатых веществ и оружия максималистов являлся Кирибет-Оглы Бедрос Саркисян, введение которого находилось: 8 пачек динамита, три запала, бикфордовы шнуры, пистоны, фитинги и шнуры, гвозди, куски свинца, 8 револьверов, большое количество патронов [54].

Располагая таким вооружением, максималисты угрожали и шантажировали купцов Черномордика, Кельса, Серафима Трояновского, Певунова и Самуриди, с которых вымогали от 1000 до 2000 рублей. В свою очередь анархисты обложили поборами купцов Павленкова и Якунина, к последнему 19 марта 1908 г. за 150 рублями наведались Бойко и Берман, которых арестовали [55].

Нужно отметить, что образованные так называемые политические объединения, фактически преследуя корыстные цели в добывании денежных средств, использовали политические лозунги. По сути, вся их деятельность сводилась к добыванию денежных средств путем шантажа и вымогательств, а также происходила борьба за монополизацию в этой сфере. В связи с этим максималистами были устранены 7 января 1908 г. руководитель анархистов *Сандро*, а 2 августа 1908 г. за участком генерала Адамовича убит Михаил Дереченко – «казнен по приговору партии социалистов-революционеров максималистов как шпион и шантажист» [56].

В марте 1908 г. в Новороссийске появились письма с красной печатью Новороссийской группы «Террор» анархистов-коммунистов. Они 13 марта 1908 г. назначили купцу Павленкову выплату денежной суммы. Павленков пожаловался максималистам и последние стали угрожать анархистам, которые состояли из трех человек, и они попросили принять их в состав максималистов. Представители максималистов дали свое согласие, но потом решили троицу убить. Ликвидация двух группировок была произведена властями в ночь на 20 марта 1908 г. [57]

Сотрудники полиции 13 июня 1908 г. задержали по подозрению в убийстве извозчика Муратова – Сергея Мясоедова, являвшегося членом областного бюро группы социалистов-революционеров максималистов. Кроме этого Мясоедов обвинялся в совершении в Новороссийске убийства пристава Ушакова, произведенного 15 сентября 1907 г. и в убийстве *Сандро* 9 января 1908 г. [58]

Летом 1908 г. в Новороссийске образовалась новая группа анархистов-коммунистов, которая намеревалась поставить свою типографию. 24 июня 1908 г. состоялось собрание этой группы, в состав которой входили: Василий Лысенко (*Васька Жид*), бывший приказчик Большакова Петр по кличке *Игнашка*, подмастерье сапожника Годунова Никита, некий Ванька по кличке *Чижик* (Лейба Брейтбард, он сидел в Екатеринодарской тюрьме за убийство Шкиля) [59].

Анархисты произвели разбойное нападение на лавку Радзивиловой, намеревались ограбить отделение Государственного Банка, якобы они располагали ключами от замков кладовых и ассенизатору Кочану выдвинули требование в выплате им денежной суммы в 2000 рублей [60].

Кроме этого, на гектографе отпечатано 100 экземпляров воззвания в квартире Ивана Высокого, у которого хранятся 2 печати Северо-Кавказского летучего боевого отряда Анархистов-Коммунистов и Интернационала Союза Анархистов-Коммунистов. Группа намеревается ограбить кассира Геленджикского цементного завода, доставляющего значительные суммы из Новороссийска в Геленджик на пароходе [61].

28 июля 1908 г. служащий лесного склада Черномордика обратился к социалисту-революционеру Исааку Скляру с просьбой от имени хозяина, выйти через Скляря на члена партии

социалистов-революционеров максималистов Николаева. Предлагалось приехать на дачу Черномордика для свидания с управляющим Государственного Банка – Щелковым, которому группой анархистов «Коммуна» послано требование в выплате им 1000 рублей, но Щелков хотел переговорить с максималистом и узнать партийные ли это лица. Николаев предложил Щелкову вступить в партию или платить ей денежные суммы [62].

В связи с тем, что Щелков в ноябре-декабре 1905 г. вел себя двусмысленно, власти ему не доверяли. Губернатор Березников подозревал Щелкова во взаимодействии с социалистами-революционерами, когда они в декабре 1905 г. намеревались ограбить банк. Также Щелков оказывал содействие революционерам, предоставив информацию о доходах имущего населения, которое было обложено прогрессивно-подоходным налогом в декабре 1905 г. В виду его неблагонадежности власти планировали сместить с должности управляющего банком Щелкова [63].

Николаев посоветовал Щелкову, письмо с требованием анархистов и шантажистов показать в полиции, вследствие чего был арестован сапожник Годунов, у которого полицейские задержали беглого из Бакинской тюрьмы Беднякова [64].

Между представителями различных политических течений и в самих группировках систематически происходили разбирательства на личной почве. Летом 1908 г. в Новороссийск прибыл анархист Гречкин, а из Екатеринодара социалист-революционер *Лева*, он же *Васька Анапский*, но из-за конфликта с эсером Евграфом Славгородским уехал из города. По тем же причинам 30 июня 1908 г. на жизнь максималиста Николаева покушался мастерской социал-демократ Стадниченко, имевший большие связи с рабочим миром, но убийство не удалось [65].

Полицейские чины активно использовали различные источники информации, так от грузчика Могиляса стало известно, что ротмистра Вячеслава хотела видеть анархистка, но она уехала в Екатеринодар, где была ранена в ногу. Также от Могиляса имелась информация, что анархисты желают ограбить играющих в клубе в карты, но при этом один из анархистов украл у группы 200 рублей и сбежал. В отношении максималистов Могиляс сообщил следующее: они постановили убить мясника Самохвалова за то, что он нанял себе охрану [66].

Из других агентурных источников полиции было известно, что в состав максималистов входили: Васадзе *Мильтон*, Усаченко Сидор *Чех*, за кладбищем в собственном доме проживают, армяне Василий и Пантелей. К группе примыкает неустановленный жандармский унтер-офицер с города или со станицы. Стало известно, что максималисты послали требование какому-то купцу в Геленджик, но ответа пока не получили [67].

По сведениям агентуры Иван *Высокий* (Иван Антонович Ильиницкий – киевский анархист) убил в июле 1908 г. Иосифа Балухту и послал анархиста к купцу Айзенштейну для вымогательства у него денег [68]. Также было известно, что в убийстве Балухты принимали участие Василий Сазонов, грузины *Севастьян* и *Мильтон* [69].

Следует обратить внимание, что Васадзе *Мильтон* сперва состоит в группе максималистов, но в дальнейшем является активным членом группы анархистов-коммунистов, в которую также входят Павел Гольц (19 лет), Домнушка – Замченко, Иван *Высокий* и др. [70]

Анархисты планировали совершить поездку в Геленджик и произвести там очередную экспроприацию, но поездка не состоялась из-за отсутствия денег. Группа послала требование в 10 тыс. рублей *старухе* Чувалджи, проживающей в станице Крымской и 11 сентября 1908 г. она должна приехать в Новороссийск в гостиницу Морозова для передачи денег. Проживающий в Геленджике выдворенный из губернии Степан Голиков (бывший социал-демократ), должен сообщить анархистам, когда за деньгами поедет артельщик с Геленджикского цементного завода в Новороссийск, которого следовало ограбить [71].

Для проведения очередной экспроприации, из Тоннельной в Новороссийск 27 сентября 1908 г. выехала группа анархистов, которые по дороге останавливались и ночевали в разных местах. Предполагалось произвести собрание анархистов в Нахаловке или у одной из трех участниц группы – Голубовой, Шилиной или Чернышевой. Собрание организовывал Доценко, у которого в Анапе имелось 2 бомбы. В итоге анархисты разместились в мастерской Лысого и в парикмахерской Попкова, где вместе с ними был замечен известным властям вор – анархист-коммунист Иван Устинович Савицкий [72].

В это время в Новороссийске организована еще одна группа Анархистов-Коммунистов, в которой состоит Дарья Кожемякина, а Васадзе *Мильтон* предложил ограбить пароход, но из-за недостатка оружия этот план не был исполнен. При этом один из членов этой группы вымогал в магазине Беседина денежные суммы, но был ранен из огнестрельного оружия [73].

По информации от анархиста «Николая» прокламации должны были отпечатать на бостонке социал-демократов, но т.к. секретарь Геленджикской группы Михаил Ломтатидзе, поручил доставку не надежному человеку, из 3000 воззваний сотрудники полиции ликвидировали 1800 экземпляров. По приказу «Николая» член группы анархистов поехал в Геленджик за 500 экземпляров, и оказалось, что они напечатаны не на бостонке, а произведены ручным способом, при этом М. Ломтатидзе бежал из Геленджика [74].

В октябре 1908 г. сотрудники полиции располагали следующей информацией: Гурийский комитет РСДРП сообщил в Новороссийскую организацию, что в их среде имеется провокатор –

Никифор, который, в свою очередь, обратился к товарищам из социал-демократической организации и к анархистам с просьбой высказаться по этому поводу. После этого Северо-Кавказская группа Анархистов-Коммунистов отправила ответ Гурийскому комитету, что они не сомневаются в Никифоре, такое же по смыслу отправили письмо и социал-демократы. Ответ из Гурии должен прийти в чайную трезвости Владимиру Казанцеву. В группе Анархистов-Коммунистов в этот период состояли: Васадзе, Пантелей, приехавший Ефим Петрович, Василий Иванович Остроухов и Домна, а недавно арестованный Ивана Доценко бежал из Харьковской тюрьмы. Кроме этого, сотрудники полиции арестовали 28 октября 1908 г. членов РСДРП Беженара *Николая* РСДРП и Динкевича [75].

В новую группу Анархистов-Коммунистов в ноябре 1908 г. входили: Григорий Шевченко, Александр Конюхов, Зубалевич, Пантелей, Ефим и неизвестный властям человек. Планировалось взорвать квартиру купца Беседина. В этом месяце Пантелей выехал в Сухум, чтобы организовать там группу анархистов-коммунистов. Их коллеги Ванька-шапошник, мещанин г. Новороссийска Иван Дмитриевич Васильев и Васадзе требовали деньги в Геленджике у купца Сорокомского, а у купца Громотикопуло экспроприировали 200 рублей [76].

По агентурным сведениям, за 1909 г. информация о деятельности социал-демократов в Черноморской губернии сотрудникам полиции не поступала. Из отдельных источников было известно, что в феврале 1909 г. рабочие с железной дороги ждали сведений об Азефе. В этом же месяце произведены обыски у Александра Облика и Винта Калантадзе, но безрезультатно. В организации состояли Василий Лопук, Иван Кохос, Федор Букраба, Филипп Холодняков, Анна Иванова, Александра Ермакова, Василий Проценко, Ульянов Близнак, грузчик Российского общества пароходства и торговли «Костя» и «Анюта». В марте 1909 г. появился в Новороссийске некий Усатов, известный полиции по своей деятельности в 1905 г., когда уговаривал городских бросить службу и стать вместе с народом и когда понадобится, арестовать чинов администрации. Заведующий Новороссийской почтовой станцией Трофим Петрович Дубинка вел пропаганду среди рабочих и ямщиков, после ареста 8 человек Новороссийской группы Черноморского комитета РСДРП, стал секретарем. На этом деятельность социал-демократов и ограничилась [77].

Члены партии социалистов-революционеров также активной деятельностью не проявляли. Видной деятельницей Черноморской группы социалистов-революционеров являлась дочь священника Клавдия Николаевна Оглоблина, в ее группе состояли три местных учителя и доктор Арон Беркович. У Александры Носковой проживал дезертир-стрелок, известный в среде эсеров под кличкой *Павел плотник*, также в организации состояли инженер-технолог Шендер, учителя Данилов *учитель* и Соловьев Владимир *Сашка*, который был арестован и назвался Петром Федоровичем Осиповым, а впоследствии заявил, что он Павел Антонов Мартынов [78].

В планы группы социалистов-революционеров входило освобождение эсера Ивана Афанасьевича Краснова (*Валентин*), который находился в заключении в Орловской тюрьме [79].

В отношении социалистов-революционеров осужденных, лишенных прав и высланных в Сибирь В. Нененко и Б. Прохорова, властям было известно, что они хотят бежать в Америку, т.к. им стало известно о вторичном разбирательстве дела о восстании в 1905 г., на котором хотят им вменить более тяжкие преступления и увеличить сроки наказания. Тесть Прохорова, бывший городской голова А. Никулин уже бежал за границу и уговаривал зятя [80].

Анархист *Антон* Люцкевич решил организовать в Новороссийске группу Анархистов-Коммунистов и 17 января 1909 г. должен получить печать группы и оружие от возвратившегося в Новороссийск из Сухума *Пантелея*. В субботу 24 января 1909 г. Люцкевич намеревается ехать в Геленджик в типографию социал-демократов, где заказать прокламацию о существовании в Новороссийске группы Анархистов-Коммунистов, в которой состояло 24 человека [81].

В первой декаде января 1909 г. произошел грабёж в станице Байсуг. Среди грабителей был новороссийский анархист носильщик Российского общества пароходства и торговли Константин Бриненко. Позже властям стало известно, что 17 ноября 1908 г. Бриненко вместе с группой максималистов, выезжал в Геленджик, а потом в Сухум для вымогательства денег [82].

13 февраля 1909 г. состоялось собрание анархистов-коммунистов, на котором присутствовали *Володька*, *Антон*, *Андрюша*, *Степа* и двое неизвестных властям, где обсуждался вопрос о создании группы Анархистов-Индивидуалистов. Предлагалось печать для группы сделать из шрифта, который взять у новороссийской группы партии социалистов-революционеров. В случае неудачи на политическом поприще присоединиться к эсерам, что и было решено 15 февраля 1909 г. При этом сами социалисты-революционеры предполагали прекратить свою деятельность после дела Азефа. В этот же день полицией был задержан анархист Ефим Федорович Подовинников за грабёж Григория Васильевича Литвиненко, у которого он изъясил 15 рублей [83].

В марте 1909 г. сотрудникам полиции стало известно, что сбежавший из Сочинского арестного дома 7 апреля 1907 г. Рожден Асолов Калантадзе живет в Сухуме в винной лавке Ильи Кутуевича Калантадзе и использует поддельный паспорт на имя Нестора Гогуа. Также власти располагали информацией, что Капитон Зурабович Калантадзе и Марьян Ростовович Калантадзе (оправданный по делу 1905 г.), хотят возглавить группу социалистов-революционеров максималистов и приступить к грабёжам, объединиться с анархистами-коммунистами. Максималисты поддерживали связь с коллегами из Екатеринодара и Тихорецка [84].

С 1 июня 1908 г. участились разбои на Новороссийской железной дороге, из-за чего 8 июня 1908 г. на станции Новороссийск полицией был задержан с заряженным револьвером, принадлежащим Владикавказской железной дороге Нестор Мачарадзе, а также задержан еще казак станицы Мингрельской Рубан [85]. Представители царской администрации и полицейские чины выражали озабоченность в связи с участвовавшими нападениями грабителей на поезд.

В 8 часов утра 18 июля 1909 г. между станциями Северской и Ильской на железнодорожное полотно 12 грузин положили шпалу, чтобы произвести нападение на поезд. Когда поезд остановился, они на него напали и в ответ жандарм Бурчак и *плательщик* произвели по нападавшим грузинам выстрелы, сорвав их замыслы. По агентурным сведениям властям было известно, что в Новороссийске на цементных заводах скрывается шайка грабителей, которая участвовала в нападении на поезд [86].

В октябре 1909 г. вновь произошло нападение на поезд № 8 недалеко от Екатеринодара, на который напало примерно 7–8 человек. Из различных источников была получена информация о нападавших: Пайчадзе Владимир Григорьевич крестьянин, грузчик на Старом цементном заводе в Новороссийске; Асатиани Севастьян Лазарев дворянин, занимался торговлей; Ломтатидзе Григорий Багратович; Рожден Сирпадзе; Сергей Долидзе. Кроме этого, Пайчадзе, Ломтатидзе и бежавший из ссылки анархист Павел Семенович Гольц были заподозрены в ограблении Волжско-Камского банка [87].

Заключение

Таким образом, в течение двух с лишним лет после завершения Первой российской революции в Новороссийске партийные организации социал-демократов, социалистов-революционеров, максималистов, анархистов и др. фактически деградировали и приняли формы организованных преступных группировок, деятельность которых была направлена на вымогательство денежных средств у имущего населения, грабежи предпринимателей, государственных учреждений, поездов и т.д. Партийцы сводили счеты с представителями иных политических направлений, которые занимались тем же на «подведомственной им территории», т.е. входившей в сферу их деятельности. При этом когда сил не хватало партийцы объединялись для производства грабежей, шантажа и вымогательства.

Примечания:

1. Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 157.
2. Милоков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907.
3. Сталин И.В. Сочинения. М., 1946. Т. 1-18.
4. Троцкий Л.Д. Наша первая революция // Сочинения. Т. 2. Москва-Ленинград, 1925.
5. Гершельман Ф. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908.
6. Каландадзе В., Мхеидзе В. Очерки революционного движения в Гурии. СПб., 1906.
7. Затерянный Г. Мятеж на Западном Кавказе // Исторический вестник. 1911. Т. 26.
8. Чиковани А.Ю. Партия большевиков в революции 1905-1907 гг. Обзор советской и зарубежной историографии. М., 1991.
9. Перепенченко П.К. Из истории революционного движения в частях Кубанского казачьего войска (1905–1907 гг.) // Ученые записки Вологодского педагогического института. Вологда, 1954. Т. 14.
10. Скибицкий В.А. Героические годы (Очерк о революционном движении в Черноморской губернии в годы русской революции 1905-1907 гг.). Краснодар, 1956.
11. Модестов В.В., Серый Ю.И., Скибицкий В.А. Первая гроза. Исторический очерк о вооруженных восстаниях на Юге России в 1905 г. Ростов-на-Дону, 1975.
12. Тулумджян А.О. Из истории революционного движения в Сочинском округе 1905–1907 годов. Сухуми, 1958.
13. Сокольский В.Д. Новороссийский Совет рабочих депутатов в 1905 г. // Вопросы истории, 1955, № 12.
14. Чулок И.С. Очерки истории Батумской коммунистической организации (1890–1921 годы). Батуми, 1970. С. 164-184.
15. Беляева Е.К. Черносотенные организации и их борьба с революционным движением в 1905 году // Вестник Московского университета. 1978. № 2.
16. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1996.
17. Ментешашвили А. Грузинская демократическая республика (1918–1921 гг.) и западные державы. // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 129-134.
18. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
19. Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.) // Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2002.
20. Аманжолова Д.А. Межэтнические конфликты в Российской империи (1905–1916 гг.): в

поисках решений // История. 1999. № 32-33.

21. Карапетян Л.А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX в. – февр. 1917 г.). Краснодар; 2001.

22. Taran, K.V. (2014) The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909) *Bylye Gody*. (4), 34: 582-585.

23. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000.

24. Molchanova, V.S., Cherkasov, A.A., Šmigel', M. (2013) Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II *Bylye Gody*. (4), 30: 88-93.

25. Например: Новиков С.Г. На пути к «Новороссийской республике»: власть и общество в условиях революционного кризиса // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. Новороссийск, 2006. № 1. С. 10-18.

26. Тютюкин С.В. Первая российская революция в отечественной историографии 1990-х гг. // Отечественная история. 1996. № 6. С. 72-85.

27. Ascher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray; Idem. Authority restored. Stanford, California, 1988, 1992.

28. Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997.

29. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 гг. М., 1997.

30. Пайнс Р. Русская революция: агония старого режима. 1905–1907. М., 2005.

31. Confino M. (2010) Organization as Ideology: Dilemmas of the Russian Anarchists (1903-1914) // Russian History, Vol. 37, Is. 3, pp. 179–207.

32. Карапетян Л.А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Краснодар, 2001. С. 300.

33. Леонов М. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 342.

34. Карапетян Л.А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Краснодар, 2001. С. 301.

35. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 237. Д. 2. Ч. 4. Л. 5.

36. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 2. Ч. 4. Л. 6.

37. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 9. Ч. 85. Л. 2.

38. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 584. О. 1 Д. 215. Л. 60.

39. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 40.

40. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 12. Ч. 80. Л. 1-2.

41. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 10.

42. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 2.

43. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 40.

44. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 1-2.

45. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 3, 8.

46. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 8-9.

47. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 10.

48. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 9 Ч. 85. Л. 8.

49. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 10.

50. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 11-12.

51. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 13.

52. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 14, 15.

53. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 15.

54. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 21, 23.

55. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 23, 24.

56. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. Л. 29.

57. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. Л. 1, 3.

58. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. А. Л. 4.

59. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 5.

60. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л.

61. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 7.

62. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. А. Л. 4, 11.

63. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. Л. 34.

64. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. Л. 4, 7.

65. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. А. Л. 4, 5, 6.

66. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. А. Л. 4.

67. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 10. Ч. 85. А. Л. 8.

68. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. Л. 15.

69. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 7.

70. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 9.

71. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 10.

72. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 13, 27.

73. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 14
74. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 15.
75. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 16, 24.
76. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 23, 25, 26.
77. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 5. Ч. 79. А. Л. 2, 4, 6, 9, 17.
78. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 9. Ч. 85. А. Л. 7-13.
79. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 9. Ч. 85. А. Л. 15.
80. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 9. Ч. 85. А. Л. 5-6.
81. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 1-2.
82. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 3-4.
83. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 12. Ч. 85. А. Л. 4-5.
84. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 10. Ч. 85. А. Л. 2.
85. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 80. Ч. 85. Л. 10-11.
86. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 80. Ч. 85. Л. 1.
87. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 32. Ч. 85. Л. 11-16.

References:

1. Vitte S.Yu. Vospominaniya [Memoirs]. Moscow., 1960. V. 3. P. 157.
2. Milyukov P.N. God bor'by. Publitsisticheskaya khronika [A year of struggle. Publicistic chronicle] 1905–1906. St. Petersburg, 1907.
3. Stalin I.V. Sochineniya. [Essays]. Moscow, 1946. V. 1-18.
4. Trotskii L.D. Nasha pervaya revolyutsiya [Our first revolution] // Essays. V. 2. Moscow-Leningrad, 1925.
5. Gershel'man F. Prichiny neuryadits na Kavkaze [The causes of disorders in the Caucasus]. St. Petersburg, 1908.
6. Kalandadze V., Mkheidze V. Ocherki revolyutsionnogo dvizheniya v Gurii [The studies of revolutionary movement in Guria]. St. Petersburg, 1906.
7. Zatoryanni G. Myatezh na Zapadnom Kavkaze [Rebellion on the Western Caucasus] // Istoricheskii vestnik [Historical bulletin]. 1911. V. 26.
8. Chikovani A.Yu. Partiya bol'shevikov v revolyutsii 1905-1907 gg. Obzor sovetskoi i zarubezhnoi istoriografii [The Bolshevik Party in the revolution of 1905-1907 years. Review of soviet and foreign historiography]. Moscow, 1991.
9. Perepenchenko P.K. Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya v chastyakh Kubanskogo kazach'ego voiska (1905–1907 gg.) [From the history of the revolutionary movement in parts of the Kuban Cossack Army (1905-1907 years.)] // Scientific notes of the Vologda Pedagogical Institute. Vologda, 1954. V. 14.
10. Skibitskii V.A. Geroicheskie gody (Ocherk o revolyutsionnom dvizhenii v Chernomorskoj gubernii v gody russkoi revolyutsii 1905-1907 gg.) [The heroic years (Essay on the revolutionary movement in the Black Sea province during the Russian revolution of 1905-1907 years)]. Krasnodar, 1956.
11. Modestov V.V., Seryi Yu.I., Skibitskii V.A. Pervaya groza [First storm]. Historical Sketch of the armed uprising in the south of Russia in 1905, Rostov-on-Don, 1975.
12. Tulumdzhyan A.O. From the history of the revolutionary movement in Sochi district, 1905-1907 years. Sukhumi, 1958.
13. Sokol'skii V.D. Novorossiiskii Sovet rabochikh deputatov v 1905 g [Novorossiysk Soviet of Workers' Deputies in 1905] // Voprosy istorii [Historical issues], 1955, N. 12.
14. Chulok I.S. Ocherki istorii Batumskoi kommunisticheskoi organizatsii (1890–1921 gody) [The historical studies of the Communist Batumi organization (1890-1921 years)]. Batumi, 1970. P. 164-184.
15. Belyaeva E.K. Chernosotennye organizatsii i ikh bor'ba s revolyutsionnym dvizheniem v 1905 godu [Black Hundred organizations and their struggle with the revolutionary movement in 1905] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. 1978. № 2.
16. Gorodnitskii R.A. Boevaya organizatsiya partii sotsialistov-revolutsionerov v 1901–1911 gg [Fighting Organization of Socialist Revolutionary Party in 1901-1911 years]. Moscow, 1996.
17. Menteshashvili A. Gruzinskaya demokraticeskaya respublika (1918–1921 gg.) i zapadnye derzhavy [Georgian Democratic Republic (1918-1921 years) and the western powers]. // Voprosy istorii [Historical issues]. 1996. № 9. P. 129-134.
18. Budnitskii O.V. Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.) [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of XIX - early XX centuries)]. Moscow, 2000.
19. The studies of the History of Kuban Internal Affairs (1793-1917 years) // Under edition of V.N. Ratushnyaka. Krasnodar, 2002.
20. Amanzholova D.A. Ethnic conflicts in Russian Empire (1905-1916 years): searching the solutions // Istoriya [History]. 1999. № 32-33.
21. Karapetyan L.A. At the root of Russian multi-party system: the North Caucasus region (the end of 90-ies. XIX century. - Feb. 1917). Krasnodar, 2001.

22. Taran K.V. (2014). The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909). *Bylye Gody*. (4), 34: 582-585.
23. Tveritinov I.A. Socio-economic development of Sochi district in the second half of XIX - early XX centuries. Sochi, 2000.
24. Molchanova, V.S., Cherkasov, A.A., Šmigel', M. (2013). Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*. (4), 30: 88-93.
25. Novikov S.G. Na puti k «Novorossiiskoi respublike»: vlast' i obshchestvo v usloviyakh revolyutsionnogo krizisa [On the way to "Novorossiysk republic": government and society in a revolutionary crisis] // *Argonavt. Chernomorskii istoricheskii zhurnal* [Argonaut. Black Sea Historical Journal]. Novorossiisk, 2006. № 1. P. 10-18.
26. Tyutyukin S.V. Pervaya rossiiskaya revolyutsiya v otechestvennoi istoriografii 1990-kh gg [The first Russian revolution in the national historiography of the 1990 s]. // *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 1996. № 6. P. 72-85.
27. Ascher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray; Idem. Authority restored. Stanford, California, 1988, 1992.
28. Shanin T. Revolyutsiya kak moment istiny [Revolution as a moment of truth]. Moscow, 1997.
29. Geifman A. Revolyutsionnyi terror v Rossii [Revolutionary terror in Russia]. 1894–1917 years. Moscow, 1997.
30. Paips R. Russkaya revolyutsiya: agoniya starogo rezhima 1905–1907 [The Russian Revolution: the agony of the old regime, 1905-1907]. Moscow, 2005.
31. Confino M. (2010) Organization as Ideology: Dilemmas of the Russian Anarchists (1903-1914) // *Russian History*, Vol. 37, Is. 3, pp. 179–207.
32. Karapetyan L.A. U istokov rossiiskoi mnogopartiinosti: Severo-Kavkazskii region (konets 90-kh gg. XIX v. – fevral' 1917 g.) [At the root of the Russian multi-party system: the North Caucasus region (the end of the 90s. XIX century. - February 1917)]. Krasnodar, 2001. P. 300.
33. Leonov M. Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907 gg [Socialist-Revolutionary Party in 1905-1907]. Moscow, 1997. P. 342.
34. Karapetyan L.A. U istokov rossiiskoi mnogopartiinosti: Severo-Kavkazskii region (konets 90-kh gg. XIX v. – fevral' 1917 g.) [At the root of the Russian multi-party system: the North Caucasus region (the end of the 90s. XIX century. - February 1917)]. Krasnodar, 2001. P. 301.
35. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 102. Op. 237. D. 2. Ch. 4. L. 5.
36. GARF. F. 102. Op. 237. D. 2. Ch. 4. L. 6.
37. GARF. F. 102. Op. 239. D. 9. Ch. 85. L. 2.
38. State Archive of the Krasnodar Krai (GAKK). F. 584. O. 1 D. 215. L. 60
39. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 40.
40. GARF. F. 102. Op. 237. D. 12. Ch. 80. L. 1-2.
41. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 10.
42. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 2.
43. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 40.
44. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 1-2.
45. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 3, 8.
46. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 8-9.
47. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 10.
48. GARF. F. 102. Op. 238. D. 9 Ch. 85. L. 8.
49. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 10.
50. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 11-12.
51. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 13.
52. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 14, 15.
53. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 15.
54. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 21, 23.
55. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 23, 24.
56. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. L. 29.
57. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. L. 1, 3.
58. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. A. L. 4.
59. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 5.
60. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L.
61. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 7.
62. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. A. L. 4, 11.
63. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. L. 34.
64. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. L. 4, 7.
65. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. A. L. 4, 5, 6.
66. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. A. L. 4.
67. GARF. F. 102. Op. 238. D. 10. Ch. 85. A. L. 8.
68. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. L. 15.

69. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 7.
70. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 9.
71. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 10.
72. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 13, 27.
73. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 14.
74. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 15.
75. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 16, 24.
76. GARF. F. 102. Op. 238. D. 12. Ch. 85. A. L. 23, 25, 26.
77. GARF. F. 102. Op. 239. D. 5. Ch. 79. A. L. 2, 4, 6, 9, 17.
78. GARF. F. 102. Op. 239. D. 9. Ch. 85. A. L. 7-13.
79. GARF. F. 102. Op. 239. D. 9. Ch. 85. A. L. 15.
80. GARF. F. 102. Op. 239. D. 9. Ch. 85. A. L. 5-6.
81. GARF. F. 102. Op. 239. D. 12. Ch. 85. A. L. 1-2.
82. GARF. F. 102. Op. 239. D. 12. Ch. 85. A. L. 3-4.
83. GARF. F. 102. Op. 239. D. 12. Ch. 85. A. L. 4-5.
84. GARF. F. 102. Op. 239. D. 10. Ch. 85. A. L. 2.
85. GARF. F. 102. Op. 238. D. 80. Ch. 85. L. 10-11.
86. GARF. F. 102. Op. 238. D. 80. Ch. 85. L. 1.
87. GARF. F. 102. Op. 239. D. 32. Ch. 85. L. 11-16.

УДК 94

**К вопросу о деятельности леворадикальных политических партий в 1907–1909 гг.
(на примере Черноморской губернии)**

Константин Викторович Таран

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: taran.constantin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность леворадикальных организаций на территории Черноморской губернии в 1907–1909 гг. В указанное время в регионе органами внутренних дел фиксировалась подрывная работа эсеров-максималистов, анархистов-коммунистов и других террористических групп. Деятельность этих деструктивных сил сводилась к физической ликвидации государственных чиновников, представителей правых партий, а также к вымогательству финансовых средств у купцов. В завершении автор приходит к выводу, что в течение двух лет после окончания Первой российской революции в Новороссийске партийные организации социал-демократов, социалистов-революционеров, максималистов, анархистов и др. фактически деградировали и приняли формы организованных преступных группировок.

Ключевые слова: Первая российская революция, эсеры, анархисты, Черноморская губерния.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

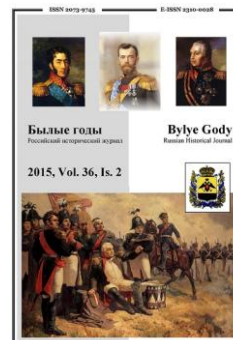
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 359-365, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(477)

Genocide of the Rusins in Austro-Hungary during WWI. A Short Review of the Question

Sergey G. Sulyak

Tomsk State University, Russian Federation
PhD (History), Senior researcher
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

Bringing to the forefront the theme of the genocide of the Rusin (Russian) population of Galicia and Bukovina during WWI in the research and work at the beginning of the 1920's to the beginning of the 21th c. is the question analyzed in the article. The given theme was actively opened in the 1920's and 1930's when Galicia was part of Poland, Subcarpathia part of Czechoslovakia and Bukovina part of Rumania. During Soviet times the theme became "taboo". Current Ukrainian historiography places more attention on creating myth about the supposed oppression of the Ukrainians in Galicia, Bukovina and also in Little Russia by the Russian authorities. The theme of the Rusin (Russian) movement in Galician and Bukovina, the massive repression of the Rusin (Russian) population by the Austro-Hungarian authorities is absent in current textbooks of history in Russia. The material presented compares approaches given by researchers who have various political views.

Keywords: WWI, Genocide, Thalerhof, Repressions, Austro-Hungary, Concentration camp.

Введение

С началом Первой мировой войны в Австро-Венгрии начались массовые репрессии против русинского населения Галичины и Буковины. По заранее заготовленным спискам «политически неблагонадежных» были арестованы тысячи крестьян и почти вся русинская интеллигенция. Нередко расправы осуществлялись на месте, без суда и следствия. 15 сентября 1914 г. венгерские гонимцы убили в Перемышле 44 гражданских лица [1, 2, 3].

Репрессии коснулись и австро-венгерской армии. За отказ воевать на русском фронте против «братьев родных» были расстреляны солдаты 80-го Австрийского пехотного полка, набранного из крестьян Бродского, Каменецкого и Золочевского уездов Галичины [4]. В 1915–1917 гг. в Вене прошло два политических процесса, на которых обвинялась идея единства русского народа и единого русского литературного языка. На скамье подсудимых оказались депутаты австрийского парламента, интеллигенты, крестьяне. Большинство обвиняемых (среди них – Д. Марков, В. Курылович, К. Богатырец, И. Цурканович) было приговорено к смертной казни, которую позже заменили на пожизненное заключение [5].

Мест в тюрьмах не хватало (к 28 августа 1914 г. только во Львове оказалось около 2000 узников) [6], и тогда австро-венгерские власти создали первые в Европе концентрационные лагеря - Талергоф в Штирии, Терезин в Северной Чехии и др. Они были предвестниками нацистских концлагерей Дахау, Освенцима, Трешлинка [7]. Из австрийских лагерей Талергоф, по свидетельству узника Талергофа и Терезина В. Ваврика, «был лютейший застенки из всех австрийских тюрем в Габсбургской империи» [8]. Через Талергоф прошло не менее 20 тыс. русских галичан и буковинцев [9].

По некоторым оценкам, австро-венгерские власти уничтожили во время Первой мировой войны не менее 60 тыс. русинов - подданных Австро-Венгрии: стариков, мужчин, женщин, детей [10, 11].

Зверства австро-венгерских властей широко освещались на страницах российской прессы того времени [12].

Материалы и методы

При написании данной статьи использовались исследования различных лет, посвященные теме геноцида русинского населения Галичины и Буковины в годы Первой мировой войны. Сравниваются подходы, применяемые исследователями, придерживающимися различных политических взглядов. Также анализируется степень освещения данной проблемы на страницах учебников истории советского периода и современных учебников истории Украины и России.

Обсуждение

Тема репрессий против русинского (русского) населения Галичины, Буковины и Угорской Руси в годы Первой мировой войны активно разрабатывалась в 1920–1930-х гг., когда Галичина была в составе Польши, Подкарпатье – Чехословакии, Буковина – Румынии. В свое время обширный обзор литературы по данной тематике был сделан Р.Д. Миновичем (1892–1971) – деятелем русинского движения Галичины. К сожалению, большинство его работ так и не увидело свет в советские времена. Он приводит в своем списке литературы 355 источников, вышедших в 20–50-е гг. XX в. в Польше (в т.ч. в Галичине), Чехии, Австрии, России, СССР на русском, русинском, украинском, польском, немецком, чешском языках. Из них 35 принадлежат другому видному деятелю русинского движения – В.Р. Ваврику (1889–1970). Эта работа Р. Миновича размещена на ряде сайтов (см., напр.: Украинские страницы. <http://www.ukrstor.com/talergof/liter.html>). Им же составлен «Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны на областях Галицкой и Буковинской Руси с автобиографическими и библиографическими данными». Эту неопубликованную работу тоже можно найти в Интернете (см., напр.: Страница памяти жертв Талергофа и военного террора во время I мировой войны в Галичине. URL: http://talergof.org.ua/alfavitnyi_ukazatel-pred.html).

Наиболее полный источник – «Талергофский альманахъ. Пропамятная книга австрийскихъ жестокостей, изуверствъ и насилий надъ карпато-русскимъ народомъ во время Всемирной войны 1914–1917 гг.», который выпускался в Львове в 1924–1932 гг. Центральный Талергофский комитет. В нем публиковались документальные свидетельства, воспоминания очевидцев и жертв геноцида.

Всего вышло четыре сборника (в 1924, 1925, 1930 и 1932 гг.) [13, 14, 15, 16]. Его электронная версия размещена на ряде сайтов, в т.ч. и на уже упоминавшейся «Странице памяти жертв Талергофа» (URL: <http://www.talergof.org.ua>). Там также есть и другие материалы по данной теме.

Немало исследований по истории русинского движения в Карпатской Руси публиковалось на страницах основанного в 1958 г. в США Михаилом Ильичом Туряницей (1912–2001) журнала «Свободное слово Карпатской Руси» (с конца 1970-х – «Свободное слово Руси»). Издание отстаивало идеи единой и неделимой Руси и единства всех ветвей русского народа. На его страницах публиковались работы Ильи Ивановича Тёроха (1880–1942), Алексея Юлиановича Геровского (1883–1972), Василия Романовича Ваврика и других видных деятелей русинского движения. В 2000 г. в России под редакцией М. Туряницы был издан сборник «Украина – это Русь» [17].

В советские времена тема австрийского террора против русинского населения была (как, впрочем, и сама история русинского Возрождения в Австро-Венгрии) долгое время табуированной. В различных монографиях и учебниках по истории СССР при описании «империалистической» войны об этом не говорилось ни слова [18, 19, 20].

Следует отметить, что современные российские учебники по какой-то причине продолжают старую традицию. Они также замалчивают историю русинского движения на территории Австро-Венгрии и геноцид местного русского (русинского) населения. Ни в одном из них я не нашел даже упоминания об этом [21–33].

В истории Украинской ССР либо вообще не говорилось об этом [34], либо информация подавалась в нескольких предложениях, зачастую с классово-политической позиции: писали, что немецко-австрийские власти расправлялись с украинским населением Галиции и Буковины за то, что оно проявило симпатии к русским солдатам [35]. Вкратце рассказывалось о Мармарош-Сигетских процессах как о свидетельствах стремления западноукраинских трудящихся к воссоединению со всем украинским народом в составе России [36], о притеснениях и грабежах в Галиции, Буковине и Закарпатье со стороны австро-венгерских и немецких войск [37], о массовых репрессиях, о том, что «в начале войны австрийское правительство, боясь, что трудящиеся будут помогать России, начало на западноукраинских землях массовые аресты», арестованных направляли в концентрационный лагерь Талергоф, «австрийское правительство и военное командование устраивали массовые расправы над населением» и т.д. [38]

М. Грушевский пространно рассуждал об «уничтожении» «украинской Галиции» за время ее «русской оккупации» [39].

Украинские зарубежные историки писали о репрессиях австро-венгерских властей против населения Галичины и Буковины больше, но еще больше внимания уделяли мифотворчеству о якобы имевших место в Галиции и Буковине, а также Малороссии гонениях, которым подвергали украинцев российские власти. Н. Полонская-Василенко, посвятив четыре предложения «преследованию украинцев в Галичине» австрийскими властями, упоминает, что «поляки, австрийцы и венгры бросили обвинение в москвофильстве», «было арестовано много священников, интеллигенции, крестьян», «венгерские войска вешали людей без суда». Далее она направляет свое

внимание на массовые аресты в годы русской оккупации Галиции и высылку греко-католических священников, а затем украинцев и евреев в Сибирь [40]. О. Субтельный тоже уделяет меньше внимания расправе над «русофилами», чем «незавидной доле галицких украинцев, которые попали под российскую оккупацию» [41]. И. Нагаевский, расписывая «неслыханные репрессии на Украине», «варварские методы против галицких украинцев», применявшиеся Москвой, все же посвящает два абзаца зверствам австрийской армии [42].

Современные украинские историки тоже стараются не останавливаться на данной теме. К примеру, в одном из учебников об этом только одно предложение: «Обвиненное в русофильстве украинское население Галичины массово попадает в концентрационные лагеря в Талергофе, Терезиенштадте, Гнавы и др., где содержалось без суда и следствия в ужасных условиях». Акцент делается на закрытии российскими оккупационными властями «Просвиты», украинских учреждений, библиотек, школ, насильственной русификации, репрессиях против местной интеллигенции, гонениях на греко-католиков, массовых депортациях населения [43].

В другом учебном пособии по репрессиях австрийских властей нет ни слова. Зато много говорится о гонениях на украинцев как на территориях, «оккупированных Россией», так и в самой России. Не забыта и тема сечевых стрельцов [44].

Еще один учебник дает примерно по абзацу о массовых арестах среди «москвофилов» и всего украинского населения и о «репрессиях российских властей» против украинского населения во время «оккупации» Галичины и Буковины [45].

Т. Гунчак, повествуя о событиях Первой мировой войны, расписывает деятельность российских «оккупационных властей» против украинцев Галичины и, дав абзац об австрийских арестах «русофильского населения Галичины», приходит к выводу, что украинское население Галичины и Буковины «пережило страшное лихолетье». С одной стороны, его «мучили» россияне, с другой - «издевались австрийцы и мадьяры». Украинцы «вынуждены были воевать за тех, кто издевался над их сестрами и братьями»: одни - в австрийской, а другие - в российской армии [46].

С подобных позиций рассматривают события Первой мировой войны на Буковине черновицкие историки [47, 48, 49].

В то же время некоторые украинские историки стараются объективно излагать события того времени. В своей работе «Тайная история Украины-Руси» О. Бузина посвятил этому главу под названием «Концлагерь для “неправильных” галичан» [50].

Одной из первых в России постсоветских крупных работ на тему русинского (русского) движения Галичины была монография Н.М. Пашаевой (1926-2013) «Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв.». Первое издание увидело свет в 2001 г. тиражом всего 200 экземпляров [51]. В 2007-м книга была переиздана тиражом 1000 экземпляров [52].

В 2005 г. в России был переиздан «Талергофский альманах» в сборнике «Русская Галиция и "мазепенство"» [53]. Несколько раз выпускалась работа В. Ваврика «Терезин и Талергоф» [54, 55].

Эта тема постоянно поднимается на страницах международного исторического журнала «Русин», издаваемого в Кишиневе с 2005 г. [56, 57, 58, 59].

Не обходят тему репрессий и историки-русины [60, 61].

В 2010 г. увидела свет монография австрийских историков «Талергоф 1914-1936. История одного забытого лагеря и его жертв» на немецком языке [62].

Заключение

Таким образом, тема геноцида русинского (русского) населения Галицкой и Буковинской Руси в годы Первой мировой войны не потеряла актуальности в наше время. Она до сих пор привлекает внимание не только профессиональных ученых, но широкого круга общественности.

К сожалению, многие исследования по данной проблеме, изданные на Украине и ранее украинскими зарубежными историками, грешат излишней политизированностью и носят достаточно субъективный характер.

В России этим событиям не уделяется должного внимания. Данная проблема совершенно не представлена в современных учебниках по истории России.

Примечания

1. Ваврик В.Р. Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. М.: Издательский дом «Софт Издат», 2001. С.73-75.
2. Нагаєвський І. Історія української держави. Київ: Видавництво «Український письменник», 1993. С. 58.
3. Мадьярські гоневди убійці 44-ох в Перемишлі в 1914 р. Львов, 1937.
4. Казанский П.Е. Современное положение Червонной Руси // «Украинская» болезнь русской нации. М.: Имперская традиция, 2004. С. 523-524.
5. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Имперская традиция, 2007. С. 116 - 117.
6. Ibid. С. 106.

7. Гардый П.С. От издателя // Талергофский альманах // Русская Галиция и «мазепинство» / Составитель серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 210.
8. Ваврик В.Р. *Op. cit.* С. 86.
9. *Ibid.* С. 97.
10. Гардый П.С. *Op. cit.* С. 210.
11. Пашаева Н.М. *Op. cit.* С. 110.
12. Кривочуприн Е.Л. Погром в Перемышле 15.09.1914 г. и его отражение в периодике // Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]. 2014. № 3 (37). С. 38-47.13.
13. Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время Всемирной войны 1914-1917 гг. Издание «Талергофского комитета». Выпуск первый. Львов: типография Ставропигийского института под управлением А.И. Яськова, 1924. 209 с.
14. Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время Всемирной войны 1914-1917 гг. Выпуск второй. Террор в Галичине. Террор в Буковине. Отзвуки печати. Терезин, Гминд, Гнас и др. Беллетристика. Издание «Талергофского комитета». Львов: типография Ставропигийского института, 1925. 153 с.
15. Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг. Выпуск третий. Талергоф. Часть первая. Издание «Талергофского комитета». Львов: типография Ставропигийского института, 1930. 160 с.
16. Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время Всемирной войны 1914-1917 гг. Выпуск четвертый. Талергоф. Часть вторая. Издание «Талергофского комитета». Львов, 1932. 162 с.
17. Украина – это Русь. Литературно-публицистический сборник / Под ред. М.И. Туряницы. СПб.: ЛИО «Редактор», 2000. 247 с.
18. История СССР. Ч. 3. Учебник для 10 класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 11-е. М.: Учпедгиз, 1952. 452 с.
19. Краткая история СССР. В 2 ч. Ч. 1. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Отв. ред. Н.Е. Носов. Л.: Наука, 1978. 456 с.
20. Мальков В.В. Пособие по истории СССР для поступающих в вузы. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 527 с.
21. Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. 11 класс. 6-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. 608 с.
22. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России: Учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М.: Издательство «НОРМА», 2003. 768 с.
23. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. 3 изд., перераб. и доп. М.: Велби, Проспект, 2006. 528 с.
24. История России XX - начала XXI века / Под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 960 с.
25. Волобуев О.В., Кулешов С.В. История. История России (базовый уровень). 11 класс. 4 изд., стереотип. М.: Мнемозина, 2009. 335 с.
26. Сахаров А.Н., Боханов А.Н., Шестаков В.А. История России с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 2. М.: Проспект, 2009. 720 с.
27. Кириллов В.В. История России. М.: Юрайт, 2010. 661 с.
28. Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России. XX - начало XXI века. 11 класс: базовый уровень. 4-е изд. М., Просвещение: 2010. 384.
29. Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. История России. XX - начало XXI века. 9 класс. 7-е изд. М.: Просвещение, 2011. 351 с.
30. Пашков Б.Г. История России. XX в. 9 класс. 2-е изд., стер. М.: Дрофа, 2012. 318 с.
31. Киселев А.Ф., Попов В.П. История России 11 класс. Базовый уровень. 5-е изд., стер. М.: Дрофа, 2012. 318 с.
32. Курс отечественной истории IX – начала XXI века / Под ред. Л.И. Олыштынского. 3 изд., испр. и доп. М.: Изд. ИТРК, 2012. 656 с
33. Киселев А.Ф., Попов В.П. История России. XX – начало XXI века. 9 класс. 2-е изд., стер. М.: Дрофа, 2013. 304 с.
34. Касименко О.К. Історія Української РСР. Попул. нарис. Київ: Вид-во АН УРСР, 1960. 400 с.
35. Лось Ф.Е., Спицкий В.Е. История Украинской ССР. Пособие для 9-10 классов. 5-е изд. Київ: Радянська школа, 1972. С. 50.
36. История Украинской ССР 1983 - История Украинской ССР. В 10 томах. Т. 5. Украина в период империализма (начало XX в.) / Отв. ред. В.Г. Сарбей. Киев: Наукова думка, 1983. С. 318-319.
37. *Ibid.* С. 357.
38. *Ibid.* С. 358.
39. Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины с приложениями и дополнениями. Новое доп. изд. Донецк: БАО, 2002. С. 570-571.
40. Полонська-Василенко Н.Д. Історія України. У 2-х т. 4 вид., стер. Т. 2. Від середини XVII століття до 1923 року. Київ: Либідь, 2002. С. 444-447.

41. Субтельний О. Україна. Історія. 3 вид., перероб. і доп. Київ: Либідь, 1993. С. 421.
42. Нагаєвський І. Історія української держави. Київ: Видавництво «Український письменник», 1993. С. 49-50, 56-58.
43. Бойко О.Д. Історія України. Вид. 2, доп. Київ: Видавничий центр «Академія», 2002. С. 316-317.
44. Лановик Б.Д., Лазарович М.В. Історія України. 3 вид., випр. і доп. Київ: Знання-Пресс, 2006. С. 298-302.
45. Мицик Ю.А., Бажан О.Г., Власов В.С. Історія України. Київ, Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2005. С. 330-331.
46. Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття: нариси політ. історії. Київ: Либідь, 1993. С. 68-69.
47. Буркут І.Г. Русинство: минуле і сучасність. Чернівці: Прут, 2009. С. 76-95.
48. Буркут І.Г. Историческая судьба галицкого и буковинского русинства. Финал // Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]. 2009. № 3 (17). С. 47-60.
49. Чучко М.К. Православная церковь на Буковине во время Первой мировой войны (I) // Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]. 2014. № 3 (37). С. 85-108. 88-104.
50. Бузина О. Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2006. 283-290.
51. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. 201 с.
52. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.
53. Русская Галиция и «мазепенство» / Составитель серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. 592 с.
54. Ваврик В.Р. Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. М.: Издательский дом «Софт Издат», 2001. С. 63-104.
55. Ваврик В.Р. Терезин и Талергоф // Геноцид карпаторусских москвофилов – замолчанная трагедия ХХ в. М.: Издательство «Консервативного клуба», 2007. С. 68-111.
56. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и Руссой смуты // Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]. 2006. № 1 (3). С. 49-53.
57. Суляк С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русин. Международный исторический журнал. 2008. № 3-4 (13-14). С. 15-17.
58. Суляк С.Г. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]. 2008. № 3-4 (13-14). С. 69-75.
59. Суляк С.Г. Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. Международный исторический журнал [Кишинев]. 2009. № 3 (17). С. 62-65.
60. Магочій П.Р. Народ нивыдкы: Ілюстрована історія карпаторусинів / Потовмачив по русинськы В. Падяк; Сюжетні комен. ид іл. В. Падяка. Видання перше. Русинською мовою. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2007. С. 66-67.
61. Магочій П.Р. Народ нізвідки. Ілюстрована історія карпаторусинів. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2006. С. 66-67.
62. Hoffmann, Goll, Lesiak 2010 – Hoffmann Georg, Goll Nicole-Melanie, Lesiak Philipp. Thalerhof 1914-1936. Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer. Herne: Schäfer, 2010. 207 p.

References:

1. Vavrik V.R. Terezin and Talerhof. On the 50th anniversary of the tragedy of the Galician-Russian people. Moscow: Publishing House "Soft Izdat", 2001. Pp.73-75 (In Russian)
2. Nahaevskiy I. Background of Ukrainian Power. Kiev: Publisher "Ukrainian Writer", 1993. P. 58 (In Ukrainian).
3. Magyar Soldiers Murder 44 in Przemysl in 1914. Lviv, 1937 (In Rusinian) .
4. Kazanskiy P.E. The current situation of Red Rus // "Ukrainian" disease of the Russian nation. Moscow: Publisher "The Imperial Tradition", 2004. Pp. 523-524 (In Russian)
5. Pashaeva N.M. Essays on the history of the Russian movement in Galicia XIX-XX centuries. Ed. 2, revised and enlarged. Moscow: Publisher "The Imperial Tradition", 2007. Pp. 116, 117 (In Russian)
6. Ibid. P. 106 (In Russian)
7. Gardyy P.S. From the publisher // Talergof Almanac // Russian Galicia and "mazepinstvo" / Compiled Series M.B. Smolin. Moscow: Publisher "The Imperial Tradition", 2005. P. 210 (In Russian)
8. Vavrik V.R. Op. cit. P. 86 (In Russian)
9. Ibid. P. 97 (In Russian)
10. Gardyy P.S. Op. cit. P. 210 (In Russian)
11. Pashaeva N.M. Op. cit. P. 110 (In Russian)
12. Krivochuprin E.L. Mayhem in Przemysl 09.15.1914 and was reflected in the periodical // Rusin. International historical journal [Kishinev]. 2014. № 3 (37). Pp. 38-47 (In Russian)
13. Talergof almanac. Commemorative book Austrian atrocities, fanaticism and violence against the Carpatho people during the World War of 1914-1917. Edition "Talergof Committee". Issue 1. Lviv: Typography Stauropegon Institute under the control of A.I. Yaskov, 1924. 209 p. (In Russian)

14. Talergof almanac. Commemorative book Austrian atrocities, fanaticism and violence against the Carpatho people during the World War of 1914-1917. Issue 2. Terror in Galicia. Terror in Bukovina. Echoes of printing. Terezin, Gmind, Gnas and others. Fiction. Edition "Talergof Committee". Lviv: typography Stauropegon Institute, 1925. 153 p. (In Russian)
15. Talergof almanac. Commemorative book Austrian atrocities, fanaticism and violence against the Carpatho people during the World War of 1914-1917. Issue 3. Talerhof. Part 1. Edition "Talergof Committee". Lviv: typography Stauropegon Institute, 1930. 160 p. (In Russian)
16. Talergof almanac. Commemorative book Austrian atrocities, fanaticism and violence against the Carpatho people during the World War of 1914-1917. Issue 4. Talerhof. Part 2. Edition "Talergof Committee". Lviv, 1932, 162 p. (In Russian).
17. Ukraine - is Russia. Literary and journalistic collection / Ed. by M.I. Turyanitsa. St. Petersburg: Publisher LIO "Edit", 2000, 247 p. (In Russian)
18. History of the USSR. Part 3. Textbook for grade 10 high school / Edited by A.M. Pankratova. 11th ed. Moscow: Uchpedgiz, 1952. 452 p. (In Russian)
19. A Brief History of the USSR. At 2th part. Part 1. Ed. Third, revised. and add. / Edited by N.E. Nosov. Leningrad: Publisher "Science", 1978. 456 p. (In Russian)
20. Mal'kov V.V. Guide to the history of the USSR for entering universities. Ed. 4th, Revised. and add. Moscow: Higher School Publishing, 1985. 527 p. (In Russian)
21. Dmitrenko V.P., Esakov V.D., Shestakov V.A. History of the Fatherland. Grade 11. 6th ed, stereotype. Moscow: Publisher "Drofa", 2002. 608 p. (In Russian).
22. Munchaev Sh.M., Ustinov V.M. History of Russia: Textbook for universities. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow: Publisher "NORMA", 2003. 768 p. (In Russian)
23. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. History of Russia. 3th edition, revised and enlarged. Moscow: Publisher "Welby", Prospect, 2006. 528 p. (In Russian)
24. History of Russia XX - early XXI century / Edited by L.V. Milov. Moscow: Publisher "Eksmo", 2006. 960 p. (In Russian)
25. Volobuev O.V., Kuleshov S.V. History of Russia (baseline). Grade 11. 4th ed., stereotype. Moscow: Publishing House "Mnemosyne", 2009. 335 p. (In Russian).
26. Sakharov A.N., Bokhanov A.N., Shestakov V.A. History of Russia from ancient times to the present day. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Publisher "Prospect", 2009. 720 p. (In Russian)
27. Kirillov V.V. History of Russia. Moscow: Publisher "Yurayt", 2010. 661 p. (In Russian)
28. Levandovskiy A.A., Shchetinov Yu.A., Mironenko S.V. History of Russia. XX – the beginning of the XXI century. 11: A baseline. 4th edition. Moscow: Publisher "Education", 2010. 384 p. (In Russian)
29. Shestakov V.A., Gorinov M.M., Vyazemskiy E.E. History of Russia. XX – the beginning of the XXI century. Grade 9. 7th ed. Moscow: Publishre "Education", 2011. 351 p. (In Russian)
30. Pashkov B.G. History of Russia 11 class. Basic level. 5th ed., sr. Moscow: Publisher "Drofa", 2012. 318 p. (In Russian)
31. Kiselev A.F, Popov V.P. History of Russia 11 class. Basic level. 5th ed., stereotypical. Moscow: Publisher "Drofa", 2012. 318 p. (In Russian)
32. The course of Russian history IX - beginning of the XXI century / Ed. LI Olsztyn. 3th ed., revised and enlarged. Moscow: Publisher "ITRK", 2012. 656 p. (In Russian)
33. Kiselev A.F, Popov V.P. History of Russia. XX - the beginning of the XXI century. Grade 9. 2th ed., stereotyped. Moscow: Publisher "Drofa", 2013. 304 p. (In Russian)
34. Kasimenko O.K. History of the Ukrainian SSR. Popular essay. Kyiv: Publisher "USSR Academy of Sciences", 1960. 400 p. (In Ukrainian)
35. Los' F.E., Spitskiy V.E. The history of the Ukrainian SSR. Allowance for grades 9-10. 5th ed. Kiev: Publisher "Soviet school", 1972. P. 50 (In Russian)
36. The history of the Ukrainian SSR 1983 - History of the Ukrainian SSR. In 10 volumes. Volume 5. Ukraine in the period of imperialism (the beginning of XX century). Ed. Ed. V.G. Sarbey. Kiev: Publisher "Scientific Thought", 1983. Pp. 318-319 (In Russian).
37. Ibid. P. 357 (In Russian)
38. Ibid. P. 358 (In Russian)
39. Grushevskiy M.S. Illustrated History of Ukraine with the applications and supplements. New expanded edition. Donetsk: "BAO" Publishing, 2002. Pp. 570-571 (In Russian)
40. Polons'ka-Vasilenko N.D. The history of Ukraine. In 2 vols. 4th ed., erased. Vol. 2. From the middle of the XVII century to 1923. Kyiv: Publisher "Lybid", 2002. P. 444-447 (In Ukrainian)
41. Subtel'niy O. Ukraine. History. 3th ed., processing and add. Kyiv: Publisher "Lybid", 1993. P. 421 (In Ukrainian)
42. Nagaevs'kiy I. History of the Ukrainian state. Kyiv: Publisher "Ukrainian writer", 1993. Pp. 49-50, 56-58 (In Ukrainian)
43. Boyko O. D. History of Ukraine. 2th ed., add. Kyiv: Publishing House "Academy", 2002. Pp. 316-317 (In Ukrainian)
44. Lanovik B.D., Lazarovich M.V. The history of Ukraine. 3th ed., straighten and add. Kyiv: Publisher "Knowledge Press", 2006. Pp. 298-302 (In Ukrainian).

45. Mitsik Yu.A., Bazhan O.G., Vlasov V.S. The history of Ukraine. Kyiv, Publishing House "Kyiv-Mohyla Academy", 2005. Pp. 330-331 (In Ukrainian)
46. Gunchak T. Ukraine: the first half of the XX century: essays flight. History. Kyiv: Publisher "Lybid", 1993. Pp. 68-69. (In Ukrainian)
47. Burkut I.G. Rusinism: Past and Present. Chernivtsi: Publishing Prut, 2009. Pp. 76-95 (In Ukrainian)
48. Burkut I.G. The historical fate of the Galician and Bukovina Rusynism. Finale. Rusin. International historical journal [Kishinev]. 2009. № 3 (17). Pp. 47-60. (In Russian)
49. Chuchko M.K. The Orthodox Church in Bukovina during the First World War I . Rusin. International historical journal [Kishinev]. 2014. № 3 (37). Pp. 88-104 (In Russian)
50. Buzina O. Taynaya istoriya Ukrainy-Rusi. Kiev: Publisher "Dovira", 2006. Pp. 283-290 (In Russian)
51. Pashaeva N.M. Essays on the history of the Russian movement in Galicia XIX-XX centuries. State Public Historical Library of Russia. Moscow: 2001. 201 p. (In Russian).
52. Pashaeva N.M. Essays on the history of the Russian movement in Galicia XIX-XX centuries. Ed. 2nd, revised and enlarged. Moscow: Publisher "The Imperial Tradition", 2007. 192 p. (In Russian)
53. Russian Galicia and "mazepentstvo". Compiled Series M.B. Smolin. Moscow: Publisher "The Imperial Tradition", 2005. 592 p. (In Russian).
54. Vavrik V.R. Terezin and Talerhof. On the 50th anniversary of the tragedy of the Galician-Russian people. Moscow: Publishing House "Soft Izdat", 2001. Pp. 63-104 (In Russian)
55. Vavrik V.R. Terezin and Talerhof. Genocide Carpatho Muscophiles – silenced tragedy of XX century. Moscow: Publisher "Conservative Club", 2007. Pp. 68-111 (In Russian)
56. Sulyak S.G. Rusins in the First World War and unrest Russa. Rusin. International historical journal [Kishinev]. 2006. № 1 (3). Pp. 49-53 (In Russian)
57. Sulyak S.G. Rusins: Lessons tragic history. Rusin. International historical journal. 2008. № 3-4 (13-14). Pp. 15-17 (In Russian)
58. Sulyak S.G. Talerhof and Terezin: the forgotten genocide. Rusin. International historical journal [Kishinev]. 2008. № 3-4 (13-14). Pp. 69-75 (In Russian)
59. Sulyak S.G. Rusins: Past, Present and Future. Rusin. International historical journal [Kishinev]. 2009. № 3 (17). Pp. 62-65 (In Russian)
60. Magochiy P. R. The people of nowhere: An Illustrated History karpatorusinov. Translated into Rusinian by V. Padyak. Uzhgorod: Publisher "V. Padyak", 2007. Pp. 66-67 (In Russian)
61. Magochiy P.R. The people of nowhere: An Illustrated History karpatorusinov. Uzhgorod: Publisher "V. Padyak", 2006. Pp. 66-67 (In Ukrainian).
62. Hoffmann Georg, Goll Nicole-Melanie, Lesiak Philipp. Thalerhof 1914-1936. Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer. Herne: Schäfer, 2010. 207 p.

УДК 94(477)

Геноцид русинов в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Краткий обзор проблематики

Сергей Георгиевич Суляк

Томский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема освещения темы геноцида русинского (русского) населения Галичины, Буковины в годы Первой мировой войны в работах 1920-х гг. – начала XXI в. Данная тема активно разрабатывалась в 1920–1930-х гг., когда Галичина находилась в составе Польши, Подкарпатье – Чехословакии, Буковина – Румынии. В советские времена она стала «табуированной». Современная украинская историография больше внимания уделяет мифотворчеству о якобы имевших место в Галиции и Буковине, а также Малороссии гонениях российских властей по отношению к украинцам. Тема русинского (русского) движения в Галичине и Буковине, массовых репрессий австро-венгерских властей против русинского населения отсутствует в современных учебниках по истории России. В материале сравниваются подходы, применяемые исследователями, имеющими различные политические взгляды.

Ключевые слова: русины, Первая мировая война, геноцид, Талергоф, репрессии, Австро-Венгрия, концлагерь.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

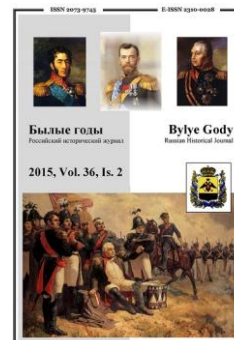
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 366-372, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Black Sea Governorate during World War I: A Historiographical Survey

Lyubov G. Polyakova

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory of world civilizations

Abstract

This survey article addresses the historiography of World War I in the territory of Black Sea Governorate. The author singles out three chronological periods, ante-revolutionary, Soviet, and present-day Russian, and discusses distinctive characteristics in the study of the history of each of the periods. Thus, for instance, a distinctive trait in the study of World War I during the Soviet period was a permanent search in it for preconditions for the socialist revolution, which led to the artificial politicization of events and phenomena. The author comes to the conclusion that the historiography of World War I in the territory of Black Sea Governorate has considerable gaps, while the topic itself is yet to become the subject of comprehensive study. Up until the present day the following topics have remained virtually unstudied: the activity of the hospital framework across Black Sea Governorate, the identification of distinctive characteristics of combating alcoholism during the war, and the activity of charity societies.

Keywords: Black Sea Governorate, World War I, historiographical survey.

Введение

Региональная история сегодня превращается в актуальное направление в современной историографии. В том числе и региональная история Первой мировой войны. Черноморская губерния в годы Первой мировой войны с момента вступления Турции в войну стала прифронтовой территорией: спереди враждебная Турция, а в тылу еще совсем недавно нестабильный Кавказ (Кавказская война и Первая русская революция) [1]. В 1914 году у администрации Черноморской губернии были все основания опасаться и подрывной работы некоторых представителей горских народов, которых Турция призывала к всеобщему восстанию.

Несмотря на десятки посвященных Первой мировой войне научных трудов, она является феноменом мировой истории, в обыденном сознании российского общества заслужила такие эпитеты, как «забытая», «неизвестная» война. Причинами этого, на наш взгляд, является наличие многочисленных «белых пятен», они касаются как боевых действий, так и деятельности тыла в годы войны. Гигантский и неминуемо разноречивый материал о той эпохе создает ситуацию, когда требуется дальнейшее объективное изучение и непредвзятая оценка.

Историография проблемы

Изучению истории Первой мировой войны уже без малого столетие. За это время было накоплено значительное количество исследований и ученые обратились к периодизации историографии проблемы.

Так, российский ученый Б.Д. Козенко в своей работе «Отечественная историография Первой мировой войны» выделял следующие этапы:

1. 1918-1941 гг. - процесс становления отечественной историографии;
2. 1940-1960 гг. – «сложный и трудный период для науки»;
3. 1970-1980 гг. – этап, проходивший в условиях «усиления политизации и идеологизации науки в рамках "холодной войны"»;
4. С конца 1980-х гг. по настоящее время – этап «острой критики прошлого и попыток создания новой историографии истории войны 1914–1918 гг.» [2].

Позднее белорусский автор С.Ф. Свилас модернизировал данную периодизацию и выделил пять основных этапов:

1. 1918–1920-е гг. – процесс становления историографии проблемы;
2. 1930-е – 1945 г. – время особенно сильного влияния на нее культа личности Сталина;
3. 1945–1960-е гг.,
4. 1970–1980-е гг.,
5. с конца 1980-х гг. по настоящее время [3].

Сегодня с такой периодизацией соглашаются многие авторы.

В 2014 году российские исследователи истории Первой мировой войны Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина обратили свое внимание на то, что в критериях периодизации, нередко выступают внешние для науки обстоятельства. По мнению Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной критериями перехода от одного этапа к другому необходимо считать методологические и институциональные аспекты, помимо этого сам круг изучаемых проблем и сюжетов, а также способы решения исследовательских задач – все эти факторы, по мнению авторов, можно объединить понятием исследовательских практик, как совокупности форм и методов изучения Первой мировой войны в отечественной историографии [4].

Тем не менее, нам бы хотелось укрупнить периоды и свести их в три основных хронологических периода: дореволюционную, советскую и современную российскую историографию. Рассмотрим историографию по периодам.

Дореволюционная историография. Первые работы, посвященные Великой войне (1914–1918 гг.), начали появляться вскоре после ее начала, и в своем большинстве носили патриотический характер. Журнальные и газетные статьи, а также брошюры были направлены на прославление героического подвига русских солдат и офицеров. В то же время начали появляться работы, в которых разоблачались военные преступления германо-австрийских войск. Уже 9 апреля 1915 г. была Высочайше учреждена Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками.

Среди дореволюционных научных работ по истории Первой мировой войны особо выделяется фундаментальностью «Сборник Комитета по устройству этапного лазарета имени высших учебных заведений Петрограда», который был издан под редакцией известного профессора М.И. Туган-Барановского [5]. Разные аспекты жизни тыла в годы Первой мировой войны рассматривались и в научной периодической печати, например, в журналах «Летопись» [6], «Морской сборник», «Военный сборник» и т.д. [7]

Особое внимание уделялось вопросам, касающимся стратегии и тактики, обеспечения беженцев, проблеме развития экономики. Современники событий также проводили специальное изучение проблемы продовольственного снабжения тыла [8-11]. Тем не менее, в дореволюционной историографии теме диссертационного исследования уделено лишь эпизодичное внимание.

Советская историография. В течение первых десяти лет после окончания Первой мировой войны в стране было написано большое количество литературы, касающейся отдельных проблем мировой войны, что было обусловлено желанием осмыслить практически знаменательнейшее событие в истории человеческой цивилизации, каким представлялось оно для современников.

Начиная с конца 1920-х годов в советской историографии происходило выработка взгляда на мировую войну как событие, подготовившее предпосылки для революционных преобразований в стране. Тема войны несколько потеряла свою актуальность; подчеркивалась ее второстепенность и подчиненное значение в сравнении с событиями революционного Октября. Революция обратила прошлое в «предысторию» великих событий [12-13]. В середине 1930-х – середине 1950-х годов основные догматы «Краткого курса истории ВКП(б)» стали единственным подходом к интерпретации событий на рубеже XIX–XX веков. Поражение русской армии в войне определило в дальнейшем отрицательное отношение к ней в советской историографии. Шаблонная оценка, схематически-иллюстративный подход к изложению создали ситуацию, когда они стали характеризующей чертой для многих работ по данной проблематике.

Полная и захватывающая все аспекты научная разработка массивного комплекса источников периода Первой мировой войны началась во второй половине 1950-х – 1960-е годы. Среди внутрисоветских аспектов этого периода определенный перевес получили вопросы, затрагивавшие экономическое развитие в границах учения о социально-экономических предпосылках социалистической революции. Подробный анализ экономической жизни страны дается в монографиях Г.И. Шигалина, И.В. Маевского, К.Н. Тарновского, А.Л. Сидорова, В.Я. Лаверычева и Т.И. Китаниной [14-16]. Также эти темы были представлены в соответствующих разделах трудов П.А. Хромова, Е.Д. Черменского, П.И. Лященко. Рассматривая историю развития разных отраслей промышленности, характеристику транспортной и финансовой систем в годы войны, функционирование предпринимательских союзов, государственных органов управления экономикой, появившихся в ходе войны, исследователи сосредотачивали свое внимание на снабжении армии. Акцент в работах делался на складывании в стране под воздействием мировой войны государственно-монополистического капитализма в качестве базы для национализации промышленности и формирования плановой социалистической экономики. Воздействие войны на состояние сельского

хозяйства страны всесторонне раскрыто в монографии А.М. Анфимова [17]. В этих трудах получилось обнаружить в экономической жизни России основные диспропорции, возникшие в период Первой мировой войны. При этом в исследованиях отсутствует региональная детализация, что, безусловно, имеет значение для страны, имевшей такие яркие региональные различия, как Россия. Сосредотачиваясь на раскрытии общеэкономических тенденций, исследования этого периода не затрагивают воздействия Первой мировой войны на состояние потребительского рынка, а также не отражают изменение хозяйственной обстановки с развитием экономического кризиса.

В трудах до перестроечного периода большое внимание было уделено характеристике политической системы России накануне революции [18]. Существенное количество научных трудов посвящено анализу состояния и взглядов представителей разных сословий, при этом основное внимание всегда уделялось позиции промышленного пролетариата. Общей чертой этих работ является сосредоточенность авторов на исследовании процессов, происходивших в общественных кругах обеих столиц империи. Данное обстоятельство оставляет де-факто не освещенным политический пейзаж обширной российской провинции.

Итог советского этапа исследования и оценки истории Первой мировой войны обнаруживается в издании многотомных академических произведений, посвященных Октябрьской революции [19-21]. Они заключают в себе ключевые выводы, взятые на вооружение советской историографией также в отношении предшествовавшего тому периода. Из узловых подходов в до перестроечных исторических работах к интерпретации различных событий был перманентный поиск в них предпосылок социалистической революции, что приводило к искусственной политизации событий и явлений. Относительной изученности политической истории начала века сопутствовало явно недостаточное освещение социальной активности, идеологических вопросов, проблем духовной жизни, менталитета, быта. Именно в этом ключе (поиска предпосылок социалистической революции) рассматривалась и история Черноморской губернии периода Первой мировой войны. Таким образом и в советский период социально-экономическое развитие Черноморской губернии в период Первой мировой войны не стало объектом исследования.

Современная российская историография. Конец 1980-х годов открыл сначала перед советскими, а затем российскими историками новые перспективы, что привело к отказу от прежних концептуальных догм. В этом периоде стали видеть корни наиболее важных социально-экономических процессов современного мира. Сделанные предыдущими исследователями оценки предыстории событий 1917 г. переосмысливаются, отталкиваясь от новой методологической парадигмы. Интерес вызывают региональные особенности истории периода военного времени, а также перемена духовной атмосферы в обществе.

Наиболее выдающимся исследованием по истории войны (1914–1918 гг.), изданным в последнее время, стала коллективная работа «Мировые войны XX века» (в первом томе которого опубликован исторический очерк о Великой войне) [22]. При этом важное значение уделялось таким вопросам, как развитие государственной идеологии, изменение общественного сознания, также психология непосредственных участников боевых действий. Авторы делают вывод о преобладании в правительственной политике компонентов консервативного традиционализма, которые мешали организации действенного сотрудничества власти и общества. Согласно точке зрения авторов, поддержавшее во многом войну российское общество имело право надеяться как минимум на некоторую либерализацию курса правительства: уменьшение цензуры и преследований периодической печати оппозиции, более благосклонное отношение к деятельности общественных организаций, предоставление официального статуса профессиональных союзов. Отметим, что региональная детализация общественной ситуации, формировавшейся в 1914-1917 годах, порождает сомнения в эффективности такого шага.

Значимой чертой исследований в современное время считается отрешение от идеологических установок в толковании поведения людей. Историков интересуют новые аспекты духовной жизни россиян в период войны, а также не изученная в советский период тема беженцев и благотворительности [23-26]. Основная масса работ посвященных истории Великой войны (1914–1918 гг.) сегодня обнаруживается в региональных исследованиях. Только несколько работ комплексно рассматривают истории отдельных тыловых губерний в период Великой войны [27-29]. В этих работах концентрируется на собственном круге проблем, имеет свои акценты, что зависит от особенностей изучаемого региона и от сохранившихся в настоящий момент местных материалов.

В исследовании Т.И. Трошиной специальное место отводится изучению развития взаимоотношений России с союзниками, что отражалось непосредственным образом на жизнедеятельности города Архангельска. Необходимо понимать, что Архангельск в период войны являлся важнейшим морским узлом Российской империи. Т.И. Трошина справедливо указывает на двойное влияние военной поры на экономическое состояние города. Во-первых, произошло нарушение устоявшихся внутренних и внешних связей, во-вторых, в связи с мобилизацией сказывался дефицит рабочей силы, и в-третьих, останавливалась гражданская промышленность напрямую не связанная с оборонной деятельностью. Тем не менее, статус одного из узловых морского порта на одной из важнейших морских артерий обеспечивал приток целевого государственного финансирования, часть которого задействовалась для решения внутригородских

проблем. Представляется аргументированной авторская мысль о том, что опыт участия либеральной буржуазии и интеллигенции в решении главных государственных задач оказался не очень продуктивным как в государственном, так и в региональном масштабе. Несмотря на активность их деятельности поначалу, время показало, что общественной инициативе оказалась не под силу решить общегосударственные проблемы.

Исследование С.В. Букаловой посвящено Орловской губернии в годы Первой мировой войны. Она изучала губернию в указанное время через экономический и управленческий аспекты, в то же время общественно-политический мотив в исследовании является второстепенным. Интересным является то, что информацию о свержении самодержавия жители Орла встретили Праздником русской революции. В ходе праздника была проведена демонстрация с красными и черными знаменами и колокольным звоном. Помимо этого был отслужен молебен о многолетии «героев переворота» [30].

Исследование С.Ю. Шишкиной основано на богатом материале экономической статистики. По причине того, что Тобольская губерния являлась активно развивающимся регионом, ее экономическая база позволила снизить наметившийся кризисный спад, выразившийся не в катастрофическом падении показателей, а лишь в уменьшении темпов развития. Автор при этом замечает, что, невзирая на более благоприятную экономическую ситуацию, на изменение настроений в обществе, ключевые стадии которой были характерны общероссийским, значительно большее воздействие оказывали внеэкономические обстоятельства. Работа В.Н. Меньщикова, выполненная на материалах этого же региона, по своим заключениям является вторичной по отношению к работе С.Ю. Шишкиной; авторское расширение исследуемой тематики смотрится вынужденным и иногда неоправданным.

В исследовании Т.В. Иконниковой, основной акцент установлен на роли дальневосточного региона в обеспечении армии, однако внутреннее развитие края остается в тени. Исследователь живо касается проблем общественной жизни, уделяет внимание жизни на территории Дальнего Востока беженцев, а также военнопленных.

Нельзя не отметить докторскую диссертацию Н.А. Шубина, посвященную историографии Первой мировой войны, в которой автор также характеризует основные этапы в изучении этого периода [31].

В то же время тема Первой мировой войны на территории Черноморской губернии практически не затрагивалась. В настоящее время есть лишь эпизодические упоминания в трудах новороссийских и сочинских краеведов. Так, в работе Б. Герасименко «Очерки истории Новороссийска» рассматривается сюжет, связанный с историей Новороссийска в период Первой мировой войны. Уделено внимание обстрелу порта германо-турецким крейсером «Бреслау» [32]. Эту же тему затрагивает и Д.Ю. Козлов в исследовании «Странная война» в Черном море (август – октябрь 1914 г.)» [33].

Некоторые аспекты жизни в городе Сочи в период Первой мировой войны отражены в монографии А.А. Черкасова «Центр и окраины: Сочи в период царствования императора Николая II (1896–1917 гг.)». Автор обратил внимание на поведение национальных меньшинств и первый опыт создания госпитальной базы в Сочи [34]. Проблему с так называемым «немецким засильем» раскрыл в своем исследовании И.А. Тверитинов [35]. К административному процессу борьбы с дороговизной в посаде Сочи в период Первой мировой войны обратила свое внимание И.Ю. Черкасова [36].

Эпизодические упоминания о Черноморской губернии в годы Первой мировой войны есть в трудах краснодарских и ростовских историков. Так, необходимо отметить коллективную работу под редакцией проф. В.Н. Ратушняка «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.» [37]. С.М. Сивков посвятил свою работу изучению беженцев на территории Кубанской области и Черноморской губернии в годы Первой мировой войны [38]. В.П. Трут в своей работе рассматривает вопросы участия казачьих войск в Первой мировой войне [39]. Известно, что Кубанское казачье войско в годы войны пополнялось и за счет казачьих станиц Черноморской губернии.

Заключение

Подводя итоги обзора приходится констатировать, что в историографии Первой мировой войны на территории Черноморской губернии имеются значительные пробелы, а сама тема не стала предметом комплексного изучения. Так практически не нашли своего отражения: тема госпитальной базы на территории Черноморской губернии, выявления характерных черт борьбы с алкоголизмом в период войны, деятельность благотворительных обществ и др.

Примечания:

1. Mamedov M. From civilizing mission to defensive frontier: The Russian empire's changing views of the Caucasus (1801-1864) // *Russian History*, Vol. 41, Is. 2, 2014, pp. 142–162.
2. Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2001. № 3. С. 3–27.
3. Свилас С.Ф. Российская историография Первой мировой войны // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 2004. № 4. С. 68–72.

4. Krinko E.F., Khlynina T.P. Milestones of Return of «Forgotten War»: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World // *Bylye Gody*. 2014. № 33 (3). Pp. 296-305.
5. Вопросы мировой войны / Сборник Комитета по устройству этапного лазарета имени высших учебных заведений Петрограда под ред. проф. М.И. Барановского. Петроград, 1915. 675 с.
6. Войтинский В. Беженцы и сибирская деревня // *Летопись*. 1916. № 12. С. 297-307.
7. Новицкий В. Очерки мировой войны на море // *Морской сборник*. 1916. № 12. С. 187-210.
8. Борьба с дороговизной и городское управление. М., 1916. 182 с.
9. Громан В.Г. Дороговизна хлебных продуктов. М., 1915. 16 с.
10. Движение цен за два года войны. Петроград, 1916. 75 с.
11. Макаров Н.П. Предварительные сведения о положении мукомольной промышленности в Центрально-земледельческих губерниях. М., 1916. 23 с.
12. Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие. М., Л., 1929. 126 с.
13. Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914 – 1918 гг. М., Л., 1929. 541 с.
14. Шигалин Г.И. Основы экономического обеспечения Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войны. Калинин, 1954. 451 с.
15. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. 391 с.
16. Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958. 263 с.
17. Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М., 1962. 383 с.
18. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 655 с.
19. Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. 335 с.
20. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 гг.). Л., 1985. 485 с.
21. Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. 151 с.
22. Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. 685 с.
23. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // *Курские тетради*. Тетрадь 1. Курск, 1997. С. 21-40.
24. Казаковцев С.В. Благотворительность в Вятской губернии в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 2008. № 7. С. 136-142.
25. Михеев Б.В. Благотворительность бурят в годы Первой мировой войны // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 11. С. 119-122.
26. Федоров В.И. Первая мировая война и якутская национальная интеллигенция // *Северо-восточный гуманитарный вестник*. 2012. № 1. С. 11-15.
27. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция: август 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.
28. Борщукова Е.Д. Общественное мнение населения Российской империи о первой мировой войне и защите отечества (1914 – 1917). СПб., 2012.
29. Крайкин В.В. Первая мировая война в сознании провинциальных обывателей (июль 1914 – сентябрь 1915 гг., по материалам Орловской губернии) // *Вестник Самарского государственного университета*. 2009. № 69. С. 73-78.
30. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период август 1914 – февраль 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. С. 224.
31. Шубин Н.А. Россия в Первой мировой войне: историография проблемы: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 345 с.
32. Герасименко Б. Очерки истории Новороссийска. Новороссийск, 2001. 180 с.
33. Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море (август – октябрь 1914 года. М., 2009. 223 с.
34. Черкасов А.А. Центр и окраины: Сочи в период царствования императора Николая II (1896–1917 гг.). Сочи, 2009. 247 с.
35. Тверитинов И.А. Кампания по борьбе с «немецким засильем» в Черноморской губернии в период Первой мировой войны // *Голос минувшего*. Кубанский исторический журнал. 2014. № 3-4. С. 180-185.
36. Черкасова И.Ю. Сочинский округ в годы Первой мировой войны: борьба с дороговизной // *В мире научных открытий*. 2010. № 2-1. С. 99-102.
37. Очерки истории *Кубани с древнейших времен* по 1920 г. Под ред. Ратушняка. Документы и материалы. Краснодар. 1997.
38. Сивков С.М. К вопросу о беженцах на Кубани и в Черноморской губернии в годы Первой мировой войны // *Социально-экономический ежегодник*- 2014. Краснодар, 2014. С.207-210.

39. Trut V.P. Some Aspects of the Russian Cossacks' Participation in the First World War // *Bylye Gody*. 2014. No 33 (3). Pp. 335-340.

References:

1. Mamedov M. From civilizing mission to defensive frontier: The Russian empire's changing views of the Caucasus (1801-1864) // *Russian History*, Vol. 41, Is. 2, 2014, pp. 142–162.
2. Kozenko B.D. Otechestvennaya istoriografiya Pervoi mirovoi voiny // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2001. № 3. S. 3–27.
3. Svilas S.F. Rossiiskaya istoriografiya Pervoi mirovoi voiny // *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*. 2004. № 4. S. 68–72.
4. Krinko E.F., Khlynina T.P. Milestones of Return of «Forgotten War»: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World // *Bylye Gody*. 2014. № 33 (3). Pp. 296-305.
5. Voprosy mirovoi voiny / *Sbornik Komiteta po ustroistvu etapnogo lazareta imeni vysshikh uchebnykh zavedenii Petrograda pod red. prof. M.I. Baranovskogo*. Petrograd, 1915. 675 s.
6. Voitinskii V. Bezhtentsy i sibirskaya derevnya // *Letopis'*. 1916. № 12. S. 297-307.
7. Novitskii V. Ocherki mirovoi voiny na more // *Morskoj sbornik*. 1916. № 12. S. 187-210.
8. Bor'ba s dorogoviznoi i gorodskoe upravlenie. M., 1916. 182 s.
9. Groman V.G. Dorogovizna khlebnykh produktov. M., 1915. 16 s.
10. Dvizhenie tsen za dva goda voiny. Petrograd, 1916. 75 s.
11. Makarov N.P. Predvaritel'nye svedeniya o polozhenii mukomol'noi promyshlennosti v Tsentral'no-zemledel'cheskikh guberniyakh. M., 1916. 23 s.
12. Binshtok V.I, Kaminskii L.S. Narodnoe pitanie i narodnoe zdravie. M., L., 1929. 126 s.
13. Bukshpan Ya.M. Voennno-khozyaistvennaya politika. Formy i organy regulirovaniya narodnogo khozyaistva za vremya mirovoi voiny 1914 – 1918 gg. M., L., 1929. 541 s.
14. Shigalin G.I. Osnovy ekonomicheskogo obespecheniya Pervoi mirovoi, grazhdanskoi i Velikoi Otechestvennoi voiny. Kalinin, 1954. 451 s.
15. Maevskii I.V. Ekonomika russkoi promyshlennosti v usloviyakh Pervoi mirovoi voiny. M., 1957. 391 s.
16. Tarnovskii K.N. Formirovanie gosudarstvenno-monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny. M., 1958. 263 s.
17. Anfimov A.M. Rossiiskaya derevnya v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917). M., 1962. 383 s.
18. Sidorov A.L. Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny. M., 1973. 655 s.
19. Laverychev V.Ya. Voennyi gosudarstvenno-monopolisticheskii kapitalizm v Rossii. M., 1988. 335 s.
20. Kitanina T.M. Voina, khleb i revolyutsiya (prodovol'stvennyi vopros v Rossii 1914 – oktyabr' 1917 gg.). L., 1985. 485 s.
21. Bovykin V.I. Rossiya nakanune velikikh svershenii. M., 1988. 151 s.
22. Mirovye voiny KhKh veka. Kn. 1. Pervaya mirovaya voina. Istoricheskii ocherk. M., 2002. 685 s.
23. Kurtsev A.N. Bezhtentsy Pervoi mirovoi voiny v Kurskoi gubernii: 1914–1917 gg. // *Kurskie tetradi*. Tetrad' 1. Kursk, 1997. S. 21-40.
24. Kazakovtsev S.V. Blagotvoritel'nost' v Vyatskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny // *Voprosy istorii*. 2008. № 7. S. 136-142.
25. Mikheev B.V. Blagotvoritel'nost' buryat v gody Pervoi mirovoi voiny // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 11. S. 119-122.
26. Fedorov V.I. Pervaya mirovaya voina i yakutskaya natsional'naya intelligentsiya // *Severovostochnyi gumanitarnyi vestnik*. 2012. № 1. S. 11-15.
27. Belova I.B. Pervaya mirovaya voina i rossiiskaya provintsiya: avgust 1914 – fevral' 1917 g. M., 2011.
28. Borshchukova E.D. Obshchestvennoe mnenie naseleniya Rossiiskoi imperii o pervoi mirovoi voine i zashchite otechestva (1914 – 1917). SPb., 2012.
29. Kraikin V.V. Pervaya mirovaya voina v soznanii provintsial'nykh obyvatel' (iyul' 1914 – sentyabr' 1915 gg., po materialam Orlovskoi gubernii) // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 69. S. 73-78.
30. Bukalova S.V. Orlovskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny: sotsial'no-ekonomicheskie, organizatsionno-upravlencheskie i obshchestvenno-politicheskie aspekty (dorevol'yutsionnyi period avgust 1914 – fevral' 1917 gg.). Dis. ... kand. ist. nauk. Orel, 2005. S. 224.
31. Shubin N.A. Rossiya v Pervoi mirovoi voine: istoriografiya problemy: Dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2001. 345 s.
32. Gerasimenko B. Ocherki istorii Novorossiiska. Novorossiisk, 2001. 180 s.
33. Kozlov D.Yu. «Strannaya voina» v Chernom more (avgust – oktyabr' 1914 goda. M., 2009. 223 s.
34. Cherkasov A.A. Tsentr i okrainy: Sochi v period tsarstvovaniya imperatora Nikolaya II (1896–1917 gg.). Sochi, 2009. 247 s.
35. Tveritinov I.A. Kampaniya po bor'be s «nemetskim zasil'em» v Chernomorskoj gubernii v period Pervoi mirovoi voiny // *Golos minuvshogo*. Kubanskii istoricheskii zhurnal. 2014. № 3-4. S. 180-185.

36. Cherkasova I.Yu. Sochinskii okrug v gody Pervoi mirovoi voyny: bor'ba s dorogoviznoi // V mire nauchnykh otkrytii. 2010. № 2-1. S. 99-102.
37. Ocherki istorii Kubani s drevneishikh vremen po 1920 g. Pod red. Ratushnyaka. Dokumenty i materialy. Krasnodar. 1997.
38. Sivkov S.M. K voprosu o bezhentsakh na Kubani i v Chernomorskoj gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny // Sotsial'no-ekonomicheskii ezhegodnik – 2014. Krasnodar, 2014. S.207-210.
39. Trut V.P. Some Aspects of the Russian Cossacks' Participation in the First World War // Bylye Gody. 2014. No 33 (3). Pp. 335-340.

УДК 94

Черноморская губерния в годы Первой мировой войны: историографический обзор

Любовь Георгиевна Полякова

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Лаборатория мировых цивилизаций

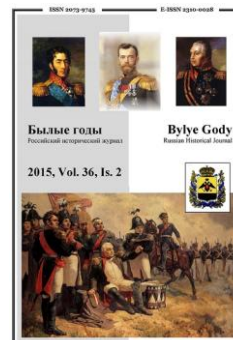
Аннотация. В обзорной статье рассматривается историография Первой мировой войны на территории Черноморской губернии. Автор выделяет три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный российский, приводятся характерные особенности изучения истории каждого периода. Так, например характерной чертой изучения Первой мировой войны в советский период стал перманентный поиск в них предпосылок социалистической революции, что приводило к искусственной политизации событий и явлений. В заключении автор приходит к выводу что в историографии Первой мировой войны на территории Черноморской губернии имеются значительные пробелы, а сама тема не стала предметом комплексного изучения. До сегодняшнего дня практически не изученными остаются следующие темы: деятельность госпитальной базы на территории Черноморской губернии, выявления характерных черт борьбы с алкоголизмом в период войны, деятельность благотворительных обществ.

Ключевые слова: Черноморская губерния, Первая мировая война, историографический обзор.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 36, Is. 2, pp. 373-381, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.1:1: 94 (574)

The *Muqaddimah* of Ibn Khaldun and the Specificity of the Social Structure of a Nomad Society (through the Example of Traditional Kazakh Society)

¹Altaiy I. Orazbayeva
²Zakish T. Sadvokassova

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Dr. (History), Professor
010008, Astana, Pushkin st. 11
E-mail: altaiy_orazbaeva@mail.ru
²L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Dr. (History), Professor
010008, Astana, Pushkin st. 11
E-mail: tungatar_k@mail.ru

Abstract

This article aims to investigate the issue of the organization of the social subsystem of the civilization of Eurasian steppe nomads. To this end, the author examines the specificity of the social structure of a nomad society through the example of traditional Kazakh society within the context of Ibn Khaldun's concept of "asabiyyah" developed in his work entitled "Muqaddimah" ("An Introduction" or "A Book on the Nature of Social Life"). The author's primary object of study is the theoretical and methodological conceptualization of the aspect under study, providing an insight into the specificity of the organization of internal mechanisms in the civilization of Eurasian steppe nomads, and trying to expound various phenomena in its development. In a related move, the authors, based on a selection of their own parameters of historical measurements, without any attempts to force a fit with accepted standards, venture to explain the specificity of the patterns of development characteristic of a local type of the civilization of Eurasian steppe nomads.

Keywords: society, social structure, traditional Kazakh society, nomad civilization, subethnic communities, genealogical kinship, social stratification.

Введение

Несмотря на то, что социальная организация традиционного казахского общества довольно широко изучена как в казахстанской, так и в зарубежной литературе, данная проблема все еще страдает некой бессистемностью, объясняемых, на наш взгляд, односторонностью, единичностью закладываемых критериев познания в изучении столь сложной социальной подсистемы цивилизации кочевников евразийских степей (в дальнейшем сокр. ЦКЕС – А.О., З.С.).

В связи с этим перед нами поставлена цель теоретического и методологического осмысления изучаемого аспекта, обозначение специфики организации в ЦКЕС внутренних механизмов, разъяснение феноменов в ее развитии.

Уникальность ЦКЕС, поясняющая факт доминирования во всех ее базовых составных признаков "социальности", обусловленность организации ее структурных уровней, с изначальной закладкой в них социального значения, не предусматривают раздельного исследования институтов ее политической, экономической, культурно-психологической подсистем без учета таких социальных категорий, как "кочевник", "степняк", "всадник", "воин", "кочевой образ жизни", вкуче представляющих ее "центральную систему ценностей" [1].

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют работа Ибн Халдуна “Мукаддима” (“Введение” или “Книга о природе социальной жизни”), труды российских, западных, так же отечественных ученых, материалы периодических изданий. Методологическую основу составили принципы научности, объективности, системности.

Подобраны собственные параметры исторических измерений, способные без всяких “подгонок” к “стандартам”, объяснить специфику присущих именно локальному типу ЦКЕС закономерностей развития. В связи с этим выявление цивилизационных особенностей социальной структуры традиционного казахского общества опосредовано представлением цивилизации в качестве особой социокультурной общности, предопределяющей, соответственно, изучение наряду с культурной сферой цивилизации кочевников евразийских степей, также ее биосоциальной подсистемы, выступающей своего рода субстанциональным критерием при различении ЦКЕС от других типов цивилизаций.

Цивилизационная парадигма предоставляет большие возможности для компаративного анализа и обобщений касательно своеобразия Казахстана как исторического преемника культурного наследия цивилизации кочевников евразийских степей. Несмотря на отсутствие в теории цивилизаций анализа истории кочевых обществ и на отказ основателями данной теории в цивилизационном начале населению срединного пространства (отличного от Запада и Востока), мы склонны считать, что именно концепция “локальных цивилизаций” способна выявить и объяснить специфику социокультурного развития, сущностно-характерные черты структурно-системной социальной связи традиционного казахского общества. Превосходство цивилизационной парадигмы заключается в предоставлении возможности многомерного, панорамного изучения исторических процессов. Она воплощает в себе историческое измерение действительности, и потому направлена на решение проблем преемственности путем постижения внутренних закономерностей самобытных локальных культур: “Каждая из культурных суперсистем сохраняет свою самобытность, свою самоидентичность вопреки изменениям в составляющих ее компонентах. Перемены совершаются при поддержании единства всех существенных частей, имеют имманентный характер, определяются внутренними закономерностями...”, – писал об этом П. Сорокин.

Обсуждение

Работа Ибн Халдуна “Мукаддима” (“Введение” или “Книга о природе социальной жизни”) привлечена нами в качестве источника по нижеследующим причинам. Во-первых, как бы не пытались цивилиграфы наряду с европейскими мыслителями, отнести к числу основоположников теории цивилизаций имя магрибского ученого Ибн Халдуна, именно ему удалось в своей работе, впервые дать теоретическое обоснование категории «умран», обозначающую (в переводе чаще всего – понятие “цивилизация” или “культура”) – социальную жизнь людей во всех ее проявлениях. И это не считая, его вклада в создание теории целостной науки – философии истории, являющейся согласно утверждению автора, самостоятельной наукой: “...ибо она имеет специальную тему исследования – социальную жизнь людей и человеческое общество; она занимается разъяснением фактов, связанных с сущностью темы” [2, с.22; 2, с.24]. Созвучность объекта исследований Ибн Халдуна с предметом сегодняшней, альтернативной формой истории иначе называемой “культурной историей социального”, а также актуальность выдвинутой им теории в современной историографии, предполагающей цивилизационный анализ явлений интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта не вызывает каких-либо сомнений. Во-вторых, Ибн Халдун был первым, кто обозначил проблему организующего начала идиомы кровного родства в кочевом обществе. Согласно его концепции [3], “асабийя”, что в переводе означает “инстинкт группы”, (пер. – Г.Х. Бугета), по другому “телесный дух” (пер. – Дэ Слал) или “связь людей, порожденная общностью происхождения” (пер. – С.М. Бациевой) [2], выступает основой солидарности и консолидации кочевников в противовес гражданству в территориальном государстве. И наконец, в-третьих, именно концепция Ибн Халдуна служит научным основанием для представлений в равной степени автономных, самобытных антропогеосистемах кочевого и оседлого миров, разнохарактерных по сути типов цивилизаций: “Мир оседлых культур и мир кочевников реально отражают многообразие формопроявлений мировой истории, причем каждый со своей спецификой – от социально-политической структуры до темпов исторического развития” [4, с. 3].

Современная наука не располагает принципиальными критериями сопоставления столь различных типов обществ, при их сравнении исследователи, оперируя в основном социально-экономическими категориями, применимыми для земледельческих обществ, до сегодняшних дней не могут избавиться от взглядов об архаичности и застойности степных кочевников. Однако, исходя из основных объектов исследований теории цивилизаций – человека и общества, и оперируя социокультурными категориями, можно попытаться найти тот универсальный критерий сравнения обозначенных социоприродных систем.

Главный тезис исследования – все многообразие социальной структуры кочевого социума, по сути, сводимо лишь в одну цивилизационную константу – специфический способ социального взаимодействия, основанный, скорее всего, на горизонтальной социальной мобильности,

характеризующейся большей гибкостью, приоритетностью, нежели к привычным нашему восприятию вертикально-властным параметрам социальных координат геосоциальных организмов.

Специфика социальной структуры традиционного казахского общества в контексте концепция «асабийя» Ибн Халдуна. Так называемым “каркасом”, “скелетом” традиционного казахского общества, обеспечивавшим органическое сочетание всех его частей в единое целое, выступала пронизывавшая все уровни его социальной структуры – закрытая, устойчивая, непроницаемая извне система генеалогического родства (сущность которой можно также передать запечатленным в бытовом сознании понятием – “Қарға тамырлы Қазақ” (прародственный Казах). Так, согласно мнению Ибн Халдуна, жизнь в пустыне присуща только племенам, связанным крепкой асабийей, ибо: “их воодушевление становится крепче и они сильнее, потому что готовность каждого помочь своей родне и своей асабийе особенно важна. Сострадание кровным родственникам и готовность им помочь, которые вложил Аллах в сердца своих слуг, присущи человеческой природе, и благодаря им осуществляется помощь и поддержка, и поэтому усиливается страх врагов перед ними... Это означает, что нельзя себе представить вражду против кого-то, если у него асабийя, человек же, лишенный родственных связей редко когда проявляет готовность защитить своего товарища...” [3, р. 66].

Несмотря на наличие в традиционном казахском обществе сложной сословной стратификации, дифференциации индивидов на закрытую и открытую “привилегированные корпорации индивидов” [5, с. 116] – ак сүйек и қара сүйек, а также присутствие неинтегрированных в основную генеалогическую линию сословий – төре, кожа и төлеңгіт, дополнявших общую конфигурацию этноса можно констатировать слабую выраженность в ЦКЕС вертикальной социальной мобильности.

Султаны составляют некоторым образом дворянское сословие. По народным киргизским обычаям, они пользуются в орде особыми привилегиями, но права крепостных над простыми киргизами никогда не имеют. До 1859 года многие султаны владели невольниками, приобретенные предками их из военнопленных калмыков и других иноземных племен. Но по приписанию областного начальства в 1859 году все владельцы освободили невольников, которые приписаны уже на общее положение киргиз [6].

На наш взгляд, перечисленные единицы, скорее, можно отнести к “привнесенным” в ЦКЕС извне, ассимилированным в кочевой среде социальным категориям, поскольку они, и вся вертикальная социальная мобильность в целом, в силу выраженности в них классовой принадлежности больше свойственны геосоциальным организмам, следовательно, не в состоянии раскрыть всей сути социальной структуры демосоциальных организмов.

Большую уверенность в пользу данных выводов вселяет также наблюдаемая во временно-пространственном срезе в кочевых обществах стабильность социальных отношений, достигнутая путем неоднократно отмечаемых номадологами – “естественности”, неизменности экстенсивного скотоводства, объясняющих отсутствие в них фактора выраженной классовой дифференциации, а соответственно, и антагонизма классов, как правило, сопровождавшегося революционными преобразованиями и социальными взрывами. Все вышесказанное призывает нас к рассмотрению социальной структуры ЦКЕС через призму целостной антропогеосистемы, выстроенной на балансе ее базовых единиц: “природа-человек-общество”: О том, что чистота родства встречается только у арабов и других подобных им народов (таковы, по мнению Ибн Халдуна, берберы, турки и родственные им туркмены и славяне), которые дико бродят в пустынях: “Это так потому, что на их долю выпали суровая жизнь, жестокие жизненные обстоятельства и плохие места для жилья, к чему приводит их необходимость, которая выделила им этот жребий... Асабийя необходима для того, чтобы сопротивляться врагу, отогнать его, защищать себя, поставить свои требования. Народ лишенный этого чувства обречен и не сможет проделать все это...” [3, р. 66-67].

В данном контексте необходимо различать функциональную особенность таких институтов вертикальной социальной мобильности ЦКЕС, заключавшихся в выполнении не столько вопросов политико-правового характера, сколько комплекса социальных, культурно-духовных начал, их целостного разрешения.

Вертикальная социальная мобильность в контексте концепции «асабийя». Задача институтов вертикальной социальной мобильности ЦКЕС состояла не в управлении, а в защите интересов кочевого социума и в сохранении целостности всего этноса. Не трудно заметить, что в традиционном казахском обществе всякий отдельно взятый индивид пользовался трехуровневой системой защиты со стороны властных органов: во-первых, ханов призванных защищать интересы государства и всего народа, во-вторых, биев – на уровне племен и жузов, и, наконец, в-третьих, аксакалов на родовом уровне. В этой связи уместно было упомянуть примечательный обычай казахов “хан сарқыты”, отсутствующий у других народов, суть которого заключалась в разделе поровну между соплеменниками скота избранного хана, поскольку считалось, что хану скот ни к чему, у него не должно быть иных забот, кроме благополучия своего народа, если скот есть у его народа, значит, есть и у хана.

Вертикальная социальная стратификация представляла собой не закрытую (более характерную для геосоциальных организмов), а открытую, демократическую, пронизанную духом критики, легко изменяющуюся и приспособляющуюся к обстоятельствам внешней среды, основанную на морали “социальной справедливости”, самобытную потестарно-политическую систему, базировавшуюся на

принципе генеалогического родства. Атрибутивными элементами констатируемого факта выступают Всенародные Курултай, мажлисы, право не только участия в которых, но и голос в решении принимаемых в них государственных вопросов, согласно “Жеты Жаргы”, имел “всякий, могущий носить оружие” свободный казах, достигший 15-летнего возраста; Советы ханов, биев, институты жырау, батыров, выполнявших своеобразную роль механизмов вертикальной регуляции общественных отношений и служивших средством согласования интересов властных структур, родоплеменной знати и различных социальных слоев населения. По утверждению исследователя М.Х. Абусеитовой, в средневековых источниках содержится немалое количество тому подтверждений: “В тех случаях, когда власть хана не отвечала интересам кочевой знати или ущемляла ее права, знать не только не поддерживала ханскую власть, но зачастую вступала с нею в открытую вооруженную борьбу. Так, сподвижники Абулхайра, представители крупных родов узбекского улуса, провозгласили ханом Шейх-Хайдар-хана...А совет, прежде чем решить вопрос об избрании ханом Мухаммад-Шайбана, выставил условие, чтобы он, соблюдая “обычай древний”, предоставил им “волю в государстве” [7, с. 24].

Следовательно, возможность вертикальной социальной мобильности в традиционном казахском обществе подчинялась и напрямую зависела от горизонтальных социальных координат.

Горизонтальная социальная мобильность в контексте концепции «асабийя».

Она представлена сложной системой человеческих взаимоотношений, выстроенных на дифференциации кровных, кровнородственных связей, а также генеалогической общности ее представителей, начиная от родовой модели “отау” (семья) вплоть до жузовой системы, затем и собственно государственности, интегрированных вследствие единства их социально-экономических, территориально-административных, политических, идеологических интересов. Напомним, что в излагаемой системе социальных связей нас скорее интересуют социокультурные феномены, иначе говоря – “символические конфигурации” ЦКЕС, предстающие не как конкретный текст культуры, а как общий исторический контекст, вбирающий в себя обширное достояние исторической памяти.

Итак, исходный или же первый уровень горизонтального ряда в традиционном казахском обществе основан на патриархальных традициях кровных и кровно-родственных связей от “бір ата баласы” до “жеті ата баласы”, включающих в себя сегменты от отау (брак)→отбасы (семья)→ошақ қасы (расширенная семья)→ауыл (аул)→қауым (община)→ру (род), объединенных в силу интересов социально-экономического характера, где формой власти выступает Совет старейшин (Аксақалдар кенесі), а идеологией кровное родство – “Қандас туыстық” (кровное родство).

Асабийя, - считает Ибн Халдун, существует только вследствие связи через происхождение или (благодаря) подобному соединению: “это соединение происходит от того, что кровная связь является естественной среди людей, исключая совсем немногих. Из этой связи происходит готовность помочь родным и кровным родственникам, когда они притесняемы или когда им грозит гибель. Ибо человек чувствует себя задетым, если родственник притесняем или если с ним враждебно обращаются... Когда родство двух помогающих друг другу людей очень тесное, так что между ними возникает единение, то такая связь является явной, и тогда она одна вызывает (помощь) благодаря своей очевидности. Если родство несколько дальнее, то окажется, что какие-то связи утрачиваются, но родство все же не забывается... Отсюда ты поймешь смысл слов Мухаммада – да благословит его Аллах и да приветствует: “Изучайте вашу генеалогию, который вы связываете себя с вашими родственниками”. Это означает, что польза родства состоит только в этой связи, которую кровное родство обуславливает так, что возникают взаимная поддержка и готовность к помощи”. В структурном плане патриархальный линидж* содержал в себе как организацию первичного кровного порядка “бір ата”: әке, бала, немере, шөбере, шөпшек, немене, әбере (кровного), так и вторичного кровно-родственного порядка “жеті ата”: әке, ата, әз ата, баба, тектін, төркін, тұқиян. При этом нельзя без внимания оставить то обстоятельство, что помимо строжайшего патриархального принципа “нағашы жұрт”, родственные отношения у казахов имели особенность строения также по принципам “жиен” (родство по материнской линии) и “қайын жұрт” (родство через брак). Отдельно взятый сегмент в данной цепочке связей – явление социокультурного содержания, поскольку выступает в некотором смысле родовой структурой целостной социокультурной матрицы, балансирующей взаимодействие трех основных компонентов: личности, общества и культуры: “Не существует личности как социума, то есть как носителя, создателя или пользователя значениями, ценностями и нормами, без корреспондирующих культуры и общества. В отсутствии последних смогут существовать лишь изолированные биологические организмы. Точно так же нет неорганического общества без взаимодействующих личностей и культуры; и нет живой культуры без взаимодействующих личности и общества” [8, с. 218–219].

Выделяемые базовые единицы горизонтальной мобильности в традиционном казахском обществе наряду с выполнением своих классических функций, заключавшихся прежде всего в регулировании и контроле за жизнеобеспечивающей деятельностью по добыванию пищи, обороне и защите, стояли также на страже этнокультурных традиций, культовых, идеологических, духовно-

* Понятие, применяемое в современной антропологической литературе для обозначения групп, в которых люди могут проследить все свои родственные связи до реального предка.

культурных ценностей и норм кочевников, обеспечивая их сохранность и передачу из поколения в поколение. Иначе говоря, на уровне кровно-родственных связей в традиционном казахском обществе, мы наблюдаем за процессом воспитания “основной личности”*, закладкой в него принимаемых за веру кочевом обществе принципов, устойчивых убеждений, порожденных мировоззрением кочевников, нашедших свое выражение в таких своеобразных явлениях, как геронтократия, меритократия, вопросов происхождения и наследственности, моральных установок, благовоспитанности, коллективных представлений о родовом единстве, религиозных верованиях, легендах, нормах морали и права, символическими элементами которых выступают таңба (тамга), ұран (призыв, клич), қорым (поклонение могилам святых); различные формы взаимовыручки, помощи между сородичами и соплеменниками, такие как ағайыншылдык, жұртшылық, тамырлық, сауын, жылу, асар – жылу; придерживание норм адата, шариата, а также образцов обычного права: әменгерлік (левират), ант (клятва), и т. д. Одним словом, всех тех “фундаментальных мотивационных установок” [9], ориентированных на “тегін тану” – самопознание кочевого социума, предполагающего идентификацию им своего Я с личностно-родовым самосознанием Мы.

Пренебрегая вышеобозначенными социальными ориентирами (нормами), игнорируя тем самым общественное мнение (выступающее в роли своеобразного органа контроля), истощив предпринимаемые соплеменниками “все меры к совладанию” собой, отдельные индивиды обрекали себя на верную смерть, так как это угрожало им изгнанием из рода, отречением от них родственников. Только принадлежность к определенному роду служила для казаха-кочевника гарантом его жизни, независимости и свободы, и, наоборот, целостность рода сохранялась только благодаря взаимопомощи, взаимовыручке, оказываемыми сородичами друг другу: “Личность находит защиту себе со стороны рода. Последний отвечает за поступки своих членов. Очистительная присяга возлагается по обычаю не на обвиняемого, а на кого-либо из членов его рода. Кровная месть падает не на одного убийцу, но и на любого из членов этого рода. Невеста приобретается в род, вот почему после смерти мужа вдова может выбрать нового супруга только между членами его рода. Опека также осуществляется родом в лице ближайшего родственника. Гостей принимают и чествуют, смотря по степени их родства с хозяином” [10, с.75]. Полагаем, что в описываемых взаимоотношениях сознание людей побуждал все-таки не материальный, а моральный стимул, точнее сказать, идеология кровного родства, посредством которой достигались цели упорядочения жизни в рамках родовых организмов социальной саморегуляции.

Таким образом, позволительно констатировать, что первым шагом на пути становления кочевого социума было пробуждение его самосознания, осознание им генетической принадлежности к определенной социокультурной традиции, которые, выражаясь словами Б. Малиновского, “с биологической точки зрения, есть форма коллективной адаптации общности к ее среде. Уничтожьте традиции – и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс гибели” [11, с. 216].

Институты второго уровня горизонтальной мобильности. Следующей ступенью на пути к интеграции кочевого социума было появление реальной и целостной основы для социальной и культурной идентичности, т.е. начало субэтнических контактов, согласованные действия между членами единой по социогенетическому коду автономных социальных организмов, общность средства связей (языка), символов и ценностных стереотипов. Такой поворот к всеобщности духовно-идеологической ориентации обусловил порождение более сложной, разветвленной социальной организации. В этой связи вполне закономерным, на наш взгляд, представляется выделение в социальной стратификации традиционного казахского общества второго уровня горизонтальной мобильности, основанного на генеологической общности крупных объединений от тайпа (племня) → тайпалық одақ (племенной союз) → до жүз (жuzов), консолидированных в силу значимости территориальных, административных, политических факторов. Формой власти на данном уровне выступал высший орган института бийства – Совет биев (Билер Кеңесі), а идеологией – общность происхождения родов и племен (“Шежіре”).

Племена, племенные объединения, жузы – не что иное, как усовершенствованные формы механизмов саморегулирования микроуровня, функционировавшие в масштабах общества в целом. Так, если в задачи сегментов патрулиейного линиджа в основном входило разрешение социально-экономических вопросов, то выделяемым уже клановым группам (ведущим свои реальные кровно-родственные связи к общему предку) [12, с.76] второго макросоциального уровня предназначалось выполнение, преимущественно, социополитических функций, сконцентрированных в традиционном казахском обществе главным образом вокруг административно-территориальных проблем: “жер дауы” (земельный иск), “жесір дауы” (вдовья тяжба), “құн дауы” (споры по поводу выплат куна) [13], урегулирование которых посредством племенных и жузовых социальных единиц в социокультурном

* Термин, введенный ученым Абрамом Кардинером (1891–1981 гг.) для обозначения некоего среднепсихологического типа, преобладающего в каждом данном обществе и составляющего базу этого общества и его культуры. “ОЛ” формируется на основе единого для всех членов данного общества опыта и включает в себя такие личностные характеристики, благодаря которым индивид становится максимально восприимчивым к данной культуре и получает возможность достигнуть в ней наиболее комфортного и безопасного состояния.

срезе означало искусное оперирование их ценностными эквивалентами, такими как патриотизм, гуманность и справедливость. Все это органично выстраивалось в целях сохранности единства и сплоченности общества в целом.

В структурном плане институты второго уровня горизонтальной мобильности, по сравнению с базово-родовыми, скорее представляли сложные субэтнические общности, в ходе длительного исторического оформления которых непосредственное воздействие оказывала непрерывная миграция племен, и как следствие этого, – дифференциация, а также консолидация нескольких родовых групп в одно племя, а далее – в племенные союзы и жузы. Так, исследователями отмечается то, что казахи, помимо “немере ағайын” (кровного родства), различали также организацию родственного порядка – жамағайын: туажат, жүрежат, жекжат, журағат, жамағат и қалыс ағайын, объединяющие поколения: өркен, әулет, зәузат, жаран, қалыс [14, с. 6]. Основополагающей идеологией в интеграции отмечаемых социальных единиц служило представление об единстве и родстве.

Таким образом, некогда представлявшая универсальную ячейку – родовая модель, в которой хозяйственно-экономические взаимоотношения совпадали и теснейшим образом переплетались с кровно-родственными связями, постепенно уступала место образованию, формировавшемуся не по кровному родству, а по административно-территориальному принципу, основанному на “Шежіре”.

Образование субэтнических общностей, сопровождавшееся развитием межплеменных, хозяйственных и культурных отношений вело к постепенному смешению племен, к замене кровно-родственных связей связями территориальными, к выработке общего осознания принадлежности к этническому целому. Так, возникли собственные имена казахских жузов: Ұлы, Орта, Кіші, таңба (тамғ), ұран (боевых кличей), формировались языковые диалекты, различия в духовно-культурных элементах, профессиональных навыках в зависимости от природно-климатических условий западного, южного, северного регионов Казахстана.

Существовавшие в таких субэтнических общностях стереотипы определяли принадлежность индивида к той или иной структурной единице, и тем самым – принадлежность к социальному организму, т. е. сила политической власти зависела, прежде всего, от личных качеств родоплеменных элит, но в то же время она напрямую была связана с численностью и влиятельностью того племени или рода, к которым они принадлежали.

Действительное родство имело практическое значение только в рамках семей и небольших групп. Генеологическое родство было приоритетным до тех пор, пока служило идеологической формой реальным политическим, военным, хозяйственным и прочим связям [15, с. 68], а также было действенным средством легитимации отношений власти и властвования. Именно эти факторы ложились в основу практически любой системы доступа к власти. В этой связи совершенно справедливым выглядит утверждение номадолога А. Хазанова о том, что “родство социализирует позиции индивида в обществе, тогда как происхождение их легитимизирует” [16, с. 245].

Гибкая социальная организация, ядром которой служили локальные группы родов и племен, ее внутренняя мобильность, периодическое распадение племен на роды в зависимости от демографического развития, коллективного владения землей, сочетание коллективизма с элементами социальной неоднородности – все это крепилось общностью территории, хозяйственно-экономическими связями, кровными и родственными узами, мифами, подтверждающими общность происхождения всех членов рода и племени от предка-основателя. Основные типы социальных связей в таких обществах не могли не быть кровно-родственными, родственными и территориально-родственными (племенными). Объединявшиеся разнородные группы иногда мнимо возводили свою генеологию к единому предку, что приводило в конечном результате к возникновению представления об единстве и “родстве”. Так, общеизвестно, что казахи достаточно ясно проводили различия между кровным и генеологическим родством. Таким образом, социальное положение отдельно взятого индивида в традиционном казахском обществе конкретизировалось первоначально принадлежностью к определенному роду, и только вторично зависело от статуса племени и жуза, к которому подлежал данный род.

Ибн Халдун отмечает то, что благодаря обладанию асабией кочевые народы способнее других захватить власть, расширить территорию своего “царства”, и если “царскую власть” потеряет одна из ветвей, то пока сохраняется асабия у народа – она может перейти к другой его ветви, поскольку лишь потерявший асабию народ может быть побежден и попасть под власть других и вскоре погибнуть. Учитывая сходство описываемых Ибн Халдуном черт кочевников-бедуинов с нуэрами Восточной Африки [17; 18], где сегментарные и линиджные фракции были объединены отношениями реального и фиктивного родства, и с более сложной моделью белуджей и туарегов, в которой племена делились на роды и более мелкие родственные подразделения вплоть до домохозяйств, а также и представителей ЦКЕС, следует подчеркнуть, что здесь, наряду со сходством, горизонтальная социальная мобильность представляла по сравнению с указанными кочевыми общностями более мощную, централизованную социополитическую организацию, выражением которой выступает феномен жузов, выполнявших в традиционном казахском обществе роль механизмов административно-территориального, хозяйственно-экономического и политико-правового регулирования общественных отношений: “Казахское ханство как государство представляет собой

симбиоз двух начал – политического в лице института верховной власти, особого сословия, носителя верховной власти и племенной организации власти и в виде вожества и потестарной структуры. Вожество играет роль основного, мощного и действенного звена власти, в то же время оно служит буфером между народом и политическим сословием. Благодаря этому достигается высокая степень его устойчивости” [19, с. 46].

Последовательно подводя эволюцию социальной структуры к логическому заключению, т.е. к возникновению государственности казахов, базированной не на сословно-классовой вертикальной системе координат, а на родо-племенной структуре (“карга тамырлы казак”), хотелось подчеркнуть то, что на фоне целостной конфигурации ЦКЕС второй уровень социальной горизонтальной мобильности выступал в качестве самобытных институт-инструментов аппарата власти, выполнявших функции внутренних механизмов саморегулирования общества. Так, параллельно с оформлением жузовых образований, мы можем наблюдать за постепенным возникновением признаков государства, в частности территориальным делением населения, выделением публичной власти в лице представителей института биев, выступающих от имени народа, “разделением труда” соответственно природно-климатическим условиям территории трех жузов и т.д.: “казахские жузы представляли собой не вполне законченные административно-хозяйственные и политические объединения, которые в период правления хана Тауке ненадолго объединились в одно государство” [20, с. 43]. Здесь следует затронуть проблему отсутствия аппаратов принуждения. Защита, контроль, ответственность и поручительство отдельных родов за своих сородичей, племенных структур – за входящих в них родов, и, наконец, жузовых образований за входящих в их состав племен не могли не вызвать в отдельном индивиде чувства ответного долга и обязанности перед коллективом, и готового в любой момент присягнуть (“жан беру” – душедаяние) за него. Аналогичный обычай описывает в своей работе и Ибн Халдун. В частности, им отмечается, “...готовность помочь своему клиенту и клятвенному товарищу возникает из неудовольствия, которое испытывает душа (человека), когда с его соседом, родственником или человеком, связанным с ним каким-либо образом, несправедливо обращаются. Это происходит из-за связи, которая возникает из отношений клиентелы, точно или почти так же, как связь через родство” [2, с. 331]. Возможно, в силу настоящих обстоятельств, в традиционном казахском обществе не выделены надзирательные и карательные функции государства, а наказания за содеянные преступления носили в основном символический характер. Следует учесть, что когда мы говорим о статическом членении социальной общности на ряд устойчивых социальных образований на основе трехчленной модели социального взаимодействия, то конечно же речь идет о пространственном членении социальной общности. Такие структуры являются по сути дела естественно возникающими территориальными образованиями, предтечей административного деления общественного организма. На их основе формируются принципиально новые типы общественных отношений – политические.

Заключение

Таким образом, вполне разумным выглядит выделение как последней ступени к социумному единству – появление источника политических регулятивных функций – государственности, основанной на идентичности военно-политической организации (ел→жұрт→мемлекет) этнической общности, где формой власти выступал уже институт ханства, а идеологией – генеалогическое восхождение трех казахских жузов наряду с каракиргизами, каракалпаками, каттаган, джайма, “Алты Алаштың баласы” (шесть сыновей Алаша) [21, с. 151] к общему первопредку – Алашу. В свою очередь, смена на исторической сцене социальной этнической общностью означала достижение казахским народом единства языка, общей культуры и этнического самосознания. И только после этого как политико-правовое оформление исходной социокультурной идентичности и ценностного единства появляется государство, объединяющее субкультурный антропологический ареал в пределах определенной природно-географической и производственно-экономической границы. Следовательно, именно наличием у кочевников евразийских степей родо-племенной традиции, или же обладанием “асабией” по Ибн Халдуну, основанной на идеологии “от рода к государству”, можно объяснить факт стремительного создания новых государств на месте распавшихся прежних, поскольку племена и племенные союзы в данных случаях служили своего рода “фундаментом” для формирования на их базе государственных образований.

Примечания:

1. Шилз Э. О соотношении центра и периферии. Ценностно-смысловой аспект ядра и периферии // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 172-174.
2. Бедуины и горожане в Мукаддима Ибн Халдуна // Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). М.: Восточная литература, 1982. 440 с.
3. Ibn Khaldoun. Les textes sociologiques et économiques de la Mouqaddima. 1375-1379. Classés, traduits et annotés par G.H. Bousquet ancien professeur à la Faculté de Droit et des Sciences économiques d'Alger. Paris, 1965.
4. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. А.-А.: Наука, 1989. 464 с.

5. Ерофеева И. Политическая организация кочевого казахского общества // Центральная Азия. №6. 1997. С. 114-123.
6. Государственный архив Омской области Российской Федерации. Ф.3, Оп.3, Д.4954 а, Л.2 об-3.
7. Абусейтова М.Х. К истории казахской государственности XV–XVII веков // Государство и общество в странах постсоветского Востока: история, современность, перспективы: Мат. межд. конф. Алматы: Дайк-Пресс, 1999. 276 с.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество /Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
9. Anderle O. Sorokin and Cultural Morphology //Pitirim Sorokin in Review. Durham (NC), 1963. P. 95–121.
10. Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом //Антология русской классической социологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. 240 с.
11. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 959 с.
12. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
13. Фонд редких рукописей Центральной научной библиотеки Национальной научной академии РК, папка №1884, тетради: «Үш жүздің Қасқакөлге таласуы» 78, «Ұлы жүзбен Кіші жүздің арасындағы жер дауы» 79, «Тәуке хан тұсында ел арасындағы дау-жанжалдын бітімі» 83.
14. Арғынбаев Х., Мұқанов М., Востров В. Қазақ шежіресі хақында (Құраст.: Ә. Пірмәнов). Алматы: Атамұра, 2000. 464 б.
15. Марков Г.Е. Теоретические проблемы нomaдизма в советской этнографической литературе // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М.: МГУ, 1989. 200 с.
16. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-пресс, 2000. 604 с.
17. Evans-Pritchard E.E. The Nuer: a Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford, Clarendon Press, 1940. 271 s.
18. Tribes without rulers. Studies in African Segmentary Systems / Edited by J.Middleton, D.Tait. London, Routledge & Kegan Paul, 1958.
19. Артыкбаев Ж.О. Казахское государство: К проблеме методологии //Государство и общество в странах постсоветского Востока: история, современность, перспективы. Мат. межд. конф. Алматы: Дайк-Пресс, 1999. С. 38-47.
20. Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана до установления советской власти). А.-А.: АН КазССР, 1955. 302 с.
21. Тынышпаев М. История казахского народа. А.-А.: Қазақ университеті, 1993. 224 с.

References:

1. Shils E. About the Relationship of Center and Periphery. Valuable and Semantic Aspect of a Core and Periphery//Comparative Studying of Civilizations. Anthology. Moscow: Aspekt-Press, 2001. Pages 172-174 (In Russian).
2. Bedouins and Citizens in The Muqaddimah by Ibn Khaldun//Sketches of History of the Arab Culture (the V-XVth Centuries). Moscow: East Literature, 1982. 440 pages (In Russian).
3. Ibn Khaldoun. Les textes sociologiques et économiques de la Mouqaddima. 1375-1379. Classés, traduits et annotés par G.H.Bousquet ancien professeur á la Faculté de Droit et des Sciences économiques d'Alger. Paris, 1965.
4. The Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations. Alma-Ata.: Science, 1989. 464 pages (In Russian).
5. Erofeyeva I. The Political Organization of Nomadic Kazakh Society//Central Asia. No. 6. 1997. Pages 114-123 (In Russian).
6. The State Archive of the Omsk region of the Russian Federation. Vol.3, Series 3, Case 4954, Sheet 2 Rev.-3 (In Russian).
7. Abusseitova M.H. To the History of the Kazakh Statehood of the XV-XVIIth Centuries // State and Society in the Countries of the Post-Soviet East: History, Modernity and Prospects: Materials of the International Conference. Almaty: Daik-Press, 1999. 276 pages (In Russian).
8. Sorokin P.A. Human. Civilization. Society / under the general editorship, content and foreword by A.Yu. Sogomonov / Translation from English Moscow: Politizdat, 1992. 543 pages (In Russian).
9. Anderle O. Sorokin and Cultural Morphology //Pitirim Sorokin in Review. Durham (NC), 1963. Pages 95–121.
10. Kovalevskiy M. M. Patrimonial Life in the Present, Recent and Remote Past//The Anthology of the Russian Classical Sociology. Moscow: Publishing House of the Moskow State University, 1995. 240 pages (In Russian).
11. Malinovskiy B. Selection: Dynamics of Culture. Moscow: ROSSPEN, 2004. 959 pages (In Russian).
12. Tishkov V.A. Requiem for Ethnos: Researches on Social and Cultural Anthropology. Moscow: Science, 2003. 544 pages (In Russian).

13. The Fund of Rare Manuscripts of the Central Scientific Library of the National Scientific Academy of the Republic of Kazakhstan, Folder No. 1884, Notebooks: "The Dispute of the Three Zhuzes for Kaskakol" 78, "The Land Dispute Between the Senior and Junior Zhuzes" 79, "Peaceful Settlement of the Internal Conflicts Under the Khan Tauke" 83 (In Kazakh).
14. Argynbayev H., Mukanov M., Vostrov V. About the Kazakh Shezhire (Content by A. Pirmanov). Almaty: Atamura, 2000. 464 pages (In Kazakh).
15. Markov G.E. Theoretical Problems of Nomadizm in the Soviet Ethnographic Literature// Historiography of Ethnographic Studying of the Peoples of the USSR and Foreign Countries. Moscow: MSU, 1989. 200 pages (In Russian).
16. Hazanov A.M. Nomads and Outside World. Almaty: Daik-Press, 2000. 604 pages (In Russian).
17. Evans-Pritchard E.E. The Nuer: a Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford, Clarendon Press, 1940. 271 s.
18. Tribes without rulers. Studies in African Segmentary Systems / Edited by J.Middleton, D.Tait. London, Routledge & Kegan Paul, 1958.
19. Artykbayev Zh.O. Kazakh State: To the Methodology Problem//State and Society in the Countries of the Post-Soviet East: History, Modernity and Prospects. Materials of the International Conference Almaty: Daik-Press, 1999. Pages 38-47 (In Russian).
20. Culteleyev T.M. Criminal Common Law of Kazakhs (from the Moment of the Accession of Kazakhstan Before the Establishment of the Soviet Power). Alma-Ata: The Academy of Science of the KazSSR, 1955. 302 pages (In Russian).
21. Tynyshpayev M. The History of the Kazakh People. Alma-Ata: The Kazakh University, 1993. 224 pages (In Russian).

УДК 930.1:1: 94 (574)

**«Мукаддима» Ибн Халдуна и специфика социальной структуры кочевого общества
(на примере традиционного казахского общества)**

¹Алтайы Оразбаева

²Закиш Садвокасова

¹ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан
010008, г. Астана, ул. Пушкина, 11
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: altaiy_orazbaeva@mail.ru

² Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан
010008, г. Астана, ул. Пушкина, 11
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: tungatar_k@mail.ru

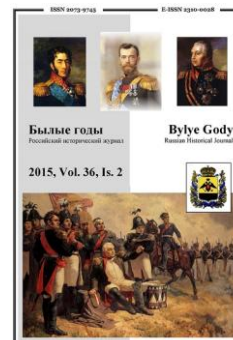
Аннотация. Статья посвящена проблеме организации социальной подсистемы цивилизации кочевников евразийских степей. В связи с этим специфика социальной структуры кочевого общества рассматривается на примере традиционного казахского общества в контексте концепции «асабийя» Ибн Халдуна, разработанной в работе “Мукаддима” (“Введение” или “Книга о природе социальной жизни”). Основной целью изучения является теоретическое и методологическое осмысление изучаемого аспекта, обозначение специфики организации в цивилизации кочевников евразийских степей внутренних механизмов, разъяснение феноменов в ее развитии. В связи с этим авторами на основе подбора собственных параметров исторических измерений, способных без всяких “подгонок” к “стандартам” была совершена попытка объяснить специфику присущих локальному типу цивилизации кочевников евразийских степей закономерностей развития.

Ключевые слова: Мукаддима, асабийя, Ибн Халдун, кочевое общество, социальная структура, традиционное казахское общество, кочевая цивилизация, субэтнические общности, генеологическое родство, социальная стратификация.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 36, Is. 2, pp. 382-387, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470) «1918/1922»(045)

Origins and Phenomenon of the Civil War in Russia: Glance Through a Hundred years

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation
2, Lomonosov avenue, Arkhangelsk, 163002
Dr. (History), Professor
E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Abstract

The paper studies the modern understanding of the origins, genesis and contents of the Civil War in Russia. The author discovers peculiarities of the First World War and its interrelations with the Russian Civil War. A special attention gives to the revolutionary process in Russia at the beginning of XX century and first of all in 1917. The Russian Revolution is characterized as a multifaceted upheaval and a series of different, concurrent and overlapping revolutions. Author analyzes the drama of the Russian Revolution, increasing number of contradictions and conflicts during its development in 1917–1918. The article examines different aspects of interaction between the Russian Revolution and Civil War, movement from “small” to the full-scaled, front and bloody Civil War in Russia, the processes and events of May – summer 1918, which led to the new stage of the war. The paper discovers the unique phenomenon of the Russian Civil War as a complex or series of wars of different characters and with different participants. The main wars, military and other counteractions are enumerated and characterized in the article. Author comes to the conclusion about the actuality of the historical lessons of the Russian Civil War at the beginning of XX century for nowadays.

Keywords: First World War, Russian Revolution, Civil War in Russia, origins, genesis, “image of enemy”, phenomenon, historical lessons.

Введение

Обращение к данной теме обусловлено рядом причин. Столетие событий Первой мировой войны заставляет размышлять и об ее последствиях, к числу которых относятся революционный процесс в России, распад империи и государственности в целом и последовавшая за ними гражданская война. Вместе с тем, всё это явилось составной частью глубокого кризиса европейской и мировой цивилизации и попыткой создания нового мирового порядка, который, впрочем, оказался непрочен, просуществовал менее двадцатилетия и обернулся Второй мировой войной. Нестабильность нынешнего мирового порядка проявляется и в серии современных гражданских войн. Среди них особое место занимает противостояние на Украине, истоки которого проистекают не только из современности, но и связаны с историческим прошлым.

Материалы и методы

Статья выполнена на основе комплексного анализа современных исследовательских тенденций в изучении генезиса и содержания Гражданской войны в России и основывается на междисциплинарном осмыслении, методологическом синтезе, интеграции различных теоретико-методологических подходов и знаний, накопленных в рамках исторической и других социогуманитарных наук.

Обсуждение

Гражданская война в России вызывала и по-прежнему вызывает живой интерес в нашей стране и за рубежом. По оценке автора, к настоящему времени опубликовано в общей сложности более

30 тысяч книг и несколько сот тысяч статей, посвященных ее истории. Ориентации в море литературы помогают международные библиографические издания и указатели [1], а анализу историографии Российской гражданской войны последних лет и десятилетий посвящены две монографии автора [2].

Задача истории как науки заключается не только в том, чтобы честно и объективно изучать прошлое, но и извлекать из него уроки для настоящего и будущего. Это и стало одной из главных целей созданной в 2012 году Ассоциации исследователей Гражданской войны в России, которую возглавляет автор [3]. Совместно с Научным советом РАН по истории социальных реформ, движений и революций она призвана направлять и координировать исследования по этой сложнейшей и актуальной научной тематике.

Результаты

Истоки Гражданской войны в России во многом связаны с Первой мировой войной или Великой войной, как ее называли современники, представлявшей собой новый тип войны по своему характеру (тотальная война, тотальная мобилизация и пр.), масштабам, жертвам, лишениям, вооружениям, стратегии, тактике, воздействию на мир и последствиям для него. Она сопровождалась глубокими социальными потрясениями: революциями, гражданскими войнами и иными коллизиями в разных уголках планеты, ростом национально-освободительного движения и глубоким кризисом колониальной системы. Современные британские историки Э. Бриггс и П. Клэвин ввели в оборот применительно к ней термин «Европейская гражданская война» [4], который представляется автору глубоким по смыслу.

Столетие событий Первой мировой войны актуализировало ее изучение и вызвало всплеск дискуссий по широкому комплексу ее проблем. Автору уже приходилось анализировать их [5], а здесь подчеркнем главное: именно эта война сформировала в России особую атмосферу и психологию общества, поведение его широких слоев, их убеждение в том, что назревшие проблемы можно и нужно решать главным образом посредством насилия. Благодаря Великой войне миллионы людей получили в руки оружие, а «человек с ружьем» стал одной из главных действующих фигур на российской политической и социальной авансцене. Дух войны во многом пропитал революцию и в дальнейшем витал над ней, усиливал в ней атмосферу нетерпения, насилия и непримиримости, способствовал формированию «образа врага», разделению общества на «своих» и «чужих», что вело его к гражданской войне.

Вовлечение России в гражданскую войну не было одномоментным актом, связанным с конкретной датой или событием. Представляется более корректным говорить об определенных стадиях «вхождения» или «вползания» страны в гражданскую войну, растянутости этого процесса в пространстве времени на месяцы.

Понимание генезиса Гражданской войны в России органично связано с историей революционного процесса в стране, причем, не только с событиями 1917 года, но и 1905–1907 годов, иногда именуемыми в современной литературе «прологом» и «прообразом» ее [6]. Для имперской власти это должно было стать уроком и сигналом к системной трансформации и модернизации страны, чтобы посредством успешных реформ искоренить причины случившегося. Но этого не было сделано, а тяготы и испытания военного времени для страны, неподготовленной к этой войне нового типа, привели к углублению системного кризиса империи и новым революционным взрывам.

Привычным подходом при изучении истоков Гражданской войны в России является анализ диалектики революции и контрреволюции, исследование набирающего силу в 1917–1918 гг. противоборства революционных и контрреволюционных сил. Но при всей значимости этого автору представляется важным и другой подход, с позиций противоречивого развития и драмы Российской революции, точнее комплекса революций и революционных потоков [7], нарастание конфликтов в революционном движении и его распад. В результате вчерашние союзники превращались в противников, а на революционном поле прорастали семена братоубийственной гражданской войны, набирали силу хаос, анархия, «феномен толпы», «власть улицы» и т.п.

Нараставшая гражданская война рядом исследователей рассматривается как продолжение военными средствами противостояния между февральским и октябрьским революционными проектами обновления России, означавшими в перспективе и разные цивилизационные пути развития [8]. Впрочем, известный казанский историк А.Л. Литвин пришел к иному выводу: «Гражданская война, возникшая как борьба демократической и тоталитарной альтернатив развития российского общества, вскоре за несостоятельностью первой переросла в противостояние военных режимов» [9].

Так или иначе, но явления распада и дезорганизации власти и производства, нараставшие в 1917 году, привели на следующий год российское общество к тотальному кризису и перерастанию так называемой «малой» в широкомасштабную, жестокую и длительную гражданскую войну.

Особое значение имели события в деревне, где проживало более 80% населения. Крестьянская революция с ее общинной доминантой и императивом «черного передела» привела к глубоким изменениям в деревне, к нарастанию здесь различных конфликтов и противоречий, связанных с переделом земли и собственности, организацией новой власти. Возвращение в деревню бывших

фронтвиков способствовало радикализации крестьянской революции, поляризации общественных сил, обострению внутренней борьбы.

Развитие крестьянской революции в первой половине 1918 года вело к конфронтации города и деревни, столкновению интересов городской (пролетарской) и крестьянской революции. Крестьяне, получая землю, пытались экономически отгородиться от города, отказывались продавать продукцию по фиксированным и низким, по их мнению, ценам, тем более, что цены на промтовары были высокими, а нужных товаров хронически не хватало. Крестьян интересовали три основные проблемы: земля и свобода торговли, возможность продавать хлеб и другую продукцию по максимально высоким ценам и независимость от кого бы то ни было.

Стремясь спасти города и свою главную опору – рабочий класс, большевики прибегли в мае – летом 1918 года к чрезвычайным мерам, объявив продовольственную диктатуру и направив продотряды в деревню. Чрезвычайная политика советской власти по изъятию продовольствия и расколу села (со ставкой на бедноту) вызвала массовое сопротивление, серию крестьянских восстаний, что и стало социальным фундаментом для эскалации Гражданской войны в стране.

Подъем национально-освободительного движения привел к распаду прежнего государственного пространства, появлению новых государственных образований, острым противоречиям и конфликтам. Одним из наиболее ярких их проявлений стала Гражданская война, развернувшаяся в конце 1917 года на Украине и еще более обострившаяся интервенцией сюда стран Четверного союза в 1918 году. Анализ этих коллизий и их исторических уроков резко актуализируется в связи с современной вооруженной конфронтацией на Украине [10].

Региональные и локальные революции несли с собой и сепаратистские тенденции, «парад суверенитетов». А действия центральной советской власти и большевиков по собиранию и укреплению новой государственности наталкивались на сопротивление различных сил, что выливалось в многообразные проявления набирающей силу гражданской войны.

Солдатская, антивоенная революция привела к выходу России из войны, к демократизации, распаду и роспуску старой армии. Многомиллионные радикально настроенные солдатские и матросские массы растекались по стране. «Человек с ружьем» привносил в общество культуру конфронтации, жесткой борьбы, попрания всех существовавших доселе ценностей. Но выход России из войны не завершился реализацией провозглашаемых идей демократического мира без аннексий и контрибуций. А унизительный Брестский мир привел к расколу и глубокому кризису советской власти и партии большевиков, крушению надежд на скорую мировую революцию, стал новым шагом на пути дезинтеграции России.

Все эти и другие явления, и процессы, нарастающий хаос, распад, дезорганизация власти и производства привели российское общество летом 1918 года к качественно новой фазе тотального кризиса.

В конце весны – начале лета 1918 года произошли события и развернулись процессы, которые повернули ход российской истории в русло широкомасштабной гражданской войны. Среди них надо в первую очередь отметить противоборство города и деревни, вооруженное сопротивление крестьян чрезвычайной политике советской власти, а также попыткам мобилизации в Красную Армию. Другим фактором были вооруженные антисоветские выступления в казачьих районах, и в первую очередь на Дону, которые получили (в отличие от периода конца 1917-го – начала 1918 года) достаточно массовую поддержку казачества. Крайняя острота партийно-политической борьбы в стране воплотилась в том, что противники стали широко использовать силовые, вооруженные и террористические методы. Конфронтация на левом (социалистическом) фланге российского партийно-политического спектра и драма социалистической идеи на российской почве привели, в конечном итоге, к тому, что так называемые «умеренные» социалисты встали во главе сил и правительств, противоборствовавших советской власти и большевикам. Наконец, мятеж Чехословацкого корпуса, явление само по себе сложное и противоречивое, способствовал интеграции сил внутренних и внешних противников советской власти на обширном пространстве страны. Качественно новый, масштабный и вооруженный характер приобрела в это время интервенция стран Антанты и Четверного союза против Советской России.

Генезис и развитие Гражданской войны в России необходимо рассматривать как сложный, многогранный и многоплановый исторический феномен во всем многообразии военных, политических, социальных, экономических, социально-психологических, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национально-этнических процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений, обусловивших противоборство на линиях и за линиями фронтов. Все это предопределило тотальный и глобальный характер Гражданской войны в России и широкий спектр методологий и методологических подходов, используемых ныне для ее изучения. Уникальность феномена Российской гражданской войны заключается в том, что в рамках ее развернулась целая серия войн, военных и иных противоборств [11].

В условиях эволюции в 1918 г. антибольшевистского лагеря и выкристаллизации Белого движения, оформления двух лагерей и военных диктатур, противостояния белых и красных и их регулярных армий на фронтах именно это вооруженное противоборство являлось главным и решающим, предопределяющим будущее страны. Красные и белые вели непримиримую борьбу и на

внутреннем фронте против тех сил, которые считали враждебными. Крайними и наиболее жестокими проявлениями этой борьбы были «красный» и «белый» террор.

Другим видом силового и вооруженного противоборства была борьба государства и общества. Революционный процесс 1917-го и первых месяцев 1918 года привел к разрушению старой, жестко централизованной, авторитарной государственности и высвобождению общества из-под его пут, способствовал формированию многочисленных ячеек и институтов общественности и самодеятельности, развитию инициативы и творчества широких масс. В дальнейшем, в условиях углубляющегося кризиса советское государство и его лидеры постепенно избавлялись от иллюзий «государства-коммуны» – «полугосударства» и стремились подчинить себе общество. Это вызывало сопротивление, и в том числе вооруженное, различных его слоев и групп. Аналогично вела себя и складывающаяся «белая», авторитарная по своему типу и характеру государственность, что также вызывало сопротивление, в том числе с оружием в руках, со стороны широких слоев общества, и особенно рабочего класса и крестьянства. Одновременно шла борьба различных социальных слоев за улучшение своего положения в условиях распада прежней системы и структуры властных и социальных отношений.

Одним из исторических уроков многовекового развития России является то, что на узловых и переломных ее рубежах непримиримо сталкиваются центробежные и центростремительные тенденции, нарастают тенденции сепаратизма и национализма, что в очередной раз проявилось и в рамках рассматриваемой эпохи. Гражданская война в России складывалась из войны центральной советской власти с региональными антибольшевистскими силами, а затем правительствами и армиями. Осмысление происходившего как серии региональных войн способствует более глубокому пониманию Гражданской войны в России.

Советское правительство вело вооруженную борьбу с возникшими на территории бывшей Российской империи национальными государственными образованиями и независимыми национальными государствами. Подобные вооруженные столкновения происходили в 1918 году на Украине, на Кавказе, в Средней Азии и в Прибалтике. Осенью того же года, после поражения Германии и ее союзников и эвакуации их войск с оккупированных национальных территорий здесь развернулся качественно новый раунд борьбы и вооруженного противостояния.

По мере становления и укрепления антибольшевистских российских государственных образований, а затем белых правительств, они также вели борьбу против национальных государств и вступали в вооруженные конфликты и столкновения с ними, защищая свои интересы и руководствуясь принципом восстановления «единой и неделимой России».

Характеристика происходившего в России как серии национальных войн приобретает еще большие основания, если иметь в виду военно-политические конфликты и вооруженную борьбу, нередко уже в 1918 и особенно в последующие годы новообразованных государств и государственных образований в Закавказье (Армении и Азербайджана, Грузии и Армении и др.), а также на западных национальных территориях бывшей Российской империи (Польши с Украиной, а затем с Белоруссией и Литвой). Происходило и противоборство, в том числе вооруженное, коренных (титульных) наций и отдельных этнических групп, например, в Закавказье. Кроме того, внутри национальных государственных образований разворачивалась острая социально-политическая, а нередко и вооруженная борьба, в которой национальные силы социалистической ориентации получали поддержку в различных формах от Советской России (РСФСР).

Стремление прекратить национально-государственный распад выразилось в том, что в главных противоборствующих лагерях Гражданской войны постепенно усиливалось стремление к воссозданию Великой и Единой России, и финалом противоборства стала победа советского проекта и создание, в конечном итоге, СССР.

Еще одной разновидностью войны стала вооруженная интервенция отдельных государств и военно-политических блоков – Антанты и Четверного союза, развернувшаяся в 1918 году. Если же быть более точным, то речь идет о целой серии интервенций в различных районах России, где роль интервентов различалась: где-то они играли главную роль в развязывании и ведении гражданской войны (например, на Европейском Севере), а где-то подталкивали и провоцировали антисоветские выступления, оказывали помощь белым армиям. Тесное переплетение международной интервенции с гражданской войной составляет важную характеристику этого катаклизма отечественной и мировой истории.

В целом же, роль иностранцев в Гражданской войне в России – это сложная и многогранная тема, не исчерпываемая интервенциями указанных коалиций и отдельных государств. Достаточно напомнить об антисоветском выступлении Польского корпуса в январе 1918 года и, особенно, о роли восстания Чехословацкого корпуса в Российской гражданской войне. Костяк этих формирований составляли бывшие военнопленные Первой мировой войны. По данным профессора С.Н. Полторака, из более 2 млн. бывших военнопленных примерно треть (порядка 700 тысяч) принимала участие в Гражданской войне в России, разделившись на две почти равные части и избрав, соответственно, сторону большевиков или их противников[12]. Но, помимо военнопленных, были и некоторые другие категории иностранных граждан (например, китайцы), активно участвовавших в ней.

Идея «мировой революции», которую большевики сначала ждали как своеобразную «скорую помощь» Советской России, по мере укрепления советской власти в 1918 году (и особенно в 1919-м и в последующие годы) трансформировалась в практику активной поддержки революционных выступлений за рубежом и превращения мировой войны в гражданскую в международном масштабе. Это был важный и выходящий за пределы России аспект Российской гражданской войны, перераставшей в международную гражданскую войну.

Повстанческое, и в первую очередь крестьянское движение, – еще один вид вооруженной борьбы, особой войны, которая происходила в рамках Гражданской войны в России. Ее вели различные крестьянские воинские формирования и даже армии против двух главных противоборствовавших в войне сторон – красных и белых.

Восстания, заговоры, деятельность антиправительственных группировок и движений в тылу противника, подпольная и террористическая деятельность – особый вид противоборства, присущий Российской гражданской войне и имевший широкое распространение за линией фронта воюющих красных и белых армий.

В целом же, хотелось бы особо подчеркнуть, что все перечисленные виды или разновидности войн существовали и развивались не только сами по себе, но были тесно переплетены во времени и пространстве. Они являли собой сложную и противоречивую картину событий и процессов, составлявших в совокупности длительную и кровопролитную Гражданскую войну в России. Добавим к этому, что важным направлением осмысления становится сегодня антропология этой войны, человек во всех его проявлениях и многообразии в эту драматическую и трагическую эпоху [13].

Заключение

Итоги и уроки этой драмы российской и мировой истории требуют дальнейшего системного осмысления. Исход войны не следует сводить только к разногласиям и противоречиям в лагере противников советской власти, а именно этот подход нередко доминирует сегодня. Необходим целостный и комплексный анализ всей совокупности факторов этого сложнейшего противоборства, результаты которого во многом обусловили течение не только российской, но и мировой истории в XX веке.

Распад СССР стал крупнейшей геополитической катастрофой минувшего столетия, а в числе его последствий оказались и новые проявления гражданской войны на постсоветском пространстве. Уроки истории Гражданской войны в России начала XX века и сегодня актуальны для нашей страны и мира. Это касается как понимания происхождения гражданских войн, так и преодоления последствий вызванного ими раскола общества, которые носят долговременный характер и в полной мере проявляются в современной России, Украине и в ряде других постсоветских государств.

Примечания:

1. Smele J. *The Russian Revolution and Civil War: 1917–1921: an annotated bibliography*. London; New York: Continuum, 2003. 625 p.
2. Голдин В.И. *Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы*. Мурманск: Мурманский государственный гуманитарный университет, 2012. 333 с.
3. Ассоциацией проведен «круглый стол» с публикацией его материалов. См.: Российский опыт обеспечения безопасности и защиты национального суверенитета: уроки Гражданской войны в России и на Европейском Севере // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. №3. С. 158–168.
4. Бриггс Э., Клэвин П. *Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней*. М.: Весь мир, 2006. С. 222.
5. Голдин В.И. *Великая война: размышления спустя сто лет* // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. №2. С. 5–14.
6. Петров Ю.А. *1905 год: пролог Гражданской войны* // *Россия в начале XX века*. М.: Новый хронограф, 2002. С. 354, 391.
7. Wade R.A. *The Russian Revolution, 1917*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P.287.
8. Кара-Мурза С.Г. *Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века*. М.: Эксмо, 2003. С.9.
9. Литвин А.Л. *Красный и белый террор в России. 1918–1920 гг.* М.: Эксмо, Яуза, 2004. С.22.
10. Новейшим исследованием событий той поры в Украине и в Крыму стала монография санкт-петербургского историка А.С. Пученкова, вызвавшая активное обсуждение в научном сообществе: Пученков А.С. *Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории*. СПб.: Нестор-История, 2013. 352 с.
11. Этот подход представлен в целом ряде современных исследований: Wade R.A. *The Bolshevik Revolution and Russian Civil War*. Westport; Connecticut; London: Greenwood Press, 2001. P. 63 и др.
12. Полтораки С.Н. *Иностранцы в Сибири – заложники «белой» и «красной» идей* // *История «белой» Сибири*. Кемерово, 1997. С.139.
13. Морозова О.М. *Антропология гражданской войны*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.

References:

1. Smele J. The Russian Revolution and Civil War: 1917–1921: an annotated bibliography. London; New York: Continuum, 2003. 625 p.
2. Goldin V.I. Civil War through the prism of years: historiographical processes. Murmansk: the Murmansk State Humanitarian University, 2012. 333 p. (In Russian).
3. Association held a “round table” with its materials publication and issued the first edition of its Almanac: Russian experience of providing security and defence of national sovereignty: lessons of Civil war in Russia and European North // Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”. 2014. № 3. Pp.158–168 (In Russian).
4. Briggs A., Klavin P. Europe of new and newer time. Since 1789 up to nowadays. Moscow: Ves’ mir, 2006. p.222 (In Russian).
5. Goldin V.I. The Great war: considerations a hundred years later // Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”. 2015. № 2 Pp.5–14 (In Russian).
6. Petrov Iu.A. Year of 1905: prologue of Civil war // Russia in the end of XX century. Moscow: Novyi khronograf, 2002. Pp. 354, 391 (In Russian).
7. Wade R.A. The Russian Revolution, 1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P.287.
8. Kara-Miurza S.G. Civil war (1918–1921) – lesson for XXI century. Moscow: Aksmo, 2003. P. 9 (In Russian).
9. Litvin A.L. Red and white terror in Russia. 1918–1920. Moscow: Aksmo, Yauza, 2004. P. 22 (In Russian).
10. Newer investigation of the events of that period in Ukraine and Crimea became a monograph of the Saint-Petersburg researcher A.S. Puchenkov, which caused an active discussion in the scientific community: Puchenkov A.S. Ukraine and Crimea in 1918 – beginning of 1919. Sketches of the political history. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013. 352 p. (In Russian).
11. This approach is introduced in the group of contemporary investigations: Wade R.A. The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. Westport; Connecticut; London: Greenwood Press, 2001. P.63, etc.
12. Poltorak S.N. Foreigners in Siberia – hostages of “white” and “red” ideas // History of “white” Siberia. Kemerovo, 1997. P.139 (In Russian).
13. Morozova O.M. Anthropology of civil war. Rostov-na-Donu: IUNTS RAN, 2012. 560 p. (In Russian).

УДК 94(470) «1918/1922» (045)

Истоки и феномен Гражданской войны в России: взгляд через столетие

Голдин Владислав Иванович

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация
163002, г.Архангельск, просп. Ломоносова, 2
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется современное понимание истоков, генезиса и содержания Гражданской войны в России. Автор раскрывает особенности Первой мировой войны и ее взаимоотношения с Гражданской войной в России. Особое внимание уделяется революционному процессу в России в начале XX века и в первую очередь в 1917 году. Российская революция характеризуется как колоссальный и многогранный сдвиг, как серия разных, взаимодействующих и переплетающихся революций. Автор анализирует драму Российской революции, рост противоречий и конфликтов в ее развитии в 1917–1918 годах. В статье исследуются различные аспекты взаимодействия Российской революции и Гражданской войны, движение от «малой» к широкомасштабной, фронтовой и кровавой Гражданской войне, раскрываются процессы и события мая – лета 1918 года, которые и привели к новой стадии войны. Характеризуется уникальный феномен Гражданской войны в России как комплекс или серия войн различного характера с разными участниками. Основные происходившие войны, военные и иные противостояния перечисляются и характеризуются в статье. Автор приходит к выводу об актуальности исторических уроков Гражданской войны в России начала XX века для современности.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская революция, Гражданская война в России, истоки, генезис, «образ врага», феномен, исторические уроки.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

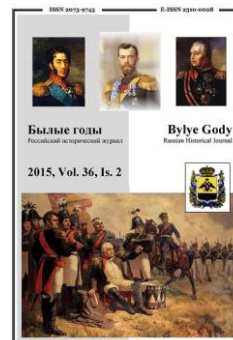
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 388-393, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 47, 94

The Everyday Activity of Rural Schools in the Early 1920s (through the Example of Schools in the Village of Aibga)

Anvar M. Mamadaliev

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
PhD (Pedagogy)
E-mail: anvarm@mail.ru

Abstract

This article, based on documents from the Archive Department of the administration of the city of Sochi, which are being introduced into scientific circulation for the first time, as well as print media materials, looks into the everyday activity of primary schools in the village of Aibga in the 1920s. There is some focus on the regional specificity of teaching at a primary school and specific facilities-related and economic issues. The author comes to the conclusion that the labor conditions of rural teachers during said period were very hard. Academic activity had a pronounced seasonal nature – during the winter months it would “bloom” due to the cessation of agricultural work, while it would virtually cease with the start of the agricultural season. In addition, there was a severe lack of proper school inventory.

Keywords: school, rural school, township school, history of the development of rural schools, schools in Sochi during the Soviet period, provincial schools, teachers reports.

Введение

Исследование системы образования в различные эпохи общественного развития всегда привлекала не только представителей педагогической науки, но и историков. Важность изучения данной сферы жизни общества обусловлена прежде всего тем, что она прямо или опосредованно отражает значительную часть социально-экономических и политических процессов, происходящих в государстве: исследуя образовательные процессы, можно косвенно судить обо всех важнейших критериях развитости страны.

Материалы и методы

Основным источником в нашей работе стали впервые вводимые в научный оборот документы архивного отдела администрации города Сочи (Ф. Р-31. Отдел народного образования исполнительного комитета Сочинского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Районо). Помимо этого в работе были использованы монографии и материалы периодической печати [1-9].

При написании статьи применялись такие общенаучные методы как методы анализа и синтеза, конкретизации, обобщения. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с другими событиями и фактами. Особенно этот метод отражен при сопоставлении деятельности школы и общегосударственных проблем начала 1920-х гг.

Обсуждение

Особый, по нашему мнению, интерес представляет исследование истории образования в регионах. Исторические процессы, протекавшие в административных центрах государства обычно изучены много лучше, чем аналогичные, происходившие на периферии по причине наличия куда более значительного количества (да и качества) источников, – в основу общей характеристики исторических процессов государства ложатся именно исследования событий в основных, ключевых

административно-экономических единицах. Вместе с тем, изучение и сравнительное исследование событий региональных во многом косвенно или прямо может подтвердить или поставить под сомнение правильность исторических выводов в целом. Поэтому не представляется возможным, на наш взгляд, полноценно исследовать историю какого-либо события без анализа схожих по своей природе событий в регионах: применительно к нашей теме – истории развития регионального начального образования в условиях советской деревни в 1920-х годах.

Выбранный нами период не случаен: он характеризуется становлением советской власти и внедрением во все сферы жизни общества принципиально новых, социалистических отношений. Ранний постреволюционный период известен, прежде всего, гражданской войной, отголоски которой прослеживаются вплоть до конца 1920-х годов, результатом и "памятью" обоюдного террора, складыванием в государстве социалистической системы отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями и т.д. Каким был процесс обучения и его организация в одном из отдаленных поселков далекой провинции в это непростое время? На основе неопубликованных ранее источников попробуем восстановить некоторые аспекты деятельности сельских школ на периферии молодого Советского государства (на примере деятельности школы в п.Аибга Сочинского района Черноморского округа Кубано-Черноморской области).

Результаты

Как известно, 11 мая 1920 года Черноморская губерния, основанная еще при Николае II, была ликвидирована, а на ее территории был образован Черноморский округ в составе Кубано-Черноморской области. Округ первоначально делился на восемь волостей, которые в 1923 году были реорганизованы в пять районов, одним из которых стал Сочинский район [10-11].

Переходя к исследованию деятельности школы в поселке Аибга на основе анализа новых источников (докладов учителей) отметим некоторые малоизвестные факты.

Особый интерес данные доклады представляют в том, как каждый учитель подходил к этому заданию от Отдела Народного Образования. В докладах очень часто отражается настроение его составителя (что не найти в циркулярных документах), часто преподаватели описывали не состав их образовательной программы, а процесс. И так как это происходило в стадии становления нового типа школы, а именно – Советской трудовой школы, то можно в этих докладах увидеть очень яркие картины быта села и сельской школы. Хотелось бы представить один из весьма интересных учительских отчетов: село Аибга, 5-й участок, 1923-24 учебный год, учитель – Евсей Иванович Уланов.

Учитель начинает отчет с того, что был отправлен на 5-й участок, шел пешком 90 верст (ок. 96 км) «и без копейки денег». На этом участке он нашел разрушенное здание бывшей церковно-приходской школы. «В школе не было окон, потолок осыпался, стены, печь насквозь пробиты. В селении 23 двора. Предложил поселянам привести в порядок школьное здание. Мое предложение раскололо на 2 части общество. Поселяне не имеющие детей и родители детей уже вышедших по их мнению из пределов так называемого школьного возраста отказались приступить к ремонту школы ссылаясь на свое положение, на обязательство о бесплатном обучении за сев республики, на отсутствие материальных средств. – Был у нас фельдшер да ушел, был доктор, да сбежал. Уйдешь и ты, кормить нам тебя нечем и если сейчас не уйдешь, зимой здесь с голоду сдохнешь. – Были и другие советы. Так как мне есть было нечего, то я начал ходить из избы в хату, за хлеб помогая в уборке урожая, попутно ведя агитацию за открытие школы» [12].

Далее учитель рассказывает о сельском собрании, состоявшемся 3 октября 1923 г. на котором постановили: 1) вытребовать стекла для школы у заведующего Адлерским Культпросветом т. Гурова (который уже ранее поселянам обещал выделить их); 2) восстановить печь – пригласить печника (за счет села); 3) отремонтировать 5 парт; 4) доставить кровать, стол и пару стульев; 5) учителю платить продуктами за 2 месяца вперед по 2 пуда картофеля и 2 пуда кукурузной муки в месяц с общества и по 1 фунту сала с родителей ученика.

«Очень нерадиво подмазали глиной стены и потолок школы, так что наружу сквозили щели. Едва закончили ремонт к 15 ноября и то благодаря сухой осени, энергии поселянина И.М. Карышева, да моей настойчивости из которой было ясно, что я не только не уйду из селения, но за неисполнение обществом его же постановления, которое находится у меня в кармане, могу для общества причинить неприятности. При таких условиях создалась школа, а так как заведующий т. Гуров дал легкомысленное обещание, то поселяне принесли кое каких осколков, вместо целых стекол, оконные просветы забили дранкой да подмазали глиной и если бы не парты, то школа походила бы совсем на овчарню» [13].

Далее учитель делится своим опытом как проводить уроки без часов. Во-первых, можно ориентироваться по программе, а во-вторых, по утомляемости. Однако он считает более продуктивными вести 1,5 часовые уроки, чем часовые.

Среди «дефектов производства», он выделил: «Отсутствие бумаги и, главное, чернил, что для меня особенно важно, дали себя знать – мои ученики пишут скверно, а мое положение стало еще печальней от отсутствия кусочка мела и я иллюстрировал свои уроки углем на полу, на печке, имея не использованную классную доску. Дикость населения дошла до того, что мне предложили бросить

лепку, так как дети «пачкаются» и умывая руки «простужаются» – отложил лепку до теплой погоды. К декабрю было покончено с разрезной азбукой, запоминая в среднем по 3 буквы в урок, к тому же времени дети копировали с прописей, но к сожалению карандашами, чем я очень недоволен, так как появилась привычка небрежно писать и затем стирать пальцем старые ошибки ради новых. По математике до половины декабря упражнялись исключительно с кукурузными зернами, счет до 10. (...) По-моему нет ни какой возможности обратить внимание детишек на все стороны мелькающей перед ними жизни и программа с ними у меня зависит от времени года и то неудачно. Например, поздняя весна мне мешала указывать ребятишкам своевременно на изменения в природе: я забегал вперед, чтобы вновь возвращаться назад, а они мне кричали «Мы знаем!».

В конце марта, начала апреля, чтобы не кормить дома свиней с одной стороны, и чтобы не разбили волки свиных табунов, родители начали брать детей из школы и на мои просьбы оставить детей (чем кроме «кислых» слов вооружен народный учитель?) отвечали: «Теперь каждый ребенок 20 свиней упасет от волков». Если в ноябре посещало школу 20 человек, то марте уже – 14, а в апреле-мае – всего 3. Из этого видно как мало было уроков и как зато много свиней сохранили отцам их дети.

Заняв бывшую церковно-приходскую школу, к слову сказать, разбитую самими поселянами, при которой была когда-то библиотека, теперь расхищенная и раскуренная, ныне представляющая собрание непригодных к жизни пустословий печатанных на толстой бумаге, из нудных листов Троицко-сергиевых литераторов-моралистов, так что по просмотру я едва мог допустить в оборот десятка два брошюр-листовок» [14].

Очень интересен путь возникновения местного Союза Коммунистической Молодежи (С.К.М.), а также внешкольные занятия учителя с детьми. «Своим возникновением местный С.К.М. обязан какому-то заезжему милиционеру наскоро отобравшему от молодежи «подписку» о вступлении в союз и затем обругавшему их отцов за их приверженность к контрабанде и исчезнувшему с «подпиской». Старики, выслушав власть, с подчтением ее отпустили, но безо всякого почтения отнесли к молодежи, предоставив им по их малолетнему «камсу молотъ» пригрозив им «насчет иного-прочаго».

Когда забили дранкой в школе пустующие окна, местные берендеи сказали мне, чтобы я «гульбиз» молодежи в школе не допускал. И не желая по-напрасну волновать стариков, я начал занятия с молодежью у себя в комнате-кухни. Я начал вести беседы-пропаганды точно также как вели мы в свое время беседы-агитации. Молодежь набивалась каждый вечер (время было свободно до марта-месяца). Но от привезенных мною из Москвы действительно хороших брошюр отказывалась, по непривычке к чтению, а если из деликатности и брала, то не дочитывала, не уясняла их себе и в конце концов лепетала отсебятину. Раздачу брошюр, как не достигающую цели, я прекратил и принялся за летучую пропаганду, так как связанная то с этногеографией, то с падением бумажного рубля, она всегда являлась «к моменту» чисто шкурного вопроса существования. Молодежь не видя никакого удовлетворения в приложении здесь своих сил для безоговорочного ремонта изгородей, для защиты посевов от скота, стремится вон из участка, чтобы быть поближе к городам и людям. Возрастающее стремление к общению порождает жажду знаний, которые я стремлюсь удовлетворить. Но и здесь я много теряю, не имея материальной возможности иллюстрировать мысли или события текущего момента прессой. За все время я не получил ни одной газеты» [15].

Описание сельской провинциальной школы было бы неполным, если не сделать анализ ее материально-технического состояния. Заканчивая анализ Аибгинской школы №2 приведем материалы из доклада о состоянии школьного дела:

«Громоздкая русская печь 1,5 x 2 аршина находилась в полуразрушенном состоянии. Изба внутри грязная, с наружи глина обвалилась, так что всюду свистел ветер» [16]. Учителю этой школы на общем сходе поселян договорились платить по 1 пуду кукурузы и по пуду картофеля с ученика. Но как он сообщает – получил за все время 8 пудов картофеля и 6 пудов кукурузы.

«Отношение селян к школьному делу пассивное; детей некоторых отпускают только с декабря, когда заканчивалась совершенно сборка каштанов и орехов. По старым, имеющимся при школе документам, иногда занятия начинались с ноября месяца, а кончались в начале марта. Библиотека при школе богаче всего Адлерского района. (...) Я поступил к занятиям 10 октября [1923 г.] при посещаемости 10 чел. Дети, по обыкновению, как это водится в отдаленных уголках, не были снабжены ни бумагой, ни карандашами. Пришлось делиться тем, что привез с собой. После двух месяцев занятий в школе разрушилась русская печь. [За это время прибавилось еще на 10 чел., учитель разбил их на 3 группы по уровню знаний]. Ощущая недостаток в бумаге и других для письма пособиях, собрал кое-как червонец. Который по постановлению общего собрания передан председателю, а он, продержав его у себя в кармане 3 месяца, ничего ни купил для школы; тогда общество отобрало его и пожертвовало на содержание церкви» [17]. На этом занятия в школе закончились, т.к. ученики забирались родителями из школы для посылки скота.

Анализируя доклады других сочинских школ отметим, что в документах порой встречаются крайне личные сообщения о ведении школьного дела тем или иным учителем. Так учитель в Ахштырской школе I ступени Адлерского района сначала пишет в отчете о всех самых лучших качествах экскурсии как метода обучения, сообщает, что этот метод введен в этой школе именно им. И что: «...Ныне самые отсталые старики относятся с благоговением к каждой коллекции, которую

несут ученики в школу. Крестьяне в общей массе своей считают экскурсии необходимой принадлежностью школы, считают обычным явлением» [18]. А затем учитель переходит непосредственно к жалобе: «Но, разумеется, при этом школьный работник не мог ни нажать себе лютых врагов, – есть несколько негодяев (даже влиятельных, близко стоящих к начальству) которые пускают все козни против школьного работника и подтачивают его жизнь... но об этих лицах не место здесь распространяться». И желая закончить на положительной ноте свой отчет он возвращается к успехам в школьном деле. Он сообщает, что результатом экскурсий стал собранный гербарий и естественно-научный музей при школе. Во время Первомайских торжеств в школе была открыта выставка: «Осмотр музея продолжался до самого вечера. Большое впечатление произвела [выставка] на крестьян, которые перед каждой коллекцией недоумевали, поворачивали ее много раз в руках, рассматривали против света, подносили к самым глазам и, наконец, с озабоченным лицом спрашивали – «Що це таке?». – Вечером для всей публики был устроен спектакль и танцы (бесплатно)» [20]. А в другой сочинской сельской школе в число экспонатов школьного музея входили: зубы нескольких животных, череп лошади, клык дикого кабана и несколько минералов. Так же отмечались в разных документах опыты над пойманными животными: черепаха в р. Мацеста, летучая мышь на чердаке, но без жестокостей.

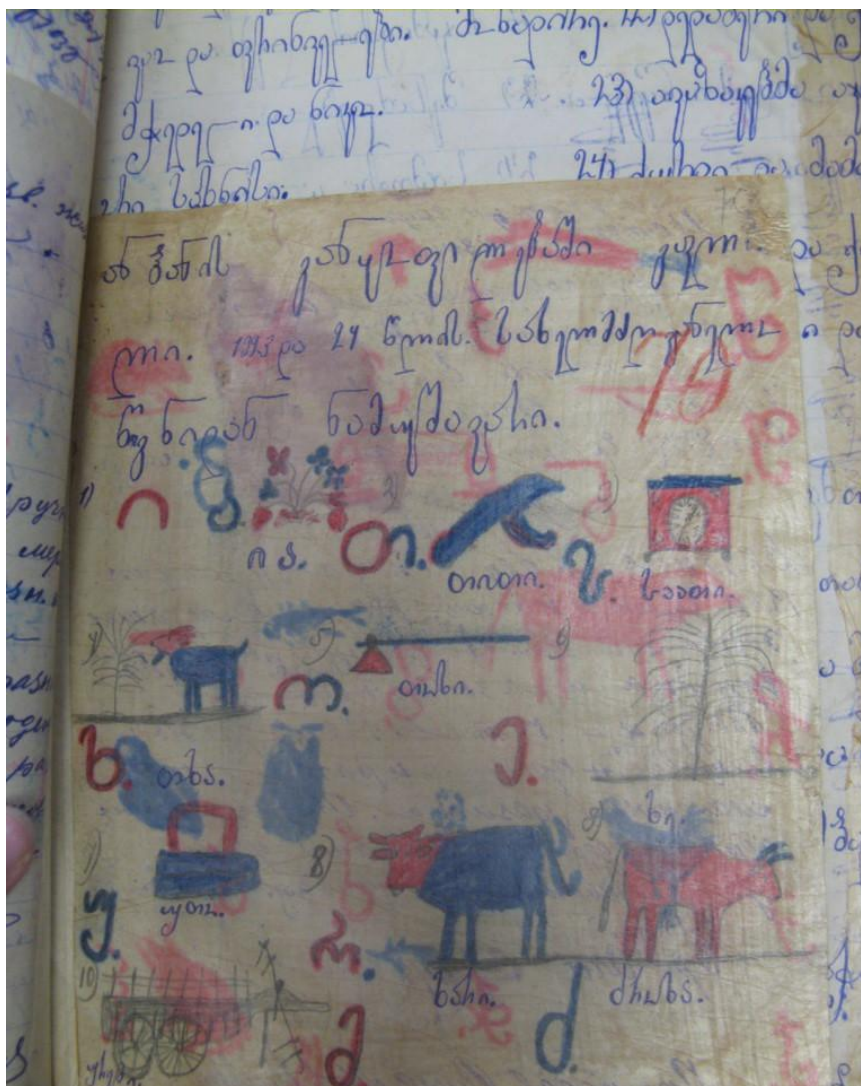

Рис. 1. Детские грамматические тетради Грузинской школы г.Сочи (начало 1920-х гг.)

По отношению к новым советским праздникам, которые уже частично упоминались, привлекательна следующая выдержка из доклада учителя Советской трудовой школы I ступени № 3: «В связи с празднованием дня Шевченко – экскурсия в прошлое царской, помещичьей, крепостнической России. Биография Шевченко. Шевченко – революционер своей эпохи. В связи с празднованием дня рождения Ленина – знакомство с его жизнью. Ленин в детстве, его времяпрепровождение, любимые игры, занятия, по воспоминаниям крестьян (Красная Нива). Чтение траурных газет и заучивание наизусть стихотворений посвященных памяти Ленина» [21].

Так же стоит отметить, что около 90 % докладов содержат отчет о том, что выучили с детьми песню «Интернационал» на русском языке.

На фоне всех школ заметно выделяются национальные – армянские, грузинская, эстонская и греческая. В докладах этих школ можно увидеть удивительно своеобразный подход к учебному процессу.

В докладах армянских учителей указано, что на уроке обществоведения она разговаривали о вреде курения (тема обсуждения указано единственной школой), о болезнях, о правильном подборе педагогического персонала, о желательном обучении детей на армянском, а не на русском языке. Армянские школы имели наибольшее число учеников, правда 70 % и более – мальчики. Об этом поднимает отдельный вопрос учительница армянской школы, сообщая, что это «привезенные из Турции обычаи» не обучать девушек после 14 лет, т.к. их надо уже к семье готовить» [22].

Учитель Грузинской школы I ступени прикрепил к отчету листы детских прописей с рисунками (см. Рис. 1, 2).

Выводы

Завершая, хочется выделить следующие характерные черты школьного дела в начале 1920-х годов. Прежде всего, надо отметить прилежность учителей и их верность своему делу. Условия труда были весьма тяжелые и многие специалисты уходили, не выдерживая подобных тягот. Прилежными, судя по фотографиям и тетрадям, были не только учителя, но и ученики, проявлявшие, ко всему прочему, незаурядный творческий потенциал. В качестве недостатков, отметим, что учеба имела ярко выраженный "сезонный" характер – в зимние месяцы из-за отсутствия работы "процветала", с наступлением очередного сельскохозяйственного сезона фактически прекращалась; в целом же была пассивной, так как пользы от нее крестьяне не видели. Ну и, конечно, традиционная в этот период отсталость в обеспечении и нехватка необходимых для учебы предметов.

Примечания:

1. Rozhkov A.Y. «It is quiet in class while students are writing» motivation, academic performance, live projects of students from 1920s // European researcher. 2011. № 9 (12). Pp. 1280-1288.
2. Sifutdinova N.Sh. Future teachers' training improvement: preparation for unified state examination as methodological problem // European researcher. 2011. № 3 (5). Pp. 329-332.
3. Vegera L.R. V.P. Naumenko Sociopolitical Activity (Second Half of XIX Century. – 1917 Year) // European Researcher, 2014, Vol.(80), № 8-1. Pp. 1453-1463.
4. Makarenko O. Pedagog, prosvetitel', gumanist // Rodnaya shkola. 2002. №8-9. S. 67-70.
5. Chikalenko E., Efremov S. Perepiska. 1903-1928 goda / Uporyad. I. Starovoitenko. K.: Tempora, 2010.
6. Eliseeva I.A. Assessing the Motivation Environment for Innovation Activity at General-Education Institutions // European Journal of Contemporary Education, 2015, Vol.(11), Is. 1. Pp. 16-30.
7. Мартиросян Б.П. Оценка инновационной деятельности школы. М.: СпортАкадемПресс, 2003. 276 с.
8. Korol V.N. Labor Reserves Staff of Educational Institutions of Ukraine during the Restoration Period (1943–1950) // Журнал министерства народного просвещения, 2014, Vol.(1), № 1. Pp. 21-29.
9. Magsumov T.A. Periodicals as a Source on the History of Secondary Vocational Schools of Late Imperial Russia // Журнал министерства народного просвещения, 2014, Vol.(1), № 1. Pp. 12-20.
10. Бершадська О.В. Соціальні процеси на території міста-курорта Сочі у новітній час: історіографічний огляд // Сумський історико-архівний журнал. 2013. № 2. С. 93-100.
11. Karnauh O.D. State-Legal Politics of the Russian Empire in Regard to Colonization of the Black Coast in the Northwest Caucasus and its Outcomes by XX Century // Russian Journal of Legal Studies, 2014, Vol. (1), № 1, p. 22-28.
12. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 45–50.
13. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44.
14. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 45–50.
15. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 45–50.
16. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 3–4.
17. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 3–4.
18. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 26.
19. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 26.
20. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 26.
21. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 10.
22. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 94.

References:

1. Rozhkov A.Y. «It is quiet in class while students are writing» motivation, academic performance, live projects of students from 1920s // European researcher. 2011. № 9 (12). Rr. 1280-1288.

2. Sifutdinova N.Sh. Future teachers' training improvement: preparation for unified state examination as methodological problem // European researcher. 2011. № 3 (5). Rr. 329-332.
3. Vegera L.R. V.P. Naumenko Sociopolitical Activity (Second Half of XIX Century. – 1917 Year) // European Researcher, 2014, Vol.(80), № 8-1. Rr. 1453-1463.
4. Makarenko O. Pedagog, prosvetitel', gumanist // Rodnaya shkola. 2002. №8-9. S. 67-70.
5. Chikalenko E., Efremov S. Peregipska. 1903-1928 goda / Uporyad. I. Starovoitenko. K.: Tempora, 2010.
6. Eliseeva I.A. Assessing the Motivation Environment for Innovation Activity at General-Education Institutions // European Journal of Contemporary Education, 2015, Vol.(11), Is. 1. Rr. 16-30.
7. Martirosyan B.P. Otsenka innovatsionnoi deyatel'nosti shkoly. M.: SportAkademPress, 2003. 276 s.
8. Korol V.N. Labor Reserves Staff of Educational Institutions of Ukraine during the Restoration Period (1943–1950) // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 2014, Vol.(1), № 1. Rr. 21-29.
9. Magsumov T.A. Periodicals as a Source on the History of Secondary Vocational Schools of Late Imperial Russia // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 2014, Vol.(1), № 1. Rr. 12-20.
10. Bershads'ka O.V. Sotsial'ni protsesi na teritorii mista-kurorta Sochi u novitnii chas: istoriografichnii oglyad // Sums'kii istoriko-arkhivnii zhurnal. 2013. № 2. S. 93-100.
11. Karnauh O.D. State-Legal Politics of the Russian Empire in Regard to Colonization of the Black Coast in the Northwest Caucasus and its Outcomes by XX Century // Russian Journal of Legal Studies, 2014, Vol. (1), № 1, p. 22-28.
12. Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi (AOAGS). F. R-31. O. 1. D. 44. L. 45–50.
13. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44.
14. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 45–50.
15. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 45–50.
16. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 3–4.
17. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 3–4.
18. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 26.
19. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 26.
20. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 26.
21. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 10.
22. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 94.

УДК 47, 94

**Повседневная деятельность сельской школы
в начале 1920-х годов
(на примере школы в селе Аибга)**

Анвар Мирзахматович Мамадалиев

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: anvarm@mail.ru

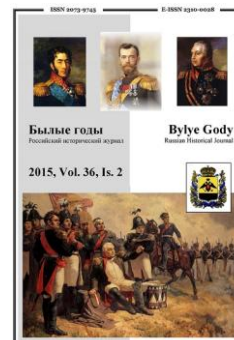
Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов архивного отдела администрации города Сочи, а также материалов периодической печати рассматривается повседневная деятельность начальной школы в селе Аибга в 1920-х гг. Уделено внимание региональной специфике преподавания в начальной школе, хозяйственным и экономическим проблемам. Автор приходит к выводу, что условия труда сельских учителей в указанный период были очень тяжелыми. Учебная деятельность имела ярко выраженный сезонный характер – в зимние месяцы в связи с прекращением сельскохозяйственных работ она "процветала", с наступлением очередного сельскохозяйственного сезона фактически прекращалась. Помимо этого была острой нехватка школьного инвентаря.

Ключевые слова: Школа, сельская школа, поселковая школа, история развития сельской школы, школы Сочи в советский период, провинциальные школы, учительские отчеты.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 36, Is. 2, pp. 394-402, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

A. Gorelik: Argentinean touches of Russian Revolution Portrait

¹ Lazar S. Jeifets

² Anton S. Andreev

¹ Saint Petersburg State University, Russian Federation
Faculty of International Relationship
Smolnogo street, 1/3, Saint Petersburg, 191124
Dr. (History), professor
E-mail: ilaranspb@hotmail.com

² Saint Petersburg State University, Russian Federation
Faculty of International Relationship
Smolnogo street, 1/3, Saint Petersburg, 191124
Master (History), PhD student
E-mail: anton.andreev89@gmail.com

Abstract

The history of the political exile is one of the most important problems of modern Russian historiography. The existence of Russian exiles in various countries became an important phenomenon. The anarchists who had left the Soviet Russia after 1917 were often the basis of such groups. Based on new sources, especially on the documents of Anatoly Gorelik Collection at the Centre of Studies of the history and culture of Left-Wing movements (Buenos Aires, Argentina) article analyzes the features of the formation of Russian workers' organizations in Argentina. Based on analysis of the articles published in the newspaper "Golos Truda" ("The Voice of Labor"), whose editor in 1920-1930s was Anatoly Gorelik, the authors make some conclusions about the evolution of views of Russian immigrants in Argentina about the October Revolution and the first measures undertaken by the Soviet regime. For the first time in the historiography, the article notes key stages of Anatoly Gorelik's life who was the leader of Russian anarchists in Argentina. The authors conclude that the Gorelik's anarchist views impacted seriously to the change of ideology of the Federation of Russian workers' organizations in South America, officially established in 1918. This Federation, whose members supported the Bolsheviks and planned to join the Comintern, turned finally to the partnership with local anarchists and began to accuse the Bolshevik government in creation of a new dictatorship in Russia. The article is a new step in the study of Russian emigration in South America and in the study the history of the labor movement in Argentina.

Keywords: Anatoly Gorelik; Federation of Russian Workers' organizations in South America; anarchism; Comintern; Voice of Labor.

Введение

В современной российской историографии особое место занимают исследования послереволюционной эмиграции, основное внимание в которых уделяется истории «белого движения» [1, 2, 3]. В меньшей степени в историографии описаны судьбы российской «рабочей эмиграции», начавшейся до и продолжавшейся после октябрьских событий 1917 г. Однако, в поле зрения отечественных ученых почти отсутствует латиноамериканское направление российской эмиграции, которое при этом было достаточно многочисленным. Практически неизученной является эта тема и в зарубежной историографии.

В существующих работах, посвященных российским диаспорам в Латинской Америке [4, 5], основными героями являются вынужденные переселенцы, бежавшие через Атлантический океан от большевистского режима. Такими переселенцами, помимо офицеров «белой» армии, были

представители запрещенных и разгромленных большевиками в 1918–1920 гг. политических партий и групп, в частности, – анархистских обществ, объединений и конфедераций.

Русскоязычные переселенцы не только участвовали в экономической жизни стран Латинской Америки, но и создавали собственные общественные организации, рабочие группы, исповедовавшие «левую» идеологию. В этой связи становятся актуальными архивы «красного» русского зарубежья, по-разному оценившего октябрьские события 1917 г., но стремившегося всеми силами помочь развитию рабочего движения. Русскоязычные анархистские группы сыграли заметную роль в эволюции латиноамериканского левого движения, формировании его внутренней структуры и внешних организационных связей, в частности, с III Интернационалом.

Материалы и методы

Отечественные архивы содержат достаточный объем документов, позволяющих проследить пути становления анархизма в России, а также его судьбу в период гражданской войны. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) исследователям доступны не только специальные документальные описи, непосредственно посвященные анархистским группам [6], но и протоколы заседания Политбюро ЦК РКП(б) [7], на которых вопрос об отношении к анархистам поднимался с достаточным постоянством. Анализ этих документов показывает, что, скорее всего, у руководителей Советского государства не было единой точки зрения на роль и значение анархистов в общественной жизни новой революционной России, что выразилось в противоречивости принимавшихся решений.

Однако основной источниковой базой исследования являются документы личного фонда Анатолия Горелика («Центр исследований истории и культуры левого движения», г. Буэнос-Айрес) [8], исполнявшего в 1920–1930 гг. функции главного редактора официального печатного органа Федерации российских рабочих организаций Южной Америки (ФРРОЮА) – газеты «Голос труда», объединявшей разнородные «левые» русскоязычные иммигрантские группы Аргентины и Уругвая. Документы фонда содержат в себе отдельные номера газеты, рукописи А. Горелика на русском, испанском и немецком языках, публикации других авторов, сотрудничавших с газетой. Авторы ставят перед собой задачу, используя ретроспективный и проблемно-хронологический методы исторического исследования, на основе текстов А. Горелика, публиковавшихся в «Голосе труда», показать особенности оценки русскими анархистскими иммигрантскими группами причин и последствий русской революции 1917 г., сознательно не останавливаясь на биографических подробностях.

Обсуждения

Личность А. Горелика и его творческое наследие никогда не становились специальным предметом исследования. Он вскользь упоминается П. Эвричем в работе о русских анархистах [9] в связи с украинской анархистской группой «Набат», в которую входил Горелик. Эврич приводит известные факты биографии, рассматривая жизненный путь Горелика в короткий период его пребывания в УССР.

Несмотря на то, что жизнь и деятельность А. Горелика не стали объектом специального исследования в отечественной историографии, о нем вспомнили в Аргентине, опубликовав в Буэнос-Айресе его историко-публицистические работы о роли анархистов в русской революции. Значительный вклад в изучение жизненного пути Горелика внес французский исследователь анархизма Ф. Минтц [10], написавший первую биографию русского анархиста для названных выше изданий. Однако Минтц в своих очерках сконцентрировал свое внимание на эволюции теоретических взглядов Горелика как представителя анархо-синдикализма вне контекста его деятельности в ФРРОЮА и организационной работы среди русскоязычных анархистов Аргентины.

В большинстве имеющихся зарубежных и отечественных публикациях по истории левых движений в Аргентине [11, 12, 13, 14, 15, 16, 17] также отсутствует упоминание о русских эмигрантских группах, представлявших определенную организационную силу.

При этом в отечественной историографии нашли отражение отдельные сюжеты, связанные с ФРРОЮА, зарождение и развитие которой происходило до октябрьских событий в Петрограде 1917 г. и не было связано с деятельностью анархистов-иммигрантов. Так петербургские ученые Л.С. и В.Л. Хейфецы в своих публикациях обращались к начальному периоду существования ФРРОЮА, рассматривая взаимодействие федерации с Коминтерном и роль посланника III Интернационала в Аргентине М.А. Комина-Александровского, стоявшего у истоков аргентинского направления работы «всемирной коммунистической партии». Также о становлении аргентинского рабочего движения писал В. П. Казаков [18, 19, 20, 21].

Результаты

После начала преследований в 1918 г. анархисты Петрограда и Москвы начали переезжать в южные регионы бывшей Российской империи, в частности в Украину. К 1919 г. в Харькове была создана группа «Набат», издававшая одноименный журнал [22]. В состав группы входили известные столичные анархисты: Арон и Фани Барон, П. Аршинов, В. Волин (В. М. Эйхенбаум), Анатолий

(настоящее имя – Григорий) Горелик, успевший к тому времени побывать в эмиграции во Франции и США. Начавшаяся в январе 1920 г. кампания против Н. Махно «за отказ выполнять приказ командования оборонять правобережную Украину от поляков» [23], привела к разгрому анархистских организаций и арестам их лидеров, в том числе Анатолия Горелика, который не только работал секретарем «Набата», но и секретарем Донецкого союза «Голос анархиста», а также занимал высокие должности в Комиссариате образования Украинской ССР [24].

В отличие от В. Волина, освобожденного из тюрьмы лишь в июле 1921 г. после обращений международных анархистских организаций [25], Анатолий Горелик после ареста по делу махновщины находился в тюрьме недолго. Выйдя из тюрьмы 6 января 1921 г., он начал вести активную пропагандистскую работу, пытаясь организовать новую группу в Москве. 8 марта 1921 г. анархиста вновь арестовывают, обвиняя его в контрреволюционной деятельности [26], о борьбе с которой шла речь на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 28 февраля 1921 г. [28]

17 сентября 1921 г. после десятидневной голодовки Анатолий Горелик был освобожден из тюрьмы. Условием его освобождения был обязательный выезд из Советской России. В течение осени 1921 г. и весны 1922 г. изгнанные из России анархисты организовали группу в Берлине, где публиковали материалы, осуждающие советскую власть и октябрьский переворот.

Весной 1922 г. Анатолий Горелик переехал из Берлина в столицу Аргентины г. Буэнос-Айрес, начав новую, «американскую» страницу своей жизни. В течение последующих двадцати лет он превратился в одного из лидеров русских анархистских групп в Южной Америке, встав у руля официального органа Федерации Русских Рабочих Организаций Южной Америки (ФРРОЮА) [29] – газеты «Голос Труда».

Федерация являлась крупнейшим объединением рабочих организаций, создававшихся русскоязычными переселенцами в Аргентине. К моменту своего официального создания в 1918 г. она насчитывала около 15 тыс. человек. На своем IV съезде, состоявшемся в феврале 1920 г., федерация выразила солидарность с Коминтерном, но указала на необходимость тщательного изучения его программы и устава [30].

На раннем этапе своего развития ФРРОЮА исповедовала скорее прокоммунистические взгляды, поддерживая октябрьскую революцию и приветствуя новую российскую власть. Федерация делала все возможное для развития классового сознания российских рабочих-иммигрантов, координации своей деятельности с выступлениями аргентинских рабочих, а также для установления контактов с РСФСР. Однако, уже в 1920-е гг. позиция федерации будет меняться, а на смену публикациям в поддержку первого в мире государства пролетарской диктатуры придут статьи, разоблачающие режим большевиков. При этом, федерация поддерживала саму идею рабочего государства, осуждая методы его создания в России.

Анархические взгляды Горелика вполне вписались в общественную жизнь Аргентины и ее политическую мысль. К началу 1920-х гг. в Буэнос-Айресе существовала не только ФРРОЮА, включавшая в себя «левые» эмигрантские группы, но также влиятельный рабочий и профсоюзный центр – Региональная Федерация Рабочих Аргентины - X (Federación Obrera Regional de Argentina – FORA-X, ФОРА-Х), особую роль в управлении которым играли местные анархисты [31]. Профсоюзы, ведомые анархистами и анархо-синдикалистами, являлись основой рабочего движения страны, меньшую часть которого составляли социалистические и коммунистические группы [31, 32]. Нельзя сказать, что Горелик активно сотрудничал с аргентинскими группами и организациями анархистов, однако, он систематически отражал их общественную деятельность и политические акции на страницах редактируемых им изданий, в том числе, на страницах «Голоса труда».

Одной из главных целей, которую ставил перед собой Горелик, работая в качестве публициста в аргентинских изданиях, заключалась в том, чтобы показать и объяснить суть революции в России. Он не был непосредственным свидетелем февральских событий в Петрограде в 1917 г., но признавал, что революционные события, свержение монархии позволили обществу сделать новый шаг в своем развитии, сбросив с себя оковы государства, царской власти, полицейского контроля. Давая в начале 1930-х гг. оценку Февралю, Горелик писал: «Благодаря народно-стихийному революционному взрыву, февральская революция раскрыла двери не только русских тюрем, но и все двери всей русской жизни для возможности строительства новой лучшей и свободно-трудовой жизни» [33]. Он, как и положено анархистам, подчеркивал стихийный характер революции, отрицая существование какого-либо одного организационного центра и какого-либо главного действующего лица: «Теперь каждая партия, каждая группа старается это великое стихийное движение народных трудовых масс в феврале 1917 года приписать себе, своим людям» [34]. В целом его оценки совпадали с комментариями и либерально настроенных публицистов по поводу событий Февраля 1917 года.

Вслед за столичными анархо-синдикалистами (В. Волиным, Г. Максимовым, В. Шатовым и др.) Горелик говорил о необходимости полного отказа от государства, а не о его трансформации и эволюции. От этой позиции он не отступит до конца жизни, настаивая на сформулированном М.А. Бакуниным тезисе [35, 36] о вреде государства как организации жизни общества в России. Логичным был в этой связи вывод публициста о необходимости отказа от государства в Аргентине и перехода к общественному самоуправлению через федерации профсоюзов. Горелик был убежден в

неплохих политических перспективах профсоюзных федераций Аргентины, не разделяя, однако, их восторженной реакции на Октябрьскую революцию.

Итоги вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 г., приход к власти в России социал-демократов, первые декреты Советской власти были встречены «левыми» силами в Южной Америке с оптимизмом. Аргентинские и уругвайские профсоюзы выступили в поддержку Советской власти [37], предложив большевикам в своих приветственных письмах установить дружеские отношения. Социалистические партии оказались более сдержаны в своих оценках, что позволило выделиться в них наиболее радикальным группам, организовавшимся чуть позже в коммунистические партии [38, 39].

Горелик был гораздо более скептически настроен в отношении прихода большевиков к власти, видя в этом не только победу рабочего класса, но и новую диктатуру, которую, как анархист, он не признавал. Развитие российского общества, свергнувшего монархию, но так и не обретшего государство свободы для рабочего класса и крестьян, Горелик описал одной фразой: «Российский народ проделал путь от Родзянко и Милюкова до Гоца, Дана и Либера» [40], видимо, имея в виду трагическую судьбу меньшевиков, стоявших у истоков рабочего движения в России.

ВКП(б) и В.И. Ленин на долгие годы оказались главным объектом критики на страницах «Голоса труда». Большевики, по мнению Горелика, «защищая принцип государства и принуждения», являлись «приверженцами насилия», а потому революция, произошедшая в России, не имела значения для судьбы общества, так как она создала не «диктатуру трудящихся, а диктатуру партии, причем даже не партии, а партийной верхушки» [41]. Не признавая, как и В. Волин, насильственного захвата политической власти [42], Горелик критиковал не только политические методы большевиков, но и методы их агитации и пропаганды, указывая на то, что коммунисты практикуют «превосходный дуализм» в своем отношении к революционерам и анархистам: «Преследуя живых, расстреливая молодых и активных, клеветца и расстреливая революционеров, они признают своими мертвых и выставляют их как своих перед народом и всем миром» [43].

Международные коммунистические организации, в частности, созданный в 1919 г. III Интернационал, справедливо расценивались Гореликом в качестве инструмента для распространения марксистских идей по всему миру. Он, как мог, пытался этому противостоять. Так, в редактируемых им изданиях анархист подчеркивал случаи неповиновения местных коммунистических групп Коминтерну, показывая, что не все «левые» силы готовы подчиниться Москве, и стараясь максимально разрушить имидж Коминтерна как мощной и монолитной организации. Так, в печатном органе российских рабочих организаций США и Канады – журнале «Американские известия», с которым сотрудничал Горелик, 7 марта 1923 г. была опубликована статья о скандале в компартии Италии, члены которой отказались выполнять привезенные из Москвы с IV конгресса Коминтерна делегатом Джачинто Менотти Серрати требования и приказы, что вызвало раскол внутри партии [44]. «У господствующего слоя III интернационала совсем не рабочая, не пролетарская натура. И практически рабочей души они глубоко не знают и не понимают» [45], – писал Горелик в «Голосе Труда». В этих суждениях Горелик выступает, безусловно, как убежденный анархист, транслируя анархистское восприятие состояния современного ему международного рабочего движения.

К середине 1920-х гг. численность Федерации начала сокращаться. Горелик, говоря о состоянии дел, отмечал, что в федерацию с каждым годом входит все меньше организаций, которые «не выходят из состава федерации, а прекращают свое существование» [46]. «Голос труда», публикуя сведения о федерации, указывал на то, что в стране наблюдается общий спад рабочего движения, который приводит к сокращению рабочих союзов. Однако газета не выдвигала предложений, которые бы могли изменить эту тенденцию. Горелик в своих публикациях лишь констатировал эти процессы, обвиняя в происходящем государство, препятствовавшее, по его мнению, полноценному развитию рабочего движения.

В начале 1926 г. «Голос труда» с сожалением писал о том, что активную работу в федерации вели 4-5 организаций, с остальными же часто не было даже письменной связи, что лишало смысла работу федерации. В целом, во второй пол. 1920-х гг. отмечается снижение активности российских рабочих организаций в Аргентине. Анализ причин этого, предпринятый Гореликом, оказывался, однако, несколько односторонним. Он, безусловно, был прав, указывая на отсутствие достаточного финансирования и организационного ресурса как фактор ослабления рабочего движения. В то же время он оставлял за скобками внутренние разногласия в различных организациях и их неумение найти должные подходы к массам трудящихся, что, конечно же, также негативно влияло на их развитие.

Публицистическая деятельность Горелика и «Голоса труда» практически остановилась с приходом к власти в Аргентине в 1930 г. генерала Х. Урибуру. «Воспользовавшись тем, что бывший президент Иригойен составил правительство из воров, мошенников и негодяев, <...> кучка военных и фашистов совершили военный переворот и захватили власть» [47], – печально писал Горелик в одном из последних номеров газеты. Критика Советской власти вынужденно сменилась критикой политических процессов в Аргентине. Через некоторое время после военного переворота «Голос труда», публиковать который в условиях полицейского преследования и цензуры оказалось невозможно, был закрыт, и публицист-анархист попытался воссоздать журнал под новым названием

«Голос из подполья», но уже в 1931 г. выпуск журнала окончательно прекратился в связи с организационными и политическими проблемами.

Несмотря на тяжелую ситуацию в стране, Горелик и в 1930-е гг. пытался поддерживать жизнь федерации и российских рабочих организаций. В связи с цензурой, введенной в Аргентине, Горелик начал писать статьи для анархических изданий других стран – Испании («Revista Blanca», Барселона) [48] и США («Рассвет», Нью-Йорк) [49], в которых описывал положение рабочих в Аргентине. В 1932 г. русские рабочие организации Аргентины предприняли последнюю попытку возродить собственное печатное издание, открыв журнал в Буэнос-Айресе журнал «Вольная мысль». Однако после выпуска в августе-октябре 1932 г. нескольких номеров журнал был закрыт властями и более не издавался.

А. Горелик являлся не только публицистом, говорившем о сущности Октябрьской революции, но и переводчиком, во многом открывшим для аргентинских читателей труды известных теоретиков анархизма М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, а также организатором, создавшим вокруг себя и журнала группу единомышленников. «Голос труда» превратился не только рупор самого Горелика, но и в орган ФРРОЮА, обладавшей организационной структурой, программой, планами работы. На страницах журнала публиковались программы съездов федерации [50], воззвания ее центрального комитета, финансовые отчеты, афиши культурных мероприятий. Горелик высоко оценивал роль федерации для русских эмигрантов, указывая, что с созданием ФРРОЮА «русский иммигрант в Ю. Америке впервые встречается с культурным центром. Неопытный, мало разбирающийся в социальных вопросах, не имеющий никакой научной подготовки и еле грамотный, он должен был принять на себя всю тяжесть культурной и революционной работы. И он ее принял и с громадным упорством и любовью проводил ее» [51].

Немало говорил Горелик о будущем России, перспективах революции. За внешней критикой настоящего в его публикациях всегда шла надежда на будущее, за которое надо было бороться всем, независимо от партий и движений. Он говорил о новой социалистической революции в России, которая должна была, по его мнению, привести к власти подлинные силы трудящихся. На страницах «Голоса труда», а позже и других изданий, Горелик предлагал создание IV Интернационала [52], в который должны были вступить подлинные рабочие организации, основанные не на насилии, а на общем понимании задач и целей общественного развития. В журнале публиковались последние статьи П.А. Кропоткина о судьбах русской революции. Вслед за ним Горелик говорил о том, что революция разоряет страну, является стихией, которой невозможно управлять, [53] предостерегая от упоения революцией, предсказывая приход на смену революционному остервенению реакции, которая будет страшнее революционного террора и насилия.

В 1940 г. Горелика, которому к тому времени было 50 лет, разбил паралич. Последние 16 лет своей жизни, вплоть до смерти 15 ноября 1956 г., он провел в постели, не имея возможности писать и участвовать в общественной жизни [54]. Горелик был похоронен в Буэнос-Айресе, а вместе с ним на долгие годы было похоронено все его наследие. О Горелике забыли настолько, что о его смерти узнали лишь два года спустя, когда в 1958 г. в журнале «Голос труда – Пробуждение» (г. Чикаго, США) А. Черняковым был опубликован запоздалый некролог под названием «У могилы, уже заросшей травой».

Заключение

За недостаточностью источников многое остается неясным в жизненном и творческом пути Горелика. Представляется в то же время очевидным, что он играл заметную роль в жизни анархистских и левых эмигрантских групп Аргентины и ФРРОЮА. Изменение идеологии федерации от поддержки Советской власти к заочной борьбе с большевизмом было во многом связано с работой Горелика. За годы его работы в «Голосе труда» ФРРОЮА не только не вступила в Коминтерн, к чему была близка в 1918-1920 гг., но и перешла к поддержке местных анархистских организаций, которые были гораздо более многочисленными и влиятельными, чем местные социалистическая и коммунистическая партии. При этом Горелик на страницах «Голоса труда» всецело поддерживал сам факт октябрьской революции, которая привела к власти рабочих.

Перу Горелика принадлежат аналитические работы по истории русской революции, русского анархизма, изданные на русском языке в Буэнос-Айресе в 1922-1924 гг. при поддержке «Голоса труда», но до сих пор практически неизвестные в России. Думается, что с открытием новых источников, находящихся в частных коллекциях и архивах университетов, исследователи смогут дополнить новыми красками аргентинский портрет русского анархиста и русской революции

Примечания

1. См. например: Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е. И. Пивовар. М.: РГГУ, 2008, 545 с.
2. Сабенникова И.В. Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ / И. В. Сабенникова // Российская история. 2010. № 3. С. 58-80.

3. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование / И.В. Сабенникова. Тверь: Федеральная архивная служба России; ВНИИДАД. 2002. 431 с.
4. См. например: Мосейкина М.Н. Русская эмиграция в страны Латинской Америки 1920–1930 гг. / М.Н. Мосейкина // Российская история, № 3, 2010. С. 80–101.
5. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб: «Сударыня», 2006. 354 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 334. Оп. 1.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.
8. Centro de las investigaciones de la historia y cultura izquierda (CEDINCI). AR ARCEDINCI FA-023 (Fondo Anatol Gorelik).
9. Эврич П. Русские анархисты / П. Эврич. М.: Центрполиграф, 2010. 310 с.
10. Mintz F. Biografía de Anatol Gorelik / Gorelik A. El anarquismo en la revolución rusa (compilador F. Mintz). Buenos Aires: Libros de Anarres; La Plata: Terramar, 2007. P. 21–28.
11. Oved I. El anarquismo y el movimiento obrero en Argentina / I. Oved. Buenos-Aires: Siglo XXI, 1978.
12. Bayer O. Los anarquistas expropiadores, Simón Radowitzky y otros ensayos / O. Bayer. Buenos Aires: Editorial Galerna, 1975.
13. Искарро Р. Рабочее и профсоюзное движение в Аргентине: история и развитие / Р. Искарро. М.: Прогресс, 1978.
14. Fanny Simon S. Anarchism and Anarcho-Syndicalism in South America // The Hispanic American Historical Review, Vol. 26, No. 1 (Feb., 1946), pp. 38–59.
15. Munck R., Falcón R., Galitelli, B. Argentina: From Anarchism to Peronism. London: Zed Press, 1987, 261 pp.
16. Nun J. Democracia y socialismo: ¿etapas o niveles? // Canadian Journal of Latin American and Caribbean Studies / Revue canadienne des études latino-américaines et caraïbes, Vol. 9, No. 17 (1984), pp. 1–11.
17. Дамье В.В. Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. В 2 т. Том 1. От революционного синдикализма к анархо-синдикализму 1918–1930. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 148–163.
18. Казаков В.П. Коминтерн, компартия и рабочее движение в Аргентине / В.П. Казаков // Латинская Америка. 1996. № 11. С. 96–103.
19. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Провал «аргентинских Лениных». Коминтерн, коммунистическая партия и русская эмиграция в Аргентине, 1919–1922 гг. / Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. статей. СПб: Европейский дом, 2002. С. 93–101.
20. Jeifets L, Jeifets V. El Partido Comunista de Argentina y la III Internacional. La misión de Williams y los orígenes del peronismo / Jeifets L, Jeifets V. Nostromo Ediciones México, Distrito Federal, 2013 333 с.
21. Jeifets L., Jeifets V. La Internacional Comunista y la izquierda argentina: primeros encuentros y desencuentros / Jeifets L, Jeifets V // Archivos de historia del movimiento obrero y izquierda (Buenos Aires). Año III. №5. Septiembre de 2014. P. 71–92.
22. Эврич П. Русские анархисты. / П. Эврич. М.: Центрполиграф, 2010. С. 237.
23. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5443. Л. 1.
24. Mintz F. Biografía de Anatol Gorelik/ Gorelik A. El anarquismo en la revolución rusa (compilador F. Mintz). Buenos Aires: Libros de Anarres; La Plata: Terramar, 2007. P. 22.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 187. Л. 1.
26. Mintz F. Op. cit. P. 22.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 136. Л. 1.
28. Jeifets L, Jeifets V. El Partido Comunista de Argentina y la III Internacional. La misión de Williams y los orígenes del peronismo / Jeifets L, Jeifets V. Nostromo Ediciones México, Distrito Federal, 2013. P. 26.
29. Казаков В.П. Коминтерн, компартия и рабочее движение в Аргентине / Казаков В.П. // Латинская Америка». 1996. № 11. С. 96.
30. Camarero H. A la conquista de la clase obrera. Las comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920–1935 / Camarero H. A. Buenos Aires: Siglo XXI, 2007. P. 69
31. Lobato M. Z. La prensa obrera. Buenos Aires y Montevideo. 1890–1958. / Buenos Aires: Edhasa, 2009. P. 15.
32. Южноамериканский случай не был уникальным, похожая ситуация наблюдалась и в Мексике. См.: Jeifets V., Reynoso Jaime, I. Del Frente Único a clase contra clase: comunistas y agraristas en el México posrevolucionario, 1919–1930. Izquierdas. 2014. N. 19. PP. 15–40.
33. Centro de las investigaciones de la historia y cultura izquierda (CEDINCI). AR ARCEDINCI FA-023-01-9. P. 16.

34. Ibid.

35. Литошенко А.Р. Проблема революции в теоретическом наследии основоположников российского анархизма / Литошенко А. Р. // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 6. 2011. С. 16.

36. Рябов П.В. Проблема личности в философии анархизма / Рябов П.В. // Вопросы философии. № 5. 2010. С. 49.

37. Gomez E. Historia del Partido Comunista del Uruguay (hasta el año 1951). / Gomez E. Montevideo: Trilce, 1990. P. 42.

38. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1918-1929 гг. в 2 т. Т. 1. Рождение первых компартий. / Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. СПб: ГУАП, ИЛА РАН, 2012. С. 142.

39. Jeifets L., Jeifets V., Huber P. La Internacional comunista y América Latina, 1919-1943: diccionario biográfico. Instituto de Latinoamérica de la Academia de las Ciencias, Ginebra, 2004. P. 126.

40. CEDINCI. AR ARCEDINCI FA-023-01-3. P. 7.

41. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-4. P. 7

42. Канев С.Н. Крах русского анархизма / Канев С.Н. // Вопросы истории, № 9, 1968.

43. CEDINCI. AR ARCEDINCI FA-023-01-3. P. 8.

44. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-8. P. 2.

45. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-8. P. 2.

46. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-10. P. 5.

47. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-9. P. 6.

48. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-02-2. P. 53

49. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-4. P. 1.

50. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-3. P. 12.

51. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-10. P. 8.

52. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-8. P. 2.

53. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-03-3. P. 6.

54. Mintz F. Op. cit. P. 27.

References:

1. See for example: Pivovar, E.I. (2008) Russian Abroad: social and historical phenomenon, the role and place in the cultural and historical heritage. - Moscow: Russian State Humanitarian University, 545 p. (In Russian)

2. Sabennikova, I.V. (2010) Russian emigration 1917-1939 years: the structure, geography, comparative analysis // Russian history. № 3. P. 58-80 (In Russian)

3. Sabennikova, I.V. (2002) Russian emigration (1917-1939): Typological study. Tver.: Federal Archival Service of Russia; VNIIDAD. 431 p. (In Russian)

4. See: Moseykina, M.N. (2010) Russian emigration to Latin America 1920-1930 // Russian history. № 3. P. 80-101 (In Russian);

5. The legal status of the Russian emigration in 1920-1930e years. St. Petersburg: "Madam", 2006. 354 p. (In Russian)

6. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 334. Inv. 1.

7. RGASPI. F. 17. Inv. 3.

8. Centre of Investigations in History and Culture of left-forces (CEDINCI). AR ARCEDINCI FA-023 (Fondo Anatol Gorelik).

9. Evrich, P. (2010) Russian anarchists. M. : Tsentrpoligraf. 310 c. (In Russian)

10. Mintz, F. (2007) Biografia de Anatol Gorelik / Gorelik A. El anarquismo en la revolucion rusa (compilador F. Mintz). Buenos Aires: Libros de Anarres; La Plata: Terramar. P. 21-28.

11. Oved, I. (1978) El anarquismo y el movimiento obrero en Argentina. Buenos-Aires: Siglo XXI. 459 p.

12. Bayer, O. (1975) Los anarquistas expropiadores, Simón Radowitzky y otros ensayos. Buenos Aires: Editorial Galerna. 271 p.

13. Iscaro, R. (1978) The Labor and trade union movement in Argentina: the history and development. M.: Progress, 278 p. (In Russian).

14. Fanny, Simon S. (1946) Anarchism and Anarcho-Syndicalism in South America // The Hispanic American Historical Review, Vol. 26, No. 1 (February), pp. 38-59.

15. Munck R., Falcón R., Galitelli, B. (1987) Argentina: From Anarchism to Peronism. London: Zed Press, 261 pp.

16. Nun, J. (1984) Democracia y socialismo: ¿etapas o niveles? // Canadian Journal of Latin American and Caribbean Studies / Revue canadienne des études latino-américaines et caraïbes, Vol. 9, No. 17, pp. 1-11.

17. Damie, V.V. (2006) Forgotten International. World anarcho-syndicalist movement between two world wars. In 2 vol. Vol. 1. From revolutionary syndicalism to anarcho-syndicalism 1918-1930. Moscow: New Review. P. 148-163. (In Russian).

18. Kazakov V.P. (1996) The Comintern, the Communist Party and the labor movement in Argentina. // Latin America. 1996. № 11. P. 96-103. (In Russian).

19. Jeifets V.L., Jeifets L.S. (2002) Failure of "Argentinean Lenins". The Comintern, the Communist Party and the Russian emigration in Argentina, 1919-1922 gg. // *Russia Abroad. 1917-1939 gg. Coll. of articles.* St. Petersburg: European House, pp. 93-101 (In Russian).
20. Jeifets L, Jeifets V. (2013) *El Partido Comunista de Argentina y la III Internacional. La misión de Williams y los orígenes del penelonismo.* Nostromo Ediciones, México, Distrito Federal, 333 p.
21. Jeifets L., Jeifets V. (2014) *La Internacional Comunista y la izquierda argentina: primeros encuentros y desencuentros* // *Archivos de historia del movimiento obrero y izquierda (Buenos Aires).* Año III. Nº5. Septiembre de 2014. P. 71-92.
22. Evrich P. (2010) *Russian anarchists.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. P. 237. (In Russian).
23. RGASPI. F. 558. Inv. 1. D. L. 5443. 1.
24. Mintz, F. *Biografía de Anatol Gorelik / Gorelik A. El anarquismo en la revolución rusa* (compilador F. Mintz). Buenos Aires: Libros de Anarres; La Plata: Terramar, 2007. P. 22.
25. RGASPI. F. 17. Inv. 3. Ibid. D. 187. P. 1.
26. Mintz F. Op. cit. P. 22.
27. RGASPI. F. 17. Inv. 3. D. 136. P. 1.
28. Jeifets L, Jeifets V. *El Partido Comunista de Argentina y la III Internacional. La misión de Williams y los orígenes del penelonismo / Jeifets L, Jeifets V.* Nostromo Ediciones México, Distrito Federal, 2013. P. 26.
29. Kazakov, V.P. (1996) *The Comintern, the Communist Party and the labor movement in Argentina.* // *Latin America.* Nº 11. P. 96.
30. Camarero, H. A (2007) *A la conquista de la clase obrera. Las comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920-1935.* Buenos Aires: Siglo XXI. P. 69.
31. Lobato, M. Z. (2009) *La prensa obrera. Buenos Aires y Montevideo. 1890-1958.* Buenos Aires: Edhasa. P. 15.
32. See also: Jeifets V., Reynoso Jaime, I. *Del Frente Único a clase contra clase: comunistas y agraristas en el México posrevolucionario, 1919-1930. - Izquierdas.* 2014. N. 19. PP. 15-40.
33. CEDINCI. AR ARCEDINCI FA-023-01-9. P. 16.
34. Ibid.
35. Litoshenko A.R. (2011) *The Problem of revolution in theoretical heritage of the founders of Russian anarchism* // *Vestnik MGU. Series 8. History.* Nº 6. P. 16 (In Russian);
36. Ryabov, P.V. (2010) *The Problem of personality in the philosophy of anarchism* // *Problems of Philosophy.* Nº 5. P. 49. (In Russian)
37. Gómez, E. (1990) *Historia del Partido Comunista del Uruguay (hasta el año 1951).* Montevideo: Trilce. P. 42.
38. Jeifets, V. L, Jeifets, L.S. (2012) *The Formation and Development of the Latin American Left-Wing movement in the 1918-1929. Vol. 1. The Birth of the first Communist Parties.* St. Petersburg: GUAP, ILARAS. P. 142.
39. Jeifets L., Jeifets V., Huber P. *La Internacional comunista y América Latina, 1919-1943: diccionario biográfico.* Instituto de Latinoamérica de la Academia de las Ciencias, Ginebra, 2004. P. 126.
40. CEDINCI. AR ARCEDINCI FA-023-01-3. P. 7.
41. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-4. P. 7
42. Kanev, S. N. (1968) *The collapse of Russian anarchism* // *Questions of history,* Nº 9. P. 60. (In Russian).
43. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-3. P. 8.
44. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-8. P. 2
45. CEDINCI. AR ARCEDINCI FA-023-01-8. P. 2
46. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-10. P. 5.
47. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-9. P. 6.
48. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-02-2. P. 53
49. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-4. P. 1.
50. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-3. P. 12.
51. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-10. P. 8.
52. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-01-8. P. 2.
53. Ibid. AR ARCEDINCI FA-023-03-3. P. 6.
54. Mintz F. Op. cit. P. 27.

А. Горелик: аргентинские штрихи к портрету русской революции¹ Лазарь Соломонович Хейфец² Антон Сергеевич Андреев

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
ул. Смольного, 1/3, п. 8. Санкт-Петербург, 191124
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: ilaranspb@hotmail.com

² Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
ул. Смольного, 1/3, п. 8. Санкт-Петербург, 191124
E-mail: anton.andreev89@gmail.com

Аннотация. История российской эмиграции является одной из основных проблем современной российской историографии. Важным явлением было существование в разных странах мира русских иммигрантов, разделявших левые идеи. Основу этих групп часто составляли анархисты, покинувшие Советскую Россию после 1917 г. В статье на основе новых источников, особенно документов фонда Анатолия Горелика, находящихся в Центре исследований истории и культуры левых движений (г. Буэнос-Айрес, Аргентина) рассматриваются особенности формирования российских рабочих организаций в Аргентине. На основе анализа публикаций газеты «Голос Труда», редактором которой в 1920-1930 гг. был Анатолий Горелик, уехавший из России в 1922 г., авторы говорят об эволюции взглядов русских иммигрантов в Аргентине на Октябрьскую революцию и первые мероприятия новой советской власти. В статье впервые в отечественной историографии обозначены основные этапы жизненного пути Анатолия Горелика – лидера русских анархистов в Аргентине. Авторы приходят к выводу, что анархические взгляды А. Горелика во многом повлияли на изменения идеологии Федерации российских рабочих организаций Южной Америки, официально созданной в 1918 г. Федерация, члены которой во много поддерживали большевиков, планировала вступить в Коминтерн, однако после начала работы Горелика в качестве главного редактора «Голоса труда» федерация начала сотрудничество с местными анархистами, обвиняя советскую власть в создании новой диктатуры и нового авторитаризма. Статья является новым шагом на пути изучения российской эмиграции в Южную Америку и на пути изучения истории рабочего движения Аргентины.

Ключевые слова: Анатолий Горелик; Федерация российских рабочих организаций Южной Америки; анархизм; Коминтерн; Голос труда.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

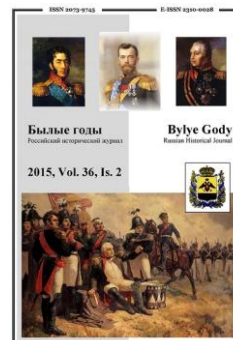
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 403-412, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94.7.084.5/.64(571.6)

Policy in the Area of Wages and Its Implementation in the Far East in the 1930s as a Mechanism for the Formation of Social Hierarchy

Olga I. Shestak

Vladivostok State University of Economics and Service, Russian Federation

41, Gogolya, St., Vladivostok, 690014

PhD (History), Associate Professor

E-mail: vvsu_vladivostok@mail.ru

Abstract

This article, based on documents from state archives, examines Soviet policy in the area of wages through the example of the Far East. The author comes to the conclusion that the wages policy implemented in the USSR in the 1930s was a key mechanism in the formation of a hierarchical social production-type establishment. It would determine the prestige of professions and the functionality of spheres of work activity and underscored the commanding positioning of social groups, thereby setting and ensuring all key criteria for constructing a system of social inequality, on the one hand, and fixing the population to remote and scarcely populated territories, on the other.

Keywords: Far East, wages, social hierarchy, social structure, social layers, policy of wages.

Введение

XX век в современной интерпретации многим из нас представляется эпохой войн и политических потрясений, ложных и необдуманных решений, опасных заблуждений и опрометчивых ошибок. В тоже время это был век невиданного ранее по масштабам научного и технического прогресса и глубоких, необратимых социальных перемен.

Вглядываясь в это не такое уж отдаленное от нас прошлое, мы не можем не обратить внимание на феномен советского социализма, занимающего огромное место в истории данного периода. Наибольший интерес для современных исследователей представляет история советского общества 1930-х гг., поскольку в эти годы разворачивались социальные процессы, сформировавшие советскую модель общественных отношений. Сегодня очевидно, что советское общество было глубоко иерархично, а социальное равенство было весьма иллюзорно. Формирование советской модели социальных отношений проходило с опорой на комплекс механизмов, ключевым из которых стала заработная плата, имевшая целью ранжирование социальных групп по критерию доступа к материальным благам.

Изучение советской политики в области заработной платы, реализуемой в 1930-е годы, дает возможность осмысления механизмов и путей формирования социальной иерархии, которые и в сегодняшнем обществе могли бы сыграть весомую роль в построении каркаса устойчивой социальной структуры.

Материалы и методы

Источниковую основу настоящей статьи составили опубликованные и неопубликованные материалы и документы, хранящиеся в фондах государственных архивов Москвы, Хабаровска, Владивостока. Группу опубликованных источников составляют материалы Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома, которые представлены отчетами об итогах деятельности; протоколами заседаний, постановлений и решений краевых партийных конференций, краевых съездов Советов; также сюда относятся нормативно-правовые акты, представленные в собраниях законов, постановлений и распоряжений Союза ССР. Архивные материалы представлены директивными

документами центральных руководящих органов власти, протоколами заседаний, решений и постановлений ЦК Партии (ВКП(б)), Политбюро ЦК, СНК СССР, ЦИК СССР; официальной перепиской членов Политбюро ЦК и другими документальными материалами. При работе с источниками автор руководствовался необходимостью выявить как можно больший их круг, критически осмыслить достоверность и объективность.

Методологическую основу работы составил принцип историзма, который предусматривает выявление и описание максимально полного набора фактов, необходимых для решения конкретной исторической задачи, предполагает, что все события и явления причинно обусловлены, функционально связаны, различаются по степени значимости, что позволяет провести их анализ с учетом всех связей и взаимосвязей с общеисторическими переменами 1930-х годов.

Обсуждение

В отечественной исторической науке период 1930-х гг. оценивается как переломная эпоха. Формирование командно-административной системы, осуществление индустриализации и коллективизации вызвали серьезные подвижки в социальной и политической структурах. Партийно-государственная политика в отношении разных социальных групп и ее результаты имеют определяющее значение для понимания истории этого периода. Переходным этапам в развитии экономики в 1930-е гг. соответствовали промежуточные фазы социально-трудовых отношений, когда субъекты только начинали осваивать новые правовые нормы и правила поведения, новые социальные роли и соответствующие им ролевые функции. Как проходило формирование советской модели социальных отношений в СССР? Какова была роль политики в области заработной платы в формировании структурной модели советского общества? Какие факторы определяли положение человека в советской социальной иерархии? Чьи интересы отражала советская политика в области заработной платы и какова была её роль в формировании советской социальной системы, в целом? Этим и ряду других вопросов посвящена настоящая статья, в которой автор на примере Дальнего Востока, рассматривает политику в области заработной платы как механизм, имевший целью построение иерархической социальной структуры в СССР. Все приведенные выше вопросы непросты и дискуссионны, и немало выводов, ставших итогом научных размышлений автора, расходятся с оценками, получившими распространение в отечественной исторической науке. Но в социальных науках, где все связано с теми или иными общественными интересами, самое важное – не однозначный результат, а путь поиска истины.

Результаты

Политика в области заработной платы с конца 1920-х гг. была полностью подчинена интересам индустриального развития и обуславливалась положением различных социальных групп в иерархии власти и производства, то есть носила стратифицирующий характер. С самого начала формирования советской социальной системы, начали внедряться механизмы построения социальной иерархии по производственному признаку. В официальной идеологической концепции было провозглашено стремление к ликвидации классового неравенства и построению бесклассового общества. Согласно изначальной теории марксизма – это было справедливо, поскольку классы в работах К. Маркса трактовались как социально-экономические категории со схожими жизненными позициями, занимающие определенные позиции на рынке труда. Не смотря на все перипетии построения и трансформации советской классовой теории с 1917 г., вполне можно согласиться с тем, что советское государство стремилось к ликвидации классов, что практически и произошло после свертывания НЭПа. Утвердившаяся же формула «2+1: *крестьянство, рабочий класс и прослойка – интеллигенция*», которую впервые так явно выделил О.И. Шкаратан [1; 66 – 69], носила по существу псевдо классовый характер, поскольку рынок труда был ликвидирован, и классы потеряли свое рыночное обоснование. Тем не менее, исчезновение классовой категории, как элемента социальной структуры и приобретение ею декларированного характера, не вело к социальному равенству, даже напротив, система социального неравенства год от года усложнялась и развивалась, при помощи различных механизмов, одним из которых выступала система заработной платы.

Следует отметить, что как механизм формирования социальной иерархии, заработная плата стала приобретать ключевое значение после свертывания НЭПа, который на некоторое время законсервировал классы, как социальные группы. С конца же 1920-х гг. после окончательного огосударствления трудовых отношений, заработная плата стала основой стимулирования труда и подъема промышленного производства. Её варьирование находилось в зависимости от географического местоположения регионов, где, в рамках каждого, с 1929 г. было введено нормирование заработной платы по тарифным поясам. Определение тарифных поясов осуществлялось в зависимости от заселенности земель, природных условий, ресурсной базы. Для малоосвоенных и малозаселенных местностей определялись тарифные пояса с наибольшими коэффициентами для расчета минимума заработной платы. Такое разделение регионов на внутритарифные пояса, должно было стимулировать их освоение и развитие местной промышленности, основываясь на принципах производственной иерархии.

Согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) от 7 декабря 1929 г. «О государственном нормировании заработной платы служащих в государственных учреждениях и предприятиях» было определено, что нормирование зарплаты должно производиться на основе твердой номенклатуры должностей, твердых штатов и твердых окладов для каждой штатной должности [2]. Номенклатура должностей для всех предприятий и учреждений устанавливалась Наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции (далее – РКИ) по согласованию с наркоматом труда и Всероссийским Центральным Советом Профсоюзов (далее – ВЦСПС), слитыми к тому времени воедино. Твердые штаты для госучреждений устанавливались Наркоматом РКИ СССР и местными органами с участием соответствующих финансовых органов, заинтересованных ведомств и профсоюзов; для всех остальных учреждений и предприятий – соответствующими республиканскими ведомствами и отделами местных исполкомов с участием профсоюзов; твердые оклады для аппаратов краевых учреждений и предприятий устанавливались краевыми органами труда и профсоюзными организациями [2].

Для установления твердых окладов в Дальневосточном крае (далее – ДВК) постановлением Далькрайисполкома от 26 декабря 1929 г. было подтверждено деление территории края на тарифные пояса, существовавшие ещё с 1923 г. (табл. 1), и утверждены коэффициенты для расчета минимума зарплаты по поясам: 4-й пояс – 1; 3-й пояс – 1,5; 2-й пояс – 1,75; 1-й пояс – 2,5 [3].

Таблица 1: Деление территории Дальнего Востока на тарифные пояса (по территориальному обозначению с 1926 г.) [3]

Тарифные пояса	Состав поясов
1-й пояс	Чукотский, Анадырский, Карагинский, Пенжинский районы Камчатского округа
2-й пояс	Петропавловский, Усть-Камчатский, Большерецкий и Тигильский районы Камчатского округа; Ольский, Охотский и Тугуро-Чумиканский районы Николаевского-на-Амуре округа и Охинский район Сахалинского округа
3-й пояс	Сахалинский округ; Кербинский, Николаевск, Нижнетамбовский и Большемихайловский районы Николаевского-на-Амуре округа; Советский район Зейского округа и Ольгинский район Владивостокского округа
4-й пояс	Сахалинский округ; Кербинский, Николаевск, Нижнетамбовский и Большемихайловский районы Николаевского-на-Амуре округа; Советский район Зейского округа и Ольгинский район Владивостокского округа

Для основной ставки и дополнительной оплате к ней были установлены следующие поправные коэффициенты: для северных районов Камчатки (Чукотский, Анадырский, Карагинский и Пенжинский) – 250 %; для остальных районов Камчатки – 200 %; для Сахалинского округа – 150 %; для Николаевского, Хабаровского и Владивостокского округов – 125 % [3]. Высокие коэффициенты для расчета заработной платы и высокие поправные коэффициенты для малоосвоенных районов с тяжелыми климатическими условиями должны были стимулировать процесс переселения, привлечь рабочую силу на индустриальные объекты. Приток населения в районы с жестким климатом был возможен только при условии их социальной привлекательности. Таким образом, высокие коэффициенты заработной платы повышали место регионов в производственной иерархии, одновременно формируя фундамент иерархии социальной.

Исчисление заработной платы производилось по переутвержденной в ноябре 1929 г. тарифной сетке ВЦСПС, введенной еще в начале 1920-х гг., в соответствии с которой, месячная ставка 1-го разряда была установлена в размере 15 руб., а ставки последующих разрядов исчислялись путем умножения ставки первого разряда на соответствующий коэффициент разрядной таблицы (табл. 2).

Таблица 2: 17-разрядная тарифная сетка ВЦСПС [4]

Разряд	Коэффициент	Разряд	Коэффициент
1	1,0	10	4,2
2	1,2	11	4,6
3	1,5	12	5,0
4	1,8	13	5,5
5	2,2	14	6,2
6	2,5	15	6,7
7	2,8	16	7,2
8	3,1	17	8,0
9	3,5		

В соответствии с разрядными нормами, при перемножении всех коэффициентов, средняя зарплата 1-го разряда по ДВК определялась в 78 руб. 75 коп.; средняя зарплата 17-го разряда определялась в 630 руб.; минимальная зарплата в ДВК по 1-му разряду определялась в 34 руб. 50 коп.; максимальная по 17-му разряду определялась в 1 050 руб. Максимальные ставки определялись для должностей управленческого персонала высшего звена; минимальные для работников сельских администраций. Средние же зарплаты по краю у служащих различных государственных инспекций и управлений, а также районных администраций исчислялись от 350 до 550 руб. На основании постановления от 7 декабря 1929 г. и по установившейся в крае практике ставки заработной платы государственным служащим начиная с 9-го разряда утверждались Далькрайисполкомом [5].

С 1931 г. стало проводиться планомерное повышение заработной платы рабочим и служащим многих профессий. 28 октября 1931 г. вышло постановление СНК «О повышении заработной платы учителям школ первой и второй ступени», которое увеличивало среднюю ставку месячной зарплаты для учителей школ 1-й ступени до 90 руб., для учителей школ 2-й ступени – до 130 руб., не считая краевых и областных исчислений [6]. Общее начисление зарплаты учителям должно было производиться не ниже 7-го разряда. Со всеми районными начислениями зарплата учителей школ 1-й ступени по ДВК стала составлять в 1931 г. – 126 руб.; школ 2-й ступени – 207 руб. [7] 16 декабря 1931 г. вышло постановление СНК «О повышении заработной платы медицинских работников», – их зарплата повышалась в среднем на 23 % [8].

Наиболее обеспеченными из рабочей группы на Дальнем Востоке были рабочие железнодорожного транспорта, которые имели самую высокую зарплату. В конце 1932 г. в этой группе было произведено плановое централизованное повышение заработной платы. Выросли месячные ставки для различных профессиональных групп в железнодорожном транспорте. Инженерам, работающим на производстве, оклады устанавливались на 15 % больше, чем инженерам той же квалификации, работающим в аппарате [9], что свидетельствовало о высокой оценке со стороны партийных руководителей роли технических работников на предприятиях. Оклад инженерно-технических работников (далее – ИТР) железнодорожного транспорта повышался с 1 декабря 1932 г. в среднем на 15–28 %. Больше всего он вырос у главных инженеров паровозо-вагоноремонтных заводов – на 39 %. Так, по краю средняя зарплата ИТР на железнодорожном транспорте в 1932 г. стала составлять 284 руб. 75 коп., средняя зарплата квалифицированного рабочего – 196 руб. 85 коп.

Рост заработной платы ИТР был обусловлен, во-первых, необходимостью привлечения и удержания высококвалифицированных кадров на производстве, в особенности на железнодорожном транспорте, и, во-вторых, был необходим для поднятия и укрепления социального статуса инженеров на предприятии, поскольку в соответствии с уже устоявшимся менталитетом, рабочие неохотно исполняли распоряжения технических работников, оплачиваемых на одном, либо меньшем с ними уровне, то есть они отказывались работать под руководством человека одного с ними социального статуса. В данном случае проявлялся унаследованный с дореволюционных времен тип социального действия, в рамках которого место в общественной иерархии определялось функциональностью профессии, а функциональный тип профессий определялся размером оплаты, предлагаемой за обладание определенными знаниями, умениями и навыками. И на том же заводском производстве социальный статус работника был тем выше, чем выше был уровень оплаты труда.

Для начисления заработной платы рабочим на Дальнем Востоке максимальным был определен 12 разряд Единой тарифной сетки (далее – ЕТС) ВЦСПС; самые же распространенные, назначаемые квалифицированным рабочим, оставались 7–10 разряды. В 1930 г. средняя заработная плата у рабочих в крае исчислялась от 100 до 140 руб., у ИТР от 180 до 240 руб., у служащих среднего звена от 190 до 265 руб. [10] Не смотря на возможность получения продуктового пайка по системе централизованного продовольственного снабжения, продуктов, для нормальной жизнедеятельности средней рабочей семьи из 3–4-х чел., в месяц не хватало, и рабочие вынуждены были тратить до 45–50% семейного бюджета для приобретения необходимого продовольствия на рынке. Рыночные же цены, по сравнению с ценами кооперативными были невероятно высоки: 1 пуд муки на рынке стоил 20–30 руб. (3 руб. в кооперации), 1 кг мяса – 3–4 руб. (70 коп в кооперации), 1 пуд картошки – 9 руб. (48 коп. за кг в кооперации), 1 кг сливочного масла – 7 руб. (103 руб. в кооперации), 1 десяток яиц – 2 руб. (50 коп. в кооперации) [11; 28]. Особенно высокие цены в крае были на промышленные товары и одежду. Примерно 1 раз в год семья была вынуждена обновлять свой гардероб. Мужские кожаные сапоги стоили во Владивостоке 160–180 руб., детские ботинки – 80–100 руб., 1 м. ситцевой ткани – 60 руб.

Высокая заработная плата по индустриальным отраслям промышленности делала их социально значимыми и привлекала представителей других социальных групп.

С началом коллективизации и массового разорения крестьянских хозяйств, на предприятиях появилось большое количество выходцев из деревни, которые пополнили ряды низкоквалифицированных рабочих. Эта часть рабочих была востребована на новостройках-гигантах. Большое количество рабочих пришло на строительство Комсомольска на Амуре и строительство Амурстали – до 16 тыс. чел., на предприятия Дальугля (3480 чел.), на Дальзавод (1300 чел.) [12; 114].

Приток сельских жителей на индустриальные стройки был общим явлением для всей страны. Заводские цеха, предприятия, учреждения заполнялись выходцами из деревни, не знавшими производства, не имевшими рабочих навыков. Вырванные из привычной обстановки, неустроенные, они походили на «перекати-поле». Чтобы лучше устроиться, они без конца меняли места работы, ища более высокую зарплату, что вылилось в огромную текучесть кадров, рост прогулов, опозданий, вело к маргинализации рабочих профессий. Фактически на производство шли люди, несущие в себе черты традиционной крестьянской культуры. Случаи пьянства, порчи станков и оборудования, производственного травматизма, и без того типичные для рабочей среды, с приходом «новых рабочих» стали еще более частыми.

Политическое руководство, столкнувшееся с проблемой маргинализации производственных кадров, стало бороться с этим явлением. В 1929 г. был издан ряд постановлений о мерах улучшения трудовой дисциплины [13]. Первое из них от 6 марта 1929 г. «О мерах укрепления трудовой дисциплины в государственных предприятиях», предоставляло администрации предприятий право самостоятельного наложения на работников всех взысканий, предусмотренных табелью о взысканиях. Несогласные с наложением взысканий рабочие и служащие могли обжаловать их в конфликтных комиссиях предприятий, решения которых являлись окончательными. Только за III квартал 1929 г. на Дальзаводе было наложено 1368 взысканий [14; 28]. В постановлении от 5 апреля 1929 г. «О мерах борьбы с прогулами», страховым кассам предоставлялось право не выдавать пособий по временной нетрудоспособности за первые три дня в случае наступления этой нетрудоспособности от острого опьянения или действий вызванных им. 12 июля вышло постановление «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям», в котором указывалось, что рабочие и служащие несут ответственность за причиненный нанимателю ущерб в размере 1/3 заработной платы, если ущерб вызван небрежностью в работе или нарушениями правил внутреннего распорядка.

Особенно недоволен был кадровыми проблемами на производстве И.В. Сталин, который не мог объяснить, почему «класс», выделенный официальной идеологией как приоритетный в государственной социальной политике и наделенный большими привилегиями не платит «столицей за оказанную ему честь». В соответствии с пожеланиями И.В. Сталина, постановлением ЦИК и СНК от 13 октября 1930 г. «Об основах дисциплинарного законодательства» правилами внутреннего распорядка предприятий устанавливалась дисциплинарная ответственность за различного рода нарушения, совершенные в рабочее время [15]. 3 июля 1931 г. вышло постановление «О некоторых изменениях трудового законодательства», которое определяло, что работник, несет материальную ответственность за выданное ему в пользование имущество предприятия, если установлено, что он утратил это имущество или умышленно нанес ему порчу [16]. Наконец, 15 ноября 1932 г. постановлением ЦИК и СНК «Об увольнении за прогул без уважительных причин» вводилось увольнение с работы за один день неявки без уважительной причины [17]. Увольнение сопровождалось дисквалификацией, что лишало работника в дальнейшем возможности получать высокую заработную плату. В 1933 г. этот пункт был дополнен таким образом, что уволенный работник лишался права на кооперативную квартиру, предоставленную ему в домах жилищно-строительных кооперативов (далее – ЖСК) за счет жилфонда, выданного жилищкооперацией данному предприятию [18]. Однако, реальной причиной текучести кадров было снижение уровня жизни в стране в конце 1920-х – в начале 1930-х гг., что вызывало у людей желание постоянного поиска такого места работы, где можно было прокормить семью, формирую, таким образом, подвижность границ социальных слоев и групп.

11 декабря 1933 г. вышло особое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О льготах для населения Дальневосточного края» [19; 5–9]. Внимание правительства к ДВК было обусловлено необходимостью увеличения объема промышленного производства, укрепления дальневосточных военных рубежей через заселение приграничных территорий. В соответствии с постановлением, с 1 января 1934 г. по всему краю повышалась заработная плата рабочим и инженерно-техническому персоналу угольной промышленности – на 30 %; рабочим заводов, фабрик, транспорта и связи, учителям, медперсоналу, ветеринарам, агротехникам и землемерам – на 20 %; служащим учреждения и предприятий – на 10 %. С 1 января 1934 г. были повышены оклады личному составу войск ДВК: красноармейцам, краснофлотцам и младшему офицерскому составу на 50 %; среднему, старшему и высшему начсоставу – на 26 % [19; 9].

Увеличение заработной платы происходило по двум направлениям. Во-первых, рабочим различных предприятий и сфер промышленного производства, обслуживающему персоналу, служащим различных учреждений, учителям, медицинским работникам и т.д. зарплата назначалась на основании 17 разрядной тарифной сетки ВЦСПС. Назначение же заработной платы государственным служащим высшего и среднего звена, работникам финансового аппарата, органов юстиции, ответственным политическим работникам осуществлялось на основе специальных центральных и краевых постановлений по номенклатуре должностей, независимо от разрядов тарифной сетки, что делало размеры их заработной платы практически неконтролируемыми и определяло их привилегированное положение в социальной иерархии.

Увеличение зарплаты дальневосточников согласно декабрьскому постановлению СНК и ЦК ВКП(б) шло за счет увеличения минимальной ставки 1-го разряда тарифной сетки ВЦСПС. Ставка 1-го разряда в угольной промышленности после увеличения стала определяться в 19,5 руб., для рабочих других отраслей, учителям, медперсоналу и т.д. – в 18 руб., для служащих учреждений и предприятий – в 16,5 руб. Далее исчисление заработной платы шло в зависимости от разряда конкретного работника при перемножении всех коэффициентов. В результате к 1936 г. средняя заработная плата на Дальнем Востоке варьировалась от 249 до 305 руб., превышая среднесоюзный уровень на 42,3%, и будучи самой высокой по стране [20; 54]. Помимо зарплаты, рабочим, специальным постановлением Далькрайисполкома от 27 марта 1936 г., разрешили иметь индивидуальные огороды для самообеспечения [21]. На рабочие огороды в окрестностях и крупных городах края было выделено 18 555 га земли, которая закреплялась за огородниками на 6 лет с выдачей удостоверения на право пользования участком. Огородники освобождались от уплаты налога и обеспечивались по умеренным ценам инвентарем и семенами. Развитие огородничества способствовало повышению уровня потребления продуктов питания в рабочих семьях и сразу получило в крае широкое распространение. Огороды засевались картофелем, овощами, необходимыми для питания семьи. Благодаря огородам к 1937 г. расходы на питание в бюджетах многих рабочих сократились с 52 до 32% семейного бюджета в месяц, ввиду чего у людей освободились средства для улучшения своего домашнего быта и культурного досуга.

20 сентября 1934 г. вышло постановление Далькрайисполкома «О повышении зарплаты работникам низового финансового аппарата» [22]. Средние ставки заработной платы работникам финансового аппарата без коэффициента выглядели следующим образом: Заврайфо – 385 руб., инспектора – 330 руб., специнструкторы – 275 руб., счетоводы – 175 руб. [22] С учетом поправок коэффициентов, средняя заработная плата работников финансового аппарата составляла от 437 руб. до 962,5 руб., превышая среднюю зарплату рабочих в 2 – 3 раза.

Постановлением Далькрайисполкома от 17 сентября 1934 г. «О повышении заплаты работникам органов юстиции», были повышены средние ставки зарплаты работникам юстиции различных должностей [23]. По району края зарплата народных следователей составляла без коэффициентов 330 руб., секретарей – 230 руб., делопроизводителей – 175 руб. При перемножении коэффициентов зарплата работников юстиции варьировалась в тех же пределах, что и зарплата низового финансового аппарата, в результате чего эти профессии образовали единую социальную группу, главным критерием выделения которой стал уровень заработной платы.

Наконец, специальным постановлением Дальневосточной краевой исполнительной комиссии (далее – ДКИК) от 13 ноября 1933 г. «О новых ставках зарплаты для ответственных политических работников советских организаций» был введен номенклатурный перечень должностных окладов для ответственных политических работников края, без учета районных коэффициентов [24]. Как видно из таблицы 3, оклады разбивались на 7 групп: 1-я группа – 275 руб., 2-я – 300 руб., 3-я – 350 руб., 4-я – 400 руб., 5-я 450 руб., 6-я – 500 руб., 7-я – 550 руб. К 7-й группе относились председатели: Далькрайисполкома, краевого суда и краевой прокурор. При перемножении на районные коэффициенты их зарплата составляла 1925 руб., превышая среднюю зарплату рабочих в 7–8 раз.

Таблица 3: Перечень должностных окладов для политических работников советских организаций в ДВК: 1933–1937 гг. (без районных коэффициентов) [24]

Оклады по группам	Состав групп по должностям
7-я группа (550 руб.)	1. Председатель Далькрайисполкома; 2. Председатель краевого суда и краевой прокурор
6-я группа (500 руб.)	1. Зам. председателя Далькрайисполкома, Председатели Приморского, Амурского, Сахалинского, Камчатского облисполкомов; 2. Прокуроры Приморского, Амурского, Сахалинского, Камчатского областных и председатели местных судов
5-я группа (450 руб.)	1. Председатели горсоветов: Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Александровска на Сахалине и Петропавловска на Камчатке; 2. Председатели райисполкомов промышленных и заготовительных районов с нас. свыше 140 тыс. чел.; 3. Зам. председателей облисполкомов Приморской, Амурской, Сахалинской, Камчатской областей; 4. Ответственные редакторы краевых и областных газет; 5. Прокуроры районов с нас. свыше 140 тыс. чел.
4-я группа (400 руб.)	1. Председатели райисполкомов с нас. от 75 до 150 тыс. чел.; 2. Зав. отделами краевого и областных исполкомов; 3. Секретари краевого и областных исполкомов; 4. Прокуроры районов с нас. от 75 до 150 тыс. чел.; 5. Краевой государственный арбитр.

3-я группа (350 руб.)	1. Председатели райисполкомов с нас. до 75 тыс. чел.; 2. Председатели горсоветов с нас. от 25 до 50 тыс. чел.; 3. Зам. Председателей и члены областных судов, нарсудьи районов с нас. свыше 150 тыс. чел.; Прокуроры районов с нас. от 75 тыс. чел.; 5. Ответственные редакторы городских и районных газет; 6. Секретари и зав. отделами райисполкомов с нас. свыше 150 тыс. чел.; 7. Секретари и зав. отделами горсоветов с нас. свыше 50 тыс. чел.
2-я группа (300 руб.)	1. Секретари и зав. отделами райисполкомов с нас. от 75 до 150 тыс. чел.; 2. Секретари и зав. отделами горсоветов с нас. от 25 до 50 тыс. чел.; 3. Ответственные секретари отделов областных исполкомов; 4. Нарсудьи районов с нас. от 75 до 150 тыс. чел.; 5. Зав. секторами облисполкомов.
1-я группа (275 руб.)	1. Секретари и зав. отделами райисполкомов с нас. до 75 тыс. чел.; 2. Секретари зав. отделами горсоветов с нас. до 75 тыс. чел.; 3. Нарсудьи районов с населением до 75 тыс. чел.

Рост заработной платы высшего управленческого персонала в условиях становления централизованной распределительной системы в 1930-е гг. был связан с отменой партмаксимума. Зарплата политического руководства стала наивысшей в стране, что окончательно зафиксировало его элитарное положение. Впрочем, помимо высокой зарплаты были и другие источники денежных доходов для руководящих работников. Существовали так называемые «секретные денежные фонды», появившиеся еще в 1920-е гг. и получившие широкое распространение со второй половины 1930-х гг. Они шли на оплату питания в закрытых столовых, спецбуфетах, покупку квартир, книг, пособий на лечение, оплату путевок, строительство домов отдыха [25]. Заметим, что в условиях весьма скудной торговли и практически бесплатного государственного обеспечения, деньги особой роли в материальном положении государственной элиты не играли.

Невероятно высокие оклады и обеспечение партийных работников выглядели особенно вызывающе на фоне низкого уровня жизни сельского населения. Средняя зарплата рабочих сельской местности едва достигала 76,5 руб., а суммарный доход колхозников на хозяйство в месяц едва превышал 140 руб. Впрочем, доходы дальневосточной партийной элиты выглядели мизерными по сравнению с доходами высших номенклатурных чиновников союзного масштаба. Сохранилась запись беседы В.М. Молотова с поэтом Ф. Чугуевым в декабре 1972 г. Речь шла о доходах В.М. Молотова в 1930-е гг.: «— Вам оклад платили, или вы были на государственном обеспечении? — Оклад. — А сколько? — Не знаю. Никогда не интересовался. Практически неограниченно. По потребности. Давали в конверте. На жизнь имеешь. Вот и все. В этих пределах» [26; 224].

С разукрупнением Дальнего Востока в 1938 г. по административным единицам острее стала ощущаться разница в заработной плате между ними. Самые высокооплачиваемы рабочие и служащие были на Сахалине, самые низкооплачиваемые в Амурской области. Средняя же зарплата рабочих и служащих по региону превышала в 2,5–3 раза среднюю зарплату в других областях и краях Союза за счет районных коэффициентов. В средствах массовой информации, на рабочих собраниях, создавался образ «исключительности» Дальнего Востока и особого положения дальневосточников. У людей формировалось самосознание «социальной исключительности», что поддерживало производственный энтузиазм и предотвращало отток населения, хотя на самом деле положение дальневосточников «исключительным» не являлось: цены на продукты питания превышали общесоюзные в 1,5–2 раза; цены на товары – в 2,3 раза, что снижало уровень реальных доходов и уравнивало по уровню благосостояния жителей Дальнего Востока с жителями других регионов [27; 148].

В предвоенный период политическое руководство свело «на нет» достижения в области регионального повышения заработной платы. 11 марта 1939 г. было принято постановление Экономсовета при СНК СССР «О единых нормах выработки и тарифных сетках для рабочих, занятых в строительстве», которое в целях повышения производительности труда и упорядочивания системы заработной платы в строительстве утверждало единые нормы выработки, тарифные сетки и ставки, предусматривающие повышение норм выработки в среднем на 4,3 %, расчетных ставок в среднем на 16,6 % [28]. Вводя единые ставки, постановление отменяло сдельную оплату труда, что привело к сокращению уровня доходов рабочих в строительстве от 8 до 16,5 %.

26 июня 1940 г. по представлению ВЦСПС был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [29]. Целью указа было, прежде всего, закрепление рабочих на предприятиях, поскольку все предыдущие указы, распоряжения и постановления так и не смогли предотвратить и искоренить перехода рабочих на производства, где была выше оплата труда, где было больше возможностей удовлетворения своих бытовых нужд. В соответствии с указом, продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях была увеличена с 7 до 8 часов на предприятиях с 7-часовым рабочим днем; с 6 до 7 часов на предприятиях с 6-часовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда; с 6 до 8 часов для служащих

учреждений; с 6 до 8 часов для лиц, достигших 16 лет. Все государственные, кооперативные и общественные предприятия и учреждения были переведены с 6-дневки на 7-дневную неделю, считая 7-й день недели – воскресенье – днем отдыха. Уход с предприятия или переход с одного предприятия на другое, допускался только с согласия директора предприятия. Помимо прочего, указ от 26 июня устанавливал уголовную ответственность рабочих и служащих за опоздания и прогулы, а также за самовольный уход с работы [29]. Постановлением СНК СССР от того же 26 июня «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8-часовой рабочий день», сохранялись существующие тарифные ставки и месячные должностные оклады рабочих и служащих, увеличивались пропорционально продолжительности рабочего дня нормы выработки и снижались сдельные расценки [30]. Таким образом, при увеличении рабочего времени не произошло увеличения заработной платы, что означало падение её реальной себестоимости, поскольку за больший труд человек получал меньшие деньги.

В основе этих мер правительства лежали следующие причины. С неурожаем 1938 г. в 1939 г. в стране разразился продовольственный кризис, углубившийся с началом финской военной компании. В городах появились массовые очереди за хлебом и другими продуктами питания. Во Владивостоке и Хабаровске с сентября 1939 г. были закрыты колхозные рынки; вдвое сократилось снабжение северных районов и, прежде всего – Сахалина [29; 150]. Газета «Красное знамя» отмечала в начале 1940 г., что полноценный рабочий день на Дальзаводе из-за массовых опозданий рабочих, вынужденных стоять в очереди за продуктами с 3 часов утра, начинается с опозданием на 1,5–2 часа [31; 2]. В Европе уже началась война, что еще больше вызвало у людей панику, которая на Дальнем Востоке обострялась близостью с Японией. В результате панических настроений производство лихорадило – росла текучесть кадров, массовые прогулы, отказ работать. Дефицит продуктов питания на Дальнем Востоке был вызван еще и постоянным увеличением денежной массы в обращении, что явилось следствием высоких заработных плат. У людей были деньги, но приобрести на них товары они не могли, что порождало инфляцию и рост цен на продукты на «черном рынке». Эти явления начала 1940-х гг. породили отток населения из региона и новый виток маргинализации рабочих.

Заключение

Подводя итог оценке советской политики в области заработной платы, реализуемой на Дальнем Востоке в 1930-е годы, следует отметить, что заработная плата была не столько способом стимулирования развития региональной промышленности, сколько механизмом формирования социальной иерархии как региональной и производственной, так и внутригрупповой. Она определяла престижность профессий, функциональность сфер трудовой деятельности, подчеркивала властное позиционирование социальных групп, задавая и обеспечивая, таким образом, все основные критерии для построения системы социального неравенства, с одной стороны, закрепляя население на отдаленных и малозаселенных территориях – с другой, консервируя «социальную исключительность» дальневосточных территорий, что удерживало здесь население весь период советской государственности. Снятие «социальной исключительности» с дальневосточных земель и разрушение зарплатного, конструирующего социальную иерархию механизма, привел в 1990-е гг. к развалу социальной структуры и массовому оттоку населения из регионов Дальнего Востока, поскольку иных механизмов, формирующих социальную структуру, способных заменить зарплатный, так и не было предложено.

Примечания:

1. Шкаратан О.И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004. 208 с.
2. Собрание законов Союза ССР. 1929. № 76. Ст. 737.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 456.
4. ГАХК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 40. Л. 27–28.
5. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 390.
6. Собрание законов Союза ССР. 1931. №64. Ст. 424.
7. ГАХК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 40. Л. 29.
8. Собрание законов Союза ССР. 1931. №73. Ст. 489.
9. Собрание законов Союза ССР. 1933. №41. Ст. 242.
10. ГАХК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 40. Л. 28.
11. Под контроль масс: бюллетень дальневосточной КРАЙКК-РКИ. № 9-10. Хабаровск, 1932. 34 с.
12. История Дальнего Востока СССР. Кн. 7. Советский Дальний Восток в периоды восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922–1937 г.) /А.В. Большух и другие; Под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1977. 356 с.
13. Собрание законов Союза ССР. 1929. №19. Ст. 167.; №26. Ст. 236.; №42. Ст. 367.; №46. Ст. 400.
14. Местные советы Приморья: страницы истории (1922–1985 гг.) /Сост. С.И. Лазарева и другие; Под ред. А.А. Волынцева. Владивосток: Дальнаука, 1990. 135 с.
15. Собрание законов Союза ССР. 1930. №2. Ст. 9.

16. Собрание законов Союза ССР. 1931. №35. Ст. 257.
17. Собрание законов Союза ССР. 1931. №78. Ст. 475.
18. Собрание законов Союза ССР. 1933. № 42. Ст. 244.
19. Важнейшие решения правительства о ДВК. О льготах для населения Дальневосточного края. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Москва-Хабаровск, 1934. 165 с.
20. Материалы по отчету краевого комитета ВКП(б). Хабаровск, 1934. 122 с.
21. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 88. Л. 286.
22. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 47. Л. 225.
23. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 47. Л. 256.
24. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 137. Л. 1-3.
25. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8043. Оп. 11. Д. 74. Л. 146.
26. Из бесед В.М. Молотова с поэтом Ф. Чугуевым //Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира /Под общ. ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 509 с.
27. Шестак О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 184 с.
28. Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1939. №18. Ст. 119.
29. Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1940. №16. Ст. 385.
30. Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1940. №16. Ст. 386.
31. Недопустимо //Красное знамя (Владивосток). 1940. 23 мая.

References:

1. Shkaratan O.I. Rossijskij porjadok: Vektor peremen. M.: Vita-Press, 2004. 208 s.
2. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1929. № 76. St. 737.
3. Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja (GAHK). F. R-137. Op. 4. D. 7a. L. 456.
4. GAHK. F. R-850. Op. 1. D. 40. L. 27-28.
5. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 7a. L. 390.
6. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1931. №64. St. 424.
7. GAHK. F. R-850. Op. 1. D. 40. L. 29.
8. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1931. №73. St. 489.
9. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1933. №41. St. 242.
10. GAHK. F. R-850. Op. 1. D. 40. L. 28.
11. Pod kontrol' mass: bjulleten' dal'nevostochnoj KRAJKK-RKI. № 9-10. Habarovsk, 1932. 34 s.
12. Istorija Dal'nego Vostoka SSSR. Kn. 7. Sovetskij Dal'nij Vostok v periody vosstanovlenija i rekonstrukcii narodnogo hozjajstva, pobedy socializma v SSSR (nojabr' 1922–1937 g.) /A.V. Bol'buh i drugie; Pod red. A.I. Krushanova. Vladivostok: Izd-vo DVO RAN, 1977. 356 s.
13. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1929. №19. St. 167.; №26. St. 236.; №42. St. 367.; №46. St. 400.
14. Mestnye sovety Primor'ja: stranicy istorii (1922 – 1985 gg.) /Sost. S.I. Lazareva i drugie; Pod red. A.A. Volynceva. Vladivostok: Dal'nauka, 1990. 135 s.
15. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1930. №2. St. 9.
16. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1931. №35. St. 257.
17. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1931. №78. St. 475.
18. Sobranie zakonov Sojuza SSR. 1933. № 42. St. 244.
19. Vazhnejshie reshenija pravitel'stva o DVK. O l'gotah dlja naselenija Dal'nevostochnogo kraja. Postanovlenie SNK SSSR i CK VKP(b). Moskva-Habarovsk, 1934. 165 s.
20. Materialy po otchetu kraevogo komiteta VKP(b). Habarovsk, 1934. 122 s.
21. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 88. L. 286.
22. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 47. L. 225.
23. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 47. L. 256.
24. GAHK. F. R-137. Op. 4. D. 137. L. 1-3.
25. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE). F. 8043. Op. 11. D. 74. L. 146.
26. Iz besed V.M. Molotova s pojetom F. Chuguevym //Sovetskoe obshhestvo: vzniknovenie, razvitie, istoricheskij final. T.1. Ot vooruzhennogo vosstanija v Petrograde do vtoroj sverhderzhavy mira /Pod obshh. red. akad. Ju.N. Afanas'eva. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1997. 509 s.
27. Shestak O.I. Sovetskaja social'naja politika i ejo realizacija na Dal'nem Vostoke (1922 – 1941 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2004. 184 s.
28. Sobranie postanovlenij i raspordzhenij Pravitel'stva Sojuza Sovetskih Socialisticheskikh Respublik. 1939. №18. St. 119.
29. Sobranie postanovlenij i raspordzhenij Pravitel'stva Sojuza Sovetskih Socialisticheskikh Respublik. 1940. №16. St. 385.

30. Sobranie postanovlenij i rasporyazhenij Pravitel'stva Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. 1940. №16. St. 386.

31. Nedopustimo //Krasnoe znamja (Vladivostok). 1940. 23 maja.

УДК 94.7.084.5/.64(571.6)

**Политика в области заработной платы и её реализация на Дальнем Востоке в 1930-е гг.
как механизм формирования социальной иерархии**

Ольга Игоревна Шестак

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Российская Федерация
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: vvsu_vladivostok@mail.ru

Аннотация. В статье на основе документов государственных архивов, на примере Дальнего Востока, рассматривается советская политика в области заработной платы. Автором делается вывод о том, что политика в области заработной платы, реализуемая в СССР в 1930-е годы, являлась ключевым механизмом формирования иерархической социальной структуры производственного типа. Она определяла престижность профессий, функциональность сфер трудовой деятельности, подчеркивала властное позиционирование социальных групп, задавая и обеспечивая, таким образом, все основные критерии для построения системы социального неравенства, с одной стороны, закрепляя население на отдаленных и малозаселенных территориях – с другой.

Ключевые слова: Дальний Восток, заработная плата, социальная иерархия, социальная структура, социальные слои, политика в области заработной платы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

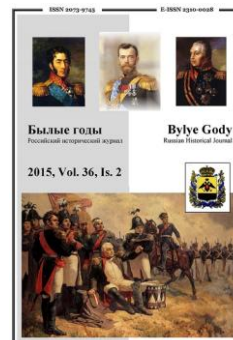
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 413-419, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94+323.173

Insurgency in Xinjiang in the first half of the 1930s

Dmitry V. Buyarov

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russian Federation

675000, Blagoveshchensk, Lenin St., 104

PhD in Philosophy, Associate Professor

E-mail: buyarov_d@mail.ru

Abstract

This article analyzes the events and processes that took place in Xinjiang in the first half of the 1930s. and linked to the national liberation movement of the indigenous peoples of the region. The paper deals with the causes and background movement, its course and factors destruction. Uighur insurgency and Dungan was caused policy Han authorities that oppress the local population and was accompanied by active intervention of Russian immigrants in the service of the Chinese Government. National movement of peoples of Xinjiang in 1931-1934 took place in conditions of exacerbation of ethno-political and ethno-social contradictions and was of great importance, both in the history of China, and in the sphere of regional international relations.

Keywords: Xinjiang, National Insurgency, Uyghurs, Dungan (hueytsz), Han, Shen Shitsay, Hodge Niyaz, Ma Chzhunin, Russian emigrants, P.P. Papengut, N.I. Bekteev.

Введение

Синьцзян, насильственно включенный в состав Цинской империи в середине XVIII в., продолжал оставаться очагом нестабильности и в последующие периоды. Ведущим фактором внутривосточного развития Синьцзяна на протяжении долгого времени являлось противостояние коренных народов и китайских властей, осуществлявших политику колонизации. Население региона всегда было многонациональным. Из более чем полутора десятков этносов выделялись основные: уйгуры, дунгане (хуэйцзу), казахи, киргизы, монголы. Для этих традиционных народов были характерны родственно-клановые, этнические и религиозные ценности, которые, как правило, не учитывались и нарушались ханскими властями, что провоцировало периодические национально-освободительные движения в XIX – первой половине XX вв. В первой половине 1930-х гг. на фоне глубокого политического кризиса Китая и экономических трудностей происходит активизация национального движения в Синьцзяне, в подавлении которого значительную роль сыграли русские эмигранты и советское правительство.

Материалы и методы

В рамках данной работы применялся историко-генетический метод, позволивший обратиться к изучаемой проблеме в контексте ее исторического развития и реконструировать историю повстанческого движения в Синьцзяне, проследить основные факторы и этапы его развития.

Для достижения поставленной цели были использованы материалы Российского государственного военного архива, Государственного архива Российской Федерации и Архива внешней политики РФ (оперативные сводки советских и белогвардейских офицеров, записи бесед, агентурные материалы и личная переписка), что позволило воссоздать ход описываемых событий, в первую очередь, военных операций. На основе изученных материалов и обращения к историко-типологическому методу предпринята попытка определить социальную сущность выступлений коренного населения Синьцзяна против китайских властей как национально-освободительного движения.

Результаты

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Синьцзяне вновь обострились противоречия между коренными народами региона и ханьскими (китайскими) властями. Ситуация осложнялась в связи с этническим разнообразием региона, в котором проживали не только уйгуры, хуэйцзу, киргизы, казахи и другие народы, недовольные китайской властью, но и русские мигранты, для которых после Октябрьской революции и Гражданской войны Синьцзян стал вынужденным прибежищем.

Положение народов Синьцзяна резко ухудшалось, что было обусловлено рядом факторов. Так, наблюдался значительный рост налогового обложения в условиях беспредела дущюната (правления милитаристов). Осложнялось положение большинства крестьянства, страдавшего не только от налогового бремени, но и терявшего лучшие земли, которые стали раздаваться ханьцам. Все это сопровождалось произволом китайской армии и нарушением национальных традиций мусульманского населения. Ситуация в Синьцзяне обострилась после убийства губернатора провинции Ян Цзэнсиня в 1928 г., поскольку новый губернатор Цзинь Шужэнь начал проводить более интенсивную политику ханизации (китаизации). Командный состав армии и чиновники, среди которых были и представители коренных народов, стали заменяться ханьцами из провинции Ганьсу. В Синьцзяне даже сложилась поговорка: «Если умеешь говорить по - хэчжоуски (т.е. с акцентом г. Хэчжоу провинции Ганьсу, откуда был родом Цзинь Шужэнь), – значит, получишь чиновничий пост» [1]. Был введен ряд государственных монополий, например, на торговлю каракулем, приносившую значительный доход; стала сворачиваться торговля с Центральной Азией, а также была спровоцирована инфляция, поскольку из обращения было изъято золото и выпущено большое количество бумажных денег [2].

К факторам начала восстания следует отнести и политические шаги Цзинь Шужэня, которые вели к ухудшению социально-экономической обстановки. Так, в марте 1930 г. было упразднено Хамийское ханство, а на его территории было образовано два уезда, в которых китайские войска стали осуществлять грабеж населения. Особенно от этого страдали уйгуры [3]. В результате начинают сплываться такие слои населения, как аристократия, духовенство, купечество, ремесленники и крестьяне.

Восстание началось в апреле 1931 г. Поводом для восстания послужил следующий инцидент: один из китайских сборщиков податей решил насильно сделать своей наложницей красивую уйгурскую девушку, что вызвало взрыв возмущения местного населения. Выступление в г. Хами было поддержано жителями Баркуля, Турфана и Гучена. Первоначально численность восставших не превышала 200 человек, но к маю отряд вырос до 2000 человек.

Очень быстро во главе стихийного движения встали представители знати, среди которых выделялись Ходжа Нияз, офицер охраны умершего хамийского хана, а на тот момент управляющий хозяйством, и Юлбарс-хан, бывший хамийский советник [4]. Они объединили под своим командованием уйгуров и казахов и обратились за помощью к бывшему военному правителю провинции Ганьсу генералу Ма Чжунину, командовавшему отрядами дунган. Ма Чжунин получал поддержку со стороны японской агентуры и вынашивал планы по созданию Туранской империи.

Осенью 1931 г. Ма Чжунин вступил в Синьцзян и осадил Турфан и Хами, однако встретил отпор со стороны бывших белогвардейцев, находившихся на китайской службе. Китайские дубани (губернаторы), прекрасно представляя себе низкую боеспособность китайских частей, привлекали на службу русских наемников (для последних это являлось средством к существованию). В результате наступления русских под командованием полковника П.П. Папенгута и китайских войск повстанцы отступили: дунгане в Ганьсу, а уйгуры, казахи и узбеки в горы, где находились до лета 1932 г. [5].

С начала восстания проявился фактор иностранных держав. Со стороны зарубежных сил стали осуществляться попытки использовать движение в своих целях. Это было характерно для Великобритании, Германии, Японии, Турции и других стран, которые преследовали свои интересы, но которых объединяло стремление противодействовать СССР [6]. Япония, оккупировав Маньчжурию, стремилась распространить влияние и на Северо-запад Китая, где были сильны сепаратистские настроения. Японцы, в частности председатель японского общества Красного креста Низикава и член парламента Нисуэ, даже стали готовить съезд мусульман, на котором особое внимание должно было быть уделено китайскому Туркестану и «Союзу мусульман Дальнего Востока» [7]. Великобритании также было бы выгодно превратить Синьцзян в исламскую «Республику Туркестан» для создания стратегической зоны угрозы Советскому Союзу.

В свою очередь советскому правительству ситуация внутривосточной нестабильности в Синьцзяне была невыгодна. Во-первых, национально-освободительная борьба в регионе могла привести к усилению позиций англичан и японцев. Во-вторых, повстанческое движение могло повлиять на ситуацию в советских среднеазиатских республиках, где социально-политическое положение было непростым [8]. В-третьих, у советского правительства складывались относительно неплохие отношения с китайскими дубанями провинции Ян Цзэнсинем, Цзинь Шужэнем и Шен Шицаем, которые устранили поочередно друг друга, но традиционно сотрудничали с СССР. Вполне естественно, что нестабильность, а тем более кардинальная смена власти, в регионе была невыгодна Советскому Союзу.

Когда Цзинь Шужэнь, понимая, что у него недостаточно сил, обратился за помощью к СССР, советское правительство согласилось перебросить в Синьцзян несколько тысяч китайских солдат, интернированных из Маньчжурии в Советский Союз. В ответ на это Чан Кайши сделал ставку на Ма Чжунина, назначив его официально командиром 36-й дунганской кавалерийской дивизии [9].

Успешные действия русских отрядов в подавлении повстанцев на первом этапе движения (с весны 1931 г. до середины 1932 г.) повлияли на то, что китайские власти стали проводить широкую мобилизацию бывших белогвардейцев. Мобилизации подлежали все русские в возрасте до 46 лет. Всего было мобилизовано 1750 человек. Им платилось жалование, но большинство все же пошло служить с большим нежеланием [10]. Формирование русских частей было поручено полковнику П.П. Папенгугу. Первоначально бывшие белогвардейцы действовали эскадронами, а затем были сведены в полки. Полками командовали Н.И. Могутнов, Н.И. Бектеев, ставший впоследствии командующим фронтом, и С.В. Чернов [11]. Русские отряды имели частые столкновения с повстанцами, при этом последние старались уклоняться от крупных сражений. Примечательно, что уже на первом этапе восстания русские стали стремиться к самостоятельности от китайских властей. П.П. Папенгут стремился объединить всех бывших белогвардейцев под своим командованием. Несколько позже он отказался беспрекословно подчиняться китайскому командованию, заявив, что «отказывается от командования, если ему не будет предоставлено право действовать по собственному усмотрению» [12]. В ответ китайское руководство заявило, что русские больше не нужны. Но когда активизировал свою деятельность Ма Чжунин, китайцы снова обратились за помощью к русским эмигрантам.

В течение 1932 г. между правительственными войсками и отрядами повстанцев продолжались столкновения, но без переменного успеха. Боеспособность ханьских (китайских) войск была невысока, поэтому Цзинь Шужэнь опирался на отряды русских эмигрантов. Во время операции в районе Баркуля русские имели около двадцати столкновений с восставшими. Действия обеих сторон отличались особой жестокостью: уничтожались посевы, кишлаки и все население, включая стариков, женщин и детей [13].

Бывшие белогвардейцы численно превосходили повстанцев, но Юлбарс-хан уклонялся от столкновений и отходил в горы в районе Богдаша. В это же время ханьские отряды потерпели поражение в одном из боев с Ходжой Ниязом, который чуть позже из стратегических соображений ушел в горы и присоединился к Юлбарс-хану [14]. Засев в отдаленных кишлаках, они были готовы к дальнейшему сопротивлению, но задача китайских властей – ликвидировать восстание в Хами оказалась выполненной. У повстанцев ощущался недостаток продовольствия, поскольку весь хлеб еще на корню был сожжен русскими и китайцами. При этом сдававшимся выдавали продовольствие, отменяли налоги, и это терпимое отношение действовало на беднейших из уйгурских повстанцев разлагающе [15].

Ситуация вновь стала меняться после помощи восставшим со стороны Ма Чжунина, преследовавшего свои цели. В декабре 1932 г. из Ганьсу прибыл с небольшим отрядом дунган помощник Ма Чжунина – Ма Шиин, с целью поднять восстание и создать в Синьцзяне дунганское государство с центром в Пичане. Параллельно Ма Шиин начал вести переговоры с уйгурским духовенством, имевшем огромное влияние на массы. В результате новое восстание вспыхнуло в Турфане и перекинулось в район Урумчи [16].

Для возвращения Турфана был отправлен генерал Шен Шицай, объединивший свои силы с казаками. Город, бывший центром сопротивления, был достаточно быстро захвачен и отдан на разграбление, в котором приняло участие и местное ханьское население. Грабежи и погромы продолжались в течение месяца и отличались особой жестокостью со стороны ханьцев и русских по отношению к коренному населению – уйгурам и дунганам. Были зафиксированы случаи, когда повстанцев хоронили заживо [17]. Для уйгурских повстанцев также были характерны проявления жестокости по отношению к «неверным», но ответные карательные меры со стороны бывших белогвардейцев и китайцев были непропорционально велики, что в свою очередь усиливало сопротивление, тем более что Турфан был не единственным очагом восстания.

25 декабря 1932 г. началось восстание в Пичане под руководством крупного представителя духовенства Аглям-Ахуна и купца Максудахуна Мухитова. Первоначально их отряды осуществляли отдельные нападения на китайские соединения, а затем несколько тысяч повстанцев во главе с М. Мухитовым двинулись в направлении Аксу-Урумчи. Уже 9 января 1933 г. они подошли к Урумчи, а китайцы были вынуждены отступить и заняться подготовкой обороны города [18]. Урумчи находился в осаде с 12 января по 11 февраля 1933 г. Численность повстанцев составляла около 8 тысяч человек [19]. Периодически они штурмовали город, но последний штурм был отбит, а восставшие отброшены. Одновременно в конце января на Чугучакско-урумчинском тракте были разбиты войска Ма Чжунина, отступившего в Ганьсу.

К началу 1933 г. стала резко меняться внутривнутриполитическая ситуация в провинции. Реальная власть стала сосредотачиваться в руках генерала Шен Шицай, который возглавил антиправительственный заговор [20]. Постепенно менялись целевые установки русских эмигрантов: участие в боевых действиях было не только чем-то вынужденным, но было обусловлено и стремлением укрепить свое положение в провинции, чтобы в дальнейшем иметь возможность влиять

на китайскую администрацию. Главную роль в ходе переворота 12 апреля 1933 г. сыграли русские отряды под командованием генералов П.П. Папенгута, Н.И. Бектеева и полковника Н.И. Могутнова. После этого позиции бывших белогвардейцев в Синьцзяне значительно укрепились, а их лидеры П.П. Папенгут, Н.И. Могутнов и К.В. Гмыркин вошли в состав нового временного правительства провинции [21].

Новый дубань Синьцзяна очень тяготился своей зависимостью от русских офицеров, которые к тому же стали проявлять большее своеволие. В это же время периодически вспыхивали новые восстания, придавая движению коренных народов Синьцзяна затяжной характер. В этих условиях Шен Шицай обратился к советскому правительству с просьбой оказать военную помощь и получил положительный ответ.

Через полгода, оправившись от поражения, повстанцы вновь активизировали свою деятельность. В июне Ма Чжунин появился в Синьцзяне и начал наступление на Урумчи. В ходе упорных боев его войска были разбиты и отошли в район Пичана-Турфана. Однако это не означало поражения, и постепенно стороны склоняются к переговорам. По инициативе Ма Чжунина в Турфане начались переговоры с представителями Шен Шицай. Примерно в это же время, в начале июня, стали вестись переговоры с Ходжой Ниязом, в результате которых он получил должность гражданского и военного правителя Кашгарского округа и предложил совместно с китайцами ликвидировать Ма Чжунина [22]. Таким образом, в среде восставших стал проявляться раскол. Переговоры Шен Шицай с Ма Чжунином ни к чему не привели, и последний продолжил боевые действия.

12 ноября 1933 г. в Кашгаре повстанцами было объявлено о создании Тюрко-Исламской Республики Восточного Туркестана (ТИРВТ) [23]. Премьер-министром стал Сабит Домулла, а президентом заочно был избран Ходжа Нияз. У республики появляется конституция, основывающаяся на принципах шариата, а во внешней политике ставка делается на Турцию и Великобританию [24]. В этих условиях советское правительство принимает решение почти открыто вмешаться в конфликт. В ноябре 1933 г. в Синьцзян для оказания помощи урумчинскому правительству (фактически не подчинявшемуся Гоминьдану и потому также представляющему интерес для Кремля) была переброшена т.н. Алтайская добровольческая армия, сформированная из различных родов войск Красной армии. Командованию этой группировки должны были подчиняться бывшие белогвардейцы, которые получили советское финансирование и обещание амнистии [25]. Значительная часть бывших белых офицеров негативно восприняла сближение Шен Шицай с СССР и вполне вероятно, что некоторые стали думать о повторении переворота. Китайские власти решили нанести превентивный удар. П.П. Папенгут был отстранен от командования и расстрелян в Урумчи по обвинению в антиправительственном заговоре. Командующим русскими частями был назначен генерал Н.И. Бектеев [26].

Советские и белогвардейские отряды действовали достаточно успешно, и Ма Чжунин, лишившийся поддержки Ходжи Нияза, был вынужден отступить на юг, где занял Кашгар и по сути ликвидировал Тюрко-Исламскую Республику Восточного Туркестана, президентом которой являлся Ходжа Нияз. Ходжа Нияз бежал в СССР, где подписал документы об официальной ликвидации ТИРВТ и после этого вернулся в Синьцзян. С апреля 1934 г. части Красной армии начинают выводиться из Синьцзяна, а завершение подавления восстания было возложено на генерала Н.И. Бектеева. Однако бывшие белогвардейцы должны были фактически подчиняться советским военным советникам. Генерал П.С. Рыбалко исполнял обязанности помощника Н.И. Бектеева как командующего фронтом, генерал А.К. Маликов был назначен главным советником Шен Шицай, а И.Ф. Куц был советником при Ходже Ниязе [27].

В ходе Марал-Баширской операции объединенные войска, состоящие из китайцев и русских, нанесли поражение войскам Ма Чжунина, а сам он с небольшой группой соратников 10 июля 1934 г. перешел на советскую территорию и был интернирован [28]. С отходом Ходжи Нияза и Ма Чжунина от активной борьбы, по сути, завершаются боевые действия на территории Синьцзяна.

После подавления национального движения русские эмигранты перестали представлять интерес для китайских властей. По директиве от 28 июля 1934 г. русские полки общей численностью в 3400 человек подлежали расформированию. Из них был создан «Отдельный Синьцзянский русский конный полк» в 600 сабель [29]. В 1935 г. русская дивизия была расформирована по приказу Шен Шицай. Демобилизованным казакам было выделено по 10 гектаров орошаемой земли, а семьям погибших и искалеченных были назначены пенсии. На службе было оставлено 330 человек в качестве конвоя дубаня [30].

В целом можно утверждать, что бывшие белогвардейцы сыграли очень важную роль в событиях 1931–1934 гг. в Синьцзяне, повлияв как на подавление повстанческого движения уйгуров и хуэйцзу, так и на кратковременное изменение политической ситуации в свою пользу. Но во второй половине 1930-х гг. положение русских эмигрантов в Синьцзяне стало меняться в худшую сторону. Они стали терять самостоятельность и подвергаться давлению со стороны китайской администрации, которую поддерживало советское правительство.

После прекращения боевых действий губернатор Синьцзяна Шен Шицай, в целях дальнейшего укрепления своей диктатуры, предпринял ряд мер, направленных на предотвращение новых

народных волнений. В августе 1934 г. была издана «Декларация из восьми пунктов», в которой говорилось о необходимости «изгнания сил империализма» и была создана «Антиимпериалистическая ассоциация народных масс Синьцзяна» [31]. Отчасти под империалистами понимались и бывшие белогвардейцы, присутствием которых в провинции так тяготился синьцзянский дубань. В то же время новый политический курс Шен Шицяя способствовал в некоторой степени улучшению положения неханьских народов в Синьцзяне. Благодаря связям с Советским Союзом стали развиваться торговля, инфраструктура, здравоохранение и образование.

Заключение

События 1931–1934 гг. в Синьцзяне были не просто эпизодическим восстанием. По ряду таких показателей, как цели и задачи, масштаб территории, численность и социальный состав участников, продолжительность процесса, они приобрели характер национального движения. Однако повстанческое движение народов Синьцзяна оказалось обреченным на поражение вследствие этнической разобщенности, несогласованности действий восставших, узости интересов лидеров повстанцев и конечно же, внешнего вмешательства со стороны СССР. Внутривнутриполитическая история Синьцзяна первой половины 1930-х гг. была представлена борьбой восставших с китайскими властями, попытками противодействовать политике Гоминьдана, сопротивлением белогвардейскому и советскому присутствию и, наконец, противоречиями между народами региона. В этой связи рассматриваемые события и сам Синьцзян представляют значительный интерес для дальнейших исторических исследований.

Примечания:

1. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). М., 1984. С. 107.
2. Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. С. 356.
3. Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. С. 357.
4. Петров В.И. Мятёжное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: «Крафт+», 2003. С. 430.
5. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 5873. Опись 1. Дело 91. Лист 137.
6. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 453.
7. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 7.
8. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 114.
9. Andreev D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911-1949. Cambridge, 1986. P. 123.
10. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 46.
11. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 150.
12. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 5873. Опись 1. Дело 8. Лист 93.
13. Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920-1930-е гг.). М.: Нобель Пресс, 2013. С. 148.
14. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 25.
15. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Лист 27.
16. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Лист 28.
17. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Лист 62.
18. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 8/08. Опись 16. Папка 162. Лист 2.
19. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 923. Лист 24.
20. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 122.
21. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 69.
22. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Лист 86.
23. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 128.
24. Кузнецов В.С. Панисламизм в Китае // XXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1993. С. 131.
25. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 130.
26. Зражевский М. Русские казаки в Синьцзяне [Электронный ресурс]. URL:// <http://kazak-chita.ru/art/rks181109.html> (Дата обращения: 12.09.2014).
27. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 892. Лист 5, 16.
28. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 133.
29. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 892. Лист 142.
30. Красильников В.Д. Синьцзянское притяжение. М.: «Дипакадемия», 2007. С. 179-180.

31. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). М.: «Наука», 1984. С. 113.

References:

1. Bogoslovskiy V.A., Moskalev A.A. The National Issue in China (1911-1949). M., 1984. P. 107. (In Russian)
2. Usov V.N. Soviet intelligence in China in 1930s. M., 2007. P. 356. (In Russian)
3. Usov V.N. Soviet intelligence in China in 1930s. M., 2007. P. 357. (In Russian)
4. Petrov V.I. Rebellious "heart" of Asia. Xinjiang: a brief history of public movements and memories. M.: "Kraft +", 2003. P. 430. (In Russian)
5. State Archive of the Russian Federation. F. 5873. Inv. 1. D. 91. P. 137.
6. Voskresenskiy A.D. China and Russia in Eurasia: the historical dynamics of political interferences. M., 2004, P. 453. (In Russian)
7. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 7.
8. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941 s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 114. (In Russian)
9. Andreev D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911-1949. Cambridge, 1986. P. 123.
10. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 46.
11. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. P. 150.
12. State Archive of the Russian Federation. F. 5873. Inv. 1. D. 8. P. 93.
13. Nazemtseva E.N. Russian emigration in Xinjiang (1920-1930-ies.). M.: Nobel Press, 2013. P. 148. (In Russian)
14. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 25.
15. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 27.
16. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 28.
17. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 62.
18. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 8/08. Inv. 16. F. 162. P. 2.
19. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 923. P. 24.
20. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 122. (In Russian)
21. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 69.
22. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 86.
23. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 128. (In Russian)
24. Kuznetsov V.S. Pan-Islamism in China // XXIV Conference "Society and the State in China." Part 1. M., 1993. P. 131. (In Russian)
25. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 130. (In Russian)
26. Zrazhevsky M. Russian Cossacks in Xinjiang [electronic resource]. URL: // <http://kazakchita.ru/art/rks181109.html> (date accessed: 12.09.2014). (In Russian)
27. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 892. P. 5, 16.
28. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 133. (In Russian)
29. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 892. L. 142.
30. Krasil'nikov V.D. Xinjiang attraction. M.: "Diplomatic Academy", 2007, P. 179-180. (In Russian)
31. Bogoslovskiy V.A., Moskalev A.A. The National Issue in China (1911-1949). M.: "Science", 1984, P. 113. (In Russian)

УДК 94+323.173

**Повстанческое движение в Синьцзяне
в первой половине 1930-х гг.**

Дмитрий Владимирович Буяров

Благовещенский государственный педагогический университет, Российская Федерация
675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104
кандидат философских наук, доцент
E-mail: buyarov_d@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу событий и процессов, происходивших в Синьцзяне в первой половине 1930-х гг. и связанных с национально-освободительным движением коренных народов региона. В работе рассматриваются причины и предпосылки движения, его ход и факторы поражения. Повстанческое движение уйгуров и дунган было обусловлено политикой ханьских властей, притеснявших местное население, и сопровождалось активным вмешательством русских эмигрантов, находившихся на службе китайского правительства. Национальное движение народов Синьцзяна в 1931–1934 гг. проходило в условиях обострения этнополитических и этносоциальных противоречий и имело большое значение как в истории Китая, так и в сфере региональных международных отношений.

Ключевые слова: Синьцзян, национальное повстанческое движение, уйгуры, дунгане (хуэйцзу), ханьцы, Шен Шицай, Ходжа Нияз, Ма Чжунин, русские эмигранты, П.П. Папенгут, Н.И. Бектеев.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

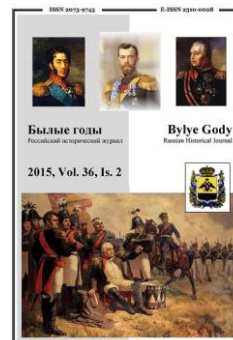
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 420-427, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(4/9)

June 22, 1941: Evaluation of Public Opinion US and UK

¹ Sergey O. Buranok

² Dmitry V. Surzhik

¹ Samara State Academy of Social-Sciences and Humanities, Russian Federation

Department of World History

PhD, Associate Professor

443082 Samara, st. Gorky 63 /65

E-mail: witch-king-1@mail.ru

² Sholokhov Moscow State University for Humanities, Russian Federation

PhD, senior researcher

109240, Moscow, Verhnayaya Radishchevskaya street, 16

E-mail: dimsu@inbox.ru

Abstract

This article analyzes the U.S. and U.K public opinion about German attack on the USSR 22 June 1941. Considered the views of the American and British statesmen and politicians, the public mood, reflected in the press. Identify the main points of view on the outbreak of war with Germany against the Soviet Union. It is shown that in the presence of a variety of assessments prevailed ideas of solidarity with the Soviet Union and the need to support it. This work will allow for a "reflection" of the image of a belligerent Soviet Union, and to find the key moments falsifying the history of World War II in the U.S. and the UK. The events of the Great Patriotic War, which will be set out on the basis of US and UK archives, and then will be presented to look at fighting in the USSR in the memoranda of public institutions of Great Britain and the United States, as well as their coverage in the Anglo-American media. In this case, due consideration will be given to the mechanisms of information influence that have been implemented in the U.S. Office of War Information and the British Ministry of Information. Selected key battles 1941 year in the USSR: a description of the fighting, then their score by British and U.S. military and political leadership, guidelines and promotional materials departments of the UK and the U.S., the UK and the U.S. press.

Keywords: The Great Patriotic War, the U.S. press, the press of Great Britain, 1941.

Введение

Нападение Германии и её союзников на СССР вызвало широкую и разнообразную реакцию в общественно-политических кругах США и Великобритании. У Франклина Делано Рузвельта и Уинстона Черчилля осознание необходимости пересмотра отношения к СССР появилось почти сразу после падения Франции [1, с. 13], а к июню 1941 г. оба лидера были готовы «оказать русским всемерную поддержку и помощь», а так же приветствовать Россию как союзника. При этом еще 21 января 1941 г. Заместитель госсекретаря США С. Уэллес сделал советскому полпреду К.А. Уманскому заявление: «Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь» [1, с. 204].

Материалы и методы

Основную базу для материалов статьи составили публикации о 22 июне 1941 г. в пресс США и Великобритании. В работе фронтально исследованы материалы газет и журналов в период 1941 – 1945 гг., проанализировано более 30 наименований газет. По партийной принадлежности (или, по крайней мере, партийным симпатиям) ведущие газеты США делятся на республиканские (как вариант названия: прореспубликанские) и демократические. К первым относятся «New York Herald

Tribune», «New York Daily News», «Chicago Daily Tribune», «Wall Street Journal», «Washington Times-Herald», «Pittsburgh Press», «Washington Post». Ко вторым относятся «San Francisco Chronicle», «Lowell Sun», «New York World-Telegram», «Maryville Daily Forum», «Berkeley Daily Gazette».

Анализ периодической печати позволил установить: 1) этапы формирования у американской общественности образа 22 июня; 2) особенности создаваемых в СМИ оценок и стереотипов восприятия агрессии Германии; 3) методы и приёмы создания общественных представлений о важнейших событиях конфликта; 4) своеобразие оценок нападения, содержащихся не только в крупных изданиях, но и небольших газетах, традиционно остающихся вне поля зрения исследователей. Всё в совокупности позволило выявить и проанализировать очень широкий спектр образов 22 июня, формируемых прессой.

Обсуждение

Необходимо отметить, что с весны 1940 г. в британском обществе и государственной системе произошли серьезные перемены, вызванные политикой У. Черчилля по консолидации нации. 10 мая 1940 г., после поражения в Норвегии, под давлением со всех сторон правительство Н. Чемберлена ушло в отставку. Сменивший его кабинет У. Черчилля приступил к срочным и твердым мерам по превращению страны в военный лагерь. Основные акценты восприятия англичанами Великой Отечественной войны расставил уже 22 июня У. Черчилль, заявив, что «нападение на Россию – не более, чем прелюдия к попытке завоевания Британских островов; Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам» [2; 3, p.173]. Вся речь британского премьер-министра, транслировавшаяся Би-Би-Си, была насыщена доказательствами необходимости переоценки отношений с СССР и помощи со стороны Великобритании и США. Учитывая военное положение Англии, провозглашённый курс на сближение с СССР сразу поддержали в ключевых министерствах: Форин-офис (здесь значительную роль сыграла позиция Э. Идена [4; 5]), министерство внутренних дел (позицию премьера одобрил Герберт Моррисон [6]), министерство военной экономики (Хью Дальтон несмотря на претензии к Советскому Союзу из-за Польши так же согласился на избранный Черчиллем курс) [7]. Посол в СССР Стаффорд Криппс более чем положительно отнесся к речи У. Черчилля [8]. Профсоюзы Великобритании, под влиянием проправительственной позиции Эрнеста Бевина поддержали У. Черчилля и высказались за помощь СССР [9; 10, p.98-101]. Такая единодушная позиция британской политической элиты была обусловлена не только характером коалиционного правительства, где были представлены консерваторы и лейбористы, но также ситуацией на театрах боевых действий.

Тем не менее, часть политиков Великобритании критически оценила курс У. Черчилля. Так, бывший премьер Стэнли Болдуин, министр авиации Джон Мур-Брабазон высказались решительно против поддержки СССР, считая, что А. Гитлер теперь исключительно проблема И.В. Сталина [11, p.1055 – 1062]. Однако, такие взгляды оказались в явном меньшинстве и были непопулярны в обществе. Кроме политиков воздействие на общественное мнение оказывали выступления известных деятелей культуры. Здесь наиболее принципиальную позицию по отношению к СССР занял Бернард Шоу. Уже 22 июня 1941 г. знаменитый писатель выступил с речью: «Германия не имеет ни малейшего шанса против России. Сталин размажет Гитлера» [12, p.3]. В первую неделю войны Шоу ещё несколько раз выступал по «русской теме» призывая к срочной и прямой помощи Советскому Союзу, убеждая граждан Великобритании, что «судьба Гитлера уже решена, если Россия с нами» [13, p.3; 15, p.4]. Авторитет и роль Бернарда Шоу в литературе позволили закрепить его оценкам нападения на СССР по обеим сторона Атлантики. Названные факторы привели к тому, что агрессию Германии осудило большинство поданных Британии, с первых дней войны выступив за совместную борьбу с советским народом против нацизма.

В политической элите США нападение Германии вызвало более сложную реакцию. Если президент Ф. Рузвельт считал, что для спасения Великобритании необходим союз с СССР и агрессия Германии изменяет ситуацию в войне в пользу союзников, то чиновники госдепартамента, руководители республиканцев и демократов, администрация президента разделились на два лагеря. Первый – сторонники скорейшего оказания не только военной мощи СССР, но и оформления союза. Важнейшим лидером данных политиков был Г. Гопкинс, который уже 22 июня доказывал необходимость распространения ленд-лиза на СССР [16, p.369].

Споры о помощи государству с совершенно иной общественно-политической и экономической моделью разгорелись и среди сторонников активной внешней политики. «Интервенционисты» соглашались на помощь Великобритании, однако Советский Союз – это совершенно иное дело. И дело здесь не только в типичных опасениях «большевистской угрозы». Отсюда становится ясным, почему в первые дни после 22 июня 1941 года американский президент не торопился выступить в поддержку речи У. Черчилля, назвавшего себя союзником СССР.

Второй лагерь политической элиты представляли убеждённые изоляционисты, которые считали, что нападение Германии создаёт исключительные благоприятные условия для США, но что бы реализовать данные условия необходимо и далее придерживаться принципов невмешательства. Наиболее жёстко эти позиции отстаивали – бывший посол в СССР Буллит, сенаторы Кларк и Джонсон, заявлявшие, что США надо быть в стороне от «грызни собак» и «бойни двух диктаторов»

[16, p.115-120]. Сенатор Тафт открыто признал, что победа Сталина ещё более опасна, чем победа Гитлера. Близка к данным кругам была позиция и госдепартамента во главе с К. Хэллом – держаться в стороне, проявляя сдержанность [17, p.112].

Такой же скептической была оценка СССР в начале войны и американскими военными. Уже 23 июня военный министр Стимсон определил время сопротивления СССР от одного до трёх месяцев, а для подкрепления своих выводов 24 июня министр направил президенту отчёт о состоянии Красной Армии, где содержалось явно заниженное число советских дивизий – 130 пехотных, 30 кавалерийских и 4 танковых [18]. Позицию военных не разделял и президент США, который 24 июня подтвердил свои прежние намерения «оказать России всю необходимую помощь» [19, p.1], и простые граждане, и лидеры профсоюзов. Так, президент АФТ Уильям Грин с первых дней войны не только высказывался о поддержке СССР, но и взял на себя организацию первых кампаний по сбору помощи среди рабочих [20]. Активную помощь Советскому Союзу оказывали и другие организации, связанные с рабочими или американцами русского происхождения: «Русско-американский центральный комитет помощи России», «Помощь России в войне», «Национальный комитет медицинской помощи Советскому Союзу» через которые простые граждане США могли как получать информацию, так и оказывать материальную помощь. Большую помощь в первые дни войны оказал Эдвард Картер, возглавивший сразу несколько организаций и тесно связанный с газетой компартии «Дэйли воркер» [21].

Первые отклики на события 22 июня 1941 г., их анализ и оценки появились в западной прессе уже в день нападения [22, p.8; 23, p.1]. На первых полосах британских СМИ чаще всего повторяются и обсуждаются две темы: 1) у Великобритании неожиданно появился могущественный союзник; 2) войска нацистов приступили к уничтожению мирных городов СССР точно так же, как поступали с Великобританией [24, p.1; 25, p.1; 26, p.1]. Это формировало у общественности Англии чувство понимания и даже единства с советскими гражданами. В своих оценках СМИ США и Великобритании разделись на две группы.

Журналисты первой группы уверены, что нарушение недавно подписанного пакта Молотова – Риббентропа произошло по вине Советского Союза [27, p.1; 28, p.1]. Так, британский корреспондент Уильям Стоунмен писал: «Гитлер ударил по России, опасаясь возможного нападения диктатора Сталина» [29, p.48]. Вторая группа периодических изданий США и Великобритании, наоборот, 22 июня 1941 г. Гитлера обвиняет в агрессии против СССР, указывая, что Германия пошла на нарушение пакта 1939 г. ради захвата стратегических ресурсов и территории СССР [31, p.1]. К такому же заключению пришли 22–23 июня их британские коллеги [32, p.1]. Именно такой подход к причинам агрессии Гитлера в будущем закрепился и станет основным для прессы США и Великобритании.

Тесно связанными с газетами второй группы были материалы иностранных журналистов, которые на момент нападения Германии работали в Советском Союзе. Сотрудник «Ассошиэтед пресс» Генри Кэссиди описывает в воспоминаниях, как он был шокирован неожиданным нападением и сразу включился в работу по созданию положительного образа СССР на страницах «Нью Йорк таймс» и «Нью Йорк хэральд трибьюн» [33, p.39-43]. Работавший долгие годы в Москве Генри Шапиро («Юнайтед Пресс») в своей записной книжке отметил первые впечатления от внезапной атаки и сделал наброски первых статей о событиях 22 июня [34]. Другой сотрудник «Ассошиэтед Пресс», Эд Гилмор, перед командировкой в СССР охарактеризовал события 22 июня следующим образом: «Теперь нам стало ясно – Гитлер войну проиграет» [35, p.11]. К идентичным выводам пришёл журналист, в будущем представитель Управления военной информации США в Куйбышеве, Уоллес Кэрролл [36; 37; 38]. Однако в целом тональность американской прессы весной и в начале лета 1941 г. оставалась холодной к СССР.

Самым крепким и последовательным бастионом противников рузвельтовской «интервенции» в международную политику был комитет «Америка превыше всего» [40, p.266]. Среди его сторонников были как консерваторы со Среднего Запада, так и левые пацифисты. Членами Комитета были бизнесмены (Генри Форд и Эдвин Вебстер мл.), отставные военные, работавшие в крупных компаниях (как генералы Роберт Вуд – один из сопредседателей Комитета – или Хью Джонсон), бывшие политики (экс-президент Роберт Тафт и бывший помощник госсекретаря Уильям Кастл), владельцы газет (Джозеф Паттерсон – «Нью-Йорк дейли ньюс» и Роберт Маккормик «Чикаго трибьюн»), а также многие известные деятели (летчики Чарльз Линдберг и Эдвард Рикетбакер, бывший генеральный прокурор Нью-Джерси Томас Маккартер) [41, p.1-6]. На пике своей популярности в середине 1941 года Комитет имел 800 тысяч членов, [42, p.101] из которых 135 тысяч – в штате Иллинойс [43, p.198]. Движение носило во многом стихийный характер, в нем отсутствовала партийная дисциплина.

В июне 1941 г. во многих американских городах (особую активность проявляло бруклинское отделение Комитета) состоялись многочисленные митинги, организованные Комитетом. 20 июня 1941 г. Комитет на заседании в «Холливуд-Боул» собрал 30-40 тысяч человек [44]. С первых дней Великой Отечественной войны Комитет, ранее критиковавший Гитлера за договор от 23 августа 1939 г., присоединился к антисоветской кампании [45, 46].

В первые дни войны особенно сильные позиции в американской (но не в британской) прессе, а также среди политиков занимали скептики. Поскольку в период 1939–1941 г. на Западе шла очень активная антисоветская риторика в высоких политических кругах, представители которых (У. Буллит, А. Бирл, Л. Гендерсон, Дж. Грю [47]) считали, что главная угроза международной безопасности – это СССР [48, с.285; 49, р.1; 50, р.4].

Таким образом, скептики в американском обществе развивали одну из главных тем СМИ 1939 – 1941 г. о «скорой войне двух диктаторов» и «близости, даже одинаковости нацизма и коммунизма». Задачу США в новых условиях представители данного лагеря общественно-политических сил видел как помощь только Британии и ожидание того, что «диктаторы уничтожат друг друга» [51, р.6]. Тема виновности Советского Союза в войне очень активно развивалась на страницах американской прессы 23–24 июня, когда были опубликованы статьи о советском авианалёте на Хельсинки, который, по мнению журналистов, вынудил Финляндию вступить в войну. Не говорилось о том, что генерал-майор А.А. Новиков решился на подобную операцию только после получения достоверной информации о сосредоточении финских войск у границы и о начале диверсионных операций со стороны Финляндии [52, с.180-181]. В прессе США доказывается – Советский Союз в панике начинает атаковать всех соседей [53, р.5; 54, р.1; 55, р.1].

Скептики в США и Англии использовали 22–24 июня 1941 г. несколько главных тем для оказания давления на правительство и общественность в «русском вопросе»: 1) сравнение Гитлера и Сталина, как и сравнение политического строя СССР и США использовалось скептиками для утверждения, что нельзя помогать Советскому Союзу; 2) постоянные упоминания в прессе 22–24 июня 1941 г. советско-германского договора 1939 г. Скептики пытаются навязать общественности вывод, что СССР сам виноват – «не надо было идти на союз с Гитлером»; 3) теория о превентивной войне – активно обсуждается тема, что Германия была вынуждена начать войну из-за предполагаемой агрессии СССР [56, р.1; 57, р.1; 58, р.1]. Большое воздействие на общество оказывали традиционные антисоветские взгляды части политической элиты США – Ч. Болен, У. Буллит, Л. Гендерсон [60, с.90-91]. Эти основные темы, популярные среди скептиков англо-американского общества, создавали негативный, даже отталкивающий образ Советского Союза, помощь которому равносильна преступлению.

Вторая точка зрения – нападение Германии только ускорит крах Третьего рейха – тоже сформировалась уже в первый день войны. Так, многие газеты США и Великобритании напечатали 22 июня аналитическую статью британского журналиста Уильяма Стоунмена, который хотя и считал, что в войне может быть виновен и Сталин, но убеждал «англо-саксонские общества», что «русские будут сражаться до последнего» [61, р.1]. 23 июня 1941 г. прогнозы сторонников СССР были подтверждены заявлением У. Черчилля, что «Британское правительство поможет СССР в борьбе с Германией» [62, р.1; 63, р.1; 64, р.1]. После этого заявления большая часть влиятельных СМИ Великобритании встала на позиции сторонников союза с СССР, а влияние скептиков сильно уменьшилось [62, р.1].

Премьер-министр привёл в речи весомые для американской и британской общественности доказательства необходимости, причём срочной, подобного шага: «Опасность для России – это опасность и для нас; любой человек или государство, сражающееся с Гитлером, получит нашу помощь; мы предоставим России любую помощь, какую только можем» [65]. Такая позиция У. Черчилля вызвала одобрение со стороны британских и американских СМИ, настроенных на сотрудничество с СССР [66, р.3;]. «Нью Йорк таймс» в отдельной статье отметила, что премьер-министр Канады согласился на помощь Советскому Союзу и «призвал людей забыть о прошлом образе коммунизма» [53, р.7]. Пресса Шотландии в целом положительно отнеслась с речи Черчилля, и «Глазго хэральд» выразила надежду, что уже на следующем заседании парламента будут определены конкретные меры помощи СССР [67, р.4]. Таким образом, общественность Британской империи оказалась уже в период 22–23 июня не просто готова к «союзу с Россией», но и стремилась оказать СССР любую возможную помощь, видя в нём сильного союзника.

Правительство США 23 июня выпустило более сдержанное заявление. Его сделал Самнер Уэллес, заместитель государственного секретаря: «США осуждает вероломное нападение, но вопрос о распространении ленд-лиза на Россию остаётся открытым» [68, р.1]. Тем не менее, просоветски настроенная часть прессы и политиков прямо призывали к этому. Так, сенатор-демократ Пиппер (Флорида) заявил: «Мы должны оказать помощь России любым путём» [53, р.4]. Кроме того, сенаторы Рейнолдс и Уиллер тоже поддержали идею ленд-лиза для СССР, но с большей осторожностью, заявив, что многие люди в США боятся коммунизма, равно как и нацизма [69, р.1].

Несмотря на сложную и крайне противоречивую обстановку, через два дня после нападения Германии на Советский Союз, президент США Ф. Рузвельт выступил с заявлением об оказании СССР всей возможной помощи [53 р.1] в августе из его уст последовали еще более энергичные требования к своему кабинету, слова поддержки Советского Союза произнес министр внутренних дел Икес, а также Г. Гопкинс.

В этот же день в парламенте выступил Энтони Иден и объявил, что теперь у Великобритании и коммунистов одна общая цель – сокрушить нацизм [51, р.1]. Большинство крупных периодических изданий Англии, США и Канады сразу поддержали идеи Ф. Рузвельта, Э. Идена и У. Черчилля о

поддержке Советского Союза. А «Нью Йорк таймс» начинает серию публикаций, посвящённых Красной Армии и организации обороны в СССР, с общим выводом, что быстрой и лёгкой победы у Германии не будет [53, p.1].

В итоге, благодаря продуманным выступлениям Ф. Рузвельта, Э. Идена и Черчилля мнение сторонников помощи Советскому Союзу к 24 – 26 июня получает большее признание СМИ и общественности США и Великобритании. Большую роль в преодолении пессимистических тенденций американских СМИ сыграло сопротивление Красной Армии, когда по первым сводкам о приграничном сражении было понятно, что новая кампания вермахта развивается не столько успешно как предыдущие. Однако, это не означало исчезновения иных взглядов и оценок советско-германского противостояния. Третья точка зрения, представленная в британской и американской прессе, – прагматическая. Наиболее ярким её выразителем в США был Г. Трумэн, заявивший: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны помогать России, если побеждать будет Россия, нам следует помогать Германии, и пусть они убивают друг друга как можно дольше» [53, p.2].

Но, следует отметить, что наиболее влиятельные издания США восприняли это как циничную шутку, о чём прямо написала «Нью Йорк таймс». В целом, прагматично настроенные политики Великобритании и США разделяли несколько другую точку зрения – до первой половины июля большой популярностью пользовался взгляд на советско-германский фронт как «войну двух дикторов, из которой победителем выйти должна свобода и демократия» [70, p.18].

Такое разделение реакции общественно-политических сил Великобритании и США на три разные точки зрения по поводу СССР и войны характерно для религиозной прессы, олицетворяющей позицию различных концессий. Так, католические издания «Кэтолик трэнскрипт» (Коннектикут) и «Дэнвер кэтолик рэджистр» (Колорадо) высказались 23 – 24 июня 1941 г. против помощи СССР и напомнили читателям о нарушении прав и свобод в Советском Союзе [71, p.1]. Подобные взгляды и оценки скептиков потеряли популярность после миссии Г. Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г. Подробные отчёты Г. Гопкинса о состоянии советской армии, промышленности, о специфике советско-германского фронта убедили Белый Дом в невозможности быстрой победы Германии [72]. Посол США в СССР Л. Штейнгард после визита Г. Гопкинса заключил, что советско-американские отношения в результате него значительно улучшатся и это усилит советский вклад в войну.

Заключение

Таким образом, если в Британии после выступления У. Черчилля 22 июня лидеры общественно-политических сил были уже готовы к более тесному сотрудничеству с СССР, то в США потребовались целенаправленные действия президента Ф. Рузвельта, советского посольства в США, крупных и малых газет, упорное сопротивление Красной Армии – всё это позволило к 1 августа 1941 г. преодолеть в обществе США пессимистические и наиболее заметные антисоветские настроения, доказать необходимость не просто помощи Советскому Союзу, а распространения на него ленд-лиза. А главное, граждане США через СМИ каждый день получали информацию о ходе сражений на советско-германском фронте, что вызывало не только чувство солидарности с жертвой нацистской агрессии, но и всё большее стремление оказать реальную помощь. Поэтому, для общественности США и Великобритании логичным и закономерным представлялся летом 1941 г. следующий шаг – оформление между противниками нацизма военного договора – Антигитлеровской коалиции.

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-31-12084).

Примечания:

1. Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М.: Наука, 2004. 562 с.
2. Churchill Centre. Speeches of Winston Churchill. 1941–1945: The Fourth Climacteric. Germany's Invasion of Russia: Broadcast, London, 22 June 1941.
3. The Unrelenting Struggle: War Speeches by the Right Hon. Winston S. Churchill. L., 1942.
4. National Archives. Eden, Robert Anthony (1897–1977). GB/NNAF/P147822. NRA 19284 Aitken.
5. Dutton D. Anthony Eden. A Life and Reputation. L.: Hodder Education Publishers, 1997. 608 p.
6. London School of Economics. Morrison, Herbert Stanley (1888–1965). Morrison's Speeches. CA2479.
7. National Archives. Dalton, Edward Hugh John Neale (1887–1962). GB/NNAF/P161276. CAB 127.
8. National Archives. Cripps, Sir Richard Stafford (1889–1952). GB/NNAF/P134282. NRA 27633.
9. Jones J. Ernest Bevin and the General Strike // Llafur: Journal of Welsh Labour History. 2001. № 2. P. 97–103.
10. Barr J. A Line in the Sand: Britain, France and the Struggle that Shaped the Middle East. L.: Simon & Schuster, 2011. 454 p.
11. Middlemas K., Barnes J. Baldwin: A Biography. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1969. 1100 p.
13. Montreal Gazette. 1941. June 22.
13. Herald-Journal. 1941. June 26.

14. New York Times. 1941. June 23.
15. Sherwood R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. N. Y.: Random House and Harper and Brothers, 1950. Vol. 1.
16. Thayer C. Bears in the Caviar. N.Y., 1951.
17. Pratt J. Cordell Hull 1933–1944. 2 vol. N.Y.: Cooper Square Publishers, 1964.
18. The Franklin Delano Roosevelt Library. Safe Files. Box 5. Russian Divisions 6/24/41.
19. San Francisco Examiner. 1941. June 24.
20. Cornell University Library. American Federation of Labor. Green, William. President's correspondence, 1926-1952. CN: 5402mf.
21. University of Vermont Libraries Special Collections. Edward C. Carter Collection. Box 3. Folder 7. Russian War Relief and American Russian Institute: public file, 1941–1942.
22. New York Times. 1941. June 22.
23. Youngstown Vindicator. 1941. June 22.
28. Daily Express. 1941. June 23.
29. Daily Mirror. 1941. June 23.
30. Times. 1941. June 23.
31. Pittsburgh Press. 1941. June 22.
33. Western Morning News. 1941. June 22.
34. Cassidy H. Moscow Dateline: 1941–1943. Boston, 1943.
35. Library of Congress. Papers of Henry Shapiro. Box 149.
36. Gilmore E. Me and My Russian Wife. N.Y., 1954. P. 11.
37. Library of Congress. Papers of Wallace Carroll. Box 5.
38. Carroll W. Inside Warring Russia: An Eye-Witness Report on the Soviet Union's Battle. N. Y., 1942.
39. New York Post. 1941. June 23.
40. An Outline on American History / Ed. Whitney F. The US Dept. of State, 1997.
41. FDRL. Official Files. Box 4330. Folder: America First Committee. J.E. Hoover to Franklin Roosevelt, March, 4, 1941. Pp. 1-6.
42. Cole W.S. America First: The Battle against Intervention, 1940-41. Madison: University of Wisconsin Press, 1953.
43. Schneider J.C. Should America Go to War? The Debate over Foreign Policy in Chicago, 1939-1941. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989.
44. FDRL. Official Files. Box 4330. Folder: America First Committee. J.L. Wheeler to to Franklin Roosevelt, Jul., 11, 1941.
45. FDRL. Official Files. Box 4330. Folder: America First Committee. A. A. Shaper to Stephen Early, Dec., 3, 1941.
46. FDRL. Official Files, Box 4330. Folder: America First Committee. Shelton Hunt to Franklin Roosevelt, Jun., 26, 1941
47. Truman Library. Oral History Interviews. Oral History Interview with Loy W. Henderson; Columbia University. Oral History Interviews. Oral history interviews with Henderson.
48. Malkov V.L. Russia and the United States. M.: Nauka, 2009. 495p. (In Russian)
49. Milwaukee Sentinel. 1941. June 23.
50. St. Petersburg Times. 1941. June 23.
51. Meriden Record. 1941. June 23.
52. Хазанов Д.Б. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. М.:Яуза, Эксмо, 2006. 416 с.
53. New York Times. 1941. June 24.
54. Evening Independent. 1941. June 24.
55. Chicago Daily Tribune. 1941. June 24.
56. Honolulu Star. 1941. June 22.
57. Fresno Bee Republican. 1941. June 22.
58. Evening Huronite. 1941. June 22.
59. Chicago Sun. 1941. June 22.
60. Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США. 1933 – 1941. М.: ИВИ, 1995.
61. Chicago Daily News. 1941. June 22.
62. Evening Telegraph. 1941. June 23.
63. Manchester Guardian. 1941. June 23.
64. Western Times. 1941. June 23.
65. Churchill College. The Papers of Sir Winston Churchill. GB/014/CHAR. CHAR 9/151.
66. Hull Daily Mail. 1941. June 23.
67. Glasgow Herald. 1941. June 24.
68. The Franklin Delano Roosevelt Library . Sumner Welles Papers. Box 195.
69. Colorado Springs Evening Telegram. 1941. June 24.
70. Helena Independent. 1941. June 24.
71. Catholic Transcript. 1941. June 24.

72. The Franklin Delano Roosevelt Library. Safe Files. Box 5. Conference held on 31st July, 1941 between Mr. Stalin, Mr. Hopkins, and the interpreter Mr. Litvinov. At the Kremlin in Moscow.

References:

1. Rzhesheshevsky O.A. Stalin and Churchill. Meeting. Conversations. Discussion. Documents comments. 1941-1945. M.: Nauka, 2004, 562s. (In Russian)
2. Churchill Centre. Speeches of Winston Churchill. 1941-1945: The Fourth Climacteric. Germany's Invasion of Russia: Broadcast, London, 22 June 1941.
3. The Unrelenting Struggle: War Speeches by the Right Hon. Winston S. Churchill. L., 1942.
4. National Archives. Eden, Robert Anthony (1897-1977). GB/NNAF/P147822. NRA 19284 Aitken.
5. Dutton D. Anthony Eden. A Life and Reputation. L.: Hodder Education Publishers, 1997. 608p.
6. London School of Economics. Morrison, Herbert Stanley (1888-1965). Morrison's Speeches. CA2479.
7. National Archives. Dalton, Edward Hugh John Neale (1887-1962). GB/NNAF/P161276. CAB 127.
8. National Archives. Cripps, Sir Richard Stafford (1889-1952). GB/NNAF/P134282. NRA 27633.
9. Jones J. Ernest Bevin and the General Strike // Llafur: Journal of Welsh Labour History. 2001. № 2. P. 97-103.
10. Barr J. A Line in the Sand: Britain, France and the Struggle that Shaped the Middle East. L.: Simon & Schuster, 2011. 454 p.
11. Middlemas K., Barnes J. Baldwin: A Biography. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1969. 1100 p.
13. Montreal Gazette. 1941. June 22.
13. Herald-Journal. 1941. June 26.
14. New York Times. 1941. June 23.
15. Sherwood R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. N. Y.: Random House and Harper and Brothers, 1950. Vol. 1.
16. Thayer C. Bears in the Caviar. N.Y., 1951.
17. Pratt J. Cordell Hull 1933-1944. 2 vol. N.Y.: Cooper Square Publishers, 1964.
18. The Franklin Delano Roosevelt Library. Safe Files. Box 5. Russian Divisions 6/24/41.
19. San Francisco Examiner. 1941. June 24.
20. Cornell University Library. American Federation of Labor. Green, William. President's correspondence, 1926-1952. CN: 5402mf.
21. University of Vermont Libraries Special Collections. Edward C. Carter Collection. Box 3. Folder 7. Russian War Relief and American Russian Institute: public file, 1941-1942.
22. New York Times. 1941. June 22.
23. Youngstown Vindicator. 1941. June 22.
28. Daily Express. 1941. June 23.
29. Daily Mirror. 1941. June 23.
30. Times. 1941. June 23.
31. Pittsburgh Press. 1941. June 22.
33. Western Morning News. 1941. June 22.
34. Cassidy H. Moscow Dateline: 1941-1943. Boston, 1943.
35. Library of Congress. Papers of Henry Shapiro. Box 149.
36. Gilmore E. Me and My Russian Wife. N.Y., 1954. P. 11.
37. Library of Congress. Papers of Wallace Carroll. Box 5.
38. Carroll W. Inside Warring Russia: An Eye-Witness Report on the Soviet Union's Battle. N. Y., 1942.
39. New York Post. 1941. June 23.
40. An Outline on American History / Ed. Whitney F. The US Dept. of State, 1997.
41. FDRL. Official Files. Box 4330. Folder: America First Committee. J.E. Hoover to Franklin Roosevelt, March, 4, 1941. Pp. 1-6
42. Cole W.S. America First: The Battle against Intervention, 1940-41. Madison: University of Wisconsin Press, 1953.
43. Schneider J.C. Should America Go to War? The Debate over Foreign Policy in Chicago, 1939-1941. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989.
44. FDRL. Official Files. Box 4330. Folder: America First Committee. J.L. Wheeler to Franklin Roosevelt, Jul., 11, 1941
45. FDRL. Official Files. Box 4330. Folder: America First Committee. A. A. Shaper to Stephen Early, Dec., 3, 1941.
46. FDRL. Official Files, Box 4330. Folder: America First Committee. Shelton Hunt to Franklin Roosevelt, Jun., 26, 1941.
47. Truman Library. Oral History Interviews. Oral History Interview with Loy W. Henderson; Columbia University. Oral History Interviews. Oral history interviews with Henderson.
48. Malkov V.L. Russia and the United States. M.: Nauka, 2009. 495p. (In Russian)
49. Milwaukee Sentinel. 1941. June 23.

50. St. Petersburg Times. 1941. June 23.
51. Meriden Record. 1941. June 23.
52. Khazanov D.B. 1941. The war in the air. M: Jauza, Exmo 2006. (In Russian)
53. New York Times. 1941. June 24.
54. Evening Independent. 1941. June 24.
55. Chicago Daily Tribune. 1941. June 24.
56. Honolulu Star. 1941. June 22.
57. Fresno Bee Republican. 1941. June 22.
58. Evening Huronite. 1941. June 22.
59. Chicago Sun. 1941. June 22.
60. Egorova N.I. Isolationism and European policy. 1933-1941 M:IVI, 1995. (In Russian)
61. Chicago Daily News. 1941. June 22.
62. Evening Telegraph. 1941. June 23.
63. Manchester Guardian. 1941. June 23.
64. Western Times. 1941. June 23.
65. Churchill College. The Papers of Sir Winston Churchill. GB/014/CHAR. CHAR 9/151.
66. Hull Daily Mail. 1941. June 23.
67. Glasgow Herald. 1941. June 24.
68. The Franklin Delano Roosevelt Library . Sumner Welles Papers. Box 195.
69. Colorado Springs Evening Telegram. 1941. June 24.
70. Helena Independent. 1941. June 24.
71. Catholic Transcript. 1941. June 24.
72. The Franklin Delano Roosevelt Library. Safe Files. Box 5. Conference held on 31st July, 1941 between Mr. Stalin, Mr. Hopkins, and the interpreter Mr. Litvinov. At the Kremlin in Moscow.

УДК 94(4/9)

22 июня 1941: оценки и мнения общественности США и Великобритании

¹ Сергей Олегович Буранок

² Дмитрий Викторович Суржик

¹ Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
443082 Самара, ул. М. Горького 63/65.
E-mail: witch-king-1@mail.ru

² Московский государственный гуманитарный университет им М.А. Шолохова, Российская Федерация
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
109240, Москва, Верхняя Радищевская ул. 16.
E-mail: dimsu@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу общественного мнения США и Великобритании о нападении Германии на СССР 22 июня 1941 г. Рассмотрены взгляды американских и британских государственных деятелей и политиков, общественные настроения, отраженные в прессе. Выделены основные точки зрения на начало войны Германии и СССР. Показано, что при наличии разнообразных оценок возобладали идеи солидарности с Советским Союзом и необходимости его поддержки.

Эта работа позволит изучить "отражение" войны в образе Советского Союза, и найти ключевые моменты фальсификации истории Второй мировой войны в США и Великобритании. События Великой Отечественной войны, которые будут установлены на основании архивов США и Великобритании. Реакция на 22 июня рассмотрена как в документах государственных учреждений Великобритании и США, так и их освещение в англо-американских СМИ. В этом случае, должное внимание уделяется механизмам информационного воздействия, которые были реализованы в США Управлением военной информации и британского Министерства информации. Ключевое сражение 1941 года рассмотрено с точки зрения формирования образа: как боевые действия в СССР воспринимались британским и американским военным и политическим руководством, и какой образ создавала британская и американская пресса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, пресса США, пресса Великобритании, 1941 г.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

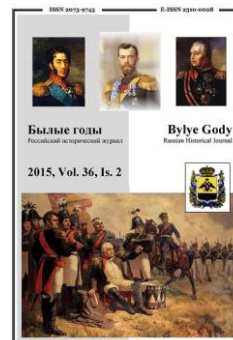
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 428-433, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

On the Participation of Don Cossacks in World War II in 1941

¹Vladimir P. Trut

²Anatoly I. Narezhny

¹ Southern Federal University, Russian Federation
346780, Rostov Region, Azov, Izmaylova st.55, apt. 16
Dr. (History), Professor
E-mail: trut.vladimir@rambler.ru

² Southern Federal University, Russian Federation
344103, Rostov-on-Don, Zorge st, 56, apt. 23
Dr. (History), Professor
E-mail: ya-ain01@yandex.com

Abstract

This article discusses the major aspects of the participation of Don Cossacks in World War II. The author analyzes the characteristics of the formation of Cossack units at the war's most complex and crucial, initial, stage. The article brings to light the role and significance of the volunteer Cossack movement. The author discusses the participation of Cossack units and formations in the war's battles, characterizes their outcomes, and describes the Cossacks' overall contribution to victory over the enemy. The authors come to the conclusion that right after the start of World War II the Don area became the venue for the formation of a whole array of cavalry units the core whereof was made up of Cossacks. A mass volunteer movement launched in Rostov and Stalingrad Oblasts, and as a result non-service age Cossacks or those who had legitimate grounds not to serve in the army started to form entire Cossack cavalry forces.

Keywords: World War II, Cossacks, Cossack units, cavalry, formation, manning, characteristics, volunteer Cossacks, volunteer Cossack movement, Cossack corps, Fifth Guards Don Cossack Cavalry Corps, heroism, courage.

Введение

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Буквально в первые же дни войны в жестокую схватку с врагом вступили донские казаки 210-й моторизированной дивизии, сформированной незадолго до войны на базе упраздненной, как и многих других кавалерийских частей в связи с механизацией армии, 4-й Донской казачьей кавалерийской дивизии. Героически сражались с превосходящими силами противника и казаки частей и подразделений 1-го и 5-го кавалерийских корпусов, в которых также было очень много потомственных казаков [6].

Материалы и методы

В статье использованы опубликованные и архивные документы и материалы по рассматриваемой теме. Привлечены разнообразные материалы отечественной историографии по данной проблеме. В работе использован многофакторный подход, историко-системный метод, позволяющий изучать объект исследования путём выделения его отдельных структурных элементов, их прямых и опосредованных функций, их связи между собой и с целым, научно-критический анализ.

Обсуждение

В целом тема участия донского казачества в Великой Отечественной войне, а также её отдельные важные аспекты, несмотря на их научную значимость, в историографии исследована

недостаточно. Впервые вопросы участия казаков всех войск в войне рассмотрел в своих работах Г.Л. Воскобойников [1]. Позднее к данной проблеме обратились Г.Л. Курков [2], В.П. Трут [3], Е.Ф. Кринко, В.И. Афанасенко [4], А.В. Агеев [5]. И если в последнее время исследователями внесён немалый вклад в изучение участия донского казачества в войне в целом, то отдельные важные аспекты данной темы, например, специфика формирования донских казачьих добровольческих частей, роль и значение участия казачьих частей в тяжёлых боях начального периода войны, изучены слабо.

Результаты

Отличительной особенностью процесса формирования и комплектования казачьих кавалерийских дивизий в 1941 г. были очень короткие, даже для военного времени, сроки. Уже в июле 1941 г. были сформированы и отправлены на фронт три донские казачьи кавалерийские дивизии, а в августе – ещё две донские казачьи кавалерийские дивизии [7]. Помимо этого, благодаря большому числу добровольцев-казаков тогда же в июле было начато формирование ещё 2-х донских добровольческих казачьих кавалерийских дивизий. В соответствии со специальными решениями бюро Сталинградского [8] и Ростовского [9] областных комитетов ВКП (б), а также вышедшими чуть позже постановлениями исполнительных комитетов Советов Ростовской и Сталинградской областей на их территориях началось формирование добровольческих казачьих дивизий. Добровольческие казачьи сотни создавались непосредственно на местах, в районах этих областей, а затем в крупных населённых пунктах сводились в полки, из которых формировались казачьи добровольческие дивизии.

В Сталинградской области, в станице Михайловской, с 4 июля по 8 октября 1941 г. формировалась Донская областная «Особая сводная казачья кавалерийская дивизия народного ополчения». Сначала ею командовал полковник Н.Ф. Цепляев, а с ноября 1941 г. её возглавил казак хутора Ольшанка Урюпинской станицы полковник С.И. Горшков. (24 декабря 1941 г. Бюро Сталинградского областного комитета ВКП(б) приняло постановление, в котором говорилось: «Согласиться с предложением командования Сталинградского Военного Округа о передаче в действующую Красную Армию сводной казачьей дивизии народного ополчения» [10]. 24 января 1942 г. дивизии присваивается наименование «1-я Донская казачья кавалерийская дивизия». А уже 2 февраля её переименовывают в «15-ю Донскую казачью кавалерийскую дивизию» и вводят в состав 16-го кавалерийского корпуса, дислоцировавшегося в Москве).

Формирование добровольческой казачьей дивизии в Ростовской области началось буквально сразу же после постановления Ростовского обкома партии "О создании добровольческой Донской казачьей дивизии" от 15 июля 1941 г. Она получила название «Донской добровольческой казачьей кавалерийской дивизии». Центром её формирования был город Сальск. (Поэтому вплоть до января 1942 г. во многих документах эта дивизия зачастую называлась просто "Сальской"). Её штаб первоначально разместили в городе Новочеркасске. На начальном этапе формированием дивизии занимался Н.В. Михайлов-Березовский [11]. В её состав были включены 257-й, 258-й и 259-й кавалерийские полки [12]. Эта кавалерийская дивизия вошла в состав 17-го казачьего корпуса вместе с тремя кубанскими добровольческими дивизиями на основании одного приказа командования, в котором она первоначально именовалась как «Сальская кавалерийская дивизия» или «Сальская казачья дивизия». (21 января 1942 г. на основании директивы Генерального Штаба Красной Армии она была официально переименована в «116-ю Донскую казачью кавалерийскую дивизию» [13]). Обеспечение этой добровольческой казачьей дивизий конским составом, продуктами питания и фуражом изначально планировалось осуществлять за счёт колхозного фонда области [14]. Позднее, уже весной 1942г., в одном из донесений политотдела 116-й Донской кавалерийской дивизии в политуправление Северо-Кавказского военного округа о состоянии части отмечалось: "Абсолютное большинство казаков – добровольцы. Более 80 % рядового состава – казаки в возрасте свыше 40 лет (т.е. старших призывных возрастов, а многие вообще уже значительно старше призывного возраста. – прим. авт.), участники Гражданской войны... Нередко были эскадроны, укомплектованные казаками одного района" [14].

Особенностью данных донских дивизий было не только то, что основная масса их личного состава состояла из донских казаков. Дело в том, что вступавшие в них добровольцами по разным законным причинам не подлежали мобилизации в армию (пожилой или, наоборот, молодой возраст, состояние здоровья, официальная "бронь", то есть освобождение от призыва в вооружённые силы на законных основаниях, например ввиду важности профессиональной деятельности). Тем не менее, все они по зову сердца пошли на смертельную битву с врагом. Причём многие из них – вместе со своими сыновьями. Так, казак станицы Морозовской И.А. Хомутов, будучи уже в преклонном возрасте, вступил в добровольческую дивизию вместе со своими сыновьями – 14-летним Александром и 16-летним Андреем. Казак станицы Берёзовской, ветеран Первой мировой и Гражданской войн, полный георгиевский кавалер К.И. Недорубов пришёл в казачье ополчение вместе с сыном Николаем [15]. Казак Вышкварцев вступил в один из казачьих полков народного ополчения вместе с женой и сыном [16]. Многие казаки по старой казачьей традиции на свои средства приобретали строевых коней и всё необходимое снаряжение. Так, пожилой казак станицы Кулдыженской П. Р. Дорин

прибыл в добровольческий казачий полк, купив на свои сбережения лошадь и снаряжение. 64-летний казак П.С. Бирюков, узнав о формировании в своей станице добровольческой сотни, настойчиво потребовал включить его в казачье ополчение и вопреки многочисленным отказам всё же добился своего. Казак станицы Нижнечирской 60-летний П.С. Куркин, собрал бывших однополчан, создал отряд и во главе его, совершив 400-километровый марш, прибыл в кавалерийскую дивизию [17]. И таких примеров было очень много. Среди казаков-добровольцев были и не достигшие призывного возраста юноши (самому младшему, Александру Хомутову, было всего 14 лет), и пожилые мужчины, чей возраст уже намного превышал призывной (самому старшему, Николаю Ерохину, было полных 67 лет). Однако, несмотря на возрастные ограничения, все казаки-добровольцы доблестно и мужественно сражались с врагом, стойко переносили тяготы и невзгоды суровой боевой службы [19]. Вот как позже описывал в своей автобиографии события тех дней Константин Иосифович Недорубов: «В 1941 году во время вероломного нападения немецких бандитов на нашу Родину я сначала вступил в народное ополчение. Моему примеру последовали 57 человек в возрасте от 50 до 60 лет, и не отстал мой младший сын Николай, имея в то время 17 лет от роду. Мне пришлось сформировать эскадрон старых казаков, участников двух прошлых войн» [18].

8 июля 1941 г. в Новочеркасске в числе первых регулярных армейских кавалерийских соединений донских казаков началось формирование 52-й кавалерийской дивизии, командиром которой являлся генерал-майор Николай Петрович Якунин. Несмотря на все трудности и большие сложности с обеспечением необходимым вооружением и снаряжением, формирование данной дивизии шло очень быстро и уже 16 июля 1941 г. она была включена в состав 28-й армии Западного фронта. (До конца 1941 г. дивизия принимала участие в боевых действиях Брянского фронта, а в ноябре–декабре – в оборонительных операциях фронта. В январе 1942 г. дивизия вошла в состав 8-го кавалерийского корпуса, а в марте 1942 г. была расформирована ввиду тяжёлых потерь [19]).

Формирование 38-й кавалерийской дивизии, состав которой в подавляющем большинстве составляли донские казаки, началось 20 июля 1941 г. в станице Персияновка Ростовской области. Командиром дивизии стал генерал-майор Николай Яковлевич Кириченко. С 10 октября 1941 г. дивизия вела боевые действия на территории Украины в составе армий Южного фронта. 60-я кавалерийская дивизия, также состоявшая в основном из донских казаков, под командованием генерал-майора Феофана Агаповича Пархоменко формировалась в станице Качалинской Сталинградской области с августа до декабря 1941 г. В ноябре 1941 г. она была включена в состав действующей армии. Формирование 35-й кавалерийской дивизии, состоявшей также из донских казаков, началось 18 августа 1941 г. в станице Персияновской Ростовской области. Командовал дивизией полковник Сергей Фёдорович Скляр. 28 октября 1941 г. она была включена в состав 9-й армии Южного фронта. Формирование 68-й кавалерийской дивизии началось 22 августа 1941 г. согласно постановлению ГКО СССР от 11 августа 1941 г. также в станице Персияновка. Командиром этой дивизией был назначен полковник Николай Алексеевич Кириченко (с ноября 1941 г. – генерал-майор, погиб 2 февраля 1942 г.). В её состав вошли 180-й, 191-й и 194-й кавалерийские полки [20].

Специальными решениями партийно-советских руководящих органов Ростовской области, районы области закреплялись за сформировавшимися в ней кавалерийскими полками в качестве шефских. В их задачу входило оказание максимально возможного содействия в обеспечении этих частей снаряжением и продовольствием [21].

Казаки мужественно сражались с фашистами на различных участках фронта. Беспримерную стойкость в крайне сложных условиях лета-осени 1941 г. проявили бойцы и командиры 35-й, 38-й, 52-й и 68-й кавалерийских дивизий [22].

В условиях острой нехватки в Красной Армии мобильных соединений, в крайне сложной ситуации осени 1941 г. командование изыскивало все возможные средства для формирования новых кавалерийских соединений. Так в период с 28 октября по 15 ноября 1941 г. был сформирован Отдельный кавалерийский корпус 18-й армии Южного фронта [23].

В состав корпуса вошли 35-я и 68-я кавалерийские дивизии донских казаков и 56-я кавалерийская дивизия, сформированная на Ставрополье из терских и кубанских казаков [24]. В октябре 1941 г. 68-я кавалерийская дивизия приняла самое активное участие в Ростовской оборонительной операции. В период с 17 ноября по 2 декабря 1941 г. в составе 9-й армии эта дивизия принимала участие в Ростовской наступательной операции. Особо отличились казаки этой дивизии в боях за освобождение г. Ростова-на-Дону [25]. 68-я кавалерийская дивизия преследовала противника вплоть до подготовленного немцами оборонительного рубежа на р. Миус, на котором врагу удалось закрепиться [26].

Необходимо отметить одно очень важное обстоятельство, которое, к сожалению, не получило должного освещения в историографии. Отмечая боевые заслуги личного состава Отдельного кавалерийского корпуса в этих напряжённых боях, и принимая во внимание то обстоятельство, что его личный состав состоял из казаков, Ставка Верховного Главнокомандования 14 декабря 1941 г. издаёт приказ № 005698, в соответствии с которым Отдельный кавалерийский корпус переименовывался в 1-й казачий кавалерийский корпус [27].

На Дону продолжалось массовое добровольческое движение казачества. Причём добровольцами на фронт стремились даже казаки преклонного возраста, которые уже не могли

призываться в армию на законных основаниях ввиду своих лет. В такой ситуации, учитывая большой патриотический подъём казачества и то обстоятельство, что армии требовались смелые и мужественные воины, советское командование пошло на экстраординарный шаг. Так, принимая во внимание, большое число пожилых казаков непризывного возраста, желавших идти на фронт добровольцами, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа издал специальный приказ, разрешавший комплектовать 17-й казачий корпус военными, младшим начальствующим и рядовым составом в возрасте старше 45 лет, по состоянию здоровья годным для службы в коннице [28]. Необходимо особо отметить, что средний возраст казаков корпуса составлял 35–45 лет, что свидетельствует о значительной доле добровольцев старших возрастов, пожелавших воевать за Родину.

Особенности формирования казачьих частей в период Великой Отечественной войны состояли в следующем. Во-первых, в регулярные (кадровые) части и соединения, которые формировались на территориях казачьих областей в июле-августе 1941 г., призывались в основном подлежащие призыву военнообязанные местные жители. При этом, конечно, никаких различий между казаками и не казаками тогда не делалось. В то же время в эти части добровольно шли и те, кто не подлежал тогда мобилизации (люди старших призывных возрастов или имевшие официальную "бронь"). Принимая во внимание тот факт, что многие из сформированных здесь частей и соединений были кавалерийскими, а потомственные казаки обладали прочными военно-кавалерийскими традициями, умениями и навыками, то вполне естественно, что большинство личного состава данных воинских формирований составляли именно они. Во-вторых, характерным отличием формирования этих частей и соединений являлись исключительно короткие даже для военного времени сроки их полного комплектования. В-третьих, проходившее в период осени и зимы 1941 г. формирование добровольческих казачьих частей и соединений осуществлялось практически полностью за счёт добровольцев-казаков, большинство которых не подлежали призыву на законных официальных основаниях (по возрасту, состоянию здоровья, важной профессиональной деятельности). Процесс комплектования данных частей осложнялся нехваткой оружия, снаряжения, обмундирования, необходимых командных кадров высшего, среднего и даже младшего звена.

В то время, естественно, никто не проводил различий между казачьим и неказачьим населением, поэтому во всех этих соединениях, включая и добровольческие казачьи, плечом к плечу сражались не только казаки, но и все остальные жители казачьих и иных областей. При этом очень многие казаки воевали в самых разных – пехотных, кавалерийских, артиллерийских и иных – частях и подразделениях Красной Армии [29].

Заключение

Таким образом, буквально сразу же после начала Великой Отечественной войны донское казачество встало на защиту Родины. На Дону началось формирование целого ряда кавалерийских частей, костяк которых составляли казаки. В Ростовской и Сталинградской областях развернулось массовое добровольческое движение, в результате чего из казаков непризывного возраста, либо имевших законные основания от призыва в армию, стали образовываться целые казачьи кавалерийские соединения. Примечательно, что благодаря очень значительному количеству призываемых казаков и казаков-добровольцев, их настойчивому стремлению как можно скорее отправиться на фронт, сроки формирования всех этих кавалерийских дивизий летом-осенью тяжелейшего для страны и армии 1941 г. были чрезвычайно сжатыми даже для суровых в мобилизационном плане времён военного времени. Основной движущей силой при этом для донских казаков являлось искреннее и высокое чувство патриотизма.

Примечания:

1. Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1993.
2. Курков Г.Л. Казаки Юга России в период Великой Отечественной войны. Ростов-н/Д., 2008.
3. Трут В.П. Особенности формирования казачьих частей в период Великой Отечественной войны.// Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 3.
4. Кринко Е.Ф. Создание кавалерийских соединений Красной армии на юге России и их судьба в годы Великой Отечественной войны.// Русская старина. 2014. №1.
5. Агеев А.В. Добровольческие казачьи корпуса красной Армии: формирование и участие в обороне северного Кавказа (июль 1941 г. – декабрь 1942 г.). Дисс... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 2013.
6. Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. Ростов-н/Д, 1986. С. 134.
7. См.: Библиотечный отдел Центрального архива министерства обороны РФ (далее – БО ЦАМО РФ). Справочник по боевому использованию кавалерийских дивизий за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1954. Кн.1–3 (1–116кд).
8. ЦАМО. Ф.3472. Оп.1. Д.1. Л.9.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.9. Оп.1. Д.309. Л.16–17.

10. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее - ЦДНИВО). Ф.113. Оп.12. Д.8. Л.451.
11. Горшков С. И., Овчаренко И. В. Донской гвардейский: Очерк о героическом пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознамённого Будапештского корпуса. Ростов н/Д., 1985. С. 16.
12. Трут В. П., Курков Г. М. Военная энциклопедия казачества. С.253.
13. БО ЦАМО РФ. Справочник по боевому использованию.... Кн. 3 (кд. 71-116). Л. 186.
14. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р–4451. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
15. Константин Иосифович Недорубов. Под редакцией С.А. Кокорина, Ю.Ф. Болдырева, С.А. Аргасцевой, М.М. Самко. Волгоград, 2009. С. 101.
16. Горшков С.И. За любимую Родину // Пятый Донской. Воспоминания ветеранов 5-го Гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознамённого Будапештского корпуса. Ростов н/Д., 1979. С. 3–4.
17. Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской гвардейский: Очерк о героическом пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознамённого Будапештского корпуса. Ростов-н/Д., 1985. С. 17–18.
18. Молот. 1943. 17 февраля.
19. Цит. по: Константин Иосифович Недорубов... С.103.
20. БО ЦАМО РФ. Справочник по боевому использованию... Кн. 2. Л. 170-175.; Л. 103-108.
21. Там же. Кн. 2, л. 186.
22. Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Указ. соч. С. 137-138.
23. Кавалерийские корпуса в Великой Отечественной войне 1941-1945. М., 1954. С. 6.
24. ЦАМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 44.
25. Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С.105.
26. Трут В. П., Курков Г. М. Военная энциклопедия казачества. С.236.
27. БО ЦАМО РФ. Сведения на кавалерийские корпуса с № 1 по № 19. М., 1954. С. 3.
28. ЦАМО. Ф.3470. Оп. 1. Д. 573. Л. 43.
29. Трут В.П. Своеобразие формирования и комплектования казачьих регулярных и добровольческих соединений в годы Великой Отечественной войны. // Проблемы национальной стратегии. 2011. №1. С. 166-167.

References:

1. Voskoboinikov G.L. Kazachestvo i kavaleriya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. М., 1993.
2. Kurkov G.L. Kazaki Yuga Rossii v period Velikoi Otechestvennoi voiny. Rostov-n/D., 2008.
3. Trut V.P. Osobennosti formirovaniya kazach'ikh chastei v period Velikoi Otechestvennoi voiny.// Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 2010. № 3.
4. Krinko E.F. Sozdanie kavaleriiskikh soedinenii Krasnoi armii na yuge Rossii i ikh sud'ba v gody Velikoi Otechestvennoi voiny.// Russkaya starina. 2014. №1.
5. Ageev A.V. Dobvol'cheskie kazach'i korpusa krasnoi Armii: formirovanie i uchastie v oborone severnogo Kavkaza (iyul' 1941 g. – dekabr' 1942 g.). Diss... kand. ist. nauk. Rostov-n/D., 2013.
6. Voskoboinikov G.L., Prilepskii D.K. Kazachestvo i sotsializm. Rostov-n/D, 1986. S. 134.
7. Sm.: Bibliotekhnii otдел Tsentral'nogo arkhiva ministerstva oborony RF (dalee – BO TsAMO RF). Spravochnik po boevomu ispol'zovaniyu kavaleriiskikh divizii za period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. М., 1954. Кн.1–3 (1–116kd).
8. TsAMO. F.3472. Op.1. D.1. L.9.
9. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (dalee - TsDNIRO). F.9. Op.1. D.309. L.16–17.
10. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti (dalee - TsDNIVO). F.113. Op.12. D.8. L.451.
11. Gorshkov S.I., Ovcharenko I.V. Donskoi gvardeiskii: Ocherk o geroicheskom puti 5-go gvardeiskogo Donskogo kazach'ego kavaleriiskogo Krasnoznamennogo Budapeshtskogo korpusa. Rostov n/D., 1985. S. 16.
12. Trut V.P., Kurkov G.M. Voennaya entsiklopediya kazachestva. S.253.
13. BO TsAMO RF. Spravochnik po boevomu ispol'zovaniyu.... Кн. 3 (кд. 71-116). Л. 186.
14. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (dalee – GARO). F. R–4451. Op. 1. D. 6. L. 4.
15. Konstantin Iosifovich Nedorubov. Pod redaktsiei S.A. Kokorina, Yu.F. Boldyreva, S.A. Argastsevoi, M.M. Samko. Volgograd, 2009. S.101.
16. Gorshkov S.I. Za lyubimuyu Rodinu // Pyaty Donskoi. Vospominaniya veteranov 5-go Gvardeiskogo Donskogo kazach'ego kavaleriiskogo Krasnoznamennogo Budapeshtskogo korpusa. Rostov n/D., 1979. S. 3–4.
17. Gorshkov S.I., Ovcharenko I.V. Donskoi gvardeiskii: Ocherk o geroicheskom puti 5-go gvardeiskogo Donskogo kazach'ego kavaleriiskogo Krasnoznamennogo Budapeshtskogo korpusa. Rostov-n/D., 1985. S. 17–18.

18. Molot. 1943. 17 fevralya.
19. Tsit. po: Konstantin Iosifovich Nedorubov... S.103.
20. BO TsAMO RF. Spravochnik po boevomu ispol'zovaniyu... Kn. 2. L. 170-175.; L. 103-108.
21. Tam zhe. Kn. 2, l. 186.
22. Voskoboinikov G.L., Prilepskii D.K. Ukaz. soch. S. 137-138.
23. Kavaleriiskie korpusa v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945. M., 1954. S. 6.
24. TsAMO. F. 1. Op. 1. D. 38. L. 44.
25. Voskoboinikov G.L. Kazachestvo i kavaleriya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. S.105.
26. Trut V. P., Kurkov G. M. Voennaya entsiklopediya kazachestva. S.236.
27. BO TsAMO RF. Svedeniya na kavaleriiskie korpusa s № 1 po № 19. M., 1954. S. 3.
28. TsAMO. F.3470. Op. 1. D. 573. L. 43.
29. Trut V.P. Svoeobrazie formirovaniya i komplektovaniya kazach'ikh regul'yarnykh i dobrovol'cheskikh soedinenii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. // Problemy natsional'noi strategii. 2011. №1. S.166-167.

УДК 93/94

Об участии донского казачества в Великой Отечественной войне в 1941 году

¹Трут Владимир Петрович
²Нарежный Анатолий Иванович

¹ Южный федеральный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: trut.vladimir@rambler.ru

² Южный федеральный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: ya-aino1@yandex.com

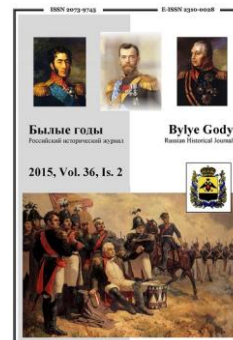
Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты участия донского казачества в Великой Отечественной войне. Проанализированы особенности формирования казачьих частей в самом сложном и важном начальном этапе войны. Раскрывается роль и значение добровольческого казачьего движения. Показывается участие казачьих частей и соединений в сражениях войны, характеризуются их результаты, а также общий вклад казаков в победу над врагом. В заключении авторы пришли к выводу, что сразу после начала Великой Отечественной войны на Дону началось формирование целого ряда кавалерийских частей, костяк которых составляли казаки. В Ростовской и Сталинградской областях развернулось массовое добровольческое движение, в результате чего из казаков непризывного возраста, либо имевших законные основания от призыва в армию, стали образовываться целые казачьи кавалерийские соединения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, казачество, казаки, казачьи части, казачьи соединения, кавалерия, формирование, комплектование, особенности, казаки-добровольцы, добровольческое казачье движение, казачий корпус, 5-й Гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус, героизм, мужество.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 36, Is. 2, pp. 434-441, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

**«In Order to Strengthen the Protection of Rostov Mobilized
Population»: the Construction of Fortifications
Autumn 1941 – Summer 1942**

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the construction of fortifications in Rostov-on-Don and the Rostov region. It considers the work of the Defence Staff and the city authorities of the city for the mobilization of the population. Analyzes the causes of failure Plans to build fortifications. Notes the hazards posed to civilian objects. It is concluded that the construction of fortifications and the construction of an accelerated rate reflects not only the desire to strengthen the leadership of the city to protect it, but also a general idea of the time on the organization of defense. Calculating the strategic environment Soviet command in the fall of 1941 and short occupation of the city became a powerful incentive to deploy in the future construction of fortifications in Rostov-on-Don.

Keywords: the Great Patriotic War, Rostov-on-Don, fortifications, mobilization.

Введение

О необходимости и предназначении различного рода оборонительных сооружений, возведение которых в годы Великой Отечественной войны получило название «строительного фронта», написано немало [1]. В научный оборот введены количественные показатели занятых на строительстве, определен их возрастной, гендерный, социальный состав, показана мобилизующая роль партийных, советских органов и патриотических инициатив населения. Посчитаны протяженность и конкретные виды оборонных укреплений, оценена степень их эффективности и стратегических прочетов, допущенных при возведении [2]. Тем не менее, ряд вопросов, связанных с мобилизационными мероприятиями, взаимодействием гражданских властей и воинских подразделений, безопасностью возведения в условиях не оставленных населением городов противотанковых рвов, требует своего уточнения, а нередко и пересмотра устоявшихся положений.

Материалы и методы

Статья основывается на архивных документах, опубликованных и записанных воспоминаниях очевидцев и свидетелей событий того времени. Основными методами анализа материала выступают историко-типологический и историко-системный методы, позволившие понять характер и особенности строительства оборонительных сооружений, проведение связанных с ними мобилизационных кампаний.

Результаты

Ростов-на-Дону был дважды оставлен советскими войсками и дважды пережил немецкую оккупацию (20–28 ноября 1941 г. и 24 июля 1942 г.– 14 февраля 1943 г.). Вместе с тем, несмотря на полную неожиданность для ростовчан первого немецкого вторжения и их «крепкую веру» в то, что во

второй раз город удастся удержать, для укрепления обороны Ростова уже 17 ноября 1941 г. городской комитет обороны объявил массовую мобилизацию населения. К несению трудовой повинности в обязательном порядке привлекались мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 17 (в исключительных случаях – 16) до 50 лет. Мобилизации не подлежали женщины с детьми 12-летнего возраста; «рабочие и служащие предприятий по выработке продуктов питания, транспорта, связи, общественного питания и торговли, лечебных учреждений, коммунального хозяйства и отдельных предприятий по особому списку Комитета обороны». 19 ноября к 7 часам утра всем «мобилизованным на трудовые работы» надлежало явиться в районное отделение милиции. При себе необходимо было иметь паспорт, теплую одежду, исправную обувь, кружку, ложку, котелок, постельные принадлежности и дневной запас продуктов питания [3].

Однако приступить к строительству оборонительных сооружений удалось только после первого освобождения города. Его характер и конкретные формы во многом определялись представлениями о том, что «главной ударной силой наземных армий был танк. Чтобы уберечь город от предполагаемого массированного удара, было предпринято строительство специальных противотанковых сооружений» [4]. При этом темпы возведения оборонных рубежей регулировались не столько реальной оперативной обстановкой, сколько директивами вышестоящих органов власти. 27 декабря 1941 г. вышло постановление ГКО «О сокращении строительства оборонительных рубежей», ставшее следствием переоценки стратегической инициативы Красной армии после контрнаступления под Москвой. В соответствии с ним до весны откладывалось строительство Заволжского рубежа, к концу января 1942 г. планировалось завершить работы по Донскому и Северо-Кавказскому рубежам. Показательно, что в списке городов, вокруг которых к этому времени должны были быть возведены обводы, Ростов-на-Дону даже не упоминался. Со строительства были отозваны свыше 1 млн. чел. И только 26 марта 1942 г. постановлением того же ГКО восстанавливались оставленные оборонительные рубежи и их строительство [5].

4 декабря 1941 г. городской комитет обороны «ввиду отсутствия в настоящее время плана оборонительных укреплений вокруг г. Ростова и в самом городе» принял решение «поручить т. Брагину не позже 7 декабря представить т. Двинскому [председателю городского комитета обороны – Т.Х.] план города с нанесением на нем оборонительных сооружений». К этому же сроку предполагалось пополнить отряды народного ополчения до 1050 чел., из его состава готовить бойцов по истреблению танков и гранатометчиков, а также мобилизовать население для 8 саперной армии, «действовавшей по обороне города» [6]. Мобилизация населения проводилась по законам военного времени. Райкомы партии совместно с милицией обязаны были обеспечить бесперебойную явку населения «в указанные сроки и в установленное место»: проводить обходы домов с целью выявления уклоняющихся граждан; направлять их на работу, а в случае злостного сопротивления арестовывать и принудительно доставлять в распоряжение «Оборонстроя». Хлебные карточки, выдаваемые «оборонцам», по постановлению того же комитета обороны, с 19 декабря можно было отоварить только на «Оборонстрое», а со временем их и вовсе перестали выдавать на руки: «Изъять продовольственные карточки для получения хлеба на работающих на строительстве оборонительных сооружений. На всех карточках поставить штамп: годен до 1 января, без этого штампа хлеб в городе с 24 декабря по карточкам не выдавать. Временно прекратить продажу хлеба (пока мобилизация не будет закончена)» [7].

При этом, несмотря на жесткость мобилизационных мер и ее не всегда оправданное применение, память очевидцев и участников событий того времени сохранила отношение к оборонным работам как к «тогдашней необходимости, не оставившей в стороне никого»: «Строились эскарпы в открытой степи к западу от Ростова, там, где после войны вырос Западный жилой массив. Непосредственными исполнителями этой “работы адовой” были мы – тысячи трудоспособных ростовчан. По понятным причинам, среди строителей преобладали женщины. В необходимости подобных работ никто не сомневался. Работали на совесть, не щадя сил» [8]. «И все шли, никто там не прятался <...> Да, конечно, все активно, все. Дедушки, бабушки, мальчишки, все» [9]. Работающие организовывались предприятиями: «Каждое учреждение работало по разрядке, за каждым были закреплены определённые дни недели. На работу и с работы доставляли поездом. Помню все, будто это было вчера. Чтобы не опоздать на поезд, надо было выйти из дома ранним утром, часа в четыре. Пешком через сонный город идти к вокзалу. На плече лопата, на ногах стоптанные туфли, на голове косынка, чтобы земля не попадала. На вокзале погрузались в теплушки (для тех, кто не знает, “теплушка” – это вагон, в котором возят скот). Ехали на Западный. До сих пор сохранилась сноровка землекопа» [10]. Неработающее население – домовыми комитетами: «Это все просто делается. Домоуправление есть, позвонили, старики собрали и все, никаких проблем» [11].

13–19 января 1942 г. областное бюро ВКП(б) подвело первые итоги оборонных работ на рубеже «Цымлянское – Чернышевское» и признало их «совершенно неудовлетворительными». В отношении не по большевистски подошедших к выполнению поставленных задач руководителей райкомов партии предполагалась их передача суду по законам военного времени. Для исправления ситуации со срывом работ «в район их производства командировался секретарь обкома ВКП(б) т. Горшков», который не должен был возвращаться в город до их завершения [12]. С целью

ускорения работ на рубеже «Г» (под г. Новочеркасском) в его западную часть перебрасывалась 26 саперная бригада 8 саперной армии и три колонны «Оборонстроя», на смену которым мобилизовывалось *«столько же мужского населения Новочеркасска»*. Причем мобилизовывалось, *«не останавливаясь перед закрытием на время предприятий и учреждений не абсолютно необходимых»*: *«Со всех предприятий и учреждений взять в организационном порядке не менее 50 % от списочного состава»* [13].

Строительство оборонительных сооружений организовывалось и контролировалось не только гражданскими, но и военными властями. Так, в связи со строительством нового укрепления от населенного пункта Миллерово до пос. Баба армянская Мясниковского района распоряжения Военных советов Южного фронта и 56 армии объявлялась трудгужповинность населения Куйбышевского (2500 чел.), Матвеево-Курганинского (2000 чел.), Больше-Крепинского (2500 чел.), Мясниковского (2000 чел.), Родионо-Несветаевского (3500 чел.) районов. Мобилизованное население обязывалось иметь при себе шанцевый инструмент: лопаты, ломы, кирки, топоры, клинья, кувалды и необходимый гужевой транспорт. Срок всех работ не должен был превышать 26 дней. Отправленные на «их контроль» ответственные работники обкома и облисполкома обеспечивались питанием *«по месту и могли возвратиться снова в город только лишь по окончанию полностью всех работ по строительству оборонительных сооружений»* [14].

Особо отличившихся строителей отмечали почетными грамотами исполкома областного совета депутатов трудящихся и обкома ВКП(б), хорошая работа становилась предметом отдельных докладов. 5 марта 1942 г. облисполком *«принял к сведению заявление начальника 34 участка АУВПС т. Иванова, что работы по строительству оборонительных сооружений по городу Новочеркасску закончены полностью»*. Отметил, что *«граждане городов Новочеркасска, Красного Сулима, мобилизованные на производство оборонных работ, как подлинны патриоты нашей родины, упорно трудились за скорейшее окончание работ, в результате чего работы были закончены в самые сжатые сроки»* [15]. 18 апреля городской комитет обороны *«поставил на вид прекрасную работу коллектива рабочих и служащих горводопровода, мясокомбината и деревоотделочной фабрики»*, которые не только выполнили в срок, но и перевыполнили задания при высоком качестве работы. Выражалось пожелание, чтобы *«они и дальше помогали строительству рубежа в порядке «воскресников», а также приняли бы участие в строительстве оборонительных сооружений по городу, показав образец сознательного отношения к задаче всемерного укрепления родного Ростова»* [16]. 3 июля 1942 г. на заседании обкома ВКП(б) отмечались *«трудящиеся Ростовской области и 24 Управление оборонительным строительством НКО»*, которыми *«с января месяца 1942 г. в условиях суровой зимы и весенней распутицы на освобожденной от немецких оккупантов территории, при отсутствии нормальных жилых условий и питания была проведена очень большая работа по строительству оборонительных рубежей Ворошиловградского и Ростовского обводов «А», «Б», «Г». Принятые комиссией Южного фронта рубежи заняты к обороне действующими войсками и при приемке получили оценку на «отлично» и «хорошо» 76 батраионов, на «удовлетворительно» 26 батраионов из общего числа сданных 102 батраионов»* [17].

Однако большинство обсуждаемых вопросов касались срыва строительных работ, поиска причин их неэффективности и принятия надлежащих мер по устранению выявленных недостатков. На том же заседании 5 марта 1942 г. отмечалось крайне неудовлетворительное состояние дел по мобилизации необходимого количества людей на строительство оборонительного рубежа Раздорского, Кривенского, Зверевского и Октябрьского районов. Первые секретари городских и районных комитетов ВКП(б), председатели городских и районных исполкомов обязывались в двухдневных срок *«обеспечить мобилизацию городского и сельского населения, а также всего необходимого для производства работ: отвести каждому району соответствующий участок; принять срочные меры к организации помещений для размещения людей, организовать питание и прочие бытовые условия»* [18]. Спустя два месяца 29 июня 1942 г. городской комитет обороны рассмотрел вопрос *«О ходе строительства рубежа «В» и пришел к выводу, что оно «протекает крайне неудовлетворительными, недостаточными темпами. Срок окончания, установленный горкомом обороны, сорван, под угрозой срыва срок, установленный командующим 24 УОС [Управление оборонным строительством – Т.Х.]. На участках Железнодорожного, Кировского, Пролетарского, Андреевского районов [Ростова – Т.Х.] продолжают оставаться неоконченными большие края рва и эскарпа. Аксайский район только 28.IV приступил к строительству отсечного рубежа по балке Кобяко. По трассе «В» до сего времени на танкоопасных направлениях не ликвидированы проезды, о том, где через ров должны быть мосты, они еще не построены. Из-за малого количества работающих крайне медленно идет сооружение плотин через р. Темерник и медленно устанавливается проволочное заграждение»*. С целью скорейшего окончания строительных работ комитет обороны считал необходимым уже к 1 июля закончить намеченные ров и эскарп, к 10 июля – возведение гидросооружений, создавая, тем самым, *«абсолютную непроходимость по плотинам танкам, автогужевому транспорту и пехоте»*. К этому же сроку планировалось полностью установить проволочное заграждение со стороны противника по всей трассе; ликвидировать все дороги, ведущие к Ростову, за исключением направлений *«Ростов–Новочеркасску», «Ростов–Таганрог», «Ростов–Салы» и «Ростов–Гниловская»*, с которых убиралась

все перемычки и сооружались деревянные мосты. По предложению представителей Южного фронта к 15 июля в Ростове дополнительно должны были быть возведены 29 баррикад, 227 огневых точек, 8 командных пунктов, 9 завалов, 8 внутригородских рвов, 25 погребов для боеприпасов и 3 центральных командных пункта [19].

Виновниками срыва оборонных работ зачастую признавались отдельные руководители предприятий, «неправильно» относившиеся к поставленным перед ними задачам: «... вместо того, чтобы безоговорочно выполнять решения РГКО [Ростовского городского комитета обороны – Т.Х.] <...> они продолжают околичивать пороги городских и областных организаций и имеют лазейки к тому, чтобы увильнуть от выполнения оборонных работ. Некоторые партийные и советские работники поддерживают их просьбы». В этой ситуации комитет обороны признал необходимым «лучше обсудить и разъяснить» назначение строительства оборонительных сооружений, ужесточив контроль над планом их возведения [20]. Недобросовестное отношение к делу председателей райсоветов и первых секретарей Сталинского, Пролетарского, Орджоникидзиевского районов, по заключению того же городского комитета обороны, привело к неудовлетворительным темпам работ по прорыву на отведенных им участках противотанковых рвов: «Особенно скверно обстоит дело по Сталинскому району вследствие безрукости секретаря района Исаенко». Руководителям районов вменялся в вину и срыв мобилизации населения, не выдержавшей намеченных показателей [21].

Ускоренными темпами велись и внутригородские работы по укреплению обороны Ростова. 18 мая 1942 г. городским комитетом обороны был утвержден состав городского штаба по строительству баррикад, в который вошли не только представители партийной и советской власти, но и военные. На него возлагались задачи по возведению оборонительных укреплений города, их инспектированию и передаче воинским частям. За три дня до учреждения штаба город должен был сдать 410 баррикад, однако к 18 мая в полной готовности пребывали только 3 из них [22]. При строительстве оборонительных сооружений учитывались и особенности городского рельефа. Так, в Сталинском и Железнодорожном районах города «срочно рассматривался вопрос о самом жестком применении надолб, ежей, рвов и других возможных препятствий не баррикадного типа, организовав их изготовление на предприятиях этих районов». В связи с окончанием строительства одного из оборонительных рубежей вокруг города комитет обороны посчитал необходимым приступить к устройству более мощных противотанковых препятствий около самого города. Совместно с представителями 192 саперной дивизии и 8 саперной армии, был принят план по сооружению «противотанкового рва объемом 19 км., эскарпа – 20 км., надолб – 4000 шт., пулеметных позиций – 68 шт., дотов – 28 шт., сот пулеметных – 6 шт., укреплений домов огневыми точками – 80, позиций 45 мл пушечных – 22 шт., позиций 76 мл пушечных – 14 шт., наблюдательных пунктов командиров батальонов и командных пунктов – 12 шт., наблюдательных пунктов командиров роты – 36 шт., минных полей – 2,2 км.» [23].

Рис. 1. Жители Ростова-на-Дону строят баррикады. 1942 г. (URL:

http://img12.nnm.ru/imagez/gallery/d/5/e/9/f/d5e9f116e593f9d1b511b53b99e30228_full.jpg
дата обращения: 12.11.22014)

4 июня 1942 г. городской комитет обороны принял решение: вывести на строительство баррикад, рвов, эскарпов, надолбов «столько людей, сколько нужно для завершения их строительства»; «удлинить рабочий день на строительстве баррикад – организовать работу в 2 смены, а если нужно, то и в 3»; «подвоз материалов (ввиду отсутствия транспорта) осуществлять вручную, на домашних телегах». Форсировалось строительство обводов на

танкоопасных рубежах: окраинах Ростова и вокруг ст. Аксайской, где выемка земли доводилась до 60 тыс. куб. в день [24]. В связи с необеспеченностью строительства оборонительных сооружений лесоматериалами предписывалось «разобрать при ст. Хапры полуразрушенные временные сооружения и временные перекрытия стройки № 23 Наркомсвязи, а также опоры разрушенных высоковольтных линий Ростов–Артемовск» [25]. По завершении работ, как правило, прекращалась выдача справок об освобождения от мобилизации «по отбытию трудовой повинности на строительстве рубежей вокруг Ростова». Желавшие могли в дальнейшем «продолжать работу по строительству оборонительных сооружений со снятием зарплаты от предприятия и переходом на оплату “Оборонстрой” (8–10 руб. в день)». В последующем им гарантировалось поступление на предприятие [26].

Помимо трудностей с мобилизацией населения и элементарной нехваткой «подручного материала» строительство оборонительных сооружений требовало обеспечения своей охраны. Судя по принимавшимся городскими и областными властями решениям, возводимые рубежи подвергались систематическим разорениям, как со стороны самих строителей, так и местного населения. Постановлением городского комитета обороны от 6–9 апреля 1942 г. его члены обязывались проверить выполнение горкомами и райкомами ВКП(б), а также исполкомами городских и районных советов депутатов трудящихся постановлений обкома ВКП(б) и облисполкома от 22 февраля, 9 марта и 14 марта «Об организации охраны оборонительных сооружений» и постановлений от 2 марта «О мероприятиях по обеспечению боеготовности рубежей на период весеннего паводка 1942 г.». Этим же постановлением «принималось к сведению сообщение прокурора Ростовской области Полозкова, что на основании директивы прокурора Союза ССР им даны указания городским и районным прокуратурам о привлечении виновных к умышленной порче и разрушениям оборонительных сооружений и препятствий к строжайшей уголовной ответственности по 79 статье УК РСФСР, со сроком следствия 5 дней». Секретарям горкомов и райкомов партии, председателям советов различных уровней поручалось провести «широкое оповещение населения об ответственности за разрушение оборонительных сооружений и препятствий» [27]. 4 июня 1942 г. городской комитет обороны, исходя из потребностей в усилении охраны города и городских оборонительных сооружений, посчитал целесообразным «сформировать в помощь милиции из комсомольцев и несоюзной молодежи отряды по охране города, городских сооружений, борьбе с нарушителями порядка и общественной безопасности до 1000 чел.». В их обязанности входило круглосуточное дежурство у баррикад и на окраинах города [28].

Немало хлопот городскому руководству доставляло состояние возведенных оборонительных сооружений, угрожавших безопасности находившимся рядом с ними гражданским объектам. 10 апреля 1942 г. главный инженер горжилуправления А.С. Попов обследовал состояние противотанкового рва, вырытого по ул. Энгельса и «подходящего торцом, с одной стороны, на 0,7 м. к забору бумажной фабрики, а с другой – на 1,5 м. к жилому дому». В подписанном им заключении отмечалось: «Ров расположен у конца улицы с резко выраженным рельефом, без устройства отвода атмосферных вод. Возможно поступление воды в подвальное помещение дома № 2 с деформацией последнего». Предлагалось срочно засыпать ров жирной глиной, «слоями с утрамбовкой и устройством мощения», на его месте возвести баррикаду с окнами для пропуска атмосферных вод [29]. 11 апреля в городской комитет обороны поступил акт, составленный инженером Железнодорожного районного жилуправления В.И. Щербаковым. При осмотре противотанковых рвов, расположенных по ул. Собино, им была обнаружена угроза проникновения фильтрующих вод под фундамент рядом стоящего двухэтажного кирпичного дома. Кроме того, один из рвов, по его мнению, «представляет явную опасность уже в настоящее время, так как вода из рва пробивается в подвальное помещение. Этим рвом открыт колодец и кабель, очевидно телефонный, бетонные трубы, в которые заключен кабель, прогнулись, будучи навесу. Трубы изломались, и кабель оголился» [30]. 18 апреля, рассмотрев вопрос «Об укреплении и содержании противотанковых рвов в г. Ростове-на-Дону», комитет обороны признал, что «часть противотанковых рвов обрушилась и в дальнейшем угрожает просадкой и разрушением мостовых». В связи с чем исполком горсовета обязывался провести работы по укреплению откосов противотанковых рвов и устройству ливнеотводов вокруг котлованов, «установить наблюдение за состоянием их, не допускать засыпку противотанковых рвов мусором и шлаком» [31].

3 сентября комитет обороны вновь вернулся к обсуждению вопроса о состоянии противотанкового рва, расположенного по Буденовскому проспекту. Впервые этот вопрос был заслушан 24 марта в связи со скоплением в нем атмосферных вод, создававших непосредственную «опасность прочности [находящимся рядом с ним – Т.Х.] зданий, в наружных стенах которых появились трещины». В мае и июне у двух заданий стал проседать фундамент, а в сентябре ров был признан «местом скопления атмосферных вод, насыщающих грунт у фундаментов вблизи расположенных зданий НКО». Признавалось, что «условия сопротивления грунта нагрузке от фундаментов не соответствуют рассчитанным данным, принятым при проектировании и сооружении зданий». Дальнейшее существование рва могло привести к катастрофическим последствиям, что требовало его немедленной засыпки с тщательной утрамбовкой [32]. Засыпан он

так и был, как, впрочем, и другие противотанковые рвы, ставшие угрозой для существования ряда гражданских объектов города.

24 июля 1942 г., несмотря на самоотверженный труд ростовчан и инженерно-саперных подразделений 56 и 8 саперной армий, город был занят противником. И хотя очевидцы, равно как и историки, расходятся в оценке эффективности их оборонительных возможностей («Ну конечно [противотанковые рвы помогли – Т.Х.], а как же. Они не могли [немецкие танки – Т.Х.] со скоростью бежать. Они проваливаются, может где-то развалили, время теряли» [33]. «И никому не приходила в голову мысль о заложенном в нашем труде чудовищном парадоксе: чем выше была эффективность наших сооружений, тем меньше была их необходимость. Ну, кто пошлет танки на штурм непроходимых для них сооружений? Яснее ясного было, что немцы будут искать другие средства овладения Ростовом...» [34]), противотанковые рвы стали символом защиты города и трудового подвига их строителей.

Рис. 2. Бои в Ростове-на-Дону, 1942 г. На переднем плане – противотанковые ежи.
(URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-178889.html?page=5> (дата обращения: 12.11.2014)

Выводы

Строительство оборонительных сооружений и возведение их ускоренными темпами отражало не только стремление руководства города к усилению его защиты, но и общие представления того времени об организации обороны. Просчет стратегической обстановки советским командованием осенью 1941 г. и кратковременная оккупация города стали мощным стимулом к развертыванию в последующем строительства оборонных укреплений в Ростове-на-Дону. Начавшаяся мобилизация населения по законам военного времени выявила его неоднозначное отношение к предстоящему фронту работ. Планирование строительства, его сроков и конкретных видов оборонительных сооружений осуществлялось во взаимодействии гражданских и военных властей. Причинами срыва их планового возведения оказывались как ведомственные конфликты, так и нехватка людей, строительных материалов, а нередко и необоснованное завышение принимаемых задач. Прорытые противотанковые рвы как один из основных элементов оборонительной системы требовали своего поддержания и становились опасным источником разрушения городской инфраструктуры (дорог, жилых зданий и учреждений).

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14–01–00300 «Большая излуцина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Маляров В.Н. Строительный фронт в годы Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб., 2000.

2. Земсков В.Н. Народный подвиг на строительстве оборонительных рубежей в 1941–1943 годах. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=3433&journal=163> (дата обращения: 25.11.2014).

3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 206.

4. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933–1953). Из истории Ростовского государственного университета и Ростовского государственного педагогического института. URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 12.11.2014).
5. Земсков В.Н. Народный подвиг на строительстве оборонительных рубежей в 1941–1943 годах. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=3433&journal=163> (дата обращения: 25.11.2014).
6. ЦДНИРО. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 201–202.
7. Там же. Л. 193.
8. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933–1953). Из истории Ростовского государственного университета и Ростовского государственного педагогического института. URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 12.11.2014).
9. Респондент: Моисеев Е.В., 1927 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 201 минута. Запись 23 января 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
10. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933–1953). Из истории Ростовского государственного университета и Ростовского государственного педагогического института.
11. Респондент: Моисеев Е.В., 1927 г.р.
12. ЦДНИРО. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 324. Л. 100–101.
13. Там же. Л. 101.
14. Там же. Л. 103–104.
15. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 109.
16. Там же. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 332. Л. 85.
17. Там же. Д. 354. Л. 91.
18. Там же. Д. 332. Л. 85.
19. Там же. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–3.
20. Там же. Л. 120.
21. Там же. Л. 167.
22. Там же. Л. 73.
23. Там же. Л. 73–74.
24. Там же. Л. 32–34.
25. Там же. Л. 35.
26. Там же. Л. 78.
27. Там же. Ф.Р.-9. Оп. 1. Д. 342. Л. 1–3.
28. Там же. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 36.
29. Там же. Л. 100.
30. Там же. Л. 102.
31. Там же. Л. 113.
32. Там же. Л. 104.
33. Респондент: Моисеев Е.В., 1927 г.р.
34. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933–1953). Из истории Ростовского государственного университета и Ростовского государственного педагогического института.

References:

1. Malyarov V.N. Building the front during the Great Patriotic War. Creating strategic lines and springboards for defensive operations of the armed forces during the war of 1941–1945. SPb., 2000.
2. Zemskov V.N. People feat for the construction of defensive py bezhey in 1941–1943. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=3433&journal=163> (date accessed: 25/11/2014).
3. Centre of Documentation the newest history of the Rostov region (hereinafter – SDNHRO). F.R.-3. Op. 2. D. 2. L. 206.
4. Bakulina N.V. Cloudy days (1933–1953). From the history of the Rostov State University, Rostov State Pedagogical Institute. URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (date accessed: 12/11/2014).
5. Zemskov V.N. People feat for the construction of defensive py bezhey in 1941–1943.
6. SDNHRO. F.R.-3. Op. 2. D. 2. L. 201–202.
7. Ibid. Л. 193.
8. Bakulina N.V. Cloudy days (1933–1953). From the history of the Rostov State University, Rostov State Pedagogical Institute.
9. Respondent: Moiseev E.V., born in 1927. Interviewers: E.F. Krinko, T.P. Khlynina, T.G. Kurbat. Location: Rostov-on-Don, flatt respondents. Duration 201 minutes. Record January 23, 2014 // Archive Laboratory of History and Ethnography ISEGI SSC RAS.
10. Bakulina N.V. Cloudy days (1933–1953). From the history of the Rostov State University, Rostov State Pedagogical Institute.
11. Respondent: Moiseev E.V., born in 1927.
12. SDNHRO. F.R.-9. Op. 1. D. 324. L. 100–101.
13. Ibid. L. 101.

14. Ibid. L. 103–104.
15. Ibid. F.R.-3. Op. 2. D. 2. L. 109.
16. Ibid. F.R.-9. Op. 1. D. 332. L. 85.
17. Ibid. D. 354. L.91.
18. Ibid. D. 332. L. 85.
19. Ibid. F.R.-3. Op. 2. D. 2. L. 1–3.
20. Ibid. L. 120.
21. Ibid. L.167.
22. Ibid. L. 73.
23. Ibid. L. 73–74.
24. Ibid. L. 32–34.
25. Ibid. L. 35.
26. Ibid. L. 78.
27. Ibid. F.R.-9. Op. 1. D. 342. L. 1–3.
28. Ibid. F.R.-3. Op. 2. D. 2. L. 36.
29. Ibid. L. 100.
30. Ibid. L. 102.
31. Ibid. L. 113.
32. Ibid. L. 104.

33. Respondent: Moiseev E.V., born in 1927.

34. Bakulina N.V. Cloudy days (1933–1953). From the history of the Rostov State University, Rostov State Pedagogical Institute.

УДК 94(47)

«В целях усиления защиты Ростова объявить мобилизацию населения»: строительство оборонительных сооружений осенью 1941 г. – летом 1942 г.

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН,
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена строительству оборонительных сооружений в Ростове-на-Дону и Ростовской области. Рассматривается работа городского штаба обороны и властей города по проведению мобилизации населения. Анализируются причины срыва планов возведения оборонных укреплений. Отмечается исходящая от них опасность гражданским объектам. Делается вывод, что строительство оборонительных сооружений и возведение их ускоренными темпами отражало не только стремление руководства города к усилению его защиты, но и общие представления того времени об организации обороны. Просчет стратегической обстановки советским командованием осенью 1941 г. и кратковременная оккупация города стали мощным стимулом к развертыванию в последующем строительства оборонных укреплений в Ростове-на-Дону.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ростов-на-Дону, оборонительные сооружения, мобилизация.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

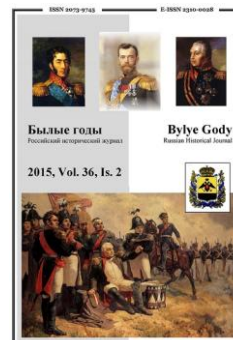
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 442-449, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (470.4)

The Orthodox Believer in the USSR. The 1940–1980th (on Materials of the Penza Region)

¹ Larisa A. Koroleva

² Alexey A. Korolev

³ Victor V. Zinchenko

⁴ Elena K. Mineeva

¹ Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

Titov street 28, Penza, 440028

Dr. (History), Professor

E-mail: la-koro@yandex.ru

² Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

Titov street 28, Penza, 440028

Dr. (History), Assistant Professor

³ Institute of the higher education of National academy of pedagogical sciences of Ukraine, Ukraine

Artem street 52 / A, Kiev, 04053

Dr. (Philosophy), Professor

E-mail: zinchenko.72@mail.ru

⁴ Chuvash state university of I.N. Ulyanov, Russian Federation

University street 38, Cheboksary, 428034

Dr. (History), Professor

E-mail: mineevaek21@mail.ru

Abstract

In article social and demographic parameters of orthodox believers of the Penza region (age, sex, social and labor employment, etc.) are characterized; types and level of religious ceremonialism in the region are analyzed; methods of distribution of religious beliefs the main thing from which was the believer's family reveal; methods of realization of the Soviet state religious policy at the regional level through local authorized Council for affairs of Russian Orthodox Church (later - Council for affairs of religions) and state and party authorities are described; the changes in confessional practice of local orthodox religious associations and believers connected, first of all, with some changes in an internal social and economic situation in the USSR come to light (for example, distribution of ideas about human rights); features of financial activity of the Penza orthodox religious communities and actually orthodox believers are considered; dynamics and specifics of submission of petitions and complaints by orthodox believers in various instances in the 1940-1980th is studied; specifications are brought in a plot about Paraskevinsky church in Kuznetsk of the Penza region; new tendencies in the contingent of believers and activity of Orthodox Christians religious the organizations in the second half of the 1980th determined by «perestroika» processes in the country are defined; it is proved that objective process of a sekularization of society in general, outlooks of the Soviet people in particular, made impact on consciousness of followers of an orthodox cult, including in the Penza region, in respect of decrease in the general level and quality of religiousness with what also Penza attendants of an orthodox cult agreed.

Keywords: USSR, Penza region, religion, Orthodoxy.

Введение

Вопреки широкомасштабной и системной атеистической политике государства религия играла определенную роль в жизни советских людей, являлась значимым фактором их повседневной реальности. Особенно это было заметно в глубинке, например, в провинциальной Пензенской области.

Степень разработанности темы деятельности православных религиозных объединений в целом и собственно верующего православного культа в Пензенском регионе в 1940–1980-е гг. явно недостаточная. Отдельными аспектами данной проблемы занимались А.А. Королев, Л.А. Королева, Л.В. Ключина, О.В. Мельниченко, [1, 2] и др. Особый интерес представляют работы И.Н. Гарькина [3].

В национальном составе населения Пензенской области преобладали народности, исповедовавшие православие – русские, мордва, украинцы и др. (около 96 % общей численности) [4].

Материалы и методы

Материалы исследования составляют опубликованные и неопубликованные документы, в том числе архивные источники (материалы Государственного архива Пензенской области, Российского государственного архива новейшей истории); законодательные акты СССР и союзных республик, РФ, партийные и партийно-государственные документы; мемуарная литература; материалы периодической печати.

Методы исследования – принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала. При возможности были применены принципы социально-психологического подхода и корректности и тактичности в оценке фактов и событий, поскольку спецификой конфессиональной практики РПЦ была довольно сильная нравственно-этическая составляющая участников.

Помимо методологических принципов в исследовании использованы специально-исторические принципы – актуализации, диахронный, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический; общенаучные – классификации, статистический, структурно-системный. Особо следует выделить историко-генетический, суть которого заключается в изучении динамики и содержания деятельности и взаимоотношений государства и православных верующих Пензенской области на отдельных этапах развития в контексте отечественной вероисповедной политики.

Обсуждение

Большая часть православных верующих – это пожилые люди, с невысоким уровнем образования, пенсионного возраста, для которых церковь выступала средством социализации, среди которых преобладали женщины [5]. Количественный и качественный состав контингента православных верующих был в целом на одном и том же уровне практически до середины 1980-х гг. Состав «двадцаток» в области в целом представлял ключевые социально-демографические параметры советских православных верующих, пензенских, в том числе. Уполномоченный подчеркивал, что, несмотря на возраст и низкий уровень образования, активисты церковного актива развивали излишнюю оборотистость в разрешении некоторых ситуаций. Уполномоченный отмечал, что главное для властей – это подбор в религиозные органы управления таких людей, через которых можно было бы проводить государственную линию [6]. Уполномоченный в начале 1960-х гг. выявил серьезные изменения в составе «двадцаток», а именно – значительное увеличение количества энергичных дееспособных граждан пенсионного возраста, у некоторых из которых имелись награды за многолетний и добросовестный труд на производстве или за участие в боевых операциях в период Великой Отечественной войны [7]. Неоднозначность данной ситуации состояла в том, что наличие в церковном активе ветеранов войны и труда, т.е. достойных и уважаемых людей, естественным образом укрепляло авторитет религиозных структур.

Совершавшие православные обряды, как правило, имели образование 7–8 классов. Например, среди 1200 родителей, крестивших своих детей в области в 1965 г., 63,2 % были с низшим образованием и 28 % - с неполным средним образованием; из 160 венчаний в 1966 г. в г. Пензе 59 % совершили граждане, закончившие 7 классов школы, или со средним образованием; из 3236 крещений в 44 % у родителей было 7–8-летнее образование.

Крестили детей, в основном, в возрасте до 3 лет, причем в 87 % детям не было еще 2-х лет. В 1967 г. из 11887 крещеных детей 90,7 % были младше 3-х лет, 6,9 % - от 3 до 7 лет, 1,5 % - от 7 до 16 лет, 0,9% - старше 16 лет. Взрослые также крестились, например, в 1975 г. данный обряд совершили 232 взрослых.

При этом в 1965 г. в регионе из 1200 крестивших детей 49 были членами комсомола и 20 членов партии; в 1967 г. среди совершивших православные религиозные обряды в г. Пензе было зафиксировано 120 членов ВЛКСМ и 110 членов КПСС. В 1968 г. среди крестивших своих детей были комсомолки акушерки кузнецкого роддома А.П. Агафонова, Г.В. Шипунова и Л.А. Луговкина; венчалась в церкви комсомолка, работница кузнецкой швейной фабрики им. Ю.А. Гагарина Н.И. Давыдова; крестили своих детей бригадир полеводческой бригады совхоза с. Колесовка

Башмаковского района, член партии Н.Г. Вяхирев и член партии мастер кузнецкой обувной фабрики В.Г. Шешталов и др. В 1978 г. только в Белинском районе среди крестивших своих детей насчитывалось 7 членов КПСС, 59 членов ВЛКСМ, 7 комсомольцев венчались. Примечательно, что среди молодежи, участвовавшей в совершении религиозных обрядов, доминировали девушки.

Иногда религиозность имела ярко выраженное «женское лицо». Так, по сведениям пензенского уполномоченного, в 1968 г. в регионе было совершено более 10000 обрядов т.н. «40-й молитвы» (молитвы 40-го дня) женщинами, родившими детей или прервавшими беременность [8].

Основными «проводниками» религиозных убеждений являлись семья, близкие родственники. Так, согласно материалам исследования религиозности населения Пензенской области в 1972–1973 гг., учащаяся молодежь Октябрьской средней школы Неверкинского района в большинстве своем отвечала на вопрос «Откуда Вы получаете сведения о религии» следующим образом: «Из бесед с домашними верующими»; во всех семьях имелись предметы религиозного культа, и никто из порвавших с религией не сделал этого под влиянием семьи [9].

За совершение православных обрядов следовали «штрафные» санкции. Например, в 1947 г. М.И. Демкин, 1897 года рождения, проживавший в с. Липовки Соседского района, был исключен из членов партии за то, что был посаженным отцом на венчании своего брата. Его односельчанина М.И. Ваняева, 1925 года рождения, также лишили партбилета за совершение обряда венчания. В этом же году церковного старосту с. Липовки Соседского района Цибезова и его детей в возрасте 16 лет и 21 года исключили из колхоза. 5 членов КПСС г. Белинска, которые в 1965 г. крестили своих детей, получили выговор, а 2 объявили строгий выговор. В 1975 г. членам партии А.Я. Соломину, шоферу колхоза имени XXI съезда КПСС, и Н.Н. Киселеву, трактористу колхоза имени XXII съезда КПСС (Наровчатский район), на партсобраниях были объявлены выговоры; но партком колхоза имени XXII съезда КПСС счел эту меру слишком «либеральной», и Н.Н. Киселеву вынесли выговор с занесением в учетную карточку. Всего по Наровчатскому району из 26 комсомольцев, участвовавших в религиозных обрядах, 16 были объявлены выговоры, 9 вынесены предупреждения (одного не обуждали, т.к. находился в больнице). В 1979 г. в Белинском районе за совершение обряда крещения детей коммунистам И.И. Кутаеву и Ф.И. Бажанову (колхоз «Гигант») на общем партийном собрании колхоза были вынесены выговоры, А.П. Складову (колхоз «Родина Белинского») на заседании парткома объявлен строгий выговор, В.Б. Болотникову (совхоз «Парус»), Н.С. Кувшинову (совхоз «Знамя»), М.М. Бучину (совхоз «Лермонтовский») на заседании парткома - выговор, Е.А. Абрашину партбюро также объявило выговор [10].

Тем не менее, идеи о правах человека вместе со свободами, объявленными Конституцией 1977 г., все более укоренялись в советском обществе, и верующие даже в такой глубинке, как Пензенская область, начинали в судебном порядке отстаивать свои права. Так, областная аттестационная комиссия на заседании 27 февраля 1980 г. и местный комитет профсоюза на собрании 7 мая 1980 г. приняли решение об увольнении с работы мастера производственного обучения СГПТУ № 18 с. Махалино Кузнецкого района В.Ф. Чебурашкиной, которую уволили с формулировкой в приказе администрации училища «за несоответствие занимаемой должности – мастера-воспитателя». В.Ф. Чебурашкина написала заявление в Городищенский народный суд о незаконности своего увольнения и с требованием восстановления в прежней должности. Суд ей отказал, мотивировав тем, что В.Ф. Чебурашкина совершила «безнравственный поступок» крещения своих двух детей в августе 1979 г., что явилось причиной увольнения в соответствии со ст. 254 п. 3 КЗОТ РСФСР. В.Ф. Чебурашкина не согласилась с решением суда и подала в Коллегию по гражданским делам областного народного суда кассационный иск. Областной народный суд на жалобу В.Ф. Чебурашкиной ответил отказом, подтвердив постановление Городищенского народного суда. Обращаясь к вышестоящим советским органам, В.Ф. Чебурашкина апеллировала именно к ст. 52 Конституции. В судебном процессе принимали участие уполномоченный Совета по делам религий по Пензенской области А.С. Васягин, председатель пензенского облсуда П.А. Симонов и т.д. В ходе судебного разбирательства в 1983 г. председатель пензенского облсуда П.А. Симонов пришел к выводу о законности и правильности решения народного суда, кроме пункта об «аморальном поступке», который содержался в решении суда первой инстанции [11].

Необходимо учитывать, что даже в сложных советских обстоятельствах служители православного культа пытались привлечь к церкви внимание как можно большего количества людей, представить ее «социально привлекательной». Исходя из многочисленных бесед с верующими, пензенские священнослужители пришли к выводам, что интеллигенция посещает церкви, в которых функционируют хорошие церковные хоры. Принимая во внимание данное обстоятельство, хотя это и требовало значительных финансовых вложений, церковные певчие начали получать достойное денежное «вознаграждение»: ведущие «голоса» в церковных хорах имели солидную зарплату от 400 до 1500 руб. в месяц. В итоге, в 1957 г. хоры действовали уже в 15 церквях области – в г. Пензе, Кузнецке, Беднодемьяновске, Белинске, Вадинске, р.п. Мокшане и т.п. Для расширения «электората» применялись и другие методы. Например, в Кафедральном соборе епископ для придания значительной «пышности» и привлекательности архиерейским службам использовал молодежь: за плату в 20–25 руб. за одну службу ему помогали студент второго курса механического техникума Платонов и учащийся начальной школы Заболеев [12]. В церквях активно создавались хоры,

наиболее многочисленные и квалифицированные из них существовали именно в городских храмах Пензенской области.

У православных верующих, как и у неверующих, имелись свои достоинства и недостатки. В деятельности православных общин отражались все аспекты, порою нелицеприятные, не только конфессиональной, но и мирской жизни. Так, в декабре 1954 г. в администрацию исполкома горсовета г. Кузнецка поступило письмо «Под крышей Казанской церкви» от разъяренных женщин города Матвеевой, Кочетковой и др., в котором указывалось, что в городской церкви происходит «полный бардак», что в ней все, включая священнослужителя, «разлагают советские семьи», постоянно происходят «гулянки, пьянки, сожительство». Авторы письма возмущались, что в храме отвратительная нравственная атмосфера, которая вызывает ужас у «всего православного коллектива верующих»: «...Мужей наших скружили эти подлые бабы...» [13].

Особо болезненным во взаимоотношениях верующих являлся финансовый вопрос и связанная с ним деятельность. Так, в 1949 г. священник сердобской церкви настойчиво «попросил» прихожан поучаствовать в уплате подоходного налога, поскольку, если налог не будет выплачен, церковь могут закрыть и будут использовать под зернохранилище. В итоге длительных «согласований» причт согласился внести половину подоходного налога. Сразу же информацию об этом уполномоченный Совета передал в областной финотдел. В отдельных населенных пунктах Пензенского региона происходила почти открытая борьба по поводу распоряжения церковной кассой (ящиком) между служителями культа и советами церквей. Например, в с. Большой Мичкасс, Липовка, Плетневка и др. церковной кассой «владели» церковные советы, в других населенных пунктах – г. Сердобск, с. Русская Норка, Тешнярь и др. ящиком распоряжались священники. Уполномоченный подчеркивал, что, по мнению верующих, и те, и другие особо не стеснялись пользоваться содержимым церковной кассы для пополнения своих собственных карманов. В 1946 г. священник Макеев, как благочинный, выражал обеспокоенность тем, что в с. Ершово, где настоятель «священник Ключнев, все церковное хозяйство, в особенности церковный ящик, забрал в свои руки церковный староста Зоткин, бывший председатель колхоза; в церкви он торговал своими свечами, т.е. взятые для продажи церковные свечи почти полностью возвращались обратно; между тем, в церкви бывало много народа, и в подсвечниках горело много свечей» [14]. В 1954 г. секретарь местной партийной организации Федотов и учительница Виноградова направили письмо в Совет по делам Русской Православной церкви о предосудительном поведении священнослужителя М.П. Масловского из с. Малой Ижморя Земетчинского района. В ходе разбирательства, предпринятого уполномоченным Советом по делам Русской Православной церкви по Пензенской области Н.И. Лысманкиным, удалось выяснить, что реальными авторами кляузы были певчие религиозного хора православной общины Ф.М. Козлова и А.В. Корастелева. В разговоре с уполномоченным Ф.М. Козлова объяснила, что раньше певчие получали плату за каждую службу, но священник М.П. Масловский и псаломщик С.Е. Детков, выполнявший обязанности церковного старосты, все доходы присваивали себе, и певчим стали платить исключительно по православным праздникам. В условиях бездействия ревизионной комиссии М.П. Масловский посчитал себя «хозяином церкви», не отчитывался перед церковным советом и прихожанами в расходовании финансов общины [15]. 6 марта 1957 г. прошло заседание народного суда Каменского района Пензенской области по поводу иска А.В. Булаевой, дневного сторожа-уборщицы Сергиевской церкви. В течение двух лет работы А.В. Булаева не уходила в очередной отпуск, не использовала выходные и праздничные дни. При увольнении настоятелем церкви И.Н. Ленишкиным ей было отказано в компенсации. Народным судом иски требования были удовлетворены лишь частично: в пользу истца была взыскана компенсация за неиспользованный отпуск за период 2 лет и за выходные и праздничные дни в течение 3 месяцев, предшествовавших обращению в суд. Пензенский уполномоченный Н.И. Лысманкин объективно оценивал последствия этих инцидентов, указывая, что конфликты, случившиеся в общинах между священнослужителями и церковным советом и прихожанами, особенно, если они принимали длительный характер, и в скандалы оказывались втянутыми многие верующие, негативно сказывались на авторитете и деятельности общины, сокращалось количество посещавших церкви прихожан, уменьшались доходы [16].

В 1970-е гг. в Пензенской области было зафиксировано резкое увеличение количества верующих, желавших поступить в православные духовные заведения. Например, в 1971 г. Н.А. Москвитин, житель г. Пензы, 1937 года рождения, инженер-электрик завода ВЭМ, выпускник института, женатый, подал заявление с просьбой принять его на учебу в Ленинградскую духовную семинарию. В 1975 г. слесари завода ВЭМ А.Ф. Кожевников (г. Заречный) и Л.М. Брынский, 1951 года рождения (г. Сердобск), изъявили желание поступить в семинарию. В 1975 г. уже 4 человека стремились попасть на учебу в Ленинградскую и Московскую духовные семинарии. В 1986 г. из Пензенской епархии (включая Мордовскую АССР) в духовных заведениях обучалось 4 человека на дневных отделениях, 11 верующих, служивших в местных приходах, - на заочных отделениях [17].

Во второй половине 1970-х гг. пензенские православные стали более действенно проявлять свою веру. В 1975 г. 21 человек послали в Почаевскую лавру Тернопольской области пожертвования в виде денежных переводов общей суммой 1471 руб.; через 4 года 29 пензенцев выслали в Лавру средства на сумму более 2500 руб. [18]

Несмотря на возможные негативные последствия, пензенские верующие отличались активностью в плане подачи различного рода жалоб и прошений. Так, если в 1947 г. всего было подано 21 заявление от верующих, то в течение 1967 г. было зафиксировано 127 заявлений и ходатайств от верующих; больше всего из них (26) – о возобновлении деятельности закрытых молитвенных зданий и открытии новых церквей, 6 – о незаконных шагах и злоупотреблениях священнослужителей; 3 – о нарушениях советского законодательства местными организациями в отношении религиозных объединений. В остальных заявлениях содержались взаимные претензии верующих друг другу и к церковным служащим, рассказывалось о церковных скандалах и т.д. В 1967 г. уполномоченный персонально пообщался с 134 верующими.

В 1968 г. было подано 68 заявлений и ходатайств, причем 22 из них касались неправомерных действий и злоупотреблений церковных работников; в 8 содержалась информация о злоупотреблениях священнослужителей; 7 ходатайств были об открытии новых церквей и возобновлении функционирования закрытых и о назначении служителей культа; 4 заявления – о нарушении закона должностными лицами и верующими; 2 – о вмешательстве священнослужителей в финансовые и административно-хозяйственные функции общин и т.д. С каждым годом число заявлений, ходатайств и требований от православных Пензенской области постепенно уменьшалось: в 1980 г. от прихожан поступило 16 просьб, в 1981 г. – 15, в 1982 – 14 [19].

Основная масса заявлений была представлена ходатайствами об открытии храмов, авторами которых были в большинстве своем, люди преклонного возраста [20]. Так, в 1968 г. среди 127 прошений в 20 письмах излагалось требование о восстановлении и возобновлении деятельности Параскевинской церкви в г. Кузнецке. В течение 1975–1981 гг. в различные советские и партийные инстанции были направлены заявления об открытии храмов в г. Пензе, с. Красная Дубрава Земетчинского района, с. Кевдо-Мельситово Каменского района, с. Орловка Наровчатского района, с. Теплое Малосердобинского района. Но детальная проработка поданных ходатайств доказала, что эти документы инициировались достаточно узким кругом лиц, причем, подписи иногда подделанными. Например, среди авторов заявления об открытии церкви в с. Красная Дубрава Земетчинского района были подписи жителей 6 соседних сел, в том числе, комсомольцев, коммунистов, депутатов местного Совета, беспартийных активистов, школьников, не достигших совершеннолетия. Более того, среди лжеподписантов были члены десятков семей, уехавших из области более 5 лет назад [21].

Иногда заявления носили «модернистский» характер. Так, в 1947 г. Н.Е. Ковальчук предложил в своем послании в Верховный Совет СССР и РСФСР построить в г. Пензе собор за счет государства с целью объединения православной и католической церквей «путем переговоров высших священнослужителей православной церкви с церковью католической. 10 лет у меня держалась такая мысль в голове, и я решил, что настало время ее осуществить». Н.Е. Ковальчук писал: «Один бог, одна вера и один язык». Пензенский уполномоченный пригласил автора на беседу, чем тот был чрезвычайно польщен, поскольку «советская власть обратила внимание на его заявление» [22].

Весьма интересен и типичен для того времени эпизод о Параскевинской церкви в г. Кузнецке. В июне 1963 г. в Параскевинской церкви кузнецкий горисполком прекратил службы, поскольку православная община не должна использовать два молитвенных дома в одно и то же время. Но по советскому законодательству о культурах запрет кузнецкого горисполкома, который на дверь церкви навесил замок, были неправильными. В г. Кузнецке и близлежащих селах насчитывалось значительное количество православных верующих. Функционировавший храм не охватывал всех страждущих не только во время больших православных праздников, но и в будние дни. 30 марта 1967 г. у пензенского архиепископа Феодосия состоялась встреча с председателем Совета по делам религий В.А. Куроедовым, где обсуждалась проблема восстановления и возобновления деятельности Параскевинской церкви. Данный вопрос затрагивался архиепископом Феодосием в беседе с патриархом Московским и всея Руси Алексием. Пензенский уполномоченный провел серьезную разъяснительную работу с верующими, и в период 1968–1971 гг. от них не поступило ни одного заявления по поводу Параскевинской церкви. У Совета по делам религий появились все формальные основания для вынесения 20 июня 1973 г. решения о принятии предложения пензенского облисполкома и снятии с регистрации православного религиозного объединения Параскевинской церкви в г. Кузнецке в связи со слиянием ее с объединением Казанской церкви. Здание Параскевинской церкви предписывалось использовать в хозяйственных целях [23].

Со второй половины 1980-х гг. контингент православных верующих менялся, что очевидно было связано с «перестроечными» процессами в стране [24]. Например, пензенский уполномоченный в 1986 г. сделал следующие выводы, что идет формирование нового, социально активного верующего, чья вера вполне осознанна [25].

Содержание ходатайств в центральные органы власти от рядовых верующих тоже изменилось, появились новые нетрадиционные сюжеты. Так, в канцелярии ЦК КПСС в 1989 г. было зарегистрировано обращение М.В. Антясовой из г. Пензы, в котором автор просила передать Русской Православной церкви икону Владимирской богородицы, находившуюся в Государственной Третьяковской галерее. Пензенскому уполномоченному А.С. Васягину было предписано передать М.В. Антясовой, что Совет направил обращение в Министерство культуры СССР с предложением

рассмотреть вопрос о возможности передачи иконы Московской патриархии для размещения ее в одном из храмов Данилова монастыря [26].

Обрядность пензенских православных продолжала оставаться высокой, даже повышалась. Так, в 1986 г. по сравнению с 1980 г. количество венчаний увеличилось на 0,6 %, крещений – на 2,7 %, очных отпеваний – на 1,5 % [27].

Заключение

Таким образом, основным культом населения Пензенского региона являлось православие, которое исповедовала большая часть проживавших в области (русские, мордва и т.п.).

Пензенские православные верующие были представлены людьми преклонного возраста, преимущественно женщинами; образовательный уровень их был низок. Население области отличалось массовыми посещениями храмов, активным участием в церковных богослужениях и т.п. Религиозная картина дополнялась тем, что в Пензенский регион для проведения православных обрядов приезжали жители соседних областей.

Действительность доказала, что православие по-прежнему оказывало значительное воздействие на сознание и поведение верующих, численность которых была весьма значительна. Русская Православная церковь, в целом придерживаясь лояльной позиции по отношению к светским властям страны, все же позиционировалась как их оппонент в вопросах формирования основ мировоззрения советского народа. Русская Православная церковь осуществляла свою деятельность, преследуя задачу расширения своей паствы и выработки в общественном мнении толерантного и благожелательного отношения к церкви как социальной структуре, имеющей многовековую историю и играющей значительную роль в формировании российской государственности. Верующие часто именно в храме получали шанс на реализацию собственных недовостребованных в обществе личностных намерений, мотивов патриотизма, жажды справедливости, уважения к личности каждого человека и т.д.

Но объективный процесс секуляризации социума в целом, мировоззрения советских людей в частности оказывал воздействие на сознание последователей православного культа, в том числе и в Пензенской области. В связи с этим епископ Леонид еще в конце 1950-х гг. честно говорил, что прекрасно отдает себе отчет в том, что условия существования РПЦ изменились по сравнению с временем, «когда мы – старики были молодыми». Если тогда, говорил Леонид, верили все, и это было нормой, то в советское время многие безразличны к вере. По мнению епископа, посещение церкви не означает приверженность человека Богу, и молодежи верующей очень мало, поскольку не следует считать верующими молодых людей, которые приходят в церковь по большим праздникам, «просвистят» там и уходят: «Настоящих верующих стало мало» [28].

Примечания:

1. Королев А.А., Мельниченко О.В. К вопросу о союзном и республиканском Советах по делам религий в СССР // Альманах современной науки и образования. 2011. № 2 (45). С. 30-31.
2. Ключина Л.В., Мельниченко О.В., Королева Л.А., Королев А.А. Епископ Пензенский и Саранский Серафим: штрихи к портрету // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. Серия «Гуманитарные и педагогические науки». 2011. № 3 (71). Ч. 2. С. 127-131.
3. Гарькин И.Н. Православные религиозные объединения и государство в 1945–2000 гг. (по материалам Пензенской области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2014.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 148. О. 1. Д. 5235. Л. 50.
5. Королева Л.А. Исторический опыт советского диссидентства и современность. М.: МОСУ, 2001. С. 130.
6. ГАПО. Фонд 2391. Опись 1. Дело 15. Лист 243-244.
7. ГАПО. Фонд 148. Опись 1. Дело 4681. Лист 36-37.
8. ГАПО. Фонд 148. Опись 1. Дело 4617. Лист 93.
9. ГАПО. Фонд 2392. Опись 1. Дело 81. Лист 1-3.
10. ГАПО. Фонд 2392. Опись 1. Дело 3. Лист 125.
11. ГАПО. Фонд 2392. Опись 1. Дело 100. Лист 41-121.
12. ГАПО. Фонд 2391. Опись 1. Дело 5. Л. 143.
13. ГАПО. Фонд 2392. Опись 1. Дело 22. Лист 66.
14. ГАПО. Фонд 2391. Опись 1. Дело 3. Лист 103.
15. ГАПО. Фонд 2392. Опись 1. Дело 22. Лист 16-18.
16. ГАПО. Фонд 2392. Опись 1. Дело 27. Лист 12.
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Фонд 5. Опись 16. Дело 742. Лист 90.
18. ГАПО. Фонд 2392. Опись 1. Дело 91-а. Лист 19, 43-119.
19. ГАПО. Фонд 2392. Опись 1. Дело 109. Лист 4.
20. РГАНИ. Фонд 4. Опись 16. Дело 554. Лист 7.
21. ГАПО. Фонд 2392. Опись 1. Дело 109. Лист 12.

22. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 3. Лист 122.
23. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 77. Лист 295.
24. РГАНИ. Фонд 5. Описание 99. Дело 162. Лист 25.
25. Королева Л.А., Королев А.А., Мельниченко О.В. Русская Православная церковь в России в конце XX века. М.: Инфра-М, 2013. С. 67.
26. ГАПО. Фонд 2392. Описание 1. Дело 141. Лист 15.
27. ГАПО. Фонд 148. Описание 1. Дело 125. Лист 7, 23, 25-27.
28. ГАПО. Фонд 2391. Описание 1. Дело 14. Лист 26.

References:

1. Korolev, A.A., Melnichenko, O.V. To a question of allied and republican Councils for affairs of religions in the USSR // The Almanac of modern science and education. 2011. № 2 (45). P. 30-31.
2. Klyushina, L.V., Melnichenko, O.V., Koroleva, L.A., Korolev, A.A. Bishop Penzensky and Saransk Serafim: strokes to a portrait // The Bulletin of the Chuvash state pedagogical university of I.Ya. Yakovlev. «Humanitarian and Pedagogical Sciences» series. 2011. № 3 (71). H. 2. P. 127-131.
3. Garkin, I.N. Orthodox religious associations and the state in 1945-2000 (on materials of the Penza region): thesis ... candidate of historical sciences: 07.00.02. Cheboksary, 2014.
4. State Archive of the Penza Region (SAPR). f. 148. Inv. 1. d. 5235. p. 50.
5. Koroleva L.A. Istorichesky experience of the Soviet recusancy and present. M.: MOSU, 2001. P. 130.
6. SAPR. f. 2391. Inv. 1. d. 15. p. 243-244.
7. SAPR. f. 148. Inv. 1. d. 4681. p. 36-37.
8. SAPR. f. 148. Inv. 1. d. 4617. p. 93.
9. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 81. p. 1-3.
10. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 3. p. 125.
11. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 100. p. 41-121.
12. SAPR. f. 2391. Inv. 1. d. 5. p. 143.
13. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 22. p. 66.
14. SAPR. f. 2391. Inv. 1. d. 3. p. 103.
15. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 22. p. 16-18.
16. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 27. p. 12.
17. Russian State Archive of the Contemporary History (RSACH). f. 5. Inv. 16. d. 742. p. 90.
18. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 91. p. 19, 43-119.
19. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 109. p. 4.
20. RSACH. f. 4. Inv. 16. d. 554. p. 7.
21. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 109. p. 12.
22. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 3. p. 122.
23. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 77. p. 295.
24. RSACH. f. 5. Inv. 99. d. 162. p. 25.
25. Koroleva, L.A., Korolev, A.A., Melnichenko, O.V. Russian Orthodox Church in Russia at the end of the XX century. M.: Infra-M, 2013. P. 67.
26. SAPR. f. 2392. Inv. 1. d. 1. 141. p. 15.
27. SAPR. f. 148. Inv. 1. d. 125. p. 7, 23, 25-27.
28. SAPR. f. 2391. Inv. 1. d. 14. p. 26.

УДК 94 (470.4)

**Православный верующий в СССР. 1940–1980-е гг.
(по материалам Пензенской области)**

¹ Лариса Александровна Королева

² Алексей Александрович Королев

³ Виктор Викторович Зинченко

¹ Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
440028, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: la-kogo@yandex.ru

² Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
440028, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28
Доктор исторических наук, доцент

³ Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины, Украина
040530, Киев, ул. Артема 52 / А
Доктор философских наук, профессор
E-mail: zinchenko.72@mail.ru

Аннотация. В статье характеризуются социально-демографические параметры православных верующих Пензенской области (возраст, пол, социальная и трудовая занятость и т.д.); анализируются виды и уровень религиозной обрядности в регионе; раскрываются методы распространения религиозных убеждений, главным из которых являлась семья верующего; описываются методы реализации советской государственной вероисповедной политики на региональном уровне через местного уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви (позже - Совет по делам религий) и государственно-партийные органы власти; выявляются изменения в конфессиональной практике местных православных религиозных объединений и самих верующих, связанные, в первую очередь, с некоторыми переменами во внутренней социально-экономической ситуации в СССР (например, распространение идей о правах человека); рассматриваются особенности финансовой деятельности пензенских православных религиозных общин и собственно православных верующих; изучена динамика и специфика подачи ходатайств и жалоб православными верующими в различные инстанции в 1940–1980-е гг.; внесены уточнения в сюжет о Параскевинской церкви в г. Кузнецке Пензенской области; определяются новые тенденции в контингенте верующих и деятельности православных религиозных организации во второй половине 1980-х гг., детерминированные «перестроечными» процессами в стране; доказывается, что объективный процесс секуляризации социума в целом, мировоззрения советских людей в частности, оказывал воздействие на сознание последователей православного культа, в том числе и в Пензенской области, в плане снижения общего уровня и качества религиозности, с чем соглашались и сами пензенские служители православного культа.

Ключевые слова: СССР, Пензенская область, религия, православие.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

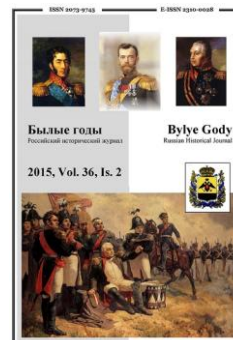
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 450-460, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94; 327.39; 329.273

Circassian Question: Transformation of Content and Perception

¹ Veronika V. Tsibenko

² Sergey N. Tsibenko

¹ Southern Federal University, Russian Federation

PhD (History)

E-mail: tsibenkovv@sfnu.ru

² Southern Federal University, Russian Federation

E-mail: tsibenko@sfnu.ru

Abstract

Public space discussion of various aspects of the Circassian (Adyghe) problematics and the so-called Circassian question became extremely hot in the mid-2000s in connection with such a significant event like the Olympics 2014 in Sochi. The viewpoint that the Circassian question itself does not exist outside the Olympic agenda is prevailing in the Russian research environment.

The authors of the current article argue against the binding of the Circassian question exclusively to the Olympics and consider it in a broad historical and cultural context, tracing the transformation of its content and perception by the international community. The article gives a retrospective picture of the Circassian question in relation to the place, time and processes of both local and global significance, identifies the factors that influenced its coverage in a particular way and the main actors that determine the formation of public opinion.

The authors distinguish the main historical stages of development of the Circassian national movement, give a detailed description of each of them, reveal the basic mechanisms and features, examine topical Circassian issues. The article gives a large amount of data on the Circassian organizations, their appeals to the governmental and international organizations.

As follows from the analysis, the authors conclude that the sharp growth of the relevance of the Circassian problematics after 2007 is conditioned not only by the objective internal processes of the Circassian national movement, but even more by foreign policy factors and the Circassian question perception in the international arena has historically predetermined outcome.

Keywords: Circassians; Adyghe; Circassian Diaspora; Circassian National Movement; Circassian Question; Caucasus.

Introduction

The public space discussion of various aspects of the Circassian (Adyghe) problematics became extremely actual in the mid-2000s. The so-called Circassian question of the political status of the Northwest Caucasus [1] nowadays is familiar not only to the scientists, public figures, politicians, but also, thanks to the media, to the ordinary citizens at least of three continents.

Many experts attribute the actualization of the Circassian question with such a momentous event as the Olympic Games of 2014 in Sochi [2]. Indeed, one of the key demands voiced by Circassian activists was the abolition of sport mega-event on the "Circassian lands" where, they claimed, the Russian Empire committed "genocide of Circassians" in the 19th century.

The accentuation of political engagement of the theme leads researchers to the belief that the end of the Olympics also means the end of the international attention to the Circassian question. As Petersson stated: "once the Games are over they will risk returning to the status of an internationally little-known minority that they have basically had until just a few years ago" [3]. Moreover, the viewpoint that the

Circassian question itself does not exist outside the Olympic agenda is prevailing in the Russian research environment [4]. Research community does not take into account the nearly two-century history of the development of the Circassian question, accompanied by the transformation of its content and perception.

Materials and Methods

The structure of the article is set by an attempt to give the periodization of the phenomena in question, basing on the principle of historicism and using the comparative analysis. Tracing of changes in perception of the Circassian question was made possible due to the use of discourse analysis, and the constructivist approach enabled the identification of the main actors. The study is based on a wide range of materials in Russian, English and Turkish languages, including official documents and public statements by opinion leaders.

Discussion

Although the Circassian national movement and the Circassian problematics as a whole have attracted many researchers, there are still not enough of the objective generalizing works [5] that provide a retrospective picture of the development of the Circassian question in relation to the place, time and processes of both local and global significance. The aim of this paper is twofold – to examine the Circassian question in a broad historical and cultural context and trace the transformation of its perception by the world community. For this it is necessary to identify the factors that influenced the coverage of the Circassian question and the actors that determine the formation of public opinion.

Results

The Eastern Question and the Circassian Answer

The first half of the 19th century marked the emergence of the Circassian question in European agenda. By that time, the balance of geopolitical forces had changed significantly. The Ottoman Empire got, according to the figural expression of the Russian Tsar Nicholas I, the status of the “sick man of Europe”, which provoked intense conflicts of interest among the claimants upon the Ottoman legacy. The victory of the Russian Empire in the Russian-Turkish war of 1828-1829 caused the strengthening of its position in the region and in the international arena, making the competition between the great powers even more acute. In the Treaty of Adrianople it was said that “the whole Black Sea coast from the mouth of the Kuban to the pier of St. Nicholas inclusively would abide be in the eternal possession of the Russian Empire”.

This opened up new opportunities for Russian trade and led to a serious confrontation with the British Empire, which perceived the presence of Russia in the Black Sea and the Caucasus as a direct threat to its trade interests not only in the Ottoman Empire, but also in Iran and India. The great concern was caused by the growing influence of the Russian Tsar over Mahmoud II, backed by military support that Nicholas I gave to the Sultan in the Turkish-Egyptian war with the former Ottoman vassal Muhammad Ali. The presence of the Russian fleet and 30 thousand soldiers saved Constantinople in 1833 from occupancy by the Egyptian troops. In the same year the Unkiar-Skelessi treaty of peace, friendship and defensive alliance between the two empires was signed, engendering the official protests of England and France.

In this tense atmosphere of the Eastern Question aggravation, the British diplomats' attention was attracted to the possibility of usage of the Northern Caucasus Circassian tribes to counter the advance of the Russian Empire in the region. Construction and maintenance of national liberation movements in the Ottoman Empire territories was a trend of the time, and these developments could be successfully used against Russia. Constantinople became the center of Anglo-Circassian contacts, and the key person in the implementation of these plans was David Urquhart – turkophil and a leading Russophobia propagandist [6;7], a trade mission employee since 1931, and a Secretary of the British Embassy since 1935, who had gained the support of the King William IV himself.

Having experience of participating as a volunteer in the liberation war of Greece, Urquhart in 1834 went to the Circassians, urging them to unite in the fight against the Russians and promising them full support of Britain. He not only made every effort to consolidate disparate Circassian clans and tribal groups, creating for them a unity government, a declaration of independence and the national flag [8], but did everything possible to bring the international attention to the Circassian question.

Urquhart allies were Polish immigrants of Hôtel Lambert, for whom the Circassian question became a way of attracting the major powers for solution of the Polish question, as: “For them it was the most means of likely involving England in a dispute with Russia, which would serve in turn to make the restoration of Polish independence a live issue for the diplomats of Europe” [9]. Together they engaged in propaganda of the Circassian question through newspapers, magazines, and as of 1854 through Foreign Affairs Committees, together planned the creation of the Polish Legion in Circassia [10], together realised ambitious plans on sending Vixen (1836) and Chesapeak (1862) schooners filled with weapons to the Circassians, provoking an open confrontation between Russia and Great Britain [11]. These projects were supported by other Englishmen who were carrying on agitation work among the Circassians, supplying them with weapons, teaching the latest techniques of warfare, creating secret aid societies and so on [12]. The texts of their articles, speeches and memoirs have served as the source for the formation of ideas about the Circassian question in Europe [13].

However, despite the fact that “At the beginning, the project of unifying Circassians under a single government seemed quite simple and natural” [14], attempts to create a unified Circassia did not bring the expected result. According to Charles King: “For all the desire of outsiders to present the Circassians as a nation-in-the-making, boundaries and territorial control remained blurry at best” [15]. The interest of British elites to the Circassian question was gradually fading and up to 60th the attempts to extend the Circassian resistance turned into “the work of private individuals like Urquhart, supported by a small number of wealthy backers in such centres of industry as Newcastle or Sheffield, and not the result of Government action” [16].

Although the project of creating a separate Circassian state under the protection of the Ottoman Empire or Britain was actively developed during the Crimean War, the Treaty of Paris of 1856, due to the position of France, did not include a mention of the independence of the Circassians. Petitions sent by the Circassians to Queen Victoria and Napoleon III in 1856, 1857 and 1861 did not receive any official support. The Circassian delegation of 1862 consisting of Hacı Hasan and Haydar Kustaroklu Ismail also could not influence the high society decision-making of Britain and France, and even failed to make summit meeting. However, it fulfilled the other function as through the active mediation of Urquhart “The arrival in England of the two deputies, the first time a delegation of such a nature had been seen in this country, created, indeed, something of a sensation. Throughout their tour of the midlands and north, which took them also into Scotland, they addressed, with the help of their interpreter, large and enthusiastic audiences attracted in large measure by the exotic figures of the two Circassians” [17].

1864, the year of the end of the Caucasian war, summed up the first period of the actualization of the Circassian question. Mass migration of the Circassians into the Ottoman Empire was carried out with the encouragement of Russia and Turkey [18], as well as Britain, assisting in the development of the resettlement plan [19]. The Circassian resistance in the Caucasus became impossible. Russian diplomacy made every effort to prohibit the settlement of Circassian immigrants in the vicinity of its borders, and to prevent their return to the Caucasus, taking into account their anti-Russian sentiments and participation in all actions of the Ottoman Empire directed against Russia [20; 21]. According to Borov, after the end of the Caucasian War “Circassians in the Russian and the Ottoman Empire had no real power and opportunities for active and mass struggle for their own interests, and political ‘national movement’ of the Circassians did not develop either in the one or the other Empire” [22].

Caucasian national movement during the First World War

The next period of the Circassian question actualization [23] was due to the global changes in the balance of geopolitical forces, that clearly demonstrated itself during the First World War. It should be noted that since the center of the Circassian resistance moved to Turkey, the Circassian problematics closely intertwined with the common Caucasian one. This trend entrenched itself due to the expansive understanding there of the ethnonym “Circassian” as a representative of any North Caucasian people.

By this time, the process of institutionalization of the Circassian national movement had already begun in the Ottoman Empire [24]. Naturally, Germany, to whom Turkey was an ally in the World War I, took advantage of the Circassian question to achieve its military and political objectives. Even before the formal entry of Turkey into the war in 1914, realizing the strategic importance of the Caucasus the German authorities through the ambassador in Istanbul H. Wangenheim promised the North Caucasian diaspora leaders – Circassian Müşir Fuad Paşa and Dagestani Muhammed Fazıl Paşa – material support and information assistance in the organization of anti-Russian actions in the Caucasus, and after the war – the recognition of the independence of the Caucasus confederated state. Germany had also nurtured plans for creation the Circassian Legion to use it in fighting in the Caucasus [25].

In 1915 under the leadership of Müşir Fuad Paşa and with the support of the Ottoman government the Committee for the Liberation of the Caucasus (*Kafkasya İstiklâl Komitesi*) was formed, aiming at the formation of the Caucasian Confederation – a voluntary union of the North Caucasus, Georgia, Azerbaijan and Armenia. In the same year the Committee sent a delegation [26] to Germany and Austro-Hungary, that voiced to the Foreign Affairs Ministers of the two states the requirements for independence of the Caucasus and the request for both moral and material support [27]. The opportunity to carry out agitation work among the North Caucasus emigrants in Germany and Austro-Hungary and in camps for Russian prisoners of war was given to the Committee. In 1916 the organization was renamed into the Committee of the North Caucasian political refugees in Turkey (*Türkiye'deki Şimali Kafkasya Siyasi Muhacirleri Komitesi*) and under this name participated in the Third Congress of the “Union of Nationalities” in Lausanne that had wide response [28]. The independent Caucasian state was represented at the conference by a Dagestani delegate Seyid Tahir El Husein and a Circassians delegate Ismail Bedanok, and at the same time, another Circassian delegate Aziz Meker met in Switzerland Vladimir Lenin to discuss the situation of non-Russian peoples of Russia [29].

In 1918 under the mediation of the Circassian diaspora leaders the first formal contacts of the Ottoman State first persons (Enver Pasha, Talaat Pasha and the sultan Mehmed V) with the representatives of the newly formed Mountainous Republic of the Northern Caucasus were established. The Delegation of the Republic declared the need for the separation of the North Caucasus from Russia and its entry into confederal union with the South Caucasus peoples under the Ottoman protectorate, and asked the Young Turks for military, economic and political support [30].

To mediate between the national movements of the North Caucasus on the one hand, and the Government of the Young Turks and the Ottoman society on the other, in Turkey the North Caucasian Association (*Şimali Kafkas Cemiyeti*) was created. The Association included representatives of the bureaucratic and military elite of the empire and was directly supervised and funded by the Young Turk leaders Enver Pasha and Talaat Pasha [31]. It is due to the efforts of the Association members that the Mountainous Republic of the Northern Caucasus was immediately recognised by the Young Turks just after the promulgation in Constantinople of the Declaration of the proclaimed state. The military aid commitments were backed by the Ottoman military activity in the Caucasus in 1918.

Mountainous Republic of the Northern Caucasus existed only a few years. After its defeat the Mountain government emigrated abroad and continued their activities promoting nationalist and anti-Russian ideas. The war loss withdrew Germany from the Great Game in the Caucasus, forcing to forget the Circassian question.

The "Circassian question": a new perspective

In Turkey all of the initiatives on the use of the Circassian national movement, came to an end with the formation of the national-oriented Republic of Turkey. When at the Lausanne Conference Lord Curzon raised the question of recognition of the Circassians as one of the national minorities, the chief negotiator of the Turkish delegation İsmet İnönü categorically rejected the proposal, saying: "The Circassians are our native brothers. We can not consider them distinctly from us as Christians and Jews, we can not separate them" [32].

Indeed, the new authorities had decided not to separate the Circassians from the Turks and chosen the assimilation policy, the ultimate goal of which was a creation of a monolithic Turkish nation. A series of drastic measures followed to establish linguistic and cultural hegemony of the Turks, identified with the Turkic ethnic group. All Circassian organizations and schools were closed, organizers and teachers were prosecuted, fourteen Circassian villages were subjected to forced relocations, and the Circassian students were being expelled from military schools because of a lack of belonging to the "Turkish race" [33]. An Abkhaz writer Ashanba Mehmet Fetkeri (Fetgerrey Şoenu) in his letter to the Grand National Assembly of Turkey about the mass deportations of the Circassians into Eastern Anatolia stated that their "only sin is Circassian blood, misconduct – upbringing in Circassian culture" [34].

The expression "traitor-Cherkessian" became widely used, referring to the personality of Çerkes Ethem – the head of the famous guerrilla movement Kuva-yi Seyyare, who slid into direct confrontation with the Grand National Assembly of Turkey. His name, along with another 86 Circassians, was included according to the Treaty of Lausanne in the list of the so-called "Hundredandfiftiers" (*Yüzellilikler*), who in 1924 were denied entry into the country (the ban lasted until 1938) [35].

In addition, the Circassians who turned to communist ideas, for example, the general secretary of the Communist Party of Turkey Ethem Nejat, were also persecuted. Ethem Nejat, along with his colleagues (among whom was the party chairman Mustafa Suphi), were killed while trying to escape from the country (the so-called "Slaughter of fifteen", *Onbeşlerin Katli* [36]). Final reprisal against the influential Circassian military and political leaders took place during the Izmir and Ankara trials in 1926 on the "Izmir attempted assassination" (*İzmir Suikastı*) of the national leader Mustafa Kemal Atatürk [37]. The Circassian question began to be understood as a particular fault of the Circassian people in support of reactionary forces (*irtica*) and resistance to the Turkish nationalism.

The defeat of the Circassian national movement in Turkey had led to the fact that the Circassian question for a long time disappeared from the international agenda. However, at the same time in the Soviet Union the other process began, creating the prerequisites for the revival of the Circassian national movement. The Soviet nation-building, that didn't receive wide coverage in the Circassian studies, provided all necessary conditions for the development of the Circassian languages, cultures and national identities. As noted by Zeynel Abidin Besleney, "except for the Kabardian Circassians, pre-1864 Circassian society did not have a long tradition of independent statehood, nor a standing army, nor any sizable urban centres, nor a native bourgeoisie or powerful national élites. In this sense, from a modernist point of view, the autonomous republics created by the Soviets in the 1920s for various Circassian communities (Adygheya for the Adygheys; Karachay-Cherkessia for the Cherkess; and Kabardino-Balkaria for the Kabardians) may well have been considered as a starting point of some kind of nationhood" [38].

The Cold War and the revival of the Circassian question

Once more the interest to the Circassian question arose on the international scene in the 50-s of the 20th century as a consequence of the beginning of the Cold War. In 1952 Turkey joined NATO, which largely contributed to the formation of politicized anti-Soviet movement among Circassian immigrants and their descendants in Turkey. This movement was institutionalized in the form of various Caucasian Associations since the establishment of the Circassian associations in Turkey remained under a ban [39]. The Circassian organizations began to appear in the West: firstly in the United States and Germany [40].

Numerous North Caucasus cultural organizations drew special attention of the international community not only to the culture and history of the Circassians, but also to the political and legal status of the Caucasian peoples. They required the separation of the Caucasus, forming the idea of forcible takeover of the Caucasus to the Russian Empire and later the Soviet Union, of the alleged feud between ethnic Russians and the Circassians. Their work was in demand in the conditions of the Cold War. For example, in 1976 the

North Caucasian problematics were raised in the session of the US Congress, where the speech of a Governor of New Jersey Brendan Byrne on the oppression of peoples of the North Caucasus took place in connection with “the 58th anniversary of the independence of the peoples of the North Caucasus” [41].

It should be mentioned that the international agenda had practically no effect on the Circassian peoples of the USSR, as the real contacts between the Circassians of the Northwest Caucasus and foreigners were limited by the Iron Curtain. Interaction was held as part of special programs and regulated in accordance with the priority goals and objectives of the Soviet Union. For this purpose, the Association for Relations with Compatriots Abroad “Rodina”, established in 1955, and Kabardino-Balkaria branch of the Soviet Committee for Cultural Relations with Compatriots Abroad, formed in 1966, were used. The Soviet public organizations, research institutions, the Ministry of Culture and Education, radio and television committees, universities and other organizations took part in this work [42].

The activity of these organizations was so effective that they not only became a source of knowledge about the achievements of the Circassian culture and the Circassian history in a positive way, but also successfully spread socialist ideas. Due to them strong leftist movement unfolded among the Circassians in Turkey.

Parade of Sovereignties, Circassian Genocide and Adyghe Civilization

The starting point of the next stage of actualization of the Circassian question can be shifted to the second half of the 1980-s. The reforms of “perestroika” and “glasnost” policies, carried out on the eve of the collapse of the Soviet Union and coupled with the weakening of the central government, led to a resurgence of ethnic nationalism. This was made possible due to the developing of local peoples’ national consciousness during the Soviet era.

In 1990, Boris Yeltsin, then a chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFS), made a statement: “Take as much sovereignty as you can swallow” [43], that sparked the so-called “parade of sovereignties” of the autonomous republics.

In 1989 in Sukhumi at the First Congress of the Peoples of the Caucasus, with the active participation of the Circassian peoples was created the Assembly of Mountain Peoples of the Caucasus. In 1990 at the Second Congress in Nalchik, it was announced that the Assembly was the successor of the Mountainous Republic of the Northern Caucasus. At the Third Congress in Sukhumi in 1991 the representatives of the twelve nations signed an agreement and adopted a declaration on the establishment of a sovereign nation-state formation – Confederation of Mountain Peoples of the Caucasus, into which the independent states of Kabarda and Adygheya were to enter. Characteristically, the representatives of the Caucasian Turkic peoples – the Karachai, the Balkars, the Nogais and the Kumyks – ignored this initiative.

In 1990 the sovereignty of Adyghe Autonomous Region was proclaimed, that turned into a republic within the RSFSR. In 1989-1991 the congresses of the peoples of Karachay-Cherkessia began to appeal to the government of the Russian Federation for the restoration or creation of separate autonomies. In 1990-1991 the Karachai, Cherkess, Abaza and Cossack republics were proclaimed. However the referendum of 1992 showed that the most of the population of Karachai-Cherkessia voted against the division. This led to the creation in the same year of a single Karachay-Cherkess Republic [44].

At the same time, the local authorities of Kabardino-Balkaria, Adygheya and Karachay-Cherkessia got actively involved into the politization of the Circassian question. They fixed the special status of the Circassian population in the republics and created the conditions for the gradual rapprochement of the republics with the Circassian population. A number of relevant laws, setting the Circassians in a privileged position in relation to other ethnic groups, were adopted by the local authorities. In 1992 the Supreme Council of the Kabardino-Balkar Autonomous Republic passed a special resolution, which recognized the “genocide of the Circassian people committed by the Russian invaders” during the Caucasian War [45].

In 1994 the Kabardino-Balkar Republic Parliament appealed to the Federation Council and the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation to “recognize the genocide of the Circassian (Adyghe) people, facilitate in every possible way obtaining by them the status of the exiled people, assist the descendants of the deported Circassians who wish to return to their historic homeland” [46]. In this regard, Yeltsin issued a “Message to the Peoples of the Caucasus”, which said: “At the moment when Russia is building a state of law and recognizes the priority of universal human values, there is a possibility of objective interpretation of the events of the Caucasian War as a courageous struggle of the peoples of the Caucasus not only for survival in their native land, but also for the preservation of indigenous culture, the best features of the national character” [47].

Two years later, in 1996, the State Council (Hase) of the Republic of Adygheya passed a resolution, which appealed to the State Duma of the Russian Federation with a proposal to recognize the genocide of the Adyghe (Circassian) people during the Caucasian War [48]. In 1997 the National Assembly of the Republic of Abkhazia “giving the historical, political and legal assessment of the fatal events of the 19th century for the Abkhazians (Abaza) people” recognized “mass extermination and expulsion of Abkhazians (Abaza) in the 19th century into the Ottoman Empire as genocide – the gravest crime against humanity” and qualified the “deported Abkhazians (Abaza) in the 19th century” as refugees [49].

In the second half of the 90-s the requirements of the Circassian national movement found support in the Unrepresented Nations and Peoples Organization (UNPO), that appealed in 1997 to the international community, the Russian President, the State Duma and the Government of the Russian Federation to

recognize the Circassian genocide that took place in the 19th century, and assign the Circassians a refugee status, affording them with a dual citizenship and providing the opportunity to return to their historical homeland [50].

In the same year on March 24 the issues of the Circassian peoples were first touched on by the General Secretary of the International Circassian Association (ICA) [51] Alexander Okhtov in the United Nations Commission on Human Rights, 53rd Session, in Geneva [52]. A year later, May 28 at the meeting of UN Working Group on Minorities a Special Representative of the ICA Teuvezh Kazanoko urged the international community to pay attention to the problem of the Circassian genocide and Russia's unwillingness to facilitate the return of Circassians to their historical homeland [53]. On July 28 the very he at a meeting of UN Working Group on Indigenous Populations asked to put pressure on Russia on these issues [54], and at the meeting of the Subcommission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities (UN Commission on Human Rights) in August once again attracted attention to the Circassians [55].

At this time Circassian diaspora in Turkey showed enormous activity [56]. Its influence on the Circassians in Russia resulted in the development of the unifying tendencies and formation of the All-Circassian identity among Russian Adyghe peoples. However, the Soviet peoples nationality division turned out to be very stable. Moreover, expansive understanding of the term "Circassian" accepted in the diaspora turned out to be objectively impossible in Caucasian realities.

Under these conditions an idea of special Circassian civilization emerged among the Russian Circassians. In 1998 in Nalchik Amur Shodievich Bakiyev defended a thesis titled "The Circassian civilization". The author pointed out the period from the 10th century B.C. to the second half of the 19th century (1864) as the time of formation and establishment of the Circassian civilization. He distinguished separately the period of pre-history, covering the 5th-1st Millennium B.C. [57]. After Bakiyev a number of authors appeared who defended similar messages, in particular, about the "Circassian island civilization" [58]. The development of these ideas let the Russian Circassians talk about their special role in the world historical process, maintain their autochthony in the Caucasus and justify claims for greater rights (including territorial), especially in relation to the "alien" Turkic peoples – Karachai and Balkars.

Olympic flame on the Circassian lands

New impetus of actualization of the Circassian question was given by the decision of the International Olympic Committee (IOC) in 2007 of holding the 2014 Winter Olympics in Sochi. If in the 90-s the tendency towards sovereignty and discourse about the genocide did not attract much attention of the Russian authorities, busy with solving more acute problems, in this period of time the Circassian question began to be perceived as a serious threat as it jeopardized Russia's image. As Petersson and Vamling pointed before the sport mega-event: "The Sochi Games are likely to be the occasion for the display of Russia as an indisputable great power, capable of organizing strong, secure and maybe even brilliantly staged Games. The Olympics will be intended to mark and symbolize the comeback of Russia at the supreme world stage, and underline the importance of the leadership of President Putin in this endeavor" [59].

It should be noted that the IOC decision was preceded by an open confrontation of the Circassian national movement and the Russian authorities in 2005-2006 on the issue of reintegration of the Republic of Adygeya into the Krasnodar Krai and the possible elimination of its status as a subject of the Russian Federation. Along with this, in the middle of the 2000s the first conflicts occurred, connected with the distribution of land between municipal units in Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia in accordance with the Federal Law №131 [60]. As a result of the conflicts the Circassian people "division" factor acquired a new spin [61].

The decision to hold the Olympic Games attracted the international attention to the already exacerbated Circassian question and gave the Circassians, as Lopes stated, a "golden opportunity to reshape its ethno-political agenda and to give a new impetus towards the realization of all its aspirations" [62]. At this stage, as a result of the efforts of activists of the Circassian national movement the Circassian question reduced to three requirements: "recognition of the genocide, unification of Circassian territories in the homeland [63], and repatriation of the expelled population" [64]. The special points of the Circassian question during that period were: non-admission of the 2014 Sochi Winter Olympic Games in the "Circassian land" on "the bones of our ancestors", granting the Syrian Circassians refugees, who found themselves in severe conditions due to the military conflict, the right to return to their historical homeland.

Such a global power like the USA and the local one as Georgia became the main actors of the Great Game in the strategically important region. The Circassian agenda was formed in the international arena by numerous Circassian organizations of the USA, Europe, Turkey and, to a lesser extent, Russia and the Middle East. They were trying to put pressure on the Russian authorities and the authorities of countries of residence in order to, first of all, achieve recognition of the genocide and create conditions for the resettlement of the Circassian diaspora into Russia. The organized by the Circassian national organizations wave of applications and requirements shifts the focus of public attention on the "Circassian genocide".

At this period appeared a significant number of Western (in rare cases Russian) scientific articles and journalistic pieces, reasoning the applicability of the term "genocide" to the Russian policy in the Caucasus in the 19th century. A lot of web-portals, broadcasting this position, arose in the Internet [65]. In social networks dozens of thematic groups, spreading calls for a boycott of the Olympics in Sochi, were being created [66], and the same tendency was observed in blogs [67]. According to Hansen, "Circassian civil society actors and

cyber-activists have not only been able to establish a counter-public sphere or develop a new space for action, but also increasingly have been able to move key issues from Circassian spheres into the wider public sphere of mainstream Russian media and politics" [68].

In 2006-2007 various international organizations openly involved into the activity of the Circassian question actualization, acting as initiators or sponsors of the public events. The locomotive of this course became the Jamestown Foundation (USA), which among others initiatives organized the well-known event of 2010 in Georgia "Hidden Nations, Enduring Crimes: The Circassians & the Peoples of the North Caucasus Between Past and Future". This conference, at which the official call for the Georgian authorities to recognize the Circassian genocide was announced, is considered to be the starting point of the so-called "war of conferences" – confrontation of interpretations of the history of the Circassians and Caucasus with the support of state structures of the leading actors (USA, Russia, Turkey, Georgia) [69].

The adoption by the Georgian Parliament of the Resolution on the recognition of the Circassian genocide in May, 2011 became a kind of watershed and transferred the Circassian question into a new dimension, legalizing it and at the same time radicalizing it. Furthermore, Georgia for some time became the main defender of the interests of the Circassians, providing the Circassian national movement with political and informational support [70].

However, the public interest to the Circassian question disappeared after the end of the Olympic Games. The analysis of the web-space in Russian, Circassian, Turkish, Arabic and English languages reveals that the Internet activity peak occurred in 2010-2012, and reduced to minimum in 2104. For example, in the English language segment only one-third of the total number of sources on Circassian problematics remained functioning. Even so, the demands on the official recognition of the Circassian genocide remained as the core theme [71].

Conclusion

The stages of development of the Circassian question and the transformation of its perception clearly show the certain constants in the international position on the Russian presence in the Caucasus. Coming out of thin air two centuries ago, the Circassian question was repeatedly actualized in connection with geopolitical turbulence, provoking crises in international relations. Becoming a tool for political pressure in the struggle for dominance in the strategically important region, the Circassian question promptly withdrew into the shadows at the stabilization of the situation.

At present the initiative in the actualization of the Circassian question goes on to the numerous associations (especially in the Circassian diaspora), supported by relevant actors. Their interaction with the main international non-governmental organizations and structures becomes a way to influence decision-making at the governmental level. The main platform for the actualization is virtual reality, into which the political activity center shifts.

It should be noted that the implementation of all requirements of the Circassian question in its modern interpretation will inevitably lead to conflicts, connected with land redistribution. The tension will increase between Adyghe and Turkic population of the region. Given that the land issue today has no solution, acceptable to the population of Karachay-Cherkessia and Kabardino-Balkaria, it can be assumed that such a confrontation could go into a phase of open conflict, as already happened in 2006. In turn, the aggravation of inter-ethnic relations in such a multiethnic region as Caucasus may lead to a series of tragic consequences. As one of the leading experts on the Circassians Stephen Shenfield noted: "My 'gut reaction' to this is that the world does not need yet another nationalist movement, yet another ethno-national state. Especially in areas of high inter-ethnic tension like the Caucasus, such state-building projects inevitably entail more ethnic cleansing, more injustice and bitterness, more bloodshed" [72].

To prevent this negative scenario the scientific community should consolidate efforts for objective and unbiased study of the Circassian history and modernity. The excessive politicization of the Circassian nation-building project as a part of a larger geopolitical game is not conducive to peace and stability in the Caucasus.

Acknowledgments

This publication was made possible by funding from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, research work "Factors and Mechanisms of Destabilization of the Situation in the North Caucasus: Islamism, Nationalism and Regionalism".

References:

1. King C. Imagining Circassia: David Urquhart and the Making of North Caucasus Nationalism // *The Russian Review*. Apr. 2007. Vol. 66, №2. Pp. 238-255. Quotation p. 244.
2. See, for example, the works of Sergey Markedonov.
3. Petersson B. Display Window or Tripwire? The Sochi Winter Games, the Russian Great Power Ideal and the Legitimacy of Vladimir Putin / B. Petersson, K. Vamling // *Euxeinos. Sochi and the 2014 Olympics: Game over?* / Ed. by M. Müller. 2013. №12. Pp. 5-14. Quotation p. 9.
4. See, for example, the works of Igor P. Dobaev, Victor V. Chernous, Sergei I. Syshiy.

5. From the recent works see: Borov A. Kh. "Circassian question" as a historical-political phenomenon. Nalchik: PH KBSC, RAS, 2012. 60 p. (In Russian: Боров А.Х. «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2012. 60 с.).
6. Lamb M. The Making of a Russophobe: David Urquhart: The Formative Years, 1825-1835 // *The International History Review*. Jul., 1981. Vol. 3, №3. Pp. 330-357. Quotation p. 332.
7. Kutolowski J. Polish Exiles and British Public Opinion: A Case Study of 1861-62 // *Canadian Slavonic Papers*. Mar. 1979. Vol. 21, №1. Pp. 45-65. Quotation p. 56.
8. It is also interesting that Urquhart in 1863 changed the flag, making it common for the Circassians, the Dagestani and the Georgians (The expedition of the Chesapeak to Circassia. L., 1864. Quotation p. 18).
9. Brock P. The Fall of Circassia: A Study in Private Diplomacy // *The English Historical Review*. Jul. 1956. Vol. 71, №280. Pp. 401-427. Quotation p. 413.
10. See details: Brock. Op. cit.; Kutolowski J. English Radicals and the Polish Insurrection of 1863-4 // *The Polish Review*. Sum. 1966. Vol. 11, №3. Pp. 3-28.
11. The first attempt with the Vixen schooner resulted in the removal of Urquhart from diplomatic work.
12. See: Cheucheva A.K. The main directions of the foreign policy of Great Britain in the North-West Caucasus in the 50-60-s of the 19th century // *Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. 2012. №2. P. 34-45 (In Russian: Чеучева А.К. Основные направления внешней политики Великобритании на Северо-Западном Кавказе в 50-60-х гг. XIX в. // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2012. №2. С. 34-45).
13. See: James Bell, John Augustus Longworth, Stewart Erskine Rolland.
14. Manning P. Just like England: On the Liberal Institutions of the Circassians // *Comparative Studies in Society and History*. 2009. Vol. 51, №3. Pp. 590-618. Quotation p. 595.
15. King. Op. cit. Quotation p. 250.
16. Brock. Op. cit. Quotation p. 426.
17. Ibid. Quotation p. 410.
18. The flow of Muslims from the North Caucasus had to hold together parts of the disintegrating Ottoman Empire. With the help of immigrants it was planned to change the ethnic and religious situation in the areas with the Christian population, suppress the national liberation movement of Christians in the Balkans and the Arab provinces (Syria, Lebanon, Palestine), fill the shortage of workers in Asia Minor, increase the combat capability of the Ottoman army, pacify the Kurds, the Druses, the Armenians and nomads. See: Ivanova V.V. Disassimilative processes and the construction of the "Circassian diaspora" in modern Turkey // Priority measures to counter the use of the so-called "Circassian question" in an escalation of tension, extremism and terrorism in the North Caucasus. Moscow: Publishing Center of RSU of Oil and Gas named after I.M. Gubkin, 2013. Pp. 14-22. (In Russian: Иванова В.В. Дезассимиляционные процессы и конструирование «черкесской диаспоры» в современной Турции // *Первоочередные меры по противодействию использованию т.н. «черкесского вопроса» в эскалации напряженности, экстремизма и терроризма на Северном Кавказе*. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, 2013. С. 14-22).
19. Allen IV. E. D. *Kafkas Harekatı. 1828 – 1921 Türk-Kafkas sınırlarındaki harplerin tarihi* / E. D. Allen IV, P. Muratoff. Ankara: Genelkurmay Basımevi, 1966. 525 p. Quotation p. 17.
20. Tymoshenko E.N. Migration of peoples of the Northwest Caucasus to the Ottoman Empire in the second half of the XIX century. : Author. diss. ...Cand. hist. Sciences. St. Petersburg, 2008. 24 p. Quotation p. 16. (In Russian: Тимошенко Е.Н. Миграция народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2008. 24 с.).
21. Berzeg S.E. *Osmanlı-Rus Savaşında Kuzey Kafkasya ve Sürgündeki Kafkasyalılar* // *Kafkasya Gerçeği*. 1990. №1. Pp. 3-23.
22. Borov. Op. cit. Quotation p. 13.
23. For details, see: Chochiev G.V. Caucasian orientation in political activities of the representatives of the North Caucasian diaspora in Turkey during the First World War // *The Vladikavkaz Management Institute Bulletin*. 2005. №15. Pp. 5-31. (In Russian: Чочиев Г.В. Кавказская ориентация в политической деятельности представителей северокавказской диаспоры в Турции в период Первой мировой войны // *Бюллетень Владикавказского института управления*. 2005. №15. С. 5-31).
24. Aksoy E.Z. *Çerkes Teavün Cemiyeti* // *Toplumsal Tarih*. Eyl. 2003. №117. Pp. 100-101.
25. Zürrer W. *Avrupa Gözüyle Çerkesler (Anı-İnceleme)* / W. Zürrer, B. Özbek et al. Ankara: Kafdağı Yayınları, 1997. 183 p. Quotation pp. 69-71, 96.
26. The delegation consisted of the Circassians Fuad Pasha and Aziz Bey, the Dagestani Isa Ruhi Pasha, the Georgians George Machabeli and Kamil Bey Togiridze, the Azerbaijani Selim Bey Behbutov (Behbut-zade).
27. Turan M.A. "Kafkasya Komitesi" ve "Türkiye'deki Kuzey Kafkasya Siyasi Göçmenleri Komitesi" Üzerine Bazı Kaynaklar. Gotthard Jäschke'nin Bir Makalesi // *Tarih ve Toplum*. 1997. №165. Pp. 13-21. Quotation pp. 14-15.

28. Jäschke G. 1916 Lozan Kongresi'nde Rusya Mahkumu Milletler // Tarih ve Toplum. 1997. №165. S.17-18.
29. Ibid. Quotation pp. 15-16.
30. Bal H. Kuzey Kafkasya'nın İstiklali ve Türkiye'nin Askeri Yardımı // Kafkas Araştırmaları. İstanbul, 1997. №3. Pp.43-46.
31. Butbay M. Kafkasya Hatıraları. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1990. 138 p. Quotation pp. 1-2.
32. Güsar V. Çerkez Kadınları Teavün Cemiyeti // Kafkasya Dergisi. 1975. №48. Pp. 21-26. Quotation pp. 24-25.
33. Ibid, Quotation p. 26.
34. Şoenu M. F. Çerkes Meselesi. İstanbul: Bedir Yayınları, 1993. 84 p.
35. Bingöl S. 150'likler Meselesi. Bir İhanetin Anatomisi. İstanbul: Bengi Kitap Yayın, 2010. 328 p.; Kutay C. Yüzellilikler Faciası. İstanbul: Tarih Kütüphanesi Yayınları, 1955. 93 p.
36. Tunçay M. Türkiye'de Sol Akımlar (1908-1925). Ankara: Sevinç Matbaası, 1967. 218 p. This event left an indelible mark in the historical memory of the Turkey's left movement. For example, the famous Turkish poet and writer Nâzım Hikmet, adhere to communist views, dedicated four poems to this event: "For fifteen" (*Onbeşler için*, 1922), "28 January" (*28 Kanunisani*, 1923), "My heart" (*Kalbim*, 1925) , "Epitaph for fifteen" (*Onbeşlerin Kitabesi*, 1925) and described it in his novel "Life's Good, Brother" (*Yaşamak Güzel Şey Be Kardeşim*, 1962).
37. Yağan A., Serbes N. Tarihteki Hain Çerkesler. Ankara: Phoenix Yayınevi, 2010. 207 p.
38. Besleney Z.A. The Circassian Diaspora in Turkey: A Political History. London: Routledge, 2014. 224 p. Quotation p. 11.
39. For example, in 1951 in Istanbul appeared the North Caucasus Association of Turkic culture and assistance (*Kuzey Kafkasyalılar Türk Kültür ve Yardım Derneği, KKTKYD*). Among the organizers of the Association were the leaders of the Mountain Republic: Prime Minister in 1918-1919 – the Kabardian Pshemakho Kotsev, Finance Minister – the Ingush Wassan Giray Dzhabagiev, Justice Minister – the Adyghe Aitek Namitokov, the grandson of Imam Shamil the Avar Said Shamil. The Association was noted for its strongly marked nationalist and anti-communist stance. It advocated a unified and independent Caucasus, cooperated with the Turkish nationalists and Pan-Turkists.
40. In 1952 in the United States the Circassian Benevolent Association was opened. In 1968 in Munich the Circassians create the first Caucasian cultural association (*Kaukasische Kulturverein*). In 1974 the first Circassian Association (*Tscherkessische Kulturverein*) was found in Schwelm.
41. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 94th Congress, Second Session. Vol.122, P.11. 11 May 1976. Washington: United States gov. print.office, 1976. Pp. 13473, 13897.
42. Maksidova D.F. From the history of cooperation of Kabardino-Balkaria branch of the Society "Homeland" with the Circassian charities of Syria and Jordan (1966-1996) // The history of science and technology. Moscow: Publisher "NAUCHTEKHLITIZDAT", 2009. №6. Pp. 58-64. (In Russian: Максидова Д.Ф. Из истории сотрудничества Кабардино-Балкарского отделения Общества «Родина» с Черкесскими благотворительными обществами Сирии и Иордании (1966-1996 гг.) // История науки и техники. М.: Издательство «Научтехлитиздат», 2009. №6. С. 58-64).
43. News (In Russian: Известия). 08.08.1990.
44. July 25, 1997 in Nalchik, an agreement on the formation of the Inter-Parliamentary Council of the Republic of Adygheya, Kabardino-Balkar and Karachay-Cherkess Republics was signed (disbanded in 2009), which to some extent institutionalized and symbolized the idea of unification of the Circassians, the Adyghe and the Kabardians.
45. The resolution of the Supreme Council of KBSSR of 07.02.1992 N 977-XII-B "On condemnation of genocide of the Adyghe (Circassians) in the years of the Russo-Caucasian war".
46. The Circassian abroad (In Russian: Черкесское зарубежье). May 1994.
47. The address of the President of the Russian Federation Boris Yeltsin to the peoples of the Caucasus. May 18, 1994.
48. The Resolution of the State Council of the Republic of Adygheya on April 29, 1996 N 64-1 "On appeal to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation".
49. "On the act of deportation of Abkhazians (Abaza) in the 19th century" Resolution of the National Assembly – Parliament of the Republic of Abkhazia, Sukhum. October 15, 1997 // "Republic of Abkhazia" Newspaper (In Russian: Республика Абхазия). 5-6 November 1997. №109.
50. Resolution of the Fifth General Assembly of the Unrepresented Nations and Peoples Organization (UNPO). Otepää, 15-19 July 1997. General Assembly Resolution on the Situation of the Circassian Nation. The resolution was drafted and adopted in 1996 at the UNPO International Conference "Small Nations of Eastern Europe in the End of the Second Millennium – Possibilities of Real Democracy in that Region" and UNPO Regional Meeting (October 15, 1996, Estonia, Pühajärve). Draft of a letter on behalf of the General Secretary of the UNPO Michael van Walt van Praag to Boris Yeltsin was prepared by ICA and approved by the leading Circassian associations of Holland and Germany.
51. The decision to create ICA with headquarters in Nalchik was announced at the I World (international) Circassian Congress, May 19-21, 1991 in Nalchik. The decision itself was taken a year earlier at

the conference of the Circassian organizations, held with the active participation of the Circassian cultural centers of Holland and FRG in the Netherlands. In 1994 the ICA became a member of the UNPO.

52. Press Release HR/CN/777, 31 March 1997.

53. E / CN.4 / Sub.2 / 1998/18 dated 6 July 1998.

54. Report on the 16th session of the Working Group on Indigenous Populations (published by UNPO: <http://www.unpo.org/article/207>).

55. HR/SC/98/26, 21 August 1998.

56. In 1989, after almost ten-year break in the work the North Caucasian Cultural Association (*Kuzey Kafkasya Kültür Derneği*) resumed its activity in Turkey. In 1991, fourteen North Caucasus cultural associations formed Coordinating Council of Caucasian Associations (*Kafkas Dernekleri Koordinasyon Kurulu, KAF-KUR*). In 1993 it was decided to create a single Caucasian Association (*Kafkas Derneği, KAF-DER*) from 21 organizations (later 35).

57. Bakiyev A.Sh. Circassian civilization: dis. ... Cand. hist. Sciences: 07.00.07. Nalchik, 1998. 297 p. (In Russian: Бакиев А.Ш. Адыгская цивилизация: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Нальчик, 1998. 297 с.).

58. Agrba B.S., Khotko S.Kh. The "Island" Circassian civilization. Features of historical and cultural identity of the country of the Circassians. Maikop: GURIPP "Adygea", 2004. 48 p. (In Russian: Арба Б.С., Хотко С.Х. «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко-культурной самобытности страны адыгов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. 48 с.).

59. Petersson, Vamling. Op. cit. Quotation p. 11.

60. "Concerning the General Principles of the Organization of Local Government in the Russian Federation". 06.10.2003.

61. When in 2010 the North Caucasian Federal District was created, as a result of which Adygeya remained a part of the Southern Federal District, in the media again a series of publications on the ongoing official policy of "artificial division of the one people" arose.

62. Lopes T.F. End Game or New Game to the Circassian Ethnonational Agenda? [Electronic resource] // Strategic Outlook. URL: www.strategicoutlook.org/caucasus/news-end-game-or-new-game-to-the-circassian-ethnonational-agenda.html (accessed: 10.01.2015).

63. Here the spectrum of requirements of the Circassian activists extends from the "creating the Great Cherkessia" up to expanding the sovereignty of republics with the Circassian population within the Russian Federation.

64. Zhemukhov S. The birth of modern Circassian nationalism // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2012. Vol. 40, №4. Pp. 503-524. Quotation p. 505. For the definitions of the Circassian question by Russian researchers see: Borov. Op. Cit.

65. See: www.hekupsa.com, www.nosochi2014.com, www.circassiangenocide.com, www.circassian-genocide.info, www.may21.org and many others.

66. Such as: www.facebook.com/NoSochi2014, www.facebook.com/NoSochiOlympics2014, www.facebook.com/May21org, www.facebook.com/WalterRichmondTheCircassianGenocide, and many others.

67. Tsybenko S.N. The perception of the Caucasian war of the 19th century and its results in social networks // Humanities and Social Sciences. 2014. №5. Pp. 290-299. (In Russian: Цибенко С.Н. Восприятие Кавказской войны XIX века и ее итогов в социальных сетях // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №5. С. 290-299).

68. Hansen L.F. Renewed Circassian Mobilization in the North Caucasus. 20-years after the Fall of the Soviet Union // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2012. Vol. 11, №2. P. 103-135. Quotation p. 103.

69. For details see: Tsibenko V.V. "The War of Conferences" in Russia and Turkey: the Circassian Dimension // Asian Social Science. Canadian Center of Science and Education. 2015 [In print].

70. In particular, July 30, 2011 the government of Georgia made a decision on the construction of a memorial to victims of the Circassian genocide that has important symbolic significance. Six months later on the 16th of February, 2012, in Tbilisi under the auspices of the Ministry of Culture of Georgia the Circassian Cultural Center was opened.

71. Tsibenko V.V., Tsibenko S.N. Circassian Web Resources: Structural Features, Dynamics of Development, Content Aspects // Scientific Thought of the Caucasus. №2. 2015 [In print]. (In Russian: Цибенко В.В., Цибенко С.Н. Черкесские веб-ресурсы: структурные особенности, динамика развития, содержательные аспекты // Научная мысль Кавказа. №2. 2015).

72. Shenfield S. Prospects and Dangers of Circassian Nationalism [Electronic resource] // Johnson's Russia List. Research and Analytical Supplement. Special Issue: the Circassians. May 2008. № 42. URL:<http://stephenshenfield.net/archives/research-jrl/96-special-issue-no-42-may-2008-the-circassians> (accessed: 10.01.2015).

Черкесский вопрос: трансформация содержания и восприятия

¹ Вероника Витальевна Цибенко

² Сергей Николаевич Цибенко

¹ Южный федеральный университет, Российская Федерация

Кандидат исторических наук

E-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

² Южный федеральный университет, Российская Федерация

E-mail: tsibenko@sfedu.ru

Аннотация. Обсуждение в публичном пространстве различных аспектов черкесской (адыгской) проблематики и так называемого черкесского вопроса стало крайне актуально в середине 2000-х гг. в связи таким знаковым событием как Олимпиада 2014 г. в г. Сочи. В российской исследовательской среде превалирует мнение о том, что сам черкесский вопрос не существует вне олимпийской повестки дня.

Авторы данной статьи возражают против привязки черкесского вопроса исключительно к Олимпиаде и рассматривают черкесский вопрос в широком историко-культурном контексте, прослеживая трансформацию его содержания и восприятия мировым сообществом. В статье дается ретроспективная картина развития черкесского вопроса в привязке к месту, времени и процессам как локального, так и глобального значения, выявляются факторы, повлиявшие на освещение черкесского вопроса в том или ином ключе и основные акторы, определяющие формирование общественного мнения.

Авторы выделяют основные исторические этапы развития движения, дают развернутую характеристику каждому из них, вскрывают основные закономерности и отличительные особенности, выделяют актуальные вопросы черкесов в России и диаспоре. В статье приведено большое количество данных о черкесских организациях, их обращениях в адрес правительственных и международных организаций.

В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу, что резкий рост актуальности черкесской проблематики после 2007 года обусловлен не столько объективными внутренними процессами развития черкесского национального движения, сколько внешнеполитическими факторами, а восприятие черкесского вопроса на международной арене имеет историческую заданность.

Ключевые слова: черкесы; адыги; черкесская диаспора; черкесское национальное движение; черкесский вопрос; Кавказ.